GNOSIS
10017110642

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

ВЪ РОССІИ

ВЪ XIX СТОЛѢТІИ

RASMUSON LIBRARY
UNIVERSITY OF ALASKA-FAIRBANKS

B. TITLINOV

DUKHOVNAIA SHKOLA V ROSSII V XIX STOLETII

(Ecclesiastical schools in Russia during the nineteenth century)

Vilna 1908-1909

With an introduction by
Dr. G. Florovsky

Volume II

LC
951
07
T5
1970
v.2

1970
GREGG INTERNATIONAL PUBLISHERS LIMITED ENGLAND

Б. В. Титлиновъ.

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

ВЪ РОССІИ

ВЪ XIX СТОЛѢТІИ.

ВЫПУСКЪ ВТОРОЙ.

(Протасовская эпоха и реформы 60-хъ годовъ).

ВИЛЬНА.
Типографія «Артель Печатнаго Дѣла», Виленская, 25. Телеф. № 199.
1909.

© Editorial matter Gregg International Publishers Limited 1970

All Rights Reserved. No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording or otherwise without the prior permission of Gregg International Publishers Limited.

Complete set - S.B.N. - 0.576.99175.9
This volume - S.B.N. - 0.576.99805.2

Republished in 1970 by Gregg International Publishers Limited
Westmead, Farnborough, Hants., England

Printed in Offset by Kingprint Limited
Teddington, Middx., England.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА I.—**Протасовскія преобразованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ**. Преобразованіе семинарскаго курса (с. 4 — 25). Измѣненія въ академическомъ курсѣ (с. 25—35). Преобразованіе низшихъ училищъ (с. 35—47). Общія условія учебнаго дѣла (с. 47—64) . . . . 1—64.

ГЛАВА II.—**Состояніе учебнаго дѣла въ духовной школѣ въ Протасовскую эпоху**. Общій ходъ развитія учебнаго дѣла (с. 65—80). Академическое образованіе (с. 80—93). Семинарское образованіе (с. 93—139). Училищное образованіе (с. 139—150) . . . . 65—150.

ГЛАВА III. — **Административный строй духовной школы въ Протасовскую эпоху** . . . . 151—172.

ГЛАВА IV.—**Духовно-школьное воспитаніе въ Протасовскій періодъ** . . . . 173—192.

ГЛАВА V. — **Экономическое положеніе духовно-учебныхъ заведеній въ 1840—1860-хъ гг.** . . . . . . 193—229.

ГЛАВА VI. — **Духовно-учебныя реформы 60-хъ годовъ**. Вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній въ концѣ 50-хъ — началѣ 60-хъ годовъ. Комитетъ преосв. Димитрія (с. 230—281). Переходный періодъ (1862—1866 гг.) въ жизни духовной школы и временные опыты преобразованій (с. 282—300). Комитетъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній 66 — 67 гг. (с. 300 — 374). Академическая реформа 1869 г. (с. 374—420) . . . . 230—421.

Примѣч. автора. Архивныя дѣла Духовно-Учебнаго Управленія, цитуемыя въ настоящей книгѣ, принадлежатъ къ 1-му столу 1-го отдѣленія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Протасовскія преобразованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Эпоха со второй половины 30-хъ годовъ до второй половины годовъ 50-хъ XIX вѣка въ области церковнаго управленія справедливо носитъ названіе Протасовской эпохи. Тогдашній оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ давалъ направленіе всѣмъ церковнымъ дѣламъ и распоряжался въ Синодѣ, какъ въ своей собственной канцеляріи. Духовные члены Синода принуждены были покорно исполнять желанія оберъ-прокурора и въ своихъ рѣшеніяхъ руководиться не своими, а оберъ-прокурорскими взглядами. Обезличеніе власти іерархической предъ властью оберъ-прокурорской было тогда такъ велико, что современники сравнивали положеніе Синода съ положеніемъ осажденныхъ непріятелемъ и втихомолку говорили о „страданіяхъ церкви", какъ въ худшія времена XVIII вѣка [1]).

Отличительную черту Протасовскаго времени и Протасовской системы составляетъ между прочимъ то обстоятельство, что управленіе церковными дѣлами сосредоточивалось въ рукахъ людей, весьма мало компетентныхъ въ этой области. Самъ сдѣлавши свою карьеру главнымъ образомъ благодаря родственнымъ связямъ и искусству отличнаго танцора [2]) и будучи призванъ къ оберъ-прокурорскому посту почти прямо отъ занятій гусарскаго полковника, по случайному недоразу-

---

[1]) Характеристику оберъ-прокурорства гр. Протасова можно читать у В. Ѳ. Благовидова. „Оберъ-Прокуроры Св. Синода въ XVIII и въ первой половинѣ XIX стол." О протасовскомъ всевластіи и его некорректно-властномъ обращеніи съ синодскими членами см. Приб. къ Тв. Св. О. 1883 г. кн. I. стр. 239, 255 (письма преосв. Филарета черниг. къ А. В. Горскому), Истор. Вѣстн. 1882 г. ноябрь, стр. 398—408 (ст. Н. С. Лѣскова „Синодальныя персоны"), Русск. Стар. 1885 г., окт., дек. (статья „Филаретъ Дроздовъ, м. московскій"), у Чистовича, „Руководящіе дѣятели дух. просв.", прибавленія.

[2]) Ист. Вѣстн. 1882 г. № 11, стр. 382.

мѣнію, гр. Протасовъ не умѣлъ, а быть можетъ и не могъ избрать себѣ такихъ помощниковъ, которые могли бы дѣйствительнымъ опытомъ и знаніями восполнить недостатокъ компетентности въ дѣлахъ церкви самого оберъ-прокурора. Онъ окружилъ себя сотрудниками или изъ свѣтскихъ чиновниковъ, знанія которыхъ не простирались далѣе канцелярскаго дѣлопроизводства, или изъ такихъ духовныхъ лицъ, которыя не имѣли ровно никакихъ данныхъ для успѣшнаго выполненія возлагавшихся на нихъ важныхъ порученій. Такъ, правою рукой графа по Духовно-Учебному Управленію былъ директоръ этого учрежденія А. И. Карасевскій, человѣкъ безъ всякихъ педагогическихъ и ученыхъ заслугъ и знавшій учебное дѣло только по канцелярскимъ бумагамъ. По синодальной канцеляріи помощникомъ графа былъ А. И. Войцеховичъ, а по канцеляріи оберъ-прокурорской—К. С. Сербиновичъ. Оба эти лица были типичными чиновниками—карьеристами, всю жизнь проведшими въ канцеляріяхъ, и не отличались никакими талантами [1]); а между тѣмъ они ворочали всѣми синодскими дѣлами. Изъ духовныхъ лицъ гр. Протасовъ любилъ прибѣгать, по вопросамъ преимущественно учебнымъ, къ разнымъ архимандритамъ, избѣгая высшей іерархіи. Но эти совѣтники были или чисто случайные или совершенно неудачные. Такъ, напримѣръ, главнымъ совѣтникомъ графа по учебнымъ преобразованіямъ 40-хъ гг. былъ архим. Аѳанасій Дроздовъ, сдѣланный ректоромъ спб. академіи, но, по разсказамъ сослуживцевъ, не могшій не только читать лекцій, а даже и написать проповѣди [2]).

Всевластіе оберъ-прокурора съ одной стороны, и недостаточная освѣдомленность его въ церковныхъ дѣлахъ, при неудачномъ выборѣ помощниковъ, съ другой стороны, дѣлали протасовскую эпоху самымъ неблагопріятнымъ временемъ для какой бы то ни было созидательной работы въ духовной сферѣ. Все, что могло выйти изъ рукъ дѣятелей протасовской формаціи, необходимо должно было отразить на себѣ всѣ дефекты духовно-правительственной системы. Поэтому для блага церковнаго было бы самое лучшее, если бы оберъ-прокурорство гр. Протасова не задавалось никакими новыми планами и проэктами, а ограничилось бы одной охранительной ролью по

---

[1]) См. объ нихъ у Чистовича, Рук. дѣятели, прибавл. I.

[2]) Приб. къ Тв. Св. О. 1884 г. IV, ст. 344.

отношенію къ старымъ традиціямъ, за исключеніемъ развѣ лишь области экономической, которая была болѣе или менѣе доступна компетенціи оберъ-прокурора. Но гр. Протасовъ отнюдь не склоненъ былъ къ бездѣятельной роли въ синодальномъ управленіи. Протасовская эпоха—эпоха преобразованій въ одной изъ важнѣйшихъ отраслей церковной жизни—въ области духовнаго образованія. Съ именемъ гр. Протасова связывается цѣлой періодъ жизни нашей духовной школы, и періодъ, весьма недоброй памяти. Послѣднее вполнѣ естественно, разъ преобразовательная миссія выпала на долю людей, для такой миссіи не пригодныхъ. Протасовскія реформы — одна изъ поучительнѣйшихъ страницъ исторіи нашей духовной школы, наглядно доказывающихъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ приводитъ въ школьномъ дѣлѣ господство личныхъ взглядовъ и случайныхъ вліяній, лишенныхъ разумной системы и обоснованныхъ принциповъ.

Когда гр. Протасовъ вступилъ въ управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ дѣйствовали уставы 1814 года, созданные въ лучшую пору Александровскаго царствованія. По этимъ уставамъ духовное образованіе носило классической характеръ, заимствованный, отчасти съ запада, отчасти отъ старыхъ школьныхъ традицій XVIII вѣка, когда духовная наука не знала другого языка, кромѣ латинскаго. Классическіе языки, по уставамъ 1814 года, занимали въ духовно-школьномъ курсѣ доминирующее мѣсто. Въ курсѣ уѣздныхъ училищъ на латинскій и греческій языки назначалось 36 часовъ, въ курсѣ семинарскомъ на греческій языкъ полагалось то-же 36 часовъ, а языкъ латинскій былъ языкомъ преподаванія; въ академіяхъ на греческій языкъ назначалось 16 часовъ, а латынь была такъ же языкомъ преподаванія, какъ и въ семинаріяхъ. Ни одинъ предметъ духовно-школьнаго курса, даже все богословіе вмѣстѣ взятое, не имѣлъ тогда столько учебнаго времени, какъ древніе языки. Но ставя классицизмъ во главу образованія и принимая, стало-быть, и всѣ принципіальные недостатки классицизма, уставы 1814 года, надо отдать имъ справедливость, организовали духовное образованіе весьма умѣло и разумно. Они не наполняли учебныхъ курсовъ массой предметовъ, а вводили сравнительно немногія, но строго выбранныя и согласованныя съ общею цѣлью школы науки. Катихизисъ, св. исторія, церковный уставъ, ариѳметика, географія и языки русскій, латинскій и греческій составляли

все содержаніе курса уѣздныхъ училищъ. Словесность, гражданская исторія, философія, математика, богословіе, церковная исторія и языки греческій, еврейскій и новые составляли весь курсъ семинарій, при чемъ шли, не смѣшиваясь другъ съ другомъ, не раздѣляясь на части, а въ естественной комбинаціи и послѣдовательности. Каждое семинарское двухгодичное отдѣленіе заключало въ себѣ одинъ предметъ главный и одинъ вспомогательный, и только языки, по самому характеру ихъ изученія, проходили по всему курсу. Отсутствіе многопредметности, стройность и систематичность, составляли отличительную черту и академическаго образованія, которое только философію, словесность и богословіе, съ присоединеніемъ греческаго, еврейскаго и одного изъ новыхъ языковъ дѣлало общеобязательными предметами, а исторію и математику отдавало на выборъ студентовъ. Стройная система и разумное распредѣленіе наукъ придавали духовному образованію того времени замѣчательную цѣлостность, которая вполнѣ могла искупить недостатки самаго классическаго принципа.

Къ несчастью для духовной школы, гр. Протасовъ явился къ оберъ-прокурорскому посту съ своими собственными взглядами на духовное образованіе, которые были совершенно противоположны старымъ школьнымъ традиціямъ. Вмѣсто прежняго классическаго характера, имѣющаго въ виду преимущественно общее формальное развитіе учащихся, гр. Протасовъ хотѣлъ придать курсу духовныхъ школъ характеръ реальный, преслѣдующій главнымъ образомъ утилитарныя цѣли. И этотъ принципъ, конечно, имѣетъ за себя весьма серьезные доводы. Въ наше время, напримѣръ, можно считать, что споръ классицизма съ реализмомъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго. Но реальный принципъ можетъ принести свои благіе плоды, какъ и всякій другой принципъ, только тогда, когда онъ будетъ проведенъ разумно и послѣдовательно, когда онъ проникаетъ весь строй образованія, что мы видимъ, напримѣръ, въ современныхъ реальныхъ школахъ. Когда же этого нѣтъ, то получаются лишь весьма вредные для школы эксперименты. Такимъ именно экспериментомъ являются Протасовскія духовно-школьныя реформы.

Преобразованіе семинарскаго курса.

Основнымъ взглядомъ гр. Протасова на духовное образованіе былъ тотъ взглядъ, что образованіе это надобно возможно

болѣе приспособить къ потребностямъ сельскаго быта, такъ какъ изъ духовныхъ училищъ выходитъ главнымъ образомъ сельское духовенство. При этомъ потребности сельскаго быта графъ понималъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Священникъ, по его мнѣнію, во-первыхъ, долженъ быть пастыремъ духовнымъ, близкимъ къ народу и понятнымъ для него; но, во-вторыхъ, онъ долженъ быть и наставникомъ поселянина въ его дѣлахъ житейскихъ, быть врачемъ, образцовымъ хозяиномъ-агрономомъ [1]). Откуда графъ проникся подобными взглядами — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ его вдохновило не изученіе вопроса въ его исторіи или иностранныхъ образцахъ, потому что никогда и нигдѣ еще не замышляли въ одномъ лицѣ соединить столько разнообразныхъ профессій. Надо полагать, дѣло просто объяснялось тѣмъ, что графъ не отдавалъ себѣ и самъ отчета въ своихъ взглядахъ, а лишь съ военной безапелляціонностью рѣшилъ, что хорошо бы было „приспособить“ духовенство къ исполненію обязанностей врача и агронома, и, не задумываясь, принялся „приспособлять“. По крайней мѣрѣ иного объясненія невозможно дать протасовскимъ преобразованіямъ, непродуманность которыхъ бросается въ глаза съ перваго взгляда. Впрочемъ, что касается самыхъ пожеланій графа, то въ нихъ не заключалось ничего худого. Конечно, хорошо бы было, если бы священникъ могъ быть врачемъ и агрономомъ, какъ хорошо бы было, если бы каждый человѣкъ былъ спеціалистъ во всѣхъ профессіяхъ. Этого „хорошо бы“ никто и никогда не отрицалъ. Но всегда только, кромѣ протасовской эпохи, такое соединеніе находили невозможнымъ и не приносящимъ ничего, кромѣ вреда, такъ какъ священникъ врачъ и агрономъ будетъ плохимъ и пастыремъ, и врачемъ и агрономомъ. Графъ Протасовъ захотѣлъ сдѣлать невозможное возможнымъ, и послѣдствія получились тѣ, какихъ и слѣдовало ожидать.

На первыхъ порахъ дѣятельности графа въ роли оберъ-прокурора ему довольно трудно было проводить свои взгляды на духовное образованіе. Во главѣ духовно-учебнаго вѣдомства тогда стояла Комиссія Дух. Училищъ, независимая отъ оберъ-прокурора, члены которой совершенно не раздѣляли

---

[1]) Эти свои мысли графъ неоднократно высказывалъ и въ своихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ; напр., Извлеч. изъ отч. оберъ-прок. за 1839 г. стр. 66 и 1851 г. стр. 104—105.

протасовскихъ воззрѣній. Церковные іерархи, засѣдавшіе въ комиссіи, виднѣйшими изъ которыхъ были митрополиты Филаретъ московскій, Филаретъ кіевскій и Серафимъ с.-петербургскій, отлично понимали, что проведеніе тѣхъ утилитарныхъ цѣлей, какими задавался Протасовъ, или безполезно, или вредно. Въ дѣлѣ подготовленія пастырей, по ихъ мнѣнію, духовная школа достаточно исполняла свое назначеніе; готовить же врачей и агрономовъ вмѣстѣ съ пастырями невозможно. Впрочемъ, сначала Комиссія Дух. Училищъ сдѣлала уступку новому оберъ-прокурору. Она исполнила нѣкоторыя его пожеланія, поскольку онѣ касались приспособленія духовнаго образованія къ потребностямъ чисто пастырскимъ. Именно, гр. Протасовъ полагалъ, что семинарская наука слишкомъ отвлеченна, схоластична и превыспренна, отчего священники говорятъ языкомъ, непонятнымъ для народа, что въ богословскихъ наукахъ нѣтъ одной простой руководящей нити, что семинаристы мало знаютъ церковное преданіе, лежащее въ основѣ церковной практики, и даже самую эту практику. Комиссія Д. У. рѣшилась удовлетворить этимъ требованіямъ графа. Въ іюнѣ 1838 года она издала постановленіе, которымъ рекомендовалось преподаваніе семинарскихъ наукъ вести возможно понятно и доступно, освобождая отъ схоластическихъ формъ, въ основу богословскаго ученія указывалось положить одну книгу—Православное Исповѣданіе Петра Могилы, усиливалось преподаваніе „церковныхъ древностей“,—науки, знакомящей съ богослужебными формами и обрядами,—и вводилась новая наука о церковномъ преданіи — „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“. Но когда гр. Протасовъ выступилъ съ своими планами по приспособленію духовнаго образованія къ матеріальнымъ потребностямъ сельскаго быта и захотѣлъ ввести въ семинарскій курсъ медицину и сельское хозяйство, то члены Комиссіи Д. У. отнеслись къ этому явно недоброжелательно. Оберъ-прокуроръ скоро понялъ, что ему едва-ли удастся провести свои взгляды чрезъ Комиссію и привлечь на свою сторону ея членовъ. Тогда онъ рѣшился вести дѣло и помимо Комиссіи и помимо церковныхъ іерарховъ, при чемъ упразднилъ и самую Комиссію, замѣнивъ ее подчиненнымъ себѣ Духовно-Учебнымъ Управленіемъ.

Самые пріемы разработки задуманной Протасовымъ реформы уже предвѣщали мало хорошаго. Въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ преобразованіе учебнаго дѣла, требующемъ

и спеціальныхъ знаній и опыта, оберъ-прокуроръ обратился не къ выдающимся іерархамъ, изъ которыхъ, напр., м. Филаретъ былъ участникомъ реформы 1808 г., не къ корпораціямъ учебныхъ заведеній и извѣстнымъ ученымъ, а къ людямъ, совершенно случайнымъ. Въ 1837 году образованный при спб. академіи комитетъ для пересмотра учебниковъ потребовалъ между прочимъ отъ ректоровъ академій и семинарій конспекты богословскихъ наукъ. Изъ представленныхъ конспектовъ графу почему-то понравился особенно конспектъ ректора вятской семинаріи архим. Никодима (Казанцева, магистра моск. акад. 1830 г.). Оберъ-прокуроръ рѣшилъ, что Никодимъ можетъ быть осуществителемъ его плановъ, и вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ и поручилъ ему составить новый уставъ для семинарій въ своемъ духѣ [1]. „Вы учились не столько для себя, сколько для насъ, — развивалъ графъ Никодиму свою точку зрѣнія,—вы наши учители въ вѣрѣ. Но мы васъ не понимаемъ. Ваша богословія очень выспренняя. Ваши проповѣди высоки. У васъ нѣтъ народнаго языка. Вы чуждаетесь церковности. Практическое богослуженіе вамъ неизвѣстно. Вы почитаете низкимъ для себя знать и изучить его... Не умѣете ни пѣть, ни читать, не знаете церковнаго устава. Въ вашихъ школахъ нѣтъ спеціальности. Вы хотите быть и почитаться универсально учеными. Это ошибка. У насъ всякій знаетъ маршъ и ружье; морякъ умѣетъ назвать послѣдній гвоздь корабля, знаетъ его мѣсто и силу. А вы, духовные, не знаете вашихъ духовныхъ вещей!“ [2]. Очевидно, графъ хотѣлъ внушить Никодиму, что задача духовной школы—не образовать умственно и духовно будущихъ пастырей, а просто пріучить къ требоисправленію. Онъ внушалъ ему также и тотъ свой взглядъ, что будущихъ священниковъ надо научить лѣчить народъ и образцово хозяйничать въ деревнѣ. Но оберъ-прокуроръ, какъ оказалось, ошибся въ своемъ выборѣ. Архим. Никодимъ, хотя и не отличался особыми дарованіями, однако отлично сознавалъ, что планы графа есть дѣло личной прихоти, а не результатъ разумнаго принципа, и что дать имъ надлежащее примѣненіе невозможно. Получивъ графскія директивы объ измѣненіи семинарскаго

---

[1]) Арх. Никодимъ въ своихъ запискахъ, напечатанныхъ въ Чт. о. ист. и др. рос. 1877 г. кн. II, самъ разсказываетъ о своихъ работахъ по порученію графа.

[2]) Чт. о. и. и др. 1877 г. кн. II, стр. 38.

курса, объ упрощеніи существующихъ наукъ, ограниченіи философскаго образованія и введеніи новыхъ утилитарныхъ предметовъ, Никодимъ пробовалъ было разубѣдить графа. Онъ защищалъ старые порядки, указывая на прочность и цѣнность существующихъ наукъ. Онъ говорилъ, что предлагаемыя графомъ преобразованія ведутъ лишь къ умаленію и обезсиленію духовнаго просвѣщенія, что новыя науки—сельское хозяйство и медицина, хотя и полезны, но онѣ стѣснятъ другія науки, отъ чего произойдетъ потеря, а не пріобрѣтеніе [1]). Особенно защищалъ Никодимъ философію, обреченную графомъ почти на полное изгнаніе. Она нужна, говорилъ онъ, для раскрытія и укрѣпленія строгости и правильности мышленія, для ознакомленія съ истинами естественными, умозрительными и нравственными [2]). Но оберъ-прокуроръ ничего не хотѣлъ слышать и заставилъ своего невольнаго сотрудника сочинять уставъ согласно даннымъ директивамъ.

Однако архим. Никодимъ не захотѣлъ быть „орудіемъ разстройства духовной части“, какъ говорилъ онъ. Обязанный волею-неволею взяться за работу, отъ которой онъ отрицался всѣми силами, Никодимъ оставилъ въ сторонѣ вопросъ о учебномъ курсѣ семинарій и сталъ писать только объ учебныхъ порядкахъ, о части административной, нравственной, экономической. Начавъ свою работу въ срединѣ іюля 1838 года, къ сентябрю Никодимъ ее уже окончилъ [3]). При этомъ, въ своемъ проэктѣ устава Никодимъ высказалъ не мало весьма здравыхъ соображеній. Такъ, онъ проэктировалъ образовать ученый совѣтъ изъ наставниковъ при ректорѣ, очевидно, по образцу совѣта гимназическаго, предлагалъ особое приготовленіе наставниковъ, хотѣлъ сдѣлать семинарскіе и училищные классы одногодичными, семинарскій курсъ хотѣлъ превратить въ семилѣтній, а училищный въ пятилѣтній [4]). Но все это было не то, что было нужно оберъ-прокурору. Поэтому уставъ Никодима не встрѣтилъ поддержки его патрона. Графу Протасову, разочаровавшемуся въ Никодимѣ, приходилось искать

---

[1]) Ibid. стр. 39.

[2]) Ibid. стр. 41.

[3]) Ibid. стр. 41.

[4]) Самый уставъ, составленный Никодимомъ, къ сожалѣнію, мы не могли найти въ синодальномъ архивѣ. Поэтому объ немъ приходится судить лишь по словамъ Никодима въ его запискахъ (стр. 42).

новыхъ сотрудниковъ. Прежде всего дѣло изъ рукъ Никодима было передано въ руки свѣтскихъ чиновниковъ. Въ декабрѣ 1838 года было образовано особое совѣщаніе для разсмотрѣнія и усовершенствованія вновь составленныхъ проэктовъ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Въ составъ совѣщанія были назначены с. с. Новосильскій (чиновникъ Министер. Нар. Пр.) и колл. сов. Карасевскій, Сербиновичъ и Войцеховичъ. Въ случаѣ нужды къ совѣщанію присоединялся и архим. Никодимъ, а также предоставлялось для объясненій приглашать ректоровъ спб. академіи—арх. Николая и семинаріи—архим. Аѳанасія. Въ декабрѣ 1838 г. и январѣ и февралѣ 1839 года совѣщаніе имѣло свои засѣданія [1]). Но тутъ церковные іерархи пошли на уступки и взяли, наконецъ, дѣло въ свои руки.

Когда гр. Протасовъ сталъ разрабатывать планъ учебнаго преобразованія помимо Синода и Комиссіи Д. Учил., то знавшіе объ этомъ дѣлѣ архіереи не могли не отнестись къ этой затѣѣ отрицательно. Митр. моск. Филаретъ, узнавшій отъ Никодима о данномъ ему порученіи, едва сдерживалъ гнѣвъ и досаду [2]). Впрочемъ, пока была въ силѣ Комиссія, можно было надѣяться остановить преобразовательную ревность оберъ-прокурора. Съ уничтоженіемъ Комиссіи 1-го марта 1839 года [3]) оберъ-прокуроръ фактически сталъ полнымъ хозяиномъ въ духовно-учебныхъ дѣлахъ и надежда противопоставить ему вліяніе Комиссіи отпадала. Тогда люди, стоявшіе во главѣ іерархіи, поняли, что бороться напрасно и что долгимъ противодѣйствіемъ можно скорѣе повредить дѣлу, разъ судьба школы будетъ вершиться самимъ оберъ-прокуроромъ съ его случайными сотрудниками. Подъ вліяніемъ такихъ соображеній высшая іерархія, скрѣпя сердце, согласилась осуществить желанія графа и ввести въ семинарскій курсъ предлагаемыя нововведенія; но въ то-же время она желала сдѣлать это по возможности безъ уничтоженія старыхъ учебныхъ предметовъ, настоятельно необходимыхъ для духовнаго образованія. И вотъ въ результатѣ явился тотъ компромиссъ, какой представляетъ собою реформа 1840 года. Что это былъ компромиссъ, и не добровольный, а вынужденный, въ томъ нѣтъ никакого сомнѣ-

---

[1]) Дѣло Канц. Об.-прок. 2-го ст. 1-го отд., 1839 г., № $^{79}/_{24584}$.

[2]) Чтен. о. и. и др., 77 г., II, стр. 42.

[3]) При чемъ члены Синода узнали объ этомъ важномъ актѣ лишь при прочтеніи указа.

нія. Когда архим. Никодимъ, въ моментъ разработки преобразованія въ Синодѣ, жаловался митр. Филарету на то, что у семинаріи отнимаютъ философію и сокращаютъ другія высокія науки, навязывая безполезныя вродѣ сельскаго хозяйства и медицины, то Филаретъ говорилъ: „Что-же дѣлать, надобно уступить что нибудь и имъ: иначе все отнимутъ", или, какъ сказалъ онъ другой разъ, „отъ нетерпѣливости все перепортятъ" [1]). А насколько симпатизировала церковная власть тому, что ее заставляли дѣлать, можно судить по словамъ того-же м. Филарета, который, своими руками сочиняя проэктъ преобразованія, говорилъ: „все только портятъ, а не усовершаютъ" [2]).

Послѣ упраздненія Комиссіи Д. У. Св. Синоду пришлось разсматривать проектъ введенія въ семинарскій курсъ медицины и сельскаго хозяйства, внесенный оберъ-прокуроромъ еще въ Комиссію. Въ Синодъ же поступилъ и проектъ архим. Никодима. Годъ прошелъ въ собираніи разныхъ справокъ и матеріаловъ по проектируемымъ нововведеніямъ. Между прочимъ были затребованы мнѣнія медицинскаго совѣта при мин. внутр. дѣлъ по вопросу о введеніи медицины въ семинарскій курсъ и ученаго комитета при мин. госуд. имуществъ относительно программы сельскаго хозяйства. Любопытно отмѣтить, что медицинскій совѣтъ сразу же высказался, что основательнаго медицинскаго образованія семинаристамъ дать невозможно, а только развѣ лишь можно сообщить нѣкоторыя общія свѣдѣнія; тѣмъ не менѣе медицинскому совѣту пришлось составлять программу преподаванія медицины въ семинаріяхъ. Ученый комитетъ, которому было предложено составить программу сельскаго хозяйства, тоже не высказалъ особаго одобренія Протасовскому замыслу. Одинъ изъ членовъ комитета, князь Одоевскій, энергично доказывалъ, что для того чтобы была польза отъ преподаванія сельскаго хозяйства, надо преподавать предварительныя минералогическія, ботаническія, метеорологическія и зоологическія свѣдѣнія ученикамъ духовныхъ училищъ, начиная со второго года приходскаго училища и кончая послѣднимъ годомъ семинаріи. Впрочемъ, ученый комитетъ не принялъ мнѣнія своего сочлена и нашелъ возможнымъ ввести изученіе сельскаго хозяйства въ болѣе уз-

---

[1]) Чт. о. и. и др., 77, II, стр. 49.
[2]) Ibid. стр. 55.

кихъ рамкахъ и при меньшей затратѣ времени [1]). На основаніи всѣхъ предварительныхъ соображеній, въ началѣ 1840 года митрополитамъ Филарету московскому и Филарету кіевскому было поручено составить общее положеніе о преобразованіи учебной части въ семинаріяхъ. Къ апрѣлю положеніе было уже готово и представлено оберъ-прокурору. Въ немъ нашли себѣ мѣсто всѣ излюбленные графомъ практическіе предметы, въ томъ числѣ медицина, сельское хозяйство и связанная съ нимъ естественная исторія. Кромѣ того, видимо по желанію того же графа, при семинаріи предполагалось образовать особые приготовительные классы для кандидатовъ священства съ чисто практическимъ курсомъ. Въ эти классы должны были поступать окончившіе семинарію и обучаться здѣсь чтенію церковныхъ и отеческихъ книгъ, излагающихъ обязанности священниковъ и другихъ священнослужителей, заниматься сочиненіемъ поученій и произнесеніемъ ихъ въ церквахъ, повторять и продолжать ученіе о мѣстныхъ ересяхъ и расколахъ, посѣщать городскія больницы подъ руководствомъ врача, часто присутствовать при богослуженіи. Эти классы должны были имѣть особаго руководителя и находиться подъ особеннымъ надзоромъ архіерея. Но проектъ Филарета не ограничивался только этими нововведеніями. Онъ пытался внести хотя одно дѣйствительно нужное улучшеніе стараго учебнаго строя—одногодичные курсы въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вмѣсто двухгодичныхъ [2]). Къ сожалѣнію, этому-то полезному нововведенію и не суждено было осуществиться.

27-го мая 1840 года Св. Синодъ, разсмотрѣвъ составленное Филаретами положеніе, постановилъ поручить духовно-учебному управленію составить росписаніе учебныхъ часовъ, распредѣленіе предметовъ между наставниками и опредѣлить число наставниковъ; академіямъ—предписать заняться составленіемъ конспектовъ по всѣмъ учебнымъ предметамъ; предположенія же о приготовительномъ классѣ для кандидатовъ священства — передать на разсмотрѣніе митрополитовъ с.-петербургскаго, московскаго и кіевскаго [3]). Такимъ образомъ дальнѣйшая разработка преобразованія попадала, по новому

---

[1]) Дѣло К. Д. У. № 11069, лл. 33, 55—75.
[2]) Ibid. лл. 76—110.
[3]) Ibid. лл. 110—111.

порядку вещей, въ руки Дух.-Уч. У-нія. Протасовскому дѣтищу впервые приходилось исполнить важную задачу и показать свою пригодность къ дѣлу. Но ходъ дѣла обнаружилъ только всю неприспособленность Дух.-Уч. У-нія къ той роли, для какой оно предназначалось.

Когда въ духовно-учебномъ управленіи занялись составленіемъ росписанія предметовъ примѣнительно къ одногодичнымъ курсамъ, то оказалось, что необходимо назначить на каждую семинарію, по одному вычисленію, по 15 наставниковъ, вмѣсто прежнихъ 6 штатныхъ, а по другому—по 12. Впрочемъ, при новомъ порядкѣ сократилось бы число параллельныхъ отдѣленій Во всякомъ случаѣ, вычисляло Д.-У. У-ніе, считая по 12 наставниковъ на семинарію, и если даже 12 малолюдныхъ семинарій оставить при старомъ штатѣ и двухгодичныхъ курсахъ, потребуется для семинарій къ прежнимъ 466 прибавить 84 наставника. А для уѣздныхъ и приходскихъ училищъ понадобилось бы прибавить къ 1170 учителямъ еще 987. Предъ такимъ недоумѣніемъ Д.-У. У-ніе сразу же и остановилось и поспѣшило прибѣгнуть къ посторонней помощи. Для окончательнаго рѣшенія вопроса о наставникахъ и распредѣленіи предметовъ Дух.-Уч. У-ніе назначило общее присутствіе и пригласило для совѣщанія ректоровъ спб. академіи Николая и семинаріи Аѳанасія, Никодима и харьковскаго ректора архим. Іоанна, бывшаго въ Петербургѣ на чредѣ священнослуженія. Это общее присутствіе нашло, хотя и полезнымъ, но невозможнымъ введеніе одногодичныхъ курсовъ, такъ какъ это потребуетъ по крайней мѣрѣ въ 1$^1/_2$ раза увеличить число наставниковъ, для чего недостаетъ ни средствъ, ни людей; кромѣ того, потребовалось бы для новыхъ классовъ расширять старыя и строить новыя помѣщенія, что чрезвычайно затруднительно и опять требуетъ денегъ, которыхъ нѣтъ. Потому общее присутствіе рѣшило одни только предметы распредѣлить по годамъ и оставить двухгодичные курсы. Впрочемъ, совѣщаніе нашло необходимымъ прибавить все-таки въ семинаріи по 2 наставника, изъ которыхъ одинъ былъ бы врачемъ и преподавалъ медицину. Такъ же точно отрицательно высказалось совѣщаніе по поводу другой, явившейся у нѣкоторыхъ его членовъ, счастливой мысли—ввести 1$^1/_2$ часовые уроки вмѣсто двухчасовыхъ, по образцу министерства народнаго просвѣщенія, оставивъ прежнюю продолжительность уроковъ на томъ основаніи, что якобы важность семинарскихъ

предметовъ того требуетъ. Здѣсь уже отвергли улучшеніе, которое бы не стоило ни копѣйки.

Что касается распредѣленія предметовъ по годамъ и назначенія часовъ, то эту задачу совѣщаніе выполнило въ такомъ видѣ. Въ *низшемъ* семинарскомъ отдѣленіи положено было преподавать въ *первый* годъ: 1) катихизическое ученіе по книгѣ «Православное исповѣданіе преосвященнаго митрополита Петра Могилы (1 урокъ), 2) начала риторики (5 ур.), 3) всеобщую древнюю исторію (2 ур.), 4) начала алгебры и геометріи (2 ур.), 5) греческій языкъ (3 ур.), 6) латинскій языкъ (3 ур). *Во второй годъ въ низшемъ отдѣленіи* полагались: 1) чтеніе Моисеевыхъ и прочихъ историческихъ книгъ Ветхаго Завѣта съ краткимъ указаніемъ ихъ содержанія и смысла, приспособительно къ понятіямъ учениковъ (1 урокъ), 2) руководство къ познанію и употребленію церковно-богослужебныхъ книгъ (1 ур.), 3) риторика и краткое понятіе о поэзіи (5 ур.), 4) всеобщая средняя и новая исторія (3 ур.), 5) геометрія и пасхалія (2 ур.), 6) греческій языкъ (2 ур.), 7) латинскій языкъ (2 ур.). *Въ среднемъ отдѣленіи въ первый годъ* назначено было преподавать: 1) чтеніе учительныхъ книгъ Ветхаго Завѣта (1 ур.), 2) церковно-библейскую исторію (2 ур.), 3) логику (4 ур.), 4) русскую гражданскую исторію (2 ур.), 5) физику и естественную исторію (3 ур.), 6) чтеніе греческихъ писателей съ переводомъ и филологическимъ разборомъ (2 ур.). *Во второй годъ средняго отдѣленія* назначались: 1) чтеніе пророческихъ книгъ и 2) священная герменевтика (3 ур.), 3) церковно-библейская исторія (2 ур.), 4) естественная исторія и сельское хозяйство (3 ур.), 5) продолженіе логики и психологія (4 ур.), 6) чтеніе греческихъ писателей съ переводомъ и филологическимъ разборомъ (2 ур.), 7) такое же чтеніе латинскихъ писателей (2 ур.). *Въ высшемъ отдѣленіи въ первый годъ* полагалось преподавать: 1) чтеніе св. Писанія Новаго Завѣта съ толкованіемъ (2 ур.), 2) догматическое богословіе, 3) ученіе о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ, примѣнительно къ мѣстнымъ и современнымъ потребностямъ, и 4) гомилетику (6 уроковъ на всѣ три предмета), 5) общую исторію христіанской церкви (2 ур.), 6) ученіе церковныхъ древностей и обрядословія (2 ур.), 7) патристику или ученіе о св. отцахъ и 8) чтеніе св. отцовъ греческихъ и латинскихъ съ разборомъ филологическимъ, гомилетическимъ и богословскимъ (2 ур. на оба предмета); 9) начальныя основанія ме-

дицины и общенародный лечебникъ (1 ур.); 10) сельское хозяйство (1 ур.). *Въ послѣдній годъ семин. курса* полагались: 1) чтеніе нѣкоторыхъ частей св. Писанія съ подробнымъ истолкованіемъ (2 ур.); 2) богословіе нравственное, 3) ученіе о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ и 4) гомилетика (6 ур. на всѣ три предмета); 5) основанія церковныхъ законовъ и каноническаго права (2 ур.); 6) исторія русской церкви (2 ур.); 7) чтеніе св. отцовъ греческихъ (2 ур.); 8) продолженіе медицины (2 ур.) [1]. Прежде обязательные языки еврейскій, французскій и нѣмецкій, теперь были сдѣланы необязательными и оставлены лишь для желающихъ. Вмѣсто того, нѣкоторый характеръ обязательности былъ усвоенъ мѣстнымъ языкамъ, изученіе которыхъ вполнѣ отвѣчало гуманитарнымъ взглядамъ Протасова: въ классы мѣстныхъ языковъ школьнымъ начальствомъ было предоставлено назначать учениковъ по своему усмотрѣнію

Общеобязательныхъ учебныхъ часовъ общее присутствіе Дух.-Уч. У-нія назначило въ семинаріяхъ по 32 въ недѣлю (16 уроковъ) въ каждомъ отдѣленіи. Остающіеся свободными четыре послѣобѣденные часа по четвергамъ и субботамъ предназначались на необязательные и мѣстные языки. Всѣ уроки были распредѣлены между восемью штатными наставниками такимъ образомъ: первому наставнику поручалось преподаваніе въ первый годъ катехизическаго ученія, всеобщей древней исторіи и греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи и русской гражданской исторіи въ среднемъ отдѣленіи (8 уроковъ), а во второй годъ—ученія о богослужебныхъ книгахъ, всеобщей исторіи и греческаго языка въ низшемъ отдѣленіи и греческаго же языка въ среднемъ отдѣленіи (то-же 8 уроковъ). Второму наставнику поручались: въ первый годъ — риторика и латинскій языкъ въ низшемъ отдѣленіи (8 ур.), а во второй годъ—св. Писаніе, риторика и поэзія и латинскій языкъ тоже въ низшемъ отдѣленіи (8 ур.). Третьему наставнику назначено было преподавать въ первый годъ св. Писаніе и чте-

---

[1]) Дѣло Ком. № 11069, л.л. 141—165. Архим. Никодимъ разсказываетъ, что въ комитетѣ 4-хъ архимандритовъ ставленникъ Протасова Николай, потворствуя свѣтскимъ, увеличивалъ число уроковъ на медицину, сельское хозяйство и прочіе „Протасовскіе“ предметы, а Никодимъ возражалъ и кое что успѣлъ оттянуть для наукъ коренныхъ; другіе два архимандрита молчали (Чт. о. и. и др. 1877 г., II, с. 64).

ніе греческихъ писателей въ среднемъ отдѣленіи и Новый Завѣтъ, патристику и чтеніе отцовъ греческихъ и латинскихъ въ высшемъ отдѣленіи (7 ур.); во второй годъ—герменевтику и св. Писаніе въ среднемъ отдѣленіи и св. Писаніе и чтеніе греческихъ отцовъ въ высшемъ (7 ур.). Четвертый наставникъ получилъ въ первый годъ алгебру и геометрію въ низшемъ отдѣленіи, физику и естественную исторію въ среднемъ и сельское хозяйство въ высшемъ отдѣленіи (6 ур.), а во второй годъ—геометрію и пасхалію въ низшемъ отдѣленіи и естественную исторію и сельское хозяйство въ среднемъ (5 ур.) Пятый наставникъ получилъ въ первый годъ—въ среднемъ отдѣленіи библейскую исторію и въ высшемъ церковную исторію и церковныя древности (6 ур.), а во второй годъ — то же библейскую исторію въ среднемъ отдѣленіи и церковное законовѣдѣніе съ русской церковной исторіей въ высшемъ (6 ур.). Шестому наставнику были поручены въ первый годъ логика и чтеніе латинскихъ писателей въ среднемъ отдѣленіи (6 ур.), а во второй годъ въ среднемъ же отдѣленіи логика съ психологіей и чтеніе латинскихъ писателей (6 ур.). Седьмому наставнику, и именно ректору, назначалось преподавать въ высшемъ отдѣленіи догматику, гомилетику и ученіе о вѣроисповѣданіяхъ въ первый годъ, и нравственное богословіе, гомилетику и ученіе о должностяхъ приходскихъ священниковъ во второй годъ (6 ур.). Восьмой наставникъ, семинарскій врачъ или какой либо другой человѣкъ съ медицинскимъ образованіемъ, долженъ былъ преподавать медицину въ первый годъ при одномъ урокѣ, а во второй годъ—при двухъ, за вознагражденіе 143 рубля сер. въ годъ. Необязательные предметы положено было распредѣлять между штатными наставниками, за особое вознагражденіе. Тамъ, гдѣ были параллельные классы, распредѣлить предметы и уроки между наставниками предоставлялось мѣстнымъ семинарскимъ правленіямъ [1]).

Таковъ былъ проектъ преобразованія учебной части въ семинаріяхъ, составленный въ Духовно-Учебномъ Управленіи. Постановленіемъ отъ 9/12 августа 1840 г. св. Синодъ утвердилъ эти предположенія, при чемъ рѣшено было съ осени 1840 года ввести преобразованіе въ Московскомъ и Казан-

---

[1]) Дѣло Ком. № 11069, лл. 166—175.

скомъ учебныхъ округахъ, а въ слѣдующемъ учебномъ году въ округахъ С.-Петербургскомъ и Кіевскомъ [1]). Такимъ образомъ, планы оберъ-прокурора получили, наконецъ, осуществленіе. Изъ первоначальныхъ предположеній осталось неосуществленнымъ лишь предположеніе о приготовительномъ классѣ для кандидатовъ священства. По поводу этого проекта въ февралѣ 1842 года прислалъ свой отзывъ митрополитъ кіевскій, а въ февралѣ слѣдующаго года поступилъ отзывъ митрополита московскаго. Оба отзыва не протестовали противъ проектируемаго учрежденія. а лишь указывали на нѣкоторыя практическія затрудненія къ его осуществленію. Однако, св. Синодъ все дѣло откладывалъ до полученія отзыва митр. с.-петербургскаго, а потомъ вопросъ этотъ былъ совсѣмъ забытъ [2])

Съ перваго взгляда, пожалуй, можетъ показаться, что «положеніе» 1840 г. не внесло существенныхъ измѣненій въ семинарскій курсъ: были лишь введены нѣкоторые новые предметы, а остальное почти все осталось по старому. Но въ дѣйствительности, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается, что преобразованіе производило ломку всей прежней системы и притомъ ломку, отъ которой ничего нельзя было ожидать, кромѣ вреда. «Положеніе» 1840 года прежде всего нарушало здравый принципъ устава 1814 года—лучше изучать немногіе предметы, но зато изучать основательно. Исходя изъ такой точки зрѣнія. старый уставъ назначалъ къ преподаванію въ семинаріяхъ только 3 главныхъ предмета, 3 вспомогательныхъ и 4 языка, при чемъ изъ послѣднихъ обязательными были лишь три. Къ этимъ 9 обязательнымъ предметамъ въ теченіи дѣйствія устава 1814 прибавился только одинъ—св. Писаніе, въ 1819 году введенное во всѣхъ отдѣленіяхъ семинаріи при одномъ урокѣ въ недѣлю. Введеніе историческаго ученія объ отцахъ церкви въ 1838 году есть уже результатъ Протасовскаго направленія и самое дѣйствіе этого нововведенія началась уже съ 1840 года. Протасовская реформа къ старому семинарскому курсу, во первыхъ, прибавила 7 совершенно новыхъ предметовъ: катехизическое ученіе

---

[1]) Ibid. лл. 193—197. „Положеніе" 1840 было затѣмъ опубликовано, какъ законодательный актъ.

[2]) Дѣло Архива св. Син. 1842 г. № 1506/254. Отзывъ митр. московск. Филарета напечатанъ въ Собран. мнѣн. и отз. его, т. дополн. стр. 125—127.

по книгѣ Петра Могилы, руководство къ познанію и изученію богослужебныхъ книгъ, церковное законовѣдѣніе, патристику, естественную исторію, сельское хозяйство и медицину. Во-вторыхъ, преобразованіе 1840 года обособило нѣкоторыя части прежняго семинарскаго курса въ отдѣльные предметы и дало имъ болѣе самостоятельную постановку. Такъ, латинскій языкъ, по уставу 1814 года отдѣльно совсѣмъ не преподававшійся, съ 1840 года становится особымъ предметомъ; герменевтика, раньше кратко излагавшаяся лишь въ богословскомъ классѣ, теперь была поставлена въ качествѣ отдѣльной науки; богословіе обличительное, прежде входившее въ составъ догматики, и богословіе собесѣдовательное, прежде въ семинаріи не преподававшееся, но имѣвшее лишь замѣняющую его теорію церковнаго краснорѣчія въ классѣ словесности, превратились въ два спеціальные предмета—„ученіе о вѣроисповѣданіяхъ ересяхъ и расколахъ“ и „гомилетику“; богословіе пастырское, не имѣвшее прежде также самостоятельности въ семинарскомъ курсѣ, превратилось въ особое «ученіе о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ». Въ результатѣ всего этого выходило, что по положенію 1840 года въ семинар. преподавалось 26 обязательныхъ предметовъ: 1) словесность, 2) гражданская исторія, 3) математика (алгебра и геометрія), 4) пасхалія, 5) физика, 6) логика, 7) психологія, 8) естественная исторія, 9) сельское хозяйство, 10) медицина, 11) латинскій языкъ, 12) греческій языкъ, 13) катехизическое ученіе, 14) св. Писаніе, 15) богослужебныя книги, 16) библейская исторія, 17) общая и русская церковная исторія, 18) патристика, 19) герменевтика, 20) догматическое богословіе, 21) обличительное богословіе, 22) нравственное богословіе, 23) пастырское богословіе (о должностяхъ пресвитеровъ), 24) гомилетика, 25) церковныя древности и 26) церковное законовѣдѣніе. А по уставу 1814 года, даже при частнѣйшемъ подраздѣленіи наукъ, въ семинарскомъ курсѣ было всего 17 предметовъ: 1) словесность, 2) гражданская исторія, 3) математика (эта наука, правда, въ болѣе обширномъ видѣ), 4) пасхалія, 5) физика, 6) логика, 7) психологія, 8) философія, 9) греческій языкъ, 10) еврейскій языкъ, 11) одинъ изъ новыхъ языковъ, 12) св. Писаніе съ наукой истолкованія, 13) библейская исторія, 14) общая церковная и русская исторія, 15) церковныя древности, 16) догматическое богословіе и 17) нравственное богословіе.

Такая многопредметность семинарскаго курса съ 1840 г. уже сама собою должна была нарушить основательность семинарскаго образованія. Изучать 26 предметовъ такъ-же хорошо, какъ 17, въ одно и то же учебное время—невозможно. Пришлось, естественно, стѣснить и урѣзать по возможности всѣ науки, чтобы совмѣстить ихъ. При этомъ урѣзываніи прежде всего пострадали самые учебные курсы нѣкоторыхъ предметовъ, особенно нелюбимыхъ гр. Протасовымъ. Оберъ-прокуроръ думалъ, что семинаристамъ не надо знать дифференціаловъ и интеграловъ, а равно имъ не нужна и даже вредна „наука вольномыслія“ — философія. Въ угоду такому взгляду, положеніе 1840 г., во-первыхъ, ограничивало математическій курсъ алгеброй и геометріей, изгоняя высшія части математики (приложеніе алгебры къ геометріи, тригонометрію и коническія сѣченія), полагавшіяся въ уставѣ 1814 г. и оставшіяся, хотя и не безусловно, даже и послѣ сокращенія математическаго курса въ 1835 году. Во-вторыхъ, протасовская реформа изгоняла совсѣмъ философію (исторію философіи и метафизику). Уже это ограниченіе математическаго и философскаго курса должно было понизить цѣнность семинарскаго образованія. Авторы устава 1814 г. не даромъ придавали важное значеніе математическимъ и философскимъ наукамъ. Философія и математика, говорилъ митр. Филаретъ Никодиму по поводу нововведеній 1840 г., „нужны въ семинаріи, какъ оселокъ испытанія и приведенія въ порядокъ мыслящаго духа“ [1]. Когда этотъ оселокъ былъ испорченъ, неизбѣжно должно было понизиться (и дѣйствительно понизилось) умственное развитіе учащихся. Но пониженіе уровня семинарскаго образованія должно было сдѣлаться еще большимъ отъ того, что при массѣ предметовъ „положеніе“ 1840 г. не могло ни одной группѣ наукъ дать надлежащей постановки. Чтобы умѣстить 26 предметовъ въ рамкахъ 36 недѣльныхъ учебныхъ часовъ, а за вычетомъ четырехъ на предметы необязательные — 32 часовъ, пришлось сократить количество учебнаго времени на каждый предметъ. Такъ, на словесность было назначено теперь по 10 часовъ въ два года, т. е. 20 часовъ вмѣсто прежнихъ 28; на математику и физику положено было всего 10—11 часовъ вмѣсто прежнихъ 16; на оставшіяся философскія науки назначено было 16 часовъ вмѣсто прежнихъ 28; на гражданскую исторію

---

[1]) Чт. о. и. и др. 1877 г. II, стр. 64.

полагалось 14 часовъ вмѣсто старыхъ 16-ти; на греческій языкъ—22 часа (+ то, что приходилось на его долю отъ патристики) вмѣсто прежнихъ 36. Такъ стѣсненъ былъ старый общеобразовательный курсъ; но не выигралъ и курсъ богословскій. На св. Писаніе съ герменевтикой до 1840 года полагалось 20 часовъ (по 2 часа ежегодно во всѣхъ отдѣленіяхъ и треть перваго года и треть второго года богословскаго класса); а по положенію 1840 г. положено было 18 часовъ. На богословіе догматическое и нравственное по уставу 1814 года полагалось 18 часовъ (безъ богосл. изъяснительнаго и археологіи); а по положенію 1840 г. 24 часа назначалось на 5 богословскихъ предметовъ, изъ которыхъ гомилетика была совсѣмъ новой наукой въ богословскомъ классѣ. На церковную исторію съ церковными древностями положеніе 1840 г. назначило 20 часовъ; а уставъ 1814 года на тѣ-же предметы полагалъ 16 часовъ и еще треть второго года богословскаго курса, т. е. 21 часъ. Не лучше обстояло дѣло и съ вновь введенными предметами. На катихизическое ученіе было назначено всего 2 часа, на богослужебныя книги—то-же; но эти предметы, впрочемъ, были безсодержательны и не требовали много времени. Но и на такіе обширные предметы, какъ церковное законовѣдѣніе и патристика, соединенныя еще съ чтеніемъ греческихъ и латинскихъ отцовъ, назначалось всего по 4 часа. Самыя излюбленныя Протасовымъ науки, и тѣ были поставлены въ крайне узкія рамки. На физику, естественную исторію и сельское хозяйство вмѣстѣ назначено было всего 14 часовъ, а на медицину—6 часовъ. При такихъ условіяхъ, со времени преобразованія 1840 г ни одинъ предметъ не могъ преподаваться основательно и семинарское образованіе превратилось въ какіе-то обрывки знаній. Что могла сдѣлать семинарія по математикѣ, напримѣръ, въ 8 часовъ, когда въ гимназіяхъ въ то время на это тратилось 22—34 часа?

Разрушая прежнюю основательность семинарскаго образованія, преобразованіе 1840 года совершенно уничтожало также его цѣлостность и стройность, каковыя качества составляли лучшія черты учебнаго плана 1814 года Протасовская реформа задумала сдѣлать то, что сдѣлать рѣшительно невозможно, — она хотѣла сдѣлать семинарскій курсъ одновременно и классическимъ и реальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, реформа 1840 года не была реформою принципіальной. Она не была замѣной классицизма реализмомъ, что, собственно, единственно было бы

еще болѣе или менѣе разумно. Классическій характеръ духовнаго образованія сохранялся. Древніе языки по прежнему занимали первое мѣсто въ семинарскомъ курсѣ: имъ посвящалось болѣе 40 часовъ. При этомъ теперь и латинскій языкъ, переставъ быть языкомъ преподаванія, сдѣлался учебнымъ предметомъ. Такимъ образомъ, положеніе 1840 года не пыталось даже примѣнить къ семинаріямъ хотя бы принципъ гимназій съ однимъ древнимъ языкомъ. Но въ то-же время оно вводило въ классическій семинарскій курсъ и курсъ реальный въ видѣ естественной исторіи, сельскаго хозяйства и медицины и нѣкоторыхъ чисто практическихъ духовныхъ предметовъ. Естественно, отъ такого смѣшенія произошла невообразимая путаница. Головы семинаристовъ осуждены были на воспріятіе не только множества знаній, но и знаній самаго разнообразнаго характера. Тогда какъ прежде семинарскія науки дополняли одна другую и находились въ тѣсной внутренней связи, теперь онѣ стали представлять энциклопедію знаній, связанныхъ чисто внѣшнимъ образомъ. Отъ прежней цѣлостности ничего не осталось.

Исчезла и стройность семинарскаго курса, такъ удачно осуществленная въ уставѣ 1814 года. Въ старомъ уставѣ въ одномъ отдѣленіи концентрировались немногія, близко соприкасающіяся дисциплины и слѣдовали другъ за другомъ въ естественномъ порядкѣ. Въ низшемъ семинарскомъ отдѣленіи преподавались словесность и гражданск. исторія; въ среднемъ отдѣленіи учащіеся изучали философію и математику, воспитывающія разсудочную силу; въ высшемъ отдѣленіи система знаній завершалась богословіемъ и церковной исторіей, къ изученію которыхъ семинаристы приступали вполнѣ подготовленными предыдущимъ общимъ образованіемъ. Только съ 1819 года св. Писаніе нѣсколько нарушило эту стройную систему, будучи проведено по всему курсу; но это нарушеніе было незначительнымъ. Протасовская реформа совершенно измѣнила старую систему. Вмѣсто градаціи и концентраціи наукъ явились параллелизмъ самыхъ разнообразныхъ знаній и раздробленность предметовъ по годамъ. Низшія отдѣленія семинаріи потеряли свой исключительно общеобразовательный характеръ. Кромѣ Св. Писанія и герменевтики туда были введены чисто духовные предметы: катихизическое ученіе, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, библейская исторія. Математика пошла параллельно съ словесностью и гражданской исторіей;

параллельно же съ другими науками въ теченіи трехъ лѣтъ пошли естественная исторія и сельское хозяйство.

Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ преобразованіе 1840 года приняло самую неразумную систему распредѣленія предметовъ между преподавателями. Уже и по уставу 1814 г. недостатокъ преподавательскихъ силъ заставлялъ соединять языки съ другими предметами. Но тогда, во-первыхъ, два преподавателя главныхъ предметовъ совсѣмъ не имѣли предметовъ добавочныхъ; а во вторыхъ, и остальные преподаватели къ своему предмету имѣли лишь одинъ прибавочный — тотъ или другой языкъ. Авторы расписанія предметовъ между наставниками 1840 г. вмѣсто прежней предметной системы приняли гораздо менѣе раціональную систему классную, да и ту не выдержали послѣдовательно. При множествѣ предметовъ, теперь каждый наставникъ получилъ ихъ по нѣскольку, да при томъ еще одинъ предметъ, преимущественно языки, дробился нарочно между нѣсколькими преподавателями. При этомъ составители расписанія руководились тѣмъ, болѣе чѣмъ страннымъ, соображеніемъ, чтобы занятія не были однообразны и утомительны для наставниковъ, тогда какъ польза спеціализаціи всегда составляла азбуку педагогики.

Всѣ эти дефекты преобразованія 1840 года составляютъ плодъ не только Протасовскихъ идей, но и Протасовскихъ пріемовъ. Случайный выборъ помощниковъ и непригодность новаго строя высшаго духовно-учебнаго управленія сказались въ семинарской реформѣ не меньше, чѣмъ самые взгляды графа, воплотивъ послѣдніе въ весьма неудачной формѣ. Однако въ реформѣ 1840 года было и одно свѣтлое пятно: это— отмѣна преподаванія главныхъ семинарскихъ предметовъ на латинскомъ языкѣ и замѣна послѣдняго русскимъ. Но это свѣтлое пятно не въ силахъ, конечно, закрыть тѣ темныя пятна, какими запечатлѣны нововведенія 1840 года.

Къ несчастью, Протасовское преобразованіе семинарскаго курса еще далеко не закончилось „положеніемъ“ 1840 года. Въ послѣдующее время было сдѣлано еще нѣсколько перемѣнъ, и все въ томъ же духѣ, такъ что недостатки, внесенные въ семинарское образованіе, все болѣе увеличивались. Прежде всего въ 1843 г. въ семинарскій курсъ былъ введенъ новый необязательный предметъ утилитарнаго характера — иконописаніе. На первый разъ классъ иконописанія былъ от-

крытъ при одной с.-петербургской семинаріи, съ тѣмъ, чтобы приготовить здѣсь учителей и для другихъ семинарій [1]). Затѣмъ въ скоромъ времени нашли, что одного урока на катихизическое ученіе въ низшемъ отдѣленіи мало, и опредѣленіемъ Св. Синода отъ $^{5}/_{31}$ марта 1845 года было постановлено прибавить на этотъ предметъ еще одинъ урокъ, взявъ его отъ греческаго языка (въ низ. отд.). Въ августѣ этого же года было кромѣ того предписано въ высшемъ отдѣленіи, предъ началомъ богословскаго курса, вновь повторять книгу Петра Могилы [2]). Въ томъ же 1845 году послѣдовало новое ограниченіе философскаго курса и распространеніе патристики. Въ 1844 году ревизовавшій кишиневскую семинарію кіевскій викарій еп. Варлаамъ въ своемъ отчетѣ указалъ на обиліе важныхъ предметовъ въ высшемъ отдѣленіи семинаріи и на сравнительно малое ихъ количество въ среднемъ. Духовно-Учебное Управленіе передало замѣчанія Варлаама въ комитетъ по пересмотру конспектовъ [3]). Комитетъ рѣшилъ, что слишкомъ много времени назначено на логику и психологію (16 часовъ) и положилъ преподавать эти предметы только въ одинъ первый годъ средняго отдѣленія при 4-хъ урокахъ (8 час.), а въ другой годъ, преподавать въ освободившіеся часы патристику, при чемъ преподаваніе послѣдней возлагалось на того же наставника, который преподавалъ логику и психологію. Чтеніе же греческихъ и латинскихъ отцовъ въ высшемъ отдѣленіи, какъ дополнительное къ патристикѣ осталось за старымъ наставникомъ. Духовно-Учебное Управленіе и Св. Синодъ (19 сент. 1845 г.) согласились съ этимъ предположеніемъ, и оно вошло въ силу съ $184^{5}/_{6}$ уч. года [4]). Съ 1850 г. въ семинарскомъ курсѣ явилась еще новая наука — геодезія. Еще въ положеніи 1840 г. было сказано, что при изученіи геометріи наставнику надо поставить въ обязанность занимать учениковъ практическими измѣреніями, примѣняясь преимущественно къ нуждамъ сельскаго быта [5]). Но въ те-

---

[1]) Извлеч. изъ отч. об.—пр. 1843 г., стр. 65, 1844 г., стр. 66.

[2]) Извлеч. изъ отч. об.-пр. 1845 г., стр. 64—65. Ист. спб. сем., стр. 355. Ист. перм. с., ч. III, стр. 15—17.

[3]) Дѣло дух.-Уч.-Упр. 1844 г. № 167.

[4]) Дѣло Арх. Св. Син. 1845 г. № $^{183}/_{1367}$. Извлеч. изъ отч. об.-пр. 1845 г., стр. 65.

[5]) Пунктъ 6-й.

ченіе 10 лѣтъ это постановленіе не исполнялось. Опредѣленіемъ Св. Синода $^{7}/_{31}$ дек. 1849 года было вновь постановлено ввести обязательно въ семинаріяхъ преподаваніе землемѣрія съ будущаго года [1]). На этотъ разъ, дѣйствительно, была введена геодезія, и, значитъ, время, назначенное на математику, еще болѣе сократилось.

Въ срединѣ 50-хъ годовъ въ семинарскомъ курсѣ появляется цѣлая группа новыхъ наукъ практическаго характера—наукъ миссіонерскихъ. Еще въ 1828 году Св. Синодъ поднялъ вопросъ о миссіонерскомъ образованіи и вмѣнилъ въ обязанность тогдашнему преосвященному казанскому Филарету составить проэктъ особаго учрежденія для образованія миссіонеровъ при казанской семинаріи [2]). Но тогда это дѣло заглохло. Въ началѣ 50-хъ годовъ вопросъ о миссіонерскомъ образованіи снова поднялъ преосв. казанскій Григорій. Въ 1851 году онъ представилъ оберъ-прокурору о необходимости открытія миссіонерскихъ отдѣленій при казанской академіи и семинаріяхъ казанскаго округа, при чемъ представилъ и самые проэкты этихъ учрежденій. Мысль эта, какъ всякая мысль утилитарнаго характера, нашла себѣ, видимо, полную поддержку въ оберъ-прокурорѣ. Рѣшено было не только въ казанскомъ округѣ организовать миссіонерское образованіе, но и въ С.-Петербургскомъ и въ другихъ, если къ тому представится надобность. Въ 1853 году проэктъ миссіонерскихъ отдѣленій при семинаріяхъ получилъ утвержденіе. Въ составъ этихъ отдѣленій должны были войти слѣдующія науки: исторія и статистика раскола, особенно мѣстнаго, обозрѣніе раскольнической и противораскольнической литературы, опроверженіе раскола и пастырская педагогика или практическія наставленія будущимъ миссіонерамъ [3]). Въ $^{53}/_{54}$ уч. году миссіонерскія отдѣленія были открыты при спб. семинаріи и нѣкоторыхъ семинаріяхъ С.-Петербургскаго округа [4]). Въ слѣдующіе годы миссіонерскіе предметы постепенно вводились въ другихъ се-

---

[1]) Дѣло Дух.-Уч. Упр. 1850 г. № 250. Извлеч. изъ отч. об.-пр. 1849 г., стр. 47—48.

[2]) Ист. каз. сем., стр. 424.

[3]) Дѣла Арх. Св. Син. 1851 г. № $^{785}/_{725}$ и Д. У. У. 1851 г. № 115. Извл. изъ отч. об.-пр. 1853 г., стр. 58.

[4]) Извлеч. изъ отч. 1853 г. стр. 58. Миссіонерскій проэктъ преосв. Григорія 1854 г. см. въ Ист. казан. сем., стр. 399—405.

минаріяхъ, такъ что въ 1855 году ихъ не было только въ 8 семинаріяхъ кіевскаго округа [1]), а въ 1860 году они были вездѣ, кромѣ новоархангельской семинаріи [2]). Преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ предназначалось только для желающихъ учениковъ высшаго отдѣленія, освобождая таковыхъ отъ нѣкоторыхъ другихъ уроковъ, напр. отъ греческаго языка, и количество уроковъ по миссіонерскимъ предметамъ точно не назначалось. Но въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ миссіонерскіе предметы сдѣланы были семинарскими правленіями общеобязательными для всѣхъ учениковъ богословія. Такъ было въ семинаріи с.-петербургской [3]). Время, назначаемое для миссіонерскихъ предметовъ, не вездѣ было одинаково. Въ казанской семинаріи въ 1854 году для уроковъ миссіонерскаго отдѣленія было отдѣлено въ богословскомъ классѣ въ первый годъ 3 урока вмѣсто классовъ сельскаго хозяйства, медицины и латинскаго языка, а во второй годъ два урока вмѣсто медицины [4]). Въ 1856 году казанское академическое правленіе предписало въ семинаріяхъ своего округа назначить на миссіонерскіе предметы часы, въ которые раньше преподавались необязательные языки и языкъ латинскій, не менѣе 4-хъ часовъ въ недѣлю, но отнести миссіонерскіе уроки на утреннее время [5]). Какъ бы то ни было, но при всякой постановкѣ миссіонерскіе предметы еще болѣе обременили и безъ того перегруженный учебный курсъ.

Съ введеніемъ геодезіи и миссіонерскихъ наукъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, число учебныхъ предметовъ, такимъ образомъ, возросло свыше 30-ти. Но число это было бы еще больше, еслибъ осуществлялись всѣ проекты Дух.-Уч. У-нія и разныхъ реформаторовъ. Такъ, въ 1847 году Дух.-Уч. Управленіе хотѣло ввести въ семинарскій курсъ сельскую архитектуру. Въ 1851 году архіеп. тверскій Гавріилъ подалъ даже особое мнѣніе объ ограниченіи математическаго семинарскаго курса одной практической геометріей съ архитектурою. Но этому проекту не суждено было осуществиться [6]), какъ не

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 1855 г., стр. 55.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 1860 г., стр. 45—46.

[3]) Ист. спб. сем., стр. 371.

[4]) Ист. казан. сем., стр. 412.

[5]) Ист. перм. сем., ч. III, стр. 28.

[6]) Ист. спб. сем. стр. 386.

суждено было осуществиться уже въ 60-хъ годахъ (1863 г.) проекту самарскаго губернатора, который въ видахъ полученія статистическихъ свѣдѣній через духовенство просилъ ввести въ самарской семинаріи уроки статистики [1]).

Измѣненія въ академическомъ курсѣ.

Реформаторскій духъ, свойственный Протасовской эпохѣ, не оставилъ въ покоѣ и высшаго духовнаго образованія. Вслѣдъ за измѣненіями семинарскаго курса начались въ томъ же направленіи и съ такими же результатами измѣненія въ учебномъ курсѣ академій. Здѣсь главная преобразовательная миссія выпала на долю того комитета по пересмотру конспектовъ, о которомъ мы уже упоминали выше. Комитетъ этотъ былъ учрежденъ въ сентябрѣ 1840 года [2]) и дѣйствовалъ въ теченіи пяти лѣтъ, состоя изъ лицъ монашествующаго и бѣлаго духовенства. Составъ комитета мѣнялся, но его составляли всегда въ большинствѣ архимандриты (чередные и начальствующіе въ спб. академіи и семинаріи) и іеромонахи (изъ академ. преподавателей), съ 1—2 бѣлыми столичными священниками [3]). Первенствующее мѣсто въ комитетѣ заняли ректора спб. академіи, сначала Николай, а потомъ Аѳанасій. Въ средѣ комитета бывали весьма почтенныя личности, но, какъ цѣлое, комитетъ ознаменовалъ себя только лишь неудачными мѣропріятіями.

Академическій курсъ до 1840 г., по старому уставу, какъ и семинарскій, состоялъ сравнительно изъ немногихъ предметовъ и отличался такою же цѣлостностью и систематичностью. Въ низшемъ академическомъ отдѣленіи изучались философія (по 10 час. въ два года), всеобщая словесность (по 6 час. въ 2 года), гражданская исторія или математика, по выбору студентовъ (по 8 часовъ въ два года), св. Писаніе (по 2 часа), греческій языкъ (по 4 часа), одинъ изъ новыхъ языковъ (по 2 часа), еврейскій языкъ (по 2 часа). Въ высшемъ академическомъ отдѣленіи изучались: богословіе (по 12 часовъ), церковная ис-

---

[1]) Дѣло Д.-Уч. У-нія 1863 г. № 93/2120.

[2]) Извлеч. изъ отч. об. пр. 1840 г. стр. 58—61.

[3]) О составѣ комитета см. у Чистовича, Ист. спб. академіи, стр. 427 и „Руковод. дѣятели“, стр. 343.

торія съ древностями и священной географіей (по 6 часовъ), церковная словесность (по 6 час.), св. Писаніе (по 2 часа), греческій языкъ (по 4 часа), одинъ изъ новыхъ языковъ (по 2 часа) и еврейскій языкъ (по 2 часа) [1]. Такимъ образомъ въ академическомъ курсѣ было, если расчленить богословіе (герменевтика, догмат., нрав. съ пастырскимъ, обличительн., собесѣдовательн., канонич. право) и философію (логика, психологія, метафизика, нравств. философія и исторія философіи) и считать библейскую исторію и церковныя древности за особые предметы. 19 общеобязательныхъ предметовъ и два предмета,—одинъ изъ новыхъ языковъ и математику съ физикой или исторію,—предоставлялось избрать самимъ студентамъ. При этомъ надо принять во вниманіе, что нѣкоторыя науки были въ то время весьма мало развиты и находились почти въ зачаточномъ состояніи, какъ, напр., церковное право, собесѣдовательное богословіе, нравственная философія, церковныя древности.

Протасовскія нововведенія въ академическомъ курсѣ начались съ того, что въ 1841 въ академіяхъ были учреждены, по образцу семинарій, каѳедры патристики [2]. Затѣмъ въ 1842 году въ спб. академіи была сдѣлана общеобязательнымъ предметомъ русская гражданская исторія [3]; въ 1844 году, сначала въ спб. академіи, а потомъ и въ другихъ, было совсѣмъ уничтожено дѣленіе младшаго академическаго отдѣленія на двѣ группы—историческую и математическую. Въ февралѣ этого года правленіе спб. академіи представило Дух.-Уч. Управленію, а послѣднее Синоду, что ректоръ академіи преосвященный Аѳанасій вошелъ въ правленіе съ представленіемъ о необходимости сдѣлать для студентовъ низшаго отдѣленія общеобязательнымъ предметомъ физику, какъ необходимую для каждаго образованнаго человѣка, а по связи съ физикою и математику. Равнымъ образомъ по тому же мотиву Аѳанасій считалъ необходимымъ сдѣлать общеобязательной и общую гражданскую исторію. Предположенія Аѳанасія, близкаго къ гр. Протасову, очевидно находились въ согласіи съ оберъ-прокурорской волей. Потому св. Синодъ 24 февраля

---

[1]) Такъ полагалось по уставу, но на практикѣ еврейскій языкъ не всегда былъ общеобязательнымъ. (Ист. спб. ак., стр. 305).

[2]) Извлеч. изъ отч. об. пр. 1841 г. стр. 55.

[3]) Ист. спб. ак., стр. 300.

1844 года согласился съ ними [1]). Что это не было частное дѣло Аѳанасія, ясно изъ того, что въ томъ же году это преобразованіе распространено было и на другія академіи [2]). А въ слѣдующемъ 1845 году Аѳанасій, предсѣдательствовавшій въ комитетѣ для разсмотрѣнія конспектовъ, провелъ черезъ комитетъ преобразованіе академическаго курса еще дальше. Къ осени 1845 года въ комитетѣ были составлены «соображенія относительно распредѣленія предметовъ ученія и назначенія времени на преподаваніе ихъ въ академіяхъ», которыми съ академическимъ курсомъ дѣлалось почти то же, что было сдѣлано въ 1840 году съ семинарскимъ.

Въ своихъ «соображеніяхъ» комитетъ прежде всего закрѣплялъ уничтоженіе спеціализаціи въ академическомъ курсѣ. Онъ всѣ предметы дѣлалъ общеобязательными, даже и языки французскій и нѣмецкій. Затѣмъ онъ вводилъ нѣсколько новыхъ предметовъ и обособлялъ нѣкоторыя части прежняго курса. Кромѣ патристики, въ академическій курсъ вводились «богословская энциклопедія», педагогика и латинскій языкъ. Богословская энциклопедія явилась изъ краткаго общаго введенія въ богословіе, прежде соединяемаго съ догматикой. Въ 1844 году Св. Синодъ, намѣреваясь расширить эту часть богословія, предложилъ спбургскому и кіевскому академическимъ правленіямъ представить проектъ по этому предмету. Спб. академическое правленіе высказалось въ пользу новой науки, и она въ томъ же году была введена въ спб. академіи [3]). Что касается педагогики, то мысль о введеніи ея подалъ митр. Филаретъ кіевскій. Ревизуя въ 1843 году кіевскую академію, онъ призналъ полезнымъ читать въ концѣ академическаго курса основанія педагогіи. Ректоръ кіевской академіи архим. Димитрій составилъ программу этого предмета, а комитетъ въ своихъ «соображеніяхъ» включилъ его въ академическій курсъ [4]). Латинскій языкъ, по уставу 1814 года, отдѣльно не преподавался, хотя латинскіе авторы читались на урокахъ словесности, такъ какъ на немъ происходило преподаваніе главныхъ предметовъ. Съ уничтоженіемъ послѣдняго обычая въ семинаріяхъ, онъ уничтожился и въ академіяхъ.

---

[1]) Дѣло арх. св. Синода 1844 г. № 146/277. Ист. спб. акад., стр. 299, 301.

[2]) Ист. моск. ак., стр. 58.

[3]) Ист. спб. ак., стр. 276—277.

[4]) Дѣло Арх. Син. 1845 г. № 1437.

Поэтому комитетъ рѣшилъ преподавать латинскій языкъ наряду съ другими предметами. Онъ рѣшилъ также преподавать особо русскую гражданскую и русскую церковную исторіи, изъ которыхъ только въ спб. академіи первая съ 1838 года имѣла самостоятельное существованіе, и отдѣлилъ отъ церковной исторіи исторію библейскую съ древностями. Въ результатѣ всего этого вмѣсто прежнихъ 21 предмета каждый студентъ, по предположеніямъ комитета, долженъ былъ изучать 28 предметовъ: 1) св. Писаніе, 2) герменевтику, 3) богословскую энциклопедію, 4) богословіе догмат., 5) богословіе нравственное, 6) богословіе обличительное, 7) церковное краснорѣчіе (богословіе собесѣдовательное и церковная словесность), 8) каноническое право, 9) библейскую исторію, 10) церк. древности, 11) общ. церк. исторію, 12) русскую церк. исторію, 13) патристику, 14—18) философскіе предметы, 19) общую словесность, 20) общ. гражданскую исторію, 21) русскую гражданскую исторію, 22) физико-математическія науки, 23) педагогику, 24) греческій языкъ, 25) латинскій языкъ, 26) еврейскій языкъ, 27) французскій языкъ и 28) нѣмецкій языкъ.

Перегружая академическій курсъ массой предметовъ, комитетъ, по образцу семинарской реформы, нарушилъ и прежнюю цѣлостность академическихъ отдѣленій. По уставу 1814 года, низшее отдѣленіе академіи было общеобразовательнымъ, а высшее—спеціально богословскимъ. По «соображеніямъ» комитета въ низшее отдѣленіе вводились, кромѣ св. Писанія, чисто богословскія науки—богосл. энциклопедія и библейская исторія съ археологіей. Увеличеніе же числа наукъ заставило комитетъ ограничить прежнее количество времени на каждый предметъ и тѣмъ съузить его рамки. Введя $1^1/_2$ часовыя лекціи вмѣсто двухчасовыхъ, такъ какъ иначе оказывалось неудобнымъ раздѣлить учебное время, комитетъ такъ распредѣлялъ послѣднее между предметами.

Предметы.	Количество часовъ.		Количество час. по уставу 1814 г.
	Въ низш. отд.	Въ высш. отд.	
Св. Писаніе	6 (по 2 урока).	6 (по 2 урока).	8
Богословская энцикл. .	3 (по 1 ур.)	—	24
Другія богословск. науки	—	24 (по 8 ур.)	

Предметы.	Количество часовъ.		Количество час. по уставу 1814 г.
	Въ низш. отд.	Въ высш. отд.	
Библейская исторія съ археологіей	3 (по 1 ур.)	—	12
Общая церк. исторія .	—	6 (по 2 ур.)	
Русская церк. исторія .	—	3 (по 1 ур.)	
Патристика	—	6 (по 2 ур.)	—
Церковное краснорѣчіе	—	6 (по 2 ур.)	Церк. слов. 12
Философія	12 (по 4 ур.)	—	20
Общая словесность . .	6 (по 2 ур.)	—	12
Гражд. исторія общая .	6 (по 2 ур.)	—	16
Русская гражд. исторія	3 (по 1 ур.)	—	
Математика и физика .	$7^1/_2$ (по 2 ур. въ 1 годъ и по 1 во второй).	—	16
Греческій языкъ	6 (по 2 ур.)	3 (по 1 ур.)	16
Латинскій языкъ . . .	$4^1/_2$ (по 2 ур. въ 1 годъ и по 1 во второй).	3 (по 1 ур.)	—
Еврейскій языкъ . . .	—	6 (по 2 ур.)	8
Французскій языкъ . .	6 (по 2 ур.)	$1^1/_2$ (по 1 ур. въ перв. годъ).	8
Нѣмецкій языкъ	6 (по 2 ур.)	$1^1/_2$ (по 1 ур. въ перв. годъ).	8
Педагогика	—	3 (по 2 ур. во втор. годъ).	—

Какъ видно изъ этой таблицы, больше всего пострадали общеобразовательные предметы: философія, общая словесность, гражданская исторія, математика, греческій языкъ. Богословскія же науки даже нѣсколько выиграли въ количествѣ учебныхъ часовъ.

Сокращеніе учебнаго времени на многіе предметы, конечно должно было отразиться на основательности ихъ изученія. Но многопредметность вела еще и къ другому злу. Комитетъ, увеличивая число предметовъ, къ прежнему штатному числу наставниковъ (6 профессоровъ и 12 баккалавровъ)

прибавлялъ только 2-хъ, такъ что наставники должны были неизбѣжно обременяться обширными и разнообразными курсами. Между 20-ю наставниками комитетъ полагалъ распредѣлить академическія науки въ такомъ порядкѣ.

Предметы.	Число наставниковъ.
Св. Писаніе	1
Богословская энциклопедія, богословіе догматическое, нравственное, обличительное, пастырское, ученіе о богослуженіи [1]), каноническое право [2]), педагогика.	5
Философія	2
Гражданская и церковная исторія . . .	3
Словесность общая и церковная . . .	2
Физико-математ. науки	1
Патристика	1
Языки: еврейск., греч., латин., франц., нѣм.—по одному	5

Стало быть, такіе важные и обширные курсы, какъ св. Писаніе и математика съ физикой, возлагались каждый на одного преподавателя.

Такъ какъ комитетъ для пересмотра конспектовъ почерпалъ свои полномочія въ оберъ-прокурорской власти, то Синоду ничего не оставалось, какъ утвердить комитетскія „соображенія“. Такое утвержденіе, дѣйствительно, и послѣдовало въ декабрѣ 1845 года [3]). Въ одномъ только св. Синодъ не

[1]) Ученіе о богослуженіи—прежнія „церковныя древности“. Въ спб. академіи этотъ предметъ былъ выдѣленъ въ особую науку еще въ 1842 г. (Ист. спб. ак., стр. 289). Въ московской академіи въ 1844 г. „древности“ были выдѣлены въ особую каѳедру церковной археологіи. (Ист. моск. ак. стр. 43).

[2]) Каноническое право до 40-хъ г.г. въ спб. академіи соединялось съ догматикой. Въ 1842 г. оно получило самостоятельное существованіе. (Ист. спб. ак., стр. 292).

[3]) Дѣло Арх. св. Синода 1845 г. № 1436.

вполнѣ санкціонировалъ предположенія комитета—относительно педагогики. Эту науку Синодъ постановилъ ввести сначала въ видѣ опыта только въ спбургской и кіевской академіяхъ, а о введеніи ея въ академіяхъ московской и казанской — запросить мнѣнія тамошнихъ преосвященныхъ [1]). Однако, по какимъ то не совсѣмъ понятнымъ причинамъ, весь этотъ проектъ не получилъ сразу полнаго осуществленія. Такъ, педагогика не была введена ни въ одной академіи. Преподаваніе латинскаго языка въ видѣ отдѣльнаго предмета явилось не сразу и въ разныхъ академіяхъ въ разное время. Обособленіе нѣкоторыхъ наукъ (напр. рус. церк. ист.), намѣченное комитетомъ, совершилось тоже не сразу. Добавочные два наставника пока вовсе не были назначены. Такимъ образомъ на практикѣ „соображенія" комитета 1845 года только закрѣпили уничтоженіе академическихъ отдѣленій.

Какія цѣли преслѣдовало Протасовское преобразованіе академическаго курса, понять не трудно. Оно, очевидно, выходило изъ того же желанія дать духовному образованію болѣе практическій характеръ, какъ и семинарская реформа. Только тутъ утилитарная задача понималась нѣсколько уже. Академическому курсу не намѣревались навязать матеріально-утилитарныхъ цѣлей: его хотѣли сдѣлать только болѣе спеціально-богословскимъ, приспособительно къ спеціально пастырскимъ потребностямъ. Но, со свойственною Протасовскимъ мѣропріятіямъ безсистемностью и безталанностью, указанное намѣреніе вылилось въ самыя неудачныя формы. Вмѣсто того, чтобы достигать практическихъ цѣлей путемъ большей групповой спеціализаціи, академиковъ, какъ и семинаристовъ, стали начинять самыми разнообразными знаніями. Не рѣшаясь сократить прежняго учебнаго курса въ чемъ бы то ни было, комитетъ 1845 года хотѣлъ вдвинуть новыя науки и новыя задачи въ старыя рамки. Въ результатѣ уничтожались всѣ достоинства прежней системы, а новый принципъ, получивъ половинчатое осуществленіе, не могъ принести никакой существенной пользы.

И дальнѣйшая судьба академическаго образованія въ Протасовскую эпоху и въ непосредственно слѣдующее за ней

---

[1]) Дѣло Арх. св. Синода 1845 г. № 1437.

время была весьма сходна съ судьбой образованія семинарскаго. Какъ въ семинаріяхъ, послѣ коренной ломки стараго строя въ 1840 году, продолжалась частичная ломка въ томъ же духѣ, такъ и въ академіяхъ за преобразованіемъ 1845 года слѣдовали новыя и новыя перемѣны. При этомъ, по тогдашнему обычаю, все дѣлалось случайно и безсистемно, по личнымъ вкусамъ или центральной власти, или, что еще хуже, разныхъ случайныхъ реформаторовъ. Единство учебныхъ плановъ во всѣхъ академіяхъ, при такой системѣ, уже не могло сохраниться и каждая академія подвергалась особымъ преобразовательнымъ экспериментамъ. Больше всего ихъ выпало на долю академій спбургской и казанской, первой—должно быть потому, что она была близка къ власти, а послѣдней—по особымъ мѣстнымъ условіямъ и качествамъ ея администраціи.

Въ 1851 году въ спб. академіи, по предложенію митр. Никанора, введено изученіе опытной психологіи, тогда какъ прежде преподавалась только психологія умозрительная [1]). Въ 1853 году здѣсь было отмѣнено преподаваніе нравственной философіи, какъ предмета, излишняго при нравственномъ богословіи [2]). Въ томъ же году было предписано, по образцу семинарій, преподавать въ спб. академіи практическую геометрію [3]). Когда въ 1853 году возникъ вопросъ о миссіонерскомъ образованіи, то миссіонерскіе противораскольническіе предметы (тѣ-же, что въ семинаріяхъ) тогда же были введены въ спб. академіи [4]). Сначала эти предметы изучались студентами по желанію; но съ 185⁵/₆ уч. года они сдѣланы были, по представленію м. Никанора, общеобязательными [5]). Только въ началѣ 60-хъ годовъ, когда „Протасовскій“ духъ началъ уступать мѣсто новымъ вѣяніямъ, начались перемѣны въ сторону уже прежняго устава. Въ 1861 году конференція с.-петербургской академіи ходатайствовала о раздѣленіи предметовъ низшаго отдѣленія на два класса, предоставленные выбору студентовъ, съ отнесеніемъ къ первому физики, математики, латинскаго языка и одного изъ новыхъ языковъ, ко второму—

---

[1]) Отч. об.-пр. 1851 г., стр. 68. Ист. спб. ак., стр. 295.
[2]) Ист. спб. ак., стр. 295.
[3]) Ист. спб. ак., стр. 302.
[4]) Ист. спб. ак., стр. 287.
[5]) Отч. об.-пр. 1855 г., стр. 67. Ист. спб. ак., стр. 288.

общей гражданской исторіи, историческихъ древностей, латинскаго языка и одного изъ языковъ новыхъ, Св. Синодъ утвердилъ это предположеніе [1]). Но насколько непроченъ былъ тогда еще новый духъ и какъ была сильна Протасовская традиція вплоть до новаго устава, показываетъ то обстоятельство, что стоило явиться новому реформатору — ректору академіи преосв. Іоанну (Соколову), какъ по его представленію отдѣленская специализація снова была нарушена и оба новые языка были опять сдѣланы общеобязательными [2]).

Въ казанской академіи учебный курсъ въ періодъ 1840-хъ—1860-хъ годовъ подвергся наибольшему количеству перемѣнъ. Въ 1842 году, при учрежденіи казанской академіи, въ ней былъ введенъ общій академическій курсъ по уставу 1814 года, съ присоединеніемъ патристики. Но уже при самомъ основаніи академіи образованіе въ ней хотѣли приспособить къ мѣстнымъ потребностямъ, вслѣдствіе чего правленію академіи было поручено войти въ обсужденіе вопроса о преподаваніи мѣстныхъ языковъ [3]). Съ $184^4/_5$ уч. года дѣйствительно въ академическій курсъ были введены языки турецко-татарскій съ арабскимъ и монгольскій съ калмыскимъ. Но ихъ изученіе было предоставлено свободному выбору студентовъ, съ освобожденіемъ желающихъ отъ еврейскаго и новыхъ языковъ, въ часы которыхъ и преподавались мѣстные языки [4]). Такимъ образомъ введеніе новыхъ предметовъ сначала нисколько не нарушало старой системы. Съ 1845 года, по образцу другихъ академій, весь курсъ и здѣсь подвергается ломкѣ. Прежде всего въ казанской академіи введено было, приспособительно къ семинаріямъ, преподаваніе естественныхъ наукъ (ест. исторіи), по предложенію ректора архим. Григорія. На это было назначено два урока въ низшемъ отдѣленіи и одинъ урокъ въ высшемъ. Тогда же пытались ввести и медицину, но она преподавалась только одинъ годъ [5]). Съ уничтоженіемъ отдѣленской системы въ спб. академіи и выработкой новаго распредѣленія наукъ въ академіяхъ, и въ казанской академіи всѣ пред-

---

[1]) Исторія Спб. Академіи 1858—1888 г. Спб. 1889 г., стр. 28—29.

[2]) Ibid, стр. 29—30.

[3]) П. В. Знаменскій, Исторія казанской духовной академіи. Казань. 1892 г., ч. II, стр. 8.

[4]) Ibid., ч. II, стр. 6—7.

[5]) Ibid., ч. II, стр. 3. Дѣло Арх. Св. Син. 1845 г. № $^{173}/_{284}$.

меты сдѣлались общеобязательными, за исключеніемъ мѣстныхъ языковъ. Въ 1851 году, какъ мы видѣли, казанскій преосв. Григорій поднялъ дѣло объ открытіи миссіонерскихъ отдѣленій, въ Казани начатое еще раньше—съ 1847 года. Когда проэктъ преосв. Григорія получилъ утвержденіе, въ 1854 году въ казанской академіи были открыты 4 миссіонерскія отдѣленія: 1) противораскольническое (исторія раскола, полемика, миссіонерская педагогика, этнографія съ изложеніемъ исторіи и вѣрованій разныхъ инородцевъ и полемики противъ послѣднихъ); 2) противомусульманское; 3) противобуддійское; 4) черемисско-чувашское. На послѣднихъ трехъ отдѣленіяхъ, кромѣ мѣстныхъ языковъ, преподавались миссіонерская педагогика, этнографія съ исторіей и изложеніемъ вѣрованій соотвѣтствующихъ инородцевъ и полемика противъ нихъ. Впрочемъ, черемисско-чувашское отдѣленіе за ненужностью черезъ два года было уничтожено. Но при этомъ нововведеніи штатъ преподавателей не увеличивался. Поэтому рѣшено было, для освобожденія преподавательскихъ силъ, отмѣнить преподаваніе естественной исторіи и математики и лишь кратко проходить вмѣстѣ съ философіей и исторію философіи. Изъ физико-математическихъ наукъ осталась одна физика, профессору которой сначала предоставлялось кратко проходить и математику для желающихъ студентовъ. Но съ 1856 года математика въ казан академіи была совсѣмъ изгнана изъ акад. курса, а въ 1858 г. снова возстановлена, вмѣстѣ съ исторіей философіи, при чемъ за-то упразднялась каѳедра пастырскаго богословія и гомилетики (первое присоединено къ нравственному богословію, второе къ словесности) [1]. Послѣдними перетасовками казанская академія была обязана реформаторскому рвенію своего ректора, архим. Іоанна (Соколова). Ему обязана была она и другой весьма существенной перемѣной въ академическомъ курсѣ. Съ 1854 года миссіонерскія науки изучались по желанію студентовъ, освобождавшихся въ такомъ случаѣ на старшемъ курсѣ отъ изученія герменевтики и естественныхъ наукъ (пока послѣднія были) а на младшемъ отъ исторіи философіи, математики и естест. наукъ (то-же пока послѣднія существовали [2]). Съ 185⁸/₉ уч. года ректоръ Іоаннъ, никого не спросивъ, уничтожилъ миссіонерскія отдѣленія, обративъ изученіе раскола

---

[1]) Ист. каз. ак., II, стр. 11—14.

[2]) Ibid., II, стр. 373.

и ислама, а потомъ и противо-буддійскихъ предметовъ, въ общеобязательные предметы (первый для старшаго курса, послѣдніе для младшаго), и исключивъ совсѣмъ миссіонерскую педагогику. Св. Синодъ утвердилъ это распоряженіе, какъ онъ утверждалъ почти всѣ представленія мѣстныхъ реформаторовъ въ ту эпоху [1]). Только уже въ 1865 году, когда измѣнилось настроеніе въ церковно-правительственныхъ сферахъ, миссіонерскія отдѣленія въ казанской академіи были возстановлены въ прежнемъ видѣ и предоставлены свободному выбору студентовъ [2]).

Въ московской и кіевской академіяхъ было всего менѣе разныхъ случайныхъ новшествъ. Но въ 1854 году и въ нихъ были открыты миссіонерскія отдѣленія противъ раскола [3]).

Въ результатѣ всѣхъ измѣненій академическаго курса съ 40-хъ годовъ до новаго устава 1869 года курсъ этотъ разроссся чуть не вдвое по сравненію съ прежнимъ и сдѣлался до крайности разновиднымъ. Но ростъ количественный въ такихъ случаяхъ обычно обратно пропорціоналенъ росту качественному. Какъ бы ни были полезны и важны тѣ или другія отдѣльныя науки, вновь предлагавшіяся изученію академическаго студенчества, всѣ вмѣстѣ онѣ могли только произвести сумбуръ въ головахъ и отбить всякую охоту къ знанію. Такъ что и здѣсь вполнѣ примѣнимы были бы слова м. Филарета: „все только портятъ, а не усовершаютъ“.

Преобразованіе низшихъ училищъ.

Реформы 40-хъ годовъ существеннымъ образомъ измѣнили среднее и высшее духовное образованіе. Оставались пока не тронутыми Протасовскою рукою только низшія духовныя училища. Но, какъ и слѣдовало ожидать, очередь дошла, наконецъ, и до нихъ, и въ началѣ 50-хъ годовъ совершилась и училищная реформа.

По своей идеѣ училищная реформа исходила изъ того же начала, что и преобразованія семинарскія и академическія. Въ основѣ ея лежала мысль о большемъ приспособленіи училищнаго курса къ практическимъ потребностямъ. Только мысль

---

1) Ibid., II, стр. 161—163.

2) Ibid, II, стр. 443—444.

3) Изъ отч. об.-пр. 1854 г., стр. 51.

эта здѣсь развивалась на почвѣ особыхъ условій и стояла въ связи съ рядомъ такихъ мѣропріятій, которыя весьма больно затронули не одну школу, но и все духовное сословіе.

Во второй половинѣ 40-хъ годовъ свѣтское правительство обратило вниманіе на слишкомъ большую численность духовнаго сословія. Такъ какъ выходъ изъ духовнаго званія всегда сильно затруднялся, то, дѣйствительно, число людей въ этомъ званіи съ теченіемъ времени все увеличивалось и увеличивалось, при чемъ многіе не занимали никакихъ должностей, по неимѣнію мѣста. Сокращеніе штатовъ церквей къ тому времени все болѣе увеличивало этотъ излишекъ. Въ 1849 году, по иниціативѣ правительства, были затребованы изъ епархій свѣдѣнія о числѣ открывающихся ежегодно священно-служительскихъ вакансій и числѣ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, не получившихъ назначенія. Оказалось, что въ епархіяхъ, за исключеніемъ 12, изъ которыхъ не было прислано свѣдѣній, имѣется безъ мѣстъ 1887 челов. съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ и 3649 чел. не окончившихъ семинаріи. Во всѣхъ епархіяхъ, кромѣ 7, не давшихъ свѣдѣній, оказалось 115,313 дѣтей духовенства мужескаго пола и въ томъ числѣ 7247, имѣющихъ свыше 20 лѣтъ, такихъ, о которыхъ неизвѣстно, какое они имѣютъ образованіе. Епархіальныя начальства часто были въ затрудненіи распредѣлить всѣхъ на мѣста, а неопредѣленные никуда лица терпѣли нужду и находились въ праздности. На это излишество праздныхъ людей обратилъ вниманіе Государь, и Синоду предложено было принять мѣры для урегулированія численности духовенства.

Св. Синодъ для разсмотрѣнія этого дѣла учредилъ совѣщательный комитетъ подъ предсѣдательствомъ архіеп. херсонскаго Иннокентія. Комитетъ этотъ для устраненія излишка людей въ духовномъ вѣдомствѣ, предложилъ такія мѣры. Онъ полагалъ предоставить находящимся безъ должности лицамъ выйти изъ духовнаго вѣдомства, произвесть разборъ лицъ, оказавшихся недостойными духовнаго званія, какъ то исключенныхъ за неодобрительное поведеніе и безграмотныхъ, и передать таковыхъ гражданскому начальству для опредѣленія, куда оно найдетъ нужнымъ; освободить духовенство отъ узаконенной уставами 1808—1814 г. обязанности представлять дѣтей въ духовныя училища; наконецъ, ввести нормальное число учениковъ въ училищахъ и семинаріяхъ, образовать причетническіе классы для неспособныхъ и закрыть лишнія

приходскія училища, предоставивъ духовенству дома приготовлять дѣтей прямо къ уѣздному училищу.

Сообразно этимъ предположеніямъ, св. Синодъ опредѣленіемъ 12 іюля/9 окт. 1850 года постановилъ: поручить преосвященнымъ 16-ти наиболѣе многолюдныхъ епархій сдѣлать списки лишнихъ и недостойныхъ людей и представить ихъ Синоду, войти въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ о средствахъ разбора, предоставить архіереямъ право увольнять изъ духовнаго званія окончившихъ семинарскій курсъ во всѣхъ трехъ разрядахъ. Затѣмъ, постановленіемъ Синода 20/31 декабря 1850 года, съ Высочайшаго соизволенія, было отмѣнено правило устава 1814 года объ обязательномъ представленіи дѣтей духовенства въ духовныя училища, за исключеніемъ сиротъ, не имѣющихъ средствъ, представленіе которыхъ оставлено обязательнымъ. Кромѣ того, дозволено было духовенству представлять дѣтей прямо въ семинарію [1]), а дѣтей духовенства, не представленныхъ въ училища и не получившихъ назначенія до 17 лѣтъ, положено было считать уволенными изъ духовнаго вѣдомства. Вмѣстѣ со всѣми этими распоряженіями Духовно-Учебному Управленію было поручено собрать предварительныя свѣдѣнія о числѣ ежегодно открывающихся священнослужительскихъ вакансій и выработать проектъ нормальныхъ штатовъ [2]).

19-го декабря 1850 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ св. Синоду было предоставлено право опредѣлить нормальное число учениковъ для семинарій и училищъ. Тогда Дух.-Уч. Управленію было напомнено о данномъ ему порученіи. Для исполненія послѣдняго былъ образованъ при Управленіи совѣщательный комитетъ, который и выработалъ проектъ нормальныхъ штатовъ [3]). Но комитетъ не ограничился этимъ, а простеръ свою дѣятельность дальше и составилъ проектъ преобразованія низшихъ училищъ сообразно новымъ намѣченнымъ для нихъ задачамъ. Съ введеніемъ

---

[1]) Послѣднимъ мѣропріятіемъ былъ весьма недоволенъ митр. Филаретъ. По его мнѣнію, оно выражало недовѣріе къ воспитательной роли духовныхъ училищъ и тѣмъ бросало тѣнь на ихъ прошлое, настоящее и будущее. Митр. Филаретъ называлъ это проектомъ Иннокентія херсонскаго и находилъ очень невыгоднымъ для духовенства. (Приб. къ тв. Св. О. 1884 г. кн. IV, стр. 327—328).

[2]) Дѣло Д. У. У. 1850 г. № 278.

[3]) Объ этомъ проектѣ у насъ рѣчь будетъ ниже, въ другомъ мѣстѣ.

нормальныхъ штатовъ, масса учениковъ низшихъ училищъ теряла доступъ въ семинарію. Эти недоучки, предполагалось, какъ и прежде, будутъ составлять, главнымъ образомъ, кадръ причетниковъ. А въ такомъ случаѣ представлялось полезнымъ и вполнѣ гармонирующимъ съ тогдашними взглядами, возможно болѣе приспособить училищный курсъ къ потребностямъ причетническаго званія и законченнаго низшаго образованія, не упуская однако изъ виду и задачи приготовленія къ семинаріи. Съ другой стороны, по прежде выработаннымъ предположеніямъ, проектировалось сократить число приходскихъ училищъ, предоставивъ отчасти первоначальное образованіе семьѣ. На этихъ двухъ исходныхъ началахъ и былъ построенъ преобразовательный планъ комитета, утвержденный св. Синодомъ 27 іюня/12 іюля 1851 г. [1]).

По положенію 1851 года, духовныя приходскія и уѣздныя училища соединялись вмѣстѣ въ одно учебное заведеніе подъ названіемъ училищъ уѣздныхъ, съ 6-лѣтнимъ курсомъ. Послѣдній дѣлился на три двухгодичныя отдѣленія, изъ которыхъ низшее должно было составиться изъ классовъ прежнихъ приходскихъ училищъ, а среднее и высшее соотвѣтствовавши низшему и высшему отдѣленіямъ прежнихъ училищъ уѣздныхъ. Отъ поступающихъ въ преобразованныя уѣздныя училища полагалось требовать уже умѣнья писать по русски и читать по русски и по славянски, и знанія наизусть символа вѣры, 10 заповѣдей, молитвы Господней и нѣкоторыхъ другихъ молитвъ, а также таблицы умноженія. Самый же учебный курсъ уѣздныхъ училищъ по сравненію съ прежнимъ преобразовывался въ такомъ видѣ [2]).

Положеніе 1851 г.		Уставъ 1814 г.	
Низшее отдѣленіе.		Приходское училище.	
Предметы.	Колич. часовъ ежегод.	Предметы.	Колич. часовъ всего.
Краткій катихизисъ съ краткой св. исторіей.	4	Сокращенный катихизисъ (во второй годъ)	2
Церковное пѣніе . .	6	Церковное пѣніе (въ первый и второй годъ)	12

[1]) Дѣло Д. У. У. 1851 г. № 75.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1851 г. № 75, лл. 9—11.

Положеніе 1851 г.		Уставъ 1814 г.	
Низшее отдѣленіе.		Приходское училище.	
Предметы.	Колич. часовъ ежегод.	Предметы.	Колич. часовъ всего.
Русское и слав. чтеніе	8	Рус. и слав. чтеніе (въ первый и второй годъ)	23
Чистописаніе . . .	6	Чистописаніе (въ первый и второй годъ). .	12
Русская грамматика	4	Русская грамматика (во второй годъ) . . .	6
Ариѳметика	2	Ариѳметика (во второй годъ)	4
Латинскій языкъ . .	2		
Греческій языкъ . .	2		

Среднее отдѣленіе		Низшее отдѣленіе уѣзднаго училища.	
Предметы.	Колич. часовъ ежегод.	Предметы.	Колич. часовъ всего.
Пространный катихизисъ и изъясненіе евангелій воскресныхъ и главнѣйшихъ Господскихъ праздниковъ . .	2	Катихизисъ	2
Священная исторія .	2		
Уставъ церковный .	2	Уставъ церковный .	2
Церковное пѣніе . .	2	Пѣніе	4
Русская грамматика	4	Русская грамматика	2
Славянск. грамматика	4	Славянск. грамматика	2
Латинскій языкъ . .	6	Латинскій языкъ . .	8
Греческій языкъ . .	6	Греческій языкъ . .	8
Кратк. русск. исторія	2		
Ариѳметика	4	Ариѳметика	6

Положеніе 1851 г.		Уставъ 1814 г.	
Высшее отдѣленіе.		Высшее отд. уѣздн. учил.	
Предметы.	Колич. часовъ ежегод.	Предметы.	Колич. часовъ ежегод.
Пространный катихизисъ и объясненіе воскресныхъ и праздничн. Апостоловъ	4	Катихизисъ	2
Св. исторія	2	Св. исторія	2
Уставъ церковный .	2		
Пѣніе	2	Пѣніе	2
Русская грамматика	2		
Латинскій языкъ . .	6	Латинскій языкъ . .	10
Греческій языкъ . .	6	Греческій языкъ . .	10
Русская исторія . .	2		
Географія	6	Географія	6
Ариѳметика	2	Ариѳметика	2

Какъ видно изъ этой таблицы, преобразованіе 1851 года, сравнительно съ реформой семинарскаго образованія, гораздо менѣе затрогивало старый учебный курсъ. Изъ новыхъ предметовъ въ низшія училища были введены только два: объясненіе евангелій и апостоловъ и русская исторія. Главныя перемѣны заключались въ перестановкѣ предметовъ и измѣненіи количества учебныхъ часовъ. Въ первомъ отношеніи наиболѣе существеннымъ было распространеніе преподаванія древнихъ языковъ и на низшее отдѣленіе, замѣнившее приходское училище. Это нововведеніе, однако, не было совершенной новостью. Мысль начинать изученіе древнихъ языковъ съ приходскаго училища возникала еще въ концѣ 20-хъ годовъ и на практикѣ нерѣдко осуществлялась послѣ этого. Въ учебномъ планѣ 1851 года введеніе древняго языкознанія въ низшее отдѣленіе оправдывалось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь было положено принимать дѣтей въ уѣздное училище не моложе 9-ти лѣтъ, тогда какъ по уставу 1814 года прини-

мали въ приходское училище 6—7 лѣтнихъ и совсѣмъ безграмотныхъ мальчиковъ. Измѣненіе учебныхъ часовъ коснулось главнымъ образомъ древнихъ языковъ, и отчасти русскаго языка и ариѳметики. Но при этомъ сокращеніе времени на русскій языкъ въ низшемъ отдѣленіи по сравненію съ прежнимъ приходскимъ училищемъ имѣло для себя возмѣщеніе въ предварительной подготовкѣ поступающихъ въ училище, каковой подготовки не требовалось по уставу 1814 г. Такимъ образомъ большой ломки стараго курса не было въ положеніи 1851 г.

Однако все-таки нельзя сказать, чтобы и эта протасовская реформа была удачной. Правда, соединеніе приходскихъ училищъ съ уѣздными было мѣрой, вытекавшей изъ потребностей жизни. Приходскія училища къ 50-мъ годамъ и такъ существовали почти исключительно при уѣздныхъ, и административное раздѣленіе первыхъ отъ послѣднихъ совершенно излишне усложняло школьную организацію. Но перемѣны въ учебномъ курсѣ были скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго достоинства. Что касается введенія русской исторіи, то оно имѣло еще свои основанія. Помимо того, что для оканчивающихъ образованіе училищемъ было необходимо имѣть хотя элементарныя историческія свѣдѣнія, преподаваніе исторіи и въ семинаріяхъ было поставлено не настолько широко, чтобы была излишней предварительная подготовка. Но объясненіе евангелій и апостоловъ было предметомъ совершенно ненужнымъ. Самая мысль о введеніи этого предмета возникла совершенно случайно, чисто по „протасовски“. Въ мартѣ 1850 г. ректоръ нижегородской семинаріи архим. Аполлоній прислалъ въ Дух.-Учебное Управленіе ходатайство о введеніи въ низшихъ училищахъ объясненія воскресныхъ и праздничныхъ евангелій по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ или наканунѣ ихъ, дабы воспитанники съ ранняго возраста знакомились съ св. писаніемъ. Вопросъ этотъ былъ переданъ на обсужденіе академическихъ правленій, а послѣднія запросили семинаріи своихъ округовъ. По всеобщему и единодушному отзыву предположеніе нижегородскаго ректора было признано неудобнымъ, трудноисполнимымъ и малополезнымъ, такъ какъ для этого нѣтъ подходящихъ пособій и для учениковъ едва ли будетъ такое объясненіе понятно. При этомъ даже нижегородскій епископъ отозвался отрицательно о проэктѣ своего ректора [1]). Положеніе 1851 года, тѣмъ не менѣе, осуществило

[1]) Дѣло Д. У. У. 1850 г. № 62.

проэктъ Аполлонія, хотя и въ другой формѣ. Распредѣленіе учебнаго времени было также сдѣлано не совсѣмъ удачно. Трудно сказать что нибудь противъ сокращенія часовъ на древніе языки (по 28 часовъ въ теченіи всего учил. курса вмѣсто прежнихъ 36). Подавляющая роль ихъ въ низшемъ образованіи особенно вредна и неизбѣжно вредитъ изученію родного языка. Однако преобразованіе 1851 года все-таки не подняло послѣдняго на должную высоту. Правда, на русскую грамматику было назначено во весь курсъ 20 часовъ вмѣсто прежнихъ 10; но, какъ показалъ опытъ, и этого было мало, особенно при уменьшеніи часовъ на русское чтеніе. Главная же и непростительная ошибка учебнаго плана 1851 года была въ томъ, что онъ назначилъ 12 часовъ въ 6-лѣтъ на ариѳметику, вмѣсто прежнихъ 20 часовъ, тогда какъ и раньше знаніе этого предмета было слабымъ. Увеличеніе уроковъ катихизиса и устава было совсѣмъ не необходимо и ни въ какомъ случаѣ не оправдывало сокращенія и такъ недостаточнаго времени на ариѳметическіе уроки.

Кромѣ преобразованія учебнаго курса самыхъ низшихъ училищъ, положеніе 1851 г. учреждало при нѣкоторыхъ уѣздныхъ училищахъ, смотря по потребностямъ епархіи, еще особые причетническіе классы [1]). Классы эти предназначались главнымъ образомъ для тѣхъ училищныхъ учениковъ, которые при введеніи нормальныхъ штатовъ будутъ не удостоены перевода въ высшее отдѣленіе училища [2]). По дозволялось принимать въ нихъ и такихъ учениковъ, не моложе 15 и не старше 17 лѣтъ, которые не обучались въ училищѣ, а подготовлены были дома. Причетническій классъ долженъ былъ подготовлять къ причетническимъ должностямъ недоучекъ. Что касается же учениковъ, окончившихъ училище, но не поступившихъ въ семинарію, то таковые для подготовленія къ причетнической должности могли также поступать въ причетническій классъ; однако для нихъ прохожденіе всего курса въ немъ было не обязательно, да кромѣ того епархіальныя начальства могли опредѣлять окончившихъ училище и прямо на причетническія мѣста. Курсъ причетническихъ классовъ

---

[1]) Нѣчто подобное этому учрежденію—причетническія школы—были заведены въ Костромѣ и Полоцкѣ еще въ 1838 году.

[2]) Предполагалось нормальное число учениковъ въ училищахъ установить лишь для высшаго отдѣленія.

устанавливался двухгодичнымъ, а программа обученія была слѣдующая: пространный катихизисъ съ объясненіемъ евангелія и апостоловъ [1]) (2 ур.), краткая св. исторія (1 ур.), уставъ церковный и краткое ученіе о богослужебныхъ книгахъ [2]) (3 ур.), краткое ученіе объ утвари, обрядахъ и праздникахъ церковныхъ (1 ур.), церковное пѣніе (3 ур.) [3]), чистописаніе (1 ур.), русскій языкъ и письмоводство (2 ур.) [4]), славянскій языкъ (1 ур.) [5]), русская исторія (1 ур.), русская географія (1 ур.), ариѳметика (1 ур.). Какъ видно, программа эта несущественно разнится отъ программы высшаго отдѣленія уѣзднаго училища, да и разнится только такими предметами, которыхъ нѣтъ никакой нужды изучать въ школѣ. Поэтому, если былъ какой-нибудь смыслъ учрежденія причетническихъ классовъ, то лишь тотъ, что они давали заключительное образованіе не попавшимъ въ высшее отдѣленіе. Но нормальное число учениковъ въ высшихъ отдѣленіяхъ уѣздныхъ училищъ было отмѣнено въ слѣдующемъ же 1852 году, а причетническіе классы остались и сдѣлались сразу же мертворожденными дѣтищами Протасовской эпохи, составляя совершенно безполезный придатокъ къ училищному курсу.

Что касается распредѣленія предметовъ между наставниками, то положеніе 1851 года въ этомъ отношеніи поступало гораздо раціональнѣе семинарскаго положенія 1840 г. Предметы были раздѣлены между учителями по предметной системѣ, хотя и не вполнѣ выдержанной; впрочемъ, тѣмъ не менѣе, на долю каждаго учителя пришлось по нѣскольку предметовъ, такъ какъ штатъ учителей не увеличивался, а даже уменьшался. Прежде полагалось по 4 учителя въ уѣздномъ учи-

---

[1]) Ученики при этомъ должны были научиться сами пріискивать зачала евангелій и апостоловъ.

[2]) Съ послѣдними двумя предметами ученики должны были настолько познакомиться, чтобы отправлять всякую службу по книгамъ безъ указанія.

[3]) По пѣнію требовалось научиться пѣть наизусть вседневныя службы, а другія—по книгамъ.

[4]) Уроки по этому предмету должны были состоять въ краткомъ повтореніи пройденнаго, изученіи примѣнительно къ практикѣ нужнѣйшихъ правилъ словосочиненія и правописанія, знакомствѣ съ веденіемъ приходорасходныхъ книгъ, церковныхъ описей, клировыхъ вѣдомостей, метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ и свидѣтельствъ.

[5]) Кромѣ славянской грамматики тутъ требовалась практика въ славянскомъ чтеніи.

лищѣ и по 2 въ приходскомъ. Теперь въ училищахъ безъ причетническаго класса положено было 5 учителей, а 6-й полагался лишь для упомянутаго класса. Первому учителю назначалось преподавать во всѣхъ отдѣленіяхъ пространный катихизисъ съ объясненіемъ евангелій и апостоловъ (и въ причетническомъ классѣ, если таковой имѣлся), и латинскій языкъ. Второму учителю назначались св. исторія въ среднемъ и высшемъ отд. и греческій языкъ во всѣхъ отдѣленіяхъ. Третій учитель долженъ былъ преподавать славянскую грамматику, ариѳметику (и въ причетнич. классѣ) и географію (то-же и въ причетнич. классѣ). Четвертому учителю давались русская грамматика, церковное пѣніе въ среднемъ и высшемъ отдѣл., вездѣ уставъ и въ причетническомъ классѣ ученіе о богослужебныхъ книгахъ. Пятый учитель получилъ въ низшемъ отдѣленіи краткій катихизисъ съ краткой св. исторіей, церковное пѣніе, русское чтеніе и чистописаніе. Шестой учитель предназначался спеціально для причетническаго класса и долженъ былъ преподавать въ немъ св. исторію, ученіе объ утвари, обрядахъ и праздникахъ, пѣніе, чистописаніе, русскій и славянскій языки, письмоводство и русскую исторію [1]).

Училищное преобразованіе 1851 года было распространено постепенно на епархіи, но не безъ исключенія. Въ 1851 году низшія училища подверглись преобразованію въ 4-хъ епархіяхъ — тверской, черниговской, курской и орловской [2]). Въ 1852 году, по опредѣленію Синода 31 мая, реформа [3]) распространилась на епархіи ярославскую, рязанскую, калужскую, владимірскую, тульскую, костромскую, казанскую, нижегородскую, вятскую, тамбовскую, пензенскую, симбирскую. Во всѣхъ этихъ 16-ти епархіяхъ было преобразовано 70 училищъ и при 29-ти были открыты причетническіе классы [4]). Опредѣленіемъ Синода $\frac{\text{23 сент.}}{\text{31 окт.}}$ 1853 года рѣшено было распространить реформу еще на 17 епархій: с.-петербургскую, новгородскую, псковскую, могилевскую, олонецкую, смоленскую, полоцкую, архангельскую, кіевскую, херсонскую, минскую, донскую, екатеринославскую, воронежскую, полтавскую, волынскую, харь-

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1851 г. № 75, лл. 9, 11.
[2]) Ibid., лл. 3—6, 50.
[3]) Ibid., лл. 98—107.
[4]) Извлеч. изъ отч. об.-пр. 1852 г., стр. 58.

ковскую. Здѣсь причетническіе классы были учреждены при 26 училищахъ изъ 61 [1]). Въ 1854 году подвергнуты были преобразованію учебныя заведенія епархій вологодской, пермской, самарской, саратовской, астраханской, тобольской, томской, оренбургской, кавказской. Здѣсь были учреждены причетническіе классы при 16 училищахъ изъ 25. При этомъ въ учебномъ курсѣ для нѣкоторыхъ изъ этихъ епархій были сдѣланы измѣненія. Именно, въ астраханскомъ училищѣ положено было преподавать калмыцкій и татарскій языки, для чего было отдѣлено въ низшемъ отдѣленіи 2 урока отъ русскаго чтенія, въ среднемъ отдѣленіи одинъ урокъ отъ греческаго языка, а въ высшемъ отдѣленіи 1 урокъ отъ лат. языка. Въ епархіяхъ тобольской, томской, оренбургской, кавказской дозволено принимать въ уѣздныя училища дѣтей и безъ предварительной подготовки, такъ какъ тамъ очень рѣдки сельскія училища [2]). Въ 1855 году преобразованіе распространено на епархіи подольскую и кишиневскую; въ первой открыто 2, во второй одинъ причетническіе классы [3]). Въ 1859 году подвергнуты были преобразованію училища иркутской епархіи. Безъ преобразованія остались, такимъ образомъ, только училища грузинскаго экзархата и московской епархіи. Въ первомъ реформа не была проведена по мѣстнымъ обстоятельствамъ. Въ Москвѣ же не далъ осуществиться этому протасовскому мѣропріятію м. Филаретъ, который такъ энергично запротестовалъ противъ положенія 1851 года въ своей епархіи, что спорить съ нимъ не рѣшились и оставили московскія училища на старомъ положеніи.

Учебный планъ, введенный для духовныхъ училищъ въ 1851 году, подобно учебнымъ курсамъ другихъ духовныхъ школъ, не остался неподвижнымъ. Впрочемъ, здѣсь измѣненія были сравнительно незначительны. Въ 1856 году введено было обученіе оспопрививанію въ причетническихъ классахъ при 26-ти уѣздныхъ училищахъ московскаго и казанскаго округовъ. Въ концѣ этого же года сдѣлана нѣкоторая перестановка въ распредѣленіи предметовъ по отдѣленіямъ. Именно, въ 1856 году учитель вологодскаго уѣзднаго училища Изю-

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1850 г. № 75, т. II.

[2]) Ibid.

[3]) Ibid., при кишиневскомъ училищѣ, по ходатайству духовенства, открытъ также приготовительный классъ.

мовъ прислалъ въ Дух. Уч. Управленіе письмо съ указаніемъ на неудобство преподаванія въ уѣздномъ училищѣ географіи въ одномъ высшемъ отдѣленіи, тогда какъ преподаваніе русской исторіи начинается въ среднемъ; для изученія же исторіи необходимо знакомство съ географіей. Дух. Уч. Управленіе назначило по данному вопросу общее присутствіе, пригласивъ ректора спб. семинаріи арх. Іоанна и находящихся въ Петербургѣ ректоровъ кіевской сем.—Нектарія и костромской—Порфирія. Здѣсь указаніе Изюмова было признано основательнымъ и положено было преподаваніе русской исторіи въ среднемъ отдѣленіи училищъ отмѣнить, назначивъ за-то на исторію въ высшемъ отдѣленіи два урока вмѣсто одного, а въ среднемъ отдѣленіи преподавать предварительныя географическія свѣдѣнія и русскую географію при одномъ урокѣ, сокративъ географическіе уроки въ высшемъ отдѣленіи съ трехъ на два. Св. Синодъ $^{12}/_{31}$ дек. 1856 г. утвердилъ это предположеніе [1]), и такимъ образомъ уѣздный учитель Изюмовъ сдѣлалъ то, до чего не додумался комитетъ 1851 года.

Такова была учебно-преобразовательная дѣятельность такъ называемой Протасовской эпохи. Она не покушалась, повидимому, прямо на уставы 1814 года, такъ какъ всѣ вышеизложенныя мѣропріятія проводились путемъ частныхъ положеній и новаго устава не было издано. Но само собою разумѣется, что только форма оставалась прежней, а по существу учебный строй существенно измѣнялся, и измѣнялся, за исключеніемъ немногихъ деталей, въ худшую сторону. Однако и при всѣхъ протасовскихъ измѣненіяхъ нельзя было сказать, что духовное образованіе понизилось по сравненію съ свѣтскимъ. Учебныя заведенія министерства народ. просвѣщенія въ тотъ періодъ переживали отчасти такую же вредную ломку, какъ и духовныя школы. Духъ Николаевскихъ временъ, который питалъ протасовскіе идеалы, не могъ не отразиться и на свѣтской школѣ. Здѣсь также происходила перетасовка предметовъ и „приспособленіе“ ученія къ практической жизни. Измѣненіе учебныхъ плановъ 1828 года началось въ 40-хъ годахъ. Въ 1844 году была исключена изъ гимназическаго курса статистика; въ 1846 году была исключена начертательная и

---

[1]) Дѣло Д. Уч. У. 1856 г. № $^{29}/_{4263}$.

аналитическая геометрія, въ 1847 году—логика. Въ 1849 году была сдѣлана попытка придать гимназическому курсу болѣе реальный характеръ. Въ этихъ видахъ введено было въ гимназіяхъ законовѣдѣніе, а латинскій языкъ оставленъ только въ высшихъ четырехъ классахъ, да и то необязательно, а лишь для готовящихся въ университетъ. Въ 1852 году во всѣхъ гимназіяхъ, за исключеніемъ 9, уничтоженъ былъ греческій языкъ и замѣненъ естественною исторіею [1]). Такимъ образомъ большинство гимназій изъ классическихъ превратилось въ реальныя. Но всѣ эти преобразованія гимназическаго курса также не принесли ничего, кромѣ вреда, какъ и преобразованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ преподаваніе реальныхъ наукъ оказалось безплоднымъ въ данной имъ постановкѣ, что и было засвидѣтельствовано впослѣдствіи министромъ нар. просвѣщенія въ объяснительной запискѣ къ уставу гимназій 1864 г. [2]). Такая общность несчастья для духовной и свѣтской школы, конечно, была печальна. Но она сглаживала различіе между ними по достоинству даваемаго въ нихъ образованія. Какъ школа классическая, гуманитарная, духовная школа стояла даже выше свѣтской. Это сознавало, видимо, само Министерство народнаго просвѣщенія, почему въ 1863 году, когда возникъ вопросъ о поступленіи семинаристовъ въ университеты, получившіе новый уставъ, министръ народ. просв. сообщилъ Синоду, что онъ призналъ курсъ духовныхъ семинарій равнымъ гимназическому и нашелъ справедливымъ принимать окончившихъ общій курсъ семинарій въ университеты (спб., москов., харьков., казанск., кіевскій) безъ экзамена, съ сохраненіемъ лишь права университетовъ назначать таковымъ лицамъ испытаніе, когда это будетъ признано нужнымъ [3]).

Общія условія учебнаго дѣла.

Обзоръ Протасовскихъ нововведеній въ учебные курсы духовныхъ школъ, намъ кажется, ясно показываетъ, что преобразованія 40—50-хъ гг. въ ходѣ духовнаго образованія были

---

[1]) См. объ этихъ измѣненіяхъ гимназическаго курса у Е. К. Шмида, Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, Спб. 1877 г., стр. 367—394.

[2]) Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. т. III, ст. 1333—1341.

[3]) Дѣло Канц. Св. Син. 1863 г. № 1445/1377.

факторомъ чисто отрицательнаго достоинства. Онѣ колебали разумныя основы старой системы, создавая вредную многопредметность и не улучшая, а большей частью ухудшая постановку прежнихъ основныхъ наукъ, особенно общеобразовательныхъ. Являясь такимъ образомъ отрицательнымъ факторомъ въ школьной жизни, мѣропріятія Протасовской эпохи не устраняли и неблагопріятныхъ условій, которыя прежде тормозили школьное дѣло. Лишь одно только улучшеніе проводилось въ нихъ—замѣна латинскаго языка русскимъ въ семинарскомъ и академическомъ преподаваніи. Что же касается другихъ недостатковъ стараго строя, то они въ Протасовскую эпоху большею частью не уменьшились, а даже усилились.

Уставы 1814 года создали почву для дѣленія предметовъ на главные и вспомогательные. Къ послѣднимъ относились науки историческія, математическія и языки. Такое дѣленіе предметовъ весьма вредно отзывалось на ходѣ ученія, такъ какъ не только у учащихся, но даже у учащихъ создалось убѣжденіе, что вспомогательные предметы не важны и требованія по нимъ должны быть снисходительнѣе. Въ концѣ концовъ этотъ взглядъ приводилъ къ упадку униженныхъ наукъ, а вмѣстѣ и образовательнаго уровня учениковъ. Въ 40—50-хъ г.г. подобное воззрѣніе продолжало существовать по прежнему и даже развилось еще больше. Преобразованія 40-хъ годовъ какъ нельзя болѣе подтверждали мнѣніе о второстепенномъ значеніи наукъ историческихъ, математическихъ и языкознанія, вводя ихъ въ весьма узкія рамки. И впослѣдствіи, когда настало время новыхъ реформъ, уставъ 1867 г. долженъ былъ спеціально бороться съ указаннымъ взглядомъ, укоренившимся въ теченіи полувѣка.

Не мало страдало также семинарское образованіе въ первой половинѣ XIX вѣка отъ отсутствія опредѣленныхъ программъ преподаванія и отъ недостатка удовлетворительныхъ учебниковъ. Нормальные конспекты 1814 года обрисовывали учебные курсы лишь въ общихъ чертахъ. Поэтому каждый преподаватель долженъ былъ составлять собственный конспектъ, а это, конечно, подвергало преподаваніе измѣнчивости. Въ 1840 году былъ образованъ особый комитетъ для разсмотрѣнія конспектовъ, вытребованныхъ отъ преподавателей, и выработки нормальныхъ программъ. Но комитетъ больше занимался другими дѣлами и не составилъ ни одной

программы, не смотря на то, что существовалъ около 5 лѣтъ [1]). Такимъ образомъ прежній порядокъ сохранился до новаго устава 1867 г. То же самое случилось и съ вопросомъ о составленіи новыхъ учебниковъ. Образованный въ 1837 году комитетъ для пересмотра учебниковъ поручилъ академическимъ конференціямъ озаботиться составленіемъ учебныхъ руководствъ по всѣмъ предметамъ духовно-учебнаго курса. Академическія конференціи тогда же передали это порученіе разнымъ лицамъ. Но за все время 1840—1850-хъ годовъ появилось всего три-четыре новыхъ учебника (съ которыми мы встрѣтимся ниже), а въ общемъ учебниковъ стало меньше прежняго, такъ какъ нѣкоторые старые окончательно вышли изъ употребленія, а новыхъ не было. Съ увеличеніемъ учебныхъ предметовъ составленіе записокъ стало еще обременительнѣе, и отсутствіе учебниковъ сказывалось вреднѣе прежняго на состояніи учебнаго дѣла [2]). Сплошь и рядомъ бывало такъ же, какъ и раньше, въ Протасовскую эпоху, что ученики не имѣли и тѣхъ учебныхъ книгъ, которыя должны бы были имѣть. Не смотря на давнишнее распоряженіе снабжать учащихся въ высшихъ классахъ семинаріи библіями, даже библій было мало: одна книга приходилась на 6 — 12 человѣкъ [3]). Не было часто и такихъ необходимыхъ пособій, какъ богослужебныя книги при изученіи устава и богослуженія [4]). О прочихъ учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ въ такомъ случаѣ нечего и говорить. Ревизіи учебнаго комитета въ концѣ 60-хъ годовъ обнаружили въ данномъ отношеніи всеобщую скудость въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. А еще большая скудость была въ отношеніи книгъ для внѣкласснаго чтенія, имѣющаго такое важное значеніе для умственнаго развитія учащихся. Школьныя библіотеки и прежде для учениковъ были мало доступны. Въ 40—50-хъ г.г. къ этой замкнутости прибавилось и полное

---

[1]) О составленіи конспектовъ въ комитетѣ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ.

[2]) По словамъ ревизора минской семинаріи 1855 г., переписываніе записокъ доводило учениковъ до чахотки. (Дѣло Д. У. У. 1 ст. 1-го отд., 1855 г. № 107/4086).

[3]) См. напр. отчеты о ревизіяхъ владимір. семинаріи 1869 г., стр. 6; херсонской сем. 1868 г., стр. 31.

[4]) Напр. дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363/3337, о ревизіи кн. Урусова.

ихъ оскудѣніе. По недостатку средствъ, не могли выписывать даже необходимыхъ пособій для преподавателей; гдѣ же было думать о книгахъ для чтенія учениковъ [1]). Только въ самомъ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ г.г. начинаютъ появляться ученическія библіотеки [2]), но ихъ дѣйствіе и вліяніе относится уже къ новой эпохѣ жизни духовной школы.

Не исчезъ въ Протасовскую эпоху и одинъ изъ главнѣйшихъ тормазовъ духовно-учебнаго дѣла въ старое время — многолюдство классовъ. Послѣднее питалось главнымъ образомъ системой двухгодичныхъ курсовъ. Къ сожалѣнію, свѣтлая мысль архим. Никодима о введеніи одногодичныхъ классовъ не была принята при реформѣ 1840 г. Совѣщаніе при Духовно-Учебномъ управленіи тогда признало этотъ проектъ неосуществимымъ, и классы остались по прежнему многолюдными. Впрочемъ, за время 40—50-хъ г.г. многолюдство все таки нѣсколько уменьшилось. Этому способствовали, во-первыхъ, постепенное увеличеніе параллельныхъ отдѣленій [3]); во-вторыхъ—уменьшеніе вообще числа учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ 50-хъ годахъ. Тѣмъ не менѣе классы оставались настолько переполненными, что правильный ходъ обученія былъ физически невозможенъ. Количество учащихся часто бывало въ классѣ около 100, а иногда и больше, при чемъ по прежнему страдали особенно второстепенные предметы. Такъ, напр., въ спб. семинаріи въ 1859 году въ низшемъ отдѣленіи было свыше 120 чел., а раздѣлено оно было лишь по словесности [4]); въ 1863 году въ среднемъ отдѣленіи здѣсь было 100 чел., а въ низшемъ 140 и опять раздѣлено было лишь послѣднее по одной словесности [5]). Ревизіи конца 60-хъ годовъ, заставъ непреобразованныя семинаріи уже сильно обезлюдѣвшими, нашли однако не малое многолюдство. Такъ, въ 1868 году въ калужской семинаріи было въ классахъ до 70 учениковъ [6]); въ харьковской се-

---

[1]) Ревизіи конца 60-хъ годовъ почти вездѣ констатировали бѣдность семинарскихъ и училищныхъ библіотекъ.

[2]) Вышеупомянутая ревизія Урусова нашла ученическія библіотеки въ кіевской и ярославской семинаріяхъ. Въ 60-хъ г.г. онѣ появляются постепенно почти всюду.

[3]) Въ 1840 г. было опредѣлено, наконецъ, раздѣлять классы духовныхъ училищъ при свыше 150 учениковъ (отч. об. пр 1840 г. стр. 63).

[4]) Ист. спб. сем., стр. 429.

[5]) Дѣло канц. св. Син. 1863 г. № 1583/834.

[6]) Отч. о рев. калуж. дух.-уч. завед, 1868 г., стр. 1.

минаріи въ высшемъ отдѣленіи было 97 уч., въ среднемъ—109, въ низшемъ—62 и 66 [1]); въ кишиневской семинаріи въ классахъ бывало по 83—97 учен. [2]). Въ 1869 году во владимірской семинаріи нѣкоторыя отдѣленія имѣли по 72 — 96 учен., а на урокахъ догматики собиралось 140 чел., на урокахъ физики—150 [3]). Тогда же въ пермской семин. отдѣленія были въ 70, 92 и 121 чел. [4]). Въ 1870 г. въ новгородской семинаріи ревизоръ нашелъ классы по 99 чел. [5]). Въ Вяткѣ въ 1871 г. богословскій классъ состоялъ изъ 123 учепик. [6]). Въ вятскомъ училищѣ въ 56 году въ низш. отдѣл. было 140 чел. [7]); въ черниговскомъ училищѣ въ 1859 году низшій классъ состоялъ изъ 150 учен. [8]) Въ училищахъ харьковскомъ въ 68 году, владимирскомъ и тульскомъ въ 69 году, въ курскомъ въ 70 году классы имѣли болѣе 90 учен. [9]).

Затѣмъ, во весь періодъ со времени Протасовскихъ преобразованій до новаго устава 1867 г. не только не уменьшились, но даже усилились тѣ условія, которыя дѣлали изъ духовныхъ педагоговъ довольно плохихъ преподавателей. Къ числу этихъ условій надо, конечно, прежде всего отнести отсутствіе у духовныхъ наставниковъ всякаго педагогическаго образованія. Я. К. Гротъ справедливо писалъ однажды, что хорошіе преподаватели вообще рѣдки, а русскіе въ особенности, вслѣдствіе слабаго развитія у насъ педагогики [10]). Но если вообще русскіе педагоги стараго времени были плохи, то духовные едва ли и могли быть хорошими, разъ они никогда не изучали самой педагогики. Въ духовныхъ школахъ педагогика впервые появляется въ учебныхъ курсахъ въ срединѣ 60-хъ годовъ; до этого времени каждый учитель долженъ былъ самоучкой пріобрѣтать педагогическія знанія. Что же удивительнаго, если подобные педагоги оказывались неудовлетворительными? При преобразованіи академическаго

---

[1]) Отч. о рев. харьк. дух.-уч. зав. 1868 г., стр. 10.
[2]) Отч. о рев. кишинев. дух.-уч. зав. 1868 г., стр. 7.
[3]) Отч. о рев. владим. дух.-уч. зав. 1869 г., стр. 1.
[4]) Отч. о рев. перм. дух.-уч. зав. 1869 г., стр. 5.
[5]) Отч. о рев. новгород. дух.-уч. зав. 1869 г., стр. 2.
[6]) Отч. о рев. вятск. дух.-уч. зав. 1871 г., стр. 1.
[7]) Дѣло Д. У. У. 1856 г. № 76/4235.
[8]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363/3337.
[9]) Отчеты о ревизіи дух.-учебн. зав. этихъ епархій въ эти годы.
[10]) Журн. Мин. Нар. Пр. XCVIII, 7, 176.

курса въ срединѣ 40-хъ годовъ пробовали ввести педагогику въ академическое образованіе; но эта попытка осталась только на бумагѣ. Поэтому въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ вплоть до реформы 1867 года практиковались наименѣе раціональные пріемы и методы преподаванія. Въ низшихъ училищахъ царствовалъ въ обученіи полнѣйшій механизмъ [1]). Въ семинаріяхъ практиковался обычно лекціонный способъ преподаванія, вовсе не пригодный въ среднемъ учебномъ заведеніи [2]). Система авдиторовъ отдѣляла учениковъ отъ наставниковъ и закрѣпляла механическое заучиваніе, поощряемое и семинарскими преподавателями. Самое преподаваніе уроковъ нерѣдко состояло въ простомъ чтеніи учебника [3]), а иногда въ простомъ задаваніи «отъ сихъ до сихъ». Учащіеся разсаживались въ классѣ по разряднымъ спискамъ. Словомъ, всѣ худшіе пріемы старой „учебы" свили себѣ гнѣздо въ духовныхъ школахъ такъ же, какъ и въ свѣтскихъ, хотя въ то время уже были извѣстны новѣйшіе раціональные методы. Только во второй половинѣ 60-хъ годовъ здравыя педагогическія воззрѣнія начинаютъ проникать въ духовную школу, и доморощенные педагоги смѣняются людьми, получившими большее или меньшее знакомство съ наукой воспитанія.

Другимъ, весьма важнымъ, условіемъ, создававшимъ плохихъ преподавателей, было отсутствіе спеціализаціи въ ихъ занятіяхъ. Совмѣщеніе въ однихъ рукахъ разнообразныхъ предметовъ допускалось уже уставомъ 1814 г. Но въ Протасовскую эпоху оно достигло крайняго развитія. Мы видѣли выше, что семинарское «положеніе» 1840 г., во-первыхъ, по необходимости увеличивало обремененіе наставниковъ разными предметами, такъ какъ къ прежнему штатному числу преподавателей (6) прибавляло только двухъ, а въ сущности одного, потому что врачъ назначался для преподаванія одной медицины. Въ 1845 году было прибавлено еще по одному на-

---

[1]) Господство механическихъ пріемовъ было засвидѣтельствовано ревизіями конца 60-хъ годовъ. На него обратилъ вниманіе и Урусовъ въ 60 году.

[2]) Лекціонный способъ преподаванія, сводившійся то-же къ механическому заучиванію уроковъ, засвидѣтельствованъ какъ упомянутыми ревизіями (напр. астрахан. 67 г., владим. 69 г., курск. 70 г.), такъ и историками семинарій (Ист. каз. сем., стр. 392; Ист. владим. сем., II, стр. 304).

[3]) Напр. Ист. казан. семинаріи, стр. 392. Отчетъ о рев. сарат. 69 г., стр. 12).

ставнику на семинарію; но на этихъ наставниковъ возложена была обязанность помогать ректору и преподавать прежніе ректорскіе предметы, такъ что отъ нихъ дѣло мало выигрывало [1]). Во-вторыхъ, „положеніе" 1840 г. намѣренно сосредоточивало въ однихъ рукахъ разные предметы, раздробивъ языки между нѣсколькими преподавателями. Практика развила этотъ порядокъ вещей еще дальше. Въ семинаріяхъ съ сверхштатными наставниками распредѣленіе предметовъ между преподавателями было предоставлено семинарскимъ правленіямъ; съ теченіемъ времени этимъ правомъ воспользовались и всѣ вообще семинаріи. При этомъ порядкѣ вещей разнообразіе наставническихъ занятій еще болѣе увеличилось и распредѣленіе 1840 г. было совершенно нарушено, а комбинаціи предметовъ получались самыя пестрыя. Напримѣръ, въ непреобразованной олонецкой семинаріи въ 1868 году одинъ преподаватель преподавалъ логику, психологію, патристику, библейскую исторію, нѣмецкій языкъ; другой, воспитанникъ Горыгорѣцкаго института, преподавалъ кромѣ физико-математическихъ наукъ латинскій и греческій языки, имъ не изучавшіеся въ высшей школѣ [2]). Въ архангельской семинаріи въ 1870 году одинъ преподаватель преподавалъ церковную исторію, св Писаніе и греческій языкъ; другой—гражданскую исторію, греческій языкъ, литургику и гомилетику [3]), и т. п. Подобная разнородность занятій допускалась даже въ академіяхъ. Число академическихъ предметовъ въ Протасовскій періодъ сильно увеличилось, а штатъ преподавателей лишь въ 1856 году былъ усиленъ 2 ординарными профессорами и 4-мя баккалаврами (къ прежнимъ 6 професорамъ и 12 баккалаврамъ) [4]). Недостатокъ профессорскихъ силъ поневолѣ заставлялъ соединять нѣсколько предметовъ въ однихъ рукахъ, а личная прихоть нѣкоторыхъ начальниковъ еще усиливала это неблагопріятное обстоятельство. Исторія казанской академіи за разсматриваемый періодъ представляетъ къ ска-

---

[1]) Отч. об.-пр. 1845 г., стран. 65—66. Съ назначеніемъ помощниковъ ректорамъ предоставлялось оставить себѣ лишь по 2 урока какого-нибудь богослов. предмета.

[2]) Отч. о рев. олонецк. дух.-уч. зав. 1868 г., стр. 52.

[3]) Отч. о рев. архангельск. дух.-уч. зав. 1870 г., стр. 7.

[4]) Ист. спб. ак., стр. 360.

занному наилучшую иллюстрацію [1]). При обремененіи же учащихъ многими разнородными предметами трудно было и требовать отъ нихъ хорошаго преподаванія.

Частая смѣна преподавателей одного и того же предмета въ свою очередь не давала возможности выработаться преподавательскимъ талантамъ. Во время Комиссіи Дух. Уч., перемѣны въ педагогическомъ персоналѣ уже обращали вниманіе своею многочисленностью. Во второй половинѣ 30-хъ годовъ, съ возвышеніемъ окладовъ, выходъ съ учительской службы на время сокращается. Въ 40—50-хъ годахъ бѣгство съ духовно-педагогической службы снова усиливается и постепенно достигаетъ крайнихъ предѣловъ. И академическая служба въ то время была настолько мало привлекательной, что ее считали переходной [2]); а на службу въ низшихъ училищахъ прямо смотрѣли, какъ на временный искусъ. Если къ этому стремленію выйти изъ учебной службы присоединить еще естественныя перемѣны отъ перемѣщеній и смерти преподавателей, то получится картина чрезвычайной измѣнчивости педагогическаго персонала. Такъ, напримѣръ, за время 1844—1850 гг. ежегодно выбывало, перемѣщалось и умирало преподавателей дух. уч. заведеній ок. 15% среднимъ числомъ [3]); значитъ, въ 6—7 лѣтъ перемѣнялся весь составъ преподавателей. Въ частности же относительно нѣкоторыхъ школъ мы имѣемъ, напримѣръ, такія данныя. Въ спб. семинаріи за время 1841—1861 г. было 66 преподавателей, т. е. составъ ихъ смѣнился приблизительно 5 разъ [4]). Въ тверской семинаріи за время 1840—1870 гг. перебывало до 60 преподавателей; среднимъ числомъ, значитъ, смѣнялось по 2 въ годъ [5]). Въ смоленской сем. было почти тоже [6]). Въ казанской сем. за 1840—1870 гг. было преподавателей логики, психологіи и патристики 6, риторики 14, церковной исторіи 11, гражданской исторіи 12, математики 9, греческаго языка 11 и т. п. [7]). Въ московской академіи наставники гражд. исторіи мѣнялись черезъ 1—4 года [8]). Въ низ-

1) См. Ист. каз. ак., ч. II.
2) См. въ Ист. каз. ак., ч. III.
3) См. отчеты об.-пр. за эти годы.
4) Ист. спб. сем., стр. 319—332.
5) Колосовъ, Ист. твер. с., стр. 415—426.
6) Сперанскій, Ист. смол. сем., стр. 279—288.
7) Ист. казан. сем., стр. 319—332.
8) Ист. моск. ак., стр. 56.

шихъ училищахъ смоленской епархіи учителя служили большею частью 1—3 года и рѣдко 5—7 лѣтъ [1]). Въ петрозаводскомъ училищѣ въ послѣдніе годы предъ преобразованіемъ по уставу 1867 г. учителя географіи смѣнялись въ среднемъ по 2 въ годъ [2]). Кромѣ выхода преподавателей совсѣмъ съ духовно-учебной службы и перевода въ другое мѣсто, смѣна наставниковъ на каждомъ предметѣ еще увеличивалась практиковавшимся въ то время перемѣщеніемъ съ предмета на предметъ. До 40-хъ годовъ этого явленія не было. Въ протасовскую эпоху, когда распредѣленіе предметовъ попало въ руки школьныхъ начальствъ, послѣднія иногда перетасовывали преподавателей по своему вкусу. Подобныя перетасовки допускались даже въ академіяхъ [3]), о семинаріяхъ же и училищахъ нечего и говорить. Въ 1872 году ревизоръ нашелъ въ олонецкой семинаріи одного преподавателя, который въ теченіи своей 25-лѣтней службы преподавалъ до 12 самыхъ разнородныхъ предметовъ, а другой наставникъ той же семинаріи въ теченіи двухъ лѣтъ уже побывалъ на 7 предметахъ [4]).

Ухудшенію состава преподавателей способствовало между прочимъ и все большее и большее количество приходскихъ священниковъ въ числѣ преподавательскаго персонала. Скудость окладовъ дѣлала невозможнымъ содержаніе на одно училищное жалованіе, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе распространялось совмѣщеніе наставническихъ обязанностей съ священнослужительскими, особенно въ низшихъ училищахъ. Напримѣръ, въ 1855 году въ калужской семинаріи было изъ 17 преподавателей (кромѣ ректора) 5 духовнаго сана [5]); въ 1856 году въ симбирской семинаріи изъ 8 наставниковъ было 5 священниковъ [6]). Въ кіево-софійскомъ училищѣ въ 1855 г., изъ 15 учителей 6 были священниками [7]); въ каргопольскомъ училищѣ (непреобразованномъ) въ 1872 году были священниками всѣ учителя, кромѣ одного [8]).

---

1) Ист. смолен. сем., стр. 349—353, 366—368, 371—372.
2) Отч. о рев. д.-уч. зав. олонецк. еп. 1872 г., стр. 175—176.
3) См. Ист. Спб. ак. и Ист. казан. акад.
4) Отч. о рев. олон. 1872 г., стр. 6.
5) Дѣло Д. Уч. У. 1855 г. № 100/4104.
6) Д. Д. У. У. 1856 г. № 76/4235.
7) Д. Д. У. У. 1855 г. № 107/4086.
8) Отч. о ревиз. олонецк. 1872 г., стр. 290.

Въ самыхъ учебныхъ порядкахъ духовной школы въ протасовскую эпоху, какъ и въ предшествующую, продолжали существовать различныя условія, неблагопріятныя для успѣшнаго хода занятій. Во первыхъ, въ то время держались нераціональнаго принципа „многоученья“. Учащіеся были заняты въ классахъ по 34—36 часовъ въ недѣлю, не считая домашней работы. Это было чрезвычайно утомительно и вредно для здоровья учениковъ. Не менѣе утомительны были и самые двухчасовые уроки. При составленіи положенія 1840 года комитетъ безъ всякаго достаточнаго основанія отвергъ мысль о замѣнѣ двухчасовыхъ уроковъ $1^1/_2$ часовыми, подобно практикѣ (съ 1828 года) мин. нар. просв. И этотъ анахронизмъ продолжалъ существовать еще почти 30 лѣтъ. Только въ академіяхъ въ 40-хъ годахъ были введены $1^1/_2$ часовыя лекціи, впослѣдствіи иногда сокращаемыя еще больше. Такъ, въ спб. академіи въ 1855 году вмѣсто четырехъ $1^1/_2$ час. лекцій установлено было по 5 часовыхъ въ день [1]); въ московской академіи въ 1862 году время лекціи сокращено до $1^1/_4$ ч. [2]). Въ семинаріяхъ же только въ видѣ исключенія въ спб. семинаріи были допущены $1^1/_2$ часовые уроки въ 1844 году [3]). Непомѣрная длительность урочныхъ часовъ, кромѣ утомленія наставниковъ и учениковъ, влекла за собою обычно и прямой ущербъ для учебнаго дѣла. Наставники обыкновенно пропускали $^1/_2$ часа каждаго урока [4]), и такимъ образомъ $^1/_4$ учебнаго времени терялась совершенно непроизводительно.

Такой же непроизводительной тратой времени сопровождался другой порядокъ школы—обычай послѣобѣденныхъ уроковъ. По уставу 1814 г., и въ протасовскій періодъ, во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ уроки дѣлились на до-обѣденные (8—12 ч.) и послѣобѣденные (съ 2 до 4 ч.). Въ результатѣ такого дѣленія въ семинаріяхъ и училищахъ было то, что для многихъ учениковъ послѣобѣденные классы совершенно пропадали. Большинство учащихся жили тогда внѣ училища, большею частью далеко отъ него. Путешествіе домой на обѣдъ и новое возвращеніе въ школу, помимо напрасной траты вре-

---

[5]) Ист. спб. ак. стр. 310.

[6]) Ист. моск. ак., стр. 169.

[3]) Ист. спб. сем., стр. 341.

[4]) Ист. владим. сем., II, стр. 303, и др. Да иначе и быть не могло, на примѣръ, послѣ перваго урока, такъ какъ перемѣнъ тогда не полагалось.

мени, было чрезвычайно неудобно. Въ грязь или холодъ сдѣлать двойной конецъ для плохо обутыхъ и одѣтыхъ мальчиковъ стоило многаго. А поэтому на послѣобѣденные уроки квартирные ученики являлись крайне неаккуратно, да и наставники относились къ нимъ небрежно, такъ что продуктивность послѣобѣденныхъ классовъ была весьма незначительна. Въ концѣ 50-хъ годовъ это было сознано, наконецъ, духовно-учебнымъ начальствомъ и во многихъ семинаріяхъ и училищахъ послѣобѣденные уроки стали соединять съ утренними [1]). Но додумались до того, какъ видно, слишкомъ поздно.

Но едва-ли не самою слабою стороною учебныхъ порядковъ была система провѣрки знаній. Контролирующую роль въ этой системѣ играли испытанія (экзамены); постановка же послѣднихъ была весьма неудовлетворительна. Испытанія (внутреннія) [2]) полагались тогда каждое полугодіе. Но, во-первыхъ, испытанія декабрьскія не имѣли почти никакого значенія и къ нимъ относились весьма небрежно. Изъ лѣтнихъ испытаній испытаніямъ въ срединѣ двухгодичнаго курса придавалось также мало значенія и бывало даже, что ихъ не дѣлали [3]). Главное значеніе имѣли экзамены переводные. Между тѣмъ, на этихъ экзаменахъ провѣрялись знанія не за весь двухгодичный курсъ, а только за послѣдній годъ; стало быть, половина пройденнаго оставалась безъ надлежащей провѣрки. Лишь въ 1856—57 гг. высшая власть обратила вниманіе на подобный порядокъ вещей, и Св. Сѵнодъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы при переводныхъ испытаніяхъ испытывали за оба года, если найдется возможность заняться повтореніемъ стараго во второй годъ; по догматическому же богословію обязательно предпи-

---

[1]) Въ академіяхъ это нововведеніе стало являться гораздо раньше. Въ казанской академіи, напримѣръ, соединеніе уроковъ произошло съ 1844/5 г. Но въ академіяхъ этотъ вопросъ не имѣлъ собственно существеннаго значенія, такъ какъ всѣ студенты жили въ самой академіи. Въ московской академіи студенты поэтому были даже недовольны указаннымъ нововведеніемъ (съ 1862 г.), считая утомительнымъ слушать лекціи 6 часовъ сряду и долго ждать обѣда (Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 231—232). О соединеніи уроковъ въ сем. и учил. см. извлеч. изъ отч. об. пр. за: 1857 г., стр. 64; 1858 г., стр. 62, 64; 1859 г., стр. 49; 1860 г., стр. 51, 57.

[2]) Продолжали существовать въ протасовское время и публичныя испытанія. Но они теперь мало по малу теряютъ прежній торжественный характеръ (Ист. влад. сем. II, стр. 342), а въ 60-хъ годахъ въ нѣкот. семинаріяхъ и совсѣмъ прекращаются (Ист. спб. сем., стр. 423).

[3]) Дѣло Д. Уч. У. 1859 г. № 363/3337. Каз. ак. 1859 г.

сано экзаменовать при выпускѣ за два года [1]). Однако это предписаніе, навѣрно, не исполнялось, потому что времени для повтореній не было.

Во-вторыхъ, экзаменаціонная система подрывалась тѣмъ обстоятельствомъ, что на испытаніяхъ спрашивали не всѣхъ учениковъ, а только меньшую часть ихъ. Въ казанской академіи, напримѣръ, часто спрашивали всего 1—5 человѣкъ по каждому предмету [2]). Въ спб. семинаріи число предметовъ, изъ которыхъ спрашивали наличныхъ учениковъ на экзаменѣ, было большею частью менѣе половины. Такъ въ 1849 году здѣсь при ревизорѣ въ высш. отдѣленіи экзаменовали воспитанниковъ по 5—2 предметамъ изъ 15, въ среднемъ отдѣл. по 3—1 предм. изъ 11, а въ низшемъ по 1—2 изъ 9; въ 1859 г. въ высш. отд. экзаменовали по 1—3 предметамъ, въ среднемъ и низшемъ по 1—2 предметамъ. Нѣкоторые ученики при этомъ не спрашивались ни по какому предмету [3]). Въ смоленской семинаріи въ 1841 году на переводныхъ испытаніяхъ было спрошено въ высшемъ отдѣленіи изъ 113 учениковъ по богословію 29, по церковной исторіи 16, по св. писанію 18, по греч. языку 14, по евр. яз. 19; въ среднемъ отдѣленіи изъ 144 учен. было спрошено по философіи 30, по греч. 13, по нѣм. 3; въ низшемъ отд. изъ 196 учен. спросили по словесности 75, по гражд. ист. 88, по св. пис. 39, по греч. 6, по франц. 13, по нѣм. 3 [4]). Въ 1869 году въ волынской семин. изъ 110 учен. высш. отд. было спрошено по основному богослов. 25, по догматикѣ 34, по св. пис. 30, по гомилетикѣ 22, по литургикѣ 15, по церк. ист. 15, по греч 12; изъ 121 уч. средн. отд. спрошено по св. пис. 52, по логикѣ 32, по психологіи 29, по русской исторіи 55, по физикѣ 49, по тригонометріи 12, по лат. яз. 7, по греч. 25; изъ 173 учен. низшаго отд. спрошено по св. пис. 41, по гражд. ист. 59, по словесности 50, по алгебрѣ 43, по латыни 21, по греч. 23 [5]). Подобный порядокъ вещей имѣлъ свою причину, во первыхъ, въ

---

[1]) Извлеч. изъ отч. об. пр. 1856 г. стр. 61. Ист. спб. сем. стр. 430.

[2]) Ист. казан. акад., I, стр. 297.

[3]) Ист. спб. сем.. стр. 423.

[4]) Ист. смолен. сем., стр. 296. Академическое правленіе по этому поводу предписало спрашивать всѣхъ, но это предписаніе осталось лишь на бумагѣ.

[5]) Отч. о ревиз. дух. уч. зав. волын. еп. 1871 г., стр. 83.

многолюдствѣ классовъ, во-вторыхъ въ томъ обстоятельствѣ, что въ то время экзамены должно было производить правленіе въ полномъ составѣ, такъ что экзаменовала одна комиссія, а не нѣсколько одновременно; экзамены же продолжались всего нѣсколько дней, особенно при ревизорѣ, и приходилось въ нѣсколько часовъ сразу проэкзаменовать по нѣсколькимъ предметамъ. Въ казанской академіи, напримѣръ, при ректорѣ Агаѳангелѣ экзамены производились часа два въ сутки [1]). Въ московской академіи въ 1866 году студенты низшаго отдѣленія были испытаны въ $4^1/_2$ часа по логикѣ, психологіи, нравственной философіи и исторіи философіи [2]). Въ курской семинаріи въ 1855 году, при архіереѣ, въ теченіи двухъ дней по 8 часовъ (знач. въ 16 час.) 145 учениковъ высшаго отдѣленія были проэкзаменованы по св. писанію, общей и русской церковной исторіи, церковной археологіи и каноническому праву, чтенію св. отцовъ греческихъ и латинскихъ, сельскому хозяйству, еврейскому языку и миссіонерскимъ предметамъ; ученикамъ двухъ классовъ средняго отдѣленія въ 16 часовъ было произведено испытаніе по логикѣ, психологіи, патристикѣ, библейской исторіи, герменевтикѣ, св. писанію, физикѣ, рус. гражд. исторіи, сельскому хозяйству, латинскому, греческому, нѣм. и франц. языкамъ; въ низшемъ отдѣленіи два класса въ теченіи 8 часовъ были проэкзаменованы по риторикѣ, піитикѣ, гражд. исторіи, правосл. исповѣданію и 4-мъ языкамъ, и въ 3 часа по ученію о богослужебныхъ книгахъ, алгебрѣ, пасхаліи и св. писанію [3]). Всего же было въ данномъ случаѣ въ 43 часа проэкзаменовано 400 чел., т. е. на каждаго ученика въ среднемъ для всѣхъ экзаменовъ приходилось около 6 минутъ, а на каждый экзаменъ около $^1/_2$—$^1/_3$ минуты. Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что бывало не мало учениковъ, которые за все время ученія ни разу не были спрошены на экзаменѣ [4]). Для учащихся же при подобной системѣ открывалась возможность безнаказанно уклоняться по собственному желанію тѣмъ или другимъ способомъ отъ спрашиванія по тому предмету, какого они не знали [5]).

---

[1]) Ист. казан. акад., I, 117.

[2]) Д. Д. У. У. 1866 г. № 1539.

[3]) Д. Д. У. У. 1855 г. № $^{107}/_{4086}$.

[4]) Прав. Обозр. 1862 г. т. IX, Замѣтки, стр. 123.

[5]) Это практиковалось даже въ академіяхъ (Истор. казан. акад., I, стр. 298).

Затѣмъ, по самымъ требованіямъ своимъ испытанія были тогда весьма нестроги и сплошь и рядомъ непомѣрно снисходительны. Школьныя начальства смотрѣли на экзамены скорѣе какъ на показную сторону школьной жизни. Преподаватели видѣли въ экзаменѣ испытаніе для самихъ себя, потому что экзамены производило начальство лишь въ присутствіи преподавателей, участіе которыхъ было весьма ограничено: потому они всѣми способами старались представить учениковъ съ лучшей стороны. Отсюда всякія ученическія продѣлки для обмана экзаменаторовъ не только не преслѣдовались, а часто поощрялись. Студенты казанской академіи, напр., съ молчаливаго согласія начальства, достигали въ обманахъ истинной виртуозности [1]); а что же было въ училищахъ и семинаріяхъ? Ревизіи конца 60-хъ годовъ почти всюду отмѣтили невѣроятную снисходительность экзаменаціонныхъ требованій въ старыхъ школахъ. Особенно вредна была эта снисходительность на пріемныхъ экзаменахъ, наполняя школы неподготовленными учениками и тѣмъ тормозя весь ходъ обученія. Въ низшія училища принимали почти безъ всякой подготовки, безграмотныхъ мальчиковъ [2]). Въ семинарію принимались недостаточно подготовленные и по училищнымъ экзаменамъ и по семинарскимъ. Посылка депутатовъ на экзамены въ училища пользы никакой не приносила [3]): а какъ снисходительно экзаменовали и въ семинаріи при пріемѣ, видно, напримѣръ, хотя бы изъ такого факта: предъ самымъ преобразованіемъ по уставу 1867 г. въ херсонской семинаріи считали удовлетворительной письменную работу, на которой было не болѣе... 40 ошибокъ [4]). Не строги были пріемные экзамены и въ академіяхъ, да и не могли быть строги, разъ на предшествующихъ стадіяхъ строгости не было. До 50-хъ годовъ на пріемныхъ экзаменахъ въ академіи ограничивались вопросами изъ наукъ богословскихъ и философскихъ и двумя письменными работами. Въ 1850 году вздумали повысить строгость требованій и стали подвергать испытанію по всѣмъ предметамъ семинарскаго курса и требовать 3 письменныхъ работы. Но пользы отъ

---

[1]) Ист. казан. акад., I, стр. 300—301.

[2]) Напр. отч. о рев. владим. 69 г., стр. 39; новгор. 70 г., стр. 237; волын. 71 г., стр. 9—10 и др.

[3]) Отч. о рев. влад. 69 г., стр. 14.

[4]) Отч. о рев. херсон. 73 г., стр. 27.

этой строгости получилось мало, такъ какъ при новыхъ требованіяхъ въ московской академіи, напр., въ 1850 году не выдержало экзаменъ 19 человѣкъ и ихъ пришлось все равно принять „впредь до усмотрѣнія", при чемъ само правленіе академіи высказалось за возвращеніе къ старой системѣ [1]). Въ 60-хъ годахъ (1863 г.), въ виду упадка научнаго уровня студентовъ, Св. Синодъ опять рекомендовалъ болѣе строгія требованія при испытаніяхъ [2]).

Чрезмѣрная снисходительность въ оцѣнкѣ успѣховъ и въ научныхъ требованіяхъ проникала не только экзаменаціонную систему, но и всю школьную практику того времени. Изъ класса въ классъ переводили сплошь и рядомъ съ завѣдомо неудовлетворительными познаніями, особенно по второстепеннымъ предметамъ. Въ то время не было общепринятой балльной системы [3]), успѣхи отмѣчались разнообразными словами; а потому трудно опредѣлить, что тогда считалось переводнымъ балломъ. Но о послѣднемъ можно судить по даннымъ второй половины 60-хъ годовъ, когда была введена во всеобщее употребленіе существующая 5-ти балльная система, еще до преобразованія по уставу 1867 года. Соотвѣтственно старымъ порядкамъ, при этомъ баллъ 2 сначала считали переводнымъ и переводили съ нѣсколькими двойками (даже 9-тью), а иногда и съ баллами ниже 2 [4]). Слишкомъ плохихъ учениковъ сплошь и рядомъ или переводили „приватными", впредь до усмотрѣнія успѣховъ, или оставляли въ томъ же отдѣленіи, часто опять въ качествѣ приватныхъ [5]). При этомъ всякія возрастныя нормы, установленныя уставами 1814 г., были нарушены, и великовозрастіе учащихся напо-

---

[1]) Ист. моск. акад., стр. 155.

[2]) Ист. казан. акад., III, стр. 283—284.

[3]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ балльная система была, но въ разное время разная. Въ спб. семинаріи практиковалась то 10-ти, то 8-ми, то 6-ти балльная система (Ист. спб. сем., стр. 424). Въ 1861 году въ спб. округѣ академическимъ правленіемъ было предписано въ семинаріяхъ ввести 5-ти балльную систему, при чемъ допускались и баллы съ $^1/_2$, такъ что всѣхъ балловъ назначалось 8 (Ист. литов. сем., Извѣкова, стр. 209).

[4]) См., напр., отч. о ревиз. кишинев. 68 г., стр. 32; саратовск. 69 г., стр. 44; новгород. 70 г., стр. 66. 208, 246; орловск. 72 г., стр. 155.

[5]) Количество такихъ оставленныхъ до усмотрѣнія бывало значительно. Напримѣръ, въ волын. сем. въ 60-хъ гг. 25—40 чел. ежегодно. (Отч. о рев. вол. 71 г., стр. 84). Въ одномъ классѣ допускали оставаться не только на 4, но и на 6 лѣтъ (Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 237).

мигало школьные порядки XVIII вѣка. Напримѣръ, въ астраханской семинаріи въ 1867 году, по преобразованіи, въ первомъ классѣ оказались ученики 17 — 19 лѣтъ, во II кл. — 18—20 л., въ III кл. 19—23 л. [1]). Въ непреобразованной смоленской семин. въ 1868 году въ низшемъ отдѣленіи ученики были въ 17—22 года, въ среднемъ отд. 19—23 л. [2]). Къ исключенію неуспѣшныхъ прибѣгали въ протасовскую эпоху все рѣже и рѣже. Да и исключенныхъ часто принимали вновь [3]), не смотря на запрещенія центральнаго управленія [4]). При подобныхъ порядкахъ учащимся, конечно, не было нужды особенно заботиться о своихъ успѣхахъ.

Непедагогичная снисходительность требованій со стороны педагоговъ и нерасположеніе къ ученію учащихся замѣчались въ духовныхъ школахъ и во времена Комиссіи Дух.-Уч. и имѣли свое основаніе во взглядѣ на семинарію, какъ на сословное учрежденіе [5]) и въ замкнутости духовнаго служенія въ сословномъ кругѣ. Но въ Протасовскую эпоху были особенныя обстоятельства, которыя послужили благопріятной почвой для развитія указанной практики Такимъ обстоятельствомъ явились нормальные штаты. Съ начала 50-хъ годовъ комплектъ учащихся въ семинаріяхъ былъ ограниченъ опредѣленными нормами, разсчитанными на то, чтобы въ семинаріи оканчивало курсъ лишь столько человѣкъ, сколько потребно для замѣщенія священно-служительскихъ вакансій, съ самымъ незначительнымъ превышеніемъ на случай выхода на другія поприща Вслѣдствіе этого создалось такое положеніе, что семинарскія начальства стали дорожить каждымъ ученикомъ, тогда какъ ученикамъ совсѣмъ не требовалось особенно дорожить семинаріей. Дѣло въ томъ, что при строгости требованій семинарія перестала бы выпускать необходимое количество питомцевъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ изъ класса въ классъ стало бы переходить менѣе, чѣмъ полагалось по

---

[1]) Отч. о рев. астрах. 67 г., стр. 9.

[2]) Отч. о рев. смолен. 68 г., стр. 9.

[3]) Отч. о рев. астрах. 67 г., стр. 13; отч. о ревиз. новгор. 70 г., стр. 68. и др.

[4]) Въ 1844 году Д. У. Управленіе распорядилось не принимать обратно исключенныхъ (Ист. спб. сем., стр. 431).

[5]) Этотъ взглядъ былъ отмѣчаемъ еще и въ началѣ новой эпохи духовно-школьной жизни. (Напр. отч. о рев. волынск. 1871 г. стр. 85).

разсчету нормальныхъ штатовъ. Поэтому школьныя начальства старались наполнить классы до нормы, хотя бы и недостойными учениками, принимая отчасти еще въ соображенiе и то, что все таки лучше выпустить на священническое мѣсто семинариста, прошедшаго какъ-нибудь весь курсъ, чѣмъ недоучку. Семинаристы же также отлично понимали, что, во-первыхъ, ихъ будутъ перетаскивать изъ отдѣленiя въ отдѣленiе до крайней возможности; во-вторыхъ, что если ихъ и исключатъ, то все равно дадутъ мѣсто, потому что тогда не хватитъ полноправныхъ кандидатовъ. Что касается училищъ, то здѣсь, повидимому, учащiеся особенно должны были стараться учиться лучше, чтобы попасть въ число „избранныхъ“ въ семинарiю. Но въ дѣйствительности нормальные штаты и здѣсь отнимали импульсъ къ ученью. Такъ какъ и наставники и ученики знали, что въ семинарiю попадетъ изъ нихъ не болѣе половины, то уже въ среднемъ отдѣленiи происходило естественное дѣленiе учениковъ на овецъ и козлищъ, изъ которыхъ первые предназначались въ семинарiю и пользовались особымъ вниманiемъ учителей, а послѣднiе предоставлялись самимъ себѣ и заранѣе приговаривались къ причетнической карьерѣ. Конечно, такое распредѣленiе не было безусловнымъ. Въ училищѣ мальчикъ еще могъ исправиться и изъ отверженныхъ перейти въ разрядъ избранныхъ. Однако для людей, знакомыхъ со школьными порядками стараго времени, понятно, что „выбиться“ попавшимъ на дурной счетъ уже было трудно, да и у самихъ учащихся сознанiе того, что половинѣ ихъ суждено закончить свое образованiе въ училищѣ, отнимало всякую энергiю. А разъ устанавливалось такое дѣленiе въ училищѣ, то и „избранные“ мало-по-малу теряли побужденiе особенно стараться, потому что они опять знали, что ихъ все равно будутъ уже тянуть до конца. Чѣмъ дальше шло время и чѣмъ больше уменьшалось число учащихся въ духовно-учебныхъ заведенiяхъ, тѣмъ больше пускала корни эта деморализующая система и тѣмъ болѣе прогрессировалъ упадокъ учебнаго дѣла, достигнувъ своего апогея въ 60-хъ годахъ.

Значитъ, что касается старыхъ дефектовъ въ распорядкахъ духовной школы, то въ 40—50-хъ годахъ школа не подвинулась ни на шагъ впередъ. Всѣ, за исключенiемъ одной (преподаванiя на латинскомъ языкѣ), причины плохого состоянiя учебнаго дѣла въ до—Протасовскiй перiодъ дѣйствiя уставовъ

1814 года, продолжали существовать и даже иногда въ усиленномъ видѣ. Но теперь только къ прежнимъ неблагопріятнымъ условіямъ прибавился новый крупный отрицательнаго достоинства факторъ въ лицѣ произведенной непедагогичной ломки учебныхъ курсовъ. Что же, въ такомъ случаѣ, могла внести въ духовное образованіе Протасовская эпоха, кромѣ ухудшенія, и что могла переживать за это время духовная школа, кромѣ постепеннаго регресса?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Состояніе учебнаго дѣла въ духовной школѣ въ Протасовскую эпоху.

Общій ходъ развитія учебнаго дѣла.

Упадокъ учебнаго дѣла въ духовной школѣ въ протасовскую эпоху сказался отчасти прежде всего уже на его внѣшней сторонѣ. Быстрый количественный ростъ его, замѣчавшійся въ періодъ 1808—1840 гг., теперь отчасти замедляется, отчасти останавливается и, наконецъ, идетъ на пониженіе. Количество высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ 40—50 годы нѣсколько увеличилось. Въ 1842 году была учреждена четвертая духовная академія въ Казани, открытіе которой предполагалось еще комитетомъ 1808 г. [1]). Къ прежнимъ 44-мъ семинаріямъ до половины 60-хъ годовъ прибавилось еще 6. Въ 1840 году учреждена семинарія симбирская [2]). Въ 1844 году было повѣлено открыть семинарію съ особымъ курсомъ въ Новоархангельскѣ на Камчаткѣ [3]). Въ 1846 году учреждена въ Ставрополѣ семинарія кавказская [4]). Въ 1850 году было преобразовано въ семинарію существовавшее въ Ригѣ съ 1846 года училище [5]). Въ 1857 году учреждена семинарія въ Томскѣ [6]); въ 1858 году—въ Самарѣ [7]). Число уѣздныхъ училищъ за время 1840—1867 г.г. увеличилось всего на 14: въ 1838 году ихъ было 172, а въ 1867 году—186 [8]). Приходскія училища въ 50-хъ годахъ почти совершенно исчезли, соеди-

---

[1]) Изъ отч. об. пр. 1842 г., стр. 69. Ист. каз. ак., I.

[2]) Изъ отч. об. пр. 1840 г., стр. 66.

[3]) Изъ отч. об. пр. 1844 г., стр. 63. Эта семинарія впослѣдствіи была переведена сначала въ Якутскъ, а потомъ въ Благовѣщенскъ.

[4]) Изъ отч. об. пр. 1846 г., стр. 51.

[5]) Изъ отч. об. пр. 1846 г., стр. 52—53; 1850 г., стр. 71.

[6]) Изъ отч. об. пр. 1857 г., стр. 81.

[7]) Изъ отч. об. пр. 1858 г.

[8]) Изъ отч. об. пр. 1867 г., прилож., стр. 74—75.

нившись съ уѣздными, такъ что изъ 190 училищъ 1838 года въ 1860 году оставалось только 15 [1]).

Но за то въ отношеніи къ количеству учащихся въ протасовскую эпоху духовная школа сдѣлала большой шагъ назадъ, и не естественнымъ путемъ, а насильственнымъ образомъ. Къ концу 30-хъ годовъ число учениковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ достигло наивысшей цифры—62 тыс. человѣкъ (въ 1838 году было въ семинаріяхъ и училищахъ 62, 143 уч.). Въ теченіи 40-хъ годовъ эта цифра держалась приблизительно на одномъ уровнѣ, колеблясь лишь между 60—62 тыс. Въ 1850 году было въ среднихъ и низшихъ духовныхъ школахъ 59,574 учен. [2]). Но вотъ въ 1851—1852 годахъ были введены нормальные штаты, и число учащихся быстро пошло на пониженіе.

Образованный въ 1850 году комитетъ для изысканія мѣръ къ устраненію излишества непристроенныхъ людей духовнаго сословія положилъ ввести опредѣленныя нормы учениковъ въ семинаріяхъ и училищахъ многолюднѣйшихъ епархій. Этимъ средствомъ онъ надѣялся избѣжать перепроизводства кандидатовъ на церковныя должности и направить излишекъ дѣтей духовенства на другія поприща. При исчисленіи самыхъ нормъ были приняты за основаніе слѣдующія соображенія. Число оканчивающихъ семинарію должно быть не много больше числа ежегодно открывающихся священническихъ вакансій (избытокъ полагался на убыль въ академію, въ учителя и проч.). Протоіерейскія мѣста рѣшено было сначала не принимать во вниманіе потому, что ихъ замѣщаютъ уже священники, а діаконскія—потому, что онѣ замѣщаются выбывшими изъ семинаріи до окончанія курса. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи положено было на $^1/_5$ болѣе учениковъ, чѣмъ въ высшемъ, а въ низшемъ отдѣленіи на $^1/_4$ болѣе, чѣмъ въ среднемъ. Въ высшее отдѣленіе уѣздныхъ училищъ предполагалось переводить изъ средняго лишь на $^1/_5$ больше нормы низшаго отдѣленія семинаріи.

На основаніи присланныхъ изъ епархій свѣдѣній о среднемъ числѣ ежегодно открывающихся священническихъ ва-

---

[1]) Изъ отч. об. пр. 1860 г., прилож., стр. 71.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 1850 г., прилож.

кансій, нормальные штаты для 17 епархій были установлены сначала въ слѣдующемъ видѣ [1]).

Въ епархіяхъ.	Положенное по штату число священниковъ.	Сколько открыв. священ. вакансъ въ теч. 2 лѣтъ	Сколько предполагается переводить воспитанниковъ [2]).			Итого всѣхъ воспитан. должно быть въ семин.	Нынѣшнее (1850 г.) число воспитанниковъ.	Противъ предполагаемаго числа болѣе на	Сколько въ епархіи находится лицъ безъ мѣста по неимѣнію его.		
			Въ высш. отдѣленіе.	Въ средн. отдѣленіе.	Въ низш. отд. сем. изъ учил.				Окончивш. семинарію.	Неокончивш. учен. семин.	ИТОГО.
Тверской	1162	80	100	120	150	370	840	470	136	53	189
Черниговской .	1012	62	80	95	125	300	373	73	87	14	101
Курской	1110	72	90	110	140	340	536	196	126	52	178
Орловской . . .	1774	112	140	170	210	520	660	140	85	352	437
Московской . .	1283	130	165	200	255	620	852	232	52	118	170
Ярославской . .	995	94	120	145	185	450	558	108	106	196	[3]) 302
Рязанской . . .	1019	64	80	95	125	300	527	227	154	70	224
Калужской . . .	753	60	75	90	115	280	630	350	204	29	233
Владимирской .	1240	80	100	120	150	370	717	347	189	[4]) 395	584
Тульской	995	72	90	110	140	340	704	364	149	367	[5]) 516
Костромской . .	1144	82	105	130	165	400	468	68	114	118	232
Казанской . . .	520	40	50	60	80	190	235	45	3	20	23
Нижегородской .	991	54	70	85	105	260	468	208	39	16	55
Вятской	740	60	75	90	115	280	510	230	75	12	87
Тамбовской . .	1083	70	90	110	140	340	452	112	37	146	183
Пензенской . . .	654	60	75	90	115	280	396	116	40	60	100
Симбирской . .	765	50	65	80	105	250	297	47	—	171	171
ИТОГО .	17230	1242	1570	1900	2420	890	9223	3333	1596	2189	3785

[1]) Дѣло Д. У. У. 1851 г. № 75, лл. 7—8.

[2]) Въ высшее и среднее отдѣл. сем. разрѣшалось переводить и сверхъ нормальныхъ чиселъ, если будутъ способные; но въ замѣнъ того тогда должно было принимать меньше въ низшее отдѣленіе, чтобы общее число не превышало штатнаго.

[3]), [4]), [5]) Въ эти числа включены и ученики, обучавшіеся только въ училищахъ.

Такимъ образомъ проектировалось сократить число семинаристовъ въ указанныхъ епархіяхъ болѣе, чѣмъ на $^1/_3$. Въ этомъ видѣ проектъ и получилъ было утвержденіе св. Синода 27 іюня/12 іюля 1851 года и штаты были введены въ епархіяхъ: тверской, черниговской, курской и орловской. Однако, къ счастью, голосъ жизни заставилъ скоро же значительно смягчить суровость нормъ 1851 года. Въ епархіяхъ поднялся страшный переполохъ, когда духовенство увидѣло, какъ его дѣтей выбрасываютъ изъ школы. Раздался и протестующій голосъ московскаго святителя митр. Филарета. Послѣдній представилъ особую записку, въ которой признавалъ необходимымъ при исчисленіи нормальнаго числа учениковъ принять во вниманіе и діаконскія вакансіи, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ оканчивающихъ курсъ семинаріи, особенно второразрядныхъ, сначала опредѣлять въ діаконы, а потомъ (по достиженіи 30 лѣтъ) въ священники. Изъ епархій, подвергнутыхъ дѣйствію нормальныхъ штатовъ въ первую голову, получились также тревожныя свѣдѣнія. Въ курской епархіи оказалось, напримѣръ, что нормальное число въ высшихъ отдѣленіяхъ училищъ должно быть 168 чел., а ихъ было 365, да въ низшихъ классахъ 581. Семинарское правленіе предписало перевести въ семинарію 168, но куда же было дѣвать остальныхъ 200? Курскій преосвященный просилъ позволенія оставить ихъ еще на 2 года въ высш. отдѣл. училищъ и затѣмъ переводить въ семинарію по конкурсному экзамену, такъ какъ увольненіе всѣхъ изъ училища произвело бы тяжкій ропотъ въ духовенствѣ, и такъ встревоженномъ реформою (въ причетническіе классы никто поступить не желалъ). Въ тверскихъ училищахъ нормальный комплектъ учениковъ высшаго отдѣленія оказывался 180 чел. Между тѣмъ только одниxъ оставленныхъ и непоступившихъ въ семинарію и однако не желающихъ ни уйти изъ училища, ни поступить въ причетническіе классы, было 182, да къ переводу въ высшее отдѣленіе назначалось 254. Что-же было дѣлать? Семинарское правленіе и здѣсь предлагало ту-же мѣру, что и въ Курскѣ [1]). Церковная власть увидѣла, что положеніе, дѣйствительно, безвыходное, и пошла на уступки. Уваживъ ходатайства курскаго и тверскаго архіереевъ, Св. Синодъ, распространяя въ 1852 году нормальные штаты на 13

---

[1]) Вышеознач. дѣло, лл. 25, 37—39.

новыхъ епархій, уже измѣнилъ нормы 1851 года (опред. Син. 31 мая 1852 г.). Для высшихъ отдѣленій уѣздныхъ училищъ норма была совершенно отмѣнена. А для семинаріи, согласно мнѣнію м. Филарета, были приняты во вниманіе діаконскія вакансіи и штаты увеличены до такихъ размѣровъ. Въ московской епархіи для двухъ семинарій было положено 780 учениковъ; въ ярославской — 450; въ рязанской — 400; въ калужской — 470; во владимірской — 580; въ тульской — 500; въ костромской — 400; въ казанской — 200; въ нижегородской — 400; въ вятской — 400; въ тамбовской — 360; въ пензенской — 300; въ симбирской — 250. Всего было положено въ 13 семинаріяхъ, назначенныхъ къ преобразованію, 5490 учениковъ семинарій вмѣсто 6030 существующихъ. Значитъ, теперь здѣсь число учащихся уменьшалось всего на 540 чел. Въ томъ же 1852 году, по ходатайству преосвященныхъ курскаго и тверскаго, въ Курскѣ норма была возвышена на 70 человѣкъ и въ Твери на 100 [1]).

Послѣ 1852 года преобразованіе низшихъ училищъ было распространено и на другія епархіи. Но нормальныхъ штатовъ для этихъ епархій центральная власть уже не устанавливала, предоставивъ сдѣлать это, по мѣрѣ надобности, мѣстнымъ семинарскимъ правленіямъ.

Нормальные штаты и прямо и косвенно повліяли на количество учащихся въ духовныхъ школахъ. Прямо они сокращали количество учениковъ въ семинаріяхъ. Косвенно они еще усиливали это сокращеніе и производили таковое же въ низшихъ училищахъ. Семинарскія начальства боялись переступить штатное число и предпочитали не достигать его, чѣмъ превышать. Училищныя начальства, зная семинарскія нормы, стремились въ свою очередь по возможности уменьшить выпускные классы. Затѣмъ само духовенство, освобожденное отъ обязанности представлять дѣтей въ училища, часто совсѣмъ не отдавало ихъ въ ученіе, ограничиваясь домашнимъ образованіемъ, такъ какъ пройти весь курсъ все равно было не очень много шансовъ, а для причетнической должности можно было обойтись и безъ училища. Въ результатѣ всего этого, послѣ 1851—52 гг. замѣчается сразу же большое паденіе количества

---

[1]) Ibid.—Въ 1855 году были установлены нормы и для причетническихъ классовъ, но совершенно излишнія, такъ какъ въ этихъ классахъ и такъ почти никого не было.

учениковъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, перѣдко даже ниже установленной нормы. Наглядное доказательство тому представитъ сравнительная таблица цифръ учащихся по оберъ-прокурорскимъ отчетамъ за слѣдующіе годы:

ЕПАРХІИ.	1850 г.			1853 г.			1855 г.			1859 г.			1866 г.		
	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ	ВСЕГО.
С.-Петербургская .	243	613	856	250	469	719	232	431	663	282	488	770	289	470	759
Новгородская . .	399	1336	1735	448	1210	1658	422	1038	1460	438	965	1403	391	851	1242
Псковская	254	650	904	251	644	895	289	616	855	291	584	875	294	560	854
Тверская	840	2135	2975	560	1651	2211	470	1825	2295	477	1821	2298	454	1599	2053
Могилевская . . .	234	520	754	244	447	691	190	407	597	161	430	591	170	533	703
Смоленская	469	1328	1797	565	1198	1763	511	1103	1614	571	1165	1736	415	974	1389
Олонецкая	144	391	535	130	401	531	108	279	387	123	294	417	126	286	412
Архангельская . .	86	228	314	81	219	300	88	291	379	96	175	271	103	262	365
Полоцкая	177	311	488	118	321	439	101	287	388	136	308	444	119	289	408
Литовская	173	373	546	167	341	508	166	324	490	174	374	548	168	332	500
Рижская	58	12	70	93	—	93	108	—	108	135	—	135	127	—	127
Итого С.-Петербург. округа .	3077	7898	10975	2907	6901	9808	2625	6601	9226	2884	6604	9488	2656	6156	8812

ЕПАРХІИ.	1850 г.			1853 г.			1855 г.			1859 г.			1866 г.		
	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.
Кіевская	461	1296	1757	495	1317	1812	514	1264	1778	644	1184	1827	543	1161	1815
Екатеринославская	168	534	702	166	496	662	159	388	547	202	448	650	185	378	563
Черниговская	373	808	1181	306	562	868	298	575	873	293	712	1005	215	587	802
Минская	154	500	654	142	364	506	123	341	464	130	519	649	163	418	581
Подольская	301	972	1273	357	904	1261	313	898	1211	364	915	1279	368	707	1075
Курская	536	1690	2226	457	1468	1925	407	1514	1921	429	1658	2087	403	1782	2183
Воронежская	584	1513	2097	566	1314	1880	531	1138	1669	590	1290	1880	559	1370	1929
Донская	—	326	326	—	343	343	—	290	290	—	322	322	—	310	310
Орловская	660	1773	2433	522	1274	1796	495	1386	1881	495	1637	2132	566	1487	2053
Полтавская	354	888	1242	415	916	1331	377	791	1168	482	799	1281	313	558	871
Волынская	390	887	1277	426	811	1237	380	698	1078	395	713	1108	366	669	1035
Варшавская	—	27	27	—	18	18	—	17	17	—	18	18	—	24	24
Харьковская	226	847	1073	251	736	987	239	572	811	293	609	902	382	668	1050
Кишиневская	121	378	499	175	524	699	184	633	817	187	648	835	313	558	871
Грузинск. экзарх.	117	613	730	114	559	673	118	629	747	151	04	955	155	945	1100
Херсонская	145	496	641	183	401	584	162	387	549	136	394	530	229	358	587
Таврическая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	89	89
Итого Кіевскаго округа	4590	13548	18138	4575	12007	16582	4300	11521	15821	4791	11670	7461	4835	12208	17042

ЕПАРХІИ.	1850 г.			1853 г.			1855 г.			1859 г.			1866 г.		
	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.
Московская	852	1842	2694	727	2007	2734	725	2139	2864	756	2176	2932	975	1558	2533
Ярославская	558	1308	1866	448	1090	1538	384	1196	1580	420	1040	1460	475	844	1319
Рязанская	527	1431	1958	412	1222	1634	387	1314	1701	391	1350	1741	562	1417	1979
Калужская	630	1048	1678	447	901	1348	391	930	1321	352	998	1350	447	845	1292
Владимірская	717	1919	2236	573	1315	1888	485	1287	1772	506	1371	1852	599	1481	2070
Вологодская	588	1231	1819	525	1357	1882	491	1203	1694	466	1177	1643	438	1179	1617
Тульская	704	1432	2136	497	1146	1643	442	1227	1669	431	1178	1609	518	1258	1776
Костромская	468	1267	1735	401	1170	1571	402	1134	1536	329	1183	1512	495	1237	1732
Итого Московскаго округа . .	5044	11078	16122	4030	10194	14224	3707	10430	14137	3651	10473	14124	4509	9828	14327
Казанская	235	743	978	170	453	623	170	400	570	147	453	600	205	475	680
Симбирская	297	937	1234	221	564	785	224	537	761	213	649	862	252	701	953
Астраханская	64	137	201	64	134	198	75	136	211	88	105	193	110	157	267
Кавказская	151	367	518	146	351	497	129	297	426	145	324	469	175	330	505

ЕПАРХІИ.	1850 г.			1853 г.			1855 г.			1859 г.			1866 г.		
	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.	Число учениковъ въ семинаріи.	Число учениковъ въ училищахъ.	ВСЕГО.
Тобольская	190	353	543	185	361	546	195	320	515	162	361	523	143	280	423
Томская	—	258	258	—	256	256	—	275	275	131	358	480	166	377	543
Иркутская	142	240	382	126	326	452	108	301	409	100	245	345	139	203	342
Камчатская	—	48	48	—	64	64	Ново-арханг. 65	38	38	Ново-арханг. 20	49	69	Якут-ская. 22	59	81
Вятская	510	1048	1558	442	886	1328	370	919	1289	373	1106	1479	502	830	1332
Тамбовская	452	1710	2162	348	1252	1600	346	1288	1634	351	1552	1903	780	1667	2447
Пензенская	396	997	1393	309	819	1128	287	732	1019	264	776	1040	308	795	1103
Саратовская	350	1150	1500	345	1159	1504	392	94	1339	335	914	1249	421	994	1415
Нижегородская . . .	468	1016	1484	384	895	1279	377	1018	1395	349	1135	1484	465	1104	1569
Пермская	519	850	1369	372	833	1205	311	778	1089	334	775	1109	327	642	969
Оренбургская	169	542	711	147	404	551	154	314	468	123	310	433	138	450	588
Самарская	—	—	—	—	319	319	—	328	328	176	432	608	291	688	979
Итого Казанскаго округа . .	3991	10348	14339	3323	9012	12335	3138	8628	11766	3273	9495	12768	4419	9693	1405[illegible]
ВСЕГО . .	16702	42872	59574	14835	38128	52963	13835	37180	51015	14619	39291	53910	16441	37933	54374

Таковы были результаты дѣйствія нормальнаго положенія 1851—1852 г.г. За пять лѣтъ—1851—1855 г.г.—число учащихся сократилось на $8^1/_2$ тыс., что составляло ок. 15%. При этомъ сокращеніе падаетъ почти исключительно на тѣ епархіи, въ которыхъ были введены нормальные штаты, потому что въ прочихъ епархіяхъ хотя иногда мѣстныя начальства и устанавливали нормы [1]), но эти нормы уже не были строги. Изъ ненормированныхъ положеніемъ 51 года епархій только въ пермской замѣчается значительное сокращеніе учениковъ. Быть можетъ прогрессивное уменьшеніе послѣднихъ пошло бы и еще дальше, но въ 1855 году Протасовскій режимъ лишился своего вдохновителя, а новыя вѣянія новаго царствованія повели всюду къ ослабленію строгихъ ограниченій Николаевскаго времени. Поэтому 1855 годъ показываетъ самую низшую цифру учащихся. Съ 1856 года начинается снова повышеніе послѣдней и до 1859 года достигаетъ 3 тыс. Но съ 1860 г. этотъ ростъ, подъ вліяніемъ разныхъ причинъ теперь уже иного порядка, останавливается и даже происходитъ опять временное пониженіе въ первой половинѣ 60-хъ годовъ.

Уже голыя цифры показываютъ, что подобное внезапное опустѣніе духовныхъ школъ въ 50-хъ годахъ было ненормальнымъ. Но что скрывалось въ дѣйствительности подъ этими цифрами, объ этомъ вышеприведенная статистика еще мало говоритъ. Нормальные штаты были, по-истинѣ, едва-ли не самымъ неразумнымъ мѣропріятіемъ Протасовской эпохи. Прежде всего они уже въ принципѣ не выдерживали рѣшительно никакой критики. Комитетъ 1850-го года, проектируя нормальныя положенія, думалъ этимъ остановить переполненіе духовнаго сословія лишними людьми. Но эта цѣль могла бы быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если бы, во-первыхъ, выходъ изъ духовнаго званія былъ сдѣланъ совершенно свободнымъ, и, во-вторыхъ, духовенство было бы въ состояніи отдавать своихъ дѣтей въ гражданскія училища. Но ни одного изъ этихъ условій въ наличности не было. Выходъ изъ духовнаго званія былъ облегченъ, но тѣмъ не менѣе обставленъ ограничительными условіями: для него требовалось

---

[1]) Ист. литов. сем., стр. 228.

разрѣшеніе епархіальной власти [1]) Воспитывать же дѣтей въ гражданскихъ училищахъ духовенство не имѣло физической возможности по своей бѣдности и по затруднительности доступа въ свѣтскія школы. А если такъ, то отъ нормальныхъ штатовъ могъ получиться одинъ результатъ: раньше духовное сословіе переполнялось болѣе или менѣе образованными людьми, теперь оно стало переполняться полуграмотными и безграмотными. Та многотысячная масса духовныхъ юношей, которая вдругъ исчезла изъ стѣнь школы, не вливалась въ другія сословія и не устремилась на другія поприща, а оставалась по прежнему ненужнымъ балластомъ духовнаго вѣдомства, только худшаго качества. Даже если бы и выходъ изъ духовнаго званія не затруднялся, все равно дѣло не измѣнялось, потому что куда же могли идти недоучки съ училищнымъ образованіемъ или даже съ домашнимъ? Выходить въ низшія сословія дѣти духовенства, конечно, не хотѣли; а въ служилое сословіе имъ закрывало доступъ ихъ недостаточное образованіе. Этого не могъ не предвидѣть комитетъ 1850 года, и только давленіемъ свыше можно объяснить принятую имъ нераціональную мѣру. Здравый смыслъ ясно говоритъ, что для государства и общества неизмѣримо лучше, чтобы было какъ можно больше образованныхъ людей, что образованный человѣкъ никогда не можетъ быть „лишнимъ", что если духовное сословіе переполнено, то надо уничтожить его замкнутость, но лучше же выпускать изъ него на другія поприща людей съ образованіемъ, чѣмъ недоучекъ и безграмотныхъ. Однако въ тѣ времена, когда для университетовъ опредѣляли норму въ 300 челов., очевидно, образованныхъ людей не искали, а избѣгали. Только изъ такой тенденціи и можно объяснить появленіе нормальныхъ штатовъ.

Не имѣя разумнаго смысла сами по себѣ, Протасовскіе нормальные штаты наносили прямой ущербъ и интересамъ

---

[1]) Напротивъ, духовное вѣдомство крѣпко продолжало держаться старыхъ традицій закрѣпощенія. Даже въ срединѣ 60-хъ годовъ, наканунѣ уничтоженія духовнаго званія, кіевскій митрополитъ, наприм., требовалъ, чтобы лица дух. званія не принимались въ свѣтскія учебныя заведенія и на гражд. службу безъ увольненія изъ духов. званія. Въ 1866 году министръ нар. пр. по этому поводу предлагалъ Синоду облегчить подобныя требованія и дозволить поступать въ свѣтскія училища и службу безъ особаго увольненія. Но Св. Синодъ не согласился на счетъ послѣдняго, хотя и разъяснилъ, что относительно ученія нѣтъ запретительныхъ узаконеній (Дѣло Канц. Св. Син. 1866 г. № 2253/287).

духовенства и интересамъ церкви. Какъ больно должны были нормы учащихся отзываться на родителяхъ, понятно само собою. Дешевое образованіе, даваемое духовными школами, было однимъ изъ главныхъ пособій къ скуднымъ средствамъ духовнаго сословія. Съ небольшими затратами священно и церковно-служители могли все-таки обезпечить судьбу своей семьи, поставивъ на ноги дѣтей и открывъ предъ ними поприще духовнаго служенія. Съ введеніемъ нормальныхъ штатовъ эта возможность понижалась въ той же степени, какъ понизилось количество учащихся. Вмѣсто того, чтобы имѣть помощника—сына, теперь духовнымъ лицамъ нерѣдко приходилось содержать въ своей семьѣ недоросля, который не могъ не только быть опорой семьи, а напротивъ, самъ требовалъ поддержки. Трудно измѣрить все то горе, какое испытало духовенство изъ-за нормальныхъ штатовъ, и только единодушный протестъ противъ нихъ въ 60-хъ годахъ далъ выходъ наболѣвшимъ чувствамъ духовнаго сословія. И тѣмъ болѣе бросалась въ глаза вопіющая несправедливость разсматриваемой мѣры, что духовенство какъ разъ въ ту эпоху заслуживало особенной благодарности со стороны государства. Въ 40-хъ годахъ правительство возложило на духовенство новую трудную задачу. Не имѣя средствъ основывать на свой счетъ сельскія училища, предположенныя къ открытію еще уставами 1828 года, правительство въ началѣ 40-хъ годовъ рѣшило воспользоваться для цѣлей народнаго образованія церковно-приходскими школами, которыя около того времени стали заводиться по инаціативѣ духовнаго вѣдомства. Высочайшимъ указомъ 23 ноября 1842 года духовенство было особо призвано къ обученію въ сельскихъ училищахъ (въ то время было до $2^1/_2$ тыс. церковныхъ школъ), причемъ велѣно было въ сельскихъ обществахъ государственныхъ крестьянъ устраивать училища на казенный счетъ, а преподавать въ нихъ духовенству. Возлагая такую обязанность, тотъ же Высочайшій указъ обѣщалъ не оставить безъ вниманія заслугъ духовенства на этомъ поприщѣ [1]). Но вмѣсто благодарности духовенство получило нормальные штаты.

---

[1]) Дѣло арх. Св. Син. 1841 г. № 2672/1446. Духовенство оправдало возложенныя на него надежды, и къ 1850 году уже было 4,610 церк. школъ съ 88,512 учащихся (Изъ отч. об.-пр. 1850 г., стр. 108).

Ничего, кромѣ вреда, не получилось и для церкви отъ этого Протасовскаго мѣропріятія. Епархіальныя власти были поставлены еще въ большее затрудненіе при распредѣленіи къ мѣстамъ духовныхъ юношей, такъ какъ теперь надо было заботиться о недоучкахъ, которые кромѣ какъ въ пономари и причетники никуда не годились. А затѣмъ возникло и такое затрудненіе, какого никакъ не предполагали. Нормальные штаты сочинялись во имя того, что получался излишекъ кандидатовъ съ семинарскимъ образованіемъ. На чемъ покоились эти разсчеты, сказать трудно Въ вышеприведенной вѣдомости, легшей въ основу штатнаго положенія 1851 года для 17-ти епархій, приведены значительныя цифры непристроенныхъ по недостатку мѣстъ семинаристовъ; между тѣмъ въ отчетѣ оберъ-прокурора за 1850 годъ мы находимъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ же епархій было значительное количество вакантныхъ штатныхъ мѣстъ. Такъ, въ ярославской епархіи было вакансій 49 священническихъ и 83 діаконскихъ, въ курской 18 священническихъ и 16 діаконскихъ, въ тульской—24 священническихъ и 55 діаконскихъ, въ вятской 20 свящ. и 21 діак., въ костромской 39 свящ. и 24 діакон., въ орловской 24 свящ. и 14 діак., въ симбирской 29 священ. и 3 діак. Очевидно, стало быть, что нѣкоторые семинаристы были непристроены не по недостатку мѣстъ, а по другимъ причинамъ. А въ такомъ случаѣ весь разсчетъ оказывался невѣренъ: разъ при избыткѣ людей пустовали вакансіи, то безъ таковаго избытка онѣ должны были или еще болѣе пустовать или наполняться неполноправными кандидатами. Дѣйствительность вполнѣ и оправдала послѣднее предположеніе. Послѣ введенія штатныхъ положеній не стало хватать полноправныхъ кандидатовъ на священнослужительскія должности, потому что, какъ выяснилось впослѣдствіи, разсчетъ, принятый при составленіи штатовъ, оказался невѣренъ: во-первыхъ, изъ окончившихъ курсъ семинаріи больше выбывало на разныя поприща, чѣмъ предполагалось; во-вторыхъ, въ теченіи семинарскаго курса то-же выбывало гораздо больше, чѣмъ предполагали. Въ результатѣ всего этого, какъ только появились первые выпуски семинаристовъ по нормальнымъ штатамъ, % посвященныхъ ежегодно лицъ съ семинарскимъ образованіемъ понизился. Вотъ данныя, которыя наглядно показываютъ это: [1]).

---

[1]) См. отчеты оберъ-прокурора за соотв. годы.

Годы.	Посвящено въ священ. и діакон.	Изъ нихъ окончивш. семинарію.	% окончившихъ.	Годы.	Посвящено въ священ. и діакон.	Изъ нихъ окончивш. семинарію.	% окончившихъ.
1843 г. .	2111	1137	55%	1852 г. .	1763	1313	74%
1844 „ .	2163	1518	70%	1853 „ .	1999	1588	80%
1845 „ .	1909	1156	60%	1854 „ .	1646	1588	81%
1846 „ .	1810	1259	65%	1855 „ .	1680	1354	82%
1847 „ .	1431	900	62%	1856 „ .	1715	1253	79%
1848 „ .	2187	1631	76%	1857 „ .	1849	1346	73%
1849 „ .	1718	1201	70%	1858 „ .	2132	1399	66%
1850 „ .	1869	1345	72%	1860 „ .	2255	1539	68%
1851 „ .	1808	1289	72%				

Такимъ образомъ, въ первой половинѣ 50-хъ годовъ число лицъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ изъ посвящаемыхъ ежегодно въ священники и діаконы достигло 80—82%, а во вторую половину 50-хъ годовъ оно снова опустилось до 66—68%. Значитъ, введеніемъ нормальныхъ штатовъ образовательный уровень духовенства понижался въ такой же степени, въ какой понизилась общая численность учащихся. Правда, абсолютнаго пониженія не произошло Общее количество священнослужителей съ полнымъ богословскимъ образованіемъ и въ 50-е годы все постепенно возрастало. Такъ, въ 1850 году таковыхъ было 27,194 (изъ 50,197); въ 1858 г.—28,755, въ 1859 году—30100, а въ 1867 году около 35 тыс. [1]). Но если, какъ мы видѣли, % ежегодно посвящаемыхъ лицъ съ полнымъ среднимъ образованіемъ понизился, то, очевидно, дѣйствіе нормальныхъ штатовъ сказалось на возрастаніи образовательнаго уровня духовенства При отсутствіи насильственныхъ ограниченій нормой, надо полагать, къ 60-мъ и въ 60-е годы было бы на нѣсколько тысячъ священнослужителей съ полнымъ богословскимъ образованіемъ больше, чѣмъ было въ дѣйствительности. Значитъ, нормальное положеніе препятствовало духовной школѣ выполнять ея главную задачу—подготовки просвѣщенныхъ служителей церкви [2]).

[1]) См. отч. об. пр. за эти годы, приложенія, таблицы о числѣ духовенства.

[2]). Да иначе и не могло быть, если мы сравнимъ цифры семинарскихъ выпусковъ до и послѣ нормальныхъ штатовъ. Изъ отчетовъ оберъ-прокурора

Протасовское стремленіе ограничить количество учащихся коснулось даже и малолюдныхъ духовныхъ академій. При учрежденіи академій, комитетъ 1808 года разсчитывалъ по крайней мѣрѣ на 200 чел. студентовъ въ каждой академіи, на каковое число положены были и казенные оклады. Но въ дѣйствительности студентовъ оказалось меньше, и по штатамъ 1820 г. въ каждой академіи назначалось уже по 120 студентовъ. Въ казанской академіи въ 1842 году штатъ студентовъ былъ опредѣленъ въ 60 чел. Около этихъ штатныхъ цифръ и вращалось количество учащихся въ академіяхъ до 50-хъ годовъ [1]. Съ введеніемъ нормальныхъ штатовъ въ семинаріяхъ, общая тенденція, породившая ихъ, сказалась и въ академіяхъ. Въ 1852 году оберъ-прокуроръ распорядился, чтобы въ академіи ни подъ какимъ видомъ не принимали сверхъ штата, даже своекоштныхъ, такъ какъ многіе воспитанники академій остаются безъ должностей въ духовномъ вѣдомствѣ [2]. Подъ вліяніемъ столь прозрачно выраженнаго пожеланія уменьшить численность студентовъ съ одной стороны, а также вслѣдствіе уменьшенія семинарскихъ выпусковъ съ другой, академическія начальства стали всюду принимать въ академію меньше студентовъ. Такъ, въ спб. академіи было въ 1853 г.—103 студ., въ 1854 г.—71, въ 1855 г.—88, въ 1856 г.—108, 1859 г.—97. Въ московской академіи было студентовъ: въ 1853 г.—93, въ 1854 г.—89, въ 1855 г.—91, въ 1856 г.—86, въ 1859 г.—89; въ кіевской академіи: въ 1853 г.—108, въ 1854 г.—107, въ 1855 г.—105, въ 1856 г.—82, въ 1859 г.—105. Въ Казани въ 1859 г. число студентовъ спустилось до 51 [3]. Результатъ здѣсь получился тотъ же, что и въ семинаріяхъ. Такъ какъ бѣгство съ духовно-учебной службы съ теченіемъ времени все возрастало, то уменьшенный контингентъ студентовъ не могъ удовлетворять всѣхъ нуждъ духовнаго вѣдомства въ преподавателяхъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ правленія академій стали доносить, что не хватаетъ кандидатовъ для замѣщенія

видно, что въ семинаріяхъ спб. и кіевскаго округовъ окончило курсъ: въ 1849 г.—1943 чел., въ 1851 году—1931, а въ 1853 г.—1694, въ 1855 г.—1758, въ 1857 г.—1477, въ 1859 г.—1640 ч.; въ семинаріяхъ московскаго и казанскаго округовъ было выпущено: въ 1850 г.—1916 чел., 1854 г.—1928 чел., а въ 1856 г.—1878 чел. въ 1858 г.—1711 чел., въ 1860 г.—1723 чел.

[1]) См. отч. об-прок.

[2]) См. объ этомъ въ дѣлѣ Д. У.У. 1859 г. № 363/3337, л. 44.

[3]) См. отч. об.-пр., прилож., таблицы учащихся.

наставническихъ вакансій, а центральной власти пришлось прибѣгать къ особымъ мѣрамъ, чтобы не остаться безъ преподавателей [1]).

Впрочемъ, не смотря на пониженіе численности учащихся, духовная школа во все разсматриваемое время играла видную роль въ общей системѣ народно-образовательныхъ средствъ. Въ половинѣ 50-хъ годовъ, напримѣръ, когда духовныя школы уже сильно опустѣли, въ нихъ было учащихся все-таки еще больше, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства нар просвѣщенія. Такъ, въ 1854 году въ гимназіяхъ и гражд. уѣздныхъ училищахъ было 45779 учениковъ [2]), а въ семинаріяхъ и духовныхъ уѣздныхъ училищахъ 49,329 учениковъ. Значитъ, культурное значеніе духовной школы въ государствѣ было огромно. Но оно было бы еще больше, если бы школѣ не ставились насильственныя преграды въ ея развитіи.

Академическое образованіе.

Переходя теперь въ обзору результатовъ протасовской эпохи въ области самаго духовно-учебнаго дѣла, мы прежде всего остановимся на академическомъ образованіи.

Введеніе многихъ новыхъ предметовъ и развѣтвленіе старыхъ, при ограниченности преподавательскихъ силъ, сказалось, во-первыхъ, большою неустойчивостью въ самомъ положеніи разныхъ академическихъ наукъ, особенно историческихъ, математическихъ и языковъ. Такъ какъ предметовъ было больше, чѣмъ преподавателей, то отдѣльные предметы то соединялись въ одну каѳедру, то раздѣлялись, то снова соединялись, въ зависимости большею частью отъ тѣхъ или другихъ случайныхъ условій, какъ то взгляды начальства на важность предмета или желаніе дать больше простора какой либо наукѣ. Такъ, въ Казанской академіи до 1856 г. съ догматическимъ

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1864 г. № 114-943. Въ 1864 году Д.У. Управленіе, съ утвержд. синода, для удержанія студентовъ предписало брать письменное обязательство съ поступающихъ въ академію прослужить 4 года по дух.-уч. вѣд.; тогда же рѣшено было утверждать въ ученыхъ академическихъ степеняхъ не прежде, чѣмъ послѣ 4 мѣсяцевъ службы (чтобы кандидатъ не ушелъ въ другое вѣдомство).

[2]) Изъ отч. по мин. нар. пр. 1854 г.

богословіемъ соединялись введеніе въ богословіе и полемика; съ 1866 года эти науки выдѣлены въ особую каѳедру [1]). Въ московской академіи до 1848 года полемическое богословіе соединялось съ догматическимъ, а въ 1848 году открыта особая каѳедра по ученію о вѣроисповѣданіяхъ и расколахъ [2]). Въ спб. академіи особая каѳедра ученія о расколѣ открылась въ 1857 г. [3]). Въ спб. академіи до 1851 года русская церковная исторія преподавалась въ соединеніи съ общей церковной и русской гражданской исторіей. Въ этомъ году, по предложенію митр. Никанора, рус. церк. исторія сдѣлана самостоятельною и преподаваніе ея возложено на преподавателя русской гражданской исторіи [4]). Въ 1857 году въ спб. академіи, по ходатайству академическаго правленія, преподаваніе самой общей церковной исторіи раздѣлено между двумя наставниками (до и послѣ раздѣленія церквей) [5]). Въ московской академіи еще въ 1844 году библейская исторія была отдѣлена отъ общей церк. исторіи и поручена наставнику греч. языка [6]). Русская церковная исторія здѣсь была отдѣлена отъ каѳедры общей исторіи въ 1858 году [7]). Въ казанской академіи до 1844 года русская церковная и гражданская исторія преподавались вмѣстѣ. Въ этомъ году эти два предмета раздѣлились на двѣ каѳедры; но въ 1848 году они снова соединились въ одну, хотя преподавать ихъ положено и отдѣльно [8]). Гражданская исторія въ московской академіи до 1844 года вся была въ рукахъ одного преподавателя; въ 1844 году русская исторія отъ нее отдѣлилась и перешла къ другому наставнику [9]). Въ другихъ академіяхъ общая гражданская исторія всегда была въ рукахъ одного наставника, а русская гр. исторія то преподавалась преподавателемъ общей исторіи, то соединялась вмѣстѣ съ русской церк. исторіей въ рукахъ особаго преподавателя. Мы видѣли уже, какимъ превратностямъ

---

[1]) Ист. каз. ак. II, стр. 190.

[2]) Ист. моск. ак. стр. 28—29.

[3]) Спб. академ. за 1858—1888 г., стр. 28.

[4]) Ист. спб. ак., стр. 300.

[5]) Спб. Академія за посл. 30 лѣтъ, Чистовича, стр. 27.

[6]) Ист. моск. ак. стр. 42,169.

[7]) Изъ отч. об.-пр. 1858 г., стр. 55.

[8]) Ист. каз. ак., II, стр. 100.

[9]) Ист. моск. ак., стр. 56. И по странному курьезу русская исторія была отдана наставнику греческаго языка (Ibid. стр. 169).

судьбы подвергалась математика въ казанской академіи. Но и въ другихъ академіяхъ она не имѣла устойчиваго положенія. Напримѣръ, въ спб. академіи до 1842 года физико-математическія науки имѣли 2 наставниковъ, съ 1842—1849 г. одного, а потомъ опять двухъ [1]). Но хуже всего была судьба языковъ, которые обычно совсѣмъ не имѣли особыхъ преподавателей. Не говоря о языкахъ новыхъ и еврейскомъ, ни греческій, ни латинскій языки не имѣли прочной постановки. Вопреки расписанію 1845 года, чаще всего преподаваніе ихъ возлагалось на разныхъ преподавателей въ качествѣ придаточнаго предмета [2]). Самое введеніе латинскаго языка въ видѣ особаго предмета въ академическій курсъ совершилось далеко не сразу послѣ 1845 года, когда оно было установлено юридически. Сначала латинскій языкъ продолжали преподавать на урокахъ словесности въ видѣ чтенія латинскихъ авторовъ. Въ спб. академіи латинскій языкъ, какъ особый предметъ, появился въ 1847 году [3]). Въ кіевской академіи классъ латинскаго языка открытъ былъ въ 1849 году [4]) Въ казанской академіи въ 1859 году открыта была особая каѳедра латинскаго и греческаго языковъ [5]). Для педагогики, которую опредѣленіемъ Синода 1845 года предписано было ввести въ спб. и кіевской академіяхъ, такъ и не нашлось мѣста. Даже о ней столь основательно забыли, что въ 1855 году мысль митр. Никанора о введеніи этой науки въ академическій курсъ разсматривалась, какъ совсѣмъ новое предположеніе [6])

Неустойчивость сообщилась въ разсматриваемое время и самымъ курсамъ нѣкоторыхъ академическихъ наукъ. Такъ какъ одинъ наставникъ не могъ справиться одинаково успѣшно со всѣми возложенными на него предметами, да и студенты то-же, то въ облегченіе тяготы тѣхъ и другихъ иногда начальство сокращало объемъ преподаваемыхъ наукъ или указывало, на что должно обратить вниманіе, и что можно опустить. Такъ, въ 1851 году Св. Синодъ предписалъ по возможности кратко

---

[1]) Ист. спб. ак., стр. 301.

[2]) Ист. каз. ак., II, стр. 160. Греческій языкъ соединялся обычно съ патристикой (Idid. и Ист. спб. ак., стр. 288). Латинскій языкъ, и послѣ выдѣленія изъ словесности, чаще всего соединялся съ нею.

[3]) Ист. спб. ак., стр. 306.

[4]) Аскочененій, Ист. кіев. ак. стр. 242.

[5]) Ист. каз. ак. II, стр. 14.

[6]) Изъ отч. об.-пр. 1855 г., стр. 67.

излагать библейскую ветхозавѣтную исторію, а преподавателямъ гражданской исторіи вмѣнилъ въ обязанность останавливаться преимущественно на событіяхъ болѣе важныхъ и близкихъ къ намъ по времени или по какимъ либо замѣчательнымъ обстоятельствамъ [1]). Въ 1853 году въ спб. академіи отмѣнено было преподаваніе нравственной философіи, какъ излишней при нравственномъ богословіи [2]). Въ 1865 году здѣсь же наставнику исторіи философіи было вмѣнено въ обязанность читать до Канта сокращеннѣе, а съ Канта подробно; преподавателю психологіи и логики предложено было подробно читать первую и сокращенно послѣднюю [3]). Математическій курсъ былъ сильно урѣзанъ въ 1844 году, когда онъ былъ сдѣланъ общеобязательнымъ. Изъ математики тогда положено было въ академіи только преподавать алгебру до уравненій 2-й степени включительно, элементарную геометрію, прямолинейную тригонометрію и краткія понятія о коническихъ сѣченіяхъ, а механику съ приложеніемъ къ ней дифференціальныхъ и интегральныхъ счисленій преподавать настолько, насколько это необходимо для физики; самыя же дифференціальныя и интегральныя счисленія—не преподавать [4]). Въ казанской академіи въ ректорство Іоанна Соколова математику свели совсѣмъ на «нѣтъ»

Но ни перетасовка предметовъ по каѳедрамъ, ни нѣкоторыя частичныя сокращенія не въ состояніи были сгладить неблагопріятное вліяніе академическихъ преобразованій протасовскаго времени. И раньше, въ эпоху Комиссіи Дух. Учил., академическое образованіе мало носило характеръ высшаго, такъ какъ по пріемамъ и методамъ не далеко уходило отъ семинарскаго. Наставники обычно читали цѣлые курсы, какъ того требовалъ уставъ, а при такихъ условіяхъ нельзя было вдаваться въ детально-научную разработку предмета. Однако немногочисленность предметовъ по уставу 1814 года дѣлала возможной ихъ болѣе или менѣе широкую постановку. Когда же въ 40-хъ годахъ всѣ предметы академическаго курса сдѣлались обязательными и кромѣ того были введены новыя науки, то постановка академическаго преподаванія неизбѣжно

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 1851 г., стр. 67—68.
[2]) Ист. спб. ак., стр. 295.
[3]) Спб. Академія за 30 лѣтъ. стр. 30.
[4]) Дѣло арх. Св. Син. 1844 г. № 146/277.

должна была принять болѣе элементарный характеръ. Даже науки богословскія, развѣтвившись теперь далеко болѣе прежняго, повидимому ничего не выиграли въ своемъ объемѣ. Курсъ самой важной богословской дисциплины—догматическаго богословія—по матеріальному своему содержанію обычно не отличался отъ семинарскаго [1]. Нравственное богословіе преподавалось по прежнему по сухимъ католическимъ схемамъ [2]. Пастырское богословіе было наукой довольно безсодержательной и иногда проходилось только для формы [3]. Новая наука—„богословская энциклопедія" почти не шла дольше прежняго введенія въ богословіе и держалась развѣ иногда лишь талантами отдѣльныхъ профессоровъ (каковы архим. Макарій (Булгаковъ) въ спб. ак., арх. Хрисанѳъ). Св. Писаніе прочитывалось обыкновенно все [4], а вслѣдствіе этого оно неизбѣжно сводилось къ сообщенію почти исключительно такъ называемыхъ предварительныхъ свѣдѣній съ толкованіемъ лишь нѣкоторыхъ мѣстъ [5], какъ было и въ семинаріяхъ. Герменевтика находилась въ пренебреженіи, какъ наука безсодержательная и схоластическая, и иногда почти вовсе не преподавалась [6]. Гомилетика, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ академіяхъ, влачила довольно жалкое существованіе [7], опять по своей безсодержательности, такъ какъ въ то время она еще не вступила на историческій путь, а въ теоретической части совпадала съ словесностью. Богословскія науки, надо замѣтить, находились въ академіяхъ даже въ особо неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ преподавали ихъ ректора, инспектора и вообще большею частью монашествующіе, которые въ академіи были людьми переходными и на свою профессорскую дѣятельность вовсе не смотрѣли, какъ на свое призваніе. Церковную исторію также нельзя было не читать довольно элементарно, потому что требовалось пройти весь курсъ, а подробно это сдѣлать было немыслимо. Профессора этого предмета обычно подробнѣе излагали лишь исторію до

---

[1]) Ист. каз. ак., II, стр. 194, 203.
[2]) Ibid., стр. 271.
[3]) Ibid., стр. 310.
[4]) Ист. спб. ак., стр. 277.
[5]) Ист. каз. ак., II, стр. 178.
[6]) Ibid., стр. 183.
[7]) Ibid., стр. 311.

раздѣленія церквей, а послѣ этого времени лишь исторію восточной церкви. Исторія русской церкви, не имѣвшая особой каѳедры, преподавалась обычно неполно; напримѣръ въ московской академіи въ 1848—1850 г. она прочитана была до патріаршества [1]). Философскія науки, для выполненія программы, приходилось суживать по возможности. Профессора старались пройти всю систему философіи, включая психологію и логику; но нѣкоторыя части курса неизбѣжно принимали весьма сокращенную форму. Изъ философскихъ предметовъ пространнѣе читались метафизика и исторія философіи, а всего короче логика и нравственная философія [2]). Гражданская исторія прочитывалась большею частью вся [3]); но курсъ состоялъ главнымъ образомъ въ краткомъ изложеніи общаго хода исторіи государственной [4]) и потому имѣлъ немногимъ больше образовательнаго значенія, чѣмъ курсъ семинарскій. Впрочемъ, бывали и на этой каѳедрѣ блестящіе преподаватели, которые обычно сухому изложенію фактовъ предпочитали философско-синтетическіе очерки; таковъ, напримѣръ, былъ баккалавръ Щаповъ въ казанской академіи [5]). Словесность по прежнему читалась теоретически; лишь въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ профессора словесности стали предлагать чтенія по исторіи русской литературы, отдавая послѣднимъ иногда даже большую часть времени [6]). Физико математическія науки, и раньше не процвѣтавшія въ академіи, въ протасовскую эпоху окончательно пали, такъ какъ и время на нихъ было сокращено и студенты являлись изъ семинаріи почти безъ всякой подготовки. Послѣднее отзывалось преимущественно на математикѣ. Поэтому послѣдняя преподавалась въ самомъ элементарномъ объемѣ, по учебникамъ среднихъ учебныхъ заведеній [7]). Манера преподаванія языковъ была то-же довольно беззатѣйная. По гречески обычно въ низшемъ отдѣленіи переводили христоматію Якобса, а въ высшемъ святоотеческую христоматію, съ грамматическими объясненіями, совершенно

[1]) Ист. моск. ак., стр. 37.

[2]) Ист. каз. ак. II, стр. 20—21, 38, 46, 47.

[3]) Ист. моск. ак., стр. 56; Ист. каз. ак., II, стр. 95.

[4]) Ibid., стр. 96, 101—104.

[5]) Объ немъ Ист. каз. ак., II, стр. 114—135 и монографія проф. Н. Я. Аристова о Щаповѣ (Ист. В. 1882 г. № 10—12).

[6]) Ист. спб. ак., стр. 296; Ист. каз. ак., II, стр. 54, 57, 60.

[7]) Ист. каз. ак., II, стр. 90.

какъ въ семинаріяхъ [1]). Бывали иногда въ низшемъ отдѣленіи чтенія изъ исторіи греческой литературы, но онѣ не имѣли прочной постановки [2]). Занятія по латыни также состояли въ переводѣ классиковъ, какъ то Цицерона, Ливія, Тацита, Лактанція, Виргилія, Горація [3]). Преподаваніе еврейскаго языка и раньше и теперь было самое элементарное [4]). Новые языки изучались главнымъ образомъ путемъ переводовъ, занятія которыми ничѣмъ не разнились отъ семинарскихъ [5]).

Такимъ образомъ, не смотря на свою универсальность и даже именно благодаря ей, академическое образованіе по широтѣ научнаго кругозора не стояло высоко. Это и оффиціально было засвидѣтельствовано, напримѣръ, ревизіей спб. академіи 1867 года, когда ревизоръ отозвался, что конспекты по большей части предметовъ составлены не въ широкомъ взглядѣ на науку, а въ такомъ объемѣ и составѣ, въ какомъ конспекты составляются и въ семинаріяхъ [6]).

Самое преподаваніе академическихъ наукъ, какъ и въ первый періодъ дѣйствія уставовъ 1814 года, въ протасовскую эпоху происходило отчасти по учебникамъ, отчасти по запискамъ. Послѣднія получали все большее распространеніе, такъ какъ старые учебники выходили изъ употребленія по негодности, а новые появлялись медленно. По Св. Писанію старое руководство Амвросія совсѣмъ перестало употребляться и преподаваніе происходило по запискамъ. По богословію догматическому вмѣсто Ѳеофилакта стали употреблять сначала новый семинарскій учебникъ Антонія, а потомъ руководство просв.

---

1) Ibid., стр. 160.

2) Ibid. и Ист. моск. ак., стр. 62.

3) Ист. спб. ак., стр. 306; Ист. кіев. ак., стр. 242; Ист. каз. ак., II, стр. 160.

4) Ист. каз. ак., II, стр. 171.

5) Ibid., стр. 174. Что касается миссіонерскихъ предметовъ, то преподаваніе ихъ носило чисто практическій характеръ. Но даже въ казанской академіи они не имѣли надлежаще широкой постановки (Ист. каз. ак., II). Довольно широкую, хотя чисто популярно-практическаго характера, постановку получила въ казанской академіи естественная исторія. Преподаваніе ея сначала принялъ на себя безмездно проф. каз. университета Вагнеръ, а потомъ на этомъ предметѣ (не имѣвшемъ штатной каѳедры) былъ искренно преданный своей наукѣ баккалавръ Гремяченскій, который сумѣлъ хорошо поставить естествознаніе при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ (Ист. каз. ак., II, 143—155).

6) Дѣло Канц. об.-прок., 2-го ст., 1-го отд., 1867 г. № 7.

Макарія. По нравственному богословію употреблялись то записки, то учебники, сначала преосв. Платона костромского, потомъ Солярскаго. По обличительному богословію были записки. По гомилетикѣ сначала были записки, а потомъ вошла въ употребленіе книга Амфитеатрова. По каноническому праву сначала тоже были записки, а потомъ распространилось кіевское руководство Скворцова. По основному богословію („введеніе“) сразу же вошло въ употребленіе „Введеніе въ православное богословіе“ Макарія (Спб., 1847 г.). Патристика до 60-хъ годовъ читалась по запискамъ, пока не вышло въ 1859 г. „Богословско-историческое ученіе объ отдахъ церкви“ Филарета черниговскаго, которое и было введено въ академіяхъ и семинаріяхъ [1]). По библейской исторіи оставалась книга Филарета [2]), а по общей церковной исторіи частью продолжали пользоваться учебникомъ Иннокентія, частью записками [3]). Исторія раскола преподавалась сначала по запискамъ преосв. Григорія (казанскаго), а потомъ по исторіи раскола преосв. Макарія [4]). По гражданской исторіи употреблялись семинарскіе учебники Кайданова и Смарагдова, переводы иностранныхъ руководствъ Лоренца и Вебера, а по русской исторіи стали пользоваться, по выходѣ въ свѣтъ, исторіею Соловьева [5]). По исторіи философіи по прежнему пользовались Бруккеромъ [6]), а метафизику преподавали по запискамъ. Физико-математическія науки преподавались по запискамъ и руководствамъ Себржинскаго, Райковскаго, Щеглова, Ленца и нѣк. др. [7]). На урокахъ наставники иногда читали только нѣкоторые отдѣлы науки, и тогда уже гораздо пространнѣе; но къ экзамену студентамъ сдавали записки или учебникъ по всему курсу [8]). Записки сдавались обычно въ сжатомъ видѣ, такъ какъ въ 1847 году было особое распоряженіе Дух. Уч. Управленія, чтобы онѣ были какъ можно короче [9]). Для облегченія студентовъ въ это время записки стали уже часто литографироваться.

---

[1]) Ист. каз. ак., III, стр. 249. Дѣло К. Св. Син. 1860 г. № 4363 в.
[2]) Ист. моск. ак., стр. 42.
[3]) Д. К. С. С. 1860 г. № 4363 в.
[4]) Ист. каз. ак., II, стр. 382.
[5]) Ист. моск. ак, стр. 56, 57. Ист. каз. ак., II, стр. 94.
[6]) Ист. спб. ак., стр. 294.
[7]) Ист. каз. ак., II, стр. 67.
[8]) Ист. каз. ак., III, стр. 252—253.
[9]) Ibid., стр. 250.

Что касается самаго характера академическихъ чтеній, то въ протасовскую эпоху въ данномъ отношеніи царили еще болѣе ригористическія тенденціи, чѣмъ во время Комиссіи Дух. Учил. Нечего и говорить, конечно, что академическая наука никогда не выходила изъ рамокъ строгаго православія. Но въ тѣ времена цензурной строгости, когда даже извѣстнѣйшіе архипастыри иногда „не выдерживали" цензуры [1]), православіе понималось въ особомъ протасовскомъ стилѣ, требовавшемъ рабскаго уваженія къ преданію и боявшемся всякой живой мысли. Поэтому академическіе наставники избѣгали всякихъ самостоятельныхъ изслѣдованій и предпочитали волею-неволею держаться рамокъ устарѣлыхъ учебниковъ или авторитетовъ вродѣ Петра Могилы. Особенно опасны были въ цензурномъ отношеніи богословскіе и философскіе предметы. Въ нихъ надо было тщательно избѣгать всякихъ новшествъ. Но все-таки находились смѣлые профессора, большею частью, впрочемъ, прикрытые монашеской рясой, которые вносили жизненный, современный интересъ и въ эти науки. Такое впечатлѣніе оставили въ казанской академіи лекціи архим. Ѳеодора (Бухарева) по догматическому богословію, архим. Хрисанѳа по основному и обличительному богословію [2]). Въ московской академіи проф. А. В. Горскій первый рѣшился критически отнестись къ учебникамъ церковной исторіи и сталъ давать самостоятельныя и оригинальныя лекціи [3]). Оригинальныя философскія чтенія ѳеологическаго направленія давалъ въ моск. акад. проф. Голубинскій [4]). Впрочемъ, философія всегда преподавалась здѣсь, какъ говорилъ м. Филаретъ въ отзывѣ 1861 г., „безъ гордой независимости и мнимой самодовольности новѣйшихъ иностранныхъ философовъ, но въ содружности здравыхъ началъ

---

[1]) Архіепископъ черниговскій Филаретъ, напримѣръ, отказался отъ предложенія Протасова написать догматику, находя его льстивымъ для самолюбія, но не льстивымъ благоразумія (Приб. къ Тв. Св. О. 1883 г., для I, стр. 234). И его опасенія были не напрасны. По напечатаніи имъ V-го тома исторіи русской церкви молодой цензоръ Іоаннъ Соколовъ позволилъ себѣ раскритиковать трудъ маститаго іерарха (Ист. каз. акад. I, стр. 145). И такихъ фактовъ въ тѣ времена было множество. См. о гнетѣ цензуры въ спеціальн. изслѣдованіи А. Котовича, „Духовная цензура въ Россіи", Спб. 1909 г.

[2]) Ист. каз. акад. II, 208—213, 259.

[3]) Ист. моск. акад., стр. 36, 41.

[4]) Ibid., 48, 50—51.

разума съ высшими истинами откровенія, при сознаніи недостаточности первыхъ безъ послѣднихъ" [1]). Но случалось, что ревнивое начальство прекращало даже слабыя попытки къ оригинальности. Въ с.-петербург. академіи, напримѣръ, ректоръ Аѳанасій запретилъ проф. Карпову читать философію по запискамъ, а далъ въ руки стараго „столпа"—Винклера [2]) При подобныхъ условіяхъ нельзя было, конечно, ожидать быстраго прогрессивнаго движенія академической науки. Застой и мертвенность были естественнымъ слѣдствіемъ такой системы, когда никто не зналъ, что „благонамѣренно" и что „неблагонамѣренно" съ цензурной точки зрѣнія, что „православно" и что „неправославно". Лучшимъ доказательствомъ этой мертвенности служатъ сухія и тощія книжки тогдашнихъ академическихъ журналовъ и чрезвычайная рѣдкость самостоятельныхъ ученыхъ изслѣдованій академическихъ наставниковъ.

Отсутствіе солидности, „измельчаніе", если можно такъ выразиться, академическаго образованія сказалось между прочимъ и въ занятіяхъ студентовъ сочиненіями. Сочиненія играли не малую роль въ духовномъ образованіи. Въ академіяхъ на сочиненіяхъ главнымъ образомъ проявлялась трудоспособность и самостоятельность студентовъ. Сочиненій по уставу 1814 года полагалось очень много, далеко больше, чѣмъ было-бы нужно въ высшемъ учебномъ заведеніи. Но на практикѣ ихъ писалось значительно меньше, съ выгодою для качества. Однако комитетъ, вырабатывавшій академическое преобразованіе въ 1845 году, пытался внести и сюда свои нераціональные принципы. Онъ рѣшилъ, во-первыхъ, что письменныя упражненія студентовъ должны быть по возможности чаще и во всѣхъ родахъ сочиненій и потому назначилъ сочиненія почти по всѣмъ наукамъ. Именно, въ низшемъ отдѣленіи студенты должны были писать: по св. писанію—изъясненія на данныя мѣста писанія; по философіи—разсужденія о философскихъ предметахъ, тѣхъ преимущественно, уясненіе которыхъ можетъ способствовать легчайшему изученію предметовъ богословскихъ; по церковной и гражданской исторіи—диссертаціи на разныя эпохи и происшествія историческія; по греч. и латин. языкамъ—разсужденія о предметахъ, касающихся ли-

---

[1]) Мнѣн. и отз. м. Филарета, т. V, стр. 24.

[2]) Приб. къ Тв. св. о. 1883 г. 1, стр. 228.

тературы сихъ языковъ, и преимущественно церковной, на греческомъ и латинскомъ языкѣ. Въ высшемъ отдѣленіи сочиненія полагались: по св. писанію — изъясненія библейскихъ мѣстъ; по богословію — разсужденія историческія; по церковному краснорѣчію—упражненія въ разныхъ родахъ церковно-поучительныхъ произведеній; по патристикѣ — анализы сочиненій нѣкоторыхъ отцевъ церкви, не переведенныхъ на русскій языкъ. Во-вторыхъ, комитетъ призналъ за правило, что сочиненія должны быть писаны не обширныя, но краткія, и за-то большія числомъ, потому что для учащихся полезнѣе написать больше краткихъ сочиненій, нежели одно или два большихъ. Поэтому число сочиненій было назначено такое. Въ низшемъ отдѣленіи студенты въ теченіи всего перваго года должны были написать 16 сочиненій, по 8 въ полугодіе и по 2 въ мѣсяцъ; изъ нихъ 2 по св. писанію, 4 по философіи, 4 по словесности, 2 по исторіи, 2 по греч. и 2 по латыни. Во второй годъ въ низшемъ отдѣленіи положено было написать въ первое полугодіе 6 сочиненій по шести вышеозначеннымъ предметамъ (по одному), а во второе полугодіе — 2 проповѣди. Въ высшемъ отдѣленіи въ теченіи перваго года полагалось написать то-же 16 сочиненій (по 8 въ полугодіе, по 2 въ мѣсяцъ), по св. писанію, богословію, церковной исторіи и патристикѣ, и 2 проповѣди. Въ послѣдній годъ предполагалось упражнять студентовъ, вмѣсто такихъ сочиненій, составленіемъ лекцій, подготовительно къ ихъ будущему наставничеству, которыхъ каждый студентъ долженъ былъ представить не менѣе 2-хъ. Всѣ эти сочиненія назывались обыкновенными. Но кромѣ нихъ, для упражненія въ составленіи обширныхъ трактатовъ полагалось во второй годъ каждаго отдѣленія написать по особому разсужденію на тему, избранную изъ числа предложенныхъ наставниками по окончаніи перваго года. Послѣднія сочиненія требовалось представлять къ испытанію и принимать ихъ во вниманіе при составленіи разрядныхъ списковъ и назначеніи ученыхъ степеней [1]). Этими правилами академическія сочиненія съ одной стороны ставились на одну доску съ семинарскими, съ другой—возлагали на студентовъ трудъ невыносимый. Выходило, что студенты въ теченіи академическаго курса должны были написать свыше 40 обыкновенныхъ работъ и двѣ диссертаціи. Поэтому въ точности эти правила въ дѣйствитель-

---

[1]) Дѣло арх. Св. Син. 1845 г. № 1436.

ности и не исполнялись. Въ казанской академіи, напримѣръ, за время 1844—1857 гг. писалось ежегодно по 8 сочиненій и 1—3 проповѣди; въ 1857 году здѣсь введено по 10 сочиненій и 1 проповѣди ежегодно [1]. Но все-таки количество сочиненій было слишкомъ значительно для того, чтобы студенты могли серьезно заняться ими и проявлять въ этой области самостоятельное изслѣдованіе. Конечно, добросовѣстные студенты прилагали всѣ усилія къ письменнымъ работамъ [2]; появлялись по прежнему и массивныя диссертаціи [3]. Но многосочиненіе неизбѣжно вело къ тѣмъ же результатамъ, какъ и многопредметность. Въ 15—20 дней, при множествѣ лекцій, можно было написать лишь небольшую компилятивную шаблонную задачу. Да и сами начальники и наставники тяготились большими работами, при ихъ множествѣ, такъ что являлись попытки даже насильственно ограничить ревностныхъ писателей сочиненій. Въ казанской академіи, напримѣръ, въ 1854 году ректоръ Григорій ограничилъ семестровыя сочиненія 2 листами, курсовыя 10-ю, а проповѣди однимъ листомъ [4].

Естественнымъ результатомъ пониженія основательности академическаго преподаванія и перегруженія студентовъ занятіями было пониженіе и продуктивности студенческихъ занятій и научнаго уровня студентовъ. Вліяніе многопредметности сказалось сразу-же. Въ казанской академіи, напримѣръ, какъ только миссіонерскіе предметы сдѣлались общеобязательными, уровень образованія на нихъ сильно понизился; большая часть студентовъ занималась ими только для формы [5]. На мусульманскомъ отдѣленіи, напримѣръ, съ 1854—1858 года, въ теченіи 4-хъ лѣтъ число удовлетворительно успѣвшихъ было 15, а съ 1858—1864 г., въ теч. 6 лѣтъ, всего 3 [6]. Правда, студенты сами иногда спеціализировались и посвящали какой либо группѣ наукъ особое вниманіе [7]. Но такая спеціализація не могла быть особенно глубокой, такъ какъ сдавать экзамены, слушать лекціи и писать сочиненія приходилось все равно

---

[1]) Ист. казан. акад., III, стр. 253.

[2]) Ibid, стр. 236.

[3]) Ibid., стр. 315.

[4]) Ibid., стр. 257. Впрочемъ, это ограниченіе не строго соблюдалось.

[5]) Ист. каз. ак., II, стр. 418. Это засвидѣтельствовано и ревизіей Урусова въ 1860 г. (д. Д. У. У. 59 г. № 363-3337).

[6]) Изъ дѣла канц. Св. Син. 1860 г. № 4363 в.

[7]) Ист. каз. ак., III, 267.

по всѣмъ предметамъ. Потому въ большинствѣ случаевъ разнообразіе академическихъ наукъ пріучало учащихся лишь къ поверхностному отношенію со всѣмъ имъ. Наиболѣе же страдали здѣсь такъ называемыя науки вспомогательныя, т. е. всѣ, кромѣ богословія и философіи. Начальство смотрѣло на эти предметы сквозь пальцы, какъ и въ семинаріи, и при неудовлетворительности по второстепеннымъ предметамъ можно было перейти изъ отдѣленія въ отдѣленіе [1]). Въ 60-хъ годахъ упадокъ научнаго уровня студентовъ сдѣлался особенно замѣтенъ, такъ какъ въ академію стали поступать не только лучшіе семинаристы, какъ прежде, потому что лучшіе устремились въ университеты, двери которыхъ были открыты семинаристымъ въ 1863 году. Тогда начальство стало принимать свои мѣры. Такъ, Синодъ рекомендовалъ въ 1863 году болѣе строгія требованія при испытаніяхъ [2]). Въ спб. академіи въ 65 г. возстановлены были репетиціи передъ экзаменами, въ 66 году были приняты мѣры къ усиленію занятія сочиненіями [3]). Особенно силенъ былъ упадокъ въ академіяхъ языкознанія, засвидѣтельствованный многими ревизіями 60-хъ годовъ [4]).

Впрочемъ, что касается внѣшней стороны, то въ академіяхъ все по прежнему признавалось «благополучнымъ“. Ревизіи протасовской эпохи неизмѣнно удостовѣряли хорошее состояніе учебной части [5]). Только въ 60-е годы, при новыхъ вѣяніяхъ, послышались диссонасы въ этой гармоніи формальнаго благополучія, напримѣръ въ вышеупомянутыхъ ревизіяхъ. Но ревизіонные отзывы въ данномъ случаѣ отражаютъ духъ времени, тогдашнюю мѣрку и формальный характеръ ревизій, а не дѣйствительное положеніе вещей. Равнымъ образомъ и присужденіе академическихъ степеней не отражало дефектовъ академическаго образованія. Въ эпоху 1840—1869 г.г. по прежнему выпускалось весьма много студентовъ въ первомъ разрядѣ и очень мало въ послѣднемъ. Такъ, въ спб. академіи за время 1841—1855 гг. произведено въ магистры 160, въ старшіе кандидаты 73, въ кандидаты 186 и въ дѣйств. сту-

---

[1]) Ист. моск. ак., стр. 170.

[2]) Ист. каз. ак., Ш, стр. 285.

[3]) Спб. Академія за 30 л., стр. 30, 31.

[4]) Д. Д. У. У. 1861 г. № 148-4233 (рев. кіев. ак. 61 г.); д. Канц. Св. С. 1863 г. № 1585-877 (рев. спб. и кіев. ак. 63 г.); д. Канц. об.-пр. 1867 г № 7, 1-го отд. 2-го ст. (рев. спб. ак. 67 г.).

[5]) Таковы всѣ ревизіи 40 и 50-хъ годовъ.

денты 4 [1]). Въ московской академіи выпуски 1842—1870 гг. дали 266 магистровъ, 35 магистровъ условныхъ, 378 кандидатовъ и 48 дѣйств. студентовъ и условныхъ кандидатовъ [2]). Въ казанской академіи въ 1842—1870 гг. окончило 342 студента и изъ нихъ 104 получили степень магистра, 55 выпущены условными магистрами, 156—кандидатами, и 26 студентами [3]). Въ кіевской академіи за 1841—1867 гг. окончило 261 магистръ, 135 старш. кандидатовъ, 269 кандидатовъ и 38 дѣйств. студентовъ [4]). Но такой высокій процентъ перворазрядныхъ студентовъ въ значительной степени свидѣтельствовалъ о слабости научныхъ требованій, а не о высотѣ научнаго уровня студенчества. Однако опять таки и здѣсь необходимо замѣтить, что академическое образованіе отнюдь не стояло ниже тогдашняго университетскаго. Послѣднее въ николаевскую эпоху также не было высоко и стояло, пожалуй, даже ниже академическаго. Проф. Аристовъ, сравнивая университетское образованіе 50-хъ годовъ съ академическимъ, отдавалъ рѣшительное предпочтеніе послѣднему [5]).

Семинарское образованіе.

Переходя къ разсмотрѣнію учебнаго дѣла въ семинаріяхъ въ протасовскую эпоху, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. Оффиціальные документы того времени —отчеты ревизоровъ—носятъ такой характеръ, что не даютъ прямого понятія о дѣйствительномъ положеніи вещей. Отличительную черту этихъ отчетовъ составляетъ казенный формализмъ. Ревизоры ограничиваются большею частью или лаконичными замѣчаніями о удовлетворительности состоянія того или другого предмета, или просто общимъ замѣчаніемъ о состояніи учебной части, при чемъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ все признается благополучнымъ. Напримѣръ, изъ 60 просмотрѣнныхъ нами ревизіонныхъ отзывовъ 1854—1865 гг. только пять аттестуютъ учебную часть въ семинаріяхъ „не совсѣмъ удовлетворительной", а остальные всѣ находятъ ее

---

[1]) Ист. спб. ак., стр. 402.
[2]) Ист. моск. ак., стр. 550—577.
[3]) Ист. каз. ак., Ш, стр. 331.
[4]) Тр. Кіев. Д. А. 1869 г. т. IV, стр. 417—443.
[5]) Ист. каз. ак., Ш, стр. 245.

„удовлетворительной“, а 5 даже очень хорошей. Между тѣмъ, во-первыхъ, въ самихъ же отчетахъ ревизоровъ встрѣчаются данныя, которыя прямо противорѣчатъ подобному рапорту о «благополучіи», такъ какъ оказывается нерѣдко, что въ „удовлетворительной“ семинаріи или плохіе методы, или ученики лѣнивы, или множество неуспѣшныхъ. Во-вторыхъ, и это главное, какъ только семинаріи были подвергнуты серіозной ревизіи во второй половинѣ 60-хъ годовъ новыми ревизорами Учебнаго Комитета, какъ оказалось, что положеніе учебнаго дѣла самое плачевное и что упадокъ его начался давно и былъ слѣдствіемъ всей прежней системы. При такихъ условіяхъ, очевидно, мы не можемъ вполнѣ довѣрять формальнымъ отзывамъ ревизій протасовской эпохи, и должны судить о дѣйствительномъ положеніи вещей не столько по такимъ общимъ аттестаціямъ, сколько по частнымъ фактамъ и оффиціальнымъ даннымъ позднѣйшаго времени, насколько оно застало печальные плоды старыхъ школьныхъ порядковъ.

Изъ предметовъ семинарскаго курса остановимся прежде всего на такъ называемыхъ «Протасовскихъ» предметахъ, т. е. введенныхъ вновь въ эту эпоху. Предметы эти естественно раздѣляются на двѣ группы: духовнаго и не духовнаго характера. Къ первымъ относятся *исповѣданіе Петра Могилы, ученіе о богослужебныхъ книгахъ, патристика, церковное законовѣдѣніе и миссіонерскіе предметы*; ко вторымъ принадлежатъ *естественная исторія, сельское хозяйство, медицина и геодезія.* Всѣ эти предметы, какъ созданные непосредственно по желанію оберъ-прокурора, должны бы, казалось, пользоваться особеннымъ вниманіемъ и потому стоять выше другихъ. Центральная власть, дѣйствительно, за ними и слѣдила особенно. Но на практикѣ эти предметы, съ такой настойчивостью вдвинутые въ семинарскій курсъ, не только не были въ цвѣтущемъ положеніи, но были поставлены совсѣмъ слабо.

Что касается „исповѣданія“ Петра Могилы, такъ полюбившагося Протасову, то предметъ этотъ по существу былъ совершенно безсодержательный, а потому излишній. Книга Петра Могилы въ матеріальномъ отношеніи не давала ровно ничего по сравненію съ катихизисомъ Филарета, изучаемымъ еще въ духовномъ училищѣ. Поэтому преподаваніе этой науки въ семинаріяхъ не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ повтореніемъ старыхъ догматическихъ опредѣленій и текстовъ на новый

ладъ, и только напрасно отнимало время, а въ ученикахъ производило утомленіе безконечнымъ повтореніемъ одного и того-же. „Руководство къ познанію и употребленію богослужебныхъ книгъ“, преподаваемое въ низшемъ отдѣленіи, представляло также ненужный балластъ въ семинарскомъ курсѣ. Съ богослужебными книгами ученики знакомились уже отчасти въ училищѣ, при изученіи устава, а затѣмъ въ старшемъ отдѣленіи семинаріи при изученіи литургики. Затѣмъ, самая постановка этого предмета лишала его окончательно всякого смысла. Его изучали не практически, путемъ знакомства съ самыми книгами, а чисто теоретически. Самыхъ книгъ ученики обычно не видали [1]), да часто ихъ не было и совсѣмъ въ семинаріи [2]). Преподаваніе же происходило или по учебникамъ, каковыми были сначала „Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ“ (Кіевъ, 1836 г.), приписываемое Иннокентію Борисову, а потомъ „Краткое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ“ К. Никольскаго [3]); или же преподавали по запискамъ [4]). Патристика, введенная въ семинарскій курсъ еще въ 1838 году, за все время своего существованія въ семинаріи такъ и не получила опредѣленной программы. Конспекты ея составлялись преподавателями и заключали въ себѣ обычно ученіе объ отцахъ церкви первыхъ вѣковъ. Иногда преподаваніе заканчивалось 4-мъ вѣкомъ [5]); иногда оно простиралось до вѣка восьмого [6]); но послѣднее было рѣже. Учебникъ патристики въ 1840 году было поручено составить тогдашнему ректору московской академіи архим. Филарету. Однако это порученіе имъ было выполнено только къ 1859 году, когда вышло его „Историческое ученіе объ отцахъ церкви“, которое и было введено въ учебное употребленіе. До этого же времени преподаваніе происходило по запискамъ, съ помощью иногда церковной исторіи Иннокентія [7]). Но такъ какъ книга

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 357: д. Д. У. У. 1844 г. № 76 (влад. сем.); 1854 г. № 131 (казан.), 1855 г. № 107/4086 (кіев.); 1857 г. № 138/4435 (екатериносл.); 1859 г. № 363/3337 (костром., казан.).

[2]) Д. Д. У. У. 1859 г. № 363/3337 (каз.)

[3]) Ист. спб. сем., стр. 357; вышеознач. ревизіи сем. влад. 1844 г., кіевской 1855 г., екатерин. 1857 г., и др.

[4]) Напр. д. Д. У. У. 1854 г. № 131 (казан. 54 г.).

[5]) Д. Д. У. У. 1855 г. № 107/4086 (кіев. сем.).

[6]) Ист. перм. сем., ч. III, стр. 52, 56.

[7]) Д. Д. У. У. 1844 г. № 76 (владим. сем.).

Филарета оказалась очень большой, то въ 60-хъ годахъ иногда преподавали по запискамъ, составленнымъ на основанiи Филаретовскаго учебника [1]). Впрочемъ, какъ бы ни преподавали патристику, ея изученiе оставалось чисто теоретическимъ. Оно состояло въ заучиванiи свѣдѣнiй о жизни и трудахъ св. отцовъ и краткаго содержанiя послѣднихъ. Самыхъ же святоотеческихъ творенiй учащiеся почти никогда не видали [2]). Церковное законовѣдѣнiе также не имѣло опредѣленной программы. Въ преподаванiе его входили обычно общiя свѣдѣнiя о церковномъ законодательствѣ и въ частности о нашемъ центральномъ и епархiальномъ церковномъ управленiи и церковныхъ законахъ, касающихся богослуженья, таинствъ, распространенiя и охраненiя вѣры, духовенства и церковнаго имущества [3]). Учебника по этому предмету совсѣмъ не было до конца 40-хъ годовъ, и преподавали его по запискамъ. Въ 1848 году вышли въ свѣтъ „Записки по церковному законовѣдѣнiю" кiевскаго профессора прот. Скворцова, которыя Св. Синодъ поручилъ автору приспособить для семинарiй [4]). Эта книга и сдѣлалась учебникомъ [5]). Съ начала 50-хъ годовъ пособiемъ по данному предмету явился еще «Опытъ церковнаго законовѣдѣнiя» (въ 2 част.) архим. Iоанна (Соколова) [6]).

Что касается миссiонерскихъ предметовъ, то хотя они были обычно не обязательными, но играли важную роль въ протасовское время. Духовно-Учеб. Управленiе собирало особо свѣдѣнiя о положенiи миссiонерскихъ отдѣленiй. Учащихся на нихъ въ концѣ 50-хъ годовъ было до тысячи [7]), что составляло около $^2/_7$ всѣхъ учениковъ высшаго отдѣленiя. На миссiонерскихъ отдѣленiяхъ ученики изучали исторiю раскола вообще и мѣстнаго въ частности, библiографiю раскольническихъ и противораскольническихъ сочиненiй, апологетику православной церкви (обличенiе раскола) противъ раскольниковъ и пастырскую педагогику, т. е. способы обращенiя съ старообрядцами. Предписывалось занимать учениковъ и составленiемъ сочиненiй

---

[1]) Д. Д. У. У. 1865 г. № 1793 (олонецк. сем.).

[2]) Д. Д. У. У. 1857 г. № 138/4435.

[3]) Ист. перм. сем., III, стр. 52.

[4]) Ист. кiев. ак., Аскоченскаго, стр. 278.

[5]) Бывало, что эту книгу ученикамъ приходилось переписывать, за израсходованiемъ изданiя (Д. Д. У. 1855 г. № 107/4086, кiев. сем.).

[6]) Ист. спб. сем., стр. 374.

[7]) Изъ отч. об.-пр. 1858 г., стр. 59 (967 чел.); 1859 г., стр. 41/984.

и поученій противъ раскола [1]). Учебниками при преподаваніи миссіонерскихъ предметовъ сначала были книга преосв. казанскаго Григорія „Истинно-древняя и истинно-православная церковь“ и его же рукописныя записки, заключающія въ себѣ исторію русскаго раскола и науку пастырскаго благоразумія въ отношеніи къ раскольникамъ [2]). Въ 1855 году вышла „Исторія русскаго раскола“ тогдашняго ректора спб. академіи преосв. Макарія и была введена въ качествѣ учебника по исторіи раскола [3]). Книга преосв. Григорія осталась руководствомъ по обличенію раскола [4]). Библіографія же раскола и пастырская педагогика продолжали преподаваться по запискамъ; пособіями для послѣдней были „Наставленіе священнику относительно заблуждающихъ отъ истинъ вѣры“ и книга преосв. Григорія [5]). Но изученіе миссіонерскихъ предметовъ не отличалось ни тщательностью, ни практичностью. Исторія раскола, иногда, напримѣръ, только читалась, но не изучалась [6]). Преподаваніе этихъ предметовъ происходило почти исключительно теоретически, и только въ рѣдкихъ случаяхъ устраивались практическія бесѣды съ старообрядцами [7]). Въ 1859 году, въ виду успѣшнѣйшаго преподаванія ученія о расколѣ, св. Синодъ сдѣлалъ особое предписаніе о пріученіи воспитанниковъ къ богослужебной практикѣ, путемъ чтенія и пѣнія за богослуженіемъ и неопустительнаго посѣщенія послѣдняго [8]). Въ 1858 году Св. Синодъ, для ослабленія раскола, призналъ нужнымъ ввести повсемѣстное катихизическое ученіе въ церквахъ, практиковавшееся, впрочемъ, еще и раньше [9]).

Однако, ни одинъ изъ указанныхъ „протасовскихъ“ предметовъ по успѣхамъ не оправдывалъ надеждъ, на нихъ возлагавшихся. Всѣ эти предметы далеко не процвѣтали. Даже формальные отзывы тогдашнихъ ревизій даютъ понять такое положеніе дѣла. Изъ 50 ревизій десятилѣтія 55—65 гг., напримѣръ, мы встрѣтили о „православномъ исповѣданіи“ только 4

---

[1]) Подробное указаніе занятій на мисс. отд. въ казан. округѣ см. Ист. перм. сем. III, стр. 28—30.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 1854 г., стр. 51—52. Ист. перм. сем. III, стр. 30.

[3]) Изъ отч. об.-пр. 1855 г., стр. 55.

[4]) Ист. перм. сем. III, стр. 69.

[5]) Ист. спб. сем., стр. 373.

[6]) Д. Д. У. У. 1855 г. № 100/4104 (калуж. сем. 55 г.).

[7]) Ист. перм. сем., III, стр. 71.

[8]) Изъ отч. об.-пр. 1859 г., стр. 35.

[9]) Ист. каз. сем., стр. 406; отчеты об.-пр. 50-хъ годовъ.

отзыва выше удовлетворительнаго, о „ученіи о богослужебныхъ книгахъ“ одинъ такой отзывъ, о патристикѣ два, о каноническомъ правѣ ни одного, а напротивъ два отзыва неудовлетворительныхъ, о миссіонерскихъ предметахъ—два. Это уже показываетъ, что всѣ эти предметы стояли собственно не выше посредственности. Частныя же свѣдѣнія даютъ еще менѣе утѣшительныя данныя. Такъ, Гиляровъ-Платоновъ говоритъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, что новыми богословскими науками протасовской эпохи въ семинаріи почти не занимались и онѣ значились только въ программѣ [1]). А когда стали прилагать нормальныя требованія къ ученикамъ на испытаніяхъ, то картина разсматриваемыхъ предметовъ получалась то-же самая плачевная. Напримѣръ, въ кишиневской семинаріи въ 1867 году на экзаменѣ въ высш. отд. изъ 25 учениковъ, спрошенныхъ по законовѣдѣнію, только трое получили баллъ 3, а остальные 2 и 1 [2]).

Еще хуже, пожалуй, обстояло дѣло съ положеніемъ свѣтскихъ утилитарныхъ предметовъ, введенныхъ въ семинарскій курсъ въ протасовскую эпоху. Предметы духовные были, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе сродны духовному образованію; для нихъ были и пособія и наставники. Для естественныхъ и медицинскихъ наукъ, какъ совершенно новыхъ, не было ни того, ни другого. При введеніи естественной исторіи, сельскаго хозяйства и медицины въ 1840 году, духовно-учебному вѣдомству предстояло прежде всего озаботиться подысканіемъ преподавателей и составленіемъ руководствъ. Для медицины преподаватели еще были въ лицѣ врачей, которые могли вести дѣло. Но для первыхъ двухъ предметовъ учителей не было. „Положеніе“ 1840 года (п. 11), впредь до подготовки спеціальныхъ наставниковъ естественной исторіи и сельскаго хозяйства, возлагало преподаваніе этихъ предметовъ на наличныхъ наставниковъ, которымъ обѣщало дать въ руки соотвѣтствующія руководства. Однако, такъ какъ и послѣднихъ не было, то впредь до ихъ составленія „положеніе“ поневолѣ должно было совсѣмъ отказаться пока отъ преподаванія новыхъ предметовъ, а назначенные для нихъ уроки предписывало семинарскимъ правленіямъ распредѣлить между наставниками другихъ предметовъ, съ тѣмъ, чтобы тѣ часы

---

[1]) Гиляровъ-Платоновъ. Изъ пережитаго, II, стр. 180.

[2]) Отч. ревиз. кишинев. 1868 г., стр. 31.

употребляемы были на повторенie уроковъ или на чтенie и разборъ ученическихъ сочиненiй (пунктъ 15 ,,положенiя"). Такимъ образомъ, фактически новые предметы не вводились сначала совсѣмъ, и это переходное время продолжалось около 5 лѣтъ. Для подготовленiя преподавателей сельскаго хозяйства духовно-учебное вѣдомство въ 1843 году послало ок. 60 семинаристовъ въ Горыгорѣцкую сельско-хозяйственную школу, въ качествѣ стипендiатовъ [1]), съ обязательствомъ затѣмъ 6 л служить въ семинарiи, а потомъ они могли поступить въ священники въ селѣ (для образцоваго хозяйничайнья); если же таковые стипендiаты пожелали бы выйти въ свѣтское званie, то должны были прослужить въ семинарiи 10 лѣтъ. Въ 1844 г. для той же цѣли 10 семинаристовъ было назначено въ Удѣльное Земледѣльческое Училище въ С.-Петербургѣ [2]). И въ послѣдующее время ежегодно по нѣскольку семинаристовъ посылались въ Горыгорѣцкую школу. Составленie учебниковъ медицины и сельскаго хозяйства первоначально оберъ-прокуроръ просилъ министра нар. просвѣщенiя предложить университетскимъ преподавателямъ [3]). Но переговоры по этому предмету не привели къ желаннымъ результатамъ, и въ концѣ концовъ составленie учебника сельскаго хозяйства было поручено профессору Горыгорѣцкой школы Целлинскому. Пока не окончили курсъ первые стипендiаты, преподаванie естеств. наукъ и сельскаго хозяйства такъ и не начиналось, за весьма рѣдкими исключенiями [4]). Только въ 1846 году, съ окончанiемъ курса упомянутыми стипендiатами, классы сельскаго хозяйства и естественной исторiи были открыты во всѣхъ семинарiяхъ, кромѣ вятской, гдѣ это сдѣлано нѣсколько позже [5]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ семинарiяхъ естественную исторiю стали преподавать уже далеко позже [6]). Равнымъ образомъ и медицина, наставники которой были на

---

[1]) Изъ отчета об.-пр. 1843 г., стр. 63.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 1844 г., стр. 67.

[3]) Д. Ком. Д. У. № 11069, лл. 133—134.

[4]) Въ спб. сем. классъ сельскаго хозяйства открытъ въ 43 году (изъ отч. об.-пр. 1843 г., стр. 65); въ московской въ 44 году (изъ отч. об.-пр. 1844 г. стр. 67); въ казанской въ 45 году (изъ отч. об.-пр. 1845 г. стр. 26)

[5]) Изъ отч. об.-пр. 1846 г. стр. 55.

[6]) Въ спб. сем. естественная исторiя стала преподаваться уже въ 50-хъ родахъ (Ист. спб. сем., стр. 388).

RASMUSON LIBRARY

лицо, стала всюду преподаваться только въ срединѣ 40-хъ годовъ [1]).

Программы преподаванія разсматриваемыхъ предметовъ были составлены въ довольно широкомъ видѣ. По классу естественной исторіи полагалось преподавать основныя свѣдѣнія изъ ботаники, зоологіи и минералогіи [2]). Въ программѣ сельскаго хозяйства, составленной ученымъ комитетомъ при министерствѣ госуд. имуществъ, значились отдѣлы о земледѣліи шествѣ (культура хлѣбовъ и травъ, виды почвъ и удобреніе, земледѣльческія орудія, паханье, посѣвъ, жатва, молотьба); луговодствѣ (посѣвы и уходъ за лугами); садоводствѣ и огородничествѣ (культура огородныхъ и садовыхъ растеній); лѣсоводствѣ; скотоводствѣ; домоустройствѣ (постройки жилищъ и хранилищъ, сохраненіе и сбытъ продуктовъ, выдѣлка масла, творога, сыра, меда, пива, вина, сахара, понятіе о сельскихъ ремеслахъ) [3]). Программы естественной исторіи и сельскаго хозяйства не всегда выполнялись въ одинаковомъ объемѣ, но въ общемъ преподаваніе вращалось въ ихъ рамкахъ. Что касается медицины, то она опредѣленной программы совсѣмъ не имѣла. Когда при преобразованіи 1840 г. спрашивали мнѣніе медицинскаго совѣта, то онъ нашелъ возможнымъ преподавать семинаристамъ лишь нѣкоторыя понятія о поданіи первоначальнаго пособія больнымъ домашними средствами по составленному особому народному лечебнику, въ который должны войти распознаваніе и леченіе обыкновенныхъ болѣзней и поданіе первоначальной помощи въ несчастныхъ случаяхъ [4]). Но Духовно-Учебное Управленіе этимъ не удовольствовалось, а поручило составить программу медицинскому факультету казанскаго университета. Послѣдній исполнилъ порученіе, и въ его программу уже вошли анатомія, физіологія, патологія, фармакологія, гигіена, частная терапія, клиника. Однако, самъ факультетъ признавалъ, что въ такомъ широкомъ видѣ преподаваніе медицины въ семинаріяхъ встрѣтитъ большія затрудненія и совѣтовалъ пока ввести

---

[1]) Въ спб. сем. медицину стали преподавать въ 1845 году (Ист. спб. сем., 393).

[2]) См. подробн. консп. въ Ист. перм. сем., III, стр. 87—89; Ист. спб. сем., стр. 389.

[3]) Дѣло Ком. Д. Д. № 11069, лл. 49—53. См. конспекты въ Ист. перм. сем., III, стр. 91—94.

[4]) Дѣло Ком. Д. У. № 11069, лл. 33—34.

его развѣ лишь въ университетскихъ городахъ [1]). Духовно-Учебное Управленіе рѣшило лучше совсѣмъ не давать опредѣленной программы и предоставить составленіе конспектовъ самимъ преподавателямъ медицины. Поэтому послѣдняя преподавалась то въ болѣе элементарномъ видѣ проэкта медицинскаго совѣта [2]), то въ видѣ болѣе подробномъ, включая въ краткихъ чертахъ всѣ отдѣлы программы казанскаго университета [3]).

Учебныхъ руководствъ для естественной исторіи и сельскаго хозяйства пришлось ждать очень долго и отчасти совсѣмъ не дождаться. По естественной исторіи само положеніе 1841 года рекомендовало удовольствоваться лишь конспектомъ и даже не обѣщало учебника. Поэтому преподаваніе этого предмета все время происходило по запискамъ. Руководство по сельскому хозяйству взялся составить проф. Целлинскій въ одинъ годъ [4]); но, вмѣсто года, онъ составлялъ его почти двадцать лѣтъ. Духовно-Уч. Уп—іе по частямъ разсылало книгу Целлинскаго, начиная съ 1843 года [5]); вся же книга вышла лишь къ началу 60-хъ годовъ [6]). До послѣдняго времени преподаваніе сельскаго хозяйства приходилось вести, по крайней мѣрѣ отчасти, по запискамъ, которыя и были всюду находимы ревизорами. Въ 1850 году преподавателямъ сельскаго хозяйства было дано въ руководство еще особое наставленіе, разсмотрѣнное въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, предписывавшее примѣняться въ преподаваніи къ мѣстнымъ потребностямъ [7]). По медицинѣ въ 1843 году было указано въ качествѣ учебника «Врачебно-народное наставленіе для преподаванія въ духовныхъ училищахъ» академика члена медицинскаго совѣта Хотовицкаго [8]). Но такъ какъ преподаваніе медицины получало нерѣдко болѣе широкую постановку, то часто употреблялись и записки [9]).

---

[1]) Ibid., лл. 222—223.

[2]) Ист. перм. сем., III, стр. 99—100; Ист. литов. сем., стр. 188—189.

[3]) Ист. перм. сем., III, стр. 100—101.

[4]) Дѣло Ком. № 11069, лл. 253—254.

[5]) Изъ отч. об.-пр. 1843 г., стр. 63.

[6]) Ист. спб. сем., стр. 393.

[7]) Изъ отч. об.-пр., 1850 г., стр. 62.

[8]) Изъ отч. об.-пр. 1843 г., стр. 63.

[9]) Дѣло Д. У. У. 1854 г. № 131, 1855 г. № 107/1086. Ист. спб. сем., стр. 393.

Преподаванію естественной исторіи, сельскаго хозяйства и медицины усвоялось, при ихъ введеніи въ семинарскій курсъ, главнымъ образомъ практическое значеніе. Поэтому центральная власть заботилась, чтобы самое изученіе этихъ наукъ носило практическій характеръ. Духовно-Учебное Управленіе каждый годъ требовало особаго донесенія о положеніи указанныхъ предметовъ, съ указаніемъ мѣръ, какія приняты къ ихъ болѣе успѣшному изученію. И насколько можно судить по оффиціальнымъ отчетамъ, даннымъ наукамъ дѣйствительно старались дать практическую постановку. Для пособія при занятіяхъ естественной исторіей при семинаріяхъ собирали коллекціи насѣкомыхъ, минераловъ, почвъ и растеній. Къ началу 50-хъ годовъ, по словамъ оберъ-прокурорскихъ отчетовъ, такія коллекціи были уже въ большей части семинарій, а въ семинаріяхъ московской и херсонской были устроены даже ботаническіе сады [1]). По отчету 1856 года, болѣе значительные гербаріи и собранія насѣкомыхъ находились при семинаріяхъ тифлисской, московской, вологодской, екатеринославской, владимірской, саратовской; минералогическій кабинетъ при московской семинаріи достигалъ до 900 №№; при разныхъ семинаріяхъ было собрано до 675 образцовъ почвъ [2]). Для преподаванія сельскаго хозяйства въ 1849 году разрѣшено было для каждой семинаріи пріобрѣсти по 13 моделей сельскохозяйственныхъ орудій и по 24 сочиненія по сельскому хозяйству и естественной исторіи [3]). Въ 1847 году были свои участки земли при виоанской, тверской, рязанской и волынской сем., а при первой даже цѣлая ферма въ 30 десятинъ [4]). Въ 1848 году уже въ 10 семинаріяхъ заведены были агрономическія запашки и посадка на грядахъ, и въ 7 семинаріяхъ производились опыты по садоводству [5]). Въ 1851 году практическія занятія полеводствомъ происходили въ 21 семинаріи, и съ особымъ успѣхомъ въ виоанской, тверской, орловской, рязанской, иркутской, полоцкой, нижегородской; практическія занятія огородничествомъ были въ 23 сем., преимущественно въ тверской, псковской и рязанской; садоводствомъ занимались въ 15 сем., наиболѣе въ рязанской, екатеринославской, орловской, черниговской; въ Аст-

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 1848 г., стр. 45; 1850 г., стр. 62; 1851 г., стр. 61.

[2]) Стр. 66.

[3]) Изъ отч. об.-пр. 1849 г., стр. 51.

[4]) Изъ отч. об.-пр. 1847 г., стр. 46.

[5]) Изъ отч. об.-пр. 1848 г., стр. 45.

рахани были занятія лѣсоразведеніемъ и шелководствомъ; въ полоцкой сем. занимались пчеловодствомъ; въ иркутской—постоянными метеорологическими наблюденіями [1]). Подобныя же свѣдѣнія давались и въ послѣдующіе годы [2]). Гдѣ не было собственной земли, практическія занятія происходили за городомъ, въ полѣ. Практическія занятія по медицинѣ состояли въ изученіи болѣзней на больныхъ, приготовленіи лекарствъ, оспопрививаніи. Въ 1848 году изученіе медицины при кроватяхъ больныхъ и занятія приготовленіемъ лекарствъ были при 6 семинаріяхъ [3]); въ 1849 году при 20 и при 17 воспитанники обучались оспопрививанію [4]). Въ 1850 году практическія занятія медициной были въ 22 сем. [5]), въ 1851 году—въ 32 [6]), въ 1852 г.—почти вездѣ [7]).

Какъ, однако, ни ревностно центральная власть культивировала указанныя реальныя науки въ семинарскомъ курсѣ, ихъ положеніе совсѣмъ не оправдывало тѣхъ жертвъ, съ какими произошло ихъ введеніе. Въ оберъ-прокурорскихъ отчетахъ эти предметы процвѣтали, а въ дѣйствительности стояли въ числѣ самыхъ неудовлетворительныхъ. Даже насколько можно судить по тогдашнимъ ревизіоннымъ отзывамъ, естественная исторія, сельское хозяйство и медицина изучались мало успѣшно. Напримѣръ, изъ 50 ревизій 54—65 гг. только одна даетъ отзывъ выше удовлетворительнаго о сельскомъ хозяйствѣ [8]), двѣ

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 1851 г., стр. 62.

[2]) Въ 1852 году практическія занятія полеводствомъ въ особенности происходили въ сем. виеанской, тверской, рязанской, орловской, тульской, калужской; огородничествомъ—въ рязанской, тверской, псковской, орловской, ярославской, тульской, калужской; садоводствомъ — въ рязанской, псковской, смоленской, воронежской, орловской, екатеринославской, тульской, калужской, астраханской; шелководствомъ—въ московской и астраханской (Изъ отч. об.-пр. 1852 г., стр. 63). Въ 1853 году наибольшія занятія полеводствомъ были въ 7 семинаріяхъ, огородничествомъ въ 10, садоводствомъ въ 10, шелководствомъ въ 4-хъ (Изъ отч. об.-пр. 1853 г., стр. 63). Въ 1854 году особ. усиленныя занятія полеводствомъ были въ 10 сем., огородничествомъ и садоводствомъ въ 14, пчеловодствомъ въ 1, шелководствомъ въ 3 (Изъ отч. об.-пр. 1854 г., стр. 58).

[3]) Изъ отч. об.-пр. 1848 г., стр. 48.

[4]) Изъ отч. об.-пр. 1849 г., стр. 53.

[5]) Изъ отч. об.-пр. 1850 г., стр. 64.

[6]) Изъ отч. об.-пр. 1851 г., стр. 63.

[7]) Изъ отч. об.-пр. 1852 г., стр. 65. О томъ же отчеты 55 г., стр. 61; 56 г., стр. 67.

[8]) Дѣло Д. У. У. 1862 г. № 2056 (костром. 62 г.).

признаютъ недостаточными успѣхи по естественной исторіи [1]), три считаютъ неудовлетворительнымъ преподаваніе сельскаго хозяйства [2]) и пять—успѣхи по медицинѣ [3]). Изъ 43-хъ семинарскихъ донесеній 1856 г. объ успѣхахъ по естественной исторіи, сельскому хозяйству и медицинѣ нѣтъ ни одного отзыва выше удовлетворительнаго [4]). При тогдашней щедрости на аттестаціи уже это даетъ не лестную характеристику для данныхъ предметовъ. По что тогда признавалось за „удовлетворительное", можно судить по слѣдующимъ фактамъ изъ тѣхъ же донесеній 1856 г., дающихъ отзывы „удовлетворительные". Въ пермской семинаріи изъ 201 учен. по естественной исторіи и сельскому хозяйству 30 получили отмѣтку „очень хорошо", 40—хорошо, 56 — довольно хорошо и 75 — „не худо" (неудовлетворительно); а по медицинѣ изъ 98 учениковъ 52 получили неудовлетворительныя отмѣтки. Въ екатеринославской семинаріи по естественной исторіи изъ 40 человѣкъ 25 получили неудовлетвор. отмѣтки, по сельскому хозяйству изъ 38 — 26, по медицинѣ изъ 38 — 28. Въ казанской семинаріи неудовл. отмѣтки получили по естеств. исторіи 35 изъ 59, по сельскому хозяйству 27 изъ 59, по медицинѣ 5 изъ 25. Въ тобольской семинаріи неудовл. отмѣтки получили по естеств. исторіи 34 изъ 69, по сельскому хозяйству 51 изъ 124, по медицинѣ 34 изъ 55. Частныя извѣстія историковъ семинарій вполнѣ гармонируютъ съ послѣдними свѣдѣніями. Въ пермской семинаріи, напримѣръ, въ 1852 году изъ 126 учениковъ по естеств. исторіи и сельскому хозяйству 70 успѣли недостаточно, при чемъ изъ этихъ 70-ти 43 совсѣмъ не занимались [5]). По словамъ историка владимірской семинаріи медицина тамъ стояла плохо [6]). При такихъ условіяхъ, очевидно, никакъ нельзя признать положеніе разсматриваемыхъ наукъ удовлетворительнымъ [7]).

---

[1]) Д. Д. У. У. 1854 г. № 131 (казан. сем.); 1862 г. № 2135 (тамб. сем.).

[2]) Д. Д. У. У. 1854 г. № 131 (каз. сем.); 1860 г. № 96/2639 (сарат. сем.); 1862 г. № 2135 (каз. сем.).

[3]) Дѣла Д. У. У. 1857 г. № 76/4235 (оренб.); 1860 г. № 96/2639 (сарат.); 1860 г. № 115/2646 (тульск.); 1862 г. № 2135 (казан.); 1864 г. № 105/2720 (вятск.).

[4]) Дѣло Д. У. У. 1856 г. № 155/4225.

[5]) Ист. перм. сем., III, стр. 161.

[6]) Ист. влад. сем., II, стр. 334.

[7]) Не увѣнчалась успѣхомъ и попытка создать кадръ образцовыхъ агрономовъ-священниковъ изъ преподавателей сельскаго хозяйства, воспи-

То-же самое нужно сказать и о геодезіи, къ которой вниманіе начальства устремилось въ 1850 году. Занятія практическими измѣреніями были предписаны еще въ положеніи 1840 года, но такое предписаніе не выполнялось за отсутствіемъ всякихъ пособій [1]) и, навѣрно, за недостаткомъ времени. Въ 1850 году высшее начальство потребовало фактически ввести геодезію въ семинарскій курсъ, и Духовно-Учебное Управленіе стало ежегодно собирать особо свѣдѣнія о положеніи этого предмета, какъ и естеств. исторіи, сельскаго хозяйства и медицины. По этимъ свѣдѣніямъ и оберъ-прокурорскимъ отчетамъ опять дѣло обстояло прекрасно. По словамъ оберъ-прок. отчета 1851 года уже въ 21 семин. преподавалось землемѣріе и практическая геометрія [2]). Самыя занятія по геодезіи состояли въ черченіи плановъ мѣстностей и съемкѣ послѣднихъ. Однако, хотя въ донесеніяхъ семинарскихъ начальствъ по обыкновенію трактовалось о удовлетворительномъ ходѣ занятій по землемѣрію, но удовлетворительность эта была весьма невысокаго качества. Такъ, въ 1856 году изъ 37 семинарій были присланы отзывы о удовлетворительныхъ занятіяхъ практической геометріей и землемѣріемъ; между тѣмъ въ казанской семинаріи, напримѣръ, значилось, что изъ 66 учениковъ по данному предмету успѣхи у 25 были порядочные и посредственные, а у 26 слабые [3]). По отзывамъ историковъ семинарій, занятія по геодезіи шли плохо. Для успѣха недоставало ни инструментовъ [4]), ни охоты въ учащихся. Единицы еще пріобрѣтали кое-какія свѣдѣнія, но масса смотрѣла на практическія занятія землемѣріемъ какъ на рекреаціи и обращала ихъ въ прогулку [5]). Впрочемъ, иногда у лучшихъ учениковъ встрѣчались недурные планы мѣстностей, которые для образца и посылались въ Духовно-Учебное Управленіе.

При такомъ состояніи всѣхъ этихъ „протасовскихъ“ наукъ неудивительно, что какъ только въ концѣ 50-хъ годовъ началось преобразовательное теченіе въ духовно-учебномъ вѣдом-

---

танниковъ Горыгорѣцкой школы. Изъ 75 таковыхъ воспитанниковъ, выпущенныхъ до 1859 года, только 10 ушли въ священники, а 25 вышли въ свѣтское званіе (Д. Д. У. У. 1858 г. № 331/4643).

[1]) Ист. каз. сем., стр. 387.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 1851 г., стр. 63.

[3]) Дѣло Д. У. У. 1856 г. № 174/4311.

[4]) Ист. перм. сем., III, стр. 82—83.

[5]) Ист. влад. сем., II, стр. 324.

ствѣ, то эти науки были обречены на изгнаніе въ первую очередь. Когда въ 1858 году были запрошены мнѣнія семинарскихъ начальствъ о желательныхъ измѣненіяхъ въ учебномъ курсѣ, то почти единодушный отвѣтъ былъ тотъ, что преподаваніе естественной исторіи, сельскаго хозяйства, медицины и геодезіи не приноситъ никакой пользы, а только вредитъ изученію другихъ наукъ. Въ декабрѣ 1858 года оберъ-прокуроръ графъ Толстой сдѣлалъ Св. Синоду предложеніе, въ виду такихъ отзывовъ семинарскихъ начальствъ, отмѣнить преподаваніе естественной исторіи, сельскаго хозяйства и геодезіи, а преподаваніе медицины оставить лишь въ тѣхъ семинаріяхъ, гдѣ въ епархіяхъ есть инородцы, и только въ миссіонерскихъ классахъ, такъ какъ иногда знаніе медицины бываетъ полезно для успѣшнаго дѣйствія благовѣстниковъ слова Божія среди язычниковъ; а въ прочихъ семинаріяхъ, для ознакомленія воспитанниковъ съ подачей первой помощи, разослать спеціальный сельскій лечебникъ для лицъ духовнаго званія, когда таковой будетъ готовъ. Св. Синодъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ оберъ-прокурора. Но Государь на докладѣ объ этомъ дѣлѣ положилъ такую резолюцію: „отмѣнить только преподаваніе геодезіи и ограничиться общими свѣдѣніями о естественныхъ наукахъ". Сообразно съ этимъ, Синодъ затребовалъ отъ академическихъ правленій соображенія объ объемѣ преподаванія естественныхъ наукъ. Академическія правленія представили свои мнѣнія и сокращенныя программы [1]. Но послѣ этого времени естественныя науки и сельское хозяйство влачили уже совсѣмъ жалкое существованіе [2], такъ какъ центральная власть перестала о нихъ заботиться и присылка ежегодныхъ рапортовъ о ихъ состояніи прекратилась.

Не принося почти никакой пользы сами по себѣ, «протасовскіе» предметы имѣли чисто отрицательное значеніе въ семинарскомъ курсѣ: они стѣснили другія науки, какъ это и предсказывали сразу же дальновидные люди, и повели къ пониженію образовательнаго уровня во всѣхъ семинарскихъ классахъ.

Первое мѣсто въ семинарскомъ курсѣ и въ протасовскую эпоху, какъ предшествовавшую, играли старыя *богословскія на-*

[1]) Дѣло Д. У. У. 1858 г. № 331/3643; Арх. Св. Син. 1858 г. № 4845/2258.

[2]) Ист. влад. сем., II, стр. 332.

уки. Теперь онѣ были разбросаны по всѣмъ отдѣленіямъ и перестали быть исключительной принадлежностью высшаго; но начальство и наставники сохранили на нихъ прежній взглядъ, какъ на самыя важныя.

По праву, въ богословскомъ образованіи основное значеніе должно бы было имѣть *Св. Писаніе*. Уставъ 1814 года не далъ прочной постановки этому предмету. Однако уже во время Комиссіи Дух. Училищъ этотъ недочетъ постепенно исправлялся и Св. Писаніе сдѣлалось по количеству назначеннаго на него времени первымъ среди богословскихъ предметовъ. Положеніе 1840 года ничего не прибавило въ данномъ отрошеніи къ прежнему, а даже убавило часа два; но за то, правда, оно дало св. Писанію прочное мѣсто среди прочихъ наукъ, тогда какъ до 1840 года субботніе классы Св. Писанія не имѣли устойчивости, иногда опускались и до 1838 года имѣли видъ не уроковъ съ требованіемъ отчетовъ, а скорѣе видъ бесѣдъ [1]). Однако число часовъ (18), назначенное на Св. Писаніе съ герменевтикою, дѣлало все-таки невозможнымъ основательное его изученіе. При двухчасовыхъ урокахъ изъ 18 часовъ фактически приходилось на классы всего часовъ 14. А между тѣмъ извѣстно, что и въ настоящее время, при вдвое—втрое меньшемъ числѣ учениковъ, нельзя вполнѣ основательно преподать курсъ Св. Писанія въ 19—21 часъ. Поэтому на практикѣ преподаваніе Св. Писанія сводилось къ сообщенію однихъ такъ называемыхъ „предварительныхъ“ свѣдѣній о Св. Писаніи вообще и каждой св. книгѣ въ частности и къ толкованію лишь немногихъ важнѣйшихъ мѣстъ [2]). Послѣдовательнаго же чтенія Св. Писанія, предписаннаго еще уставомъ 1814 г., большею частью не было, а если оно и было, то ограничивалось немногими книгами. Нѣкоторыя св. книги иногда совсѣмъ не проходились [3]). Такой же характеръ имѣло преподаваніе Св. Писанія и въ до—протасовское время;

---

[1]) До устава 1867 г. въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ сохранялся еще введенный въ 1819 году обычай читать отрывокъ изъ библіи передъ каждымъ урокомъ. Это чтеніе, какъ справедливо замѣтили ревизоры учебнаго комитета, только напрасно отнимало время. (См., напр., отчеты ревиз. олонецк. 1858 г., стр. 55; волын. 71 г., стр. 80).

[2]) Въ такомъ положеніи найдено было преподаваніе Св. Писанія ревизіями второй половины 60-хъ годовъ во всѣхъ непреобразованныхъ семинаріяхъ. Тоже и въ замѣчаніяхъ академич. правленій о семинар. (Ист. каз. ак. I, стр. 336).

[3]) Ист. спб. сем., стр. 354.

но въ это время оно сдѣлалось еще менѣе основательнымъ, чѣмъ прежде, такъ какъ многіе вопросы изъ „предварительныхъ" свѣдѣній, раньше разсматриваемые, теперь не затрагивались по цензурнымъ условіямъ [1]).

Преподаваніе Св. Писанія въ теченіи всего этого періода происходило по запискамъ. Въ 1842 году, по предложенію ректора спб. семинаріи Аѳанасія, введено было въ руководство „Обозрѣніе Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта" св. Аѳанасія Александрійскаго [2]). Но эта книга, представлявшая переводъ изъ твореній св. отца, была совершенно непригодна для учебнаго употребленія и потому почти не употреблялась. Ревизіи въ 40—50-хъ годахъ всюду находили записки по данному предмету [3]). Только по герменевтикѣ въ 1859 году вышла книга преподавателя спб. сем. Савваитова—«библейская герменевтика», которая, и стала постепенно распространяться въ семинаріяхъ [4]). Записки по св. Писанію, судя по имѣющимся отзывамъ, не отличались высокими качествами. Онѣ были обычно черезчуръ кратки. Напримѣръ, въ орловской семинаріи въ 60-хъ годахъ обращались записки на весь Новый Завѣтъ изъ 28 листовъ, а на всѣ учительные книги В. Зав. изъ 9 листовъ [5]). Будучи часто заимствованы изъ академическихъ чтеній, записки эти и по языку бывали иногда недоступны учащимся, такъ что послѣдніе лишь зубрили ихъ наизусть [6]). Все толкованіе труднѣйшихъ мѣстъ ограничивалось въ такихъ запискахъ часто однимъ перифразомъ [7]).

Какъ видно, Св. Писанію въ то время не усвоялось той первенствующей роли, какая ему по праву принадлежала въ богословскомъ образованіи. Такая роль усвоялась по прежнему *догматическому богословію* [8]). Но реформа 1840 г. поставила послѣднее въ такія условія, что его преподаваніе неизбѣжно должно было понизиться. На догматику, по росписанію

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 353.

[2]) Дѣло Канц. Св. Син. 1842 г. № 2801/184.

[3]) Напр. дѣла Д. У. У. 1854 г. №№ 122, (Орлов. с.), 131 (каз. сем.); 1855 г. № 100/4104 (калуж. с.); 1860 г. № 96/2639 (сарат. сем.); 1863 г. № 89/2117 (вологод. с.); 1865 г. № 1793 (олонецк. сем.).

[4]) Ист. спб. сем., стр. 359.

[5]) Отчетъ о рев. орлов. сем. 1872 г., стр. 25.

[6]) Отч. о рев. смолен. сем. 1868 г., стр. 28.

[7]) Отч. о рев. кишинев. 1868 г., стр. 12—15.

[8]) Преподаваніе догм. осталось за ректоромъ и послѣ того, какъ ректорамъ дали помощниковъ.

1840 г., назначалось всего по 2 урока, что составляло въ два года 8 часовъ, вмѣсто прежнихъ 9. При системѣ двухчасовыхъ классовъ это опять было мало, тѣмъ болѣе, что раньше догматикѣ посвящалось обычно больше положеннаго времени, а въ протасовскую эпоху урѣзываніе другихъ богословскихъ наукъ въ пользу догматики прекратилось [1]). Конспектъ догматическаго богословія оставался старый. Въ 1840 году было предпринято составленіе новаго конспекта, но угодить на тогдашнюю цензуру было трудно, и всѣ попытки не увѣнчались успѣхомъ. Комитетъ для пересмотра конспектовъ, получивъ въ 1842 году представленныя тремя академіями программы догматическаго богословія, призналъ ихъ неудовлетворительными, а призналъ удовлетворительною программу, составленную (кажется предсѣдателемъ комитета — Аѳанасіемъ) изъ твореній св. Димитрія Ростовскаго и постановилъ эту программу рекомендовать къ составленію новаго учебника, а пока ввести въ руководство „Догматическое богословіе“ Димитрія Ростовскаго, составлявшее собраніе выдержекъ изъ твореній послѣдняго, напечатанное въ Хр. Чтеніи. Однако митр. спб. Никаноръ представилъ, что это произведеніе совершенно не годится въ учебники по своей краткости. Св. Синодъ препроводилъ это мнѣніе въ комитетъ, и затѣя Аѳанасія не прошла [2]). Затѣмъ былъ составленъ другой конспектъ догматики; но его дважды раскритиковалъ м. м. Филаретъ [3]). Послѣ этого уже конспекта не составляли и все осталось по прежнему. Подробный конспектъ науки составлялъ каждый преподаватель на основаніи нормальнаго конспекта 1814 г., при чемъ иногда въ конспектахъ догматики помѣщались обширные отдѣлы по предметамъ такъ назыв. введенія въ богословіе или основного богословія [4]). Учебника догматическаго богословія первое время послѣ 1840 г. совсѣмъ не было, такъ какъ старое латинское руководство Ѳеофилакта больше не годилось. Наставники пользовались разными руководствами и записками. Такъ, напримѣръ, во владимирской сем. въ 1844 году ревизоръ нашелъ въ видѣ руководствъ по догмат. богословію: 1) ученіе о Богѣ, помѣщенное въ Хр. Чт. за 1822 г., 2) Догматику прот. Терновскаго, 3) записки

---

[1]) Ист. перм. сем., Ш, стр. 209.
[2]) Дѣло Канц. Св. Син., 1843 г. № 2817/5.
[3]) Собран. мн. и отз. м. Фил., т. Ш, стр. 127, 143.
[4]) Ист. перм. сем. Ш, стр. 46—47.

академическія и наставническія [1]). Въ 1848 году вышло „Догматическое богословіе" ректора кіевской сем. архим. Антонія (Амфитеатрова, впослѣд. архіеп. казанскаго). Книга эта, разсмотрѣнная конференціей спб. академіи [2]), была признана удовлетворительной и введена, по опредѣленію Синода, въ классическое употребленіе [3]), хотя м. м. Филаретъ и называлъ ее „недовольно сильной" [4]). Въ концѣ 40-хъ годовъ явилось „Православное догматическое богословіе" Макарія (Булгакова), въ 5 томахъ, сдѣлавшееся главнымъ пособіемъ для наставниковъ. Съ введеніемъ руководства Антонія, записки по догматикѣ вышли изъ употребленія; да въ то время и опасались прибѣгать къ запискамъ, хотя бы въ нихъ иногда и была нужда.

По *нравственному богословію* то-же оставалась старая программа. Конспектъ, составленный было комитетомъ начала 40-хъ годовъ, былъ забракованъ также м. Филаретомъ [5]). Въ 1853 году, по распоряженію Синода, была разослана по семинаріямъ программа прав. богословія, составленная московской академіей для высшихъ учебныхъ заведеній мин. нар. просв., для пособія наставникамъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи 2-хъ лѣтъ представить о ней отзывъ [6]). Но эта программа, видимо не привилась. Учебникомъ нравственнаго богословія была книга Кочетова. Въ 1854 году вышло еще руководство по этому предмету Платона Ѳивейскаго, тогда ректора владим. сем., а въ 1860—1864 гг. явились „Записки по нрав. богословію" прот. Солярскаго, въ 3-хъ частяхъ. Первая книга иногда то-же употреблялась въ видѣ руководства, а вторая служила пособіемъ. Практиковались иногда и записки [7]).

Пастырское богословіе, не указанное особо въ конспектѣ 1814 года, хотя и преподававшееся въ семинаріи, по положенію 1840 г. было выдѣлено въ особую науку «о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ». Наука эта заключала въ себѣ изложеніе пастырскихъ обязанностей [8]). Конспектъ этой на-

---

1) Дѣло Д. У. У. 1844 г. № 76.
2) Ист. спб. ак., стр. 406.
3) Изъ отч. об.-пр. 1848 г., стр. 44.
4) Чтен. о. ист. и др. росс. 1868 г., II, стр. 190.
5) Собр. мн. и отз. Филар., III, стр. 143.
6) Изъ отч. об.-пр. 1853 г., стр. 57.
7) Напр. д. Д. У. У. 1854 г, № 131 (казан. сем.).
8) См. напр. конспектъ пастырскаго бог. въ Ист. перм. сем., III стр. 51.

уки также былъ составленъ комитетомъ для пересмотра конспектовъ въ 40-хъ годахъ и также былъ забракованъ м. Филаретомъ [1]), почему предметъ этотъ остался безъ опредѣленной программы, если не считать таковой академическую программу 1814 г. Руководствомъ по пастырскому богословію въ 40-хъ годахъ была старая книга «о должностяхъ пресвитеровъ», пособіемъ иногда служила книга Стурдзы «Письма о должностяхъ священнаго сана» [2]). Въ 1851 году вышло «Пастырское богословіе» Антонія (Амфитеатрова), а въ 1853 г. «Пастырское богословіе» архим. Кирилла (Наумова), проф. спб. академіи [3]). Обѣ эти книги вошли въ учебное употребленіе, при чемъ иногда наставники дѣлали записки на основаніи ихъ обѣихъ [4]).

Въ видѣ „ученія о вѣроисповѣданіяхъ, ересяхъ и расколахъ" положеніе 1840 г. ввело въ семинарскій курсъ особое преподаваніе *обличительнаго богословія*, по уставу 1814 года тоже не имѣвшаго отдѣльнаго мѣста, хотя опять таки преподававшагося въ соединеніи съ догматикой. Обличительное богословіе имѣло своимъ предметомъ изложеніе и опроверженіе ученія раскольниковъ, нехристіанскихъ и инославныхъ вѣроисповѣданій, такъ что соединяло нынѣшніе обличительное и отчасти основное богословіе и науку о расколѣ [5]). Иногда оно преподавалось очень полно [6]). Ученіе о расколѣ такимъ образомъ преподавалось на урокахъ обличительнаго богословія всѣмъ ученикамъ высшаго отд. семинаріи, помимо того, что нѣкоторымъ оно еще преподавалось на миссіонерскомъ отдѣленіи. Въ 40—50-хъ годахъ предметъ этотъ преподавался по запискамъ, большею частью заимствованнымъ изъ академическихъ лекцій [7]). Въ концѣ 50-хъ гг. (въ 1859—1864 г. г.) начало появляться „Обличительное богословіе" ректора казанской сем., потомъ академіи, архим. Иннокентія (Новгородова), вышедшее въ 4 томахъ. Въ 1861 г. были изданы академическія лекціи проф. Бенескриптова подъ заглавіемъ „О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ и протестант-

---

[1]) Собран. мн. и отзыв., III, стр. 140.
[2]) Ист. спб. сем., стр. 368.
[3]) Ист. спб. ак., стр. 290.
[4]) Напр. д. Д. У. У. 1865 г. № 1793 (олонецк.).
[5]) См. программу этого предм. въ Ист. перм. сем., III, стр. 48.
[6]) Ibid., стр. 57—64.
[7]) Напр. Д. Д. У. У. 1844 г. № 76 (влад. с.); 1854 г. № 131 (каз. с.).

скихъ сектахъ". Оба эти сочиненія сдѣлались пособіемъ по данному предмету.

Было выдѣлено въ особый предметъ въ 1840 году и *богословіе собесѣдовательное*, до этого времени въ теоретической своей части преподававшееся на урокахъ словесности подъ видомъ краснорѣчія. Собесѣдовательное богословіе или гомилетика опредѣленной программы не имѣло, подобно другимъ наукамъ. По конспектамъ наставниковъ въ составъ гомилетики входила нынѣшняя теоретическая гомилетика [1]). Исторіи церковной проповѣди тогда не проходили и образцовъ не изучали [2]); въ рѣдкихъ случаяхъ, впрочемъ, читалась краткая исторія древняго церковнаго русскаго краснорѣчія [3]). Учебника по гомилетикѣ не было до 60-хъ годовъ. Въ 40-хъ годахъ была одобрена книга кіевскаго профессора Я. К. Амфитеатрова „Чтенія о церковной словесности или гомилетика", вышедшая въ 2-хъ частяхъ въ 1842—1848 гг. [4]); но эта книга для учебника была слишкомъ обширна и годилась развѣ только въ академіяхъ. Въ видѣ пособія одобрены были въ 1844 году „Основаніе всеобщей словесности" Готтеса, а въ 1845 году „Правила высшаго краснорѣчія" гр. М. М. Сперанскаго [5]). Въ качествѣ же учебнаго руководства служили записки, составляемыя главнымъ образомъ по Амфитеатрову. Только въ концѣ 50-хъ годовъ сталъ входить въ употребленіе новый учебникъ Ѳаворова. Вообще изученіе гомилетики имѣло чисто теоретическій характеръ и пріучало болѣе къ риторству, а не къ живому слову.

Положеніе 1840 года дало особое мѣсто среди богословскихъ предметовъ и прежней церковной археологіи, потомъ превратившейся въ *литургику*, до протасовской реформы еле влачившей свое существованіе и очень часто совсѣмъ не преподавшейся. При преподаваніи литургики (ученіе о богослуженіи и обрядахъ) наставники пользовались главнымъ образомъ „Новою Скрижалью", рекомендованною еще въ 1838 году, академическими записками, напр. проф. спб. акад. Долоцкаго, и

---

[1]) См. программу гомил. въ Ист. перм. сем., Ш, стр. 50.

[2]) Ист. спб. сем., стр. 368.

[3]) Ист. перм. сем., Ш, стр. 65.

[4]) Ист. спб. ак., стр. 408. По содержанію своему книга Амфитеатрова была образцомъ искусственной реторики.

[5]) Ист. спб. акад., стр. 409.

книгой Дебольскаго „Дни богослуженія“ [1]). На основаніи этихъ пособій составлялись записки, которыя и были въ учебномъ употребленіи; а иногда прямо преподавали по „Скрижали“ [2]). О нѣкоторыхъ изъ этихъ записокъ позднѣйшія ревизіи оставили плохіе отзывы [3]). Въ концѣ 50-хъ—началѣ 60-хъ годовъ сталъ распространяться новый учебникъ проф. кіевской семин. прот. Смолодовича „Литургика или наука о богослуженіи [4]).

Что касается успѣховъ по богословскимъ предметамъ, то, вообще говоря, они были лучше, чѣмъ по другимъ наукамъ семинарскаго курса. Въ отзывахъ не только ревизій протасовской эпохи, но и послѣдующаго времени, заставшаго старые порядки, встрѣчаются нерѣдко указанія на лучшее сравнительно состояніе богословскихъ знаній. Это и понятно, такъ какъ богословіе считалось важнѣйшимъ предметомъ. Однако эта сравнительная успѣшность все-таки была очень невысокой. Такъ, относительно св. Писанія среди 50-ти ревизіонныхъ отзывовъ 55—65 гг. мы находимъ лишь 6 похвальныхъ [5]), а три неудовлетворительныхъ [6]). Академическія правленія иногда замѣчали въ присылаемыхъ въ академію лучшихъ семинаристахъ недостаточное знаніе св. Писанія [7]). Ревизіи учебнаго комитета въ концѣ 60-хъ годовъ часто находили въ непреобразованныхъ семинаріяхъ знанія по св. Писанію неудовлетворительными [8]). Таковы же извѣстія историковъ семинарій. Напримѣръ, въ пермской семинаріи въ 1864 году изъ 109 учениковъ средн. отд. по св. Писанію оказали недостаточные успѣхи 57 чел. [9]). По догматическому богословію успѣхи стояли всего выше. Изъ 50 упомянутыхъ отзывовъ 12 ставятъ отвѣты по догматикѣ въ

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 369.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1844 г. № 76 (влад.).

[3]) Отч. о рев. кишинев. 1868 г., стр. 17.

[4]) С. А. Урусовъ нашелъ эту книгу въ 1860 году въ нѣкотор. сем. (Д. Д. У. У. 1859 г. № 363/3337).

[5]) Дѣла Д. У. У. 1854 г. № 122 (черниг. сем.); 1855 г. № 107/4086 (кіев.) 1857 г. 123/4443 (москов.), 1861 г., № 137/2415 (яросл.); 1863 г. № 89/2117 (волог.); 1865 г. № 1793.

[6]) Дѣла Д. У. У. 1857 г. № 138/4435 (екатериносл. и подольск.); 1862 г. № 2135 (тамб.).

[7]) Ист. казан. акад., III, стр. 207.

[8]) Напр. отч. о рев. херсон. 68 г., стр. 31; псков. 68 г., стр. 18; курск. 70 г., стр. 18.

[9]) Ист. перм. сем., III, стр. 161.

числѣ лучшихъ [1]) и только одинъ отзывъ неудовлетворительный [2]). Впрочемъ, Гиляровъ-Платоновъ справедливо говоритъ, что училось богословіе большею частью механически [3]). Изъ тѣхъ же 50 отзывовъ по прав. богословію три хорошихъ [4]) и одинъ неудовлетворительный [5]), по пастырскому богословію одинъ хорошій [6]) и два неудовлетворительныхъ [7]), по обличительному богословію 5 хорошихъ [8]) и одинъ неудовлетворительный [9]), по литургикѣ три хорошихъ [10]) и три неудовлетворительныхъ [11]), по гомилетикѣ два хорошихъ [12]).

О направленіи богословскаго образованія въ протасовскую эпоху едва-ли нужно и говорить. Если и въ предшествующее время въ данномъ отношеніи царилъ строгій ригоризмъ, то теперь особенно. Взгляды Протасова на этотъ счетъ не допускали никакихъ новшествъ. При этомъ приверженность оберъ-прокурора къ католической идеѣ превосходства Преданія надъ Писаніемъ проводилась имъ и въ административныхъ циркулярахъ. Духъ преподаванія, какого требовалъ графъ, всего яснѣе обнаруживается изъ его докладной записки государю отъ 14 ноября 1842 года. Здѣсь Протасовъ писалъ, что въ русской церкви и въ русскомъ духовенствѣ со временъ Петра Великаго брошено сѣмя протестантскаго ученія. Протестантскія идеи проникли и въ русскую богословскую науку. Предпринятое имъ, Протасовымъ, преобразованіе воспитанія духовнаго юношества направлено именно къ искорененію этого протестантскаго духа. Для достиженія же послѣдней цѣли оберъ-прокуроръ считалъ необходимымъ вмѣнить въ обязанность преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній руководиться въ своей дѣятельности слѣдующими началами. Во-первыхъ, пи-

---

1) Чернигов. и ворон. сем. 1854 г., новгород. 1855 г., костром. и вятск. 1856 г. и 1864 г., москов. 1857 г., тульск, 1860 г., ярослав. 1861 г., тамбов. 1862 г., вологод. 1863 г., литов. 1865 г.

2) Подольск. сем. 1857 г.

3) Изъ пережитаго, II, стр. 185.

4) Новгор. сем. 1850 г., тульск. 1860 г., литов. 1865 г.

5) Подольск. 1857 г.

6) Новгород. 1855 г.

7) Екатериносл. и подольск. 1857 г.

8) Воронеж. и черниг. 1854 г., новгор. 1855 г., тульск. 1860 г., литов. 1865 г.

9) Подольск. 1857 г.

10) Черниг. 1854 г., кіев. 55 г., оренбург. 56 г.

11) Полтав., екатериносл. 57 г., спб. 63 г.

12) Новгор. 55 г., костром. 56 г.

когда не слѣдуетъ забывать, что Св. Писаніе не изъясняетъ само себя, а можетъ быть правильно понимаемо только въ отеческомъ, соборномъ и церковномъ ученіи. Во-вторыхъ, такъ какъ еврейскій текстъ библіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отличается отъ греческаго текста 70 толковниковъ, которымъ, пользовались апостолы и св. отцы, то объясненія св. писанія должно приспособлять къ греческому тексту. Въ третьихъ, надлежитъ остерегать воспитанниковъ отъ ученыхъ, мертвящихъ душу, злоупотребленій св. Писаніемъ, позволяющихъ смотрѣть на него какъ на предметъ историческихъ, филологическихъ и философскихъ изслѣдованій. Въ 4-хъ, въ среднихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ не должно поднимать безполезныхъ и даже опасныхъ неологическихъ вопросовъ о вѣрѣ, извѣстныхъ намъ только по иностраннымъ сочиненіямъ. Доброе невѣдѣніе, по словамъ Златоуста, лучше худого знанія. Въ-пятыхъ, слѣдуетъ изгнать изъ преподаванія догматическаго богословія усиленный систематизмъ, а при изученіи нравственнаго богословія слѣдуетъ съ надлежащею силою и полнотою раскрывать изложенныя въ Православномъ Исповѣданіи церковныя заповѣди. Государь одобрилъ эти взгляды [1]), а Протасовъ сталъ проводить ихъ всюду въ жизнь. Отголоскомъ этихъ идей было между прочимъ громкое дѣло о переводѣ библіи на русскій языкъ съ еврейскаго текста и связанное съ нимъ терроризированіе преподавательской среды. Боясь попасть въ число „зараженныхъ духомъ протестантства“ и памятуя исповѣданіе начальства, преподаватели предпочитали избѣгать всякихъ „опасныхъ“ научно-богословскихъ вопросовъ, и „доброе невѣдѣніе“, дѣйствительно, водворилось не только въ семинарской, а даже иногда и въ академической наукѣ.

Къ богословскимъ предметамъ примыкала по своему характеру и *церковная исторія.* Ея программа въ протасовскій періодъ оставалась прежняя. Но времени, назначеннаго на изученіе церковной исторіи было недостаточно. Особенно это надо сказать о исторіи общей. На библейскую, общую и русскую церковную исторію положеніе 1840 г. назначало одинаково по 2 урока. Между тѣмъ курсъ общей исторіи былъ несравненно обширнѣе другихъ частей церковно-историческаго знанія, и пройти его въ 4 часа было невозможно [2]). Затрудненія по пре-

---

[1]) Ѳ. В. Благовидовъ, Оберъ-прокуроры св. Синода, Изд. 2-е, Казань 1900 г., стр. 436—439.

[2]) Это отмѣчали и ревизіи. См. напр. Ист. перм. сем. III, стр. 210.

подаванію данной науки еще болѣе увеличивались отъ недостатковъ учебниковъ. По библейской исторіи руководствомъ оставался старый учебникъ Филарета, весьма трудный для усвоенія и очень обширный. По общей церковной исторіи держалась книга Иннокентія, неудовлетворительность которой, по ея обширности и неприспособленности къ учебнымъ цѣлямъ, сознавалась еще во времена Комиссіи Дух. Учил. Введенный въ 1838 году учебникъ русской церковной исторіи Муравьева былъ еще хуже. Онъ представлялъ не столько исторію церкви, сколько собраніе біографій русскихъ іерарховъ [1]). Съ конца 40-хъ годовъ стала выходить „Исторія русской церкви" архіеп. Филарета (Гумилевскаго), изъ которой было сдѣлано извлеченіе въ видѣ учебнаго руководства, изданное въ 1860 году (доведено до конца XVII стол.). Это руководство въ 60-хъ годахъ и стало входить въ употребленіе. Съ 1857 года стала выходить „Исторія русской церкви" преосв. Макарія (Булгакова), которая сдѣлалась главнымъ пособіемъ для наставниковъ. По общей церковной исторіи въ 1856 году появился учебникъ прот. Рудакова; и ревизоры стали иногда совѣтовать замѣнить имъ Иннокентія [2]), хотя это оффиціально и не было сдѣлано. Рудаковымъ, а равно сочиненіемъ проф. Чельцова, академическими лекціями пользовались наставники [3]). По библейской исторіи вмѣстѣ съ Филаретомъ въ 60-хъ годахъ иногда стали употреблять „св. исторію" прот. М. Богословскаго; было въ употребленіи также „Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной и новозавѣтной" кіевскаго проф. Скворцева [4]). Ревизовавшій въ 1857 г. семинаріи полтавскую и екатеринославскую архим. Іоанникій (инсп. кіев. акад.), обративъ вниманіе на неудовлетворительность учебниковъ церковной исторіи, совѣтовалъ по крайней мѣрѣ составить подробный конспектъ для этого предмета. Св. Синодъ тогда поручилъ составить такой конспектъ правленію кіев. академіи; но дѣло такъ и заглохло [5]). Успѣшность по церковной исторіи, по неудовлетворительности

---

[1]) О неудовлетворительности учебниковъ церковной исторіи было заявлено въ 1860—1861 г. директору Д. У. Управленія Урусову почти во всѣхъ обревизованныхъ имъ семинаріяхъ (дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363/3337). О томъ-же говорили и другія ревизіи (напр. полтавская и екатеринослав. 1857 г.).

[2]) Дѣло Д. У. У. 1860 г. № 96/2639 (рев. перм.).

[3]) Ист. спб. сем., стр. 376.

[4]) Ист. спб. сем., стр. 359—360.

[5]) Дѣло Д. У. У. 1857 г. № 138/4435.

учебниковъ, не могла стоять высоко. Правда, въ упомянутыхъ нами 50 ревизіонныхъ отчетахъ 1855—1865 гг. встрѣчается 9 отзывовъ хорошихъ [1]); но за то имѣется и 7 отзывовъ неодобрительныхъ [2]). Правленія академій на пріемныхъ экзаменахъ также обнаруживали, что церковная исторія въ семинаріяхъ поставлена не совсѣмъ удовлетворительно [3]).

Общеобразовательные предметы во время протасовскихъ реформъ подверглись наибольшей ломкѣ. Выгадывая время для новыхъ наукъ, преобразованіе 40-хъ годовъ сдѣлало это почти исключительно за счетъ общеобразовательныхъ предметовъ и тѣмъ поставило послѣдніе въ самыя неблагопріятныя условія. Естественнымъ результатомъ этого былъ значительный упадокъ общаго семинарскаго образованія.

Наибольшему гоненію отъ Протасова подверглась наука, составлявшая раньше главнѣйшую основу умственнаго развитія духовнаго юношества, — *философія.* Курсъ послѣдней былъ сильно сокращенъ съ исключеніемъ изъ него исторіи философіи и метафизики, а количество учебнаго времени еще больше: вмѣсто 28 часовъ осталось всего 8. Этого было, при тогдашнихъ условіяхъ, мало даже для однихъ психологіи и логики. Поэтому преподаваніе этихъ наукъ было поставлено въ гораздо болѣе узкія рамки, чѣмъ прежде. Правда, программа логики и психологіи осталась прежняя. Въ 50-хъ годахъ была даже попытка нѣсколько расширить послѣднюю. Въ 1853 году, по распоряженію Синода, были разосланы по семинаріяхъ программы логики и опытной психологіи, составленныя московской академіей для высшихъ учебныхъ заведеній министерства нар. просв., съ тѣмъ, чтобы по истеченіи двухгодичнаго курса представить о нихъ отзывъ [4]). Нѣкоторыя семинаріи нашли программы эти неподходящими [5]); другія сочли ихъ удовлетворительными и стали примѣнять [6]). Но

---

[1]) Курск., калуж., новгород., кіев. 1855 г.; костром., оренбург. 1856 г.; москов. 1857 г.; яросл. 61 г.; литов. 65 г.

[2]) Черниговъ. 54 г.; подольск. и екатерин. 57 г.; тифлисск. 59 г.; казан. и тамбов. 62 г.; вологод. 63 г.

[3]) Ист. перм. сем., III, стр. 172.

[4]) Изъ отч. об.-пр. 1853 г., стр. 57.

[5]) Напр. пермское сем. правл. нашло программу логики слишкомъ отвлеченной и потому непримѣнимой для учениковъ сем. (Ист. перм. сем., III, стр. 43).

[6]) Напр. въ архангельской сем. (отчетъ о рев. арханг. 70 г. стр. 33).

оффиціальнаго одобренія и утвержденія эти программы не получили, очевидно потому, что большинство высказалось противъ нихъ. Однако, хотя оффиціальная программа оставалась старая, произошло немаловажное измѣненіе въ содержаніи курса психологіи. По конспекту 1814 года преподавалась только психологія умозрительная. Въ 40-хъ годахъ въ конспектахъ психологіи мы видимъ вмѣстѣ съ умозрительной и опытную психологію [1]). Содержаніе послѣдней было, впрочемъ, небогато.

Учебника по философскимъ предметамъ въ этотъ періодъ совсѣмъ не было. Старый „столпъ“—Баумейстеръ, какъ латинская книга, вышелъ изъ употребленія, а новой не появлялось. Въ 1830 году было поручено составить учебную книгу по философіи проф. моск. акад. Голубинскому, но онъ умеръ, не успѣвъ окончить свой трудъ [2]). Были въ учебномъ употребленіи психологіи Новицкаго (1840 г.) [3]), Надежина [4]), логики Н. Рождественскаго и Новицкаго [5]). Въ концѣ 50-хъ годовъ явился учебникъ логики Гошкевича, который и сталъ кое-гдѣ употребляться [6]). Но всѣ эти руководства очень рѣдко употреблялись въ видѣ учебника. Большею частью они служили лишь пособіемъ, а преподаваніе происходило по запискамъ. Для составленія послѣднихъ преподаватели пользовались, кромѣ упомянутыхъ авторовъ, сочиненіями по логикѣ Бахмана, Карпова, Смирнова, Коробцева, Милля; а по психологіи—„Психической антропологіей“ Шульца, переведенной въ 1824 г., „Курсомъ психологіи“ Кедрова (1844 г.) [7]); важнымъ пособіемъ всегда были и академическія лекціи, особенно проф. Карпова. Записки были теперь больш. частью кратки [8]), такъ какъ и времени было мало и составленіе записокъ чуть не по всѣмъ предметамъ было чрезвычайно обременительно. Въ 1872 году, напримѣръ, ревизоръ нашелъ въ орловской семинаріи старыя записки по логикѣ, которыя занимали не бо-

---

[1]) См. напр. Ист. перм. сем., Ш, стр. 72—73.

[2]) Ист. моск. ак., стр. 114.

[3]) Д. Д. У. У. 1854 г. № 131.

[4]) Д. Д. У. У. 1844 г. № 76.

[5]) Idid.

[6]) Напр. въ 1860 году этотъ учебникъ нашелъ Урусовъ въ кіевской семинаріи.

[7]) Ист. спб. сем., стр. 381—382.

[8]) Ист. казан. сем., стр. 388.

лѣе 8 писаныхъ листовъ [1]). Съ такимъ запасомъ знаній учащіеся, конечно, не могли похвалиться широтой философскаго образованія.

По направленію своему преподаваніе философскихъ предметовъ въ разсматриваемое время еще болѣе отражало проводимыя и раньше идеи о подчиненіи разума вѣрѣ. Въ 1856 г. ревизоръ симбирской семинаріи, напримѣръ, писалъ, что ,,преподаватель логики сознаетъ нужду раскрывать, что нѣтъ другого основанія законовъ мысли человѣческой и иного ручательства вѣрности оныхъ кромѣ Бога Слова, просвѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ‘‘; а ,,преподаватель психологіи старается ввести въ эту науку опытныя дознанія людьми того, какіе благо и свѣтъ и жизнь душѣ человѣческой быть во Христѣ и, напротивъ, какое горе—внѣ Его [2]). Сообразно такимъ тенденціямъ, въ конспектахъ логики того времени встрѣчались весьма странные отдѣлы, какъ то: понятіе объ откровеніи божественномъ, необходимость его, признаки истиннаго откровенія и т. п. [3]). Ревизоръ вятской сем. въ 1856 г. нашелъ, что заслуживаютъ особеннаго вниманія уроки психологіи, составленные на основаніи твореній святоотеческихъ [4]).

Не смотря на сокращеніе философскихъ уроковъ втрое, философскіе предметы по прежнему считалась въ это время въ числѣ главныхъ. Поэтому по нимъ были сравнительно лучшіе успѣхи, конечно въ предѣлахъ преподаннаго. Изъ 50 отзывовъ ревизій 54—65 г.г. Мы находимъ 10 хорошихъ [5]) и только два неудовлетворительныхъ [6]).

Въ числѣ главныхъ предметовъ считалась также по прежнему *словесность*. Ея программа оффиціально не измѣнялась въ этотъ періодъ, какъ и программы другихъ наукъ. Теорія прозы и поэзіи (реторика и піитика) остались содержаніемъ словесности Но на практикѣ въ программѣ послѣдней произошли нѣкоторыя измѣненія. Прежнее ,,церковное краснорѣчіе‘‘ теперь отошло съ уроковъ словесности на уроки гоми-

---

[1]) Отч. о ревиз. Орлов. 72. г. стр. 24.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1856 г. № 76/4235.

[3]) См. напр. Ист. перм. сем., III, стр. 73; Отч. о рев. вятск. 1871 г., стр. 16.

[4]) Дѣло Д. У. У. 1856 г. № 76/4235.

[5]) Воронежск., чернигов. 54 г., новгород. 55 г., костром. 56 г., моск. 57 г., тульск. 60 г., яросл. 61 г., тамбов. 62 г., волгод. 63 г., литов. 65 г,

[6]) Полтав. 57 г., перм. 62 г.

летики. Чтеніе латинскихъ авторовъ, входившее до 1840 года въ обязанность преподаванія словесности, также отошло теперь на уроки латинскаго языка; за-то въ протасовскій періодъ въ преподаваніе словесности нерѣдко стало входить преподаваніе исторіи русской литературы, хотя и не въ большомъ объемѣ. Въ спб. семинаріи, напримѣръ, въ 40-хъ годахъ преподавалась краткая исторія литературы, хотя въ 50-хъ ея и не встрѣчается [1]). Въ пермской семинаріи въ началѣ 60-хъ годовъ исторія литературы стала даже преобладать, въ ущербъ теоріи словесности [2]). Историческій элементъ сталъ выдвигаться въ преподаваніи словесности главнымъ образомъ въ 60-хъ годахъ [3]). Но во всякомъ случаѣ элементъ теоретическій являлся преобладающимъ, и до 60-хъ годовъ преподаваніе часто не выходило за предѣлы теоріи.

Общеупотребительнаго учебника по словесности теперь не было, послѣ выхода изъ употребленія латинскаго Бургія. Иногда пользовались различными учебниками, какъ то руководства Кошанскаго и Данскаго [4]), а также „Учебная книга россійской словесности" Греча [5]). Въ большинствѣ же случаевъ въ это время преподаваніе словесности происходило по запискамъ, какъ то свидѣтельствуется ревизіями того времени. Записки эти аттестуются ревизорами иногда съ хорошей [6]), а иногда и съ дурной стороны [7]). Слѣды стараго схоластицизма оставались въ преподаваніи словесности и въ этотъ періодъ, хотя по сравненію съ Бургіемъ былъ сдѣланъ шагъ впередъ Продолжали по прежнему также придавать преподаванію духовное направленіе. Примѣры брались преимущественно изъ Св. Писанія, отцевъ церкви и проповѣдниковъ [8]). Не даромъ ревизоръ симбирской сем. 1856 г. аттестовалъ преподавателя словесности, что онъ «полагаетъ для всѣхъ формъ человѣче-

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 377.

[2]) Ист. перм. сем., Ш, стр. 82.

[3]) Напр., ревиз. тульск 60 г. (д. Д. У. У. 1860 г. № 115—2646), новгородская 65 г. (д. Д. У. У. 1865 г. № 1793). Программа пройденнаго по ист. литер. въ литов. сем. въ $186^5/_7$ г.—Ист. лит. сем., стр. 197.

[4]) Ист. перм. сем., Ш, стр. 82; дѣла Д. У. У. 1844 г. № 76 (влад. сем.); 1854 г. № 122 (ворон.), 131 (казан.),

[5]) Ист. спб. сем., 377; ревиз. влад. 1844 г.

[6]) Ревизіи кіевская 55 г., калужск. 61 г.

[7]) Ревизіи подольск. 57 г., пермск. 62 г.

[8]) Рев. владим. 44 г.; отч. о ревиз. харьков. 68 г., стр. 15.

скаго слова основаніе и цѣль во всезиждительномъ и вседержительномъ Богѣ Словѣ—Христѣ».

Успѣхи по словесности, какъ главному предмету, въ то время считались сравнительно высокими. Изъ принимаемыхъ нами во вниманіе 50 ревизіонныхъ отзывовъ 1854—65 г.г. 9 ставятъ отвѣты по словесности въ числѣ самыхъ лучшихъ [1]). Но знанія учащихся въ данномъ случаѣ были чисто теоретическими, усвоенными мало сознательно и въ сущности цѣнность имѣли небольшую, какъ это справедливо замѣтили впослѣдствіи многія ревизіи учебнаго комитета по поводу стараго преподаванія [2]). Теоретическое заучиваніе не вырабатывало ни литературнаго слога, ни знакомства съ образцовой литературой, которую совсѣмъ не читали за неимѣніемъ книгъ. Поэтому академическія правленія справедливо находили въ минуту критическаго отношенія постановку словеснаго образованія неудовлетворительной и нецѣлесообразной [3]).

Но еще хуже были поставлены тѣ общеобразовательные предметы, которые считались второстепенными Къ таковымъ относилась, во-первыхъ, *математика съ физикой.* Математическій курсъ въ семинаріяхъ по положенію 1840 г. ограничивался только алгеброй и геометріей. Но такъ какъ 8 часовъ, назначенныхъ на эти предметы, было очень мало, то и алгебра съ геометріей проходились съ большими сокращеніями [4]). Учебниками по алгебрѣ оставалось руруководство Себржинскаго, а по геометріи—Райковскаго. Въ 1846 году высшимъ начальствомъ было поручено проф. спб. ак. Д. И. Ростиславову составить для семинаріи новыя руководства алгебры и геометріи. Ростиславовъ составилъ учебники по алгебрѣ и физикѣ, которые конференціей были найдены пригодными; но они не были изданы въ свѣтъ [5]). По физикѣ въ 1840 году Синодомъ указана въ качествѣ руководства физика Ленца [6]). Всѣ эти учебники были трудны для семинаристовъ. По отзывамъ нѣкоторыхъ ревизоровъ, физику Ленца и вовсе нельзя было понимать безъ знанія тригономет-

---

[1]) Черниг. 54 г., калуж. 55 г., вятск. 56 г., москов. 57 г., тульск. 60 г., ярослав. 61 г., вологодск. 63 г., тамбов. 62 г., литов. 65 г.

[2]) Напр. отч. о рев. олонецк. 68 г., стр. 51; волын. 71., стр. 68.

[3]) Ист. казан. ак., I, стр. 336.

[4]) См. объ эт., напр., отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 35.

[5]) Ист. спб. ак., стр. 409.

[6]) Изъ отч. об.-пр. 1840 г., стр. 62.

ріи, которой въ семинаріяхъ не изучали [1]). Поэтому по физикѣ бывали въ употребленіи и записки [2]). Съ половины 60-хъ годовъ кое-гдѣ стали пользоваться „Практическимъ курсомъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній" Гано [3]). По пасхаліи оставался прежній учебникъ Тяжелова.

При преподаваніи физико-математическихъ наукъ наставники. кромѣ недостатка времени, встрѣчали такія препятствія, которыя дѣлали невозможнымъ успѣшный ходъ занятій. Для изученія математики ученики бывали большею частью совершенно неподготовлены вслѣдствіе плохого знанія ариѳметики. Объ этомъ обстоятельствѣ замѣчали иногда и ревизіи протасовскаго времени [4]): главнымъ же образомъ его отмѣтили впослѣдствіи почти всѣ ревизіи учебнаго комитета непреобразованныхъ семинарій. До какой степени доходила эта неподготовленность, можно судить, напримѣръ, по слѣдующимъ фактамъ. По свидѣтельству историка спб. сем., семинаристы часто плохо знали даже 4 дѣйствія ариѳметики [5]). Ревизоръ архангельской семинаріи въ 1870 году нашелъ, что ученики, изучавшіе алгебру, забыли даже такія простыя ариѳметическія дѣйствія, какъ умноженіе цѣлаго числа на дробь [6]). Въ олонецкой семинаріи въ 72 году одинъ ученикъ низшаго отдѣленія не могъ написать три десятка и четыре единицы и писалъ ихъ въ такомъ родѣ: 304, 30—4, 30=4 [7]). Преподаваніе физики находило часто непреодолимое затрудненіе въ недостаткѣ физическаго кабинета. Нѣкоторыя семинаріи въ протасовскую эпоху получили въ разное время физическіе инструменты. Такъ, въ 1843 г., куплены инструменты для псковской сем., въ 44 г. для спб., въ 1846 году была снабжена ими сем. новгородская, въ 47 г.—литовская и саратовская, въ 48 г. —нижегородская, въ 51 г.—новоархангельская, въ 52 г.—херсонская и вятская, въ 55 г.—рижская, въ 56 г.—кіевская, калужская, орловская, олонецкая, въ 57 году подольская, волынская, пермская, въ 58 г. смоленская, екатеринославская,

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1854 г. № 131.

[2]) Дѣла Д. У. У. 1844 г. № 76 (владим.), 1854 г. № 131 (казан.), 1860 г. № 96-2639 (саратов.); Ист. спб. сем., стр. 388; Ист. перм. с., Ш, стр. 82.

[3]) Ист. спб. сем., стр. 388.

[4]) Рев. казан. 1854 г.

[5]) Ист. спб. сем., стр. 384.

[6]) Отч. о рев. архангел. 70 г., стр. 30—31.

[7]) Отч. о рев. олонецк. 72 г., стр. 50.

тульская [1]). Но эти же самыя даты являются и показателемъ до какого времени указанныя семинаріи были лишены надлежащихъ пособій. Свидѣтельства ревизій того времени сплошь и рядомъ показываютъ, что физическаго кабинета или совсѣмъ не было [2]), или онъ былъ такъ бѣденъ, что его можно было считать несуществующимъ [3]). Во многихъ сем. этотъ недостатокъ не былъ пополненъ до конца 60-хъ годовъ [4]).

При подобныхъ условіяхъ успѣхи по физико-математическимъ наукамъ должны были стоять очень низко. Правда, встрѣчаются иногда и о нихъ отзывы одобрительные [5]); но несравненно больше отзывовъ неодобрительныхъ [6]). Насколько же, дѣйствительно, слабы были успѣхи по математикѣ и физикѣ, можно заключать, напримѣръ, изъ такихъ данныхъ. Въ 1844 г. во владимірской сем. по физикѣ значились въ третьемъ разрядѣ 138 учениковъ [7]). Въ казанской сем. въ 1851 г. изъ 68 учен. по физикѣ на экзаменѣ отвѣчали неудовлетворительно 30; по математикѣ же, изъ 49 учен. 8 отвѣчали слабо, а 30 вовсе ничего не знали [8]). Одинъ преподаватель математики во владимирской сем. въ 1869 году сознавался ревизору, что у него въ классѣ изъ 96 учениковъ занимаются только 5—10 чел. [9]). Въ пермской сем. въ 1843 г. преподаватель жаловался правленію, что большая часть учениковъ не занимаются математикой [10]). По отзыву казанской академіи; 1859 года слабѣе всего семинаристы оказались въ математикѣ они не имѣли почти ни малѣйшаго понятія о самыхъ первоначальныхъ и простѣйшихъ задачахъ математическихъ наукъ [11]); и это лучшіе ученики. Одной изъ причинъ неуспѣшности былъ

---

[1]) См. отч. об.-пр. за эти годы.

[2]) Кіев. 55 г., полтав. 57 г., владимір. 59 г., костром. 62 г.

[3]) Екатериносл. 44 г., воронеж. 54 г., москов., волын. 57 г., пензен. 58 г., костром. 59 г., псков. 61 г.

[4]) Напр. костром., владим., кишинев., тульск., пензен., орлов., харьков., курская.

[5]) О математикѣ—екатерин. 44 г. и 57 г., костром. 62 г., вологод. 63 г.; о физикѣ—вятская 64 г., литов. 65 г.

[6]) Владим. 44 г., казан. 54 г., курск. 65 г., оренбург. 56 г., подольск. 57 г., тифлис. 59 г., саратовск. 60 г., тамбов. и смолен. 62 г.

[7]) Дѣло Д. У. У. 1844 г. № 76.

[8]) Ист. каз. сем., стр. 380.

[9]) Отч. о рев. влад. 69 г., стр, 4.

[10]) Ист. перм. с., Ш, стр. 162.

[11]) Ibid., стр. 207.

конечно и старый взглядъ на эти предметы, какъ второстепенные. Вообще же самыя знанія учениковъ по математикѣ были больше механическія.

Къ второстепеннымъ предметамъ относилась также *гражданская исторія*. Курсъ ея остался прежній, хотя количество учебнаго времени нѣсколько и сократилось. Учебникомъ всеобщей исторіи сначала оставалась книга Шрекка. Но въ 1844 году конференціей спб. академіи была одобрена къ употребленію въ семинаріяхъ „Всеобщая исторія“ Смарагдова [1]), которая и сдѣлалась учебнымъ руководствомъ, хотя оффиціальное введеніе ея состоялось только въ 1858 г. [2]). Въ этой книгѣ было много мелочныхъ подробностей, а между тѣмъ ничего не говорилось о славянскихъ народахъ. Поэтому преподаватели аттестовали Смарагдова въ 1860 году во время ревизіи Урусова какъ одинъ изъ самыхъ худшихъ учебниковъ. Нѣкоторые наставники пользовались для учебныхъ цѣлей книгой В. Шульгина и «Краткой всеобщей исторіей» Берте [3]). Пособіями для преподавателей по всеобщей исторіи служили преимущественно Беккеръ и Шлоссеръ. Иногда давались и записки по этому премету [4]). Въ 1863 году проф. моск. ак. П. С. Казанскій издалъ въ свѣтъ учебную книгу всеоб. ист. для семинарій, но это изданіе ограничилось одной первой частью (до Константина Великаго) [5]). По русской гр. исторіи въ протасовскій періодъ была учебникомъ краткая русская исторія Устрялова. Но эта книга почти совсѣмъ не раскрывала внутренней жизни русскаго народа, да и внѣшнія событія описывала въ чертахъ слишкомъ общихъ, почему то-же считалась неудовлетворительной [6]). Въ 60-хъ годахъ стали пользоваться также „Краткими очерками русской исторіи“ Иловайскаго (1860 г.) [7]). Заканчивали русскую исторію обычно XVIII столѣтіемъ [8]). Успѣхи по гр. исторіи были не блестящи. Правда, изъ 50 ревизіонныхъ отзывовъ 54—65 гг. мы объ этомъ предметѣ четыре находимъ выше удовлетворительнаго [9])

---

[1]) Ист. спб. ак., стр. 407.

[2]) Ист. спб. сем., стр. 383.

[3]) Ист. спб. сем., стр, 383. Отч. о рев. кишинев. 68 г., стр. 19.

[4]) Рев. кіев. 55 г., костром. 59 г.

[5]) Ист. моск. ак., стр. 57.

[6]) См. ревиз. Урусова 60—61 г.г. (Дѣло д. У. У. 1859 г. № 363/3337).

[7]) Ист. спб. сем., стр. 383.

[8]) Ibid.

[9]) Оренб. 56 г., москов. 57 г., яросл. 61 г., вятск. 64 г.

и одинъ неудовлетворительный [1]). Но болѣе серьезныя ревизіи конца 60-хъ годовъ, заставшія прежніе порядки, нашли преподаваніе исторіи весьма элементарнымъ, въ ученикахъ — больше механическое заучиваніе и нерѣдко большое невѣжество въ географіи [2]). Объ истинномъ уровнѣ оффиціально удовлетворительныхъ успѣховъ по этому предмету свидѣтельствуетъ, напримѣръ, то, что въ казанской семинаріи на экз. 1851 г. изъ 68 учен. по исторіи 31 отвѣчали неудовлетворительно [3]).

Однако изъ всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ, кажется, всего хуже, даже хуже математики, были поставлены *языки*. Языкознаніе не процвѣтало въ семинаріяхъ и до 1840 г. Но протасовская реформа окончательно его ослабила и въ концѣ концовъ довела до полнаго упадка.

Съ 1840 года въ числѣ отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ появляется и латинскій языкъ. Старая система преподаванія на этомъ языкѣ главныхъ предметовъ привела въ результатѣ латынь въ весьма печальное положеніе. Не вывела ее изъ такого положенія и новая постановка. Преподаваніе древнихъ языковъ вращалось въ самыхъ неширокихъ рамкахъ. Методъ его былъ въ то время чисто грамматическій въ самомъ худшемъ видѣ. Уроки состояли исключительно въ переводахъ и подробномъ грамматическомъ разборѣ [4]). При этомъ переводили преимущественно легкія и далеко не образцовыя сочиненія. По латыни переводили обычно въ низшемъ отдѣленіи Лактанція [5]), или Цезаря, Саллюстія [6]), а въ 50-хъ годахъ вошла въ употребленіе составленная Кирьяковымъ книга „De viris illustribus urbis Romanae“ [7]); въ среднемъ отдѣленіи переводили Цицерона (de officiis), Лактанція, иногда Виргилія [8]), хотя вообще латинскихъ классиковъ—Овидія, Горація, Виргилія въ это время почти совершенно не читали; въ высшемъ отдѣленіи переводили изъ сочиненій св. отцовъ, хотя иногда чтенія

---

[1]) Тифлисск. 59 г.

[2]) Напр. отч. о рев. курской 70 г., волын. 71 г., олонецк. 72 г. О механичности изученія также рев. ворон. 54 г., подольск. и полтав. 57 г.

[3]) Ист. казан. сем., стр. 380.

[4]) Въ такомъ положеніи застали языкознаніе ревизіи второй половины конца 60-хъ годовъ.

[5]) Рев. кіев. 55 г., перм. 60 г.

[6]) Ист. спб. сем., стр. 395.

[7]) Рев. Урусова 60—61 гг.

[8]) Ист. спб. сем., стр. 395.

латинскихъ отцовъ въ высш. отд. и не было [1]); бывало, что за неимѣніемъ книгъ въ высш. отд. занимались переводомъ статей изъ богословія Ѳеофилакта [2]). По гречески во всѣхъ отдѣленіяхъ переводили статьи изъ старой святоотеческой христоматіи, хотя иногда въ низшемъ и среднемъ отдѣленіи читали и отрывки изъ Ксенофонта, Фукидида и Геродота по греческой энциклопедіи [3]). Вообще же съ греческими классиками Гомеромъ, Геродотомъ, Плутархомъ почти не знакомились [4]). Переводили немного, и съ теченіемъ времени все меньше и меньше [5]). По недостатку учебныхъ книгъ, иногда ученики списывали текстъ для перевода [6]), а чаще половина учащихся совершенно не имѣла ни книгъ, ни тетрадей [7]). Рядомъ съ текстомъ сплошь и рядомъ подписывался и переводъ [8]). Предварительныхъ свѣдѣній объ переводимомъ авторѣ и его твореніяхъ обычно не сообщалось, вслѣдствіе чего учащіеся относились къ переводимому совершенно безсознательно. Грамматическаго и филологическаго изученія языка, знакомства съ его особенностями не было [9]), хотя высшимъ начальствомъ все это указывалось [10]). Практическихъ упражненій также было мало. Устныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій и греческій не практиковалось. Первоначально положеніе 1840 г. пробовало поддержать старый обычай писанія сочиненій на латинскомъ языкѣ, попеременно съ русскими. Но жизненная практика скоро заставила ослабить это предписаніе. Въ 1845 году введенъ въ спб. округѣ, а въ 1847 году и вездѣ, обычай, чтобы латинскія сочиненія писать лишь начиная съ четвертаго года семин. курса, дабы не испортить русскую рѣчь; для упражненія въ латыни въ первые три года предписано было упражнять учениковъ въ переводѣ готовыхъ статей съ русскаго на латинскій [11]). Но ни то, ни другое строго не соблюдалось. Ла-

---

[1]) Ibid.

[2]) Рев. кіев. 55 г.

[3]) Ист. спб. сем., стр. 396—397.

[4]) Опять по почти всеобщему свидѣтельству ревизій учебнаго комитета.

[5]) Ист. спб. сем., стр. 395.

[6]) Отч. о рев. олонецк. 72 г., стр. 40

[7]) Рев. подольск. 57 г. и др.

[8]) Ист. перм. сем., III, стр. 173, 190.

[9]) Напр. рев. пензен. 58 г., а также ревизіи уч. комитета.

[10]) Въ такомъ духѣ было предписаніе въ 1847 году (Ист. перм. сем. III, стр. 19).

[11]) Ист. перм. сем., III, стр. 19.

тинскихъ сочиненій стали писать очень мало [1]), а переводы статей, видимо, не привились: по крайней мѣрѣ къ моменту реформы 1867 г. объ нихъ уже забыли. По греческому языку практическихъ упражненій бывало еще меньше, чѣмъ по латыни. Письменныя задачи по языкамъ въ это время начинаютъ сильно сокращаться и къ 60-мъ годамъ иногда совсѣмъ выходятъ изъ употребленія.

Такая постановка древнихъ языковъ показываетъ, что преподаваніе ихъ стояло плохо; конечно, и успѣхи были то-же плохи. Изъ тѣхъ 50-ти ревизіонныхъ отзывовъ, о которыхъ мы упоминали выше, 16 свидѣтельствуютъ о успѣхахъ по латыни и гречески крайне неудовлетворительныхъ [2]). Нѣкоторые ревизоры откровенно говорили, что въ семинаріи ученики забываютъ и то, что знали въ училищѣ [3]). Ревизіи учебнаго комитета нашли языкознаніе въ полнѣйшемъ упадкѣ. Академическія правленія съ самаго начала 40-хъ годовъ отмѣчали крайне низкій уровень знанія древнихъ языковъ въ лучшихъ семинарскихъ воспитанниковъ, посылаемыхъ въ академію [4]). Какова была неуспѣшность по этимъ предметамъ, можно составить понятіе по такимъ, напримѣръ, даннымъ. Въ 1863 году въ спб. сем. болѣе половины учениковъ по древнимъ языкамъ получили неудовлетворительныя отмѣтки [5]). Въ 1864 году въ пермской семин. изъ 39 учен. высш. отд. по гречески 21 успѣли недостаточно, а изъ 158 учен. низшаго отд.—86 [6]). Въ кишиневской сем. въ 1867 году на экзаменѣ въ средн. отд. изъ 64, спрошенныхъ по латыни, 33 получили 2 и 1 (и это при очень снисходительной оцѣнкѣ) [7]). Въ олонецкой сем. еще въ 72 году ревизоръ засталъ изъ 70 учен. низш. отд. успѣвшими всего 5—6 чел. [8]). До какой степени доходило невѣжество въ древ.

---

[1]) Въ 1855 г. ревизоръ кіев. сем., напр., нашелъ латинскія письмен. упражненія, да и то только въ видѣ переводовъ, въ одномъ низшемъ отдѣленіи (Д. Д. У. У. 1855 г. № 107/4086).

[2]) Воронеж. и казан. 54 г.; курск. 55 г., костром. 56 г., виѳанск., екатериносл., полтавская, подольск. 57 г.; саратов. 60 г.; костромск., пермск.; смолен. 62 г.; рязанск., спб. 63 г., олонецкая, литовск. 65 г.

[3]) Полтав. 57 г., смолен. 62 г.

[4]) Ист. Перм. сем. III, стр. 172. Тоже и въ 1858 г.—Ист. казан. ак., I, стр. 336.

[5]) Ист. спб. сем., стр. 427.

[6]) Ист. перм. сем., III, стр. 161.

[7]) Отч. о рев. кишинев. 68 г., стр. 31—32.

[8]) Отч. о рев. олонец. 72 г., стр. 46.

языкахъ, показываютъ такіе факты. Ревизіи второй половины 60-хъ годовъ находили часто, что семинаристы не только въ низшемъ, но и въ высшемъ отдѣленіи не знаютъ ни этимологіи, ни синтаксиса [1]). Въ кишиневской сем. въ 68 году находилось въ среднемъ отд. много такихъ учениковъ, которые не умѣли правильно склонять и спрягать по латыни; а по гречески въ высшемъ отдѣленіи то-же многіе не успѣли склонять и спрягать, а нѣкоторые плохо и читали. Въ волынской семинаріи въ 71 году многіе не могли ревизору проспрягать volo или просклонять qui, а иные и читали плохо.

Слабость древняго языкознанія въ протасовскую эпоху зависѣла отъ многихъ причинъ, которыя отчасти были наслѣдіемъ прежняго времени, отчасти были слѣдствіемъ протасовскихъ преобразованій. Къ числу первыхъ относились плохіе методы, недостатокъ учебныхъ пособій, неудовлетворительная подготовка въ училищахъ и взглядъ на эти предметы, какъ второстепенные. Пренебреженіе къ языкамъ высказывало само начальство, что видно хотя бы изъ того, что по нимъ меньше другихъ предметовъ спрашивали на экзаменахъ [2]). Къ этимъ старымъ отрицательнымъ условіямъ протасовская реформа присоединила новыя—уменьшеніе количества учебныхъ часовъ и распредѣленіе уроковъ между нѣсколькими преподавателями, при чемъ языки для каждаго наставника были побочнымъ занятіемъ. Положеніе древнихъ языковъ было столь очевидно неудовлетворительнымъ, что даже въ эпоху казеннаго „благополучія“, при Протасовѣ, иногда раздавались голоса, обращающіе вниманіе на слабость языкознанія и предлагающіе принять мѣры противъ этого. Иногда такія предложенія не отличались педагогичностью. Такъ, напримѣръ, въ 1854 году казанскій викарій, ревизовавшій казанскую семинарію, совѣтовалъ для поднятія древнихъ языковъ заставлять учениковъ изучить наизусть по латыни, напр., „de officiis“ Цицерона, а по гречески одно евангеліе и одно посланіе: это обогатитъ учениковъ знаніемъ словъ и оборотовъ [3]). Но другіе глубже смотрѣли на дѣло, хотя и не могли отрѣшиться отъ старыхъ традицій Такъ, кіевскій викарій Варлаамъ, ре-

---

[1]) Отч. о рев. смолен. 68 г.; стр. 29; кишинев. 68 г., стр. 25; новгород. 70 г., стр. 23; арханг. 70 г., стр. 24; волын. 71 г., стр. 64; олонецк. 72 г., стр. 47—48.

[2]) Это отмѣтилъ, напр., ревизоръ волын. сем. 1871 г. (отч. стр. 84).

[3]) Дѣло Д. У. У. 1854 г. № 131.

визовавшій въ 1844 году кишиневскую семинарію, видѣлъ единственное средство поднять упадающее языкознаніе через усиленіе его въ академіяхъ. А для этого онъ рекомендовалъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность студентовъ читать отцовъ церкви въ подлинникѣ, отличать болѣе успѣшныхъ въ языкахъ въ самыхъ разрядныхъ спискахъ, предоставлять даже таковымъ особыя права на полученіе ученой степени, возвратиться къ преподаванію главныхъ академическихъ наукъ по крайней мѣрѣ на латинскомъ языкѣ, если не на обоихъ древнихъ языкахъ, заставлять студентовъ писать половину сочиненій по латыни [1]). Эти соображенія были тогда переданы въ комитетъ для пересмотра конспектовъ; но комитетъ, видимо, не обратилъ на нихъ особеннаго вниманія. Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ вопросъ о постановкѣ древнихъ языковъ привлекъ къ себѣ большой интересъ. Теперь уже указывались открыто настоящія причины упадка классицизма и рекомендовались болѣе радикальныя мѣры. Въ 1857 году инспекторъ кіевской академіи архим. Іоанникій (Рудневъ) въ своемъ ревизорскомъ отчетѣ представлялъ, что слабость древнихъ языковъ зависитъ главнымъ образомъ отъ мертвыхъ, механическихъ пріемовъ преподаванія, а также отъ того, что нѣтъ спеціалистовъ—преподавателей; по мнѣнію Іоанникія надо назначить на языки особыхъ наставниковъ [2]). Эти соображенія были переданы на разсмотрѣніе академическихъ правленій, но на этотъ разъ дальнѣйшаго хода не получили. Въ 1861 году тотъ же вопросъ возникъ снова. Въ этомъ году ревизовавшій кіевскую академію м. Арсеній донесъ, что языкознаніе тамъ въ большомъ упадкѣ. Св. Синодъ, имѣя въ виду, что это общій недостатокъ академій и семинарій, обратился къ конференціямъ академій съ предложеніемъ представить свои соображенія о мѣрахъ къ поднятію древнихъ языковъ. Спб. академія на это отвѣтила, что ректоръ ея преосв. Іоанникій (тотъ же Рудневъ), ревизовавшій смоленскую семинарію [3]), въ своемъ ревизіонномъ отчетѣ считаетъ мѣрами къ поднятію языковъ коренное преобразованіе въ методахъ преподаванія (для чего необходимы и новые учебники), въ приготовленіи наставниковъ, которые часто знаютъ не болѣе учениковъ и, преподавая многіе другіе предметы, не обращаютъ вниманія на

[1]) Дѣло Д. У. У. 1844 г. № 167.
[2]) Дѣло Д. У. У. 1857 г. № 138/4435.
[3]) Объ этой ревизіи дѣло Канц. Св. Син. 1862 г. № 4026/989.

языки, и, наконецъ,—во взглядѣ самыхъ учениковъ на языки, такъ какъ ученики считаютъ ихъ неважными и не хотятъ учиться. Преосв. Іоанникій совѣтовалъ для побужденія учениковъ назначить административнымъ порядкомъ извѣстный минимумъ знаній для перевода въ высшіе классы. Академическая конференція, присоединяясь къ этимъ общимъ предположеніямъ, прибавляла, что если онѣ будутъ одобрены, то она представитъ свои подробныя соображенія. Конференція московской академіи отвѣтила, что по отзыву академическихъ наставниковъ упадокъ древнихъ языковъ, особенно латинскаго, объясняется двумя причинами: 1) прекращеніемъ преподаванія на латинскомъ и низведеніемъ языковъ въ разрядъ второстепенныхъ предметовъ и 2) расширеніемъ программы духовнаго образованія новыми предметами. Но возстановленіе преподаванія главныхъ предметовъ на латинскомъ языкѣ конференція не считала полезнымъ. Сокращеніе же программы предметовъ духовнаго образованія она находила необходимымъ условіемъ для поднятія языкознанія. Такимъ образомъ разрѣшеніе послѣдняго вопроса ставилось въ зависимость отъ преобразованія всей системы духовнаго образованія и отъ рѣшенія принципіальнаго вопроса, какимъ оно должно быть — классическимъ или реальнымъ. Пока-же конференція моск. ак. находила возможнымъ рекомендовать лишь слѣдующія мѣры: 1) назначеніе особыхъ преподавателей языковъ въ семинаріи; 2) введеніе новыхъ учебныхъ пособій; 3) усиленіе преподаванія древнихъ языковъ въ семинаріяхъ посредствомъ повторенія грамматическихъ правилъ и частыхъ переводовъ съ русскаго языка, а равно заучиванья латинскихъ и греческихъ фразъ; (въ академіяхъ полезно назначить по гречески критическій разборъ греческихъ авторовъ и ввести также преподаваніе исторіи этого языка); 4) недопущеніе въ первый разрядъ въ семинаріи учениковъ, слабо знающихъ древніе языки и не знающихъ ни одного новаго [1]). Въ казанской академіи при обсужденіи вопроса о поднятіи древнихъ языковъ въ 1862 году ректоръ Іоаннъ отъ лица конференціи высказалъ также весьма радикальные взгляды. Онъ говорилъ, что причина упадка классическихъ языковъ во взглядѣ на нихъ, какъ на второстепенные предметы, въ обширности курсовъ духовно-учебныхъ заведеній, въ соединеніи языковъ съ другими предметами, въ недостаткѣ хорошихъ преподавателей и хорошихъ

[1]) Дѣло Д. У. У. 1861 г. № 148/4233.

методовъ. Онъ предлагалъ совсѣмъ исключить преподаванiе этихъ языковъ изъ курса низшихъ училищъ, а въ семинарiи дать на нихъ больше времени, исключивъ православное исповѣданiе, медицину, сельское хозяйство и естественную исторiю и открывъ особыя каѳедры языковъ [1]). Однако вопросъ о реорганизацiи преподаванiя языковъ такъ и остался открытымъ до реформы 1867 года, такъ какъ изъ академическихъ отзывовъ выяснилось, что онъ стоитъ въ связи съ общей реформой духовнаго образованiя.

Если классическiе языки находились въ печальномъ положенiи, то еще печальнѣе было состоянiе тѣхъ языковъ, которые преподавались въ семинарiяхъ въ протасовскую эпоху лишь въ видѣ необязательныхъ предметовъ. Слабо поставленный и раньше, еврейскiй языкъ теперь палъ совершенно [2]). Иногда онъ совсѣмъ не преподавался за неимѣнiемъ желающихъ [3]). Хорошихъ отзывовъ объ этомъ предметѣ не встрѣчается, а плохiе встрѣчаются нерѣдко. Учебникомъ еврейской грамматики была старая грамматика Павскаго, признававшаяся неудовлетворительной. Объемъ преподаванiя еврейскаго языка теперь почти не простирался дальше умѣнья читать. Французскiй и нѣмецкiй языки стояли мало выше. По французски до 60-хъ годовъ употреблялась старая грамматика Перелогова, которую въ 1860 году преподаватели аттестовали Урусову въ числѣ худшихъ учебниковъ. Для переводовъ съ французскаго въ 1846 году конференцiей спб. академiи былъ одобренъ „Cours pratique de la langue française" Рюо [4]). Въ 60-хъ годахъ стали изучать французскую грамматику по руководствамъ Марго и Ноэля и Шапсаля. По нѣмецки до 60-хъ годовъ употреблялись грамматика Гакке и христоматiя Кораблева. Въ 1847 году баккалавръ спб. академiи Е. А. Бенескриптовъ издалъ свою грамматику нѣм. языка [5]). Но она, повидимому, не имѣла распространенiя. Въ половинѣ 60-хъ годовъ сталъ входить въ употребленiе учебникъ Ганнемана. Методы преподаванiя новыхъ языковъ, какъ и древнихъ, по всеобщему свидѣтельству ревизiй, заставшихъ школу на порогѣ преобразованiя 1867 г., были самые схоластиче-

---

[1]) Ист. каз. ак., I, стр. 292—293.

[2]) См. напр. отч. каз. ак. 1859 г.—Ист. перм. сем., III, стр. 208.

[3]) Напр. калуж. сем. 1861 г.

[4]) Ист. спб. ак., стр. 412.

[5]) Ист. спб. ак., стр. 308.

скіе. Изучалась теоретически грамматика и дѣлали переводы на русскій языкъ—и только. Обратныхъ переводовъ не было, практическихъ упражненій то-же, разговорному языку не учили, произношеніе было невообразимое. Количество уроковъ по новымъ языкамъ бывало различное, обычно 2, а иногда и три [1]. Число занимающихся языками было невелико. Въ спб. сем., напримѣръ, таковыхъ бывало по 20—40 чел. [2]. Въ многолюдной владимірской сем. въ концѣ 60-хъ годовъ новымъ языкамъ обучалось по 20—25 чел. [3]. Среднее число записывающихся на языки было 15—25 чел. Но и изъ этихъ записавшихся дѣйствительно занималось лишь небольшое меньшинство [4]. Ожидать успѣховъ по новымъ языкамъ при такихъ условіяхъ было невозможно. Отзывовъ выше удовлетворительнаго объ этихъ предметахъ въ упоминаемыхъ нами выше 50 ревизіяхъ совсѣмъ, напр., не встрѣчается, а отзывовъ неудовлетворительныхъ есть нѣсколько [5]. Даже въ спб. семинаріи, гдѣ въ 1843 году по высоч. повелѣнію было обращено особое вниманіе на новые языки и повелѣно преподавать ихъ природнымъ иностранцамъ [6], постановка ихъ была неудовлетворительна [7]. Однако любопытно отмѣтить, что иногда ревизоры аттестовали новые языки лучше древнихъ [8], приписывая это между прочимъ тому обстоятельству, что за преподаваніе новыхъ языковъ наставники получали особую плату [9])

Особымъ вниманіемъ высшаго начальства въ описываемое время пользовались мѣстные языки. Хотя они были также необязательны для учениковъ, но, сообразно съ ихъ практическимъ назначеніемъ, были предметомъ попеченія со стороны гр. Протасова. Объ нихъ Духовно-Учебное Управленіе въ 50-хъ годахъ собирало такъ же особыя свѣдѣнія, какъ и о сельскомъ хозяйствѣ, естественной исторіи и медицинѣ. По оффиціальнымъ отчетамъ здѣсь дѣло обстояло хорошо. Изученіе мѣстныхъ языковъ быстро распространялось въ семина-

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 395.

[2]) Ист. спб. сем., стр. 399.

[3]) Отч. о рев. влад. 69 г., стр. 12. То-же Ист. лит. сем., стр. 202.

[4]) Объ этомъ, напр., отч. о рев. херсон. 68 г., стр. 38, орлов. 72 г., стр. 46.

[5]) Ворон. 54 г., новгор. 55 г., оренбург. 56 г., подольск. 57 г.

[6]) Это распоряженіе касалось и спб. акад. (Ист. спб. ак. стр., 307).

[7]) Ист. спб. сем., стр. 401.

[8]) Черниг. 54 г., перм. 60 и 62 г.

[9]) Перм. 62 г.

ріяхъ. По отчету оберъ-прокурора за 1850 г., напримѣръ, въ разныхъ семинаріяхъ преподавались языки татарскій, монголо-калмыцкій, бурятскій, чувашскій, черемисскій, мордовскій, зырянскій, финскій, эстскій, латышскій. Въ 1855 году въ разныхъ семинаріяхъ преподавалось 14 мѣстныхъ языковъ. Именно, въ семинаріяхъ казанской, кавказской, тифлисской, нижегородской, симбирской, тамбовской, тобольской, пермской, астраханской, оренбургской преподавался татарскій языкъ, въ херсонской—крымско-татарскій языкъ, въ кавказской и астраханской--монголо-калмыцкій, въ иркутской—монголо-бурятскій, въ оренбургской—чувашскій. въ тамбовской—мордовскій, въ вологодской—зырянскій, въ с.-петербургской—финскій, въ псковской, рижской и петербургской—эстскій, въ рижской и псковской—латышскій, въ олонецкой—корельскій, въ тифлисской и кавказской—осетинскій, въ кишиневской—молдавскій, въ херсонской—новогреческій. Тогда же разрѣшено было еще ввести черемисскій языкъ въ вятской семинаріи, чувашскій—въ симбирской [1]). Учащихся каждому языку бывало отъ 10 до 50 человѣкъ. Но, по справедливому замѣчанію историка казанской семинаріи, бывшей центромъ инородческаго языкознанія, мѣстные языки процвѣтали только на бумагѣ, въ отчетахъ; а на дѣлѣ успѣхи въ нихъ были такъ малы, что почти не приносили пользы [2]).

Въ числѣ культивируемыхъ въ протасовскую эпоху необязательныхъ предметовъ было еще и искусство иконописанія. Первоначально классъ иконописанія былъ отрытъ въ 1844 г. въ спб. семинаріи, при чемъ имѣлось въ виду образовать здѣсь учителей и для другихъ семинарій [3]). Затѣмъ въ 1849 г. были открыты классы иконописанія въ семинаріяхъ кавказской и могилевской [4]), въ 1850 году—въ харьковской [5]), въ 1854 году—въ пермской, тобольской, новоархангельской, тифлисской [6]); въ 1856 году разрѣшено преподавать иконописаніе въ кіевской сем. [7]), въ 1857 году—въ архангельской [8]), въ

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 1855 г., стр. 56—58.
[2]) Ист. каз. сем., стр. 391.
[3]) Ист. спб. сем., стр. 405.
[4]) Изъ отч. об.—пр. 1849 г., стр. 55.
[5]) Изъ отч. об.-пр. 1850 г., стр. 60.
[6]) Изъ отч. об.-пр. 1854 г., стр. 57.
[7]) Изъ отч. об.-пр. 56 г., стр. 65.
[8]) Изъ отч. об.-пр. 57 г., стр. 71.

1858 г.—въ рижской и томской [1]), въ 1859 г.—въ полтавской и екатеринославской [2]), въ 1860 г.—въ черниговской и тамбовской [3]). Обучалось иконописанію обычно человѣкъ по 10—40. Въ 1858 году, напримѣръ, въ 2 семинаріяхъ училось этому искусству 254 чел. Въ 60-хъ годахъ иконописаніе, какъ и другіе „протасовскіе" предметы, приходитъ въ полный упадокъ, такъ какъ объ немъ начальство перестаетъ заботиться. Но въ 50-хъ годахъ, повидимому, этимъ искусствомъ занимались иногда не безъ успѣха. Ревизоры учебнаго комитета находили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ иконы прежняго времени очень хорошей работы.

Значительную роль въ семинарскомъ образованіи и въ этотъ періодъ. какъ и раньше, играли также *сочиненія*. Отступившись отъ латинскаго языка въ преподаваніи, положеніе 1840 г. сначала хотѣло, было, поддерживать латынь попрежнему путемъ сочиненій. По „положенію" сочиненія семинаристовъ должны были писаться поперемѣнно на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Сочиненій полагалось въ мѣсяцъ въ низшемъ отдѣленіи по 4, въ среднемъ по 3, а въ высшемъ по 2. Кромѣ того въ высшемъ отдѣленіи семинаристы должны были написать ежегодно по 3 проповѣди (по одной на треть [4]). Но въ 1845 году, въ виду выработки лучшаго русскаго слога у учениковъ, рѣшено было назначить латинскія сочиненія только въ послѣдніе три года семин. курса. Эта мѣра была введена сначала въ спб. округѣ [5]), а съ 1848 году распространена и на прочіе округа [6]).

По положенію 1840 г. (п. 19), видимо, относительно сочиненій предполагалось сохранить старое правило, что сочиненія писались лишь по главнымъ предметамъ. Однако на практикѣ въ эту эпоху сочиненія иногда задавались почти по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ медицины, математики и

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 58 г., стр. 60.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 59 г., стр. 42.

[3]) Изъ отч. об.-пр. 60 г., стр. 51.

[4]) Пунктъ 18 „положенія" 1840 г. Проповѣди предписывалось писать возможно вразумительнымъ и простымъ языкомъ. Для многолюдныхъ классовъ. въ помощь наставникамъ главныхъ предметовъ при разсмотрѣніи сочиненій рекомендовалось употреблять наставниковъ второстепенныхъ предметовъ (пунктъ 19).

[5]) Изъ отч. об.-пр. 1845 г., стр. 63.

[6]) Ист. спб. сем., стр. 423.

сельскаго хозяйства [1]). Сочиненій писали и теперь много, настолько много, что писать ихъ тщательно было трудно. Тѣмъ не менѣе опредѣленная норма не выдерживалась. По положенію 1840 года, считая 9 учебныхъ мѣсяцевъ, въ низшемъ отдѣленіи надо было написать въ годъ 36 сочиненій, въ среднемъ—27, въ высшемъ—18. На самомъ же дѣлѣ задавалось, напримѣръ, столько. Въ 1854 году въ орловской семинаріи было сочиненій въ годъ 12—13 въ в. о., 20 въ ср. о. и 25—28 въ низш. [2]). Въ 1855 г. въ калужской сем. было сочиненій въ в. о. 15, въ среднемъ 18, въ низшемъ 22 [3]). Въ вятской семинаріи въ 1856 году найдено было, что сочиненій въ два года въ в. о. 17 русскихъ и 10 латинскихъ, въ среднемъ отд. 29 русскихъ и 6 латинскихъ, въ низш. отд. 39 русскихъ и 13 латинскихъ переводовъ [4]). Въ оренбургской сем. въ 1856 году то-же за 2 года найдено назначенныхъ сочиненій въ в. о. 24 русскихъ и 12 латинскихъ, 12 словъ и 4 проповѣди, въ средн. отд. 57 русскихъ и 4 латинскихъ, въ низш. отд. 64 русскихъ и 16 латинскихъ переводовъ [5]). Въ московской сем. въ 1857 году найдено въ теченіи года въ в. о. 15 сочиненій, въ среднемъ—18, въ низшемъ—22 [6]). Въ волынской сем. въ 1857 году число сочиненій найдено нормальнымъ [7]), въ казанской сем. въ 1859 году—то-же, за исключеніемъ низшаго отдѣленія, гдѣ было, какъ и въ среднемъ, по 3 соч. въ мѣсяцъ [8]). Въ симбирской сем. въ 1864 году сочиненій было въ в. о. 12, въ среднемъ 16, въ низшемъ—17 [9]). Сочиненій на латинскомъ языкѣ давали гораздо меньше половины. Изъ заданныхъ сочиненій всѣми учениками подавались очень не многія. Обычно воспитанники, какъ и раньше бывало, были неисправны въ этомъ отношеніи. Напримѣръ, въ пермской сем. въ 1843 году, по замѣчанію ректора, изъ 142 учен. средн. отд. 33 не подали ни одного сочиненія за двѣ трети 1842-3 уч. года, 10 учен. подали за это время по од-

---

[1]) Рев. яросл. сем. 1856 г. (д. Д. У. У. 1856 г. № 97/4192); вятск. 56 г., (д. Д. У. У. 56 г. № 76-4235).

[2]) Дѣло Д. У. У. 1854 г. № 122.

[3]) Дѣло Д. У. У. 1855 г. № 100-4104.

[4]) Вышоупом. дѣло Д. У. У.

[5]) Дѣло Д. У. У. 56 г. № 76-4235.

[6]) Д. Д. У. У. 57 г. № 123-4443.

[7]) Дѣло Д. У. У. 57 г. № 138-4435.

[8]) Д. Д. У. У. 1859 г. № 363-3337.

[9]) Д. Д. У. У. 64 г. № 105-2720.

ному соч., 19 по 2, 12 по 3, 15 по 4, другіе—по 5, 6, 7 и лишь немногіе по 10—11 [1]).

Достоинство семинарскихъ сочиненій, не смотря на ихъ многочисленность, стояло невысоко. При забивающей многопредметности, при отсутствіи внѣкласснаго чтенія, умственное развитіе семинаристовъ было небогато и по сравненію съ прежнимъ въ данное время значительно понизилось. А при такихъ условіяхъ успѣхи въ сочиненіяхъ не могли быть значительны. Скудость мысли, неотчетливость и безсвязность изложенія были обычными недостатками ученическихъ работъ [2]). Въ 1859 году правленіе казанской академіи отмѣтило по поводу пріемныхъ экзаменовъ, что у семинаристовъ большой недостатокъ въ слогѣ; многіе почти не умѣютъ совсѣмъ писать. Причину этого академія видѣла въ недостаткѣ чтенія русскихъ писателей, въ преобладаніи въ семинарскихъ сочиненіяхъ темъ отвлеченныхъ и возвышенныхъ, въ недостаткѣ литературныхъ упражненій; недостатокъ хорошаго умѣнья писать, по мнѣнію академическаго ректора Іоанна, былъ давній и важный въ духовномъ образованіи [3]). Даже въ грамматическомъ отношеніи семинаристы писали съ ошибками, что замѣтила въ указанный разъ и казанская академія. Въ сочиненіяхъ учениковъ старшаго отдѣленія встрѣчались самыя грубыя погрѣшности противъ грамматики [4]). Этотъ недостатокъ былъ наслѣдіемъ училища, гдѣ русскій языкъ стоялъ невысоко. По словамъ наставника словесности пермской сем. въ 1863 г., наприм., огромное большинство перешедшихъ въ семинарію писали совершенно безграмотно [5]).

Изъ всего предыдущаго ясно, что *успѣшность учениковъ* семинаріи въ протасовскій періодъ стояла вообще низко. Но опредѣлить болѣе точно степень неуспѣшности прохожденія семинарскаго курса за это время весьма затруднительно. Обычный критерій успѣвающихъ и неуспѣвающихъ—допуще-

---

[1]) Ист. перм. сем., стр. 174.

[2]) См. напр., рев. казан. 54 г., курск. 55 г., харьков. 59 г., литов. 65 г.; отчеты о ревизіяхъ второй половины 60-хъ годовъ членовъ учебнаго комитета.

[3]) Ист. перм. сем., III, стр. 206.

[4]) Напр. отч. о рев. астрахан. 68 г., стр. 7; отч. о рев. херсон. 73 г., стр. 25.

[5]) Ист. перм. сем., III, стр. 203.

ніе въ высшіе классы—здѣсь почти непримѣнимъ, такъ какъ мы знаемъ, что въ тогдашней практикѣ оцѣнка знаній была крайне снисходительна и переводили учениковъ, которыхъ познанія были очевидно неудовлетворительны. Поэтому изъ оффиціальныхъ данныхъ того времени мы можемъ вывести лишь приблизительныя заключенія. Число оканчивающихъ семинарскій курсъ въ третьемъ разрядѣ въ 40-хъ годахъ немного понизилось, а въ 50-хъ годахъ понизилось еще больше. Такъ, напр., въ семинаріяхъ спб. и кіевскаго округовъ въ 1849 году изъ 1943 окончившихъ курсъ 204 были причислены къ третьему разряду ($10^1/_2$%) [1]; а въ 1855 году изъ 1758 окончившихъ только 96 выпущено въ 3-мъ разряда ($5^1/_2$%) [2]. Въ семинаріяхъ московскаго и казанскаго округовъ въ 1848 году изъ 1788 оконч. курсъ 114 выпущены въ 3-мъ разрядѣ (6%) [3]; въ 1856 году изъ 1878 выпущено въ третьемъ разрядѣ 73 (4%) [4]. Что касается средняго и низшаго отдѣленія, то и здѣсь, повидимому, % третьеразрядныхъ учениковъ, по сравненію съ 30-ми годами, понизился. Такъ, въ спб. семинаріи по переводнымъ экзаменамъ значилось неуспѣшныхъ въ среднемъ отдѣленіи въ 1843 году 10%, въ 1847 году—10%, въ 1849 году 7%, въ 1851 году 12%, въ 1857 году—0%, въ 1863 г.—7%; въ низшемъ отдѣленіи—въ 1843 году 16%, въ 47 году—10%, въ 49 г.—10%, въ 51 г. 15%, въ 57 г.—4%, въ 63 г.—10% [5]. Въ пермской сем. по экзамену значилось неуспѣшныхъ въ среднемъ отдѣленіи въ 42 г.—20%, въ 48 г.—12%, въ 52 г.—5%, въ 58 г.—10%, въ 62 г.—7%; а въ низш. отд. въ 42 г.—20%, въ 48 г.—16%, въ 52 г.—10%, въ 58 г.—13%, въ 62 г.—9% [6]. По другимъ даннымъ % безуспѣшности представляется значительно выше. Такъ, въ семинаріяхъ казанскаго округа за трехлѣтіе 1842 — 1845 г. изъ 5848 учен. было уволено за безуспѣшность 1124 (ок. 20%) [7]. Въ смоленской семинаріи въ 1842 году послѣ экзамена было уволено 86 учен. (а всего было 450)—ок. 20%, а въ 1843 г.—49 учен. (изъ 470)—ок. 10% [8]. По даннымъ, собраннымъ комитетомъ о преобразованіи духов-

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 1849 г., стр. 61.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 1855 г., стр. 69—70.

[3]) Изъ отч. об.-пр. 1848 г., стр. 63.

[4]) Изъ отч. об.-пр. 1856 г., стр. 75.

[5]) Ист. спб. сем., стр. 432.

[6]) Ист. перм. сем., III, стр. 160—161.

[7]) Ист. каз. ак. I, стр. 289.

[8]) Ист. смолен. сем., стр. 302.

но-учебныхъ заведеній 1866—1867 г., оказалось, что въ теченіи семинарскаго курса обычно выбываетъ до окончанія курса, преимущественно изъ низшаго и средняго отд., ок. 50%, изъ которыхъ въ свою очередь ок. 2/3 выбываютъ по безуспѣшности; а это будетъ среднимъ числомъ по 15—17% ежегодно выбывающихъ по неуспѣшности на каждую семинарію [1]). Отсюда можно сдѣлать приблизительный выводъ, что оффиціально признаваемая безуспѣшность въ среднемъ и низшемъ отдѣленіяхъ въ 40—60-хъ гг. достигала въ среднемъ 15—20%. Но это было при условіи чрезмѣрной снисходительности. А когда стали примѣнять нормальныя требованія къ ученикамъ при введеніи реформы 1867 г., то состояніе ученическихъ знаній предстало въ истинномъ свѣтѣ Въ спб. семинаріи, напримѣръ, гдѣ въ половинѣ 60-хъ годовъ значилось 7—10% неуспѣшныхъ, въ 1867 году на экзаменѣ оказалось удовлетворительныхъ учениковъ въ среднемъ отдѣленіи только 67%, а въ низшемъ 50% [2]). Въ псковской семинаріи въ 1867 году на декабрьскихъ испытаніяхъ изъ 68 учениковъ высш. отд. получили неудовлетворительные баллы 41; изъ 106 учен. средняго отдѣленія—67; изъ 95 учен. низшаго—55 [3]). Въ смоленской сем. въ 68 году предъ преобразованіемъ было переведено всего 53%, а 47% уволено и исключено [4]). Въ саратовской сем. въ 68 году на экзаменахъ изъ 284 воспитанниковъ только 104 сдали экзамены удовлетворительно [5]). Въ подольской семинаріи въ 1867/68 г. по экзамену изъ 398 учен. 171 были причислены къ 3-му разряду [6]). Въ орловской сем. за 1867/68 г. въ высшемъ отдѣленіи малоуспѣшныхъ было ок. 27%, въ среднемъ до 38%, въ низшемъ по нѣкоторымъ предметамъ до 50% [7]).

Таковы были итоги протасовскихъ преобразованій для семинарскаго образованія. Дѣйствительность блестяще оправдала опасенія самыхъ крайнихъ пессимистовъ, высказывавшихъ въ свое время недовольство реформаторскими планами графа Про-

---

[1]) Съ этими данными мы встрѣтимся ниже.

[2]) Ист. спб. сем., стр. 432.

[3]) Отч. о рев. псков., 68 г., стр. 23.

[4]) Отч. о рев. смоленской 68 г., стр. 9.

[5]) Отч. о рев. сарат. 69 г., стр. 9—10.

[6]) Отч. о рев. подольск. 71 г., стр. 6.

[7]) Отч. о рев. орлов. 72 г., стр. 55—56.

тасова. Кромѣ вреда и порчи, какъ говорилъ м. Филаретъ, въ самомъ дѣлѣ не получилось ничего. Не радостнѣе были итоги протасовской эпохи и для низшихъ духовныхъ училищъ.

Училищное образованіе.

Судить о состояніи учебнаго дѣла въ духовныхъ училищахъ по оффиціальнымъ даннымъ того времени еще труднѣе, чѣмъ о состояніи семинарій. Ревизіи низшихъ училищъ отличались еще болѣе формальнымъ характеромъ, чѣмъ ревизіи академическія и семинарскія. По ревизіоннымъ отчетамъ учебная часть представлялась почти всегда въ хорошемъ и удовлетворительномъ состояніи. Напримѣръ, изъ 32 имѣвшихся у насъ ревизіонныхъ академическихъ отчетовъ за 1854—1865 гг. только одинъ признаетъ состояніе училища неудовлетворительнымъ. А между тѣмъ начавшіяся съ 1867 года ревизіи учебнаго комитета нашли учебное дѣло въ большей части училищъ со старыми порядками неудовлетворительнымъ. Поэтому въ сужденіи о положеніи училищнаго образованія въ протасовскую эпоху мы будемъ руководствоваться преимущественно данными послѣднихъ ревизій, насколько онѣ застали результаты дореформеннаго строя.

Отличительную черту училищнаго обученія за это время, какъ и раньше, составляло полное господство механическихъ методовъ обученія и ученія [1]). Этотъ недостатокъ былъ въ 40—50-хъ гг. всеобщимъ, и только въ 60-хъ годахъ начинаютъ появляться кое-гдѣ новые пріемы. Каждый предметъ училищнаго курса носилъ на себѣ слѣды механическаго ученья; но, сообразно различному характеру предметовъ, на однихъ механическіе пріемы отражались больше, на другихъ меньше.

Изъ духовныхъ предметовъ въ низшихъ училищахъ преподавались катехизисъ. св. исторія, уставъ и, послѣ 1851 года, объясненіе евангелій и апостоловъ. Краткій катихизисъ и краткая св. исторія въ низшихъ классахъ преподавались по книгѣ „начатки христіанскаго ученія“, которая была указана и положеніемъ 1851 г. Пространный катехизисъ изучался по-преж-

---

[1]) Объ этомъ свид. историки училищъ (Ист. каз. сем. съ низш. уч., стр. 296—297; Исторія шуйскаго училища, стр. 44) и ревизіи конца 60-хъ гг. (напр. отч. о рев. калуж. 68 г., стр. 25; смоленск. 68 г., стр. 53; харьков. 68 г., стр. 47; тульск. 69 г., стр. 91, и др.).

нему по книгѣ Филарета. Св. исторія въ старшихъ классахъ (въ среднемъ и высшемъ отд. уѣздн. уч. по полож. 1851 г.) изучалась по старой краткой св. исторіи, изданной для народныхъ училищъ. Катехизисы Филарета были трудны по изложенію; а св. исторія для народныхъ училищъ была неудовлетворительна по своей краткости и устарѣлости; въ ней почти не было историческаго разсказа, а лишь указаніе на событія, и было много отвлеченныхъ понятій, недоступныхъ дѣтямъ [1]). Въ концѣ 50-хъ гг. кое-гдѣ стали пользоваться св. исторіей прот. Богданова, а въ 60-хъ гг. также св. исторіей Рудакова [2]). Но распространеніе новыхъ учебниковъ относится уже къ слѣдующей эпохѣ. Церковный уставъ изучался по старой книгѣ „Краткое объясненіе церковнаго устава". Эта книга была то-же мало пригодна для ученія, такъ какъ отличалась обиліемъ формулъ, трудно объяснимыхъ и усвояемыхъ [3]). Еще во время Комиссіи Дух. Учил. была сознана трудность изученія устава по подобному руководству; однако дѣло оставалось нѣсколько десятковъ лѣтъ въ одномъ и томъ-же положеніи. Иногда учителя замѣняли руководство къ уставу записками, но, видимо, не всегда удачно. Въ 1868 году, напр., ревизоръ нашелъ такія старыя записки въ калужскомъ училищѣ и призналъ ихъ негодными для употребленія, такъ какъ кромѣ исторіи праздниковъ и порядка богослуженія записки эти содержали ненужныя нравоученія, плохо понимаемыя учениками и заучиваемыя безсмысленно, а также ссылки на отцевъ церкви, о которыхъ ученики и не слыхали [4]). Объясненіе евангелій и апостоловъ сначала не имѣло учебника, а потому иногда совсѣмъ не преподавалось: напр. въ черниговскомъ училищѣ его не было въ 1854 г. [5]). Въ срединѣ 50-хъ годовъ стали употреблять въ качествѣ руководства „Изъясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій", изд. для употребленія въ училищахъ минист. нар. просв. [6]). Эта книга признавалась пригодной, но ее

---

[1]) Таковъ былъ общій отзывъ объ этихъ книгахъ смотрителей и наставниковъ въ ревизію Урусова въ 60—61 гг. (Д. Д. У. У. 1859 года № 363/3337).

[2]) Богданова нашелъ Урусовъ, напр., въ костром. учил.

[3]) Таковъ былъ общій отзывъ и объ этой книгѣ въ ревизію Урусова.

[4]) Отч. о рев. калуж. 68 г., стр. 26.

[5]) Дѣло Д. У. У. 1854 г. № 122.

[6]) Кіево-Подольское уч. 55 г. (д. Д. У. У. 1855 г. № 107/4086); костром. учил. 59 г. (д. Д. У. У. 1859 г. № 363/3337).

почему-то не вездѣ употребляли и продолжали преподаваніе безъ руководства, не смотря на все неудобство этого [1]).

По ревизіоннымъ отчетамъ протасовской эпохи духовные предметы въ училищахъ, особенно катехизисъ и св. исторія, какъ предметы главные, ставятся по успѣхамъ обычно въ числѣ лучшихъ [2]). Но эта оцѣнка была чисто внѣшней. Считались хорошими бойкіе, зазубренные отвѣты, въ чемъ иногда откровенно сознавались сами ревизующіе. Напримѣръ, ревизоръ вятскаго училища въ 1856 году отозвался, что по катихизису отвѣчали хорошо, но безъ пониманія [3]). Когда же примѣнялись въ оцѣнкѣ успѣховъ разумные критеріи, то положеніе дѣла оказывалось совершенно неудовлетворительнымъ. Напримѣръ, ревизоръ казанскихъ училищъ въ 1842 году отмѣтилъ, что большая часть учениковъ по катихизису читали безъ всякаго сознанія и на вопросъ, о чемъ читали, не могли ничего сказать; не отвѣчали на самые простые вопросы, смѣшивали Троицу съ Богородицей, Св. Духа съ Сыномъ Божіимъ и т. п. [4]). Въ 1854 году пермское семинарское правленіе отмѣтило, что на пріемныхъ экзаменахъ училищные ученики отвѣчаютъ по закону Божію совсѣмъ безъ разумѣнія [5]). Впослѣдствіи, при ликвидаціи стараго строя, безсмысленное заучиваніе учебниковъ закона Божія было засвидѣтельствовано почти всюду [6]). Удивляться этому, конечно, нечего, разъ учебники были мало доступны для дѣтскаго пониманія; классныхъ объясненій въ то время почти не практиковалось, да если онѣ и были, то учениками не усваивались, разсказывать своими словами не требовали и зубристику поощряли.

Изъ предметовъ не духовныхъ въ низшихъ училищахъ, по праву, долженъ былъ бы первое мѣсто занимать русскій языкъ. Но хотя положеніе 1851 года увеличило уроки этого предмета, русскому языку не придавалось должнаго значенія. Руководства и методы преподаванія русскаго языка въ эту эпоху не подвинулись ни на шагъ впередъ. Уроки русскаго

---

[1]) Напр. въ томъ-же 1855 г. ревизоръ въ другомъ кіевскомъ училищѣ—кіево-софійскомъ — не нашелъ учебника, также точно въ переяслав. уч. полтав. еп. въ 1857 г.

[2]) Напр. воронеж. уч. 1854 г., калуж. уч. 1855 г., вятск. 56 г., яросл. 61 г.

[3]) Дѣло Д. У. У. 1856 г. № 76-4235.

[4]) Ист. каз. сем., стр. 298.

[5]) Ист. перм. сем., стр. 202.

[6]) Напр. отч. о рев. саратов. 69 г., стр. 39; новгор. 70 г., стр. 280—281; олон. 72 г., стр. 186, и др.

чтенія въ низшемъ отдѣленіи уѣздныхъ училищъ съ 1851 г., а до этого времени въ приходскихъ училищахъ, были посвящаемы чисто механическому упражненію въ чтеніи: объяснительнаго чтенія тогда не было. При этомъ нерѣдко приходилось начинать обученіе съ азбуки, такъ какъ въ училище принимались и послѣ 1851 года часто безграмотные (азбукѣ учили по старому буквенному методу). Для упражненій въ чтеніи положеніе 1851 года указало и книгу—христоматію, составленную изъ отрывковъ духовныхъ писателей, а равно и свѣтскихъ писателей, отличающихся религіознымъ и нравственнымъ направленіемъ. Во всѣхъ классахъ методъ изученія русскаго языка былъ теоретически-грамматическій, состоявшій въ заучиваніи правилъ и примѣровъ на нихъ и грамматическомъ разборѣ. Послѣдній, обычно, не простирался далеко. Наприм., ревизоръ новгородскихъ училищъ въ 1870 году нашелъ, что въ высшемъ отдѣленіи разборъ ограничивался указаніемъ въ разбираемой статьѣ предложенія главнаго и придаточнаго, полнаго и сокращеннаго, подлежащаго и сказуемаго въ каждомъ предложеніи; но о словахъ опредѣлительныхъ, дополнительныхъ, объ ихъ употребленіи, равно и о другихъ правилахъ синтаксиса ученики имѣли лишь смутныя понятія [1]). Учебникомъ русской грамматики служила старая грамматика Востокова, которую общій голосъ наставниковъ въ ревизію князя Урусова 1860—61 г.г. аттестовалъ неудовлетворительной. По положенію 1851 года русскую грамматику полагалось пройти въ низшемъ отдѣленіи до словосочиненія, а въ среднемъ окончить; въ старшемъ же отдѣленіи одинъ урокъ назначался лишь для практическихъ упражненій и пріученія учениковъ къ правильному изложенію своихъ мыслей на бумагѣ. Но практическихъ письменныхъ упражненій вообще было мало. Практиковались онѣ преимущественно въ высшемъ и отчасти въ среднемъ отдѣленіяхъ, въ низшемъ же ихъ часто не было [2]) Подобнымъ же образомъ шло обученіе славянскому языку. Изученіе его ограничивалось чтеніемъ, заучиваніемъ грамматическихъ правилъ и переводами. Учебникомъ славянской грамматики была старая грамматика, давно признанная негодной; а для переводовъ хотя въ 1849 году и была одобрена спб. академіей „славянская хрестоматія“ Пеннин-

---

[1]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 244.

[2]) Отч. о рев. архангельск. 70 г., стр. 86; отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 245, и др.

скаго [1]), но, повидимому, она почти не употреблялась; употреблялись же псалтирь, часословъ, евангелія. И положеніе 1851 года указывало для упражненія въ славянскомъ чтеніи псалтирь и часословъ. Читали сначала, обыкновенно, безъ объясненій и потому не понимая [2]); потомъ начиналось чтеніе съ объясненіемъ (только немногихъ выраженій) и переводомъ. Славянскую грамматику, послѣ 1851 г., всю изучали въ среднемъ отдѣленіи.

При господствѣ рутинныхъ методовъ, обученіе русскому и славянскому языку не могло быть успѣшно. До 60-хъ годовъ, по обыкновенію, ревизоры признавали его удовлетворительнымъ: но иногда и они обращали вниманіе на механичность ученія. Напримѣръ, ревизоръ екатеринославскаго и переяславскаго училищъ въ 1857 году замѣтилъ, что правила русской и славянской грамматики выучено твердо, но примѣнять ихъ къ дѣлу ученики не умѣютъ, практическихъ упражненій не было, разбираютъ и пишутъ плохо [3]). Ревизіи же учебнаго комитета засвидѣтельствовали такое положеніе, какъ всеобщій фактъ, при чемъ иногда оказывалось, что ученики даже высшаго отдѣленія по славянски и читаютъ плохо [4]). Послѣднее замѣчалось и раньше семинарскими правленіями по поводу пріемныхъ экзаменовъ [5]). По русскому языку, какъ и слѣдовало ожидать, неудовлетворительность училищнаго обученія сказывалась главнымъ образомъ въ безграмотности семинаристовъ, допускавшихъ, какъ выше упомянуто, грубыя грамматическія ошибки даже въ старшихъ классахъ [6]). При болѣе серьезной провѣркѣ знаній наканунѣ преобразованія по уставу 1867 года, русскій языкъ оказался по успѣхамъ въ числѣ наиболѣе неудовлетворительныхъ предметовъ. Напримѣръ, въ тульской сем. въ 1868 году на пріемныхъ экзаменахъ изъ 271 учен. получили неудовл. баллы по рус. и слав. яз. 95 [7]). Въ тихвинскомъ училищѣ (новгор. еп.) въ 1869 г. на экзаменѣ по русск. яз. оказалось неуспѣшныхъ въ н. о.

[1]) Ист. спб ак., стр. 412.

[2]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 288; и др.

[3]) Дѣло Д. У. У. 1857 г. № 138/4435.

[4]) Отч. о рев. саратов. 69 г., стр. 39.

[5]) Ист. перм. сем., стр. 202 (1854 г.).

[6]) Поэтому послѣ реформы 1867 г., пришлось въ семинаріяхъ возвратиться къ грамматикѣ.

[7]) Отч. о рев. тульск. 69 г., стр. 40.

болѣе 50% [1]). Въ училищахъ орловской епархіи въ тѣ-же годы неуспѣшность по русскому языку достигала 40—45% [2]).

Отвлеченно—грамматическій методъ изученія еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ русскомъ языкѣ, царствовалъ въ преподаваніи языковъ древнихъ. По латыни и по гречески обученіе состояло въ училищахъ въ слѣдующемъ: выучивали по учебнику правила и примѣры къ нимъ, а также переводили съ древнихъ языковъ на русскій яз. и дѣлали подробный грамм. разборъ. При этомъ заучиваніе правилъ было чисто механическое, и примѣнять ихъ къ дѣлу ученики умѣли плохо; переводовъ съ русскаго устныхъ почти не было, запасъ словъ былъ небольшой; свободнаго пересказа то-же не было; письменныхъ упражненій было немного [3]). По положенію 1851 г. по древнимъ языкамъ ученики въ низшемъ отдѣленіи должны были научиться читать и писать, а также заучивать наизусть необходимѣйшія слова и изучить грамматику того и другого языка до склоненій, а если будетъ время, то и дальше; въ среднемъ отдѣленіи полагалось пройти латинскую и греческую грамматику до словосочиненія; въ высшемъ отдѣленіи грамматика заканчивалась и должно было происходить упражненіе въ переводахъ, прямыхъ и обратныхъ. Учебниками по латинскому языку были: старая, давно негодная по своей запутанности и неясности, грамматика Амвросія и христоматія Кирьякова [4]). Послѣдняя также была неудовлетворительна, такъ какъ была составлена изъ такихъ отрывковъ, по которымъ рѣшительн‹о› нельзя было ознакомиться съ духомъ ни одного автора. По гречески употреблялись теперь грамматика Шада, слишкомъ краткая, и старая хрестоматія Каченовскаго [5]).

По оффиціальнымъ даннымъ 40—50-хъ годовъ успѣхи обученія по древнимъ языкамъ, по обычаю, аттестовались удовлетворительными. Неудовлетворительныхъ отзывовъ въ ревизіяхъ центральнаго управленія почти нѣтъ: изъ имѣвшихся у

---

[1]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 298.

[2]) Отч. о рев. орлов. 72 г., стр. 110, 132, 154.

[3]) О такомъ состояніи преподав. древн. яз. см. напр., отч. о рев. калуж. 68 г., стр. 25; перм. 69 г., стр. 91; новгород. 70 г., стр. 130—131, 240, 282—286; и др.

[4]) Корнелій Непотъ въ 1848 году, по заключенію конференціи спб. ак., былъ исключенъ изъ употребленія въ духовныхъ училищахъ (Ист. спб. ак., стр. 412).

[5]) О неудовлетворительности учебниковъ др. языковъ было всюду заявляемо Урусову въ 1860—61 г.г.

насъ 32 отзывовъ 1854—1865 г. таковъ, напримѣръ, только одинъ о латинскомъ языкѣ [1]). Чаще свидѣтельствовали о неудовлетворительности языковъ въ училищахъ семинарскія правленія [2]). Однако не много было отзывовъ и выше удовлетворительнаго: изъ упомянутыхъ 32, напр., только 4 [3]). По ревизіямъ же учебнаго комитета, ликвидировавшимъ старые порядки, языкознаніе въ училищахъ находилось въ самомъ печальномъ положеніи [4]). Знанія учениковъ, при болѣе серьезныхъ требованіяхъ, оказались очень слабы; напримѣръ, въ тульской семинаріи на пріемныхъ экзаменахъ 1868 г. изъ 271 экзамен. ученик. 120 получили неудовлетворит. баллы по латыни [5]). Въ тихвинскомъ уч. новгор. еп. въ 1869 г. % неудовл. успѣвшихъ по латыни былъ свыше 50%; въ кирилловскомъ училищѣ той же еп. въ 68 г., по гречески изъ 28 учен. высш. о. только 4 знали удовлетворительно, многіе не умѣли ни склонять, ни спрягать, ни разбирать, ни переводить [6]). Въ училищахъ орловской епархіи % неуспѣшныхъ по древнимъ языкамъ въ концѣ 60-хъ годовъ былъ 40—60 пр. [7]). Зная тогдашніе методы и условія учебной жизни, мы не можемъ не согласиться съ истинностью послѣднихъ данныхъ.

Но хуже всего въ училищномъ курсѣ были поставлены ариѳметика и географія. Первое вполнѣ понятно при механическомъ способѣ обученія. Какъ зубрить ариѳметику, которая требуетъ прежде всего соображенія и пониманія? Однако, въ тѣ времена ухитрялись и здѣсь учиться съ помощью одной памяти. Изученіе ариѳметики состояло въ заучиваніи по учебнику правилъ и затѣмъ въ раздѣлываніи задачъ по заученнымъ образцамъ; не было никакихъ наглядныхъ пособій; почти не было умственныхъ упражненій. Учебниками ариѳметики были сначала книга Куминскаго, потомъ—Буссе. При указанномъ способѣ ученія, нѣтъ ничего удивительнаго, что рядомъ съ бойкими отвѣтами теоретическими у училищныхъ учениковъ обнаруживалась часто полная безпомощность въ

---

[1]) Рев. Черниговъ. 54 г.

[2]) Ист. спб. сем., стр. 606; Ист. перм. сем., III, стр. 202.

[3]) Костром. уч. 56 г. и 62 г., вологод. 63 г., ярослав. 61 г.

[4]) См., напр., отч. о рев. смолен., калуж., херсон., кишинев. 68 г.; тульск., саратов. 69, новгород. 70 г., олонецк., орлов., 72 г., и др.

[5]) Отч. о рев. тульск. 69 г., стр. 40.

[6]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 238, 298.

[7]) Отч. о рев. орлов. 72 г.

рѣшеніи задачъ, какъ только послѣднія не подходили подъ заученный шаблонъ. Это явленіе было почти всюду засвидѣтельствовано предреформенными ревизіями учебнаго комитета. Для школьной же администраціи протасовскаго времени механическое заучиваніе казалось удовлетворительнымъ, хотя, впрочемъ, и по тогдашнимъ отзывамъ отчасти можно судить, что ариѳметика въ училищахъ не процвѣтала. Изъ вышеупомянутыхъ, напримѣръ, 32 отзывовъ центральныхъ ревизій только одинъ хорошо отзывается объ ариѳметикѣ и четыре—неудовлетворительно. При этомъ иногда ревизоры указывали и на корень зла—механичность обученія [1]). Исторіи духовно-учебныхъ заведеній обычно свидѣтельствуютъ о слабыхъ знаніяхъ по ариѳметикѣ [2]). А какова была дѣйствительность, объ этомъ даютъ знать факты поразительнаго невѣжества, обнаруженные въ весьма многихъ училищахъ ревизіями конца 60-хъ годовъ. Въ саратовскомъ училищѣ, напримѣръ, въ 1869 году оказалось, что ученики высшаго отдѣленія забыли все пройденное ранѣе, нѣкоторые не знали таблицы умноженія и простыхъ дѣйствій надъ числами; въ среднемъ отдѣленіи почти $^2/_3$ слабо знали дѣлимость чиселъ, плохо разлагали числа на множители, не имѣли яснаго понятія о наименьшемъ кратномъ и общемъ наибольшемъ дѣлителѣ, вслѣдствіе чего плохо знали дѣйствія надъ простыми дробями; многіе ученики не въ состояніи были сложить три или четыре дроби, вычесть дробь изъ цѣлаго числа; къ умственнымъ вычисленіямъ были настолько не пріучены, что цѣлый классъ средняго отдѣленія не могъ сказать, что больше: $^1/_2$ или $^2/_3$ [3]). Ученики тульскаго училища въ 1868 году на пріемномъ экзаменѣ въ сем. обнаружили совершенное незнаніе нѣкоторыхъ ариѳметическихъ дѣйствій, напр., надъ десятичными дробями, и изъ 271 учен. 198 получили неудовлетворительные баллы по ариѳметикѣ [4]). Въ курскомъ училищѣ въ 1870 году ученики не умѣли производить простыхъ дѣйствій надъ простыми дробями [4]). Въ петрозаводскомъ училищѣ ученики, проучившіеся четыре года, въ высшемъ отдѣленіи должны были упражняться въ

---

[1]) Рев. екатериносл. и переяслав. учил. 57 г. (Д. Д. У. У. 1857 г. № 138-4435).

[2]) Ист. спб. сем., стр. 606; Ист. перм. с., III, стр. 202.

[3]) Отч. о рев. саратов. 69 г., стр. 41.

[4]) Отч. о рев. тульск. 69 г., стр. 40—41.

[4]) Отч. о рев. курск. 70 г., стр. 120.

нумераціи и первыхъ дѣйствіяхъ надъ числами; да и тутъ оказывались слабы. Въ каргопольскомъ училищѣ тогда-же изъ 17 учениковъ высшаго отдѣленія едва 5 могли сказать, что такое наибольшій дѣлитель, а въ среднемъ отдѣленіи никто не могъ отвѣтить, чему равняется $^1/_4$ тысячи [1]). Въ орловскихъ училищахъ въ 69—70 г. неудовлетворительныхъ балловъ по ариѳметикѣ на экзаменахъ было 45—65% [2]). И все это не анегдотическіе курьезы, а обычныя явленія. Понятно, что семинаристы были совсѣмъ неспособны изучать математику.

То-же самое происходило и при изученіи географіи. Географію изучали сначала по Зябловскому, а иногда Арсеньеву. Потомъ, въ 1848 году конференція спб. академіи одобрила для употребленія въ училищахъ географію Ободовскаго [3]), которая и употреблялась все это время. Учебникъ этотъ былъ весьма сухой и мало давалъ свѣдѣній. Изученіе географіи состояло въ зазубриваніи учебника, часто даже совсѣмъ безъ помощи картъ. Тогдашнимъ педагогамъ такое обученіе опять казалось удовлетворительнымъ, и аттестуется этотъ предметъ въ общемъ одинаково съ ариѳметикой. Но по свидѣтельству болѣе достовѣрной исторіи дѣло съ географіей обстояло очень плохо. Въ спб. училищѣ по даннымъ семинарскаго правленія географія была въ числѣ худшихъ предметовъ [4]). На такомъ же счету стояла географія, напримѣръ, въ Перми [5]). Казанскіе ученики, бывало, не знали, въ какой части свѣта какое государство [6]). Ревизоры учебнаго комитета по этому предмету наслушались отъ учениковъ старой школы много удивительныхъ вещей. Напримѣръ, тульскіе ученики не знали различія между планетами и другими небесными тѣлами, нѣкоторые не знали, къ какимъ тѣламъ относится земля, что такое градусная сѣть и т. п. На пріемныхъ экзаменахъ въ семинарію здѣсь въ 1868 г. изъ 271 учен. по географіи 137 получили неудовлетвор. баллы [7]). Въ архангельскомъ училищѣ ученики высшаго отдѣленія не могли объяснить различія моря

---

[1]) Отч. о рев. олонецк. 72 г., стр. 301.

[2]) Отч. о рев. орлов. 72 г., стр. 110, 132, 154.

[3]) Ист. спб. ак., стр. 408.

[4]) Ист. спб. сем., стр. 606.

[5]) Ист. перм. сем., Ш, стр. 202.

[6]) Ист. казан. сем., стр. 299.

[7]) Отч. о рев. тульск. 61 г., стр. 40—41.

отъ озера, опредѣлить заливъ, проливъ, долготу, широту [1]). Въ петрозаводскомъ училищѣ заявляли, что Крымъ въ Петербургѣ, Сирокко—государство, христіанство называли политеизмомъ, экваторъ объясняли какъ то мѣсто, гдѣ суда не могутъ двигаться пока солнце пойдетъ въ ту или другую сторону. Въ каргопольскомъ училищѣ находили, что западную часть Россіи составляетъ аравійскій полуостровъ, а въ Азіи южную русскую границу составляетъ мысъ Роману; не знали, что такое устье рѣки, не имѣли понятія о градусахъ; а между тѣмъ зубрили очень усердно [2]). Въ орловскихъ училищахъ по экзаменнымъ балламъ 1869 года, % неуспѣшныхъ по географіи былъ 50—60 пр. [3]).

Кромѣ указанныхъ предметовъ въ духовныхъ училищахъ преподавались пѣніе, чистописаніе, русская исторія съ 1851 г. и иногда въ качествѣ необязательныхъ предметовъ мѣстные языки. Состояніе и этихъ предметовъ было не лучше другихъ. Пѣнію обучали по устарѣлымъ пріемамъ; хоровое пѣніе еще было довольно удовлетворительно, но одиночное, по неоднократному замѣчанію ревизій [4]), было гораздо хуже. Пособій для пѣнія было мало и больше учились пѣть съ голоса. Чистописаніе преподавалось по старому механическому методу тихо-красно-писанія. Только въ отдѣльныхъ случаяхъ вводились новые пріемы; напримѣръ, въ александро-невскомъ училищѣ въ 1847 году былъ введенъ, въ видѣ опыта на 2 года, курсъ скорописанія по методу Карстера [5]). Русская исторія изучалась по краткому учебнику Устрялова, не совсѣмъ доступному для пониманія учащихся [6]). Первоначально, пока не было указано учебника, русской исторіи иногда совсѣмъ не изучали [7]). Изученіе ея по трудному руководству при тогдашнихъ пріемахъ было, естественно, чисто механическимъ; разсказывать своими словами ученики обычно не умѣли [8]). Мѣстные языки изучались въ нѣкоторыхъ училищахъ тѣхъ епархій, гдѣ они изучались и въ семинаріяхъ. Такъ, по отчету об.-пр. 1855 года значится изученіе мѣстныхъ языковъ:

---

[1]) Отч. о рев. арханг. 70 г., стр. 85—86.
[2]) Отч. о рев. олонецк. 72 г., стр. 205, 303—304.
[3]) Отч. о рев. орлов. 72 г., стр. 110, 154.
[4]) Напр. рев. екатериносл. и переяслав. уч. 1857 г.
[5]) Изъ отч. об.-пр. 1847 г., стр. 57.
[6]) Такова аттестація этого учебника, сдѣланная Урусову учителями.
[7]) Чернигов. учил. 54 г.
[8]) Объ этомъ свидѣт., напр., ревиз. екатерин. уч. 57 г.

татарскаго—въ училищахъ казанскомъ, астраханскомъ, далматовскомъ, екатеринбургскомъ, пермскомъ, тобольскомъ, тифлисскомъ, кутаисскомъ, горійскомъ, телавскомъ; калмыцкаго—въ астраханскомъ; бурятскаго—въ иркутскомъ и нерчинскомъ; чувашскаго и черемисскаго въ чебоксарскомъ и казанскомъ; осетинскаго и грузинскаго въ тифлисскомъ, владикавказскомъ, кутаисскомъ, телавскомъ, горійскомъ [1]). Кое-гдѣ въ училищахъ обучали и иконописанію; въ 1855 году такое обученіе было въ училищахъ тобольскомъ и пермскомъ.

Что касается причетническихъ классовъ, учрежденныхъ по положенію 1851 г., то они, по-истинѣ, еле влачили жалкое существованіе. Желающихъ обучаться въ нихъ находилось очень мало (5—10—15 чел.), а то и совсѣмъ не находилось [2]), такъ какъ причетническое мѣсто можно было получить и безъ обученія въ причетническомъ классѣ. Учащіеся въ этихъ классахъ бывали только самые неспособные, а потому не оказывали никакихъ успѣховъ. Объ этомъ неоднократно говорили ревизіи даже протасовской эпохи, признавая существованіе причетн. классовъ совершенно безполезнымъ [3]). Ревизовавшій въ 60--61 г. учебныя заведенія 11 епархій директоръ дух. уч. управленія кн. Урусовъ вынесъ отъ причетническихъ классовъ самое тягостное впечатлѣніе: ученики оказывались поразительно тупы, катихизиса не понимали, читали безъ толка и сознанія, пѣли плохо, устава не знали, географію изучать совсѣмъ были неспособны; иногда не могли отвѣтить даже на вопросъ, кто такой Духъ Святой [4]). Поэтому м. Филаретъ весьма справедливо говорилъ, что „причетническіе классы никуда не годятся“ [5]).

При неудовлетворительности постановки учебнаго дѣла въ училищахъ, общій проц. неуспѣшныхъ, т. е. неудостоиваемыхъ перевода, за это время оставался по прежнему высокимъ. Напримѣръ, въ первой половинѣ 40-хъ годовъ въ казанскомъ округѣ неуспѣвающихъ учениковъ училищъ бывало 30—40% [6]). Въ годы предъ слѣдующей реформой, когда тре-

[1]) Изъ отч. об.-пр. 1855 г., стр. 56—57.

[2]) Напр. въ черниговскомъ учил. въ 54 г. и кіево-подольскомъ въ 55 г., причетн. классовъ еще не было, потому что не было учениковъ.

[3]) Напр. вятск. уч. 56 г., пензенское 58 г., рязанск. 63 г.

[4]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363-3337 (уч. тульск., орлов., могилев. и др.).

[5]) Чтен. о. ист. и др. рос., 1877 г., I, стр. 142.

[6]) Ист. каз. ак., I, стр. 289.

бованія стали серьезнѣе, успѣхи въ училищахъ оказались еще ниже. Напримѣръ, въ смоленскомъ и псковскомъ училищахъ въ 68 году неуспѣшныхъ оказалось 32% [1]; въ саратовскомъ училищѣ въ 69 году — 50—60% [2]. На пріемныхъ экзаменахъ въ семинарію оказалось неудовлетворительныхъ учениковъ въ 69 году въ новгородскихъ училищахъ 32%, въ архангельскихъ 65%, въ олонецкихъ 73%, въ орловскихъ—33% [3], и т. п.

Такимъ образомъ, полный упадокъ духовнаго образованія былъ наслѣдіемъ протасовской эпохи. Съ низа до верха духовно-учебное дѣло не прогрессировало, а регрессировало, какъ то и должно было быть по условіямъ его организаціи. Бумажное благополучіе скрывало здѣсь за собою, какъ то было и въ другихъ областяхъ русской жизни того времени, внутреннее разложеніе. А всѣ реляціи оберъ-прокурорскихъ отчетовъ гр. Протасова, неизмѣнно удостовѣрявшія процвѣтаніе и развитіе духовно-учебныхъ заведеній, были, очевидно, простой рекламой, истинная цѣна которой обнаружилась сразу, какъ только взглянули на положеніе вещей безпристрастными глазами.

---

[1]) Отч. о рев. смолен. 68 г., стр. 14; отч. о рев. псков. 68 г., стр. 37.

[2]) Отч. о рев. саратов. 69 г., стр. 44.

[3]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 67; арханг. 70 г., стр. 45—46; олонецк. 72 г., стр. 15; орлов. 72 г., стр. 56.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Административный строй духовной школы въ Протасовскую эпоху.

Протасовскія преобразованія коснулись только учебной части духовно-учебныхъ заведеній. Во всемъ остальномъ духовная школа продолжала жить по уставамъ 1814 года. Но послѣдніе уставы и развившаяся на почвѣ ихъ практика именно въ учебной то части и были всего лучше; а что касается остальныхъ сторонъ школьной жизни, то тутъ и уставы и особенно практика имѣли массу несовершенствъ. Преобразовательный духъ протасовскаго времени этихъ несовершенствъ не коснулся. Общія же условія той эпохи дали, напротивъ, многимъ прежнимъ недостаткамъ благопріятную почву для большаго развитія.

Прежде всего послѣднее надобно сказать относительно административнаго строя духовно-учебныхъ заведеній. Протасовская эпоха началась, какъ извѣстно, съ преобразованія высшаго духовно-учебнаго управленія. Въ борьбѣ съ іерархіей за проведеніе своихъ взглядовъ, гр. Протасовъ уничтожилъ прежнюю Комиссію Дух. Училищъ и вмѣсто нее создалъ подчиненное себѣ Духовно-Учебное Управленіе. По „положенію" о Дух.-Учеб. Управленіи, это учрежденіе состояло изъ общаго присутствія и двухъ отдѣленій—по учебной и хозяйственной части. Общее присутствіе составлялось изъ директоровъ Дух.-Учеб. Упр. и начальниковъ отдѣленій; въ случаѣ надобности сюда могли приглашаться ректора спб. академіи и семинаріи и другіе, находящіеся случайно въ Петербургѣ. Кромѣ постоянныхъ членовъ общаго присутствія, оберъ-прокуроръ могъ назначать въ него и членовъ временныхъ. Всѣ дѣла по духовно-учебной части, вѣдомыя Дух.-Уч. Управленіемъ, раздѣлялись „положеніемъ" на два разряда: однѣ подлежали усмотрѣнію и разрѣшенію Синода, а другія непосредственно оберъ-прокурора. Къ первой категоріи относились: I—по учебной части: 1) проэкты и постановленія объ улучшеніи и благоустройствѣ духовно-

учебныхъ заведеній; 2) учрежденіе, перемѣщеніе и упраздненіе училищъ; 3) разсмотрѣніе конспектовъ преподаванія; 5) введеніе книгъ въ классическое употребленіе; 5) важнѣйшія обстоятельства осмотра учебныхъ заведеній; 6) назначеніе пенсій и пособій за духовно-училищную службу; 7) назначеніе ректоровъ и инспекторовъ въ академіи и семинаріи; 8) опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе академическихъ и семинарскихъ наставниковъ и начальниковъ, имѣющихъ духовный санъ; 9) награжденіе наставниковъ и начальниковъ, имѣющихъ духовный санъ; 10) разсмотрѣніе ихъ послужныхъ списковъ; 11) увольненіе изъ духовнаго вѣдомства учителей и учениковъ; 12) увольненіе воспитанниковъ академій отъ даннаго обязательства поступать въ духовное званіе; 13) назначеніе членовъ въ академическія конференціи; 14) возведеніе въ ученыя степени; 15) распредѣленіе воспитанниковъ академіи по окончаніи ими курса къ учительскимъ должностямъ; 16) разрѣшеніе представленій цензурныхъ комитетовъ; II—по хозяйственной части: 17) назначеніе добавочныхъ окладовъ на содержаніе воспитанниковъ; 18) назначеніе денежныхъ пособій наставникамъ и ученикамъ въ особыхъ случаяхъ; 19) назначеніе добавочныхъ окладовъ на содержаніе домовъ и больницъ; 20) разсмотрѣніе проэктовъ на постройки и передѣлки училищныхъ зданій; 21) назначеніе на сей предметъ суммъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ; 22) предположенія объ усиленіи доходовъ духовно-учебнаго вѣдомства; 23) безмездный отпускъ классическихъ книгъ учащимся; 24) назначеніе необходимыхъ сверхштатныхъ расходовъ; 25) разсмотрѣніе и представленіе общаго годоваго отчета о духовно-учеб. капиталахъ; 26) утвержденіе смѣты расходовъ по дух.-учеб. вѣдомству; 27) назначеніе денежныхъ пособій на построеніе и нужды церквей. Ко второй категоріи относились дѣла: 1) раздѣленіе классовъ на отдѣленія; 2) назначеніе штатнаго жалованья и классныхъ окладовъ; 3) назначеніе воспитанниковъ въ составъ академическихъ курсовъ; 4) разсмотрѣніе формулярныхъ списковъ о службѣ чиновниковъ, имѣющихъ гражданскіе чины; 5) представленіе къ чинамъ и другимъ наградамъ учителей гражданскихъ; 6) разсмотрѣніе перечневыхъ и именныхъ вѣдомостей объ ученикахъ духовно-учебныхъ заведеній; 7) опредѣленіе, перемѣщеніе и увольненіе академическихъ и семинарскихъ наставниковъ, не имѣющихъ духовнаго сана; 8) назначеніе учителямъ квартирныхъ денегъ; 9) разрѣшеніе пріобрѣтенія классическихъ книгъ

въ запасъ; 10) разрѣшеніе построекъ и передѣлокъ зданій духовно-учебнаго вѣдомства изъ духовно-учеб. капиталовъ на сумму до 5000 р., а изъ мѣстныхъ экономическихъ суммъ до 10,000 р.; 11) назначеніе одновременныхъ сверхштатныхъ расходовъ изъ дух.-учеб. капиталовъ до 2000 р.; а изъ мѣстныхъ средствъ до 6000 р.; 12) пожертвованія домовъ и земель въ пользу училищъ; 13) отпускъ прогонныхъ денегъ учителямъ.

Такимъ образомъ уже по самой буквѣ „положенія" о Дух.-Учеб. Управленіи, нѣкоторыя довольно важныя дѣла совсѣмъ были изъяты изъ вѣдѣнія Св. Синода; напримѣръ, назначеніе и увольненіе свѣтскихъ наставниковъ въ академіяхъ и семинаріяхъ. Въ дѣйствительности же всѣ дѣла по духовно-учебной части вершились, собственно, въ Дух.-Учеб. Управленіи. Ходъ каждаго дѣла былъ такой. Представленія низшихъ инстанцій или епархіальныхъ архіереевъ поступали въ Дух.-Уч. Управленіе и послѣднее дѣлало по нимъ свое заключеніе, препровождая его затѣмъ или въ Синодъ или оберъ-прокурору. Но такъ какъ Дух.-Уч. Управленіе было органомъ оберъ-прокурорской власти, то Св. Синодъ обычно не рѣшался въ тѣ времена входить въ критику его постановленій и роль Синода сводилась почти къ простой регистраціи рѣшеній Дух.-Учеб. Управленія. Въ Синодѣ дѣла докладывались въ томъ духѣ, въ какомъ приказывало Управленіе. Директоръ послѣдняго Карасевскій даже дѣлалъ выговоры чиновникамъ синодальной канцеляріи, если дѣло рѣшалось не такъ, какъ было угодно управляемому имъ учрежденію, т. е. ему и его патрону — оберъ-прокурору [1]). Протасовское учрежденіе хотѣло быть полнымъ хозяиномъ въ школьныхъ дѣлахъ. А между тѣмъ по своему характеру оно было совершенно не пригодно для этой роли. Дух.-Уч. Управленіе было обыкновенной канцеляріей; служащіе въ немъ чиновники къ духовной школѣ никакого касательства по существу не имѣли и были въ школьномъ дѣлѣ полными профанами. Самъ директоръ — Карасевскій знакомъ былъ съ духовно-учебными дѣлами съ чисто внѣшней стороны. Начальники отдѣленій, конечно, стояли еще дальше отъ школы. И вотъ въ руки-то такихъ канцелярскихъ чиновниковъ попала огромная власть во всей области духовнаго образованія. Странно было видѣть, что канцеляристы рѣшали вопросы о назначеніи преподавателей и даже профессоровъ академій и су-

---

[1]) Вѣстникъ Евр. 1883 г., сент., стр. 224—225.

дили и рядили о людяхъ, несравненно ихъ выше стоявшихъ по образованію и ученымъ заслугамъ. Но еще болѣе странно было, когда три чиновника (директоръ и два начальника отдѣленій) должны были разсматривать дѣла объ учебныхъ преобразованіяхъ, программахъ, учебникахъ и т. п. Къ счастью, впрочемъ, Дух.-Уч. Управленіе само предпочитало не пользоваться всею полнотою предоставленной ему власти. Оно понимало свою некомпетентность въ собственно учебныхъ вопросахъ, и текущія дѣла такого рода передавались большею частью въ неприкосновенности въ Синодъ, а по дѣламъ экстраординарнымъ спѣшили прибѣгнуть къ помощи людей болѣе компетентныхъ. Пользуясь предоставленнымъ ему правомъ, Д.-Уч. Управленіе обычно въ послѣднихъ случаяхъ приглашало въ общеее присутствіе бывшихъ въ С.-Петербургѣ ректоровъ спб. академіи и семинарій и взваливало на нихъ всю работу по составленію и разсмотрѣнію разныхъ проэктовъ, учебниковъ, программъ и т. п. Однако и подобная практика дѣлу пользы приносила мало. Случайные дѣятели, призванные на помощь Дух.-Уч. Управленіемъ, не могли относиться внимательно къ дѣлу и не были то-же къ нему достаточно подготовлены; да они и знали, что являются въ Дух.-Уч. Управленіи лишь временными гостями и служатъ простымъ орудіемъ въ чужихъ рукахъ. Поэтому всѣ такіе комитеты и были или безплодны или даже вредны по своей дѣятельности, когда они брались проводить въ жизнь протасовскіе взгляды. Не даромъ пять лѣтъ существовавшій комитетъ не могъ составить ни одного конспекта. Въ другихъ случаяхъ Дух.-Уч. Управленіе, не созывая въ общее присутствіе архимандритовъ, прямо передавало дѣло на обсужденіе академическихъ конференцій и правленій и затѣмъ уже пользовалось ихъ заключеніями; къ этому-же способу прибѣгало и общее присутствіе съ посторонними членами. Составленіе программъ и учебниковъ и разсмотрѣніе ихъ, напримѣръ, всегда возлагались на академіи. Но и такое обращеніе къ низшимъ инстанціямъ иногда приносило опять вредъ. Не будучи въ состояніи разобраться въ обсуждаемыхъ вопросахъ, Дух.-Уч. Управленіе обычно принимало всякіе проэкты разныхъ случайныхъ реформаторовъ (вродѣ ректор. спб. акад. Аѳанасія и казан.—Іоанна), а Св. Синодъ, привыкшій лишь къ регистраціи представляемыхъ ему дѣлъ, утверждалъ все это, въ результатѣ чего получалась безпорядочная ломка, только портившая дѣло.

По существу дѣла, стало быть, Духовно-Учебное Управленіе было или безполезно, или вредно. Будучи учрежденіемъ канцелярскимъ, оно само по себѣ могло исполнять лишь канцелярскую работу. Его роль была или передаточная или внѣшне-распорядительная, но не творческая и направительная; потому оно и было безполезно: его обязанности могъ-бы исполнить отдѣлъ любой канцеляріи — синодальной или оберъ-прокурорской. Вредно же оно было, во-первыхъ, именно по своей пассивности, дававшей полный просторъ безсистемному новаторству и безпомощной разобраться въ истинныхъ нуждахъ школы. Во-вторыхъ, Дух.-Уч. Управленіе было вредно еще и потому, что оно сдѣлалось тормозомъ въ теченіи духовно-учебныхъ дѣлъ. Учреждая Управленіе, графъ Протасовъ ссылался на медленность дѣлопроизводства въ Комиссіи Дух.-Учил. Но при заведенныхъ имъ порядкахъ стало еще хуже. Бумажное дѣлопроизводство сильно увеличилось; тысячи входящихъ и исходящихъ наводнили Дух.-Уч. Управленіе. Но за моремъ плывущихъ бумагъ, дѣла еле двигались. Раньше обычно бумага шла изъ низшихъ инстанцій въ академическое правленіе, отсюда въ Комиссію, а оттуда уже съ рѣшеніемъ снова препровождалась книзу. Теперь, дойдя снизу чрезъ академіи до Дух.-Уч. Управленія, бумаги шли еще дальше—въ Синодъ, или къ оберъ-прокурору, и оттуда уже возвращались прежнимъ путемъ книзу; да кромѣ того нерѣдко изъ Дух.-Уч. Управленія обращались сначала за совѣтомъ въ академіи, по полученіи отвѣта препровождали дѣло снова въ Синодъ, и только теперь давалось окончательное рѣшеніе. Теченіе дѣлъ, особенно при послѣдней процедурѣ, конечно, должно было сильно замедляться, тѣмъ болѣе, что въ Синодѣ дѣлъ было масса и представленія Дух.-Уч. Управленія лежали иногда по мѣсяцамъ безъ движенія. Неудивительно, что иныя дѣла по году, два года и болѣе не получали разрѣшенія и иногда умирали естественною смертью въ канцеляріяхъ. По текущимъ же дѣламъ обычно постановленія исполнялись до утвержденія [1]), такъ что бумаги путешествовали совсѣмъ напрасно.

Что касается низшихъ инстанцій внѣшняго духовно-учебнаго управленія, то онѣ за это время оставались прежними. Епархіи по старому дѣлились по округамъ, во главѣ которыхъ стояли внѣшнія академическія правленія. Юридически поло-

---

¹) Ист. каз. ак., I, стр. 332.

женіе академій, какъ административныхъ центровъ, осталось прежнимъ, какъ оно было установлено уставами 1814 г. Сохранялись и всѣ недостатки устройства академическихъ правленій. Но фактически въ данную эпоху здѣсь произошла значительная перемѣна къ худшему. И во время Комиссіи Дух.-Училищъ роль внѣшнихъ академическихъ правленій была малодѣятельная. Большая часть дѣлъ по управленію семинаріями округа восходила на окончательное разсмотрѣніе Комиссіи, и на долю академическихъ правленій оставалось немного самостоятельности. Однако академическія правленія тогда не были простой передаточной инстанціей. Имъ принадлежала важная функція разсмотрѣнія по существу ревизорскихъ отчетовъ и выбора преподавателей въ семинаріи, а также и общее наблюденіе надъ ходомъ учебнаго дѣла въ своемъ округѣ. Правда, академіи довольно формально относились къ этимъ своимъ обязанностямъ, что въ значительной степени зависѣло отъ самаго состава внѣшнихъ академ. правленій; но при господствовавшей при Комиссіи системѣ академіямъ невольно приходилось поддерживать свое участіе въ управленіи семинаріями, такъ какъ Комиссія того требовала. Съ учрежденіемъ Духовно-Учебнаго Управленія реальное административное значеніе академій начало быстро падать Канцелярскій характеръ центральнаго управленія передался легко низшимъ инстанціямъ, которыя были къ нему склонны и ранѣе. Духовно-Учебное Управленіе не требовало подробныхъ и обстоятельныхъ соображеній и докладовъ, такъ какъ само дѣломъ по существу не интересовалось; поэтому академическія правленія стали писать лишь краткія реляціи. Затѣмъ Дух.-Уч. Управленіе стремилось свести къ себѣ всѣ нити управленія и вершить дѣла по своему, а потому у академическихъ правленій терялось послѣднее побужденіе къ внимательному отношенію къ дѣлу. Практика центральнаго управленія парализовала всякую самостоятельность низшихъ инстанцій. Предположенія академическихъ правленій нерѣдко отмѣнялись безъ всякихъ основаній. Констатируя этотъ фактъ, епископъ смоленскій Антоній, напримѣръ, въ своей запискѣ по вопросу о преобразованіи высшаго Дух.-Уч. Управленія въ 60-хъ годахъ указывалъ подобные случаи изъ практики кіевской академіи. Въ 1853 году, по окончаніи курса въ кіевской академіи, конференціею, по указанію м. Филарета, были назначены въ кіевскую семинарію двое наставниковъ, которые и вступили въ должность. Но Духовно-Учебн. Управле-

ніе распорядилось иначе. Одинъ изъ назначенныхъ, лучшій студентъ, былъ переведенъ изъ Кіева совсѣмъ въ другую епархію, а на его мѣсто назначенъ изъ другой епархіи смотритель протоіерей, никогда не служившій въ семинаріи. Если такъ, справедливо замѣтилъ Антоній, поступали съ м. Филаретомъ, то что-же было съ другими? [1]) Функція назначенія преподавателей въ семинаріи за это время почти совсѣмъ перешла въ Дух.-Уч. Управленію. Полагавшееся по уставу 1814 года избраніе наставниковъ семинарскими правленіями почти не практиковалось и во время Комиссіи; но за-то академическимъ правленіямъ всегда принадлежало представленіе на преподавательскія должности, утверждаемое Комиссіей. Въ протасовскую эпоху академическія правленія распредѣляли воспитанниковъ академіи къ мѣстамъ лишь только по окончаніи курса, для чего къ этому времени собирались свѣдѣнія о свободныхъ вакансіяхъ [2]); да и то это распредѣленіе не всегда оставалось неизмѣннымъ въ Дух.-Учебномъ Управленіи. Замѣщеніе же вакансій, открывавшихся въ другое время, принадлежало, съ утвержденія оберъ-прокурора, самому Дух.-Учебн. Управленію, которое имѣло у себя и списки свободныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого студенты и служащіе въ дух.-уч. вѣдомствѣ начали теперь непосредственно обращаться съ просьбами объ опредѣленіи къ мѣстамъ и о перемѣщеніи къ оберъ-прокурору и въ Духовно-Учебное Управленіе, хотя по нормальному порядку съ такими просьбами надо было обращаться въ академическія правленія. Видя пренебреженіе къ своему голосу, правленія академій почти перестали давать также и подробныя заключенія по разнымъ поступающимъ къ нимъ дѣламъ, препровождая ихъ прямо въ Дух.-Учебное Управленіе. Обезличеніе академической власти доходило до того, что правленіе пересылало кверху даже такія распоряженія семинарскихъ начальствъ, какъ новое росписаніе классовъ [3]). Такимъ образомъ роль академическихъ инстанцій сдѣлалась чисто передаточною; онѣ превратились въ какія-то канцеляріи для препровожденія бумагъ сверху и снизу. Съ паденіемъ ихъ реальнаго значенія,

---

[1]) Изъ дѣла Канц. Об.-Пр. 2-го ст. 1-го отд. 1866 г. № 395, т. I.

[2]) Порядокъ при этомъ былъ такой: списокъ распредѣленія на мѣста составлялся внѣшнимъ правленіемъ, передавался конференціи, а оттуда препровождался въ Дух.-Уч. Управленіе. При этомъ принимались во вниманіе и заявленія студентовъ. (Ист. казан. акад., III, стр. 341).

[3]) Ист. каз. акад. I, стр. 331.

палъ и ихъ административный авторитетъ. Низшія начальства и лица предпочитали сноситься непосредственно съ высшимъ начальствомъ, чѣмъ съ академіями. Епархіальные преосвященные почти вовсе не обращались въ академическія правленія и свои ревизорскіе отчеты посылали прямо въ управленіе центральное [1]). Семинарскія начальства иногда выказывали рѣзкое пренебреженіе къ академической власти [2]). Но и сдѣлавшись безполезными въ качествѣ административнаго органа, внѣшнія академ. правленія наводнялись однако бумагами. Въ казанской академіи, напримѣръ, было до 1000 входящихъ и столько-же исходящихъ бумагъ ежегодно [3]). Эта переписка напрасно отнимала время и усложняла дѣло.

Что касается надзора за семинаріями округа, то эту обязанность академическія правленія исполняли теперь еще хуже, чѣмъ во времена Комиссіи. Надлежащему исполненію ея препятствовала, во-первыхъ, какъ и прежде, самая постановка ревизій. Ревизіи назначались только въ концѣ учебнаго года, во время экзаменовъ, чтобы не отрывать отъ дѣла начальствующихъ и преподавателей академіи, изъ которыхъ обычно были ревизоры. Присутствуя на экзаменахъ, ревизоры видѣли лишь учениковъ, но не видѣли преподаванія и потому не могли оцѣнить по заслугамъ дѣятельность преподавателей. Затѣмъ, ревизорами были постоянно разные люди и потому они не имѣли надлежащей опытности въ этомъ дѣлѣ, какая можетъ быть лишь у постоянныхъ ревизоровъ. Къ тому-же назначались на ревизіи почти исключительно монашествующіе, ректора, инспектора и преподаватели академіи; а это были люди, большею частью не специалисты на педагогическомъ поприщѣ, а только переходные, и потому наименѣе пригодные къ ревизорской роли. Да и самый монашескій санъ ихъ препятствовалъ имъ детально вникать въ школьную жизнь. Наконецъ обозрѣнія семинарій производились въ очень короткое время и потому чрезвычайно бѣгло. Въ распоряженіи ревизора обычно бывало всего три—четыре недѣли, оставшіяся до роспуска учениковъ, а въ это время онъ долженъ былъ обозрѣть учебныя заведенія обычно въ двухъ городахъ. При тогдашнихъ путяхъ сообщенія, на ревизію каждой школы приходилось отъ

---

[1]) Ibid., стр. 328.
[2]) Ibid., стр. 326—327.
[3]) Ibid., стр. 328.

3 до 7 дней. Что-же можно было сдѣлать за это время? Ревизія ограничивалась присутствованіемъ на экзаменахъ и бѣглымъ просмотромъ оффиціальныхъ документовъ [1]). Поэтому ревизіи носили формальный характеръ и во времена Комиссіи. Но въ протасовскую эпоху формальность ревизій достигла своего крайняго предѣла, очевидно вслѣдствіе того, что все духовно-учебное управленіе приняло канцелярскій характеръ. Академическіе ревизоры до протасовскаго времени писали нерѣдко все-таки болѣе или менѣе подробныя донесенія, въ которыхъ видно было нѣкоторое знакомство со школой. Въ протасовское время ревизорскіе отчеты превратились въ краткіе рапорты о „благополучіи" по всѣмъ частямъ, съ приложеніемъ аттестацій служащихъ; при чемъ весь отчетъ обычно состоялъ изъ 4-хъ—5 страницъ. Потому-то и нѣтъ возможности установить истинное положеніе школьнаго дѣла по этимъ отчетамъ. Замѣчается также за это время и другая черта ревизій. Онѣ становятся крайне снисходительны. Ревизоры старались часто не обнаруживать грѣхи, а прикрывать ихъ [2]), большей частью всѣхъ хвалили и представляли многихъ къ наградамъ, часто людей недостойныхъ, но сумѣвшихъ понравиться [3]). Такое ревизорское благодушіе, конечно, было слѣдствіемъ того-же крайне формальнаго отношенія къ дѣлу. Наиболѣе формальнымъ характеромъ, какъ и раньше, отличались ревизіи, порученныя епархіальнымъ архіереямъ. Ихъ отчеты состояли иногда буквально изъ нѣсколькихъ строкъ и послужныхъ списковъ. Графъ Д. А. Толстой однажды справедливо замѣтилъ на двухъ такихъ отчетахъ 1865—1866 гг., на одномъ: „это не ревизія заведенія, а формулярные списки учителей", а на другомъ: —„оказывается, что всѣ преподаватели-совершенство" [4]). Иногда случалось, что даже Св. Синодъ находилъ странныя противорѣчія въ ревизорскихъ донесеніяхъ. Напримѣръ, въ 1857 году епископъ подольской Евсевій, ревизовавшій подольскую семинарію, призналъ вообще ее въ довольно хорошемъ состояніи, а между тѣмъ и учебная и экономическая часть имъ же признавались неудовлетворительными, а нравственная не совсѣмъ удовлетворительною. Синодъ приз-

---

[1]) Преосв. Филаретъ Амфитеатровъ однажды въ 3 часа обревизовалъ нравственную часть каз. сем. (Ист. каз. сем., стр. 234—235).

[2]) Ист. каз. сем., стр. 233.

[3]) Ист. москов. ак., стр. 81—83.

[4]) Спб. Академія 1858—1888 г.г., стр. 89.

палъ состояніе семинаріи неудовлетворительнымъ и отказалъ въ наградахъ, къ которымъ архіерей представлялъ многихъ служащихъ [1]). Самыя ревизіи въ описываемое время стали рѣже, чѣмъ раньше. Отчеты по ревизіямъ иногда запаздывали на 1—3 года [2]); кромѣ того имъ всегда приходилось долго путешествовать по разнымъ инстанціямъ, такъ что мѣры, предпринятыя по поводу ревизій, всегда являлись запоздалыми. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, въ противоположность времени Комиссіи, теперь по ревизіоннымъ отчетамъ не предпринималось никакихъ мѣръ, такъ какъ сами отчеты были безсодержательны. Потому ревизіи въ педагогическомъ отношеніи были безрезультатны. О состояніи семинарій академическія правленія больше узнавали изъ ректорскихъ отзывовъ, каковые требовались отъ каждаго новаго ректора, и изъ отвѣтовъ семинаристовъ на пріемныхъ экзаменахъ въ академію. Но на первые отзывы высшее управленіе обычно совсѣмъ не реагировало; а по поводу пріемныхъ экзаменовъ хотя академическія правленія и дѣлали иногда замѣчанія по семинаріямъ, но послѣднія практическаго значенія не имѣли.

Значеніе низшихъ административныхъ инстанцій духовно-учебнаго управленія—правленій семинарскихъ—въ протасовскую эпоху оставалось по прежнему малоплоднымъ. Управленіе училищами велось невнимательно и состояло болѣе въ бумажныхъ сношеніяхъ. Ревизіи со стороны семинаріи отличались формальнымъ характеромъ и рисовали почти всегда такую же картину казеннаго благополучія, какъ и ревизіи академическія [3]). Лучшимъ доказательствомъ безплодности семинарскаго надзора надъ училищами служитъ то обстоятельство, что ученіе въ училищахъ шло весьма плохо, въ семинарію поступали невѣжественные ученики, а семинарскія правленія какъ будто этого не замѣчали. Однако бумажное дѣлопроизводство и здѣсь въ это время процвѣтало, сообразно съ духомъ общей системы. Входящихъ и исходящихъ бумагъ бывало иногда по нѣскольку тысячъ въ годъ [4]). Понятно, что

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1857 г., № 138-4435.

[2]) Ист. москов. ак., стр. 90—92. Ревизовавшій спб. сем. и учил. въ 1863 году проф. Карповъ представилъ отчетъ о ревизіи лишь въ концѣ 64 года, а въ Синодѣ этотъ отчетъ разсматривался уже въ мартѣ 65 года (д. Д. У. У. 1863 г. № 1583-834).

[3]) Ист. каз. сем., стр. 256.

[4]) Ист. каз. сем., 238.

члены семин. правленія, занятые другими дѣлами, смотрѣли на всю эту операцію, какъ на обузу, и старались только поскорѣе сбыть съ рукъ бумаги, не входя совсѣмъ въ существо дѣла.

Во внутреннемъ управленіи духовно-учебными заведеніями въ протасовскую эпоху наиболѣе рельефно сказались всѣ худшія стороны административной части уставовъ 1814 года. Выборное начало, слабо и неудачно примѣненное въ этихъ уставахъ и сводимое часто къ нулю на практикѣ и во время Комиссіи, теперь совсѣмъ было подавлено. Начальствующія лица назначались безъ всякаго участія школьныхъ корпорацій. Академическая конференція совсѣмъ перестала представлять своихъ кандидатовъ на постъ ректора, и послѣдній назначался Синодомъ по соглашенію съ епархіальнымъ преосвященнымъ. Ректора семинарій назначались иногда безъ представленія архіерея прямо синодальною властью по представленію Дух. Учебнаго Управленія [1]). Инспектора академій и семинарій назначались безъ всякаго выбора конференціи и правленія, опять большею частью по представленію Дух. Уч. Управленія, иногда и безъ сношенія съ епархіальною властью. Право выбора преподавателей правленіемъ въ семинаріяхъ почти совсѣмъ не практиковалось. Если же въ рѣдкихъ случаяхъ, преимущественно въ столичныхъ семинаріяхъ, семинарскія правленія представляли своихъ кандидатовъ чрезъ епарх. преосвященнаго, то нерѣдко такія представленія оставались безъ удовлетворенія; протекція наверху имѣла больше силы, чѣмъ голосъ правленія и преосвященнаго [2]). Въ академіяхъ преподаватели выбирались большею частью отъ лица правленія; но бывали назначенія и безъ всякаго участія послѣдняго, по представленію лишь архіерея [3]).

Въ самой школьной администраціи развитіе ректорскаго самовластія и начальственнаго произвола достигло крайнихъ

---

[1]) См. напр. дѣло Д. У. У. 1844 г. № 262. Духовно Уч. Упр. представляли обычно кандидатовъ на ректорскія и инсп. вакансіи акад. правленія.

[2]) Ист. спб. сем., стр. 451.

[3]) Напр. дѣло Д. У. У. 1854 г. № 182. Вообще порядокъ замѣщенія академическихъ каѳедръ былъ въ то время ненормаленъ. Академическая профессура создавалась изъ баккалавровъ, которые избирались изъ первыхъ студентовъ; но такой выборъ, руководившійся не учеными заслугами, а однимъ разряднымъ спискомъ, оставлялъ много мѣста ошибкамъ, тѣмъ болѣе, что назначеніе баккалавровъ было въ сущности единоличнымъ дѣломъ ректоровъ.

предѣловъ Благопріятную почву для этого давали самые уставы 1814 года, создавшіе только фикцію коллегіальнаго управленія. Члены правленій академическаго и семинарскаго по самому положенію своему оказывались въ зависимости отъ ректора и потому несамостоятельными. Въ академіяхъ, повидимому, нѣкоторую границу ректорскому вліянію могли бы полагать конференціи, состоявшія на половину изъ членовъ академической корпораціи и членовъ внѣшнихъ [1]). Но роль конференціи на практикѣ была совершенно ничтожна. Внѣшнихъ членовъ конференціи очень трудно было собрать. Поэтому полныя собранія ея происходили обычно только разъ въ два года, по поводу окончательныхъ испытаній студентовъ. Въ другое время уставъ давалъ возможность собирать собранія конференціи изъ одниxъ только членовъ академической корпораціи; но такія собранія, повидимому, совсѣмъ не практиковались, развѣ какъ иногда по поводу экзаменовъ. Да послѣднія собранія изъ преподавателей въ тогдашнихъ условіяхъ и не могли составить противовѣса ректорскому вліянію. Самая компетенція конференціи, затѣмъ, была очень ограничена. Въ области школьнаго управленія ей принадлежало только право присужденія ученыхъ степеней, составленія разрядныхъ списковъ и рекомендаціи на мѣста окончившихъ студентовъ [2]). Но во всѣхъ этихъ вопросахъ внѣшніе члены кон-

---

[1]) По уставу 1814 г. (§§ 38, 280—282 уст. акад.), дѣйствительными членами конференціи были: епархіальный архіерей, ректоръ академіи, ординарные и экстраординарные профессоры и 10 особъ изъ духовенства, назначаемыхъ Комиссіею. Значитъ, на сторонѣ внѣшнихъ членовъ могъ быть даже численный перевѣсъ.

[2]) Впрочемъ и въ самомъ важномъ дѣлѣ—присужденіи ученыхъ степеней права конференціи были ограничены. Сдѣланное конференціей, на основаніи аттестацій наставниковъ, присужденіе степеней не было окончательнымъ. Разрядный списокъ студентовъ затѣмъ препровождался чрезъ Д. Уч. Управленіе въ Синодъ, вмѣстѣ съ курсовыми сочиненіями студентовъ, предназначенныхъ къ степени магистра и званію старшаго кандидата. Св. Синодъ поручалъ разсмотрѣть эти сочиненія разнымъ архіереямъ и по полученіи отзывовъ ихъ утверждалъ въ степеняхъ. Обычно всѣ предположенія конференціи утверждались; но иногда Синодъ и измѣнялъ опредѣленія конференціи (Ист. каз. ак. III, стр. 329 — 330). Вслѣдствіе такого порядка, утвержденіе въ академическихъ степеняхъ обыкновенно затягивалось на годъ по окончаніи курса (во время Комиссіи задержка бывала до полугода). Чтобы не задерживать назначеніе на мѣста, съ конца 30-хъ годовъ стали назначать студентовъ на службу по списку конференціи до утвержденія въ степени (Ист. спб. ак., стр. 364). Въ 1862 г.

ференціи, естественно, было мало компетентны. Поэтому все рѣшалось членами академической корпораціи, а при деспотическомъ режимѣ въ послѣдней—академическимъ начальствомъ. Такимъ образомъ собранія конференціи превратились въ одну форму, и это учрежденіе ни мало не ограничивало ректорскаго самовластья.

Не находя ограниченія своей власти, будучи полными хозяевами въ правленіи, ректора все вершили по своему произволу, беззастѣнчиво нарушая уставныя нормы. Голосъ правленія совершенно стушевался. Засѣданія правленія большею частью бывали только на бумагѣ; члены подписывали то, что имъ давали. И это было какъ при ректорахъ бездѣятельныхъ, такъ и дѣятельныхъ. Разница была только въ томъ, что въ первомъ случаѣ дѣла вершили секретари [1]), а во второмъ все дѣлалось по волѣ самого ректора. Послѣднее бывало всего

Св. Синодъ, обративъ вниманіе на неудобство такого замедленія къ окончательномъ присужденіи степеней для студентовъ, предложилъ конференціи спб. академіи представить свое мнѣніе объ устраненіи этого неудобства. Академія предложила предоставить окончательное утвержденіе кандидатовъ и магистровъ самимъ конференціямъ, а въ Синодъ лишь для свѣдѣнія представлять курсовыя сочиненія, которыя потомъ опять возвращать въ академію. Св. Синодъ по этому поводу постановилъ 21 мая 1863 года, чтобы каждое сочиненіе на ученую степень было просматриваемо наставникомъ предмета и двумя членами конференціи, а затѣмъ чтобы конференція на основаніи этихъ отзывовъ сама присуждала уже окончательно ученыя степени; однако отзывы должны были все-таки посылаться еще и въ Синодъ и послѣдній давалъ утвержденіе въ степеняхъ (Спб. ак. 1858—1888 г., стр. 76—77). Церковная власть, такимъ образомъ, никакъ не хотѣла довѣрить вполнѣ этого дѣла академіямъ. Въ результатѣ опредѣленія 63 года получилось еще большее запаздываніе производства въ степени, такъ какъ на просмотръ сочиненій еще двумя членами конференціи, кромѣ наставника предмета, нужно было не мало времени (Ист. каз. ак., III, стр. 326). Въ слѣдующемъ 1864 году, впрочемъ, высшее начальство, въ противоположность мѣрѣ 1863 года, издало особое распоряженіе о задержаніи производства въ степени. Именно, съ цѣлью удержать студентовъ на дух. учебной службѣ, съ которой началось повальное бѣгство, въ сентябрѣ 1864 года Св. Синодъ, по предложенію Д. Уч. Упр—ія, постановилъ брать со всѣхъ поступающихъ въ академію письменное обязательство прослужить затѣмъ 4 года по дух. вѣдомству, а также утверждать въ ученыхъ степеняхъ не прежде, какъ послѣ 4-хъ мѣсяцевъ службы (безъ степени воспитанникъ никуда не могъ поступить). (Дѣло Д. Уч. Упр. 1864 года № 114/943).

[1]) Такъ было, напримѣръ, въ казанской академіи при ректорахъ Іоаннѣ Оболенскомъ и Парѳеніи (Ист. каз. ак., стр. 27, 91).

хуже, такъ какъ такіе начальники обычно не стѣснялись въ своей дѣятельности рамками закона какъ во внѣшнемъ, такъ и во внутреннемъ управленіи. Ректоры иногда переправляли ревизорскіе отчеты своею властною рукою или рѣзко критиковали ихъ [1]). Они единолично распоряжались и за конференцію. Типичные факты ректорскаго самовластья представляетъ здѣсь, напримѣръ, управленіе казанской академіей ректора Іоанна (Соколова). Съ самаго пріѣзда въ Казань этотъ администраторъ потребовалъ, „чтобы безъ него никто не смѣлъ пошевельнуть пальцемъ въ академіи“ [2]), и сразу же началъ дѣйствовать въ этомъ духѣ. Студенты первыхъ двухъ курсовъ при немъ были удостоены степеней безъ конференціи, въ кабинетѣ ректора и въ величайшемъ секретѣ, при чемъ онъ только 5-ти далъ степень магистра, вопреки обычной оцѣнкѣ [3]). Такъ же секретно онъ произвелъ своею властью распредѣленіе студентовъ этихъ курсовъ (VII и VIII-го) на мѣста [4]); да такъ, что потомъ долго пришлось перемѣщать распредѣленныхъ съ мѣста на мѣсто [5]). Вообще онъ сортировалъ студентовъ на разряды по своему вкусу [6]); правленіе вовсе при немъ не собиралось на засѣданія и члены правленія въ дѣлахъ не участвовали; онъ самъ писалъ правленскія рѣшенія и отдавалъ секретарямъ для переписки, а членамъ для подписи, да и то часто не всѣмъ, а одному инспектору [7]). И не только ординарныя, но и экстраординарныя дѣла вершились ректорами въ академіяхъ по своему вкусу. Ректоръ спб. академіи Аѳанасій, напримѣръ, самъ выдумалъ и провелъ академическое преобразованіе 1844—1845 г.г. Казанскій ректоръ Іоаннъ въ 58 году, никого не спросясь, измѣнилъ весь академическій курсъ, уничтоживъ миссіонерскія отдѣленія. Беззастѣнчиво распоряжались такіе администраторы и съ наставниками. Не говоря о томъ, что даже въ академіяхъ ректора позволяли себѣ гордое, высокомѣрное и грубое обращеніе съ преподавателями [8]), они имѣли смѣлость распоряжаться самою судьбою академическихъ каѳедръ. Упомянутый архим.

---

[1]) Ист. каз. ак., I, стр. 340—341.
[2]) Ист. каз. ак., I, стр. 146.
[3]) Ист. каз. ак., I, стр. 146.
[4]) Ibid., стр. 160.
[5]) Ibid., III, стр. 346.
[6]) Ibid., стр. 291.
[7]) Ibid., I, стр. 146, 148.
[8]) Ист. каз. ак., I, стр. 65, 164.

Іоаннъ Соколовъ, напримѣръ, произвелъ въ казанской академіи настоящій разгромъ академической профессуры. Въ томъ же 1858 году онъ перетасовалъ по своему наставниковъ, при чемъ профессора философіи, бывшаго на каѳедрѣ болѣе 10 л., перевелъ на церковную исторію, а философію отдалъ преподавателямъ палеографіи и обличительнаго богословія; профессора ислама, извѣстнаго Ильминскаго, опредѣлилъ на математику; преподавателя каноники и литургики перемѣстилъ на греческій языкъ, а профессора пастырскаго богословія и гомилетики на монгольскіе предметы. Послѣ этого преподаватели стали разбѣгаться и многія каѳедры опустѣли; ушелъ между прочимъ и Ильминскій [1]). Въ той-же казанской академіи въ 60-хъ годахъ ректоръ Иннокентій также нелѣпо хотѣлъ перевести проф. Малова съ миссіонерскаго отдѣленія на исторію философіи и библейскую исторію [2]). Лучшихъ преподавателей ректора иногда заставляли уйти волею или неволею. Напримѣръ, проф. Ильминскій, снова поступившій въ казанскую академію, былъ уволенъ Иннокентіемъ [3]). Грубо и безтолково былъ уволенъ изъ казанской же академіи извѣстный впослѣдствіи канонистъ, проф. А. С. Павловъ [4]). Въ Казани же былъ возмутительный случай увольненія проф. Зефирова [5]). Вообще ректора академій нерѣдко вытѣсняли преподавателей, имъ не угодныхъ; а баккалавровъ они мѣняли совершенно по своему произволу, покровительствуя иногда бездарностямъ и преслѣдуя таланты [6]). И если такъ бывало въ академіяхъ, гдѣ и по составу своему правленіе было болѣе независимо, и достоинство корпораціи состояло высоко; то что же творилось въ семинаріяхъ и училищахъ?.

Вышеприведенные факты раскрываютъ, поистинѣ, безпредѣльность административнаго произвола, какой былъ возможенъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. И все это совершалось на глазахъ у начальства, съ его молчаливаго попустительства. Ни епархіальные преосвященные, ни высшія инстанціи не стояли на стражѣ закона, не искореняли злоупотребленій, не

---

[1]) Ист. каз. ак., I, стр. 162—163.

[2]) Ibid., II, стр. 441.

[3]) Ibid., стр. 442—443.

[4]) Ibid., стр. 319—322.

[5]) Ibid., стр. 306—307.

[6]) Вѣстн. Евр. 1883 г. авг., стр. 590—599 (Спб. акад. при гр. Протасовѣ).

давали защиты отъ притѣсненій. Преосвящ. казанскій Григорій справедливо писалъ однажды въ 1851 г. преосв. нижегородскому Іереміи: «ректоры дурятъ у насъ отъ того, что мы иногда сами поблажаемъ имъ» [1]). Только надеждой на безнаказанность и можно объяснить такіе эксцессы самоволія, какъ напримѣръ у казанскаго ректора Іоанна Соколова. И эта надежда была болѣе, чѣмъ основательна. Мы видимъ на казанскомъ примѣрѣ, что одному человѣку позволялось разгромить цѣлое высшее учебное заведеніе и санкціонировались свыше такія нелѣпыя распоряженія, какъ превращеніе профессоровъ изъ философовъ въ историковъ, изъ богослововъ въ философовъ и т. п... Искать правды въ то время было трудно, почти невозможно. Какъ ни принижены были тогдашніе наставники, но и у нихъ чаша терпѣнія иногда переполнялась и, бывало, цѣлыя корпораціи коллективно возмущались противъ невыносимаго деспотизма начальства. Однако изъ этого обычно ничего не выходило. Напримѣръ, возмущенные дѣйствіями ректора Іоанна наставники казанской академіи рѣшили подать на него жалобу въ Синодъ и къ оберъ-прокурору. Жалоба эта, хотя и не прямымъ путемъ, дошла до высшаго начальства. Изъ нея открылось возмутительное отношеніе ректора къ корпораціи, попраніе имъ законовъ въ своихъ дѣйствіяхъ по управленію академіей, разрушительное вліяніе его распоряженій на жизнь академіи. И донесеніе ревизора, разслѣдовавшаго это дѣло, подтверждало справедливость жалобы. Тѣмъ не менѣе ректору ничего не сдѣлали. Правда, его скоро перевели, но перевели даже съ повышеніемъ—изъ Казани въ Петербургъ, на тотъ-же постъ, гдѣ онъ и продолжалъ свою „дѣятельность". Отсюда можно было другимъ администраторамъ сдѣлать заключеніе: намъ все позволено [2]). Въ Казани же въ концѣ 40-хъ годовъ семинарская корпорація возмутилась противъ деспотизма ректора Климента, но также безрезультатно [3]). Въ чистопольскомъ духовномъ училищѣ учителя возстали противъ деспотизма и грубаго обращенія ректора училищъ прот. Горскаго (1849—1850 г.); но и здѣсь справедливость не восторжествовала [4]). Ни академическія инстанціи, ни высшее центральное

---

[1]) Ист. каз. ак. I, стр. 346.

[2]) Объ жалобѣ на Іоанна см. Ист. каз. ак., I, стр. 166—169. Также Мн. и отз. м. Филарета, V, 1, стр. 107.

[3]) Ист. каз. ак., I, стр. 346.

[4]) Ibid., стр. 346—349.

управленіе не представляли, такимъ образомъ, защиты отъ злоупотребленій властью, и подчиненнымъ приходилось поневолѣ молчать или бѣжать вонъ съ неблагодарной службы. Въ 60-хъ годахъ предпочитали дѣлать послѣднее, потому что открылись разные выходы для служащихъ духовныхъ учебныхъ заведеній и самая служба сдѣлалась невыносимой въ матеріальномъ отношеніи. Поэтому въ это время и служебная дисциплина, построенная на страхѣ, стала ослабѣвать, такъ какъ при первомъ столкновеніи съ начальствомъ служащіе стали уходить вонъ и ими пришлось дорожить, чтобы не разогнать всѣхъ [1]). Нечего и говорить, что если въ духовномъ вѣдомствѣ нельзя было найти защиты противъ внутренняго произвола, то еще менѣе можно было найти ее въ случаѣ столкновенія съ другими вѣдомствами. Въ 60-хъ годахъ, когда начались у насъ политическія броженія и стали иногда привлекаться по таковымъ дѣламъ духовные наставники, то духовное вѣдомство отъ таковыхъ спѣшило отречься, даже не разобравшись, виновны они или нѣтъ, и не сдѣлавши ни малѣйшей попытки къ защитѣ обвиняемыхъ. Такъ, напримѣръ, было въ извѣстномъ дѣлѣ баккалавра казан. акад. А. П. Щапова [2]) и въ дѣлѣ о безпорядкахъ въ пермской семинаріи въ 1861 году [3]).

Всѣ худшія качества духовно-учебной администраціи обусловливались главнымъ образомъ способомъ ея формированія. И въ протасовское время, какъ и раньше, вопреки уставу 1814 года, начальственныя должности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ были привиллегіей монашествующихъ. За все это время не было ни одного ректора изъ бѣлаго духовенства; исключеніе представляла недолго литовская семинарія, гдѣ до 1845 года былъ ректоромъ протоіерей; но это было остаткомъ стараго порядка здѣсь, когда семинарія была внѣ общей сѣти духовно-учебныхъ заведеній. И инспектора то-же были почти исключительно монахи, хотя въ семинаріяхъ при Протасовѣ иногда и стали допускать къ инспекторству свѣтскихъ: напримѣръ, въ спб. семинаріи въ 1841 году былъ назначенъ инспекторомъ Мишинъ въ свѣтскомъ званіи [4]). Въ отношеніи къ рек-

---

[1]) Ibid., стр. 362—363.

[2]) Объ немъ см. въ Ист. каз. акад. и Ист. Вѣстн. 1882 г. статья Аристова.

[3]) Съ этими дѣлами мы встрѣтимся еще ниже.

[4]) Ист. спб. сем., стр. 312, 459.

торской должности исключенія стали дѣлаться лишь въ 60-хъ годахъ, когда начались новыя вѣянія; да и то эти исключенія. до новыхъ уставовъ, были единичны. Именно, въ 1862 году назначенъ ректоромъ московской академіи прот. А. В. Горскій [1]), а въ 1866 году—ректоромъ спб. академіи прот. І. Л. Янышевъ [2]). Второй случай вытекалъ уже изъ новыхъ тенденцій; исторія же перваго назначенія только рѣзче подчеркивала установившійся взглядъ на монополію монашества въ занятіи ректуры. Митр. Филаретъ требовалъ отъ Горскаго непремѣнно принятія монашества и рѣзко высказывался по этому поводу противъ назначенія вообще въ ректора изъ бѣлаго духовенства. И только скрѣпя сердце и подъ вліяніемъ свыше, московскій святитель согласился отступить отъ старой традиціи [3]). Очевидно, монашество стойко защищало свою привиллегію, какъ принципъ; а потому справедливо и Горскій смотрѣлъ на свое назначеніе съ принципіальной точки зрѣнія, какъ на полезный прецедентъ [4]).

Монополія монашествующихъ на занятіе начальственныхъ должностей въ высшей степени вредно отзывалась на всѣхъ сторонахъ школьнаго управленія. Прежде всего, монахи на школьныхъ должностяхъ были людьми переходными, дѣлающими свою карьеру. Поэтому учебная администрація постоянно смѣнялась. Напримѣръ, въ 1851, 1855, 1856 и 1859 годахъ смѣнились ректора въ 10 семинаріяхъ; въ 1850 году — въ 11 сем.; въ 1857 году—въ 12; въ 1858 г.—въ 17; въ 1860 г.— въ 19 семинаріяхъ [5]). Всего семинарій было 50. Значитъ, ректора смѣнялись среднимъ числомъ черезъ 4—5 лѣтъ въ каждой семинаріи. Въ частности относительно нѣкоторыхъ семинарій, напримѣръ, имѣются такія данныя. Въ спб. семин. за время 1841—1867 гг. было 9 ректоровъ [6]); въ тверской семинаріи 1840—1870 гг. было 7 ректоровъ [7]); въ пермской семин. съ 1840—1866 гг. было 8 ректоровъ [8]); въ смоленской семинаріи

---

[1]) Ист. моск. ак., стр. 381.

[2]) Спб. акад. 1858—1888 г., стр. 24.

[3]) Мнѣн. и отз. м. Филарета, т. IV, стр. 573; V, 1, стр. 3.

[4]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 230—231.

[5]) Изъ отч. об.-пр. 1851 г., стр. 71—72; 1855 г., стр. 68—69; 1856 г., стр. 74; 1859 г., стр. 39—40; 1850 г., стр. 73—74; 1857 г., стр. 81—83; 1858 г., стр. 58; 1860 г., стр. 47—48.

[6]) Ист. спб. сем., стр. 313—315.

[7]) Ист. твер. сем. стр. 388—392.

[8]) Ист. перм. сем., III, стр. 219—237.

за 1840—1868 гг. было то же 8 ректоровъ [1]); въ казанской сем. за 1840—1870 гг. было 6 ректоровъ [2]). Постоянная смѣна начальниковъ не давала послѣднимъ возможности хорошо узнать ввѣренное имъ учебное заведеніе и оказывать прочное педагогическое вліяніе. Да и сами они не стремились быть педагогами, зная, что это только переходная ступень къ высшимъ административнымъ постамъ, и на свои обязанности смотрѣли съ административной, а не съ педагогической точки зрѣнія. Но и помимо измѣнчивости, монашеская администрація была большею частью неудовлетворительной. Въ монахи шли часто люди, желающіе создать себѣ легкимъ путемъ карьеру. Подобные иноки прельщались мечтою архіерейства и отрекались якобы отъ міра лишь для того, чтобы пріобрѣсти мірскую славу. Въ монашескомъ кругу и не скрывали, что архіерейская митра является для нихъ главной приманкой. Извѣстный проф. Павскій разсказываетъ, что его тогдашній ректоръ спб. академіи Филаретъ уговаривалъ идти въ монахи, прельщая главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ черезъ 6 лѣтъ будетъ архіереемъ [3]). Конечно, бывали среди ученыхъ монаховъ и люди призванія, но таковыхъ было меньшинство. Стремленіе же сдѣлать карьеру, или даже и искреннее призваніе къ монашеству, вовсе не ручались за умственныя и административныя способности лицъ, принимающихъ монашество. Въ лучшемъ случаѣ большинство ученыхъ монаховъ могло стоять лишь на среднемъ уровнѣ по своимъ дарованіямъ, т. е. быть заурядными людьми. Въ худшемъ же случаѣ, и къ сожалѣнію нерѣдкомъ, монашествующіе администраторы стояли даже ниже средняго уровня. Уставы 1814 года высказывали справедливое требованіе, чтобы ректора были люди, стоящіе на высотѣ научныхъ и нравственныхъ требованій. Но дѣйствительность часто зло смѣялась надъ этимъ правиломъ. Ни ученыхъ заслугъ, ни педагогическихъ способностей не имѣли часто монашествующіе начальники. Даже изъ ректоровъ академіи лишь немногіе удовлетворяли научному цензу. Въ спб. академіи, напримѣръ, изъ 10 ректоровъ за время 1814—1857 г.г. только 4 имѣли степень доктора [4]). Въ московской академіи изъ 11

---

[1]) Ист. смолен. сем., стр. 274—278; 418—419.

[2]) Ист. каз. сем., стр. 313—316.

[3]) Рус. Стар. 1880 г., янв., стр. 121.

[4]) Ист. спб. ак., стр. 333—336.

ректоровъ до 1870 года только 3 были съ докторской степенью [1]). Въ кіевской академіи изъ 12 ректоровъ до 1869 г. тоже было лишь 3 доктора [2]). Въ казанской академіи изъ ректоровъ періода 1842—1870 г.г. докторомъ былъ одинъ [3]). Книзу же по лѣстницѣ умственныхъ дарованій ректора спускались весьма низко. Напримѣръ проф. Д. И. Ростиславовъ разсказываетъ объ одномъ ректорѣ академіи, который стоялъ въ своихъ астрономическихъ воззрѣніяхъ еще на до-Галилеевской точкѣ зрѣнія [4]). По словамъ историка казанской академіи, первый ректоръ ея Іоаннъ Оболенскій былъ не дальней учености [5]). Весьма недальнее умственное развитіе обнаруживалъ въ Казани и другой академическій ректоръ—Иннокентій [6]). Если такіе бывали ректора академіи, то что же говорить о семинарскихъ? Что касается педагогическихъ талантовъ, то ихъ нельзя было и ожидать отъ большинства монаховъ—начальниковъ. Шли они на школьныя должности, имѣя въ виду совсѣмъ другое поприще; да и не было у нихъ времени пріобрѣсти знаніе и опытъ. Облеченные монашеской рясой быстро, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ школьной скамьи, уже оказывались обычно на посту начальниковъ. Ректуру монахи получали черезъ 3—5—10 лѣтъ по окончаніи курса академіи, и лишь при «неудачѣ» позже [7]). Гдѣ же тутъ было особенно обогатиться педагогическимъ опытомъ? Неудивительно, что и умные монахи оказывались плохими школьными руководителями, дозволяя себѣ нетактичности, осуждаемыя азбукой административной педагогики [8]). А если къ отсутствію научныхъ заслугъ и педагогическаго опыта прибавить часто до болѣзненности развитое начальственное самолюбіе и жажду власти, то мы поймемъ, какова была на дѣлѣ духовно-школьная администрація. Общее мнѣніе духовно-педагогической среды

---

[1]) Ист. моск. ак., стр. 378—381.

[2]) Труды Кіев. ак. 1869 г., т. IV, стр. 381—384.

[3]) Ист. каз. ак. I.

[4]) Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи, I, стр. 182.

[5]) Ист. казан. ак., I, стр. 26.

[6]) Ibid., стр. 240.

[7]) См., напримѣръ, ректорскія curriculum witae въ Ист. спб. сем. стр. 313—315; Ист. перм. сем., II, стр. 88—91, III, стр. 219—237; Ист. владим. сем., II, стр. 232—239.

[8]) Ректоръ Іоаннъ (Соколовъ) въ каз. ак., напримѣръ, позволялъ себѣ передъ студентами насмѣшки надъ инспекторомъ и преподавателями (Ист каз. ак., I, стр. 174).

того времени чрезвычайно нелестно отзывалось объ школьномъ начальствѣ. Напримѣръ, профессоръ московской академіи П. С. Казанскій въ одномъ письмѣ 59 года писалъ преосвященному Платону такія строки: „У насъ причиною всего зла ректора-монахи. Въ жизнь мою я не видалъ еще сноснаго ректора. Или деспотъ, или дуракъ, или капризный эгоистъ, имѣющій въ виду только себя, свое повышеніе» [1]). Итакъ говорилъ почтенный профессоръ, котораго нельзя заподозрить въ увлеченіи личными чувствами, говорилъ другу—архіерею, предъ которымъ онъ, очевидно, хотѣлъ быть искреннимъ. Каковы же могли быть плоды дѣятельности монашеской администраціи? Въ большинствѣ своемъ она не въ состояніи была руководить ни учебной частью, такъ какъ не имѣла для того ни знаній, ни авторитета; ни нравственной, такъ какъ была не богата педагогическимъ опытомъ; ни хозяйственной, такъ какъ и здѣсь нуженъ былъ опытъ и извѣстная способность, каковой у ученаго монаха ожидать трудно. А между тѣмъ можно представить себѣ то деморализующее вліяніе, какое оказывала монашеская монополія въ занятіи административныхъ должностей на школьныя корпораціи: она подрывала всякое уваженіе къ правдѣ, закону и власти. Что должны были чувствовать заслуженные дѣятели духовнаго образованія, отмѣченные и научными и педагогическими заслугами, видя, какъ монашеская ряса сразу даетъ ея обладателямъ и почетъ и власть, какихъ они не могутъ никогда достигнуть? Что должны были они чувствовать, видя, какъ люди, недавно покинувшіе школьную скамью, начинаютъ властно распоряжаться и помыкать лицами, часто несравненно выше ихъ стоявшими и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи? Монашествующіе забрали себѣ рѣшительно всѣ привиллегіи и почести, а другимъ оставили лишь неблагодарный трудъ. Даже тамъ, гдѣ должны были имѣть вѣсъ единственно ученыя заслуги, монашеская ряса перевѣшивала послѣднія. Напримѣръ, высшая ученая степень доктора богословія тогда давалась исключительно духовнымъ лицамъ, а изъ послѣднимъ преимущественно монашествующимъ, хотя уставъ 1814 года не давалъ никакого права на подобное монополизированіе этого званія. Между прочимъ отъ такой привиллегіи и докторское званіе было чрезвычайно рѣдкимъ, потому что

---

[1]) Прав. Обозр. 1883 г., янв., стр. 103.

духовныя лица не отличались большой научной производительностью. Спб. академія, напримѣръ, до 1857 года произвела въ степень доктора всего 13 лицъ [1]); кіевская академія до устава 1869 года дала эту степень 4-мъ [2]); казанская только одному, да и то уже въ 1869 году [3]). А вслѣдствіе этого требованіе устава о докторской степени для профессора академіи совсѣмъ не соблюдалось [4]). Мало того, монашествующіе захватили себѣ въ исключительное обладаніе и званіе ординарнаго профессора; свѣтскіе его добивались рѣдко [5]). Наконецъ, даже разныя награды въ видѣ орденовъ были тоже почти монополіей монашествующихъ—начальниковъ; простымъ смертнымъ въ тѣ времена онѣ были трудно доступны. Такимъ образомъ сколько бы ни служили академическіе и семинарскіе наставники, они ни до чего не могли дослужиться и осуждены были лишь смотрѣть, какъ распоряжаются разные молодые администраторы, не имѣющіе ни заслугъ, ни дарованій, но облеченные магической одеждой. Это такой порядокъ вещей, какого не знаетъ и не знало, кажется, рѣшительно ни одно другое вѣдомство, кромѣ духовно-учебнаго, и какого отнюдь не устанавливали уставы 1814 года, предписывающіе отдавать власть надъ школой только въ дѣйствительно достойныя руки, такъ какъ авторы уставовъ прекрасно понимали, что власть безъ нравственнаго авторитета лишь развращаетъ властвующихъ и подрываетъ уваженіе къ власти подчиненныхъ.

---

[1]) Ист. спб. ак., стр. 396.

[2]) Тр. Кіев. Д. Ак. 1869 г., т. IV. Пятидесятил. юбилей К. А.

[3]) Ист. каз. ак., I, стр. 308.

[4]) Въ спб. академіи за время 1814—1857 г.г. изъ 52 преподавателей богословскихъ наукъ было только 5 докторовъ, а на всѣхъ другихъ каѳедрахъ только 3 доктора (Фишеръ—докторъ университета, Кочетовъ и Павскій) (Ист. спб. ак., стр. 340—354). Въ московской и казанской академіи кромѣ вышеупомянутыхъ ректоровъ никто изъ профессоровъ не имѣлъ степени доктора (Ист. м. ак., стр. 381—409; Ист. каз. ак., II). Въ кіевской академіи, кромѣ 3 ректоровъ, на всѣхъ каѳедрахъ было всего два доктора (Тр. К. А. 1869 г., IV, стр. 384—402).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Духовно-школьное воспитаніе въ протасовскій періодъ.

Не произошло никакихъ улучшеній въ протасовскую эпоху и въ области духовнаго воспитанія. Основами его были по прежнему «страхъ Божій» и „послушаніе", завѣщанные уставами 1814 года и вылившіеся въ чисто внѣшія формы еще во время Комиссіи. Духъ обрядовой религіозности въ разсматриваемое время, кажется, еще больше проникалъ воспитательную практику духовной школы Соблюденіе уставнаго режима въ оберъ-прокурорство Протасова сдѣлалось еще строже, чѣмъ въ 30-хъ годахъ, такъ какъ графъ любилъ чисто военную дисциплину. Особенно это было замѣтно въ спб. учебныхъ заведеніяхъ, находящихся на глазахъ у начальства. Въ спб. академіи тогда, напримѣръ, дисциплина соблюдалась строго [1]), и значительно поднялась по сравненію съ прежнимъ: студенты стали исправнѣе посѣщать лекціи, болѣе заниматься [2]). Подобное же явленіе замѣчалось въ спб. семинаріи [3]), а также и въ провинціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ [4]). Органы надзора то-же оставались прежними и лишь были нѣсколько усилены. Во всѣхъ академіяхъ и семинаріяхъ являются теперь постоянные помощники инспектора Въ семинаріяхъ при этомъ стали иногда назначаться помощники инспектора особые, не изъ преподавателей; таковые въ 1848 году были сравнены правами съ наставниками [6]). Въ нѣкоторыхъ училищахъ въ 40-хъ годахъ стали учреждаться должности комнатныхъ надзирателей [7]). Въ нѣкоторыхъ же, правда немногихъ, учеб-

---

[1]) Спб. академія 1858—1888 г.г., стр. 74.

[2]) Вѣстн. Евр. 1883 г., сент., стр. 241—248.

[3]) Ист. спб. сем., стр. 467.

[4]) Ист. казан. акад., I, стр. 78; Ист. перм. сем., III, стр. 362.

[5]) Изъ отч. об.—пр. 1844 г., стр. 71 (назн. пом. инсп. въ спб. ак.); 1848 г., стр. 58 (назнач. 2 пом. инсп. въ кіевск.); Ист. каз. ак. I, стр. 71.

[6]) Изъ отч. об.—пр. 1848 г., стр. 43.

[7]) Ист. спб. сем., стр. 527.

ныхъ заведеніяхъ были созданы еще новые органы надзора подъ видомъ „смотрителей дома“. Такая должность учреждена была въ 40-хъ годахъ въ спб. семинаріи, гдѣ на обязанности смотрителя дома лежали весь внѣшній порядокъ и дисциплина [1]). При учрежденіи казанской академіи тамъ то-же былъ назначенъ смотритель дома [2]). Не измѣнились за это время и внѣшнія условія воспитательнаго дѣла въ духовной школѣ. По-прежнему въ семинарскихъ и училищныхъ общежитіяхъ помѣщалась лишь меньшая часть учениковъ, а остальные жили на квартирахъ и надзоръ за послѣдними былъ потому весьма затруднителенъ и слабъ. При нѣкоторыхъ училищахъ и совсѣмъ не было казеннаго общежитія. Устройство общежитій для своекоштныхъ учениковъ по прежнему же было лишь предметомъ желаній, къ осуществленію которыхъ даже почти не приступали.

Если постановка воспитанія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ оставалась прежней, то прежними были и ея недостатки. Надзоръ за питомцами носилъ внѣшній, дисциплинарный характеръ, да и выполнялся почти исключительно лишь надъ живущими въ общежитіи. Система старшихъ дѣйствовала деморализующе, какъ то было и оффиціально признано при реформѣ 1867 года. Съ внѣшней стороны опять таки все было благополучно. Скользящія по поверхности школьной жизни тогдашнія ревизіи давали единодушно одобрительные или по крайней мѣрѣ удовлетворительные отзывы о надзорѣ и поведеніи воспитанниковъ. Изъ 50 упоминаемыхъ нами раньше ревизіонныхъ отзывовъ о семинаріяхъ 1854—1865 г.г., напримѣръ, только два отзыва о спб. семинаріи 1863 года и о тверской сем. 1855 г. отзываются не совсѣмъ одобрительно о нравственной части; а изъ 32 отзывовъ того же времени объ училищахъ нѣтъ ни одного неудовлетворительнаго. Точно также и кн. Урусовъ, обозрѣвшій въ 60—61 гг. учебныя заведенія 11 епархій, всюду нашелъ нравственную часть удовлетворительной. Встрѣчались, по старому, такія школы, кото-

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 456. Смотрители дома, впрочемъ, вносили только разладъ въ школьную администрацію. Назначенные изъ людей, совершенно чуждыхъ педагогіи, они иногда оказывали прямо антипедагогическое вліяніе. Напримѣръ, ревизоръ спб. сем. и училища Карповъ въ 1863 году нашелъ, что смотритель покровительствуетъ ученикамъ въ ихъ проступкахъ. Послѣ этой ревизіи и должность смотр. была уничтожена.

[2]) Ист. каз. ак., I, стр. 8.

рыя предъ ревизорскимъ окомъ казались совершенно безукоризненными. Ревизоръ казанской семинаріи, напримѣръ, въ 1854 году съ удовольствіемъ замѣтилъ, что въ теченіи двугодичнаго курса не отмѣчено ни единаго ученика въ какомъ либо проступкѣ въ книгѣ поведенія.

Однако, опять по-прежнему же, все это благополучіе было только благополучіемъ по книгѣ поведенія. По документамъ, которые представлялись на глаза начальству, духовные питомцы были очень благонравны[1]), а воспитатели весьма ревностны. Дѣйствительная же жизнь далеко не гармонировала съ подобными оффиціальными данными. Конечно, какихъ либо особыхъ повальныхъ пороковъ не было у духовныхъ воспитанниковъ. И болѣе серьезныя ревизіи учебнаго комитета, ликвидировавшія старые порядки, не нашли ни особенно предосудительнаго поведенія, ни распространенности грубыхъ проступковъ, ни дурного настроенія. Но тѣмъ не менѣе нельзя назвать состояніе нравственной части въ духовныхъ школахъ не только хорошимъ, но даже и вполнѣ удовлетворительнымъ. Въ жизни духовнаго юношества, и особенно въ воспитательной системѣ, помимо ея внѣшняго характера, было не мало дефектовъ, которые каждому свѣжему человѣку, не приглядѣвшемуся къ обычнымъ духовно-школьнымъ порядкамъ и не привыкшему къ нимъ, бросались въ глаза. Это противорѣчіе дѣйствительности и оффиціальной внѣшности иногда сквозило даже въ самыхъ отчетахъ ревизоровъ; иногда же оно вдругъ внезапно выплывало наружу по какому либо экстраординарному поводу. Напримѣръ въ 1857 году ревизоръ подольской семинаріи аттестовалъ ея нравственную часть хорошей; а въ отчетѣ писалъ, что у учениковъ замѣчается неуваженіе къ начальству, игра въ карты, табакокуреніе, щегольство и т п. Ревизоръ костромской сем. въ 1856 году нашелъ ее съ нравственной стороны то-же хорошей; но случайно посѣтилъ эту семинарію вскорѣ послѣ ревизора принцъ П. Г. Ольденбургскій и вынесъ весьма неблагопріят-

---

[1]) Въ калужской сем., напр., въ 55 г. ревизоръ нашелъ, что за годъ замѣчено въ книгѣ поведенія въ предосудительныхъ поступкахъ всего 4 ученика, а въ примѣрномъ поведеніи—164 (Дѣло Д. У. У. 1855 г. № 100/4104). Однако при всѣхъ этихъ аттестаціяхъ вообще надобно имѣть въ виду, что въ книгахъ поведенія записывались почти исключительно ученики, живущіе въ общежитіи; своекоштныхъ начальство какъ бы не принимало во вниманіе.

ное впечатлѣніе, такъ что ревизору пришлось писать особое объясненіе своего отзыва [1]). Или еще болѣе яркій примѣръ представляетъ пермская семинарія. Ревизія 1860 года ее аттестовала вполнѣ удовлетворительной, настроеніе воспитанниковъ добрымъ [2]). А въ 1861 году возникло цѣлое крупное дѣло о безпорядкахъ въ этой семинаріи, при чемъ даже поговаривали объ ея закрытіи, и выяснилось, что семинарія уже давно съ нравственной стороны не благополучна [3]). Такое неблагополучіе подъ покровомъ внѣшняго благополучія обнаруживается и вообще въ духовномъ воспитаніи, когда мы разсматриваемъ его по фактамъ жизни, а не по формальнымъ аттестаціямъ.

Господствующимъ грубымъ порокомъ духовныхъ питомцевъ въ семинаріяхъ и училищахъ [4]) за это время, какъ и прежде, было употребленіе спиртныхъ напитковъ Часто пьянство соединялась съ буйствомъ. Даже въ классъ иногда являлись пьяные ученики. Затѣмъ распространены были игра въ карты и табакокуреніе. Часто встрѣчались воровство, развратъ. Нерѣдко проявлялись грубость и дерзость по отношенію къ начальствующимъ и наставникамъ. Изъ проступковъ дисциплинарнаго характера преобладали своевольныя отлучки изъ общежитія, уклоненіе отъ богослуженія, опущеніе классовъ, нарушеніе классной дисциплины [5]). Послѣдніе два про-

[1]) Дѣло Д. У. У. 1856 г. № 37/4192.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1860 г. № 96/2639.

[3]) Дѣло Д. У. У. 1861 г. № 146/4236.

[4]) Что касается академій, то тамъ поведеніе студентовъ страдало развѣ только иногда нѣкоторой манкировкой дисциплинарными правилами. Грубыхъ проступковъ здѣсь не было. Студенческіе грѣхи—это опущеніе лекцій, отлучки не въ положенное время и т. п., что собственно было грѣхомъ только съ точки зрѣнія строгаго устава. Общій же тонъ студенческаго поведенія былъ безукоризненъ. Князь Урусовъ въ Кіевѣ въ 1861 году слышалъ въ городѣ о студентахъ самые утѣшительные отзывы. Одно высокопоставленное лицо выразилось, что желательно, чтобы всѣ высшія учебныя заведенія были такъ-же хороши, какъ духовная академія (дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363/3337).

[5]) Въ такомъ видѣ рисуется поведеніе воспитанниковъ по извѣстіямъ историковъ семинарій (Ист. перм. сем., III, стр. 306—330; Ист. смолен. сем. стр. 299—303; Ист. тверск. сем., стр. 326—336), по рѣдкимъ правдивымъ замѣчаніямъ ревизій того времени (тверск. 55 г., подольск. 57 г.) и по донесеніямъ ревизоровъ учебнаго комитета о старыхъ, дореформенныхъ порядкахъ (напр., отчеты о ревиз. астрахан. 68 г., стр. 13; самарск. 68 г., стр. 11; донск. 69 г., стр. 47—49; владим. 69 г., стр. 19; архангел.

ступка въ данное время были особенно развиты. Опущеніе уроковъ безъ уважительной причины достигало удивительныхъ размѣровъ. Въ пермской семинаріи въ 1847 году, напримѣръ, преосвященный, явившись въ классъ, не нашелъ тамъ болѣе половины учениковъ (свыше 50); въ 1850 году здѣсь ревизоръ не нашелъ однажды въ высшемъ отдѣленіи 53 учениковъ [1]). На подобное же явленіе обратилъ вниманіе ревизоръ воронежской сем. въ 54 году [2]). Ревизіи конца 60-хъ годовъ отмѣтили то-же во многихъ семинаріяхъ и училищахъ [3]). Опускали классы, главнымъ образомъ, вслѣдствіе просрочки отпусковъ на каникулы и квартирные ученики, сплошь и рядомъ не являвшіеся на уроки, особенно послѣобѣденные. Отсутствіе дисциплины въ классахъ замѣтили ревизоры учебнаго комитета, и по всему видно было, что это старое зло. На безчинное сидѣнье въ классѣ обратилъ вниманіе, напр., въ пермской семинаріи ревизоръ еще въ 1846 году [4]). Безчинство это доходило до крайнихъ предѣловъ. Семинаристы въ классѣ позволяли себѣ шумъ, смѣхъ, разговоры, сидѣли развалившись, зѣвали, сопѣли, громко сморкались [5]), а ученики училищъ кромѣ всего этого иногда даже затѣвали за урокомъ игру въ мячъ или драку [6]). Случалось и въ это время, по старому, бѣгство учениковъ изъ школы [7]). Вообще же всѣ питомцы училищъ и семинарій того времени отличались грубостью и неряшествомъ. Грубость, доходящая нерѣдко до цинизма, проявлялась и въ ихъ обращеніи другъ съ другомъ, и въ ихъ обращеніи съ прислугой, въ постоянныхъ дракахъ училищныхъ мальчиковъ, и во всемъ ихъ способѣ держаться, и въ ихъ внѣшности. Длиннѣйшіе во-

---

70 г., стр. 59—62; подольск. 71 г., стр. 42; волынск. 71 г., стр. 12—14, 39—41, 91—97; орловск. 72 г., стр. 73—74, 116; олонецк. 72 г., стр. 93—99, 226—227, 314—317; екатериносл. 72 г., стр. 60.

[1]) Ист. пер. сем., III, стр. 178, 327—330.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1854 г., № 122.

[3]) Напр. отч. о рев. перм. 69 г., стр. 58; сарат. 69 г., стр. 10; тульск. 69 г., стр. 20; курск. 70 г., стр. 57, олонецк. 72 г., стр. 180.

[4]) Ист. перм. сем., Ш, стр. 191.

[5]) Отч. о рев. рязан. 67 г., стр. 27; псков. 68 г., стр. 29 (одинъ ученикъ позволилъ себѣ даже произносить въ классѣ вслухъ неприличныя слова); олонецк. 72 г.

[6]) Волынск. 71 г., стр. 39—40; оренбург. 73 г., стр. 22.

[7]) Ист. спб. сем., стр. 527; Ист. перм. сем., Ш, стр. 331; отч. о рев. калуж. 68 г., стр. 30; отч. о рев. курск. 70 г., стр. 104; отч. о рев. олонецк. 72 г., стр. 229.

лосы и неряшливость и неопрятность въ одеждѣ составляли отличительную черту тогдашнихъ школьниковъ [1]). Въ нѣкоторыхъ захолустныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ олонецкой епархіи, училищные ученики казались совершенными дикарями по характеру и внѣшнему виду [2]).

Грубый характеръ имѣли проступки воспитанниковъ и все ихъ поведеніе опять таки отчасти потому, что грубы были самые воспитатели и воспитательные пріемы, не составляя противовѣса грубости внѣшкольной среды, окружавшей духовное юношество и дома и особенно на городскихъ квартирахъ. Обращеніе педагоговъ съ учащимися было прежнимъ. И въ академіяхъ иные начальники не стѣснялись называть студентовъ бродягами, мужиками, негодяями [3]), (хотя въ академіяхъ же бывали и воспитатели-идеалисты, мягкіе и любвеобильные, вродѣ инспектора каз. академіи архим. Θеодора Бухарева [4]). О семинаріяхъ же и училищахъ въ такомъ случаѣ нечего и говорить. Грубые окрики, суровый тонъ, бранныя названія, полное неуваженіе къ личности питомцевъ составляли обычный способъ обращенія наставниковъ и начальниковъ съ учениками. Лишь съ начала 60-хъ годовъ начинаетъ нѣсколько измѣняться такая педагогика и обращеніе становится вѣжливѣе, подъ вліяніемъ новыхъ идей, начавшихъ носиться въ воздухѣ русской жизни и проникавшихъ въ духовно-школьную среду; хотя, впрочемъ, все-таки ревизоры учебнаго комитета всюду нашли еще остатки старыхъ порядковъ и засвидѣтельствовали ихъ несостоятельность. Суровый характеръ имѣли и всѣ мѣры воспитательнаго воздѣйствія на провинившихся воспитанниковъ. Эти мѣры состояли исключительно въ наказаніяхъ, какъ указанныхъ еще въ уставѣ 1814 года, такъ и созданныхъ изобрѣтательной практикой. Обычными наказаніями были розги, колѣностояніе, голодный столъ, карцеръ [5]), поклоны, выговоръ; рѣже употреблялись лишеніе казеннаго содержанія и увольненіе, иногда практиковалось низведеніе въ низшій классъ. О „рукоприкладствѣ", практикуемомъ начальниками и наставниками, мы уже и не говоримъ, потому

---

[1]) Объ этомъ свидѣт. всѣ вышеозначенныя ревизіи учебн. комитета.

[2]) Отч. о рев. олонецк. 72 г.

[3]) Ист. каз. ак., I, стр. 67.

[4]) Ист. каз. ак., I, стр. 126—136.

[5]) Карцеръ существовалъ и въ академіяхъ; въ московской академіи онъ былъ до 1860 г. (Ист. моск. ак., стр. 276).

что оно вошло въ обычную практику и не считалось даже наказаніемъ. Большинство наказаній, какъ видно, носило физическій характеръ и всѣ онѣ нерѣдко доходили до жестокости, преимущественно въ училищахъ. Розгами били немилосердно; на колѣни ставили на нѣсколько дней, и даже зимой въ сѣни, въ карцеръ заключали надолго—на сутки и болѣе [1]). Въ назначеніи наказаній сплошь и рядомъ не было никакой равномѣрности между виной и взысканіемъ. Напримѣръ, за бросаніе мячика въ классѣ въ свободное время ставили на нѣсколько часовъ на колѣни [2]); одинаково наказывали за пѣніе свѣтской пѣсни, занятіе своимъ дѣломъ въ занятное время—и за пьянство [3]). Дѣла о жестокомъ обращеніи съ учениками доходили и до центральнаго управленія [4]). Но высшее начальство не принимало никакихъ мѣръ противъ этого давнишнаго зла.

Но рядомъ съ жестокостью опять по прежнему же стояла и антипедагогическая снисходительность. Система взысканій носила характеръ патріархальный: внутри допускалось все, даже истязанія, а „изъ избы соръ выносить“, какъ говорится, не любили. Поэтому очень рѣдко прибѣгали къ исключенію за поведеніе, предпочитая наказывать домашними мѣрами. Неумѣстная терпимость къ самымъ закоренѣлымъ грубымъ порокамъ была замѣчена почти всюду въ старой системѣ ревизорами учебнаго комитета [5]). Напримѣръ, терпѣли ученика въ семинаріи до 16 случаевъ воровства, не исключали за долголѣтнее пьянство не смотря на десятки замѣчаній этого проступка [6]). Отчасти такая снисходительность зависѣла также и отъ того, что само духовенство готово было на всякія наказанія для своихъ дѣтей, только бы ихъ не исключали [7]). Такое настроеніе родителей поддерживалось часто и епархі-

---

[1]) Такая система наказаній рисуется какъ историками семинарій, такъ и отчетами ревизоровъ учебнаго комитета (см. напр., отч. о рев. харьков., калужской 68 г., перм., саратов. 69 г., новгород. 70 года, волынск. 71 г.).

[2]) Дѣло Д. У. У. 1862 г. № 2135 (рев. казан. сем.).

[3]) Отч. о рев. владим. 69 г., стр. 23.

[4]) Дѣло Д. У. У. 1865 г. № 350; Мн. и отз. м. Филар. V, 2, стр. 534.

[5]) Напр. отч. о рев. владим. 69 г., стр. 24; донск. 69 г., стр. 47—49; архангельск. 70 г., стр. 60—62; олонецк. 72 г., стр. 227; и др. Изрѣдка обращали вниманіе на излишнюю снисходительность и ревизоры 50-хъ годовъ; напр. рев. твер. сем. 55 г.

[6]) Отч. о рев. арханг. 70 г., стр. 62.

[7]) Отч. о рев. волын. 71 г., стр. 88.

альной властью, понимавшей, что исключеніе изъ школы для духовнаго юноши закрываетъ для него дорогу въ жизни [1]). Но при подобной системѣ въ школѣ создавалась атмосфера вреднаго вліянія и давалась возможность проникать въ священнослужительскую среду лицамъ завѣдомо недостойнымъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ высшая власть обратила вниманіе на послѣднее обстоятельство и пыталась урегулировать этотъ вопросъ. Въ 1858 году Св. Синодомъ было предписано не переводить въ богословскій классъ воспитанниковъ семинаріи, замѣченныхъ въ какихъ либо предосудительныхъ поступкахъ, хотя въ томъ же году было предписано также дѣлать съ особою осторожностью неодобрительныя отмѣтки въ аттестатахъ и свидѣтельствахъ, чтобы не преграждать доступа въ гражданскую службу, такъ какъ юношескіе недостатки могутъ быть объясняемы дѣтскимъ неразумѣніемъ, а не упорствомъ. Аналогичное распоряженіе было сдѣлано и въ 1861 году, предписывающее строго наблюдать за развитіемъ нравственныхъ наклонностей духовныхъ воспитанниковъ и, при замѣчаніи качествъ, несоотвѣтствующихъ священнослужительскому званію, не допускать до священн сана [2]). Но реальныхъ результатовъ подобныя предписанія не оказывали, да и не могли оказывать при той чисто формальной постановкѣ, какую имѣло духовное воспитаніе. Вообще же, надо замѣтить, тогдашнее школьное начальство смотрѣло какъ то снисходительно на разныя, такъ сказать, житейскія слабости учениковъ и держалось болѣе домостроевскихъ взглядовъ объ отеческомъ наказаніи жезломъ и плеткою, а не раціональныхъ педагогическихъ принциповъ. За то если происходило какое нибудь демонстративное выступленіе противъ школьной власти, то кары были уже рѣшительныя. Правда, такіе случаи въ тѣ времена были исключительными, но и они характерны. Напримѣръ, въ 1861 году въ спб. академіи за отказъ ходитъ на классъ греческаго языка были уволены 25 студентовъ, и изъ нихъ 19 окончательно [3]).

---

[1]) Ист. смолен. сем., стр. 313.

[2]) Ист. спб. сем., стр. 478.

[3]) Спб. ак. 1858—1888 г., стр. 74. Но и тутъ, впрочемъ, много зависѣло отъ личности начальниковъ. Два года спустя, напримѣръ, въ московской академіи произошелъ аналогичный случай: студенты отказались писать одно сочиненіе. Ректоръ Горскій воздержался отъ строгости и дѣйствовалъ лишь мѣрами увѣщанія (Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 238—244).

Вся эта система воспитанія, очевидно, была несостоятельна. Она дѣйствовала только на внѣшность, дѣйствовала страхомъ, и была безсильна не только исправлять порочныхъ, но даже и просто предупреждать проступки. Подавленные суровымъ обращеніемъ и строгостью домашнихъ каръ, ученики были забиты и угрюмы; они смотрѣли на воспитателей, какъ на враговъ, и старались по возможности не попадаться имъ на глаза, зная, что все дѣло въ томъ, чтобы ни въ чемъ не быть замѣченными. Даже въ казанской академіи, напримѣръ, въ 1860 г. ревизоръ замѣтилъ, что видъ студентовъ унылый и подавленный [1]). По внѣшности духовные воспитанники были скромны. Но всѣ дурныя стороны ихъ характера нисколько не исправлялись дисциплинарнымъ режимомъ и даже еще больше развивались подъ его вліяніемъ. Такой справедливый приговоръ надъ тогдашней системой духовнаго воспитанія былъ произнесенъ и оффиціально въ слѣдующую эпоху, когда старые порядки подверглись коренной ломкѣ. Напримѣръ, ревизоръ орловскихъ учебныхъ заведеній въ 72 году, подводя итоги старой системѣ, писалъ, что „рѣзкій тонъ начальническихъ внушеній и вся вообще система взысканій слишкомъ патріархальная по своимъ пріемамъ и такъ безцеремонно относившаяся къ чувству совѣстливости и стыдливости въ юныхъ воспитанникахъ, не могла достигать цѣли, къ которой стремились воспитатели, именно исправленія виновныхъ, а напротивъ скорѣе способна была произвести совершенно противоположные результаты“ [2]). И питомцы выносили изъ школы, благодаря ея системѣ, весьма тяжелыя воспоминанія.

Положительные способы воспитательнаго воздѣйствія были чужды духовной школѣ по-прежнему. Здороваго воздуха физическихъ и духовныхъ развлеченій здѣсь не существовало. О физическомъ воспитаніи въ видѣ гимнастическихъ упражненій до 60-хъ г.г. и не думали. Кое гдѣ существовали еще рекреаціи, но это были исключительныя развлеченія. Театръ и танцы оставались запретными плодами. Музыка не поощрялась и ею не занимались. За свѣтское пѣніе ставили на колѣни. Свѣтское чтеніе до 60-хъ годовъ по-прежнему преслѣдовалось, да и нечего было читать, такъ какъ ученическихъ библіотекъ не существовало. Что же удивительнаго, если по-

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1860 г. № 4363-в.

[2]) Отч. о рев. орлов. 72 г.

томъ питомцы говорили: „Кто изъ насъ не знаетъ, что прожить 12 лѣтъ въ бурсѣ значитъ потерять 12 лѣтъ жизни, значитъ выйти изъ школы почти вовсе не развитымъ ни умственно, ни нравственно" [1]).

Затхлая атмосфера внутренней жизни духовной школы оставалась неподвижной до самаго конца 50-хъ годовъ. Но вотъ настала новая эра русской жизни вообще съ началомъ царствованія императора Александра II, и струя свѣжаго воздуха начала проникать и въ духовно-учебныя заведенія. Среди многихъ вопросовъ, поднятыхъ въ эпоху великихъ реформъ, вопросъ о воспитаніи занималъ видное мѣсто. Полицейскій режимъ въ учебныхъ заведеніяхъ сталъ уступать мѣсто здравымъ педагогическимъ теоріямъ. Явилось сознаніе, что школа должна не дрессировать, а воспитывать, что ея задача пробудить умственные запросы въ юношествѣ и по возможности удовлетворить ихъ. Освобожденіе отъ гнета прежняго николаевскаго режима сказалось главнымъ образомъ въ стремленіи къ знанію, къ новой книгѣ, къ свѣжей мысли. Поколебались въ данномъ отношеніи и старые устои духовно-школьной педагогики: вмѣсто обычнаго преслѣдованія, свѣтское чтеніе стало поощряться. До 60-хъ годовъ только въ видѣ исключенія существовали въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ ученическія библіотеки [2]); съ начала 60-хъ годовъ онѣ быстро заводятся почти во всѣхъ семинаріяхъ и академіяхъ и даже въ нѣкоторыхъ училищахъ. Новыя вѣянія пробуждаютъ жажду знаній въ студентахъ и семинаристахъ и они стараются удовлетворить ее разными способами: читаютъ книги изъ школьныхъ библіотекъ, берутъ ихъ на сторонѣ, просятъ иногда читать имъ приватныя лекціи. Такъ, напримѣръ, владимірскіе семинаристы просили читать имъ особыя лекціи по исторіи, математикѣ, физикѣ и изъ своихъ скудныхъ средствъ собрали по 2 рубля со слушателя на вознагражденіе лекторовъ [3]). Студенты московской академіи стали устраивать у себя, съ попущенія начальства, литературныя чтенія изъ современныхъ писателей [4]).

---

[1]) Прав. Обозр. 1862 г., т. IX, замѣтки, стр. 17—13.

[2]) Напримѣръ, во владим. сем. ученич. библіотека заведена была въ 1848 году на добровольныя пожертвованія учениковъ (Ист. влад. сем., II, стр. 222); въ смоленской сем. ученич. библіотека основана въ 1854—55 г. (Ист. смол. сем., стр. 292).

[3]) Ист. влад. сем., II, стр. 352.

[4]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 235—237.

Вообще школьная жизнь вышла изъ старыхъ береговъ и стала пробивать себѣ новые пути.

Какъ всегда бываетъ въ переходныя эпохи, проникновеніе новыхъ взглядовъ естественно сопровождается прежде всего протестомъ противъ старыхъ порядковъ и нерѣдко выливается въ формы крайнихъ увлеченій. Такъ было и въ моментъ крушенія Николаевскаго режима Конецъ 50-хъ и особенно первая половина 60-хъ годовъ были для всей русской интеллигентной молодежи временемъ распространенія въ средѣ ея крайнихъ теорій какъ естественно научнаго, такъ и соціальнаго характера. Это сказалось броженіями въ университетахъ и возникновеніемъ множества разныхъ кружковъ «нелегальнаго» оттѣнка. Полоса увлеченія такъ называемымъ духомъ вольномыслія захватила и духовное юношество, прежде всего студентовъ, а потомъ и семинаристовъ, выразившись цѣлымъ рядомъ протестовъ противъ установленнаго режима, который казался во многомъ неудовлетворительнымъ начинавшему пробуждаться самосознанію молодежи. Впервые подобное движеніе было замѣчено въ кіевской академіи. Въ 1858 и 1859 году здѣсь было нѣсколько случаевъ непокорности начальству со стороны студентовъ. Виновные въ безпорядкахъ, по предложенію кіевскаго митр. Арсенія, были осуждены Синодомъ на отсрочку въ полученіи ученыхъ степеней, пока не прослужатъ нѣсколько лѣтъ и не заслужатъ одобрительнаго отзыва. Причины безпорядковъ митрополитъ видѣлъ именно въ проникновеніи новыхъ идей въ студенческую среду. По его словамъ въ ревизіонномъ отчетѣ 61 года, въ академическую библіотеку и самими студентами въ послѣдніе годы было пріобрѣтено много книгъ не совсѣмъ одобрительнаго содержанія, какъ то, напр., сочиненія Штрауса, Вегшейдера, Бѣлинскаго, Грановскаго и т. п., „которыя способны потрясти убѣжденія въ молодыхъ умахъ". Начитавшись этихъ книгъ, студенты стали на многое въ академіи смотрѣть другими глазами, отчего и вышла вспышка, хотя и кратковременнаго, неудовольствія. Для предупрежденія подобныхъ явленій на будущее время митрополитъ Арсеній считалъ полезнымъ составлять ежегодно для академій и семинарій списокъ одобренныхъ книгъ, а книги не совсѣмъ одобрительныя выписывать лишь съ разрѣшенія Синода. Онъ рекомендовалъ также вмѣнить въ обязанность ректорамъ академій и семинарій просматривать ученическія сочиненія послѣ наставниковъ и

исправлять всякія погрѣшности, и находилъ полезнымъ, чтобы наставники слѣдили за направленіемъ студентовъ при вопросахъ и отвѣтахъ и по третямъ года сообщали свои свѣдѣнія инспектору [1]). Но едва ли бы даже при осуществленіи этихъ мѣръ можно было остановить проникновеніе новаго духа и новыхъ идей, носившихся въ воздухѣ и проникавшихъ тогда во всѣ слои интеллигенціи. Студенческое броженіе, видимо, было въ академіяхъ довольно глубоко и стремилось къ организованности. По крайней мѣрѣ м. м. Филаретъ въ одномъ письмѣ 1859 года къ архим. Антонію говоритъ, что между студентами спб. и кіевской академіи велась секретная переписка [2]). Духъ протеста, дѣйствительно, одновременно съ Кіевомъ проявлялся и въ Петербургѣ. Въ 1858 году здѣсь были исключены 6 студентовъ за упорство въ несоблюденіи дисциплинарныхъ правилъ; въ 1861 году здѣсь же произошелъ вышеупомянутый отказъ студентовъ ходить на лекціи греческаго языка, повлекшій увольненіе двухъ десятковъ [3]). И въ москов. академіи, далекой отъ шума городской жизни, видимо, не совсѣмъ было спокойно въ ту пору. Тревога слышится въ письмѣ м. Филарета къ оберъ-прокурору гр. А. П. Толстому отъ 15 дек. 1860 г., написанному по поводу назначенія новаго ректора. „При многолѣтнемъ наблюденіи моемъ надъ академіей, писалъ святитель, въ настоящее время замѣчаю въ ея состояніи нѣкоторыя новыя черты.., требующія вниманія... Повсюдныя, неумолкныя не столько разсужденія, сколько необдуманныя и неопредѣленныя провозглашенія о свободѣ оказали такое вліяніе на обучающихся въ свѣтскихъ училищахъ, что наставляемые присвояютъ себѣ права быть свободнѣе своихъ наставниковъ и полномочнѣе начальниковъ... Новѣйшая литература, которая порицаетъ все, и въ томъ числѣ и училища и учителей, и учебныя книги, и уставы, и распоряженія, и начальниковъ и судей, получила такое распространеніе, что проникаетъ всюду, если не въ двери, то чрезъ преграды и сквозь щели. Такіе примѣры, такія мысли составляютъ искушеніе для учащихся въ духовныхъ училищахъ и могутъ иныхъ подъ благовидными побужденіями выводить изъ должныхъ предѣловъ“ [4]). Въ это именно время,

---

1) Дѣло Д. У. У. 1861 г. № 148-4233.

2) Письма м. Фил. къ Антонію, ч. IV, стр. 153.

3) Спб. ак. 1858—1888 г., стр. 74. Собр. мн. и отз. м. Фил. т. V, стр. 151.

4) Собр. мн. и отз. м. Фил. т. IV, стр. 574—575.

впрочемъ, московскіе студенты, повидимому, не обнаруживали активно духа протеста. Но нѣсколько позже, въ 63 году, при ректорѣ Горскомъ, въ отказѣ писать сочиненіе [1]) проявился, очевидно, именно тотъ духъ, какого опасался м. Филаретъ.

Къ началу 60-хъ годовъ относятся между прочимъ два крупныхъ дѣла о безпорядкахъ въ Казани и Перми, которыя весьма характерны какъ для тогдашняго настроенія части духовной молодежи, такъ и вообще для внутренняго быта духовной школы. Первое дѣло возникло по слѣдующему поводу. Объявленіе манифеста 21 февраля 1861 года въ темной крестьянской средѣ, какъ извѣстно, не обошлось безъ печальныхъ недоразумѣній. На почвѣ неправильнаго толкованія его возникали иногда кровавыя столкновенія у крестьянъ съ властью. Одно изъ такихъ столкновеній между прочимъ произошло въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 61 года въ селѣ Безднѣ казан. губ., при чемъ было убито нѣсколько десятковъ крестьянъ. Когда извѣстіе отъ этомъ событіи пришло въ Казань, то группа студентовъ университета и академіи рѣшила отслужить панихиду по убитымъ, что и было сдѣлано 16 апрѣля 61 года, при чемъ панихиду служили два студента академіи — свящ. Яхонтовъ и іеродіаконъ Мелетій. При этомъ на кладбищѣ баккалавръ Щаповъ произнесъ рѣчь. Гражданская власть увидѣла въ этой панихидѣ политическую демонстрацію и было наряжено цѣлое слѣдствіе по этому дѣлу. Во время хода дѣла между прочимъ въ одномъ донесеніи оберъ-прокурору о настроеніи казанскихъ академиковъ говорится, что „вообще въ образѣ мыслей и жизни воспитанниковъ академіи замѣчена нѣкоторая вольность и недостатокъ благочестія; такое направленіе появилось въ управленіе академіей ректора архим. Іоанна и усилилось съ переходомъ баккалавра Щапова въ университетъ“. Главное вниманіе слѣдствія было направлено на рѣчь Щапова, содержаніе которой сильно ему инкриминировалось. По донесеніи о панихидѣ Государь велѣлъ тотчасъ-же арестовать Щапова и Яхонтова съ Мелетіемъ. Однако слѣдствіе въ концѣ концовъ въ сущности выяснило, что никакого особеннаго преступленія не было въ этомъ дѣлѣ. Рѣчь Щапова, по всѣмъ сохранившимся спискамъ, не заключала ничего преступнаго Онъ просто говорилъ, что убитые крестьяне пали жертвой своей темноты. Единственное выраженіе его рѣчи, которс

---

[1]) Приб. къ Тв. Св. Ѳ. 1885 г. т. I, стр. 238—244.

могло показаться „преступнымъ“, это то, что онъ ученіе Христа назвалъ „демократическимъ“. Что касается студентовъ, то было удостовѣрено, что большинство изъ участвовавшихъ въ панихидѣ не придавали никакого демонстративнаго значенія своему проступку. Нѣкоторая сознательность была присуща развѣ лишь служившимъ панихиду Яхонтову и Мелетію. И тѣмъ не менѣе весьма характерна судьба всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ. Отъ баккалавра Щапова, читавшаго въ то время лекціи и въ университетѣ, академическое начальство поспѣшило тотчасъ отречься, уволивъ его заднимъ числомъ изъ академіи. Затѣмъ, не смотря на то, что Щаповъ не сказалъ ничего преступнаго, съ нимъ все-таки поступили круто: онъ былъ препровожденъ съ жандармами въ Петербургъ и, хотя скоро увидѣли, что дѣло напрасно раздуто, удаленъ со службы и изъ духовнаго званія и подвергнутъ, по приказанію Государя, вразумленію въ Бабаевскомъ монастырѣ костром. губ. Любопытно, что гражданское начальство въ лицѣ казанскаго губернатора давало о Щаповѣ хорошіе отзывы и ходатайствовало за него, а академія, въ которой онъ пользовался большою популярностью среди студентовъ, гдѣ въ 60 году Урусовъ и ревизоръ — викарій аттестовали его какъ лучшаго преподавателя, не замолвила за него ни единаго слова. Священникъ Яхонтовъ былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, а іеродіаконъ Мелетій—въ Посольскій Спасо-преображенскій мон. иркутской еп. Студенты, участники панихиды, были поставлены во 2-мъ разрядѣ, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы въ слѣдующемъ году это не было для нихъ препятствіемъ къ полученію ученыхъ степеней. И опять замѣчательно отношеніе духовнаго вѣдомства къ своимъ членамъ. Студенты университета, сознательное участіе которыхъ въ панихидѣ было несомнѣнно, не понесли ровно никакого взысканія, такъ какъ казанскій губернаторъ высказался, что дѣло это лучше всего предать забвенію, чтобы не возбуждать къ нему вниманія и не вызывать раздраженія. А студенты академіи, несознательное участіе которыхъ было оффиціально признано, потерпѣли наказаніе [1]).

[1]) О панихидѣ—дѣло Канц. Об.-Пр. 2-го ст. 1-го отд. 1861 г., № 149. Отзывы по поводу его м. Филарета—Собр. мн. и отз. т. V, 1, стр. 60, 83, 95—106. У проф. Знаменскаго оно изложено — Ист. каз. ак., I, стр. 193—210. Между прочимъ, Знаменскій считаетъ Щапова виновнымъ въ произнесеніи криминальной рѣчи. Но въ спискахъ рѣчи Щапова, имѣющихся въ синодскомъ дѣлѣ по донесеніямъ слѣдователей, не было ничего кри-

Нѣчто отчасти аналогичное казанскому дѣлу представляетъ и дѣло пермской семинаріи. Оно возникло по поводу демонстративныхъ выходокъ учениковъ противъ начальства, которыя скрывать было больше нельзя и которыя вызвали въ 1861 году экстренную ревизію пермской сем. проф. спб. ак. Карповымъ. Изъ дѣла, возникшаго такимъ образомъ, раскрывается весьма печальное состояніе пермской сем. въ послѣдніе годы (а между тѣмъ обычная ревизія 60 года аттестовала здѣсь все благополучнымъ). У учениковъ замѣтно было сильное недовольство противъ семинарскаго начальства. Одинъ ученикъ дважды покушался на самую жизнь ректора; ученики бросали въ него камнями, разбивали окна въ его квартирѣ. Между семинаристами ходили сочиненія и брошюры революціоннаго содержанія. Сначала семинарское начальство скрывало всѣ эти непорядки. Ректоръ неоднократно получалъ отъ учениковъ угрожающія письма, былъ даже назначенъ мѣстный комитетъ для розысканія авторовъ этихъ писемъ, но высшему начальству не доносили. Наконецъ „держать соръ въ избѣ“ стало невозможно, и истина раскрылась. Ревизія Карпова раскрыла всѣ указанныя обстоятельства. Она нашла, что между учениками распространены пьянство, развратъ и многіе другіе грубые пороки; что семинаристы отличались вообще вольномысленнымъ духомъ. Нѣсколько изъ нихъ было арестовано и у нихъ нашли сочиненія возмутительнаго содержанія, которыя изъ семинаріи распространялись и по городу. Семинарское начальство, когда началось разслѣдованіе, всю вину сваливало на внѣшнія вліянія. Именно, по его мнѣнію, возмутительный духъ въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ образовался отъ общенія съ исключенными учениками или съ вышедшими въ свѣтское вѣдомство, а также отъ общенія и съ другими вольномысленными людьми въ городѣ. Особенное вліяніе приписывалось существующей въ городѣ библіотекѣ, основанной нѣсколькими преподавателями семинаріи, секретаремъ консисторіи и однимъ бывшимъ сем. преподавателемъ, поступившимъ на службу при губернаторѣ чиновникомъ особыхъ по-

---

минальнаго, никакихъ политическихъ намековъ, каковые есть, напримѣръ, въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ мнѣніи м. Филарета (т. V, 1, стр. 100). Вообще митроп. Филаретъ въ своемъ мнѣніи (V, 1, стр. 95—106) является болѣе строгимъ обвинителемъ всѣхъ привлеченныхъ къ дѣлу, чѣмъ то нашло возможнымъ сдѣлать на основаніи данныхъ слѣдствія высшее начальство.

ручений. Въ этой библіотекѣ получались всѣ свѣтскіе журналы и разныя сочиненія и оттуда ихъ добывали семинаристы. Но одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу преподавателей всю вину полагалъ во внутреннемъ состояніи семинаріи и именно въ семинарскомъ начальствѣ. По его словамъ, ректоръ семинаріи архим. Дороѳей завелъ въ семинаріи іезуитскіе порядки: шпіонство, лицемѣріе, святошество; морилъ учениковъ длинными, утомительными службами, докучалъ имъ многорѣчивыми наставленіями, подвергалъ многихъ несправедливымъ наказаніямъ и исключалъ по подозрѣнію или доносу, и вообще завелъ такой режимъ, что ученики стали разбѣгаться изъ общежитія, а лучшіе—увольняться изъ семинаріи. Ревизоръ Карповъ нашелъ, что причины семинарскихъ безпорядковъ были какъ внѣшнія, именно упомянутая библіотека и сношенія съ разными лицами, такъ и внутреннія, а именно ошибочныя и раздражающія дѣйствія семинарскаго начальства (мелочно-формальный характеръ дисциплины, система шпіонства, несправедливыя увольненія, рѣзкое и грубое обращеніе съ учениками). Настроеніе учениковъ проявлялось и во время ревизіи: они предъявили проф. Карпову письменное требованіе, чтобы „старшіе" выбирались учениками, чтобы ихъ не подвергали наказаніямъ, и т. п. Вообще же семинарія была найдена столь разстроенной, что возникалъ вопросъ о ея закрытіи и по этому поводу запрошено было мнѣніе м. Филарета. Между прочимъ, въ этомъ дѣлѣ опять ярко проявилось отношеніе духовнаго вѣдомства къ своимъ служащимъ. По поводу безпорядковъ было уволено нѣсколько преподавателей. При этомъ семинарское начальство хотѣло свалить вину на непріятныхъ ему лицъ. Нѣкоторые наставники, прикосновенные къ библіотекѣ, видимо, стояли на сторонѣ учениковъ и составляли оппозицію. Одинъ изъ нихъ, Моригеровскій, далъ какъ-то для переписки ученикамъ одну раскольническую рукопись подъ названіемъ „Посланіе старца Кондратія", гдѣ императоръ назывался антихристомъ и проч. Семинарское начальство раздуло это дѣло и представило такъ, якобы это относится къ царствующему государю и что вообще это революціонное сочиненіе. Трудно представить что либо нелѣпѣе и невѣжественнѣе подобнаго обвиненія. Тѣмъ не менѣе Моригеровскій по этому поводу былъ взятъ подъ стражу, подвергся унизительнымъ допросамъ отъ губернатора и въ концѣ концовъ по высочайшему повелѣнію былъ высланъ въ г. Тотьму.

Другой преподаватель, дававшій ученикамъ въ указанной библіотекѣ разныя книги, былъ высланъ въ Красноуфимскъ. У нѣкоторыхъ преподавателей дѣлались неоднократные обыски. Секретарь консисторіи былъ уволенъ. А между тѣмъ главный дѣятель „преступной" библіотеки и содержатель ея все время оставался чиновникомъ при губернаторѣ и получилъ даже повышеніе, что очевидно доказываетъ, что во всемъ этомъ библіотечномъ дѣлѣ не было ничего преступнаго [1]).

И казанское и пермское дѣло, имѣютъ, какъ видно, политическую окраску. Этими дѣлами на духовныхъ воспитанниковъ набрасывалась тѣнь политической неблагонадежности. Подозрѣніе въ послѣдней вообще въ началѣ 60-хъ годовъ нерѣдко предъявлялось къ питомцамъ духовно-учебныхъ заведеній. И студенты и семинаристы находились, видимо, подъ строгимъ наблюденіемъ жандармскаго отдѣленія, которое нерѣдко секретно доносило о своихъ заключеніяхъ высшей власти. Но, судя по тѣмъ даннымъ, какія имѣются въ синодскомъ архивѣ по этому вопросу, обвиненія, предъявляемыя жандармеріей къ учащимся духовной школы, были большею частью неосновательны. Напримѣръ, шефъ жандармовъ секретно сообщалъ въ 1863 году оберъ-прокурору, что о нѣкоторыхъ воспитанникахъ московской академіи съ мѣстъ ихъ службы имѣются неблагопріятные отзывы. „Въ кіевской академіи, писалъ онъ, замѣчается свободомысліе, отсутствіе уваженія ко всему священному, и дозволяется будто-бы даже на каѳедрѣ порицаніе вселенскихъ учителей. Помѣщенная въ трудахъ кіевской Академіи статья о Св. Златоустѣ производитъ непріятное впечатлѣніе". Между студентами кіевской академіи, доносилъ онъ другой разъ, замѣтно безбожіе и неуваженіе къ религіи и святынѣ до такой степени, что вновь поступающіе въ академію воспитанники семинарій, проникнутые религіозными правилами, впадаютъ въ уныніе, видя такое состояніе академіи". „Преподаватели и воспитанники каменецъ-подольской семинаріи,—въ третій разъ писалъ шефъ жандармовъ,—обнаруживаютъ вредное направленіе и явное неповиновеніе. Назначенный туда инспекторъ своимъ либера-

---

[1]) О безпор. въ перм. сем. дѣло Д. Уч. Упр. 1861 г. № 146-4236. Мнѣнія по поводу его м. Филар.—Собр. мн. и отз. т. V, 1, стр. 90, 157. Подробно излагается это дѣло и въ Ист. перм. сем., III, стр. 339 и слѣд. Но освѣщеніе, приданное дѣлу въ послѣдней исторіи, не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

лизмомъ и ложною гуманностью пріобрѣлъ расположеніе учениковъ и возстановляетъ ихъ противъ ректора, власть котораго неминуемо должна вслѣдствіе того ослабѣть, тѣмъ болѣе, что онъ не находитъ поддержки въ академіи, къ нему вообще нерасположенной, и что архіерей не вникаетъ въ дѣла семинаріи". О всѣхъ этихъ донесеніяхъ конфиденціально сообщалось мѣстному начальству, но ни одно изъ нихъ не подтвердилось. Навѣты на кіевскую академію, по отзыву епархіальнаго и учебнаго начальства, были гнусною клеветою [1]). Такою же клеветою оказался въ 1862 году доносъ на черниговскую семинарію [2]). Подтвердившихся доносовъ мы совсѣмъ не нашли. Очевидно, жандармерія усердствовала черезъ мѣру, несправедливо бросая тѣнь на духовную школу. Вообще, какъ справедливо замѣтилъ проф. Знаменскій по наблюденіямъ надъ дѣлами казанской академіи [3]), вопреки установившемуся мнѣнію семинаристы весьма рѣдко въ дѣйствительности изобличались въ политической неблагонадежности и совсѣмъ неосновательно огульно считались въ то время зараженными „нигилизмомъ". Не даромъ самъ м. Филаретъ, суровый въ своихъ приговорахъ, защищалъ духовныя училища отъ обвиненія въ вольнодумствѣ [4]). Если же нѣкоторыя ревизіи находили, что среди учащихся распространяются «зловредныя идеи», то это во-первыхъ надобно относить лишь къ небольшой сравнительно части учащихся, во вторыхъ же слѣдуетъ понимать въ весьма ограниченномъ смыслѣ. „Зловредныя" идеи по существу во все не были такъ зловредны. Онѣ заключались главнымъ образомъ въ интересѣ къ разнымъ новѣйшимъ естественно—научнымъ и соціальнымъ теоріямъ, въ критическомъ отношеніи къ традиціоннымъ взглядамъ; но отсюда до „нигилизма" еще далеко [5]).

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1863 г. № 80-2114.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1862 г. № 142/2075.

[3]) Ист. каз. ак., I, стр. 365.

[4]) Собр. мн. и отз. м. Фил., т. V, 2, стр. 811.

[5]) Увлеченіе чтеніемъ естественно-научныхъ и соціалистическихъ сочиненій и развитіе критицизма замѣчалось, какъ остатокъ духа 60-хъ годовъ, и первыми ревизорами учебнаго комитета (напр., отч. о рев. подольск. 71 г., стр. 4; курск. 70 г., стр. 31-32). Ревизоръ курской сем. 70 г. замѣтилъ въ учащихся отрицательное отношеніе къ семинарской наукѣ, пренебреженіе къ умозрительнымъ методамъ и увлеченіе индуктивной логикой Милля; сочиненія учениковъ обнаруживали въ нихъ переполненіе сознанія реальными свѣдѣніями. Такое направленіе было результатомъ чтенія книгъ: изъ записей ученической библіотеки было видно, что $^2/_3$

Какъ бы то ни было, однако, въ 60-хъ годахъ въ духовномъ мірѣ учащейся молодежи произошелъ сильный переворотъ. Прежній окаменѣлый традиціонный укладъ школьнаго быта былъ нарушенъ. Проснулись умственные запросы проникли въ умы новые взгляды. При такихъ условіяхъ старый воспитательный режимъ не могъ уже остаться неприкосновеннымъ Въ академіи прежняя дисциплина всюду начала ослабѣвать. По даннымъ слѣдственнаго дѣла казанской академіи 61 г., напримѣръ, уставныя правила въ академіи почти совсѣмъ не исполнялись. Студенты весьма неисправно посѣщали богослуженіе и лекціи, ложились спать и вставали, когда хотѣли, уходили изъ академіи и возвращались, когда желали [1]). И вернуть старые порядки уже было невозможно. Въ срединѣ 60-хъ годовъ казанскій ректоръ Иннокентій сталъ было поднимать упавшую академическую дисциплину; но студенты тогда стали уходить изъ академіи и въ 1864 году вышло 18 человѣкъ—треть всего состава. Тогда и самъ ректоръ махнулъ рукою на свою затѣю [2]). Ревизоръ спб. академіи въ 1867 г. то-же съ грустью замѣтилъ, что въ нравственномъ отношеніи, видимо, подверглись замѣтному ослабленію правила устава, касающіяся благочестивыхъ упражненій, порядка и употребленія времени, отлучекъ студентовъ изъ корпуса, посѣщенія лекцій, оказыванія почтенія высшимъ и т. п. [3]). Между прочимъ упадокъ академической дисциплины весьма характерно сказался неисправной подачей сочиненій. Въ спб. академіи въ 67 году ни одинъ студентъ не подалъ во время курсового сочиненія [4]); для исправной подачи семестровыхъ сочиненій въ 66 году здѣсь принимались особыя мѣры [5]). Въ московской академіи въ 66 году не подали курсового сочиненія 2, въ 68 году—6, въ 70 году 16 [6]). Въ казанской академіи во второй половинѣ 60-хъ годовъ были подобныя же явленія [7]). Въ семинаріяхъ то-же многое измѣнилось. Розги совсѣмъ исчезли

учениковъ перечитали сочиненія Бѣлинскаго, Овэна, Дрэпера, Дарвина и др. Въ разгаръ движенія 60-хъ годовъ, какъ видно, эти сочиненія не были еще запретными для семинарскихъ библіотекъ.

[1]) Собр. мн. и отз. м. Фил., т. V, 1, стр. 104—105.

[2]) Ист. каз. ак., I, стр. 242, 246.

[3]) Дѣло Канц. Об. Пр., 1-го отд. 2-го ст. 1867 г., № 7.

[4]) Спб. академія 1858—1888 г., стр. 77—78.

[5]) Ibid., стр. 31.

[6]) Ист. моск. ак., стр. 573—577.

[7]) Ист. каз. ак., I, стр. 257; II, стр. 317.

отсюда; колѣни и прочія унизительныя наказанія стали рѣже; обращеніе съ учениками сдѣлалось вѣжливѣе. Строгость надзора за общежитіями ослабѣла и „бурсаки" стали пользоваться большею свободою, превращавшейся по временамъ и въ распущенность [1]) „Старшіе" потеряли почти всякое значеніе. Только въ училищахъ еще довольно прочно держались старыя традиціи, но и здѣсь уже нерѣдко и въ обращеніи наставниковъ и въ системѣ наказаній стало сказываться близкое крушеніе стараго строя.

---

[1]) Ослабленіе дисциплины и распущенность составляли черту внутренняго состоянія и свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеній въ 60-хъ годахъ (Шмидъ, Исторія ср. уч. зав., стр. 494—495).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экономическое положеніе духовно-учебныхъ заведеній въ 1840—1860-хъ годахъ.

Ничего положительнаго не дала духовной школѣ протасовская эпоха и въ области экономическаго положенія. Гр. Протасовъ, видимо, искренно желалъ улучшить матеріальный бытъ духовно-учебныхъ заведеній, судя по его отношенію къ спб. академіи и семинаріи. Но, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ осуществленія этого желанія, никакихъ общихъ мѣръ по данной части не было предпринято. Духовная школа содержалась по-прежнему на скудныя средства духовнаго вѣдомства, созданныя во время Комиссіи Дух. Учил. Но естественный ростъ этихъ средствъ въ разсматриваемое время значительно замедляется по сравненію съ прежнимъ. Во время Комиссіи капиталы ея и доходы все увеличивались и увеличивались вслѣдствіе съ одной стороны увеличенія свѣчного дохода, а съ другой стороны вслѣдствіе увеличенія процентовъ на капиталъ, такъ какъ ежегодно бывали большіе остатки, присоединяемые къ капиталу. Съ 40-хъ годовъ подобные остатки все уменьшаются, такъ какъ уже въ концѣ 30-хъ годовъ балансъ доходовъ и расходовъ пришелъ почти въ равновѣсіе. Вслѣдствіе этого ростъ капитала становится очень медленнымъ и почти единственнымъ источникомъ увеличенія доходовъ дѣлается свѣчная прибыль. Отсюда и доходы возрастаютъ очень незначительно, и, наконецъ, къ началу 60-хъ годовъ расходы начинаютъ иногда превышать доходы. Въ 1840 году, когда прежній счетъ на ассигнаціи былъ переведенъ на серебро, весь духовно-учебный капиталъ равнялся 14.573,594 р.; весь приходъ былъ 1.682,419 р., а весь расходъ 1.545,757 р. [1]). Въ 1850 году дух.-уч. капиталъ составлялъ 15.789,264 р.; приходъ былъ 1.821,926 руб., а весь расходъ 1.623,823 р. [2]). Въ 1860 году дух.-учеб. капитала было 15.951,702 р.; приходъ въ этомъ году былъ 1.873,615 р., а весь расходъ равнялся 2.023,113 р. [3]). Въ срединѣ 60-хъ годовъ доходы и расходы сводились въ одинаковой суммѣ. Та-

¹) Изъ отч. об.-пр. 1840 г., Прил., стр. 74—77.

²) Изъ отч. об.-пр. 1850 г., Прил., стр. 74—82.

³) Изъ отч. об.-пр. 1860 г., Прил., стр 108—111.

кимъ образомъ мы видимъ, что весь расходъ духовно-учебныхъ капиталовъ за 20 лѣтъ, съ 1840 г. по 1860, безъ дефицита, могъ возрасти не многимъ болѣе 300 тыс. рублей. Само собою разумѣется, что эта сумма совсѣмъ не соотвѣтствовала возрастанію школьныхъ нуждъ за то-же время. Поэтому въ фактическомъ положеніи вещей матеріальное обезпеченіе школы за разсматриваемый періодъ не улучшалось, а все понижалось, и наконецъ духовно-учебныя заведенія въ первой половинѣ 60-хъ годовъ дошли до такого обнищанія, что, по оффиціальному признанію, имъ угрожало „конечное паденіе".

Въ постановкѣ духовно-учебнаго хозяйства въ данную эпоху не произошло никакой перемѣны. По окладамъ епархіи по прежнему дѣлились на три разряда, и самые штаты оставались неизмѣнными съ 1836 года до новой реформы 1867 года. Только теперь, съ 1840 года, счетъ денегъ велся на серебро, вслѣдствіе чего нарицательная сумма окладовъ уменьшилась въ $3^1/_2$ раза, такъ какъ при переводѣ счета съ ассигнацій на серебро было принято считать рубль серебромъ за $3^1/_2$ рубля ассигнаціями. Уже такая продолжительная неподвижность штатнаго положенія говоритъ, что оно сильно отставало отъ роста дѣйствительныхъ потребностей. А какъ велика была эта отсталость, показываетъ печальная картина экономическаго состоянія духовно-учебныхъ заведеній по всѣмъ частямъ ихъ матеріальнаго быта.

Прежде всего опять заявляла о себѣ полная неудовлетворительность *положенія преподавательскаго персонала*. Въ переводѣ на серебро, оклады жалованья служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ по штатамъ 1836 года выразились въ слѣдующихъ цифрахъ. Въ академіяхъ, изъ которыхъ для новой казанской академіи въ 1842 году былъ созданъ и особый штатъ, въ данное время жалованье было таково.

ОКЛАДЫ.	С.-Пбург. акад.		Москов. акад.		Кіев. акад.		Казанск. акад. [1]).	
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
	[2])						Вмѣстѣ съ проф. жалованіемъ.	
Ректору	858	—	715	—	642	85	1200	—
Профессору	858	—	715	—	642	85	715	—

[1]) Штатъ каз. ак. см. въ Ист. каз. ак., II, стр. 556.

[2]) Ректору спб. ак. въ началѣ этого періода было прибавлено еще 1000 р. столовыхъ (Ист. спб. академіи, стр. 357). Затѣмъ вообще ректорамъ

ОКЛАДЫ.	С.-Пбург. акад.		Москов. акад.		Кіевск. акад.		Казан. акад.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
Баккалавру	429	—	357	60	321	42	357	60
Инспектору	286	—	257	40	228	80	257	40
Эконому	286	—	257	40	228	80	257	40
Лекарю	228	80	228	80	228	80	228	80
Секретарю	200	20	171	60	171	60	171	60
Библіотекарю	200	20	171	60	171	60	171	60
Помощнику библіотекар.	128	70	114	40	114	40	114	40
Письмоводителю . . .	128	70	114	40	114	40	114	40

При этомъ профессорское жалованье получали только ординарные профессоры, каковыхъ полагалось 6. Профессоры экстраординарные, въ каковое званіе по уставу 1814 года академія могла возводить достойнѣйшихъ баккалавровъ, не болѣе четырехъ [1]), получали баккалаврское жалованіе.

Семинарскіе и училищные оклады, въ переводѣ на серебро, составили слѣдующія суммы [2]).

ОКЛАДЫ.	Епархіи привиллегирован.		Епархіи 1-го разр.		Епархіи 2-го разр.		Епархіи 3-го разр.	
	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.	РУБ.	К.
Ректору семинаріи за ректорство	429	—	321	42	285	71	257	40
Профессору семинаріи	429	—	321	45	285	71	257	40
Инспектору семинаріи.	200	20	171	42	150	15	128	70
Эконому семинаріи . .	200	20	171	42	150	15	128	70
Врачу семинаріи . . .	143	—	143	—	143	—	143	—
Секретарю семинаріи .	143	—	128	70	107	15	85	80
Библіотекарю семинаріи	128	70	100	—	71	42	71	42
Смотрителю уѣздн. учил.	214	25	185	71	171	42	150	—
Инспектору уѣздн. учил.	100	—	57	15	57	15	57	15

академій и семинарій, и завѣдующимъ монастырями, въ 1842 году разрѣшено выдавать жалованье безъ вычета $^1/_3$ (Изъ отч. об.-пр. 1842 г., стр. 66).

[1]) § 38 уст. 1814 г. Экст. профессоры получали право присутствовать и въ конференціи.

[2]) Въ 1845—1846 гг. были обезпечены общими штатами дух.-уч. заведенія литовской и полоцкой еп., бывшія доселѣ на особомъ положеніи (Изъ отч. об.-пр. 1846 г., стр. 55). По штату литовской сем. ректору и профессорамъ положено по 400 р. (Ист. лит. сем., стр. 261).

ОКЛАДЫ.	Епархіи привиллегирован.		Епархіи 1-го разр.		Епархіи 2-го разр.		Епархіи 3-го разр.	
	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.	руб.	к.
Старшему учител. уѣздн. учил. [1])	214	25	185	71	171	42	150	—
Младшему учит. уѣздн. учил.	200	—	171	42	150	—	128	70
Смотрителю прих. учил.	171	42	128	70	107	15	85	80
Старшему учит. прих. учил.	171	42	128	70	107	15	85	80
Младшему учит. прих. учил.	143	—	100	—	100	—	71	42

Кромѣ штатнаго жалованья, наставники духовно-учебныхъ заведеній въ это время продолжали получать классные оклады по ученымъ степенямъ: магистры—100 р. серебр., а кандидаты 71 р. 50 к. Затѣмъ значительная часть ихъ пользовались или казенною квартирою или квартирнымъ пособіемъ. Казенныя квартиры предоставлялись почти исключительно холостымъ преподавателямъ: такихъ квартиръ было сравнительно немного, такъ какъ школьныя помѣщенія были слишкомъ недостаточны. Квартиры эти были по прежнему очень скромны. Начальствующіе имѣли обычно 2—3 комнаты; наставники же жили по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ въ такихъ же помѣщеніяхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ у каждаго была своя небольшая квартирка (напр. въ казанской академіи [2]). Квартирныя же пособія выдавались по старому положенію 1825 года, т. е. прослужившимъ съ одобренія начальства не менѣе 4-хъ лѣтъ; при этомъ въ 1842 году было особо предписано при представленіи къ кв. пособію объяснять и тѣ заслуги, за которыя оно испрашивалось [3]). Выдача квартирныхъ денегъ производилась или изъ экономическихъ суммъ, или, за неимѣніемъ послѣднихъ, изъ дух. учебныхъ капиталовъ. Съ теченіемъ времени, съ увеличеніемъ экономическихъ затрудненій въ школьномъ хозяйствѣ, суммы на квартирныя пособія все болѣе

[1]) Послѣ преобразованія училищъ въ 1851 году въ училищахъ старшіе оклады учителей уѣздн. училищъ стали получать учителя в. отд., младш. оклады учителей уѣз.училищъучителя средняго отд., оклады учителей приход. учил. учителя низшаго отдѣленія.

[2]) Ист. каз. ак. II, стр. 562.

[3]) Ист. влад. сем., II, стр. 200.

относились на счетъ центральнаго управленія. Но такъ какъ и послѣднее денегъ имѣло мало, то въ 1857 году послѣдовало даже особое предписаніе назначать квартирныя пособія, при неимѣніи экономическихъ суммъ, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ [1]). Размѣръ квартирныхъ пособій былъ не одинаковъ; онъ опредѣлялся школьнымъ правленіемъ въ зависимости отъ положенія служащихъ. Въ спб. академіи въ концѣ 50-хъ годовъ семейные наставники, жившіе внѣ академіи, получали, напримѣръ: ординарные проф.—по 250 р., экстраординарные—по 114 р., а съ 1858 года еще по 24 сажени дровъ [2]). Въ московской академіи въ 1840 году кв. пособіе было 60—75 р. сер., а въ 1860 г. назначено ординарнымъ проф. 180 р., экстраординарнымъ—120 р., баккалаврамъ 90 р. [3]). Въ казанской академіи кв. пособіе давалось обычно въ размѣрѣ 150 р. [4]). Въ спб. семинаріи обычный размѣръ пособія былъ 100 р. [5]). Въ литовской сем. кв. пособіе бывало 125 р. [6]); въ смоленской сем.—60—70 р. [7]); во владимирской сем. въ 1860 году кв. пособіе было 40—60 р., а въ ярославской сем.—40—43 р. [8]) По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ дух. Уч. Управленія 1862 года, размѣры кв. пособій были въ академіяхъ—100—250 р., въ семинаріяхъ—40—100 руб., въ низшихъ училищахъ—20—60 р. [9]). Въ 1850 году изъ дух. уч. капиталовъ было отпущено на кв. пособія 15,569 р., а всѣхъ преподавателей въ дух. уч. заведеніяхъ числилось 1985 чел. [10]); значитъ среднимъ числомъ на каждаго приходилось ок. $7^1/_2$ р. А если мы примемъ за среднюю цифру кв. пособія (принимая во вниманіе, что почти $^2/_3$ всѣхъ преподавателей служили въ низшихъ училищахъ) 60 р., то окажется, что его получали изъ д.-уч. капиталовъ всего 260 человѣкъ, т. е. ок. 13%. Въ 1859 году изъ д.-уч. капиталовъ на кв. пособія было отпущено 15,023 р., а всѣхъ преподавателей числилось 1853 чел. [11]); слѣдовательно

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 498; Ист. каз. ак., II, стр. 556.
[2]) Спб. ак. 1858—1888 г., стр. 103.
[3]) Ист. москов. ак., стр. 347.
[4]) Ист. каз. ак., II, стр. 556.
[5]) Ист. спб. сем., стр. 497.
[6]) Ист. лит. сем., стр. 262.
[7]) Ист. смол. сем., стр. 334.
[8]) Дѣло о ревизіи Урусова.
[9]) Дѣло Д. У. У. 1862 г., № 143-3550.
[10]) Изъ отч. об.—пр. 1850 г., прилож.
[11]) Изъ отч. об. пр. за 1859 г., Прилож.

опять получается почти тотъ же результатъ [1]). Такимъ образомъ только ок. 13—15% преподавательскаго персонала получали кв. деньги за счетъ центральнаго управленія. Какое количество наставниковъ получали пособія изъ экономическихъ суммъ, опредѣлить мы не можемъ. Но вообще, надо полагать, что квартирой или кв. пособіемъ пользовались менѣе половины всѣхъ преподавателей, потому что квартиръ было мало, а пособія давали только послѣ 4-хъ лѣтъ службы, да и то не всегда, а наставники, особенно низшихъ училищъ, болѣе 4-хъ лѣтъ рѣдко и служили. Затѣмъ, еще болѣе или менѣе распространеннымъ пособіемъ къ скудному преподавательскому жалованью являлось занятіе побочныхъ должностей, каковы должности библіотекаря, секретаря, эконома, помощника инспектора, надзирателя и преподаваніе необязательныхъ предметовъ. За исполненіе обязанностей помощника инспектора теперь уже обычно давалось вознагражденіе, въ размѣрѣ отъ 30 до 200 р. (послѣдняя цифра относится къ академіямъ и спб. семинаріи, средній же размѣръ вознагражденія былъ около 100 р.). За преподаваніе новыхъ языковъ платилось въ среднемъ около 150 р. Что касается другихъ случайныхъ источниковъ дохода, какъ-то денежныя награды, которыя продолжали даваться послѣ ревизіи и въ этотъ періодъ, и какія либо пособія, то они были исключительными и учету совершенно не поддаются.

Такимъ образомъ, все, что могли получать болѣе или менѣе постоянно преподаватели, это было—для ординарнаго профессора академіи—ок. 1000—1110 р.+(858 р.+100 р. кл. окл. +150 кварт.), для экстраординарнаго проф. и баккалавра—421—529 р.+кварт.; для преподавателя семинаріи 320--520 р.+ возможн. кварт.; для учителя низшихъ училищъ—70--200 р.+ возм. кварт. Могли ли же быть подобные оклады удовлетворительны для служащихъ духовно-учебнаго вѣдомства?

Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства нар. просвѣщенія за разсматриваемое время служащіе вознаграждались слѣдующимъ образомъ. По штату 1828 года, въ переводѣ на серебро, директоръ гимназіи получалъ въ С.-Петербургѣ 857 р. 76 к., въ Москвѣ 771 р. 89 к., въ губ. перв. разр. 714 р. 80 к., втор. разр. 643 р. 31 к., третьяго разр. 571 р.

---

[1]) Такая же сумма—15 тыс.--была отпущена на кв. пособія и въ 1866 году (Отч. об. пр. за 1866 г.).

84 к. Инспекторъ гимназіи получалъ въ С.-Петербургѣ 714 р. 80 к., въ Москвѣ 643 р. 31., въ губ. 1-го разр. 571 р. 84 к., въ губ. втор. разр.—514 р. 60 к., въ губ. трет. разр. 457 р. 51 к. Старшіе учителя гимн. получали въ С.-Петербургѣ 643 р. 31 к., въ Москвѣ 557 р. 52 к., въ губ. перв. разр. 536 р. 2 к., втор. разр.—464 р. 64 к., 3-го разр. 393 р. 65 к. Младшіе учителя гимн. вездѣ получали 343 р. 10 к. Въ 1859 году эти оклады были вызвышены до такихъ размѣровъ. Директора гимн. получили въ вышеприведенной градаціи по 1000, 1000, 900, 850 и 800 р.; инспектора—по 850, 850, 800, 750 и 700 р.; старшіе учителя—по 750, 750, 700, 650 и 600 р.; младшіе учителя по 550 р. Профессора университета получали по штатамъ 1835 года серебромъ—ординарные 1571 р. и 1285 р., экстраординарные—1114 р. и 971 р., адъюнкты—800 р. и 657 р. Какъ видно, духовно-школьные штаты далеко отставали отъ штатовъ министерства нар. просв.

Но еще дальше отставали они отъ дѣйствительныхъ потребностей жизни. Послѣ реформы графа Канкрина, замѣнившей въ 1839 году счетъ денегъ на ассигнаціи счетомъ на серебро, жизнь въ Россіи начала быстро дорожать; а послѣ крымской кампаніи 1855 г. это вздорожаніе пошло еще быстрѣе. Цѣны на всѣ жизненные припасы стали такъ возрастать, что черезъ 20 лѣтъ увеличились вдвое, втрое и даже иногда больше. Напримѣръ, правленіе виѳанской семинаріи въ 1859 году представляло такую сравнительную вѣдомость цѣнъ. Пудъ ржаной муки въ 1836 году стоилъ 38 к., въ 1854 году 47 к., въ 1859 г. 63 к.; четверть гречневой крупы въ 1836 г. стоила 3 р. 39 к., въ 1854 г. 4 р. 49 к., въ 1859 году 7 р. 50 к.; пудъ говядины въ 36 г. стоилъ 1 р. 7 к., въ 54 году 1 р. 45 к., въ 59 г. 2 р. 15 к.; пудъ соленой рыбы стоилъ въ 36 году 1 р. 96 к., въ 54 г. 3 р., въ 59 г. 4 р.; пудъ свѣжей рыбы стоилъ въ 36 г. 1 р. 72 к., въ 54 г. 3 р. 38 к., въ 59 г. 3 р. 80 к.; пудъ коровьяго мяса стоилъ въ 36 г. 3 р. 90 к., въ 54 г. 5 р. 49 к., въ 59 г. 7 р. 30 к.; четверть картофелю стоила въ 36 г. 11 к., въ 54 г. 21 к., въ 59 г. 30 к.; обувь стоила для одного ученика въ 36 г. 2 р. 66 к., въ 54 г. 5 р. 30 к., въ 59 г. 7 р. [1]). Въ Казани въ 1843 г. пудъ ржаной муки покупался по 32 к., въ 59 г. по 40 к., въ 63 г. по 50 к.; пудъ гречневой крупы въ 43 г. по 41 к., въ 59 г. по 70 к.

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 142/3231.

въ 63 г. 75 к.; пудъ говядины въ 43 г. 1 р. 32 к., въ 59 г. 2 р., въ 63 г. 2 р. 40 к.; пудъ коровьяго мяса въ 43 г. 4 р. 50 к., въ 59 г. 6 р. 20 к., въ 63 г. 7 р. 99 к.[1]). Во Владимірѣ въ 56 году пудъ ржаной муки стоилъ 2 р. 48 к., пудъ говядины 1 р. 73 к., пудъ рыбы 3 р. 40—4 р. 50 к., четверть гречневой крупы 6 р. 78 к., пудъ коровьяго масла 5 р. [2]). По словамъ наставниковъ кіевской академіи въ 59 году, въ Кіевѣ уже черезъ 11 лѣтъ послѣ 1836 года цѣны болѣе, чѣмъ удвоились, а къ 59 году утроились и учетверились; напр. пудъ ржаной муки въ 36 году стоилъ 50 к. ассигн., а въ 59 г. 70—75 к. серебр. [3]). По разсчетамъ правленія литовской сем., пудъ ржаной муки въ 45 г. стоилъ 94 к., въ 56 г. 1 р. 25 к.; гречн. крупа въ 45 г. 1 р. 12 к., въ 56 г. 1 р. 60 к.; пудъ говядины въ 45 г. 1 р. 34 к., въ 56 г. 1 р. 80 к.; пудъ масла въ 45 и 56 гг. 7 р.; копа дровъ въ 56 г. 14 р. [4]). Скромная квартира (2 комн. съ кухней) въ Казани, по разсчету 1848 г., стоила 200—250 р. въ годъ [5]); въ С.-Петербургѣ въ 1859 году наставники платили за квартиру отъ 180 до 650 р. [6]) Въ Кіевѣ въ 36 году квартира стоила 200 р. ассигн., въ началѣ 50-хъ годовъ—200 р. серебр., а въ 59 году—300 р. серебр. [7]). Въ Симбирскѣ въ началѣ 60-хъ годовъ наставники платили за квартиру ок. 150 р. [8]).

При такихъ условіяхъ, очевидно, что получаемое наставниками содержаніе не только въ концѣ 50-хъ годовъ, но и въ началѣ 40-хъ годовъ было совершенно недостаточно. Даже окладъ ординарнаго профессора академіи не обезпечивалъ его существованія съ семьей, когда, напримѣръ, за одну квартиру приходилось заплатить 300—600 р. Но ординатура была для академическихъ наставниковъ въ то время еще и очень трудно достижимой; ее получали преимущественно монашествующіе, а иногда нарочно изъ экономіи не замѣщали всѣхъ вакансій ординарнаго профессора, какъ, напримѣръ, въ казанской академіи, гдѣ никогда не было штатнаго числа орди-

---

1) Ист. каз. ак., III, стр. 99, 114.
2) Ист. влад. сем., II, стр. 207.
3) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 300/3306.
4) Ист. литов. сем., стр. 270.
5) Ист. каз. ак., II, стр. 557.
6) Ист. спб. сем., стр. 498.
7) Дѣло Д. У. У. 1859 г., № 300-3306.
8) Дѣло Д. У. У. 1863 г., № 2171.

нарныхъ профессоровъ [1]). Поэтому болѣе $^{2}/_{3}$ акад. наставниковъ должны были довольствоваться баккалаврскимъ жалованьемъ, равнявшимся окладу профессора семинаріи. Тѣмъ и другимъ приходилось жить на 350—550 р. А по приведеннымъ цѣнамъ ясно, что меньшія изъ этихъ суммъ, получаемыя большинствомъ, не могли удовлетворить скромныхъ потребностей даже холостого наставника и въ 40-хъ годахъ. Въ 50-хъ же годахъ, особенно въ концѣ, ни одинъ окладъ не былъ достаточенъ для нуждъ одинокаго человѣка. Что-же говорить въ такомъ случаѣ о семейныхъ? По вычисленію казанскаго акад. правленія въ 1858 году, содержаніе холостого наставника въ годъ обходилось въ 673 р., а получалъ наставникъ вмѣстѣ съ класснымъ окладомъ 457 р. [2]); по разсчету, сдѣланному здѣсь же въ 49 году, содержаніе холостого наставника стоило 561 р., а получалъ онъ на 100 р. меньше [3]). Въ спб. семинаріи въ 1846 году одинъ профессоръ писалъ на имя правленія, что его оклада 529 р. едва достаетъ на наемъ квартиры съ прислугой и отопленіемъ [4]). Одинъ наставникъ симбирской семинаріи въ 63 году заявлялъ, что изъ своего жалованья въ 21 р. 45 к. въ мѣсяцъ онъ 12 р. плотитъ за квартиру [5]). Само собою разумѣется, что въ такомъ положеніи жить по человѣчески наставникамъ академіи и семинаріи было рѣшительно немыслимо, а жениться было бы безуміемъ, за которое приходилось расплачиваться тяжелыми лишеніями. Но еще хуже было положеніе учителей низшихъ училищъ. Хотя и люди безъ высшаго образованія, они имѣли однако свои культурныя потребности; жалованіе же большинства ихъ было прямо нищенскимъ. Ихъ существованіе, особенно въ губернскихъ городахъ, часто было бы совершенно невозможно, если бъ они не поступали на приходское мѣсто или же не изыскивали какого-нибудь побочнаго дохода. Именно, таковымъ доходомъ были вошедшія во многихъ мѣстахъ въ обычай приношенія отъ учениковъ. Приношенія эти дѣлались послѣ каникулъ, три раза въ годъ, и назывались „явкой“; съ каждаго ученика

---

[1]) Ист. каз. ак., II, стр. 14. И это не потому, что профессора не имѣли степени доктора: въ то время послѣдней степени почти никто не имѣлъ и въ ординарные профессоры обычно назначались магистры.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1858 г. № 331-3643.

[3]) Ист. каз. ак., II, стр. 558.

[4]) Ист. спб. сем., стр. 498.

[5]) Дѣло Д. У. У. 1863 г. № 2171.

каждый наставникъ получалъ отъ 10 к. до 1 р. за разъ, смотря по состоянію [1]). Въ результатѣ изъ такихъ приношеній составлялись по тому времени значительныя суммы, которыя иногда превышали самое жалованье учителя. Но само духовенство понимало, что на оклады жить невозможно, и потому смотрѣло благодушно на этотъ обычай. Поэтому, напримѣръ, въ курской еп. въ концѣ 60-хъ гг. на съѣздѣ духовенства, при обсужденіи указаннаго обычая, противъ послѣдняго не протестовали, а только духовенство рѣшило замѣнить „явку" опредѣленнымъ взносомъ съ каждаго ученика, смотря по положенію родителей, разсчитавъ, что „явка" обходится слишкомъ дорого—12—24 рубля въ годъ съ каждаго [2]).

Какова была жизнь наставниковъ при такихъ скудныхъ средствахъ, представить не трудно. По словамъ наставниковъ казанской академіи въ прошеніи о кварт. пособіи 1849 года, удѣломъ ихъ была жалкая бѣдность, нищее одиночество и мрачная изолированность отъ общества [3]). Эта характеристика совершенно справедливо можетъ быть отнесена ко всѣмъ преподавателямъ духовно-учебныхъ заведеній. Бѣдственное положеніе, доходящее почти до нищеты - вотъ обычный отзывъ о состояніи служащихъ, какой началъ слышаться все чаще и чаще съ конца 50-хъ годовъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и ходатайствахъ. Правленіе смоленской сем. въ 62 году вѣрно выражалось, что трудъ учителей низшихъ училищъ вознаграждается хуже труда поденщика [4]), а м. Филаретъ справедливо однажды замѣтилъ, что слесарь и истопникъ получаютъ больше преподавателя академіи. Олонецкій преосв. Аркадій въ 1865 г. писалъ въ своемъ ревизіонномъ отчетѣ: „своими глазами видѣлъ я нынѣ, что даже исключенные изъ семинарій и училищъ ученики, поступивъ на службу по гражданскому вѣдомству, получаютъ жалованье въ большемъ размѣрѣ, нежели какое получаютъ бывшіе ихъ заслуженные наставники и начальники" [5]). Неудивительно, что служащіе въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ только и думали, какъ бы поскорѣе уйти вонъ съ неблагодарной службы. Къ началу 60-хъ годовъ это бѣг-

---

[1]) Ист. шуйскаго училища, стр, 162.

[2]) Отч. о рев. курск. 70 г., стр. 86—89.

[3]) Ист. каз. ак., II, стр. 558.

[4]) Ист. смолен. сем., стр. 390.

[5]) Дѣло Д. У. У. 1865 г. № 1793; Спб. ак. 1858—1888 г., стр. 89.

ство достигло крайнихъ размѣровъ, такъ какъ жить сдѣлалось невозможнымъ, и высшая власть стала принимать особыя мѣры для удержанія академиковъ въ своемъ вѣдомствѣ, въ видѣ письменныхъ обязательствъ прослужить 4 года и взысканія денегъ за содержаніе въ академіи съ уходящихъ въ гражданскую службу; стали взыскивать также теперь съ таковыхъ классные оклады, ранѣе всегда зачисляемые какъ бы въ награду [1]). Духовные наставники переходили главнымъ образомъ въ министерство нар. просвѣщенія, не гнушаясь и невысокими мѣстами. Одинъ баккалавръ казанской академіи поступилъ въ надзиратели гимназіи, такъ какъ и эта служба все-таки лучше оплачивалась [2]). Тѣ-же, которые поневолѣ оставались на духовно-учебной службѣ, естественно, тяготились ею и роптами на неблагодарное вѣдомство. Самый сильный ропотъ въ ихъ положеніи былъ справедливъ. И тѣмъ болѣе странно видѣть, что правительство еще негодовало на ропчущихъ. Напримѣръ, въ одной статьѣ Прав. Обозр. за 1862 г. (№ 6, «Судьба русскаго народнаго образованія») была высказана правдивая мысль, что матеріальное положеніе духовнаго вѣдомства приводитъ духовенство къ горькому сознанію, что ,,оно есть сословіе, намѣрено униженное, на которое сама государственная власть смотритъ съ презрѣніемъ, и единственно за то, что оно вѣрнѣе другихъ осталось началамъ своей родины''. Ревнивая свѣтская власть обратила вниманіе на эти слова, по приказанію самого государя, и потребовала объясненія отъ московской духовной цензуры, пропустившей статью. Но тутъ уже не выдержалъ самъ м. Филаретъ, и приведя цифровыя данныя о сравнительномъ обезпеченіи свѣтскихъ и духовныхъ учебныхъ заведеній, отвѣтилъ, что при такихъ условіяхъ инкриминировать проведенныя слова не приходится [3]).

Матеріальное положеніе наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній оставалось безъ улучшенія до половины 60-хъ годовъ. Только въ нѣсколькихъ единичныхъ случаяхъ, да и то съ трудомъ, добились нѣкотораго повышенія окладовъ. Именно, въ 1859 году м. Филаретъ возбудилъ отъ лица московскаго академическаго правленія ходатайство о сравненіи содержанія служащихъ въ московской академіи съ с.-петербургскою, ка-

---

[1]) Ист. каз. ак., II, стр. 322; III, 350.

[2]) Ист. каз. ак., II, стр. 585.

[3]) Собр. мн. и отз. м. Фил., т. У, 1, стр. 314—318,

ковое ходатайство и было удовлетворено. Въ томъ-же году, по ходатайству м. Филарета, содержаніе и другихъ учебныхъ заведеній московской епархіи было сравнено по окладамъ съ епархіей спб., такъ какъ жизнь въ Москвѣ сдѣлалась почти не дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ [1]). Наставники кіевской академіи трижды—въ 48, 51 и 56 годахъ—просили объ увеличеніи содержанія въ виду все возрастающей дороговизны въ Кіевѣ, и трижды получали отказъ. Въ 59 году они возбудили ходатайство въ четвертый разъ, прося о сравненіи академическихъ окладовъ съ университетскими. На этотъ разъ они въ 60 году получили, но конечно не просимое, а лишь уравненіе содержанія со штатами спб. академіи [2]). Въ 63 г. митр. кіевскій представилъ новую усердную просьбу наставниковъ академіи и семинаріи о увеличеніи содержанія, въ которой они говорили, что жить рѣшительно невозможно, что жалкое экономическое положеніе убиваетъ всякую энергію къ труду и внушаетъ отвращеніе къ службѣ; но теперь было опять отказано, по недостаточности средствъ духовнаго вѣдомства [3]). Въ казанской академіи наставники дважды, въ 60 и 62 годахъ, обращались къ просьбой объ увеличеніи содержанія, прося въ послѣдній разъ увеличить его по крайней мѣрѣ въ $1^1/_2$ раза, если не двое. Въ 63 году штатъ казанской академіи былъ сравненъ по окладамъ то-же съ спб. академіей [4]). Но только лишь академическіе города были хотя нѣсколько счастливы въ своихъ ходатайствахъ. Изъ другихъ епархій лишь пермская семинарія въ 62 г. была сравнена по окладамъ съ спбургской [5]). Во всѣхъ остальныхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ служащіе не видѣли даже попытки прійти имъ на помощь. Духовные наставники продолжали погружаться въ все большую нищету, въ то время какъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія уже дважды были увеличены оклады—въ 1859 и 1863—1864 гг. И только наканунѣ реформы 1867 года, когда стало очевидно, что нужно или предоставить духовной школѣ погибнуть или изыскать средства, были приняты энергичныя мѣры къ улучшенію экономическаго положенія наставниковъ, облегчившія

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 142-3231.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 300-3306.

[3]) дѣло Канц. Св. Син. 1863 г. № 1531-1811.

[4]) Ист. каз. ак., II, стр. 585—587.

[5]) Дѣло Д. У. У. 1861 г. № 146-4236, л. 135.

послѣднимъ доживаніе послѣднихъ дней стараго школьнаго строя [1]).

Совершенно такъ-же, какъ въ обезпеченіи преподавательскаго персонала, обстояло дѣло и по другимъ статьямъ духовно-школьнаго хозяйства. Больной вопросъ для духовно-учебныхъ заведеній съ самаго перваго момента реформы 1808 года былъ вопросъ о *школьныхъ помѣщеніяхъ*. Во время Комиссіи дух. уч., какъ мы знаемъ, школы ютились въ зданіяхъ, часто рѣшительно невозможныхъ по своей ветхости, тѣснотѣ и вообще негодности. Въ классахъ задыхались отъ духоты и мерзли отъ холода, въ общежитіяхъ то же самое, да нерѣдко мѣста для общежитій и совсѣмъ не было; грязь, нечистота и неприглядность всей обстановки въ школахъ часто внушали отвращеніе. Для исправленья всѣхъ этихъ дефектовъ и приведенія школьныхъ помѣщеній въ удовлетворительное состояніе надо было или вновь построить или капитально передѣлать громадное большинство семинарскихъ и училищныхъ зданій. Въ 30-хъ годахъ Комиссія Д. У. и приступила было къ подобному строительству, испросивъ разрѣшеніе увеличить ежегодный строительный бюджетъ до 550 тыс. рубл. ассигнаціями. Но при ограниченности средствъ духовно-учебныхъ капиталовъ задача эта оказалась невыполнимой. Такъ какъ въ перестройкахъ нуждались почти всѣ зданія, то требовалось около 2—3 мил. рублей сер. на приведеніе всѣхъ школьныхъ помѣщеній въ нормальное состояніе, не считая того, что съ теченіемъ времени обновленныя зданія будутъ требовать передѣлокъ и крупныхъ ремонтовъ. Въ распоряженіи же дух.-уч. вѣдомства подобныхъ суммъ не было. Даже та сумма, на которую разсчитывала Комиссія въ 1832 году, — 550 тыс. ассигн. или 157 тыс. руб. серебр. почти никогда полностью на строительныя нужды не поступала. Въ 40 — 50-хъ годахъ расходы на устроеніе зданій въ среднемъ были около 100 тыс. руб. ежегодно [2]).

---

[1]) Объ этомъ увеличеніи содержанія рѣчь будетъ ниже, въ связи съ вопросомъ о реформѣ 67 года.

[2]) По отчетамъ об-прок., на данную потребность было израсходовано: въ 40 году—95 т., въ 41 г.—48 т., въ 42 г,—113 т. въ 43 г.—104 т., въ 44 г.—163 т., въ 45 г.—138 т, въ 46 г.—164 т., въ 47 г.—143 т., въ 48 г.—47 т. въ 49 г.—97 т., въ 50 г.—49 т., въ 51 г.—68 т., въ 52 г.—126 т., въ 53 г.—78 т., въ 54 г.—47 т., въ 55 г.—136 т., въ 56 г.—57 т., въ 58 г.—53 т., въ 59 г.—157 т. въ 60 г.—170 т. Считая неполныя тысячи, всего за 21 годъ съ 1840 по 1860 было израсходовано на строительныя нужды около 2160 тыс. рубл. сер.

Всего за 21 годъ, съ 1840-го по 1860-й, на строительныя нужды было отпущено около 2,160,000 р. сер.; значитъ, на каждое духовно-учебное заведеніе въ среднемъ, считая 50 семинарій и 180 училищъ, приходилось за эти 21 годъ немного болѣе 9 тысячъ. рублей. Само собою разумѣется, что за эту сумму и единовременно нельзя было бы обновить школьныя зданія, а не только въ теченіи 20 лѣтъ. Поэтому капитальныя постройки и передѣлки въ разсматриваемый періодъ времени были сдѣланы лишь въ очень немногихъ школахъ, считающихся единицами, и для большинства школьныхъ помѣщеній приходилось ограничиваться только временной передѣлкой ихъ и исправленіемъ самыхъ главныхъ дефектовъ.

Не могли быть удовлетворены имѣющимися средствами по прежнему и обыденныя нужды по содержанію школьныхъ помѣщеній. Данное въ 1836 году Комиссіей обѣщаніе въ скоромъ времени вновь приспособить оклады на содержаніе домовъ къ потребностямъ жизни, такъ и не было исполнено. Оклады на содержаніе домовъ оставались въ общемъ неизмѣнными съ 1836 года за весь тридцатилѣтній періодъ. Дѣлались, правда, по отдѣльнымъ ходатайствамъ, прибавки къ школьнымъ окладамъ, но онѣ были частичными и при томъ никогда не соотвѣтствовали вполнѣ дѣйствительной потребности. Вслѣдствіе того продолжались передержки по содержанію домовъ, покрываемыя по старому изъ суммъ на содержаніе учениковъ. По мѣрѣ повышенія дороговизны жизни, возрастали, естественно, и эти передержки. Въ казанской академіи, напримѣръ, ежегодная передержка по дому въ концѣ 50-хъ годовъ доходила до 1500 р. [1]). Въ спб. семинаріи въ 1841 году на хозяйственные расходы было положено 7172 р.; въ 1865 году расходы эти въ дѣйствительности простирались свыше 13 тысячъ рублей [2]). Въ смоленской семинаріи за 17 лѣтъ (1843—1859 г.г.) на содержаніе семинарскаго дома было передержано 11875 р., на содержаніе училищнаго дома —18689 р. (среднимъ числомъ по 698 р. и 1099 р. въ годъ [3]). Въ Перми, по свидѣтельству ревизіи 1860 г., на содержаніе семинарскаго и училищнаго дома отпускалось 1271 р., а требовалось 6014 р. [4]) Въ Кіево-печерскомъ училищѣ, по сооб-

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363/3337.

[2]) Ист. спб. ак. стр. 487, 488.

[3]) Ист. смолен. сем., стр. 386.

[4]) Дѣло Д. У. У. 1860 г. № 96/2639.

щенію Урусова въ 61 году, передержки на содержаніе дома простирались до 1500 р. въ годъ [1]). Въ рязанской семинаріи на содержаніе дома отпускалось въ началѣ 60-хъ годовъ 2500 р., а требовалось 4500 р. [2]). Во владимірской сем. на содержаніе дома ассигновалось 1142 р., а стоило оно въ срединѣ 50-хъ годовъ 2800 руб.; среднимъ числомъ здѣсь передержки достигали до 1500 р. въ годъ [3]). Въ псковской семинаріи къ началу 60-хъ годовъ изъ 2500 р., ассигн. на содержаніе дома, до 2 тыс. расходовалось на одно отопленіе [4]). Въ саратовской сем. въ то-же время содержаніе однихъ служителей и отопленіе поглощало всю сумму на содержаніе дома [5]). При постоянныхъ дефицитахъ по содержанію дома нечего было и думать объ основательномъ ремонтѣ на штатныя суммы; невозможно было часто поддерживать помѣщенія хотя бы съ внѣшней стороны въ приличномъ и гигіеничномъ видѣ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что состояніе семинарскихъ и училищныхъ зданій въ протасовскую эпоху и снаружи и внутри было почти нисколько, въ общемъ, не лучше, чѣмъ и въ предшествующее время, а къ концу 50-хъ и въ первой половинѣ 60-хъ годовъ, когда школы совершенно обнищали, школьныя помѣщенія иногда сдѣлались, пожалуй, хуже, чѣмъ было во времена Комиссіи. Вотъ, напримѣръ, свѣдѣнія, почерпнутыя почти исключительно изъ оффиціальныхъ документовъ, о томъ состояніи, въ которомъ находились помѣщенія большинства школъ.

Зданія малолюдной *архангельской* семинаріи и училища, бывшія и прежде довольно исправными, находились въ порядочномъ состояніи и въ разсматриваемое время. Но и здѣсь было немало неудобствъ, а въ 60-хъ годахъ и ветхостей. Классная обстановка была очень плоха и совершенно не приспособлена для послѣклассныхъ занятій [6]).—Въ малолюдной же *астраханской* семинаріи помѣщенія оставались такъ же неудовлетворительны, какъ и прежде. Правда, спальни здѣсь теперь были отдѣлены отъ занятныхъ комнатъ, но и въ семинаріи и въ училищахъ было очень тѣсно, въ спальняхъ

[1]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363/3337.
[2]) Дѣло Д. У. У. 63 г. № 89/2117.
[3]) Ист. влад. сем. II, стр. 211—212.
[4]) Дѣло Канц. Св. Син. 1861 г. № 4516/996.
[5]) Дѣло Дух. У. У. 1863 г. № 219/2172.
[6]) Отч. о рев. арханг. 70 г., стр. 53, 65—71, 91—92.

воздухъ спертый, ревизоры 67 и 68 г.г. нашли зловонье, грязь и неопрятность поразительными [1]). — Во *владимiрской* семинарiи и вл. училищѣ по-прежнему существовала нестерпимая тѣснота, найденная здѣсь еще въ 1815 году тогдашнимъ ревизоромъ Филаретомъ. Въ 40-хъ годахъ здѣсь завели было небольшое общежитiе для казенныхъ учениковъ. Но въ 1858 году бурса была закрыта, такъ какъ зданiе ея сдѣлалось опаснымъ по ветхости, и всѣ ученики стали жить опять на квартирахъ. Въ 1862 году былъ вновь отстроенъ корпусъ общежитiя для влад. сем.; но и здѣсь было тѣсно, такъ что спальни являлись и занятными комнатами. Для влад. училища общежитiя не было все время [2]). — *Вологодская* семинарiя до средины 50-хъ годовъ находилась въ прежнемъ невыносимомъ помѣщенiи. Къ 55 году были отстроены новыя зданiя для семинарiи и тогда помѣщенiе ея и училища стало удовлетворительнымъ [3]). —Помѣщенiе *волынской* семинарiи по сравненiю съ прежнимъ поправилось, съ обновленiемъ зданiя. Но, по словамъ ревизiи 71 года, классы здѣсь никогда не отапливались, такъ что въ холодное время сидѣли въ классѣ въ верхнемъ платьѣ, а какъ занимались въ 30% морозы—трудно понять. Изъ училищъ волынской епархiи кременецкое училище имѣло удовлетворительное помѣщенiе, но, по словамъ ревизiи 71 года, зимою и здѣсь было очень холодно, не было бани и больницы; при дерманскомъ училищѣ не было общежитiя; помѣщенiе мѣлецкаго училища было, по словамъ ревизора 71 года, таково, что въ классахъ отъ тѣсноты нѣкоторые ученики стояли [4]). — Помѣщенiя *воронежской* семинарiи въ ревизiяхъ аттестовались по прежнему удовлетворительными [5]). Но по даннымъ историка ворон. семинарiи было далеко не такъ. Нѣкоторые классы, писало правленiе семинарiи въ 47 году, до того тѣсны, что для учителя остается одинъ узенькiй проходъ. Въ срединѣ 60-хъ годовъ классы оставались такъ же тѣсны, такъ что въ жаркое время сидѣть было невыносимо; въ низшихъ

---

[1]) Отч. о рев. астрах. 67 г. стр. 11, 68 г., стр. 13—14, 31.

[2]) Дѣла Д. У. У. 1859 г. № 363/3337, 1862 г. № 2056; отч. о рев. влад. 69 г. стр. 29. 40. 41; Ист. влад. сем. II стр. 211.

[3]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363/3337 и 1863 г. № 89/2117.

[4]) Дѣла Д. У. У. 1857 г. № 138/4435; 65 г. № 2392/1008; отч. о рев. волын. 71 г. стр. 50, 58. 59. 98. 100.

[5]) Дѣло Д. У. У. 54 г. № 122.

классахъ до 20 человѣкъ не имѣли мѣста и сидѣли на окнахъ, классы никогда не отапливались; бани все время не было [1]).— Зданія *вятской* сем. были довольно удовлетворительны. Но зданія училищъ вятской епархіи были не таковы. О вятскомъ училищѣ ревизоръ 56 года отозвался хорошо: но это относилось только къ классамъ [2]). По словамъ ревизіи 71 года, здѣсь классное зданіе было прекрасно, въ зданіи же общежитія стѣны и потолки закоптѣли, штукатурка обвалилась, полы были некрашены и пр. Училища въ уѣздныхъ городахъ вятской епархіи, по свидѣтельству ревизора 71 года, общежитій совсѣмъ не имѣли, а зданіе сарапульскаго училища было совсѣмъ негодно; во время морозовъ здѣсь сидѣли въ тулупахъ, да и то дѣти едва не окоченѣвали [3]).—Въ училищахъ *донской* епархіи ревизія 69 г. нашла помѣщеніе неудовлетворительнымъ; въ усть-медвѣдицкомъ училищѣ общежитія не было, классы были тѣсны, и сыры, изъ подъ пола выскакивали лягушки; въ новочеркасскомъ училищѣ общежитія то же не было, классы были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ и нѣкоторые изъ нихъ проходные [4]).—Въ *Казани*, по словамъ кн. Урусова (60 г.), въ академіи не было зала для публичныхъ собраній, которыя потому бывали въ церкви, не было особаго помѣщенія для библіотеки, столовая была тѣсна. Казанская семинарія и каз. училище, послѣ пожара 1842 года, находились въ весьма неудобномъ помѣщеніи, которое къ тому же содержалось, по словамъ Урусова, въ высшей степени неряшливо: печи дымили, окна стояли съ разбитыми, еле приставленными стеклами, полы были такъ грязны, что ихъ не могли отмыть [5]).—Зданія *калужской* семинаріи, по словамъ ревизій 55 и 68 года, были удовлетворительны. Но зданія калужскаго училища, по свидѣтельству ревизора 68 года, были въ жалкомъ положеніи: въ нихъ и около нихъ грязь, зловоніе, неопрятнось и разрушеніе; штукатурка обвалилась, лѣстница перекосилась, перила сломаны, стѣны грязны, двери ветхи, топка—напрасная трата дровъ, мебель грязная, ветха и уродлива; на дворѣ кучи навоза, накоплявшіяся 30—35 лѣтъ [6]).—О зданіяхъ *кишиневской*

[1]) Ист. ворон. сем. II, стр. 184—190.

[2]) Дѣло Д. У. У. 56 г. № 76/4235.

[3]) Отч. о рев. вятск. 71 г., стр. 102—103, 120.

[4]) Отч. о рев. донск., стр. 44—45, 54.

[5]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337.

[6]) Дѣло Д. У. У. 1855 г. № 100-4104 и отч. о рев. калуж. 68 г., стр. 15—17, 33—34.

сем. ревизоръ 68 года отозвался удовлетворительно, а о зданіи киш. училища—неудовлетворительно [1]). – Въ *Кіевѣ* Урусовъ въ самой академіи нашелъ мало опрятности и чистоты; спальни служили и занятными комнатами [2]). Давно тѣсное помѣщеніе кіевской семинаріи въ 49 году было увеличено и по объему стало достаточнымъ [3]). Но Урусовъ нашелъ здѣсь полы всюду грязными, мебель очень ветхой; спальни служили и занятными комнатами (для внѣклассн. занятій). Помѣщеніе кіево-печерскаго училища, по словамъ того-же Урусова, было тѣсно и сыро. Зданіе кіево-софійскаго училища было огромное, но неудобное и имѣло много ветхостей, поправлять которыя, по его объему, было не по средствомъ [4]).—Довольно порядочное помѣщеніе *костромской* семин. сгорѣло въ 40-хъ годахъ, послѣ чего общежитія здѣсь совсѣмъ не было до конца 60-хъ г.г. Не было общежитія и въ кинешемскомъ и костромскомъ училищахъ, да и классы были въ послѣднемъ тѣсны и неудобны, по словамъ ревизора 56 г. [5]).—Въ зданіи *курской* семинаріи ревизоръ 55 года нашелъ потолки ветхими и кое-гдѣ подпертыми. Ревизія 70 года нашла все зданіе по ветхости непрочнымъ. Та-же ревизія нашла чрезвычайно ветхимъ и сырымъ зданіе Бѣлгородскаго училища, обстановку безобразной; неудовлетворительнымъ оказалось и старооскольское училище [6]).—Зданіе *минской* сем., по свидѣтельству ревизора 55 г., было тѣсно, ветхо и весьма неудобно; потолки были подперты столбами, полъ, рамы, двери, печи обветшали [7]); словомъ, все оставалось по старому.—Помѣщенія могилевской сем. и училища были по прежнему достаточны настолько, что почти всѣ ученики помѣщались въ школьныхъ зданіяхъ [8]).– Удовлетворительными нашла ревизія 57 года и помѣщенія *московской* и виѳанской семинарій [9]).—Помѣщенія *нижегородской* сем., построенныя въ 30-хъ годахъ, по словамъ Урусова (60 г.), были

---

[1]) Отч. о рев. кишинев. 68 г., стр. 47, 60.

[2]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337.

[3]) Дѣло Д. У. У. 55 г. № 107-4086.

[4]) Дѣло Д. У. У. 1855 г. № 107-4086.

[5]) Дѣла Д. У. У. 1856 г. № 37-4192, 1862 г., № 2056; отч. о рев. костр 67 г., стр. 14.

[6]) Дѣло Д. У. У. 1855 г. № 107-4086: отч. о рев. курск. 70 г., стр. 71, 101, 110.

[7]) Дѣло Д. У. У. 55 г. № 107-4086.

[8]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337.

[9]) Дѣло Д. У. У. 57 г. № 123-4443.

хотя съ внѣшней стороны великолѣпны, но внутри очень грязны; въ ученическихъ комнатахъ мебель была весьма ветха и полуразрушена; по всему корпусу распространялось зловоніе; окна стояли съ еле замазанными разбитыми стеклами. Помѣщеніе нижегородскаго училища было хотя довольно обширно, но сыро, холодно, грязно, съ тяжелымъ воздухомъ [1]).—Помѣщеніе *новгородской* семинаріи было довольно тѣсно и сыро [2]). По словамъ ревизіи 70 года въ училищахъ новгородской епархіи общежитій почти нигдѣ не было; въ тихвинскомъ училищѣ одно время существовала бурса, но была въ 1856 году закрыта вслѣдствіе своего плохого состоянія; лишь въ боровичскомъ училищѣ съ 58 года была бурса. Классныя помѣщенія во многихъ училищахъ то-же были крайне недостаточны. Въ бѣлозерскомъ училищѣ на 110 учениковъ вмѣстимость классныхъ комнатъ была всего 50 куб. саж. (тогда какъ нормальнымъ считается $1^1/_2$ куб. саж. на каждаго ученика); въ устюженскомъ училищѣ на 131 учен. приходилось всего 38 куб. саж.; въ кирилловскомъ училищѣ на 113 учениковъ—51 с. [3]).—Въ *оренбургской* сем., по словамъ ревизора 56 года, помѣщеніе было тѣсно, ветхо, гнило, грязно [4]).—*Олонецкая* семинарія помѣщалась въ весьма неудобныхъ зданіяхъ и общежитія по прежнему не имѣла [5]). Не было общежитія и въ петрозаводскомъ училищѣ, помѣщавшемся крайне плохо, въ тѣсныхъ и душныхъ классахъ, съ безобразною и жалкою обстановкою [6]).—Помѣщеніе *орловской* семинаріи было достаточно [7]). Но орловскія училища помѣщались очень неудовлетворительно. Зданія перваго орловскаго училища были очень стары и сыры и притомъ не отапливались за неимѣніемъ средствъ. При ливенскомъ училищѣ не было общежитія, а въ классахъ на ученика приходилось всего около $^1/_2$ куб. саж. воздуха [8]).—Помѣщеніе *пермской* сем. немногимъ измѣнилось къ лучшему, особенно во внутренней обстановкѣ [9]).—*Подольская* семинарія

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337.

[2]) Дѣло Д. У. У. 55 г. № 125-4100.

[3]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 271, 272, 228, 254.

[4]) Дѣло Д. У. У. 56 г. № 76-4235.

[5]) Дѣло Д. У. У. 65 г. № 1793.

[6]) Отч. о рев. олон. 72 г., стр. 56, 118, 232, 242—43.

[7]) Дѣло Д. У. У. 54 г. № 122.

[8]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3137; отч. о рев. орл. 72 г., стр. 118, 160, 161.

[9]) Отч. о рев. перм. 69 г., стр. 72.

до 65 года помѣщалась въ тѣсныхъ, сырыхъ и ветхихъ домахъ, гдѣ полы, потолки и окна сгнили; мебель была скудна и плоха до крайности [1]).—Зданія переяславскаго училища *полтавской* епархіи были крайне ветхи, гнилы, сыры, холодны, по словамъ ревизора 62 г. [2]).—Витебскія училища *полоцкой* еп. ревизія 62 года нашла въ самомъ жалкомъ положеніи снаружи и внутри: штукатурка обвалилась, крыльцо разрушено и т. п. [3]).—Зданія *псковской* сем. и пс. училища были неудобны и тѣсны [4]).—Помѣщеніе рязанской семинаріи, и прежде хорошее, было достаточно; но ревизія 67 года нашла въ немъ большую грязь и нечистоту, холодъ, зловоніе, ветхую обстановку [5]).—При *самарской* сем. не было мѣста для общежитія [6]). Помѣщеніе самарскаго училища было тѣсное, сырое, холодное и неудобное настолько, что занятія въ одномъ классѣ мѣшали другому [7]).—Когда то великолѣпныя зданія *саратовской* сем. теперь не были такими. Ревизія 69 года нашла, что хотя классныя комнаты и велики, но неудобны и вообще все въ нихъ угрюмо и сурово [8]).—Зданія *смоленскихъ* семинаріи и училища къ концу 40-хъ годовъ стали клониться къ разрушенію: крыши текли, двери и рамы сгнили, полы провалились, потолки поддерживались подпорками, по мѣстамъ опасно было ходить [9]). Ветхость, грязь и нечистоту нашла здѣсь и ревизія 68 года [10]). Зданія смоленскаго училища Урусовъ нашелъ крайне нечистыми, грязными и запущенными. Въ вяземскомъ учил. смолен. еп. не было ни общежитія, ни помѣщенія для начальствующихъ, зданіе было холодное. Въ рославльскомъ училищѣ изъ за холода зимой всѣ сидѣли въ шубахъ [11]).—*Томская семинарія* помѣстилась въ холодномъ и сыромъ домѣ, въ которомъ почти невозможно было заниматься [12]). — Помѣ-

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 57 г. № 138-4435; отч. о рев. подольск. 71 г., стр. 48.

[2]) Дѣло Канц. Св. С. 62 г. № 4071-1211.

[3]) Дѣло Канц. Св. Син. 62 г. № 4026-989.

[4]) Дѣло Канц. Св. Син. 61 г. № 4516-996; отч. о рев. пск. 68 г. стр. 34.

[5]) Дѣло Д. У. У. 67 г. № 123-4443, отч. о рев. рязан. 67 г. стр. 29.

[6]) Дѣло Дух. Уч. Упр. 64 г. № 105-2720.

[7]) Отч. о рев. самар. 67 г., стр. 21; 68 г. стр. 40.

[8]) Отч. о рев. сарат. 69 г., стр. 22.

[9]) Ист. смолен. сем., стр. 329.

[10]) Отч. о рев. смолен. 68 г., стр. 41.

[11]) Отч. о рев. смолен. 73 г., стр. 83, 96.

[12]) Дѣло Д. У. У. 1864 г. № 20-880.

щенія *тульской* сем., отстроенныя въ 30-хъ годахъ и тогда казавшіяся хорошими, по свидѣтельству ревизій конца 50-хъ и 60-хъ годовъ были недостаточны. Урусовъ нашелъ, что занятныя комнаты очень малы и тѣсны; штукатурка въ зданіи обваливалась, вѣтеръ гулялъ по корридорамъ. По словамъ ревизора 69 года, холодные корридоры и отсутствіе помѣщенія для одежды заставляли являться въ классѣ въ верхнемъ платьѣ; въ классахъ и спальняхъ приходилось на ученика менѣе $^1/_2$ куб. саж. воздуха; всюду стояла грязь [1]). По словамъ того-же ревизора, въ тульскомъ училищѣ классныя комнаты были тѣсны и разбросаны, столовая помѣщалась въ грязномъ и неудобномъ подвалѣ; въ бѣлевскомъ и веневскомъ училищахъ общежитій не было; въ новосильскомъ училищѣ зданія разрушались и были опасны, классныя комнаты крайне тѣсны, помѣщеніе общежитія настолько жалко, что ревизоръ не могъ представить ничего подобнаго: половина зданія уже была негодна, оставшіяся комнаты сыры, грязны, темны, тѣсны, зловонны и потолки грозили паденіемъ [2]).—Зданіе *черниговской* семинаріи въ 50-хъ годахъ стало совсѣмъ плохо: постройки были ветхи и снаружи безобразны; классы неудобны; общежитія не было; воздухъ тяжелый, всюду грязь. На Урусова черниговская семинарія произвела крайне жалкое впечатлѣніе. Въ черниговскомъ училищѣ бурсы не было и помѣщеніе было то-же неудобно [3]).—Зданіе *харьковской* семинаріи по вмѣстимости было по прежнему достаточно; но Урусовъ нашелъ здѣсь грязь и запущенность, мебель въ комнатахъ въ безобразномъ видѣ.—Хорошія въ 30-хъ годахъ зданія *ярославской* семинаріи въ 50-хъ годахъ аттестуются весьма неблагопріятно. По словамъ ревизій 56, 59, 61 годовъ онѣ были ветхи, непомѣстительны, неудобны, сыры; комнаты низшихъ отдѣленій помѣщались въ подвальномъ этажѣ. Въ ярославскомъ училищѣ классныя комнаты были тѣсны и до того низки, что можно было достать рукой до потолка; въ комнатѣ длиной 9 и шириной 7 аршинъ помѣщалось болѣе 80 чел. [4]).

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363-3337, 1860 г. № 115-2646; отч. о рев. тульск. 69 г., стр. 22.

[2]) Отч. о рев. тульск. 69 г., стр. 52, 73, 86, 89, 97—98.

[3]) Дѣло Д. У. У. 54 г. № 122; 1859 г. № 363-3337.

[4]) Дѣла Д. У. У. 1856 г. № 97-4192; 1859 года № 363-3337; 1861 года № 137-2415.

Въ такихъ-то помѣщеніяхъ болѣе полувѣка прожили духовныя школы. Оберъ-прокурорство гр. Протасова не измѣнило, какъ видно, здѣсь положенія къ лучшему, не смотря на всю любовь графа къ порядку и благообразію. Впрочемъ, печальная дѣйствительность во всей своей наготѣ и не была видна сверху; ее знали, но уже къ ней и привыкли, только тѣ люди, которые непосредственно соприкасались со школьнымъ дѣломъ, А если какой либо случай ставилъ и сановныхъ вершителей судебъ духовнаго вѣдомства лицомъ къ лицу съ правдой жизни, то на нихъ внѣшній видъ духовно-учебныхъ заведеній производилъ отталкивающее впечатлѣніе. Самъ графъ Протасовъ, посѣтивъ проѣздомъ одну провинціальную семинарію, отзывался, что „такой грязи, такой нечистоты“ онъ не только нигдѣ не встрѣчалъ, но нигдѣ и не предполагалъ [1]). Но въ такихъ случаяхъ въ протасовское время обычно всю вину сваливали на школьное начальство и безпорядки относили къ его нераспорядительности, не давая себѣ труда вдуматься въ болѣе глубокія общія причины. Ни одинъ оберъ-прокурорскій отчетъ Протасова не обмолвился ни словомъ о безвыходномъ экономическомъ положеніи духовныхъ школъ, и въ то время, какъ все гнило и разваливалось, на верху каждый годъ преподносился рапортъ, что все обстоитъ благополучно.

Съ общимъ бѣдственнымъ положеніемъ духовно-учебныхъ заведеній, само собою разумѣется, гармонировалъ и *матеріальный бытъ питомцевъ духовной школы*. Что касается содержанія „казенныхъ“ учениковъ, пользующихся окладами, то оно находилось въ совершенно прежнихъ условіяхъ. Въ 1836 году уже Комиссія сознала недостаточность ученическихъ окладовъ и при составленіи штатовъ 1836 года обѣщала въ ближайшемъ будущемъ, по собраніи справокъ, увеличить суммы на учениковъ. Но это такъ и осталось обѣщаніемъ: ученическіе оклады остались неизмѣнными, по штату 1820 года, до самой реформы 60-хъ годовъ. Между тѣмъ жизнь быстро дорожала; къ 60-мъ годамъ она вздорожала въ общемъ вдвое—втрое. Насколько же неудовлетворительны должны были сдѣлаться оклады, признанные недостаточными еще въ 36 году?

Въ переводѣ на серебро, оклады казенныхъ воспитаниковъ выразились въ слѣдующихъ суммахъ. Окладъ студента спб.

---

1) Вѣстн. Евр. 1883 г. сент., стр. 213.

академіи былъ 128 р. 57 к., другихъ академій—85 р. 71 к. Окладъ казеннаго ученика семинаріи былъ въ С.-Петербургѣ и приравненныхъ къ петербурской епархіяхъ 85 р. 71 к., въ епархіяхъ перваго разряда 57 р. 15 к., въ еп. второго разряда—48 р. 57 к., въ еп. третьяго разряда—34 р. 29 к. Окладъ училищныхъ бурсаковъ былъ въ привиллегированныхъ епархіяхъ 42 р. 85 к. на бурсака и 21 р. 43 к. на полубурсака; въ епархіяхъ перваго разряда—34 р. 28 к. и 17 р. 14 к.; въ епархіяхъ второго разряда—28 р. 57 к. и 14 р. 28 к; въ епархіяхъ третьяго разряда—22 р. 85 к. и 11 р. 43 к. Если мы сравнимъ теперь эти цифры съ вышеприведенными данными объ оптовыхъ цѣнахъ, то будетъ очевидно, что только оклады привиллегированныхъ епархій и студентовъ академіи могли быть болѣе или менѣе удовлетворительны, по крайней мѣрѣ до второй половины 50-хъ годовъ. Оклады перваго и второго разряда уже не могли быть удовлетворительны не только въ 50—60-хъ годахъ, но и въ 40-хъ; оклады же третьяго разряда были прямо нищенскіе.

И это опять таки при томъ условіи, если-бъ оклады полностью поступали на учениковъ и послѣдніе жили всегда въ общежитіи. Но этого условія не было и въ протасовскую эпоху такъ же точно, какъ во время Комиссіи Д. У. Разные сверхштатные расходы на служащихъ, какъ то кварт. пособія, плата за уроки по необязательнымъ предметамъ, вознагражденіе помощниковъ инспектора, даже вознагражденіе за преподаваніе медицины, относились на „экономическія суммы“ и только въ крайнемъ случаѣ покрывались изъ духовно-учебныхъ капиталовъ. Изъ суммы на содержаніе учениковъ покрывались также передержки по содержанію дома, бывавшія всюду и достигавшія $1^1/_2$—2 тыс. руб., и по содержанію больницы, тоже почти вездѣ достигавшія нѣсколькихъ сотъ рублей. Изъ той же суммы между прочимъ содержались столомъ служители, число которыхъ бывало около 40—50. На всѣ эти расходы уходило обычно не менѣе $1^1/_2$—2 тыс. рублей серебр., что составляло окладъ 30—50 питомцевъ. Такимъ образомъ опять весьма значительная часть ученическихъ суммъ тратилась не по своему прямому назначенію.

И суммы, доходящія до учениковъ, по прежнему распредѣлялись не вполнѣ соотвѣтственно смѣтному назначенію. Количество окладовъ, назначенныхъ для каждой епархіи, большею частью не соотвѣтствовало количеству нуждающихся, а

потому оклады продолжали дробиться. Правда, духовноучебное управленіе дѣлало частичныя прибавки къ штатнымъ окладамъ, какъ и Комиссія Д. У. Но прибавокъ этихъ было, сравнительно, немного. Въ 1835 году, какъ мы знаемъ, суммы, отпускаемыя на сверхштатныхъ учениковъ семинаріи и на бурсачные оклады, были доведены до 450 тыс. р. ассигн., что составило 128,571 р. серебр. Затѣмъ во второй половинѣ 30-хъ годовъ къ этой суммѣ было прибавлено еще 100 тыс р. ассигн., или 28,571 р. серебр. Въ 1843 году было разрѣшено къ этимъ суммамъ въ добавленіе отчислять еще по 30 тыс. р. сер. въ годъ [1]). Послѣ же этого въ предѣлахъ ок. 200 тыс. рублей сверхштатные расходы на воспитанниковъ вращались уже до 60-хъ годовъ. Поэтому добавочные оклады отпускались очень скупо. Къ 1850 году въ семинаріяхъ всѣхъ казенныхъ окладовъ было, напримѣръ, слѣдующееe количество [2]).

Семинаріи.	Число окладовъ по первоначальному штату.	Число добавочныхъ окладовъ.	Семинаріи.	Число окладовъ по первоначальному штату.	Число добавочныхъ окладовъ.
Архангельская . .	20	—	Владимірская . .	100	70
Литовская	150	—	Вологодская . . .	100	—
Могилевская . .	100	18	Калужская . . .	100	10
Новгородская . .	100	30	Костромская . .	100	20
Олонецкая	100	—	Московская . . .	150	—
Полоцкая	120	—	Рязанская	100	60
Псковская . . .	100	10	Тульская	100	25
Рижская	60	—	Ярославская . .	100	35
Смоленская . . .	100	—	Астраханская . .	70	—
С.-Петербургская.	100	10	Вятская	100	15
Тверская	100	60	Иркутская . . .	100	—
Волынская . . .	100	83	Кавказская . . .	60	—
Воронежская . .	100	45	Казанская	100	—
Екатеринославск.	100	—	Нижегородская .	100	10
Кишиневская . .	50	—	Оренбургская . .	100	—
Кіевская	100	29	Пензенская . . .	100	—
Курская	100	60	Пермская	100	—
Минская	100	15	Саратовская . .	100	—
Орловская	100	30	Симбирская . . .	100	—
Подольская . . .	100	25	Тамбовская . . .	100	30
Полтавская . . .	100	—	Тобольская . . .	100	10
Тифлисская . . .	—	—	Новоархангельск.	40	—
Харьковская . .	100	—			
Херсонская . . .	100	—			
Черниговская . .	100	20			
Виѳанская	100	40	ИТОГО. .	4520	770

[1]) Изъ отч. об.-пр. 43 г., стр. 85.
[2]) Дѣло Д. У. У. 1850 г. № 278, лл. 11—12.

Каково было количество окладовъ для учениковъ низшихъ училищъ въ данное время, объ этомъ точныхъ свѣдѣній у насъ не имѣется. Но судя по суммамъ, затрачиваемыхъ на эти оклады, надо полагать, что общее число бурсачныхъ окладовъ увеличилось не болѣе, какъ вдвое по сравненію съ бурсачными штатами 1819 года. Именно, по послѣднимъ штатамъ на бурсачные оклады полагалось ок. 170 тыс. руб. ассигн., а съ 1820 года около 270 тыс. рубл. ассигн., или. ок. 75 тыс. руб. сер. Въ 40—50-хъ годахъ весь бюджетъ на бурсаковъ и сверхштатные расходы на семинаристовъ былъ ок. 200 тыс. руб. Изъ этой суммы свыше 50 тыс. руб. шло на семинаріи, а остальное на учил. бурсаковъ, изъ чего и можно заключать, что число бурсачныхъ окладовъ, при прежнемъ размѣрѣ ихъ, возрасло почти вдвое. По штатамъ 1819 года этихъ окладовъ, полныхъ и половинныхъ, было около $3^1/_2$ тыс. Въ 40—50-хъ годахъ ихъ, стало быть, было ок. 7 тыс.

Между тѣмъ количество пользующихся пособіемъ отъ школы было гораздо значительнѣе числа имѣющихся стипендій. Семинарскихъ стипендій было, напримѣръ, къ 50-му году 5290. А количество пользующихся пособіемъ въ семинаріяхъ было въ 40 году 7224, въ 45-мъ году 7269, въ 50-мъ году 7056, въ 55-мъ году 6035, въ 60-мъ году 5972 [1]). Въ частности въ 50-мъ году число пользующихся пособіемъ по семинаріямъ распредѣлялось такъ [2]).

С.-Петербургская	167	Курская	180	Калужская . . .	187
Новгородская .	286	Орловская . . .	207	Казанская . . .	122
Псковская . . .	141	Воронежская . .	170	Нижегородская .	129
Тверская	312	Минская	115	Тамбовская . .	133
Смоленская . . .	174	Волынская . . .	177	Пензенская . . .	175
Могилевская . .	154	Подольская . . .	117	Симбирская . .	131
Полоцкая . . .	150	Кишиневская . .	39	Саратовская . .	130
Литовская . . .	157	Херсонская. . .	67	Астраханская .	43
Рижская	58	Виоанская и Московская . . .	378	Кавказская . . .	59
Олонецкая . . .	103			Оренбургская . .	83
Архангельская .	65	Владимірская . .	355	Вятская.	143
Кіевская	165	Ярославская . .	209	Пермская . . .	252
Черниговская . .	150	Вологодская . .	241	Подольская . .	99
Полтавская . . .	111	Костромская . .	173	Иркутская . . .	92
Харьковская . .	120	Рязанская. . . .	192	Камчатская . .	33
Екатеринославск	68	Тульская	168		

Такимъ образомъ по сравненію съ количествомъ окладовъ (полныхъ) въ семинаріяхъ пользовалось пособіемъ иногда болѣе, чѣмъ вдвое большее число, а вообще большее въ $1^1/_2$

[1]) Изъ отч. об.-пр. за эти годы, прилож.

[2]) Изъ отч. об.-пр. за 1850 г., прилож. стр. 62—65.

раза. То-же самое было и въ училищахъ. Окладовъ здѣсь было ок. 7 тыс. (полныхъ и половинныхъ), а пособіемъ пользовалось, напримѣръ, въ 1840 г.—11724, въ 45 году 11387, въ 50 году 11067, въ 55 году 10457, въ 60-мъ году 10838.

Такое огромное превышеніе числа стипендіатовъ противъ штатнаго положенія, на 50%, вызывалось, конечно, прежними причинами и осуществлялось старымъ порядкомъ. Бѣдныхъ учениковъ было больше, чѣмъ стипендій, и семинарскія начальства (они же распоряжались и училищными суммами) по прежнему предпочитали помогать большему числу, но въ меньшемъ размѣрѣ. При этомъ % пользующихся пособіемъ теперь нѣсколько повысился по сравненіи съ прежнимъ, сначала вслѣдствіе увеличенія ассигновокъ, при прежнемъ количествѣ учениковъ и прежнемъ размѣрѣ пособій, а потомъ, въ 50-хъ годахъ, еще и вслѣдствіе уменьшенія общаго количества учащихся. Въ 1820- 1830-хъ годахъ пособіемъ пользовались въ семинаріяхъ ок. 35 - 37% всѣхъ учениковъ, а въ училищахъ ок. 21—22%. Въ 1840—1850-хъ годахъ % пользующихся пособіемъ былъ въ семинаріяхъ ок. 43%, а въ училищахъ 25—28%. Что-же касается способовъ, какими достигалось увеличеніе стипендіатовъ, то это были отчасти доходы отъ продажи вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ, поступавшіе въ семинарскія правленія, главнымъ же образомъ дробленіе окладовъ. Въ казенныя общежитія принималось на казенное содержаніе больше, чѣмъ было окладовъ, даже допуская и дѣленіе пополамъ оклада семинарскаго, чего собственно по штату не полагалось. Напримѣръ, въ пермской семинаріи въ 1840 году было 15 полнокоштныхъ и 40 половинокоштныхъ учениковъ сверхъ штата. Въ 1863 году въ той же семинаріи было сверхштатныхъ 17 полныхъ и 54 полуказенныхъ воспитанниковъ [1]). Въ училищахъ пермской еп. въ 60 году было 84 сверхштатныхъ полныхъ бурсаковъ [2]). Въ смоленской семинаріи въ 1841 году вмѣсто 100 штатныхъ учениковъ содержалось 103 на полномъ и 140 на половинномъ содержаніи; въ 1851 году здѣсь было прибавлено 30 окладовъ; но и тогда было около 90 сверхштатныхъ на полуказенномъ, а 500 р. раздавалось въ пособіе [3]). Въ вологодской семинаріи, даже въ 60-хъ годахъ, при 100 окладахъ, содержалось на ка-

[1]) Ист. перм. сем., III, стр. 387, 459.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1860 г. №96—2639.

[3]) Ист. смол. сем., стр. 330—331.

зенномъ коштѣ 90, на полуказенномъ 23, да 65 получали денежное пособіе [1]. Особенно же раздроблялись оклады вслѣдствіе того, что въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и во многихъ училищахъ, гдѣ не было совсѣмъ общежитій, вся сумма, а въ другихъ семинаріяхъ и училищахъ часть ея, распредѣлялась въ видѣ денежнаго пособія между нуждающимися учениками. Въ такихъ случаяхъ дробленіе окладовъ могло быть крайне растяжимымъ [2].

Сколько-же въ такомъ случаѣ въ данное время могло расходоваться дѣйствительно на содержаніе каждаго ученика? Очевидно не больше того, что и во время Комиссіи, т. е. обычно не болѣе, а нерѣдко и менѣе $^2/_3$ штатнаго оклада [3]. Въ казенныхъ общежитіяхъ на содержаніе семинариста, въ такомъ случаѣ, затрачивалось въ непривиллегированныхъ епархіяхъ 25 — 40 р., а на содержаніе училищн. бурсака—15—25 р. Размѣры же денежныхъ пособій были очень разнообразны. Во владимірской семинаріи, напримѣръ, гдѣ общежитія совсѣмъ не было, пособіе давалось въ размѣрѣ 12—48 р., но высшихъ окладовъ было очень немного. Во владимирскомъ училищѣ пособія давались по 6—28 рубл. [4]. Въ костромской сем., гдѣ также не было бурсы, пособія давались по 48, 36, 24 и 12 рубл.; а въ костромскомъ училищѣ—30, 20, 15, 10 р. [5]. Въ нижегородской еп. бѣдные училищные ученики получали пособіе 12—22 р. [6]. Въ казанской сем. обыкновенно выдавалась половина оклада—17 р. [7]. Въ черниговскомъ училищѣ выдавалось по 22—8 рубл. [8]. Въ ярославской семинаріи—17, 12 и 8 рубл. [9]. Въ вологодской сем. пособіе бывало по 8—

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 63 г. № 89-2117.

[2]) Что касается зачисленія мѣстъ за учениками, то въ этомъ періодѣ этотъ обычай сильно сокращается и въ концѣ концовъ почти выходитъ изъ употребленія.

[3]) Еще одинъ прежній источникъ сокращенія суммы, поступавшей на учениковъ,—стремленіе къ сведенію баланса съ остаткомъ—въ эту эпоху уже потерялъ свое значеніе, потому что при скудости средствъ помышлять объ остаткахъ было уже очень трудно, и если возможно, то только кое-гдѣ до 50-хъ годовъ.

[4]) Дѣло Д. У. У. 62 г. № 2056.

[5]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337.

[6]) Ibid.

[7]) Ibid.

[8]) Ibid.

[9]) Ibid.

20 р., а въ вологодскомъ училищѣ по 8—15 р. [1]); въ Пензѣ семинаристамъ выдавалось 10—17 рубл., а училищнымъ ученикамъ по 8—16 рубл. [2]).

Каково могло быть содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ на указанныя суммы, достаточно показываетъ уже простой разсчетъ. Въ академіяхъ на каждаго студента приходилось, считая 300 дней въ году пребыванія въ академіи, по 23—43 к. въ день; изъ этой суммы болѣе $^1/_3$ уходило на одежду (около $^1/_2$ оклада въ провинціальныхъ академіяхъ). Въ семинаріяхъ, по общему разсчету семинарскихъ правленій, половина оклада уходила на одежду, если ее дѣлали. Значитъ здѣсь на пищу оставалось по 6, 8, $9^1/_2$ коп. въ день, если бы окладъ полностью шелъ на ученика; при несоблюденіи же этого условія, на все содержаніе ученика семинаріи съ одеждой приходилось, надо полагать, по 8—14 коп. въ день. На полнаго училищнаго бурсака, считая окладъ полностью, приходилось (на 300 дней) по 9, 11 и 14 коп., откуда на одежду, если ее дѣлать, уходила половина. Сравнивъ эти цифры съ цѣнами на жизненные продукты, мы можемъ лишь прійти въ недоумѣніе, какъ еще могли существовать ученики, содержимые на такіе оклады. И, дѣйствительно, частныя свѣдѣнія о содержаніи казеннокоштныхъ питомцевъ показываютъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ они только еле поддерживали свое существованіе.

Въ сравнительно лучшемъ и довольно удовлетворительномъ положеніи находились студенты академій. Суммы, на нихъ ассигнуемыя, по тому времени были приличныя, а обычай „экономіи“ на счетъ студенческихъ желудковъ и проч. въ протасовское время началъ выходить изъ практики. По настоянію оберъ-прокурора, обратившаго вниманіе въ спб. академіи на неудовлетворительное содержаніе студентовъ, послѣднее даже было улучшено. Студенты стали получать лучшую одежду; была улучшена обстановка студенческихъ общежитій, былъ улучшенъ и столъ. Между прочимъ въ 1842 году были введены завтраки для студентовъ, для чего была отпущена и особая сумма [3]). Въ 1855 году студентамъ стали въ спб. академіи давать чай съ бѣлымъ хлѣбомъ утромъ и вечеромъ [4]).

[1]) Дѣло Д. У. У. 63 г. № 89-2117.

[2]) Дѣло Д. У. У. 63 г. № 219-2172.

[3]) Ист. спб. ак., стр. 357.

[4]) Спб. Ак. 1858—1888 г., стр. 73.

Въ казанской академіи казенный чай былъ введенъ съ самаго начала, но скоро-же уничтоженъ, и лишь выдавали на завтракъ $^1/_2$ ф. бѣлаго хлѣба [1]). Вообще содержаніе студентовъ было удовлетворительно; въ 1856 году оберъ-прокуроръ А. П. Толстой, посѣтивъ казанскую академію, остался даже недоволенъ, что студентовъ слишкомъ хорошо кормятъ [2]). Но съ средины 50-хъ годовъ, съ все большимъ вздорожаніемъ жизни, и академическая экономія пришла въ затрудненіе. Стали уменьшать комплектъ казенныхъ студентовъ; напримѣръ, въ московской академіи, вмѣсто 120 въ 1854 году содержалось лишь до 100 студентовъ [3]); въ спб. академіи въ срединѣ 60-хъ годовъ вм. 120 было ок. 70 казеннокошти. студентовъ [4]); а сумма отпускалась полностью по штату. Но все-таки концы съ концами сводить было трудно, такъ что содержаніе ухудшилось. Столъ сталъ хуже [5]); всей одежды уже заготовлять не могли [6]). Въ 1862 году правленіе московской академіи представило митрополиту, что по самому скромному исчисленію теперь надо на каждаго студента 145 р. въ годъ, а изъ штатныхъ суммъ приходится всего ок. 100 рубл. Митрополитъ Филаретъ назначилъ тогда выдавать недостающую сумму изъ суммъ московской каѳедры [7]). Но другимъ академіямъ пришлось еще долго ждать матеріальной помощи.

Содержаніе семинаристовъ и училищныхъ бурсаковъ было несравненно хуже. При скудости средствъ, оно ухудшилось даже по сравненію со временемъ Комиссіи Д. Уч. Пища была однообразная и скудная, и чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе увеличивалась эта скудость. Въ началѣ 40-хъ годовъ, правда, по распоряженію оберъ прокурора были заведены въ спб. семинаріи и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ завтраки изъ хлѣба и кваса [8]). Но это нововведеніе, даже гдѣ оно и было, почти ничего не прибавляло въ суровую жизнь духовныхъ питомцевъ. Щи и каша по прежнему были почти по-

---

[1]) Ист. каз. ак. Ш, стр. 94, 99.

[2]) Ibid., стр. 101.

[3]) Ист. моск. ак., стр. 150, 352.

[4]) Спб. ак. 1858—1888 г., стр. 106.

[5]) Ист. каз. ак., Ш, стр. 106.

[6]) Спб. акад. 58—88 г., стр. 106.

[7]) Ист. моск. ак., стр. 352.

[8]) Ист. спб. сем., стр. 494 Дѣло Д. У. У. 60 г. № 115-2646 (Тула). Въ литовской сем. давался даже горячій завтракъ (Ист. лит. сем., стр. 269).

стояннымъ меню обѣдовъ и ужиновъ даже въ тѣхъ малолюдныхъ семинаріяхъ, въ которыхъ вообще содержаніе было лучшимъ [1]. Качество этихъ блюдъ нерѣдко бывало неудовлетворительно [2]; а по количеству даваемой пищи было часто едва достаточно для утоленія голода, такъ что ученики были полуголодными [3]. На этомъ общемъ фонѣ была только та разница, что въ училищахъ кормили хуже, чѣмъ въ семинаріяхъ, въ школахъ многолюдныхъ хуже, чѣмъ въ малолюдныхъ. О полуголодномъ существованіи духовныхъ школьниковъ знало и общество, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ обычай посылать въ бурсу поминальные обѣды, какъ нищимъ или острожникамъ [4]. Самая обстановка школьныхъ столовыхъ поражала своими убожествомъ и нечистотой. Скатертей и салфетокъ часто не было; хорошо, если вмѣсто нихъ была хотя клеенка [5]. А если скатерти и были, то онѣ отличались отвратительной нечистотой, такъ какъ было ихъ одна — двѣ смѣны [6]. Ножей, вилокъ и тарелокъ иногда совсѣмъ не было, иногда было мало, такъ что ножъ и вилка приходились на нѣсколько человѣкъ [7]; посуда нерѣдко еще была деревянная [8]; вмѣсто солонокъ, напримѣръ, иногда были черепки [9]. Пищу подавали оборванные служители, облеченные иногда въ одни нижніе шаровары и рубахи [10]. Все это на свѣжаго человѣка производило, конечно, отталкивающее впечатлѣніе.

Что касается снабженія казенно-коштныхъ учениковъ одеждой, то здѣсь господствовало большое разнообразіе. Въ спб.

---

[1]) Напр. архангельск. сем. (дѣло Д. У. У. 65 г. № 1793 и отч. о рев. арханг. 70 г., стр. 76).

[2]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337 (рев. Урусова); дѣло Канц. Об.-Пр. 1-го отд. 2-го ст. 1859 г. № 220; отч. о рев. калуж. 68 г., астрах. 67 г., тульск. 69 г., и др.

[3]) Ист. смолен. сем., стр. 385; отч. о рев. рязан. 67 г., стр. 30, и др.

[4]) Отч. о рев. курск. 70 г., стр. 102.

[5]) Дѣло Д. У. У. 1864 г. № 966; отч. о рев. орлов. 72 г., стр. 141; отч. о рев. самар. 67 г., стр. 21, и др.

[6]) Отч. о рев. астрах. 67 г., стр. 11; рязан. 67 г., стр. 29; калуж. 68 г. стр. 34; перм. 69 г., стр. 72, и др.

[7]) Отч. о рев., самар. 67 г., стр. 21; арханг. 70 г., стр. 94; новгород. 70 г., стр. 99; орлов. 72 г., стр. 141, и др.

[8]) Дѣло Д. У. У. 56 г., № 174-4311 (Пенза); отч. о рев. астрах. 68 г., стр. 14. отч. о рев. орлов. 72 г., стр. 141, и др.

[9]) Д. Д. У. 64 г. № 966 (харьк. сем.).

[10]) Отчеты о рев. рязан. 67 г., стр. 29; астрах. 67 г., стр. 11.

семинаріи, находящейся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ высшаго начальства, въ 40-хъ годахъ одежда была по сравненію съ прежнимъ улучшена. Ученикамъ выдавали на два года сюртучную суконную пару, другую подобную на годъ, лѣтніе панталоны и жилетъ, три пары полусапогъ, суконную шинель на три года, суконную фуражку, пару перчатокъ и бѣлье по уставу [1]). Здѣсь въ одеждѣ было установлено и единообразіе. Въ провинціальныхъ семинаріяхъ одежды давали то больше, то меньше, смотря по средствамъ, причемъ съ теченіемъ времени и въ этомъ отношеніи происходило постепенное ухудшеніе. Напримѣръ, Урусовъ въ свою ревизію 60—61 г. замѣтилъ относительно орловской, смоленской сем., что одежды дается мало, а бѣлья совсѣмъ не дается. Въ казанской сем., по его словамъ, выдавалось казенному ученику: на годъ — три пары бѣлья, три пары сапогъ, сюртукъ и брюки нанковые, жилетъ полубархатный; на три года: суконная шинель, суконный сюртукъ и брюки. Въ нижегородской сем. казеннокоштному тогда давалось: сюртукъ и брюки на 2 года суконные, на годъ—русинетовые, 2 пары бѣлья, галстухъ, полотенце, 2 пары сапогъ съ головками на годъ [2]). Въ тульской сем., по словамъ ревизіи 60 г., одежды почти не давалось [3]). Въ рязанской сем., по словамъ ревизіи 63 года, бѣлья не давалось, а одежды давалось мало [4]). Въ училищахъ одежды большею частью совсѣмъ не давали. Напримѣръ, такъ было, по словамъ Урусова, въ тульскихъ, орловскихъ и нижегородскихъ училищахъ; по словамъ историка смоленской сем. — въ смоленскихъ училищахъ [5]). Да это и понятно, потому что изъ бурсачнаго оклада шить одежду было рѣшительно невозможно. — Спальныя принадлежности были также недостаточны и жалки. Напримѣръ, по словамъ ревизора оренбургской сем. 56 г., постельныхъ приборовъ у многихъ не было: спали по двое на кровати и на полу; постельнаго бѣлья не было [6]). По словамъ ревизіи тифлисской сем. 59 г., постелей здѣсь было совсѣмъ мало, да и то плохія;

---

[1]) Ист. спб. сем., стр. 491, 493.

[2]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 368/3337.

[3]) Дѣло Д. У. У. 60 г. № 116/2646.

[4]) Дѣло Д. У. У. 63 г. № 89/2117.

[5]) Ист. смол. сем., стр. 305.

[6]) Дѣло Д. У. У. 56 г. № 76-4235.

спали по 2—3, на голыхъ доскахъ [1]). Кн. Урусовъ замѣтилъ въ кіевской семинаріи, что постели весьма бѣдны и стары, бѣлье грязно. одѣялъ у многихъ вовсе нѣтъ. Въ харьковской сем., по даннымъ 1863 г., постельные приборы были въ самомъ жалкомъ видѣ: тюфяки стары и грязны, одѣяла годились развѣ для подстилки подъ ноги, простынь и наволочекъ почти не было [2]). Въ смоленскихъ училищахъ спали, по словамъ историка см. сем., по два, также безъ простынь и наволочекъ. О соединенныхъ съ такой грязью, нечистотой и тѣснотой послѣдствіяхъ нечего и говорить...

Содержаніе учениковъ въ казенныхъ общежитіяхъ, такимъ образомъ, противорѣчило всѣмъ требованіямъ гигіены. Но еще болѣе антигигіеничны были условія жизни квартирныхъ воспитанниковъ. Въ протасовское время, какъ и въ предшествующее, казенныя общежитія большею частью едва помѣщали и всѣхъ казеннокоштныхъ, а иногда ихъ совсѣмъ не было или же въ нихъ помѣщалось лишь нѣсколько десятковъ человѣкъ. Своекоштныхъ пансіонеровъ въ общежитія брали лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ и въ незначительномъ количествѣ. Въ академіяхъ, напр., въ то время на своемъ содержаніи бывало всего нѣсколько студентовъ. Съ нихъ брали плату въ разныхъ мѣстахъ разную. Въ спб. академіи плата эта была 143 р. въ годъ и 34 р. на первонач. обзаведеніе [3]). Въ казанской академіи съ своекоштныхъ брали по 100 р., а безъ одежды—50 р. [4]). Въ спб. семинаріи было много пансіонеровъ и съ нихъ по прежнему взимали плату, смотря по положенію отцовъ, отъ 84 до 34 р.; недостающая же на содержаніе сумма восполнялась изъ дух.-учебныхъ капиталовъ [5]). Изъ другихъ семинарій пансіонеры принимались въ очень немногихъ. Въ малолюдной архангельской сем. всѣ своекоштные жили въ семинарскомъ корпусѣ, съ платою то-же смотря по состоянію [6]). Въ пермской семинаріи бывало десятка по два пансіонеровъ [7]). Въ тульской семинаріи то-же допускали нѣсколько пансіонеровъ съ платою по 40 р. [8]). Были пансіо-

[1]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 129-4265.
[2]) Дѣло Д. У. У. 64 г. № 966.
[3]). Спб. акад. 1858—1883 г., стр. 70.
[4]) Ист. каз. ак. Ш, 128, 139.
[5]) Ист. спб. сем., стр. 490.
[6]) Отч. о рев. арханг. 70 г., стр. 53.
[7]) Отч. о рев. перм. 69 г., стр. 73.
[8]) Отч. о рев. тульск. 69 г., стр. 25.

неры въ кишиневской, харьковской сем. [1]). Изъ училищъ намъ извѣстно о пріемѣ пансіонеровъ въ училищахъ архангельскомъ и кіево-софійскомъ [2]). Въ концѣ 50-хъ годовъ было устроено общежитіе для своекоштныхъ въ Томскѣ, въ началѣ 60-хъ гг.—въ Смоленскѣ [3]) Громадное же большинство учащихся семинаристовъ и учениковъ училищъ жили по частнымъ квартирамъ, или вполнѣ на своемъ содержаніи, или при пособіи отъ школы.

Каковъ былъ бюджетъ этихъ квартирныхъ учениковъ, можно судить, напримѣръ, по слѣдующимъ даннымъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ кн. Урусовымъ, во Владимирѣ содержаніе самаго бѣднаго семинариста на квартирѣ обходилось безъ одежды ок. 40 р.; въ Костромѣ за одну квартиру платили семинаристы и училищные ученики по 1 р. 70 к. въ мѣсяцъ, все же содержаніе самаго бѣднаго ученика обходилось въ годъ не менѣе 40 р.; въ кинешемскомъ училищѣ костр. еп. содержаніе бѣднаго ученика безъ одежды обходилось въ 20 р., а болѣе состоятельнаго въ 30 р. въ годъ; въ лысковскомъ училищѣ нижегор. еп. содержаніе на квартирѣ безъ одежды обходилось 15—25 р., съ одеждой 30—45; въ Ярославлѣ содержаніе квартирныхъ учениковъ обходилось 34—50 р. въ годъ безъ одежды [4]). Въ Смоленскѣ въ 40-хъ гг. содержаніе кв. ученика стоило 28—34 р. въ годъ (безъ од.), а въ концѣ 60-хъ годовъ уже 40—50 р. [5]). Въ Петрозаводскѣ въ 60-хъ годахъ содержаніе на квартирѣ обходилось 25—40 р. въ годъ кромѣ одежды [6]). Въ 60-хъ же годахъ въ Харьковѣ содержаніе на квартирѣ обходилось 8—9 р. въ мѣсяцъ, въ Вяткѣ 7—4 р. въ мѣсяцъ, на Волыни 6—8 р. въ мѣс. [7]). Въ училищахъ новгородской еп. въ 60-хъ годахъ за квартиру со столомъ платили: въ Устюжнѣ 1 р. 60 к.—1 р. 80 к. въ мѣс.; въ Кирилловскомъ уч. 25—32 р. въ годъ; въ Боровичахъ—3 р. 20 к.—4 р. 50 к. въ м.; въ Старой Руссѣ—4 р.—4 р. 75 к. въ м.; въ Тихвинѣ 3 р. 25 к. въ мѣс. [8]). Въ Кишиневѣ въ то-же

---

[1]) Отч. о рев. кишин. 68 г., стр. 45; харьк. 68 г., стр. 34.

[2]) Отч. о рев. арх. 70 г., стр. 95; Дѣло Д. Д. У. 55 г. № 107-4086.

[3]) Изъ отч. об.-пр. 59 г., стр. 41.

[4]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337.

[5]) Ист. смол. сем., стр. 306; отч. о рев. смол. 68 г.

[6]) Дѣло Д. У. У. 65 г. № 1793; отч. о рев. олон. 72 г., стр. 233.

[7]) Отчеты о рев. харьк. 68 г., стр. 33; вятск. 71 г., стр. 123; волын. 71 г. стр. 100.

[8]) Отч. о рев. новгор. 70 г.

время плата за кв. со столомъ была 7 р. въ м. [1]), въ Курскѣ 3—5 р. въ м. [2]), въ Самарѣ—4 р. 50 к.—6 р. въ м., въ Рязани 2 р. 50 к.—3 р. 50 к. въ мѣс. [3]), въ Перми 5—6 р. въ мѣс. [4]), въ Одессѣ 8—14 р. въ мѣс. [5]).

Какъ видно, содержаніе квартирныхъ учениковъ вообще обходилось дороже, чѣмъ содержаніе казеннокоштныхъ въ общежитіи. Но получали они на эти деньги все въ несравненно худшемъ видѣ, какъ то и должно было быть, потому что они оплачивали и помѣщеніе и доставляли прибыль квартирохозяевамъ и наконецъ жили небольшими группами, почему продукты имъ обходились дороже. Въ разныхъ епархіяхъ и разныхъ городахъ жизнь квартирныхъ учениковъ носила, конечно, нѣсколько различный оттѣнокъ. Тамъ, гдѣ духовенство было богаче, напр. въ Самарѣ, и дѣти духовенства содержались лучше. Равнымъ образомъ вообще дѣти болѣе состоятельныхъ родителей содержались приличнѣе бѣднѣйшихъ. По общій фонъ, средній уровень положенія квартирныхъ учениковъ былъ въ высшей степени безотраденъ. Жалкая обстановка, плохое питаніе, самая бѣдная одежда, словомъ почти полная нищета — вотъ что было ихъ удѣломъ. Во всѣхъ концахъ Россіи въ сущности судьба ихъ была одинакова. Напримѣръ, ревизоръ новгородскихъ учебныхъ заведеній 70 г. такъ описываетъ положеніе живущихъ на квартирахъ. Квартиры—б. ч. деревянныя избы; въ комнатахъ грязь и тѣснота; кроватей нѣтъ, спятъ на полу въ повалку, такъ какъ живутъ по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ; пища самая скромная—щи и каша, мясо дается только осенью; одежда ветхая, нерѣдко изорванная [6]). Квартиры въ Петрозаводскѣ, по словамъ ревизіи 65 г., были тѣсны, сыры, темны, неопрятны [7]). Ревизоръ 72 г. такъ описывалъ жизнь олонецкихъ учениковъ. Квартиры—убогіе углы; обычный типъ ихъ: полуразрушенная лѣстница, темныя низкія сѣни съ запахомъ гнили и нечистотъ, передняя съ воздухомъ душной бани, гдѣ иногда помѣщаются мать съ ребенкомъ, птицы и тутъ же ученики училища; затѣмъ

[1]) Отч. о рев. кишин. 68 г., стр. 44.
[2]) Отч. о рев. курск. 70 г., стр. 118.
[3]) Отч. о рев. самар. 68 г., стр. 22.
[4]) Отч. о рев. перм. 69 г., стр. 73.
[5]) Отч. о рев. херсон. 68 г., стр. 55.
[6]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 174, 206, 226, 251.
[7]) Дѣло Д. У. У. 65 г. № 1793.

прямо или через комнату компата учениковъ, совершенно лишенная свѣжаго воздуха, такъ какъ вентиляція въ Петрозаводскѣ неизвѣстна, пропитанная запахомъ кухни, помета, нечистотъ и т. п., гдѣ спятъ въ повалку 5—6 человѣкъ; постели, безъ простынь, обычно валяются гдѣ нибудь на полу, въ углу; отъ сырости иногда вода выступаетъ изъ щелей пола; воздухъ такъ душенъ, что черезъ 5—6 минутъ ревизоръ почувствовалъ себя дурно. Вообще, по словамъ ревизора, жизнь олонецкихъ учениковъ отмѣчена безысходной бѣдностью; это жизнь какихъ то дикарей или бѣдняковъ, осужденныхъ на лишенія и свыкшихся съ нищетой. Въ Каргополѣ олонецкой еп. квартиры были еще хуже, по свидѣтельству того-же ревизора: это полуразвалившіяся хижины, невыносимо душныя и тѣсныя, гдѣ иногда вмѣстѣ съ людьми живутъ и животныя; ученики ходятъ оборваные, съ дырами, заплатами и т. п. [1]). Въ Вяткѣ въ ученическихъ квартирахъ равизоръ 71 г. нашелъ вездѣ бѣдность, тѣсноту и неопрятность [2]). Въ Челябинскѣ ученики училищъ жили въ квартирахъ безъ зимнихъ рамъ, страшно холодныхъ, сырыхъ и грязныхъ [3]). Во Владимирѣ, по словамъ Урусова, кв. ученики жили въ самыхъ бѣдныхъ, грязныхъ комнатахъ, по 6—10 человѣкъ вмѣстѣ, имѣли самую скудную пищу, безъ мяса, дышали зловоннымъ, душнымъ воздухомъ. Жизнь воспитанниковъ въ Костромѣ, по описанію ревизора 67 г., представляла самую печальную картину: квартиры чужды самыхъ необходимыхъ гигіеническихъ условій; все носитъ печать вопіющей бѣдности и поразительнаго отсутствія чистоты и опрятности, большая часть квартиръ въ чердакахъ или подвалахъ, гдѣ тѣснота, грязь, сырость, холодъ; спятъ на полу и по нѣскольку на одной кровати, иногда живутъ въ кухнѣ [4]). Въ Нижнемъ-Новгородѣ ученическія квартиры, по словамъ ревизій Урусова и 68 г., были отвратительно гадки; ученики жили часто въ углахъ, вмѣстѣ съ семействами рабочихъ, жили въ полной нищетѣ [5]). Въ тульской епархіи ученики училищъ помѣщались точно также; жили въ крестьяскихъ избахъ, темныхъ и грязныхъ, спали на полу, пи-

---

[1]) Отч. о рев. олон. 72 г., стр. 111—113, 239, 240, 321—322.

[2]) Отч. о рев. вят. 71 г., стр. 123.

[3]) Отч. о рев. оренб. 73 г., стр. 23.

[4]) Огч. о рев. костром. 67 г., стр. 18; то-же и ревизія Урусова.

[5]) Дѣло Д. У. У. 59 г. № 363-3337; отч. о рев. нижегор. 68 г., стр. 11.

тались грубой и скудной пищей, ходили въ тулупахъ и т. д. [1]). Душны, тѣсны, грязны, съ плохой пищей, безъ кроватей и постельнаго бѣлья, часто безъ опредѣленнаго угла, были квартиры, по словамъ ревизоровъ, и въ Смоленскѣ, Вязьмѣ, Черниговѣ, Новочеркасскѣ [2]). Само собою разумѣется, что и внѣшній видъ квартирныхъ учениковъ, живущихъ въ такой жалкой бѣдности, былъ весьма непривлекателенъ. Оборванные, грязные, нечесанные, въ самыхъ разнокалиберныхъ костюмахъ, они производили нерѣдко впечатлѣніе то дикарей, то нищихъ, при чемъ особенно грубою внѣшностью обычно обладали училищные мальчики и преимущественно въ уѣздныхъ городахъ.

Понятно, что антигіеническая обстановка жизни самымъ гибельнымъ образомъ отражалась и на здоровьи учениковъ. Видъ ихъ былъ обычно блѣдный, свидѣтельствующій о малокровіи и худосочіи [3]). Множество болѣзней свирѣпствовало въ школьной средѣ, главнымъ образомъ зависящихъ отъ нечистоты и простуды. Чесотка, тифъ, скарлатина и т. д. не покидали школьныхъ стѣнъ. Процентъ болѣющихъ былъ огромный. Напр. въ новгородской сем. за три года—1867—1869 г.—было 881 больныхъ изъ 1000 приблизит. учениковъ за это время [4]). Въ Петрозаводскѣ въ 68 году при ревизорѣ въ училищѣ болѣло горячкой и цынгой ок. $^1/_3$ учениковъ [5]). Въ псков. сем. въ 68 тоду за 5 мѣсяцевъ изъ 270 учен. болѣло 234 [6]); въ пермской сем. въ 68 г. за 4 мѣсяца перваго полугодія болѣло изъ 282 учен. 108 [7]). Въ смоленской сем. въ 1858/9 году, напр., болѣе 300 учен. сем. и учил. болѣло горячками [8]).

Итакъ, матеріальная нищета была удѣломъ духовной школы въ протасовскую эпоху еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ во время Комиссіи Дух. Учил. И чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе критическимъ становилось положеніе духовно-учебныхъ

[1]) Отч. о рев. тульск. 69 г., стр. 74, 99.

[2]) Отч. о рев. смолен. Урусова и 68 г.; рев. Урусова черниг., отч. о рев. донск. 69 г., стр. 44—45, 54.

[3]) Отч. о рев. кур. 70 г., стр. 103.

[4]) Отч. о рев. новгор. 70 г., стр. 93.

[5]) Отч. о рев. олон. 68 г., стр. 62.

[6]) Отч. о рев. псков. 68 г., стр. 31.

[7]) Огч. о рев. перм. 69 г., стр. 62.

[8]) Ист. Смол. сем., стр. 327.

заведеній. Помощи ни откуда не было, а духовно-учебные капиталы въ концѣ концовъ перестали удовлетворять даже смѣтныя назначенія; въ 60-мъ году духовно-учебное хозяйство вступило на роковой путь дефицитовъ. При такихъ условіяхъ неудивительно, что наконецъ въ началѣ 60-хъ годовъ всталъ роковой вопросъ: быть или не быть духовной школѣ? Къ счастью, дружными усиліями церковнаго общества и церковнаго правительства эта проблема разрѣшилась благополучно.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Духовно-учебныя реформы 60-хъ годовъ.

Вопросъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній въ концѣ 50-хъ — началѣ 60-хъ годовъ. Комитетъ преосв. Димитрія.

Протасовская эпоха не внесла, такимъ образомъ, какъ мы ясно видѣли, ничего положительнаго въ жизнь нашей духовной школы. Напротивъ, теперь только ухудшились всѣ стороны духовно-учебнаго дѣла. Учебныя нововведенія протасовскаго времени подорвали всѣ здоровые устои духовнаго образованія и привели его къ упадку. Административный строй школы застылъ неподвижно на архаическихъ началахъ и сдѣлался въ концѣ концовъ источникомъ одной деморализаціи. Духовное воспитаніе не могло отрѣшиться отъ отсталыхъ пріемовъ и отжившихъ взглядовъ и погрязало въ рутинѣ. Въ матеріальномъ отношеніи школа погружалась въ все большую и большую нищету.

Однако до самаго конца 50-хъ годовъ духовно-учебное вѣдомство не выходило изъ счастливаго оффиціальнаго благополучія. Люди, стоявшіе у самаго школьнаго дѣла, конечно, нерѣдко сознавали всю ненормальность создавшагося положенія. Отрицательные результаты протасовскихъ учебныхъ преобразованій и старые дефекты учебнаго строя на мѣстахъ замѣчались всего ощутительнѣе, и о нихъ говорили иногда и мѣстные оффиціальные документы. Напримѣръ, ректоръ пермской сем. архим. Рафаилъ указывалъ, какъ на причины безуспѣшности учениковъ, на многочисленность и разнообразіе предметовъ, многолюдство классовъ, краткость времени на разныя науки, недостатокъ связи между предметами и т. п. [1]). Секретарь правленія казанской академіи Д. О. Гусевъ въ отчетѣ по окружному управленію за 1842 — 1845 гг. обращалъ между

[1]) Ист. перм. сем., III, стр. 187.

прочимъ вниманіе на отсутствіе раціональныхъ методовъ преподаванія, на неудовлетворительность учителей и т. п. [1]). Но всѣ подобныя робкія указанія большею частью совсѣмъ не доходили до центральной власти, а если и доходили, то какъ бы не замѣчались и оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Ревизорскіе отчеты неизмѣнно удостовѣряли общее благополучіе и объ измѣненіи status quo не помышляли. Но умеръ графъ Протасовъ; кончился николаевскій режимъ; и все сразу измѣнилось. Сразу открылись всѣ раны русской жизни, вышла наружу вся печальная истина прошлаго, и между прочимъ обнаружились всѣ дефекты въ постановкѣ общественнаго образованія. Началась усиленная разработка въ литературѣ педагогическихъ вопросовъ, поставленныхъ теперь не только формально, но и идейно. Въ 1856 году появилась знаменитая статья Н. И. Пирогова „Вопросы жизни", которая привлекла живой общественный интересъ къ педагогикѣ и имѣла большое вліяніе на дальнѣйшую разработку учебнаго вопроса. Въ литературѣ завязался горячій споръ приверженцевъ классическаго и реальнаго образованія. Оживилась и дѣятельность оффиціальныхъ сферъ. Въ 58 году министерство народнаго просвѣщенія приступило къ разработкѣ широкихъ учебныхъ преобразованій. Подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній всколыхнулось и духовное вѣдомство. Прекратилось намѣренное закрываніе глазъ на печальную дѣйствительность, и великая разруха духовной школы предстала предъ глазами общества и власти. Свѣтская литература одна изъ первыхъ обратила вниманіе на недостатки духовнаго образованія, и въ разныхъ журналахъ и газетахъ въ 1858 году появилось нѣсколько рѣзкихъ статей противъ духовной школы, которая при тогдашнемъ положеніи, дѣйствительно, не могла привлечь къ себѣ симпатіи общества, видѣвшаго лишь непригля́дную внѣшность и непонимавшаго ея внутреннихъ причинъ. Обратила вниманіе на духовную школу и свѣтская власть, непосредственно увидѣвшая дѣйствительность. Въ 1858 году Государь, во время своей поѣздки по Россіи, посѣтилъ семинаріи ярославскую, вологодскую, нижегородскую и литовскую; нѣкоторыя высокопоставленныя лица то-же заглянули въ стѣны духовно-учебныхъ заведеній; и, конечно, мало благопріятное впечатлѣніе должны были вынести эти посѣтители. Тогда, наконецъ, и оффиціально былъ

---

[1]) Ист. каз. ак., I, стр. 288—290.

поставленъ вопросъ о необходимости преобразованія духовно-учебныхъ заведеній.

Мысль о необходимости духовно-учебной реформы начала высказываться въ духовномъ вѣдомствѣ тотчасъ же послѣ того, какъ закатилась звѣзда гр. Протасова. Назначенный въ сентябрѣ 1856 года, послѣ кратковременнаго управленія Карасевскаго, новый оберъ-прокуроръ ген.-лейтен. А. П. Толстой нашелъ уже не мало проэктовъ преобразованія дух.-уч. заведеній. Но самъ новый оберъ-прокуроръ приступалъ къ дѣлу съ медленной осторожностью. Спачала онъ затребовалъ мнѣнія по данному предмету митрополитовъ спб. и московскаго, архіеп. камчатскаго и нѣкоторыхъ другихъ преосвященныхъ, и только по полученіи ихъ отзывовъ, видимо, рѣшился дать дѣлу дальнѣйшій оффиціальный ходъ [1]). Въ 1858 году духовно-учебное вѣдомство начало дѣлать нѣкоторыя приготовленія къ этому. При этомъ нельзя не отмѣтить, что измѣнились времена, измѣнились и пріемы. Прежнія реформы вырабатывались чисто бюрократическимъ путемъ центральною властью. Теперь, по примѣру разныхъ свѣтскихъ вѣдомствъ, къ разработкѣ намѣченныхъ преобразованій рѣшено было привлечь и школьныя начальства, и вообще дѣло было поставлено на болѣе широкую ногу. Прежде всего нашли нужнымъ собрать необходимый матеріалъ для сужденія объ уставахъ и для этого обратились къ иностраннымъ образцамъ и людямъ, непосредственно стоящимъ у школьнаго дѣла. Въ 1858 году былъ отправленъ во Францію, для ознакомленія съ постановкой католическихъ семинарій, бывшій баккалавръ московской академіи, чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ магистръ Сергіевскій [2]). Затѣмъ отъ 9-го февраля 1859 года оберъ-прокуроромъ были разосланы циркулярныя предложенія епарх. архіереямъ вытребовать отъ ректоровъ подвѣдомственныхъ имъ семинарій соображенія о необходимыхъ измѣненіяхъ во всѣхъ частяхъ строя дух.-уч. заведеній и представить ихъ въ Синодъ вмѣстѣ съ своими собственными замѣчаніями по тѣмъ же вопросамъ. При этомъ оберъ-прокурорскій циркуляръ отчасти указывалъ и тѣ недостатки, какіе вызываютъ пересмотръ уставовъ. Именно, въ циркулярѣ говорилось, что со времени протасовскаго преобразованія въ составъ

---

[1]) Дѣло Канц. об.-прок. 60 г. № 213, 1-го отд. 2 стола.

[2]) Изъ отч. об.-пр. 1858 г., стр. 52.

семинарскаго преподаванія входитъ слишкомъ много стороннихъ предметовъ, которые стѣсняютъ богословскія науки и древніе языки и, требуя большого напряженія отъ учащихся, весьма вредно отзываются на ихъ здоровьи. Требуемыя соображенія велѣно было представить до мая мѣсяца того же года. Въ августѣ 1859 года директоръ Дух.-Уч. Управленія кн. Урусовъ затребовалъ отъ преосвященныхъ академическихъ городовъ подобныя же соображенія и относительно академій [1]. Вытребованныя свѣдѣнія, правда, въ срокъ не были представлены; но онѣ поступили въ теченіи 1859 года. Въ концѣ 1859 г., по Высочайшему повелѣнію, назначена была экстренная ревизія духовно-учебныхъ заведеній кн. Урусовымъ. Послѣдній въ 1860 году обозрѣлъ учебныя заведенія казанской, нижегородской, костромской, владимірской и ярославской епархій, а въ 1861 году дух.-уч. заведенія тульской, орловской, кіевской, черниговской, могилевской и смоленской епархій. По окончаніи ревизіи Урусовъ представилъ отчетъ, который явился также цѣннымъ матеріаломъ для соображеній при пересмотрѣ уставовъ. Въ своемъ отчетѣ директоръ Д.-У. Упр. отмѣтилъ многіе существенные общіе недостатки въ постановкѣ духовно-школьнаго дѣла. Именно, по его мнѣнію, общіе дефекты духовно-учебныхъ заведеній были слѣдующіе: 1) Недостатокъ надзора за учениками вслѣдствіе жительства на квартирахъ, большая часть которыхъ приносятъ вредъ и для нравственности и для здоровья учащихся. Для устраненія этого недостатка необходимо устройство общежитій. 2) Недостатокъ заботливости и средствъ къ нравственному воспитанію учащихся. Въ дух.-уч. заведеніяхъ болѣе стремятся къ обученію, чѣмъ къ воспитанію. Въ отношеніи послѣдняго ограничиваются одними общими правилами; но эти правила мало воспитываютъ, да и за соблюденіемъ ихъ квартирными учениками слѣдить трудно. Между воспитанниками и наставниками нѣтъ близкаго, теплаго общенія; поощренія приносятъ не столько пользы, сколько вреда, а понятія о наказаніяхъ часто неправильны: предпочтеніе тѣлесныхъ наказаній указываетъ на упадокъ нравственнаго чувства. 3) Множество учебныхъ предметовъ и ихъ антипедагогическое распредѣленіе между наставниками. 4) Несовершенства методовъ ученія, господство схоластическихъ и механическихъ пріемовъ, отсутствіе заботливости

[1] Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 4948.

о внѣклассномъ чтеніи. 5) Недостатокъ учебниковъ и несовершенство существующихъ учебныхъ руководствъ. 6) Недостатокъ въ библіотекахъ учебныхъ пособій по скудости средствъ. 7) Несообразность въ распредѣленіи времени между учебными предметами. 8) Неудобство двухчасовыхъ уроковъ. 9) Чрезмѣрное многолюдство классовъ, вредное и для здоровья и для занятій; въ классахъ по 100, 150 и болѣе учениковъ. 10) Частыя перемѣны наставниковъ. 11) Неудобство существующихъ помѣщеній; крайняя скудость средствъ на содержаніе учениковъ и наставниковъ. Такимъ образомъ ревизія Урусова подвела печальные итоги долголѣтней школьной практикѣ и вскрыла почти всѣ недочеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Урусовъ довелъ до свѣдѣнія центральной власти и нѣкоторыя мнѣнія по наболѣвшимъ вопросамъ о необходимыхъ преобразованіяхъ семинарскихъ наставниковъ, которыхъ сама эта власть спросить не догадалась. Напримѣръ, онъ изложилъ представленныя ему соображенія преподавателей казанской семинаріи объ улучшеніяхъ въ преподаваніи, въ которыхъ указывалось на необходимость исключенія протасовскихъ предметовъ, сокращенія курса, внѣкласснаго чтенія и развитія самодѣятельности учащихся [1]).

Между тѣмъ дѣло о разработкѣ преобразованія духовной школы получило уже и дальнѣйшій ходъ. Постановленіемъ Св. Синода отъ 25 февраля—8 марта 1860 года, по предложенію оберъ-прокурора, для разсмотрѣнія отзывовъ епархіальныхъ архіереевъ и семинарскихъ ректоровъ былъ учрежденъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ члена Св. Синода архіеп. херсонскаго Димитрія (Муретова). Членами комитета были назначены изъ духовныхъ—ректоръ спб. академіи Нектарій (впослѣд. епископъ нижегородскій) [2]), ректоръ спб. семинаріи Платонъ (впослѣд. епископъ томскій), два чередныхъ архимандрита (Ѳеофилактъ Губинъ и Ѳеодосій Шаповаленко), два протоіерея—Дебольскій и Палисадовъ, по избранію спб. митрополита; а изъ свѣтскихъ—директоръ д. уч. у. кн. С. Н. Урусовъ, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ д. с. с. Гаевскій и чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ колл. ас. Т. И. Филипповъ, на котораго было возложено и дѣлопроизводство. Нѣсколько позже московскому

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 363/3337.

[2]) Потомъ Нектарія замѣнилъ новый ректоръ—Іоанникій (Рудневъ, впосл. митр. москов.).

митрополиту Филарету было предложено съ своей стороны прислать своего представителя въ этотъ комитетъ; такимъ представителемъ явился проф. моск. ак. А. В. Горскій. Въ сентябрѣ 1860 года, по указанію государя, былъ назначенъ въ члены комитета еще прот. Богословскій. Кромѣ того, комитету предоставлялось приглашать для совѣщанія и другихъ лицъ, но не видно, чтобы комитетъ дѣлалъ это. По окончаніи работъ комитетъ долженъ былъ свои соображенія представить Св. Синоду. Съ своей стороны послѣдній далъ комитету и нѣкоторый директивъ: въ постановленіи объ учрежденіи комитета говорилось, что состояніе духовно-учебныхъ заведеній, сдѣлавшееся предметомъ всеобщаго разсужденія и обратившее на себя высочайшее вниманіе, требуетъ существеннаго измѣненія; и этимъ давалось понять, что реформа должна быть коренной [1]).

Въ комитетъ поступили всѣ матеріалы, собранные разными путями, по вопросу о необходимыхъ преобразованіяхъ. Главнымъ матеріаломъ должны были явиться отзывы епархіальныхъ архіеревъ и ректоровъ. Затѣмъ сюда поступилъ отчетъ кн. Урусова о его ревизіи, донесеніе чиновника Сергіевскаго объ осмотрѣнной имъ католической парижской семинаріи, свѣдѣнія о постановкѣ богословскаго образованія на востокѣ, въ частности въ Халкинскомъ богословскомъ училищѣ, и мнѣнія нѣкоторыхъ частныхъ лицъ. Такъ, въ комитетъ было препровождено полученное изъ комитета министровъ предложеніе могилевскаго губернатора о необходимости лучшаго образованія духовенства и сближенія духовнаго сословія съ другими посредствомъ соединенія дух.-учебныхъ заведеній съ свѣтскими училищами. Въ началѣ 61 года настоятель посольской церкви въ Константинополѣ архим. Антонинъ прислалъ оберъ-прокурору письмо, въ которомъ указывалъ на необходимость усилить научный характеръ академическаго образованія; мысль письма раздѣлилъ оберъ-прокуроръ и переслалъ его сначала на разсмотрѣніе м. м. Филарета, а затѣмъ въ комитетъ. Академическіе ревизоры учебныхъ заведеній, съ поднятіемъ вопроса о преобразованіи также стали дѣлать замѣчанія объ общихъ недостаткахъ учебнаго дѣла, которыя иногда препровождались въ комитетъ для соображеній. Пробудилась и духовная журналистика, скованная доселѣ тяжелыми узами

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 4948.

цензуры. Въ началѣ 60-хъ годовъ цензурныя строгости нѣсколько ослабѣли съ упраздненіемъ въ 60 году секретнаго цензурнаго комитета при Св. Синодѣ [1]). Въ духовныхъ журналахъ стали появляться статьи по вопросамъ современной жизни и между прочимъ по духовно-школьному вопросу, которыя, несомнѣнно, не оставались безъ замѣчанія для членовъ комитета и безъ вліянія на разработку преобразованій. Наиболѣе занимались подобными вопросами журналъ «Православное Обѣщаніе», а отчасти также—„Труды Кіевской Духовной Академіи". На страницахъ этихъ журналовъ въ теченіи 1860 и 1861 годовъ появилось не мало статей, какъ съ общими, такъ и съ детальными указаніями на разные недостатки школьнаго дѣла [2]).

---

[1]) Изъ отч. об.-пр. 60 г., стр. 67.

[2]) Въ 1861 году въ Пр. Об. появилось двѣ статьи на школьныя темы. Въ майской кн. (стр. 285—290) была помѣщена статья анонимнаго автора: „Нѣсколько словъ о духовныхъ училищахъ". Здѣсь авторъ указывалъ на необходимость введенія въ семинарскій курсъ педагогики, что дастъ возможность духовенству давать дѣтямъ дома первоначальное образованіе, вслѣдствіе чего въ свою очередь курсъ низшихъ училищъ можно будетъ сократить на два года. Въ ноябрьской кн. Пр. Об. (стр. 407—428) была напечатана статья Д. Варнина о преподаваніи словесности въ дух. семинаріяхъ, въ которой указывалось на необходимость освободить преподаваніе словесности отъ схоластическихъ пріемовъ и обратить вниманіе на выработку въ семинаристахъ умѣнья писать литературно. Въ 1861 году на страницахъ Пр. Об. же появилась по тому же вопросу ст. И. Я. Порфирьева „Еще нѣсколько словъ о преподаваніи словесности въ духовныхъ саминаріяхъ" (т. IV, стр. 377—394). По мнѣнію автора, къ риторическому ученію въ семинаріи необходимо присоединить ученіе о законахъ вкуса и критики и условіяхъ художественности въ литературныхъ произведеніяхъ и исторію литературы; подобно Варнину, онъ признавалъ также необходимымъ сократить количество сочиненій и уничтожить преобладаніе отвлеченнаго элемента въ сем. писательствѣ. Другой авторъ тогда же (т. IV. стр. 443—446) указывалъ на страницахъ Пр. Об. на пользу для педагогическаго приготовленія воспитанниковъ семинаріи открытія при семинаріяхъ воскресныхъ школъ. Въ VI-мъ т. Пр. Об. (стр. 414—444, 1861 г.) неизвѣстный авторъ настаивалъ на необходимости уничтоженія нормальныхъ штатовъ, указывая на весь вредъ ихъ. Въ другой статьѣ тамъ-же разбиралась неудовлетворительность существующихъ семинарскихъ учебниковъ (т. VI, стр. 583—594). Принципіальный характеръ имѣла статья Бѣлавина: „Къ вопросу о преобразованіи дух. училищъ" (Пр. Об. 1861 г. т. IV, стр. 193—226). Здѣсь авторъ доказывалъ необходимость общаго образованія для священника въ виду обязанности пастырей слѣдить за всякими новыми идеями, не порывать своей связи съ духовной жизнью общества, и въ виду тѣсной связи общаго образованія съ богословскимъ. По мнѣнію

Такимъ образомъ комитетъ началъ свою работу, имѣя уже болѣе или менѣе подготовленную почву для своей дѣятельности. Но съ первыхъ же шаговъ послѣдней обнаружилось, что самъ въ себѣ комитетъ не имѣетъ задатковъ для успѣшнаго выполненія порученнаго ему предпріятія. Предсѣдатель комитета преосв. Димитрій явился въ комитетъ съ заранѣе

Бѣлавина, уставъ 1814 года всего лучше отвѣчалъ этимъ задачамъ. Общеобразовательный курсъ долженъ предшествовать курсу богословскому, такъ какъ это заставитъ внимательнѣе относиться къ общеобразовательнымъ наукамъ, разъ безъ нихъ нельзя будетъ дойти до богословія; преподаваніе богословскихъ наукъ въ такомъ случаѣ облегчится, выборъ призванія будетъ сознательнѣе, выходъ въ другія вѣдомства будетъ свободнѣе, духовное сословіе можно будетъ обновить новыми силами, допустивъ въ богословскіе классы людей со среднимъ свѣтскимъ образованіемъ. Бѣлавинъ проэктировалъ при этомъ низшія училища соединить съ семинаріями въ одно цѣлое уч. заведеніе, чтобы не раздѣлять наукъ. Возникающее отсюда многолюдство, по его мнѣнію, можно устранить учрежденіемъ въ многолюдныхъ епархіяхъ нѣсколькихъ семинарій; расходы отъ этого не увеличатся, такъ какъ не надо будетъ содержать низшихъ училищъ.—По поводу статьи Бѣлавина, въ Трудахъ Кіев. Д. А. 1861 г., т. II, стр., 158—199, появилась статья проф. В. Пѣвницкаго такого же принципіальнаго содержанія, подъ названіемъ „Къ толкамъ о семинарскомъ образованіи“. По его мнѣнію, главный недостатокъ семинарскаго курса—многопредметность, ведущая къ привычкѣ ничего не дѣлать, къ манкировкѣ занятіями и верхоглядству. Цѣлью образованія должно быть—развить человѣка и сообщить ему существенно необходимое для знанія какъ общечеловѣческаго, такъ и относящагося спеціально къ его призванію. Затѣмъ надо предоставить воспитаннику возможно больше свободнаго времени для занятія по собственному выбору. Поэтому надо исключить изъ общеобязательной программы нѣкоторые предметы. Таковы, во-первыхъ, сельское хозяйство, медицина и математика. За счетъ послѣдней надо усилить философское образованіе, введя исторію философіи, а также литературу и гражданскую исторію. Изъ богословскихъ наукъ Пѣвницкій находилъ излишними прав. исповѣданіе Петра Могилы, ученіе о богослуж. книгахъ, герменевтику (кот. можно соединить съ св. писаніемъ), обличительное богословіе (которое можно соединить съ церк. ист. и догматикой), гомилетику; въ замѣнъ того надо усилить церковную исторію. Затѣмъ Пѣвницкій раздѣлялъ мысль Бѣлавина о разграниченіи общаго и спеціальнаго образованія, допуская даже подготовку къ спеціально-богословскому курсу въ свѣтскихъ уч. заведеніяхъ, хотя и признавая разумность доводовъ въ пользу отдѣльнаго существованія дух. училищъ (между прочимъ опасеніе опустѣнія богословскихъ классовъ).—Въ томъ-же 1861 году Пѣвницкій помѣстилъ въ Тр. К. Д. А. статью по детальному вопросу о преподаваніи словесности въ сем. (т. III, стр. 419—455), гдѣ, подобно Варнину, указывалъ на малоплодность духовнаго писательства, на тяжелый стиль его, отталкивающій общество, и настаивалъ на необходимости болѣе раціональной и жизненной постановки обученія русскому языку и словесности въ дух. школахъ

составленными взглядами на предстоящую реформу. Не даромъ м. м. Филаретъ, узнавъ о назначеніи Димитрія председателемъ, замѣтилъ Урусову: „у преосвященнаго Димитрія есть нѣкоторыя особенныя идеи, которыя онъ, какъ президентъ, и будетъ проводить“ [1]). Каковы были взгляды преосв. Димитрія, объ этомъ мы узнаемъ изъ записокъ члена комитета А. В. Горскаго [2]) и изъ занятій самаго комитета. Въ бесѣдахъ съ Горскимъ преосв. Херсонскій такъ излагалъ свои задушевныя мысли о преобразованіи. Ученіе у насъ еще порядочно—говорилъ онъ; но нужно воспитаніе,—усиленіе въ духовенствѣ ревности къ исполненію своихъ обязанностей. Это требованіе становится тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ труднѣе становятся времена. Все стремится къ такъ называемой свободѣ совѣсти; можетъ легко статься, что мы неприготовленные вдругъ очутимся лицомъ къ лицу съ двумя сильными противниками—расколомъ и католицизмомъ. Послѣдній угрожаетъ нахлынуть къ намъ черезъ Польшу, при ослабленіи законовъ, ограждающихъ православіе. Но чѣмъ болѣе грозитъ опасность, тѣмъ болѣе нужно готовиться ее встрѣтить. Это приготовленіе должно лежать на воспитаніи. Для духовнаго воспитанія нужно желать преимущественно дѣтей духовныхъ лицъ, приготовленныхъ въ духовныхъ училищахъ, не нужно допускать, чтобы наши воспитанники получали образованіе въ общихъ народныхъ училищахъ, хотя впрочемъ не нужно допускать и того, чтобы въ духовныя семинаріи поступали только дѣти священно-служителей, часто балованные и неохотно посвящающіе себя духовному званію. Воспитательное приготовленіе юношества къ будущему духовному служенію должно проходить черезъ весь курсъ; но въ особенности оно должно сосредоточиваться въ послѣднемъ 4-хъ-лѣтіи. Сообразно съ этимъ, преосв. Димитрій полагалъ послѣдніе четыре года семинарскаго курса выдѣлить въ особый, спеціально богословскій курсъ, который и составитъ собственно семинарію. Эта семинарія должна быть строго закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, съ особымъ режимомъ, подобно католическимъ семинаріямъ. Здѣсь должны быть и надзиратели, и духовники, и церкви, и частое богослуженіе. Нужды нѣтъ, пусть будутъ говорить, что наши

---

[1]) Приб. къ Тв. Св. О. 1883 г., IV, стр. 350.

[2]) Горскій въ своемъ дневникѣ (Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г.) описываетъ свое пребываніе въ комитетѣ.

училища похожи на іезуитскіе. Что же касается общаго образованія, то его будущіе пастыри должны получать то-же въ духовныхъ училищахъ, но уже собственно общеобразовательныхъ. Для этого преосв. Димитрій предполагалъ, увеличивъ курсъ уѣздныхъ училищъ на два года, превратить ихъ въ общеобразовательныя духовныя гимназіи съ восьмилѣтнимъ курсомъ. Окончившіе курсъ въ этихъ гимназіяхъ должны пользоваться правами окончившихъ среднія свѣтскія учебныя заведенія; они могутъ съ пользою быть употреблены въ качествѣ учителей народныхъ училищъ, предположенныхъ къ открытію, могутъ выходить въ другія вѣдомства, или же поступать въ семинарію. Впрочемъ, въ послѣднюю должно приниматься только такое количество учениковъ, какое необходимо по потребностямъ епархій; въ гимназіи же могутъ поступать всѣ дѣти духовенства. Однако духовную гимназію и семинарію преосв. Димитрій не представлялъ отдѣльными другъ отъ друга учрежденіями, какъ онъ то спеціально пояснялъ Горскому. Гимназія и семинарія, по его плану, должны были составить одно уч. заведеніе, съ 12 лѣтнимъ курсомъ, послѣдніе четыре года котораго лишь выдѣляются въ самостоятельный курсъ. Такимъ планомъ преосв. Димитрій хотѣлъ достигнуть троякихъ цѣлей: 1) доставить духовенству возможность воспитывать своихъ дѣтей, не стѣсняясь выборомъ званія впереди, но предоставить сдѣлать этотъ выборъ самимъ дѣтямъ, по окончаніи общаго образованія; 2) избавить церковь отъ служителей алтаря не по своей доброй волѣ, но по волѣ другихъ и по обстоятельствамъ избирающихъ духовное званіе, и отъ того ведущихъ себя недостойно этого званія; 3) дать немногочисленному числу истинно расположенныхъ къ духовному служенію доброе, практическое приготовленіе къ послѣднему. Что касается матеріальныхъ средствъ для осуществленія всего этого плана, то ихъ преосв. Димитрій предполагалъ добыть черезъ усиленіе свѣчного дохода. Послѣднее, по его мнѣнію, можно будетъ достигнуть, если отдать содержаніе духовно-учебныхъ заведеній на средства епархій, подъ непосредственное хозяйственное попеченіе самого духовенства, которое теперь скрываетъ настоящую цифру свѣчныхъ доходовъ, а тогда, видя ихъ употребленіе на своихъ дѣтей, не будетъ дѣлать этого. Въ разговорѣ съ Горскимъ преосв. Димитрій высказывалъ еще и другую мысль, что если черезъ усиленіе свѣчного дохода достать средства не удастся, то единственная на-

дежда остается—просить Государя через митр. московскаго, котораго авторитет у Государя выше всѣх, чтобы к суммам духовнаго вѣдомства ассигновали еще из государственнаго казначейства до 3.000,000 рубл. [1]).

Съ изложеніемъ своихъ взглядовъ на реформу и выступилъ преосв. Димитрій прежде всего въ комитетѣ, гдѣ былъ предсѣдателемъ. Засѣданія открылись его рѣчью и чтеніемъ его записки, въ которой онъ, указывая на то, что семинарская программа слишкомъ пространна, сложна и разнородна, и что многолюдство лишаетъ возможности наблюдать за успѣхами и нравственностью, предлагалъ устранить эти недостатки устройствомъ закрытыхъ спеціально-богословскихъ семинарій и гимназій и передать ихъ содержаніе на средства епархій [2]).

Взгляды преосв. Димитрія, какъ видно изъ ихъ изложенія, преслѣдовали самыя благія намѣренія, осуществленіе которыхъ доселѣ составляетъ pia dezideria духовнаго образованія. Но эти взгляды не находили себѣ поддержки ни въ іерархическихъ, ни въ правительственныхъ сферахъ. Что касается высшей іерархіи, то она, повидимому, не раздѣляла самыхъ принциповъ преосв. херсонскаго: они казались ей слишкомъ новыми и либеральными. Первенствующіе іерархи русской церкви—митрополиты московскій и с.-петербургскій—совсѣмъ не хотѣли коренной ломки стараго школьнаго строя; ихъ желанія были гораздо скромнѣе. Митр. моск. Филаретъ такъ высказывалъ свои мысли и мысли спб. митр. Григорія о преобразованіи, возникшія у нихъ при запросѣ оберъ-прокурора о необходимыхъ измѣненіяхъ въ учебномъ строѣ. Въ письмѣ къ архим. Антонію отъ 9-го марта 1859 года Филаретъ писалъ между прочимъ слѣдующія строки. „Владыка новгородскій написалъ записку о томъ, что нужно перемѣнить въ училищахъ. Я написалъ на нее свою записку, частью соглашаясь съ нимъ, частью представляя неудобство и предлагая свои мысли. Напримѣръ, онъ хотѣлъ, чтобы ученики высшихъ классовъ ходили въ полукафтанахъ, полурясках и камилавкахъ. Я писалъ, что камилавку дать неудобно, потому что она при первой степени монашества дается въ церкви съ бла-

[1]) О взглядахъ пр. Димитрія—Приб. къ тв. св. о. 1885 г., I, стр. 20, 213—214, 220, 224.

[2]) Дѣло Канц. Об.-пр. I отд. 2-го ст. 1860 г., № 213.

ѓословеніемъ. Притомъ хорошо дать церковную одежду ученикамъ, если есть надежда сдѣлать ее постоянною; а если будутъ лицемѣрить и внѣ училищъ переодѣваться въ свѣтскую одежду, то пользы не будетъ. Главною перемѣною полагалось устраненіе медицины и агрономіи; но, говорятъ, правительство на сіе не соглашается. А при семъ недовольно дается простора для другихъ учебныхъ исправленій. Мнѣ кажется недостатокъ не столько въ уставѣ училищъ, сколько въ исполнителяхъ. Ректора слабо смотрятъ за ученіемъ и поведеніемъ, и архіереи недовольно ревностны, отъ которыхъ первый есмь азъ... Нѣкоторые даже почитаютъ училища чуждыми для себя... Мнѣ кажется, нужнѣе поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы" [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію м. Филарета, самые уставы вовсе не нуждались въ измѣненіи; нужно было только уничтожить вредныя послѣдствія протасовскихъ преобразованій и поднять школьную дѣятельность на почвѣ старыхъ уставовъ. Ту-же мысль м. Филаретъ высказывалъ и нѣсколько позже, въ 1861 г. по поводу уже выяснившихся плановъ комитета о преобразованіи дух. уч. заведеній [2]). Спб. митр. Григорій въ данномъ случаѣ видимо раздѣлялъ воззрѣнія м. Филарета. Человѣкъ болѣе кабинетный, далекій отъ жизни и уже престарѣлый [3]), этотъ архипастырь не смотрѣлъ также на предполагаемыя школьныя преобразованія съ широкой точки зрѣнія. Въ письмѣ къ м. Филарету отъ 31-го мая 1860 года м. Григорій при предстоящей реформѣ находилъ лишь необходимымъ усилить вліяніе преосвященныхъ на учебныя дѣла, усилить право конференціи на замѣщеніе наставническихъ должностей, уничтожить вліяніе дух.-учебнаго управленія и уничтожить то, что сдѣлано гр. Протасовымъ. Послѣднюю мысль вполнѣ одобрялъ московскій святитель [4]). Замѣнившій м. Григорія на спб. каѳедрѣ лѣтомъ 1860 года кіевскій митр. Исидоръ по своимъ воззрѣніямъ то-же не былъ склоненъ къ широкимъ преобразованіямъ. Будучи еще митрополитомъ кіевскимъ, онъ препроводилъ въ отвѣтъ за запросъ объ измѣненіяхъ въ уставѣ въ Синодъ записку тогдашняго ректора кіевской сем.

---

[1]) Письма Фил. къ Антонію, IV, ст. 171.

[2]) Собр. мн. и отз м. Фил. т. V, 1, стр. 18.

[3]) См. характеристику м. Григорія у Чистовича, Руков. дѣят., приб 2-е, стр. 360—361.

[4]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 198.

(Іоанникія, впосл. митр. московскаго), который не требовалъ широкихъ преобразованій, а ограничивался лишь скромными пожеланіями; митрополитъ вполнѣ соглашался съ своимъ ректоромъ [1]). Къ тому-же, по словамъ кн. Урусова, м. Исидоръ обнаруживалъ готовность во всемъ совѣтоваться съ владыкою московскимъ [2]) и, слѣдовательно, поддерживалъ точку зрѣнія послѣдняго.

Отсюда очевидно, что уже принципіально во взглядахъ на реформу преосв. Димитрій расходился съ первенствующими іерархами. Поэтому, конечно, въ нихъ онъ не могъ найти поддержки. Въ предсѣдатели комитета его выдвинули не іерархическія сферы, а свѣтскіе вершители синодскихъ дѣлъ [3]). У послѣднихъ, стало быть, преосвященный херсонскій и могъ бы, повидимому, искать сочувствія своимъ планамъ Но и съ этой стороны сочувствія не оказалось. Тогдашній оберъ-прокуроръ св. Синода. графъ Александръ Петровичъ Толстой (1856—1862 г.) былъ человѣкъ, мало пригодный къ тому поприщу дѣятельности, на которое онъ былъ призванъ, по незнакомству съ дѣломъ. Получивши домашнее воспитаніе еще въ первыя десятилѣтія XIX вѣка, всю жизнь свою прослуживший по военной и гражданской службѣ, ничего общаго съ церковью и просвѣщеніемъ не имѣющей [4]), онъ попалъ въ оберъ-прокуроры лишь по капризу административныхъ назначеній. Правда, онъ былъ человѣкъ религіозный и набожный; но эти качества еще, конечно, не были достаточны для руководительства церковными дѣлами. И. А. Чистовичъ ставитъ въ заслугу графу, что онъ привлекъ въ синодальное вѣдомство такихъ даровитыхъ и образованныхъ людей, какъ С. Н. Урусовъ, Т. И. Филипповъ [5]). Но хотя въ данномъ случаѣ гр. Толстой былъ счастливѣе гр. Протасова; однако его собственная компетентность въ церковныхъ и въ частности школьныхъ вопросахъ отъ этого не выигрывала. Онъ не обладалъ, да и не могъ обладать широкими взглядами на духовно-учебное дѣло, знать хорошо его недо-

---

[1]) Ibid., стр. 217—218.

[2]) Ibid., стр. 223.

[3]) Прав. Обозр. 1883 г., янв., стр. 108. Объ этомъ говоритъ П. С. Казанскій въ одномъ письмѣ 1860 года.

[4]) См. біогр. его, наприм., у Чистовича, Руковод. дѣятели, прибавл. 2-е, стр. 359.

[5]) Ibid, стр. 359.

статки и средства къ ихъ исправленію. Въ бесѣдѣ съ А. В. Горскимъ въ Москвѣ въ іюлѣ 1860 года оберъ-прокуроръ говорилъ ему, что все, чего онъ желаетъ, это—1) уменьшенія предметовъ, 2) чтобы обращено было вниманіе на тѣлесное здоровье воспитанниковъ и 3) чтобы не заботились сгладить въ нихъ то собственно духовное, что въ нихъ сохранилось, не отучали ихъ, изъ подражанія свѣтскимъ, отъ добрыхъ нравовъ духовныхъ [1]. Какъ видно, у графа вовсе не было яснаго и опредѣленнаго представленія о цѣляхъ реформы, и онъ, подобно первенствующимъ іерархамъ, видимо не склоненъ былъ защищать такія радикальныя преобразованія, какія замышлялъ преосв. херсонскій.

Что касается самыхъ членовъ комитета, то и въ нихъ планы Димитрія не находили себѣ реальной поддержки. Члены духовные, естественно, должны были прислушиваться къ голосу первенствующихъ іерарховъ, отъ которыхъ они находились въ прямой зависимости. Ректора спб. академіи и семинаріи, по словамъ Т. И. Филиппова, повидимому имѣли тайныя инструкціи отъ м. Григорія [2] и потому не высказывали особой готовности стоять за планъ своего предсѣдателя [3]. Протоіереи, назначенные по выбору того-же митр. Григорія, предпочитали, видимо, отдѣлываться дипломатическимъ молчаніемъ. „Одинъ изъ протоіереевъ молчитъ (Дебольскій),—жаловался Урусовъ Горскому въ іюлѣ 60 г.,—мы слова отъ него не слышали". Поэтому онъ высказывалъ желаніе замѣнить ихъ обоихъ другими лицами—прот. М. И. Богословскимъ, (который въ сентябрѣ и былъ назначенъ) и И. В. Рождественскимъ [4]. Чередные архимандриты, какъ люди переходные и ждущіе архіерейства, менѣе всего, конечно, желали стать въ конфликтъ съ первоіерархами и, надо полагать, предпочитали то-же дипломатичную уклончивость; по крайней мѣрѣ о дѣятельности ихъ ровно ничего не было слышно. Представитель московскаго митрополита, прот. А. В. Горскій представлялъ въ комитетѣ своего довѣрителя. Но и самъ онъ лично не раздѣлялъ плановъ предсѣдателя комитета. Онъ не отрицалъ благихъ намѣреній Димитрія [5]; напротивъ, онъ

[1] Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г, I, стр. 201.
[2] Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 211.
[3] Ibid, стр. 217.
[4] Ibid, стр. 209.
[5] Ibid, стр. 220.

писалъ Филарету, что, чѣмъ болѣе бесѣдуетъ съ преосвящ. херсонскимъ, тѣмъ болѣе убѣждается, что послѣдній желаетъ пользы духовному юношеству. Но Горскаго смущали чисто практическія затрудненія къ осуществленію плановъ предсѣдателя комитета. Соединеніе училища и семинаріи въ одно учебное заведеніе казалось ему весьма неудобо-исполнимымъ. „По планамъ преосвященнаго Димитрія,—писалъ Горскій Филарету отъ 28-го іюля 60 г.,—вся масса учениковъ, теперь раздробленныхъ по училищамъ и семинаріи въ разныхъ городахъ, должна быть соединена надъ однимъ начальствомъ въ одномъ городѣ, для всей епархіи. Теперь для всего числа поступающихъ въ духовныя училища значительной преградой служитъ переходъ въ семинарію, опредѣляемый нормальнымъ числомъ, установленнымъ для всѣхъ классовъ семинаріи. По новому плану этотъ разборъ долженъ быть только по окончаніи общаго образованія, предъ поступленіемъ въ собственно такъ называемую семинарію, приготовляющую къ священству. Такимъ образомъ на рукахъ одного начальства будетъ и гораздо больше учениковъ и долѣе это множество будетъ обременять наши училища безъ особенной пользы для церкви: поелику можетъ статься, что многіе по окончаніи общихъ курсовъ оставятъ наши училища и не захотятъ поступить въ священническую семинарію"[1]). Этотъ взглядъ поддерживался въ Горскомъ и его патрономъ, хотя послѣдній исходилъ въ протестѣ противъ проэкта Димитрія и изъ нѣсколько другихъ основаній. „Врачебное искусство,—писалъ м. Филаретъ Горскому отъ 26-го іюля 60 г.,—можетъ отнять нѣчто отъ тѣла, или способствовать прекращенію недостающаго; а разсѣченіе на общую гимназію и закрытую семинарію, убивъ прежнюю жизнь, легко ли дастъ новую? Мнѣ видится только неудобоисполнимость и вредъ сего плана; пользы же не видится"[2]). Не менѣе смущалъ Горскаго и вопросъ о матеріальныхъ средствахъ къ осуществленію намѣченныхъ предсѣдателемъ комитета преобразованій. Онъ весьма недовѣрчиво относился къ надеждамъ Димитрія на увеличеніе свѣчного дохода. Въ своемъ письмѣ къ м. Филарету отъ 21 іюля 60 года Горскій писалъ: „Сколько дѣло преосвященнаго Димитрія—усилить духовную сторону въ воспитаніи

---

[1]) Ibid, стр. 216—217.
[2]) Ibid. стр. 219.

нашего юношества, приготовить пастырей, болѣе проникнутыхъ духомъ своего званія и ближе знакомыхъ съ практическими своими обязанностями, возвышенно; столько съ другой стороны средства къ осуществленію сей цѣли мало надежны. Неизвѣстно, дозволена ли будетъ монополія свѣчной продажи [1]). Нельзя опредѣлить, насколько возвысится цифра свѣчной прибыли при болѣе вѣрномъ сборѣ? Какъ удовлетворить потребности епархій, не могущихъ своими средствами содержать дух.-учебныхъ заведеній? Не разойдутся ли наши воспитанники"? [2]). М. Филаретъ также былъ противъ мысли о содержаніи учебныхъ заведеній на средства епархій [3]). Свои недоумѣнія Горскій высказывалъ и пр. Димитрію; но послѣдній, видимо, закрывалъ глаза на препятствія.

Свѣтскіе члены комитета, познакомившись ближе съ планами предсѣдателя, уже прямо высказались противъ нихъ, не прикрываясь никакой дипломатіей. Очевидно, когда выдвигалась кандидатура преосв. херсонскаго на предсѣдательскій постъ, то свѣтскіе лица синодальнаго вѣдомства поддерживали ее, не будучи близко знакомы съ взглядами Димитрія и видя въ немъ главнымъ образомъ человѣка, искренно убѣжденнаго въ необходимости преобразованій. Оттолкнула же ихъ отъ плановъ Димитрія главнымъ образомъ экономическая часть этихъ плановъ. Свѣтскіе члены комитета находили, что предположенія Димитрія не имѣютъ подъ собою твердой почвы; мысль объ усиленіи свѣчныхъ доходовъ казалась имъ ничѣмъ не доказанной [4]). Поэтому, когда Горскій имѣлъ первую бесѣду съ Урусовымъ, то услышалъ отъ него грустный разсказъ о первыхъ дѣйствіяхъ комитета. „Преосв. Димитрій, говорилъ Урусовъ, замышляетъ преобразованія, не задумываясь о средствахъ къ ихъ осуществленію, въ той увѣренности, что епархіи сами дадутъ эти средства архіереямъ, коль скоро они дѣйствовать будутъ одни" [5]). Что касается надежды Димитрія въ крайнемъ случаѣ на помощь государства, то эта надежда была безжалостно разбита. Кн. Урусовъ въ комитетѣ рѣши-

---

[1]) По планамъ Димитрія для усиленія свѣчныхъ доходовъ предполагалось просить о запрещеніи и оптовой продажи свѣчъ внѣ церковныхъ лавокъ.

[2]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 215.

[3]) Ibid, стр. 209.

[4]) Ibid., стр. 217.

[5]) Ibid., стр. 209.

тельно объявилъ, что дух. уч. заведенія при всѣхъ преобразованіяхъ должны ограничиться только тѣми средствами, какія имѣютъ. Самъ онъ высказывалъ предположеніе, нельзя ли подвергнуть духовенство и всѣхъ служащихъ духовнаго вѣдомства взносу нѣкоторыхъ процентовъ съ получаемаго ими содержанія для увеличенія средствъ дух. уч. заведеній. Возложить содержаніе духовныхъ школъ на средства епархій Урусовъ считалъ возможнымъ не иначе, какъ съ согласія архіереевъ и послѣ удостовѣренія, что нужныя средства найдутся [1]). Гаевскій и Филипповъ, остальные свѣсткіе члены комитета, какъ видно изъ ихъ послѣдующихъ дѣйствій въ комитетѣ, тоже считали планы Димитрія практически необоснованными и потому не раздѣляли ихъ. Кромѣ того, въ несочувствіи свѣтскихъ чиновниковъ планамъ Димитрія можно видѣть еще и другой мотивъ. Въ планахъ преосв. Димитрія отдать содержаніе дух. уч. заведеній въ вѣдѣніе епархій не безъ основанія подозрѣвали желаніе устранить свѣтскихъ лицъ отъ завѣдыванья дух. учебными капиталами и освободить послѣдніе отъ расходовъ на содержаніе свѣтскихъ чиновниковъ. Когда Горскій пріѣхалъ въ Петербургъ, то проф. спб. академіи Карповъ раскрывалъ ему, что желаніе преосв. Димитрія высвободить управленіе семинаріями въ свои руки и содержать ихъ на свой счетъ проистекаетъ единственно изъ предположенія уберечь тѣмъ церковныя деньги отъ употребленія на свѣтскихъ лицъ, служащихъ по дух.-учебному и хозяйственному управленіямъ [2]). Въ письмахъ къ м. Филарету Горскій и самъ высказывалъ, что онъ въ проектѣ предсѣдателя комитета замѣтилъ скрытую мысль сократить затраты на чиновниковъ [3]). Говоря объ охлажденіи между свѣтскими и духовными членами комитета, Горскій высказывалъ подозрѣніе, что первые подозрѣваютъ желаніе устранить ихъ отъ завѣдыванья церковными деньгами [4]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что если такое намѣреніе дѣйствительно было, то и свѣтскіе синодальные чиновники были имъ, естественно, недовольны.

При указанныхъ условіяхъ въ комитетѣ неизбѣжно должна была обнаружиться внутренняя рознь, а въ дѣйствіяхъ комитета не могло быть ни рѣшительности, ни единодушія. Самъ

---

[1]) Ibid., стр. 221.
[2]) Ibid., стр. 211—212.
[3]) Ibid., стр. 214.
[4]) Ibid., стр. 217.

преосв. Димитрій, не видя ни въ комъ поддержки, видимо, не находилъ въ себѣ достаточно твердости для рѣшительныхъ дѣйствій [1]). Онъ уступалъ внушеніямъ спб. ректоровъ и сообразно съ этимъ видоизмѣнялъ свои мнѣнія [2]). Члены комитета, не имѣя собственныхъ плановъ и не встрѣчая твердаго руководительства въ предсѣдателѣ, также безпомощно колебались то въ ту, то въ другую сторону. Между духовными, всетаки придерживавшимися болѣе или менѣе Димитрія, и свѣтскими чиновниками, какъ замѣчалъ Горскій, чувствовалось замѣтное охлажденіе. Въ такой нерѣшительности безплодно протекли первые мѣсяцы комитетской дѣятельности (начавшейся въ маѣ 1860 года). Комитетъ, заслушавъ вначалѣ записку предсѣдателя, все обсуждалъ ее; но это обсужденіе имѣло болѣе характеръ частнаго обмѣна мнѣній. Потому журналы совсѣмъ первые мѣсяцы (май іюнь) не писались, такъ какъ члены комитета не могли придти ни къ какому согласному рѣшенію и постоянно мѣняли мнѣнія [3]). Дѣлопроизводитель комитета Т. И. Филипповъ справедливо жаловался Горскому, что вести дѣла при подобныхъ условіяхъ трудно [4]). Медленность комитетской дѣятельности, наконецъ, вызвала въ сентябрѣ 1860 года высочайшее повеленіе комитету ускорить свои работы [5]). Тогда комитетъ рѣшился приняться за то, за что совѣтовалъ ему въ началѣ же приняться кн. Урусовъ [6]),— за разсмотрѣніе отзывовъ епархіальныхъ архіереевъ и ректоровъ, для чего собственно комитетъ и былъ образованъ.

Однако внутренняя рознь роковымъ образомъ отразилась и на дальнѣйшихъ работахъ комитета и въ концѣ концовъ сдѣлала ихъ малоплодными. Не найдя такой платформы, на которой бы объединились всѣ члены, комитетъ приступилъ къ разработкѣ преобразованія безъ твердо установленныхъ принциповъ и повелъ работу, такъ сказать, ощупью, не имѣя въ виду заранѣе строго намѣченныхъ цѣлей. Правда, большинство въ концѣ концовъ приняло въ главныхъ чертахъ планъ Димитрія. Но послѣдній намѣчалъ лишь общіе контуры, совершенно не касаясь деталей, которыя должны были составить

---

[1]) Ibid., стр. 209.
[2]) Ibid., стр. 211.
[3]) Ibid., стр. 214. Дѣло канц об.-прок. 2-го ст. 1-го отд. 1860 г. № 213.
[4]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 211.
[5]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 4948.
[6]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г. I, стр. 209.

содержаніе предположенныхъ преобразованій. И самый общій планъ Димитрія большинство комитета приняло чисто механически, безъ надлежащей оцѣнки и взвѣшиванія его основъ и особенно средствъ къ его осуществленію. Отсюда вся дальнѣйшая комитетская дѣятельность получила такой характеръ. Принявъ планъ Димитрія объ организаціи духовно-учебнаго курса и способахъ матеріальнаго обезпеченія, комитетъ затѣмъ при вопросахъ объ учебномъ, воспитательномъ и административномъ строѣ дух.-учебныхъ заведеній сталъ читать по сдѣланному своду мнѣнія архіереевъ и ректоровъ по каждому вопросу и часто безъ разбора, безъ достаточно строгой критики, принимать почти все, что было высказано въ этихъ мнѣніяхъ хотя бы только единичными лицами. Понятно, что не мало дефектовъ должно было получиться въ результатѣ такихъ пріемовъ работы [1]).

Въ области собственно учебнаго строя комитету предстояло прежде всего рѣшить вопросъ о составѣ семинарскаго научнаго курса. На первое мѣсто, какъ и слѣдовало ожидать, тутъ выдвинулся вопросъ о „протасовскихъ“ предметахъ. Большинство преосвященныхъ и ректоровъ высказалось въ томъ смыслѣ, что преподаваніе медицины, сельскаго хозяйства и естественной исторіи въ семинаріяхъ слѣдуетъ отмѣнить, такъ какъ опытъ доказалъ, что изученіе этихъ предметовъ безъ достаточныхъ пособій и при той постановкѣ, какая имъ можетъ быть дана въ семинаріяхъ, безполезно. Правда, находились и защитники этихъ наукъ, особенно медицины, но таковыхъ было незначительное меньшинство. Комитетъ согласился съ доводами за исключеніе указанныхъ предметовъ, присоединивъ еще съ своей стороны, что совмѣщеніе въ семинарской программѣ разнородныхъ предметовъ крайне вредно, и рѣшилъ совсѣмъ отмѣнить преподаваніе медицины и сельскаго хозяйства; что касается же естественныхъ наукъ, то по особому уваженію къ нимъ общества, комитетъ рѣшилъ, отмѣнивъ преподаваніе прежнихъ изъ этихъ наукъ, ввести въ курсъ се-

[1]) Дальнѣйшее изложеніе проэктовъ комитета дѣлается на основаніи слѣдующихъ документовъ, имѣющихся и въ печатномъ видѣ: „Сводъ мнѣній и отзывовъ еп. преосвященныхъ и ректоровъ“, „Журналъ комитета (1860—1862 г.) о преобразованіи духовныхъ училищъ“, „Уставъ духовныхъ семинарій“ (1862 г.) и приложенія къ нему (Росписаніе предметовъ препод. въ сем. и инструкція комнатному надзирателю).

минаріи физіологію, какъ науку, составляющую основаніе естествовѣдѣнія и сверхъ того стоящую въ тѣсной связи съ психологіей [1]). Затѣмъ, согласно мнѣнію большинства отзывовъ, было отмѣнено комитетомъ преподаваніе православнаго исповѣданія, какъ безполезное [2]). Большинство полученныхъ отзывовъ высказывалось также и за то, чтобы преподаваніе патристики, гомилетики и литургики, сдѣланныхъ при Протасовѣ отдѣльными предметами, соединить опять съ другими науками по сродству. Именно, свѣдѣнія о жизни и ученіи отцовъ церкви предлагалось сообщать въ церковной исторіи и догматическомъ богословіи, гомилетику соединить или съ пастырскимъ богословіемъ или съ словесностью, литургику преподавать на урокахъ пастырскаго богословія. Но на эти предложенія комитетъ не согласился. Отмѣнить преподаваніе патристики онъ нашелъ неудобнымъ, такъ какъ это лишило бы воспитанниковъ прямого знакомства съ твореніями отцовъ церкви; однако, онъ высказался за сокращеніе курса патристики, принявъ мнѣніе м. Филарета, который находилъ, что если бы составить краткую учебную книгу о св. отцахъ, ихъ жизни и твореніяхъ, то изученіе такой книги было бы полезно. Гомилетику и литургику комитетъ нашелъ нужнымъ сохранить во вниманіе къ важности этихъ предметовъ для богословскаго образованія [3]). Что касается особаго преподаванія ученія о богослужебныхъ книгахъ, то оно было молчаливо исключено комитетомъ. Основное, пастырское и обличительное богословіе, каноническое право и ученіе о расколѣ были оставлены комитетомъ въ видѣ отдѣльныхъ предметовъ, хотя нѣкоторые отзывы предлагали обличительное богословіе соединить съ догматическимъ, а пастырское съ нѣсколькими сродными богословскими науками [4]) Относительно библейской исторіи комитетъ высказался, что ее нужно преподавать только однажды, а не трижды, какъ раньше, когда ист. в. зав. изучали дважды и въ училищѣ; при этомъ комитетъ рѣшительно вы-

---

[1]) Журн. К., стр. 30—33.

[2]) Ibid., стр. 36—37.

[3]) Ibid., стр. 32—37. При этомъ членъ комитета Филипповъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ онъ настаивалъ на безполезности особаго преподаванія гомилетики и на удобствѣ соединить ее съ словесностью (Ibid., стр. 37—39). Съ этимъ мнѣніемъ согласились и протоіереи Дебольскій и Богословскій.

[4]) Журн. К., стр. 41—43.

сказался за необходимость новыхъ руководствъ по библейской и церковной исторіи [1]). Въ курсѣ общаго образованія комитетъ нашелъ, согласно мнѣнію многихъ ректоровъ, необходимымъ возстановить философію и изучать кромѣ логики и психологіи метафизику и краткій обзоръ главнѣйшихъ философскихъ системъ. Съ преподаваніемъ теоріи словесности признано было полезнымъ соединить и исторію русской литературы. Но о духѣ преподаванія философіи, словесности и гражданской исторіи комитетъ высказался словами извѣстнаго постановленія Коммиссіи Д. Уч. 16-го іюня 1838 года. Въ отношеніи наукъ математическихъ комитетъ принялъ весьма важное рѣшеніе. Большинство преосвященныхъ и ректоровъ находили алгебру и геометрію существенно необходимыми предметами общаго образованія; меньшинство же изъ нихъ высказалось, что эти предметы можно бы преподавать только для желающихъ. Комитетъ согласился съ послѣднимъ мнѣніемъ и, найдя, что алгебра и геометрія науки болѣе спеціальныя и для священника знаніе ихъ не можетъ принести особенной пользы и что многіе ученики не имѣютъ охоты къ этимъ предметамъ, рѣшилъ сдѣлать ихъ предметами необязательными и преподавать ихъ только для желающихъ въ свободное время. Физику, впрочемъ, комитетъ нашелъ весьма необходимою наукою. Большинство же отзывовъ полагало (11 преосвященныхъ и 12 ректоровъ), что древніе языки для большей части воспитанниковъ, идущихъ потомъ въ села, совсѣмъ не нужны и изученіе ихъ есть напрасная трата времени; потому они предлагали сдѣлать изученіе древнихъ языковъ обязательнымъ только для лучшихъ воспитанниковъ, готовящихся въ высшія учебныя заведенія, и начинать его съ старшихъ классовъ. Меньшинство (6 преосв. и 6 ректоровъ) высказались за прежнее обязательное изученіе обоихъ древнихъ языковъ и за необходимость поднять ихъ преподаваніе. Комитетъ нашелъ, что греческій языкъ, какъ языкъ Св. Писанія и отеческихъ твореній, тѣсно связанный и съ славянскимъ языкомъ, а латинскій языкъ, какъ языкъ классическій, должны быть удержаны въ полной мѣрѣ въ семинарскомъ курсѣ. Еврейскій языкъ, какъ то-же языкъ св. писанія, комитетъ рѣшилъ сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ учениковъ; равнымъ образомъ обязательнымъ рѣшилъ онъ сдѣлать и изученіе одного

---

[1]) Ibid., стр. 43—44.

изъ новыхъ языковъ. Затѣмъ комитетъ настаивалъ на особенной важности изученія церковно-славянскаго языка. Классъ иконописанія, введенный въ протасовскую эпоху въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, комитетъ призналъ полезнымъ ввести и всюду для желающихъ учениковъ [1]).

Такимъ образомъ по плану комитета въ составъ средняго духовнаго образованія вошли слѣдующія науки. Науки богословскія—св. писаніе, св. и церковная исторія, патристика, катихизисъ, догматика, нравственное богословіе, литургика и уставъ церковный, церковное законовѣдѣніе, пастырское богословіе, гомилетика, обличительное богословіе и ученіе о расколѣ. Науки общеобразовательныя—русскій и славянскій языки, словесность съ исторіей литературы, гражданская исторія, философія, (логика, психологія, метафизика и обзоръ главнѣйшихъ философскихъ системъ), естествознаніе (физіологія, физика и физическая географія), математика (ариѳметика, алгебра и геометрія для желающихъ, пасхалія), древніе языки — греческій, еврейскій и латинскій, новые языки — французскій и нѣмецкій, чистописаніе и черченіе; и иконописаніе для желающихъ. Кромѣ того комитетъ призналъ необходимымъ для будущихъ учителей изученіе педагогики и дидактики [2]). Распредѣленіе этихъ предметовъ по времени преподаванія было сдѣлано комитетомъ на основаніи принятаго имъ плана пр. Димитрія о соединеніи уѣздныхъ училищъ и семинарій въ одно учебное заведеніе и о разграниченіи курса общеобразовательнаго и богословскаго. Въ пользу такого преобразованія комитетъ приводилъ слѣдующіе доводы. Духовныя уѣздныя училища не имѣютъ самостоятельности, а составляютъ приготовительные классы семинаріи. Попытка положенія 1851 года придать имъ нѣкоторый самостоятельный характеръ привела только къ введенію нѣкоторыхъ излишнихъ для училищъ предметовъ, но не уничтожила ихъ подготовительнаго значенія. Поэтому всего лучше окончательно устранить подобную двойственность цѣлей, которая ведетъ къ тому, что духовный воспитанникъ въ продолженіи всего курса ученія нѣкоторыя науки изучаетъ по два—по три раза, и сблизить училища окончательно съ семинаріями. И въ нравственномъ отношеніи,—разсуждалъ комитетъ,—гораздо легче наблюдать одинъ духъ

---

[1]) Ibid., стр. 44—48.

[2]) Уставъ дух. сем., стр. 64—65.

и одно направленіе въ одномъ заведеніи, нежели во многихъ. А въ экономическомъ отношеніи при территоріальномъ единствѣ съ семинаріей будетъ та выгода, что не надо будетъ платить жалованье нѣсколькимъ начальникамъ и легче построить и содержать одно большое зданіе, чѣмъ нѣсколько малыхъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ комитетъ и рѣшилъ соединить училища и семинаріи въ одно епархіальное учебное заведеніе подъ названіемъ духовной семинаріи, и предметы ученія расположить такъ, чтобы общіе предшествовали спеціальнымъ. При этомъ комитетъ принялъ и другое важное рѣшеніе—сдѣлать классы одногодичными [1]). Весь двѣнадцатилѣтній курсъ новой семинаріи раздѣлялся на три равныя части. Въ первые четыре года шли первоначальныя науки. Въ первый годъ—св. исторія (3 ур. въ недѣлю [2])), катихизисъ (1 ур.), церковный уставъ (2 ур.), пѣніе (2 ур.), русскій и слав. языка (3 ур.), греч. яз. (2 ур.), лат. яз. (2 ур.), ариѳметика (2 ур.), географія (2 ур.), чистописаніе и черченіе (3 ур.). Во второй годъ—св. исторія (2 ур.), катихизисъ (1 ур.), уставъ (1 ур.), пѣніе (2 ур.), древняя всеобщая исторія (2 ур.), русск. и слав. яз. (2 ур.), ариѳметика (2 ур.), географія (2ур.), чистописаніе и черченіе (1 ур.), греч. яз. (2 ур.), лат. яз. (2 ур.), французскій или нѣм. яз. (2 ур.). Въ третій годъ—св. исторія (1 ур.), катихизисъ (3 ур.), церковный уставъ (1 ур.), пѣніе (1 ур.), русск. и слав. яз. (3 ур.), ариѳметика (2 ур.), географія (2 ур.), древняя общ. исторія (2 ур.), чистописаніе и черченіе (1 ур.), греческій яз. (2 ур.), лат. яз. (2 ур.), одинъ изъ новыхъ яз. (2 ур.). Въ четвертый годъ—св. исторія (1 ур.), катихизисъ (3 ур.), церк. уставъ (1 ур.), пѣніе (1 ур.), рус. и слав. яз. (1 ур.), ариѳм. (2 ур.), географія (2 ур.), древняя исторія (2 ур.), чистописаніе и черченіе (1 ур.), греч. яз. (2 ур.), лат. яз. (2 ур.), нѣм. или фр. яз. (2 ур.). Слѣдующіе четыре года посвящались наукамъ словеснымъ, историческимъ, естественнымъ, философскимъ и языкамъ. Въ пятый годъ полагались—св. писаніе съ герменевтикой (2 ур.), церковная исторія (2 ур.), словесность съ ист. литер. (3 ур.), всеобщая исторія (2 ур.), физика и физическая географія (2 ур.), логика (2 ур.), греч. яз. (2 ур.), лат. яз. (2 ур.), одинъ изъ нов. яз. (2 ур.), еврейскій яз. и библейская

---

[1]) Журн. Ком., стр. 64—65.

[2]) Уроки комитетъ рѣшилъ сдѣлать въ первыхъ 8 классахъ по $1\frac{1}{4}$ ч., а въ послѣднихъ 4-хъ по $1\frac{1}{2}$ часа.

древности (2 ур). Въ шестой годъ—св. писаніе (2 ур.), церк. исторія (2 ур.), словесность (3 ур.), гр. исторія (2 ур.), физика и физич. географія (2 ур.), логика (1 ур.), физіологія и психологія (3 ур.), греч. яз. (1 ур.), лат. яз. (1 ур.), нѣм. или франц. яз. (2 ур.), еврейскій языкъ и древности (2 ур.). Въ седьмой годъ—св. писаніе (2 ур.), церк. исторія (2 ур.), словесность (2 ур.), всеобщая и русская ист. (2 ур.), физика и физич. географія (2 ур.), логика (2 ур.), физіологія и психологія (3 ур.), греч. яз. (1 ур.), лат. яз. (1 ур.), нѣм. или франц. яз. (2 ур.), еврейскій яз. и древности (2 ур). Въ восьмой годъ—св. писаніе (3 ур.). церк. исторія (3 ур.), словесность (2 ур.), русская исторія (2 ур.), физика и физич. географія (1 ур.), физіологія и психологія (3 ур.), метафизика (2 ур.), греч. яз. (1 ур.) лат. яз. (1 ур.), нѣм. или фр. яз. (1 ур.), еврейскій яз. и древности (2 ур.). На алгебру и геометрію для желающихъ было назначено по одному уроку въ пятый, шестой, седьмой и восьмой годъ. Послѣдніе четыре года должны были составить курсъ спеціально богословскій. Въ девятый годъ полагалось преподавать св. писаніе (2 ур.), церковную исторію (2 ур.), метафизику и обзоръ филос. системъ (3 ур.), основное богословіе (2 ур.), догматическое богословіе (2 ур.), гомилетику и патристику (4 ур.), евр. яз. и древности (1 ур.). Въ десятый годъ полагались—св. писаніе) 2 ур.), церков. исторія (1 ур.), догм. богосл. (2 ур.), гомилетика и патристика (3 ур.), нравственное богословіе (3 ур.), литургика (2 ур.), канонич. право (2 ур.), евр. яз. и древности (1 ур.). Въ 11-й годъ—догмат. бог. (1 ур.), гомилетика и патристика (3 ур.), нрав. богосл. (2 ур.), литургика (2 ур.) канонич. право (2 ур.), пастырское бог. (2 ур.), обличит. бог. (2 ур.), ученіе о русскомъ расколѣ (2 ур.). Въ 12-й годъ — гомилетика и патристика (2 ур.), канонич. право (1 ур.), обличит. богосл. (1 ур.), ученіе о русскомъ расколѣ (2 ур.), пастыр. богосл. (2 ур.), пасхалія (1 ур.), педагогика (3 ур.) [1]).

Такимъ образомъ организованный семинарскій курсъ, по мнѣнію комитета, давалъ право просить правительство о признаніи за окончившими первые 8 классовъ семинаріи правъ окончившихъ гимназіи мин. нар. просв. Между гимназіей (тогдашней) и семинаріей была бы только та разница, что въ первой преподаются естественныя науки, а въ послѣдней,

---

[1]) Приложеніе В къ уставу дух. семинаріи (1862 г.).

вмѣсто того, классическіе языки [1]). Доступъ въ семинарію комитетъ открывалъ не только всѣмъ дѣтямъ духовенства, но и дѣтямъ другихъ сословій, желающимъ посвятить себя на служеніе церкви и признаннымъ къ тому благонадежными. Въ семинарію могли поступать и изъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства нар. просв., при чемъ таковымъ даже предоставлялась льгота при испытаніи быть освобожденными отъ древнихъ языковъ, если они ихъ не изучали [2]). По окончаніи общаго семинарскаго курса, не желающіе посвятить себя духовному служенію или признанные къ тому недостаточно благонадежными начальствомъ должны были увольняться съ аттестатомъ средняго учеб. заведенія. Въ низшихъ классахъ комитетъ предвидѣлъ и такое многолюдство, которое не дастъ возможности соединять вмѣстѣ учениковъ со всей епархіи. Въ такихъ случаяхъ дозволялось устроять параллельныя отдѣленія первыхъ четырехъ классовъ въ видѣ отдѣльныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ [3]).

Опредѣливъ составъ семинарскаго курса, комитетъ обратилъ вниманіе и на разные частные дефекты учебнаго дѣла, выясненные долгимъ опытомъ. Большинство преосвященныхъ и ректоровъ указывали на несовершенство методовъ ученія— лекціонный способъ преподаванія, механическое заучиваніе, неправильную постановку писанія сочиненій. Комитетъ, вполнѣ соглашаясь съ этими указаніями, постановилъ отнюдь не допускать чтенія уроковъ въ видѣ лекцій или буквально по учебнику, вмѣнить наставникамъ въ обязанность заботиться о разъясненіи урока ученикамъ и требовать не буквальнаго заучиванія, а сознательнаго усвоенія; темы для сочиненій давать доступныя и живыя. Понимая вредъ многосочиненія, комитетъ положилъ уменьшить ихъ количество, хотя преосвященные и ректора, напротивъ, совѣтовали еще увеличить число сочиненій, полагая пользу, видимо, главнымъ образомъ въ количествѣ (въ среднихъ классахъ комитетъ положилъ по два въ мѣсяцъ и одному болѣе обширному въ годъ, въ старшихъ классахъ по три сочиненія въ два мѣсяца и одному обширнѣйшему въ годъ). Согласно мнѣнію нѣкоторыхъ преосвященныхъ и ректоровъ, комитетъ обратилъ затѣмъ вниманіе

---

[1]) Журн. ком., стр. 66.

[2]) Уставъ д. сем. 62 г., стр. 58—59.

[3]) Уст. д. сем., стр. 72, прибавл.

на внѣклассное чтеніе и опредѣлилъ поручить наставникамъ внимательно руководить учениковъ въ этомъ отношеніи. Семинарскія библіотеки было постановлено снабдить всѣми лучшими пособіями, а для большей доступности чтенія ученикамъ завести ученическія библіотеки на добровольныя пожертвованія и пособія изъ остаточныхъ суммъ [1]). Давнишнее зло—недостатокъ учебниковъ — остановило на себѣ особенное вниманіе комитета. Епархіальные отзывы единодушно указывали на тѣ крайнія затрудненія, которыя возникаютъ отъ неимѣнія руководствъ. Комитетъ постановилъ ввести печатныя руководства по всѣмъ предметамъ ученія; а для этого озаботиться немедленно составленіемъ таковыхъ, привлекая къ этому способныхъ преподавателей и назначая преміи. Для завѣдыванія этимъ дѣломъ комитетъ полагалъ образовать ученый комитетъ, временный, или еще лучше—постоянный, такъ какъ академическія конференціи, члены которыхъ заняты другими дѣлами, къ этому не достаточно пригодны, да и строгая критика академическихъ профессоровъ отпугиваетъ всѣхъ отъ составленія учебниковъ [2]). Ненормальный характеръ оцѣнки ученическихъ успѣховъ на испытаніяхъ послужилъ также предметомъ обсужденія. Многіе ректора и преосвященные предлагали совсѣмъ отмѣнить публичные экзамены и декабрьскія испытанія, какъ безполезныя. Комитетъ согласился съ первымъ, хотя и выразилъ желаніе, чтобы публичныя испытанія были замѣнены особыми торжественными собраніями; но декабрьскихъ испытаній отмѣнить не согласился. На экзаменахъ комитетъ постановилъ спрашивать непремѣнно всѣхъ учениковъ. Для оцѣнки отвѣтовъ была установлена 10-ти балльная система; но при этомъ опять было подчеркнуто вредное дѣленіе наукъ на главныя и вспомогательныя, принятое комитетомъ, такъ какъ по вспомогательнымъ предметамъ можно было имѣть меньшіе баллы, чѣмъ по главнымъ [3]). Наконецъ, комитетомъ было обращено вниманіе на непедагогическое распредѣленіе уроковъ между наставниками, неудобство двухлѣтнихъ курсовъ, двухчасовыхъ и послѣобѣденныхъ уроковъ и многолюдство классовъ. При распредѣленіи предметовъ между преподавателями комитетъ рѣшилъ слѣдовать предметной системѣ и давать

---

[1]) Журн. Ком., стр. 48—51, 53; Уст. д. сем., стр. 43—50.

[2]) Журн. Ком., стр. 51—53.

[3]) Журн. Ком., стр. 56—60; Уст. д. сем., стр. 52—55.

одному наставнику один предметъ, или два, но сродныхъ. Самое количество наставниковъ было увеличено до 21 на семинарію (вмѣсто прежнихъ 9 въ сем. и 5 въ училищахъ). Согласившись съ замѣчаніями большинства преосвященныхъ и ректоровъ о гигіеническихъ и практическихъ невыгодахъ двухчасовыхъ и послѣобѣденныхъ уроковъ, комитетъ рѣшилъ уроки сдѣлать въ первые восемь лѣтъ по $1^1/_4$ час., а въ послѣдніе 4 года по $1^1/_2$ часа и всѣ уроки кончать до обѣда. Самое количество учебныхъ часовъ, по комитетскому плану, было сокращено: въ первыхъ восьми классахъ было назначено по 22 ур. въ недѣлю, а въ послѣднихъ четырехъ по 16 и даже въ самомъ старшемъ классѣ—по 12 ур. Классы комитетъ призналъ, наконецъ, нужнымъ сдѣлать одногодичными. Но противъ многолюдства классовъ комитетъ не принялъ вполнѣ радикальныхъ мѣръ. Комитетъ сознавалъ, что нельзя заниматься нормально при 100 и 150 ученикахъ, какъ то предположено существовавшими нормами. Но ввести гимназическую норму—40 чел.—онъ не нашелъ возможнымъ и по недостатку учителей и по экономическимъ соображеніямъ. Поэтому остановились на срединѣ: по предметамъ, по которымъ кромѣ уроковъ ученики обязаны были писать сочиненія, положено было раздѣлять классы на параллельныя отдѣленія, когда учениковъ будетъ болѣе 60; а по прочимъ предметамъ—когда учениковъ будетъ болѣе 80 чел [1]).

Вопросъ о воспитаніи духовнаго юношества, которому преосв. Димитрій придавалъ главное значеніе, былъ съ особенной подробностью обсуждаемъ въ комитетѣ. Должно быть въ угоду предсѣдателю, комитетъ и началъ свои занятія разсужденіями о воспитательной части. Въ отзывахъ преосвященныхъ и ректоровъ указывалось, что нравственные недостатки духовныхъ воспитанниковъ происходятъ прежде всего отъ грубости и необразованности духовенства, въ средѣ котораго дѣти видятъ не мало дурныхъ примѣровъ, а также отъ жительства на квартирахъ у хозяевъ низкаго званія и часто весьма неодобрительнаго поведенія, гдѣ между тѣмъ надзоръ начальства весьма затруднителенъ. Противъ второго зла епархіальные отзывы почти единодушно видѣли средство въ устройствѣ казенныхъ общежитій. Комитетъ положилъ вообще озаботиться нравственнымъ оздоровленіемъ духовной среды

1) Журн. Ком., стр. 60—63.

путемъ образованія и воспитанія будущихъ женъ священнослужителей въ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія, а въ частности постановилъ вмѣнить въ обязанность духовнымъ начальствамъ тщательно слѣдить за благоповеденіемъ духовныхъ лицъ. Желая удостовѣриться въ пользѣ общежитій, комитетъ обратился къ смоленскому преосвященному Антонію за отзывомъ, насколько оправдываетъ надежды устроенное въ концѣ 50-хъ годовъ общежитіе въ Смоленскѣ. Смоленскій преосвященный далъ отзывъ благопріятный, находя, что общежитія полезны и въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи. Онъ совѣтовалъ съ своей стороны воспользоваться для устройства общежитій заимообразно экономическими суммами семинарій или монастырскими капиталами, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то позаимствовать изъ духовно-учебныхъ капиталовъ. На основаніи всего этого комитетъ также высказался за необходимость устройства общежитій, хотя и не указалъ точно средствъ для этого [1]).

Въ постановкѣ воспитательнаго дѣла комитетъ призналъ, согласно съ епархіальными отзывами, недостаточность существовавшихъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія на учащихся и принялъ всѣ совѣты касательно увеличенія таковыхъ средствъ. Комитетъ проэктировалъ для семинаристовъ самый строгій режимъ бдительнаго надзора и постоянныхъ благочестивыхъ упражненій Чтобы усилить надзоръ, кромѣ инспектора и помощниковъ инспектора предположено было ввести, вмѣсто „старшихъ", особый институтъ комнатныхъ надзирателей, изъ младшихъ учителей семинаріи, которые должны были безотлучно находиться при ввѣренныхъ имъ питомцахъ. При всѣхъ семинаріяхъ комитетъ считалъ необходимымъ устроить собственныя церкви (что до тѣхъ поръ было не вездѣ), и въ каждую семинарію назначить особаго духовника (а въ многолюдныхъ и двухъ), на обязанности котораго было бы слѣдить за развитіемъ духовной жизни воспитанниковъ и руководить имъ. Ученикамъ вмѣнялось въ обязанность неопустительно посѣщать всѣ богослуженія въ праздничные дни и кромѣ того присутствовать на ранней литургіи въ каждую среду и пятницу; въ семинарской церкви богослуженіе должно было совершаться ежедневно и на немъ пѣть и читать должны были опять ученики по очереди. Дома учащіеся дожлны были

---

[1]) Журн. Ком., стр. 2—11.

прочитывать ежедневно дневныя чтенія евангельскія и апостольскія подъ руководствомъ надзирателя; всемѣрно рекомендовалось и чтеніе свято-отеческихъ твореній; говѣть ученики должны были обязательно трижды въ годъ, въ каждый постъ кромѣ Успенскаго. Ученики старшихъ классовъ поручались особому вниманію духовника и для нихъ усиливались благочестивыя упражненія. Для того, чтобы все направляло мысль питомцевъ къ ихъ будущему духовному служенію, самое ученіе, по планамъ комитета, должно было быть все проникнуто религіознымъ духомъ, а наставники должны были по возможности имѣть священный санъ [1]). Нѣкоторые преосвященные и ректора хотѣли даже одѣть воспитанниковъ въ полукафтаны и полуряски; но отъ насильственнаго введенія такой формы комитетъ не видѣлъ пользы, а скорѣе вредъ, и потому отвергнулъ это предложеніе [2]).

Что касается мѣръ поощренія и взысканія, то хотя нѣкоторые ректора и преосвященные предлагали отмѣнить публичныя одобренія и дѣленіе воспитанниковъ на разряды, но комитетъ съ этимъ не согласился и оставилъ въ сущности безъ измѣненія тѣ-же награды и наказанія, какія полагались по уставу 1814 года; даже наименованіе „старшими“ вошло въ число наградъ, хотя теперь лишь въ видѣ почетнаго званія, безъ функцій надзора. Но тѣхъ произвольныхъ измышленій и жестокостей, какія изобрѣла практика, комитетъ конечно не могъ одобрить; напротивъ, онъ, согласно указаніямъ нѣкоторыхъ преосвященныхъ и ректоровъ, осудилъ дурное обращеніе съ учениками и подтвердилъ правила устава 1814 года о добромъ и мягкомъ отношеніи къ учащимся со стороны наставниковъ и начальствующихъ. Комитетъ согласился съ нѣкоторыми епархіальными отзывами и о необходимости здоровыхъ развлеченій для духовнаго юношества. Онъ призналъ полезнымъ и достойнымъ поощренія занятіе музыкой, рекомендовалъ устраивать разъ или два въ мѣсяцъ литературныя ученическія чтенія и поощрять интересъ къ литературѣ [3]). Для физическаго развитія воспитанниковъ признано было необходимымъ устраивать прогулки, игры и гимнастическія упражненія, посвящая на это не менѣе 2 часовъ въ день [4]).

---

[1]) Журн. Ком., стр. 11—20; Уст. д. сем., стр. 13—31.

[2]) Журн. Ком., стр. 26—27.

[3]) Ibid.

[4]) Ж. Ком., стр. 27; Уст. д. сем., стр. 31—32.

По части административнаго строя духовно-учебныхъ заведенiй комитетъ призналъ необходимымъ сдѣлать не мало существенныхъ измѣненiй. Какъ и слѣдовало ожидать, дефекты протасовской администрацiи бросились прежде всего въ глаза, и вопросъ о преобразованiи центральнаго духовно-учебнаго управленiя сдѣлался важнѣйшимъ. По словамъ комитета, общимъ недугомъ учебнаго управленiя было многоначалiе, обилiе посредствующихъ инстанцiй (епархiальный архiерей, академiя, Д.-Учебное Управленiе оберъ-прокуроръ, св. Синодъ), ведущее къ крайней медленности и застою во всѣхъ дѣлахъ. Въ частности же комитетъ видѣлъ слѣдующiе недостатки административнаго строя. Епархiальные архiереи удалены отъ распоряженiя семинарскими дѣлами высшими властями, отъ которыхъ зависитъ собственно все управленiе семинарiей. Власть академическихъ правленiй, первоначально весьма обширная, съ теченiемъ времени была сильно сужена централизацiей управленiя и академiи сдѣлались лишь передаточною инстанцiею. Единственное реальное значенiе академическихъ правленiй въ видѣ назначенiя ревизiй и то терялось отъ характера ревизiй, которыя при ихъ существовавшей обстановкѣ сдѣлались слишкомъ поверхностными и формальными. Дѣятельность Духовно-Учебнаго Управленiя, расуждалъ комитетъ, является больше хозяйственною, чѣмъ учебною и ученою, какою она должна быть; вся настоящая работа, къ которой это учрежденiе неспособно по своему канцелярскому характеру, слагается на св. Синодъ, который въ свою очередь, по обремененiю дѣлами, не можетъ съ достаточныхъ вниманiемъ вникать въ духовно-учебную часть. Параллельное веденiе дѣлъ въ Дух.-Уч. Управленiи и Синодѣ, а то еще и въ канцелярiи оберъ-прокурора, создаетъ только лишнюю волокиту и путаницу. Поэтому необходимо освободить Дух.-Учебное Управленiе отъ излишней и безполезной работы, гдѣ оно является только посредствующей инстанцiей, и обратить его дѣятельность къ его главному и существенному долгу: слѣдить внимательно за ходомъ образованiя духовнаго юношества, заботиться о постоянномъ усовершенствованiи наукъ, преподаваемыхъ въ духовно-учебныхъ заведенiяхъ, методовъ преподаванiя, о составленiи лучшихъ программъ и учебниковъ, о мѣрахъ нравственнаго воспитанiя и т. п. Но для этого, конечно, надо преобразовать самое Дух. Уч. Управленiе такимъ образомъ, чтобы оно было способно заниматься учено—учебными и

воспитательными вопросами. Для устраненія всѣхъ замѣченныхъ недостатковъ комитетъ полагалъ полезнымъ сдѣлать слѣдующія преобразованія. Состоящія въ епархіяхъ духовно-учебныя заведенія подчинить совершенно ближайшему и непосредственному надзору, попеченію и власти епархіальнаго архіерея. Окружныя академическія правленія, какъ инстанціи только посредствующія, вовсе упразднить; вмѣсто же того учредить при академическихъ конференціяхъ должность инспекторовъ духовно-учебныхъ округовъ. Послѣдніе должны были опредѣляться Синодомъ изъ кандидатовъ, представленныхъ конференціей, быть преимущественно изъ лучшихъ и опытнѣйшихъ ректоровъ семинаріи. Обязанностью окружныхъ инспекторовъ полагалось производство ревизій, при чемъ въ одинъ—два года инспекторъ долженъ былъ осмотрѣть всѣ семинаріи округа. Вызванные ревизіями вопросы учебнаго и воспитательнаго характера окружные инспектора должны были предлагать на разсмотрѣніе академическихъ конференцій; каждое полугодіе ревизоръ долженъ былъ представлять отчеты и въ Д.-У. У. Духовно-Учебное Управленіе, освобожденное отъ дѣлъ хозяйственныхъ (которыя переходили въ епархіальное вѣдомство) и переписки по текущимъ дѣламъ управленія, должно было получить видъ Ученаго Комитета при Св. Синодѣ для обсужденія всего, что касается учебной и нравственной части дух.-учебныхъ заведеній. Ученый Комитетъ предполагалось составить изъ лицъ, извѣстныхъ по своей учености въ разныхъ наукахъ духовнаго образованія, а также своей ревностью о просвѣщеніи, примѣрно изъ шести духовныхъ и трехъ или четырехъ свѣтскихъ, подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Синода. Въ обязанности Ученаго Комитета должны были входить наблюденіе надъ общимъ ходомъ образованія и воспитанія, составленіе и разсмотрѣніе программъ и учебниковъ, назначеніе на должности наставниковъ семинарій и руководство ихъ дѣятельностью, разсмотрѣніе диссертацій и сочиненій на ученыя степени и присужденіе таковыхъ степеней, назначеніе, въ случаѣ надобности, экстренныхъ ревизій, разсмотрѣніе донесеній окружныхъ инспекторовъ, заботы о распространеніи просвѣщенія въ духовенствѣ и народѣ, разсмотрѣніе разныхъ книгъ, брошюръ и т. п. Заключенія и мнѣнія Ученаго Комитета должны были поступать на утвержденіе св. Синода [1].

---

[1]) Проэктъ преобразованія центральнаго управленія, составленный комитетомъ 60—62 г., не былъ опубликовадъ въ свое время. Теперь въ

Такимъ образомъ, по плану комитета, семинаріи въ порядкѣ управленія подчинялись непосредственно власти епархіальнаго архіерея. Сообразно съ такимъ принципомъ, въ составленномъ комитетомъ уставѣ права преосвященныхъ въ отношеніи къ семинаріямъ были расширены. Органы внутренняго семинарскаго управленія лишались той относительной независимости, какая имъ была обезпечена по уставу 1814 г. Архіерею предоставлялось право производить по усмотрѣнію ревизію по всѣмъ частямъ семин. управленія, устранять въ случаѣ нужды отъ должности начальствующихъ и наставниковъ, съ донопеніемъ Синоду, дѣлать указанія и предложенія правленію и совѣту; всѣ постановленія послѣднихъ подлежали архіерейскому утвержденію безъ всякихъ ограниченій, установленныхъ уставомъ 1814 года[1]). Въ выборѣ семинарскаго начальства вліяніе преосвященныхъ тоже было усилено, по сравненію съ прежней практикой. Ректоръ семинаріи долженъ былъ опредѣляться Св. Синодомъ по представленію епархіальнаго архіерея, (хотя Синодъ могъ опредѣлять и по собственному выбору). Правда, таково-же было и правило устава 1814 года; но на практикѣ оно не соблюдалось и комитетъ нарочито подчеркнулъ это обстоятельство. Во внутреннемъ управленіи семинаріей комитетъ проэктировалъ ту важную перемѣну, что кромѣ правленія учреждалъ педагогическіе совѣты. Правленіе семинаріи было оставлено въ прежнемъ составѣ, съ присоединеніемъ лишь еще почетнаго блюстителя по экономической части, каковая должность была учреждена въ семинаріяхъ при гр. Протасовѣ. Но компетенція его, по сравненію съ уставомъ 1814 года, сдѣлалась уже. Правленію предоставлялось, кромѣ дѣлъ экономическихъ, собственно только лишь опредѣлять въ семинарію учителей съ семинарскимъ образованіемъ, вести послужные списки, принимать, исключать и увольнять учениковъ. Для обсужденія же дѣлъ учебныхъ и воспитательныхъ при семинаріи образовывался педагогическій совѣтъ, такъ какъ, по замѣчаніямъ преосвященныхъ и ректоровъ, одинъ ректоръ былъ не въ состояніи руководить учебною частью. Педагогическій совѣтъ долженъ былъ состоять, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ инспектора, старшихъ учителей и трехъ или четырехъ членовъ,

печатномъ видѣ его можно читать въ Церковныхъ Вѣдом. 1908 года, № 2, стр. 6 —73.

[1]) Уст. д. сем., стр. 2—4.

выбираемыхъ отъ духовенства. Преосвященные и ректора предлагали допустить въ совѣтъ всѣхъ наставниковъ; но комитетъ на это не согласился. Старшими учителями, по плану комитета, избирались въ педагогическомъ совѣтѣ наиболѣе достойные изъ преподавателей, прослужившіе не менѣе 6 лѣтъ; въ семинаріи полагалось при одномъ штатѣ 10 старшихъ учителей [1]). Младшіе учителя могли участвовать въ засѣданіяхъ по приглашенію ректора, въ случаѣ надобности, но только съ совѣщательнымъ голосомъ. Къ обязанностямъ педагогическаго совѣта относились: испытаніе на званіе учителя семинаріи кандидатовъ изъ семинаристовъ, выборъ старшихъ учителей, разсмотрѣніе наставническихъ записокъ и конспектовъ, разсмотрѣніе методовъ преподаванія, назначеніе и производство испытаній, сужденіе о ученич. сочиненіяхъ, составленіе разрядныхъ списковъ, присужденіе къ исключенію учениковъ за неодобрительное поведеніе и плохіе успѣхи, присужденіе наградъ и наказаній, выборъ книгъ для библіотеки и составленіе разныхъ общихъ соображеній по предписаніямъ начальства. Совѣту предоставлено было также выбирать изъ наставниковъ семинаріи, по предложенію начальства, инспектора, утвержденіе котораго дѣлалось Синодомъ (но Синодъ могъ и самъ замѣстить инспекторскую вакансію). Инспекторъ долженъ быть лицомъ св. сана. Педагогическому же совѣту предоставлялось представлять къ опредѣленію и увольненію помощниковъ инспектора [2]). Что касается власти ректора, то она въ составленномъ комитетомъ уставѣ оставалась тою-же, что и прежде: ректоръ былъ начальникомъ семинаріи по всѣмъ частямъ управленія.

Преобразуя организацію школьнаго управленія, комитетъ обратилъ также особенное вниманіе на уровень самыхъ лицъ, занимающихъ школьныя должности. Въ отзывахъ преосвященныхъ и ректоровъ указывалось на недостатки способовъ приготовленія и опредѣленія наставниковъ и начальниковъ, на неудобства частыхъ перемѣщеній послѣднихъ, на вредъ совмѣщенія нѣсколькихъ должностей. Въ отношеніи приготовленія наставниковъ въ епархіальныхъ отзывахъ говорилось, что академіи мало заботятся о нравственномъ воспитаніи своихъ питомцевъ, что академическій курсъ мало отличается отъ

[1]) Званіе профессора для семинарскихъ преподават. отмѣнялось.

[2]) Уст. дух. сем., стр. 4—11, 13. Жур. ком., стр. 54—55.

семинарскаго и потому не даетъ достаточныхъ знаній, что академіи не даютъ никакой педагогической подготовки, что при назначеніи наставниковъ не обращается вниманія на то, какія науки они болѣе успѣшно изучали. По мнѣнію нѣкоторыхъ преосвященныхъ и ректоровъ, для лучшаго приготовленія наставниковъ—спеціалистовъ можно было или сдѣлать академіи чисто богословскими заведеніями, а для приготовленія преподавателей свѣтскихъ наукъ посылать стипендіатовъ въ университеты, или же ввести спеціализацію въ академическій курсъ; но перваго рода исходъ они находили неудобнымъ, такъ какъ воспитанники университетовъ заражаются тамъ мірскимъ духомъ, а потому второй исходъ казался болѣе лучшимъ. Комитетъ согласился съ послѣднимъ мнѣніемъ и рѣшилъ, что въ академіяхъ необходимо ввести спеціализацію, сдѣлавъ общеобязательными только древніе языки и богословскія науки, да и то поощряя спеціализированіе въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; необходимымъ призналъ комитетъ и введеніе педагогики въ академическій курсъ. По окончаніи академическаго образованія, по плану комитета, каждый студентъ, желающій поступить въ наставники, долженъ былъ еще подвергнуться въ конференціи особому испытанію изъ той науки, которою онъ занимался спеціально въ теченіи курса и преподавать которую намѣревался. Только получившіе послѣ такого испытанія особый наставническій аттестатъ отъ конференціи могли опредѣляться въ наставники [1]). Желающіе поступить въ наставники семинаріи изъ лучшихъ семинаристовъ (очевидно въ низшіе классы, на предметы прежняго училищнаго курса) тоже должны были выдержать особое испытаніе въ педагогическомъ совѣтѣ семинаріи. Въ отношеніи лицъ административныхъ епархіальные отзывы указывали (одинъ арх. и одинъ ректоръ), что въ ректора семинаріи назначаются люди, иногда неспособные къ этой должности, что инспекторами сем. и смотрителями учил. назначаютъ людей совсѣмъ молодыхъ и неопытныхъ (3 арх. и 2 ректора). Комитетъ призналъ необходимымъ, чтобы въ ректора семинаріи назначали людей особо опытныхъ въ дѣлѣ воспитанія, изъ педагоговъ—священнослужителей, безразлично бѣлаго или чернаго духовенства; чтобы въ инспекторы сем. и смотрители училищъ не назначались со школьной скамьи, а только опытные воспитатели [2]). Особенно строгія требованія

---

[1]) Журн. Ком., стр. 86—89.

[2]) Ibid., стр. 89; Уст. д. сем., стр. 4.

предъявлялъ комитетъ къ комнатнымъ надзирателямъ, ближайшимъ руководителямъ юношества. Эти лица, по словамъ сем. устава, должны были обладать свѣтлымъ, истинно православнымъ образомъ мыслей, сердцемъ горящимъ благочестіемъ и любовью, твердою волей, нѣжнымъ, снисходительнымъ, скромнымъ и кроткимъ, но вмѣстѣ твердымъ и строгимъ характеромъ, ревностью о благѣ церкви и спасеніи ближнихъ, усердіемъ къ богослуженію и молитвѣ [1]). Для избѣжанія вредныхъ послѣдствій частой смѣны семинарскаго начальства, комитетъ положилъ, чтобы ректора безъ особой нужды не перемѣщались съ мѣста на мѣсто. а если кто будетъ признанъ неспособнымъ, то долженъ увольняться отъ педагогической службы на болѣе ему подходящую, а отнюдь не переводиться въ другую семинарію; при вызовѣ на чреду священнослуженія ректора архимандриты должны замѣняться другими. Въ отношеніи совмѣстительства должностей комитетъ призналъ, (вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ епархіальныхъ отзывовъ), что ректоръ можетъ давать уроки, только въ меньшемъ количествѣ чѣмъ наставники, равно онъ можетъ быть настоятелемъ монастыря и членомъ консисторіи; инспекторъ можетъ и долженъ быть преподавателемъ, но опять при меньшемъ числѣ уроковъ; съ должностью наставника соединимо занятіе другихъ школьныхъ должностей, кромѣ должности эконома; но священники многолюдныхъ приходовъ, по мнѣнію комитета, не могли быть наставниками [2]).

По вопросу о матеріальномъ бытѣ духовной школы епархіальные отзывы единодушно констатировали бѣдственное положеніе духовно-учебныхъ заведеній. Бѣдное содержаніе наставниковъ, неблагоустройство школьныхъ зданій, близкихъ къ разрушенію, тѣсныхъ и грязныхъ, крайне скудное содержаніе учениковъ—все это, по словамъ архіереевъ и ректоровъ, требовало радикальнаго улучшенія. Вполнѣ соглашаясь съ этими указаніями, комитетъ положилъ прежде всего возвысить оклады жалованья семинарныхъ наставниковъ сообразно со штатами министерства нар.-просв. въ губернскихъ гимназіяхъ. Для поощренія наставнической службы, комитетъ нашелъ нужнымъ раздѣлить наставниковъ, по образцу гимназическому, на старшихъ и младшихъ, положивъ первымъ и увеличенный

---

[1]) Уст. д. сем., стр. 14.

[2]) Журн. Ком., стр. 92—95.

окладъ; а затѣмъ комитетъ проэктировалъ и весьма важное улучшеніе: постепенно прибавлять жалованье съ теченіемъ времени службы, увеличивая окладъ за 10 лѣтъ на $^1/_4$, за 15 лѣтъ на $^1/_2$, за 20 лѣтъ на $^3/_4$, а послѣ 25 лѣтъ вдвое. Оклады на содержаніе казенныхъ учениковъ, зданій и больницъ комитетъ положилъ увеличить соотвѣтственно жизненнымъ потребностямъ, предоставивъ составить проэкты окладовъ мѣстнымъ начальствамъ. Ученическихъ окладовъ комитетъ постановилъ отнюдь не раздроблять и не принимать сверхштатныхъ на казенное содержаніе, равнымъ образомъ суммы, назначенной на содержаніе учениковъ, отнюдь не употреблять на содержаніе дома или больницы [1]. Комитетъ отлично понималъ всю важность экономическаго вопроса для существованія духовной школы. Съ этого вопроса, по его мнѣнію, должно было начаться улучшеніе всѣхъ другихъ сторонъ школьной жизни, потомучто безъ увеличенія средствъ всѣ попытки преобразованій учебныхъ и воспитательныхъ останутся безплодны: успѣхъ ученія зависитъ главнымъ образомъ отъ дѣятельности учителя, а нельзя имѣть хорошихъ учителей за нищенское жалованье: нельзя требовать и хорошаго ученія отъ содержимыхъ въ нищетѣ учениковъ [2]. Но тутъ то и возникалъ вопросъ: гдѣ найти средства для улучшенія экономическаго быта церковной школы? Для того, чтобы удовлетворить матеріальныя нужды сообразно жизненнымъ требованіямъ, по разсчету комитета, на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній потребна была почти втрое большая сумма, чѣмъ та, какую тогда расходовало духовное вѣдомство. Именно, на содержаніе духовныхъ школъ (т. е. собственно на штатные оклады) расходовалось 1,300,000 р. слишкомъ, а по соображеніямъ комитета необходимо было 3 — 3$^1/_2$ милліона. Гдѣ же было взять недостающіе 2 милл. рублей? На пособіе отъ казны разсчитывать не приходилось, такъ какъ правительство сразу же заявило, что денегъ не дастъ [3].

При такихъ условіяхъ комитетъ не находилъ другого выхода, какъ принять планъ преосв. Димитрія о содержаніи духовно-учебныхъ заведеній на свѣчные доходы каждой епархіи. Если предоставить епархіямъ самимъ распоряжаться свѣчны-

[1]) Журн. Ком., стр. 68—73.

[2]) Ibid., стр. 75—76.

[3]) Журн. Ком., стр. 75.

ми суммами и заботиться о благоустройствѣ семинарій, то, полагалъ комитетъ, свѣчные доходы значительно увеличатся. Подобную надежду комитетъ основывалъ на слѣдующихъ соображеніяхъ. Свѣчные доходы, показываемые изъ епархій въ центральное управленіе, очевидно гораздо ниже дѣйствительной цифры сборовъ. И изъ опыта извѣстно, что причты утаиваютъ часть свѣчнаго дохода; да и изъ сравненія оффиціальныхъ данныхъ видно, что такая утайка практикуется въ широкихъ размѣрахъ. Напримѣръ, въ отчетѣ оберъ-прокурора за 1859 годъ показано было, что пермская епархія при 577 церквахъ представила 58,927 р. свѣчнаго дохода, а московская при 1634 церквахъ — 28,714 р.; екатеринославская при 345 церкв. —28,358 р., а калужская при 603 церкв.—14,384 р.; томская при 360 церквахъ — 36,402 р., а тульская при 819 церквахъ—15,363 р.; херсонская (около 400 церквей)—47,000 р., а владимірская (1,028 церквей) — 17,958 р., и т. п. Это неравномѣрное отношеніе между числомъ церквей и свѣчнымъ доходомъ не можетъ быть объяснено условіями мѣстной жизни и заставляетъ предполагать ни что иное, какъ то, что многія епархіи показываютъ едва $^1/_3$—$^1/_4$ дѣйствительныхъ свѣчныхъ сборовъ. Заставить духовенство показывать истинную сумму, по мнѣнію комитета, было невозможно никакими предписаніями, какъ показалъ опытъ, потомучто въ духовенствѣ укоренилось недовѣріе къ пользѣ употребленія церковныхъ суммъ. Разрушить это недовѣріе и заставить духовенство всѣми силами заботиться о увеличеніи свѣчныхъ сборовъ можно только тогда, когда духовенство само будетъ распоряжаться свѣчными суммами и видѣть непосредственно ихъ употребленіе. Для этого же комитетъ и проэктировалъ не брать свѣчные доходы отъ епархій, а предоставить послѣднимъ самимъ содержать на нихъ свои семинаріи. Завѣдыванье свѣчными доходами комитетъ проэктировалъ поручить епархіальнымъ комитетамъ, которые должны были отпускать нужную по штату для семинаріи сумму. Роль центральнаго управленія сводилась бы въ такомъ случаѣ лишь къ общему контролю и утвержденію штатовъ духовно-учебныхъ заведеній. При такой постановкѣ дѣла, по предположенію комитета, громадное большинство епархій найдутъ достаточныя средства для содержанія своихъ семинарій, какъ и тогда уже нѣкоторыя епархіи представляли суммы, могущія покрыть всѣ издержки. Если же нѣкоторыя малолюдныя епархіи великороссійскія

(вродѣ астраханск.) и бѣдныя западныя (литовская, могилевская, минская, полоцкая, рижская) не смогутъ найти у себя достаточно средствъ, то первыя изъ нихъ совсѣмъ не имѣютъ нужды въ своихъ семинаріяхъ и могли бы содержать своихъ учениковъ въ семинаріяхъ сосѣднихъ, а вторыя будутъ содержаться на счетъ процентовъ съ духовно-учебныхъ капиталовъ. Равнымъ образомъ на счетъ послѣдняго источника могли бы содержаться и академіи, хотя для нихъ можно найти и другія средства— изъ доходовъ академическихъ епархій и отъ платы за студентовъ со стороны тѣхъ епархій, къ которымъ принадлежатъ посылаемые въ академію семинаристы. На этомъ проэктѣ матеріальнаго обезпеченія духовной школы комитетъ и остановился, постановивъ для увеличенія свѣчныхъ доходовъ ходатайствовать о подтвержденіи монополіи церкви на продажу свѣчъ и о рѣшительномъ запрещеніи частнымъ лицамъ оптовой и розничной продажи ихъ [1]).

Составленіемъ семинарскаго устава и проекта преобразованія центральнаго духовно-учебнаго управленія комитетъ 1860—1862 года и ограничилъ свою дѣятельность. Вопр съ о преобразованіи академій въ комитетѣ не обсуждался, хотя попутно и былъ затронутъ при разсужденіяхъ о приготовленіи наставниковъ, при чемъ комитетъ ясно намѣтилъ будущую академическую реформу въ духѣ факультетской спеціализаціи курса.

Весь вышеизложенный планъ преобразованія былъ принятъ большинствомъ комитета, состоящимъ изъ духовныхъ членовъ. Подъ нимъ подписались монашествующіе и протоіереи, за исключеніемъ Горскаго, который былъ членомъ временнымъ и до конца работъ не присутствовалъ. Свѣтскіе же члены комитета—Гаевскій и Филипповъ остались при особомъ мнѣніи и не согласились съ комитетскими предположеніями, находя въ нихъ и принципіальные и детальные недочеты.

Дѣствительный статскій сов. Гаевскій въ своемъ особомъ мнѣніи настаивалъ на той точкѣ зрѣнія, что семинаріи должны имѣть одну главную цѣль—подготовлять священниковъ, а потому интересы духовенства въ образованіи его дѣтей должны стоять на заднемъ планѣ, чего нѣтъ въ комитетскомъ проэктѣ. Причиною этого служитъ въ свою очередь то, что уставы дух.-учебныхъ заведеній преслѣдуютъ двѣ цѣли—приготовить

---

[1]) Журн. Ком., стр. 76—83.

достойныхъ служителей алтаря и дать образованіе дѣтямъ духовенства. Отъ такого смѣшенія двухъ цѣлей происходятъ такія неблагопріятныя послѣдствія. Въ духовныхъ училищахъ на первомъ планѣ стоитъ обученіе, а не воспитаніе. Въ програмахъ дух-уч. заведеній много разныхъ наукъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ духовному служенію, и ограничено преподаваніе наукъ, необходимыхъ служителямъ церкви. Желаніе дать образованіе всѣмъ производитъ затѣмъ непомѣрное многолюдство въ духовныхъ школахъ. Науки, по ихъ множеству, проходятся большею частью поверхностно. Учащіеся, не имѣя въ виду опредѣленной цѣли быть священниками, и не настраиваютъ себя къ этому. При многолюдствѣ нѣтъ надлежащаго воспитанія, а содержаніе бѣдныхъ учениковъ требуетъ огромныхъ расходовъ и влечетъ бѣдность духовныхъ школъ со всѣми ея послѣдствіями. Комитетъ, по мнѣнію Гаевскаго, не устранилъ этой двойственности въ задачахъ духовной школы и предполагаемое имъ преобразованіе состоитъ собственно только въ новомъ учебномъ планѣ. Да и самый планъ этотъ вызываетъ не мало сомнѣній по своей цѣлесообразности. Достаточно ли будетъ 4-хъ лѣтъ для образованія спеціально-богословскаго и не слишкомъ ли много 8 лѣтъ для образованія общаго, когда въ гимназіяхъ на то же полагается 7 лѣтъ? Есть ли нужда распространять элементарное образованіе на 4 года, когда духовенство можетъ давать это образованіе дома? При совмѣщеніи двухъ разнородныхъ цѣлей остается и прежняя многопредметность; равнымъ образомъ продолжается и двукратное изученіе нѣкоторыхъ предметовъ въ классахъ общеобразовательныхъ и богословскихъ Далѣе, въ предпологаемомъ планѣ создаются въ семинаріи два разряда людей. Одни, по окончаніи общеобразовательныхъ класовъ, могутъ поступать на службу съ правами окончившихъ гимназію. Другіе же, по плану комитета, должны еще учиться четыре года и затѣмъ прослужить нѣсколько лѣтъ причетниками и діаконами для того, чтобы въ концѣ концовъ получить мѣсто священника [1]). Гдѣ же тутъ справедливость и не значитъ ли это поощрять выходъ въ свѣтское

[1]) Мысль объ обязательномъ предварительномъ служеніи по окончаніи семинаріи въ должности причетниковъ и діаконовъ, съ тѣмъ, чтобы въ священники посвящались не ранѣе 30 лѣтъ, принадлежала пр. Димитрію и была имъ изложена въ „особомъ соображеніи“. Этой мѣрой Димитрій

званіе? Гаевскій полагалъ, что такъ какъ семинаріи содержатся на церковныя деньги, то справедливо ограничить число ихъ воспитанниковъ штатомъ сообразно потребностямъ епархій, и въ общеобразовательныхъ классахъ никого не принимать на казенное содержаніе. Съ этимъ откроется возможность употребить оставшіяся средства на улучшеніе состоянія училищъ и служащаго духовенства. Гаевскій былъ также и противъ мысли о соединеніи училищъ съ семинаріями. Сосредоточеніе учениковъ въ одной семинаріи ослабитъ надзоръ за успѣхами и поведеніемъ и потребуетъ огромныхъ средствъ для перестройки зданій; равнымъ образомъ потребуетъ лишнихъ расходовъ и введеніе одногодичныхъ курсовъ. Весьма шатки были, по мнѣнію Гаевскаго, и экономическія соображенія комитета. Что епархіи мало представляютъ свѣчныхъ доходовъ, это зависитъ не отъ недовѣрія духовенства къ употребленію церковныхъ средствъ, а отъ злоупотребленій, и надо только прекратить послѣднія, создавъ новыя правила для свѣчной операціи. Надежда на большее попеченіе духовенства о свѣчномъ сборѣ при новыхъ порядкахъ можетъ не оправдаться. Нельзя надѣяться на значительное увеличеніе свѣчной прибыли и на томъ основаніи, что неравномѣрность сборовъ съ числомъ церквей свидѣтельствуетъ объ громадной утайкѣ доходовъ. Разница доходовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ разныхъ епархіяхъ на каждую церковь приходится разное количество душъ (наприм., въ пермской томской и уфимской епархіяхъ приходится по 3000—3500 душъ, въ вятской болѣе 4,400, а въ костромской, ярославской, владимірской не болѣе 1,100, и т. п.) Поэтому надо полагать, что болѣе половины епархій будутъ по прежнему не въ состояніи обойтись собственными средствами. Наконецъ, при содержаніи семинарій на епархіальныя средства оклады духовно-учебныхъ заведеній будутъ неизбѣжно неравномѣрны, такъ какъ доходы не вездѣ одинаковы и нѣтъ соотвѣтствія между числомъ церквей и количествомъ дѣтей духовенства (наприм., въ черниг. еп. 987 церквей и 945 учениковъ, а въ орловской 839 церкв. и 1987 учен., въ полтавской 978 цер. и 1210 учен., а въ рязан. 835 церкв. и 1829 учен. и т. п.);

хотѣлъ съ одной стороны возвысить уровень низшихъ священнослужителей, съ другой—оправдать уничтоженіе нормальныхъ штатовъ въ семинаріяхъ.

въ нѣкоторыхъ епархіяхъ оклады даже уменьшатся. Этого же нельзя допустить безъ вреда для дѣла [1]).

Критикуя планъ большинства комитета, Гаевскій не представилъ, однако, своего собственнаго проэкта преобразованія семинарій. За то онъ представилъ цѣлый проэктъ реорганизаціи высшаго духовно-учебнаго управленія въ противовѣсъ проэкту большинства. Этотъ проэктъ Гаевскаго исходилъ изъ тѣхъ же въ сущности мотивовъ, какими руководился комитетъ при сужденіи о необходимости преобразованія Духовно-Учебнаго Управленія, и стремился къ той же цѣли—сдѣлать высшую административную инстанцію способной къ дѣйствительному руководству учебными и воспитательными дѣлами. Только Гаевскій находилъ, что на Ученый Комитетъ, имѣющій замѣнить Дух. Учебное Управленіе, нельзя возлагать кромѣ собственно учебныхъ и воспитательныхъ заботъ еще и административныя функціи, такъ какъ такое смѣшеніе можетъ повлечь за собою задержку въ теченіи дѣлъ. Поэтому онъ предлагалъ вмѣсто Духовно-Уч. Управленія образовать Главное Управленіе дух.-уч. заведеній при Св. Синодѣ и Учебный Комитетъ при этомъ главномъ управленіи. Первое учрежденіе, состоя изъ товарища оберъ-прокурора и двухъ духовныхъ (архим. или протоіеревъ) и двухъ свѣтскихъ членовъ, избираемыхъ Св. Синодомъ, подъ предсѣдательствомъ члена Св. Синода, должно было завѣдовать собственно всѣми духовно-учебными дѣлами, представляя важнѣйшія изъ нихъ непосредственно на усмотрѣніе и разрѣшеніе Св. Синода (какъ то дѣла о важныхъ перемѣнахъ въ управленіи дух.-уч. заведеній, учрежденіи и упраздненіи училищъ, опредѣленіи и увольненіи ректоровъ, утвержденіи въ степени доктора, о преобразованіяхъ и измѣненіяхъ учебной части, о учрежденіи новыхъ каѳедръ, о введеніи новыхъ учебниковъ и дѣла цензурныя); а другія (большую часть), менѣе важныя, рѣшая окончательно своею властью (при чемъ даже утвержденіе въ степеняхъ магистра и кандидата). Что касается же Учебнаго Комитета, то его Гаевскій представлялъ чисто совѣщательнымъ при Главномъ Управленіи учрежденіемъ. Учебный Комитетъ, состоя изъ ученыхъ спеціалистовъ разныхъ наукъ, долженъ былъ, по распоряженію Главнаго Управленія, разсматривать вопросы о

---

[1]) Отд. мнѣніе Гаевскаго о комит. планѣ было также напечатано въ качествѣ приложенія къ журналамъ комитета.

учебныхъ курсахъ, составлять и разсматривать программы, учебники, книги и статьи, ученыя диссертаціи и т. п. и слѣдить за нуждами духовно-учебнаго дѣла [1]).

Членъ-дѣлопроизводитель комитета Филипповъ представилъ отдѣльное особое мнѣніе, въ которомъ онъ стоялъ совсѣмъ на иной точкѣ зрѣнія, чѣмъ Гаевскій. Тогда какъ послѣдній хотѣлъ бы сдѣлать семинаріи чисто богословскими уч. заведеніями по курсу и духу, Филипповъ, наоборотъ, возставалъ противъ монашески-аскетическаго режима, проэктируемаго комитетомъ, и защищалъ права общаго образованія. Организація нравственной части по комитетскому плану, по мнѣнію Филиппова, отчасти была неосуществима, отчасти и нецѣлесообразна. Предположенные комитетомъ комнатные надзиратели, на которыхъ возлагались большія надежды, едва ли такія надежды могли оправдать. Такихъ идеальныхъ людей съ высокими нравственными качествами, какихъ требовалъ комитетъ, не найдется, потомучто надзирателями будутъ воспитанники тѣхъ же семинарій, въ которыхъ, по словамъ комитета, нѣтъ надлежащаго нравственнаго воспитанія. Надзиратели будутъ самыми обыкновенными людьми (особенно при проектируемомъ незначительномъ вознагражденіи ихъ—100 р. въ годъ), а въ такомъ случаѣ стоитъ ли тратить 200 тыс. руб. на 2000 надзирателей? Нецѣлесообразны, говорилъ Филипповъ, и многія средства къ утвержденію благочестія въ духовныхъ воспитанникахъ. Проэктируемое увеличеніе праздничныхъ дней и присутствіе при литургіи каждую среду и пятницу только напрасно отниметъ учебное время. Культивированіе внѣшняго благочестія можетъ привести къ лицемѣрію, деморализующему юношество. Монашески-аскетическій режимъ для юнаго возраста слишкомъ суровъ и непедагогиченъ: въ школьникахъ надо заботиться еще о развитіи элементарныхъ нравственныхъ качествъ—правдивости, состраданія и т. п., а не требовать отъ нихъ возвышенныхъ подвиговъ. Весьма странно также требовать, чтобы преподаваніе всѣхъ наукъ освѣщено было свѣтомъ вѣры. Какъ приложить, напр., такое требованіе къ математикѣ или исторіи? Это значило бы научные предметы наполнить пустословіемъ. Въ организаціи учебной части комитетъ, по мнѣнію Филиппова, не избѣжалъ тѣхъ недостат-

[1]) Этотъ проектъ Гаевскаго въ печатн. видѣ см. въ Церк. Вѣд. 1908 г. № 2, стр. 74—81.

ковъ, какіе свойственны были протасовскимъ преобразованіямъ. Вмѣсто того, чтобы возвратиться къ уставу 1814 года, заботившемуся о воспитаніи истинно просвѣщенныхъ, образованныхъ пастырей церкви, комитетъ видимо не вполнѣ отрѣшился отъ односторонняго утилитарнаго взгляда на семинарское образованіе и потому допустилъ отчасти прежнюю вредную многопредметность. По мнѣнію Филиппова, можно было бы, напримѣръ, соединить гомилетику съ словесностью и упразднить физіологію съ психологіей, такъ какъ послѣдняя въ семинаріяхъ приноситъ мало пользы, а первая и введена лишь по связи съ послѣдней; не необходимо также изученіе еврейскаго языка. Напротивъ, вполнѣ необходимы для общая образованія алгебра и геометрія, изгнанныя комитетомъ, а вмѣсто физической географіи полезнѣе было бы ввести математическую. Относительно соединенія училищъ съ семинаріями Филипповъ держался такого же мнѣнія, какъ и Гаевскій, что оно ведетъ къ непомѣрному многолюдству и потребуетъ громадныхъ затратъ на перестройки; да кромѣ того отсюда произошли бы неудобства и для духовенства возить и содержать дѣтей въ губернскомъ городѣ. Экономическія предположенія комитета казались и Филиппову весьма сомнительными. Комитетъ полагалъ, что при новомъ способѣ содержанія училищъ духовенство будетъ болѣе заботиться о свѣчномъ доходѣ. Но почему же, сомнѣвался Филипповъ, не пекутся о свѣчномъ сборѣ и теперь тѣ епархіи, которыя получаютъ на свои уч. заведенія гораздо болѣе, чѣмъ даютъ свѣчного сбора? Кромѣ сомнительной мѣры, предлагаемой комитетомъ, есть другіе способы увеличить свѣчной доходъ: надо придумать лишь лучшія средства контроля. При содержаніи на мѣстныя средства неизбѣжно обезпеченіе школъ будетъ и неравномѣрнымъ, какъ полагалъ и Гаевскій.—По части административнаго строя Филипповъ находилъ, что надобно принять мѣры, чтобы на практикѣ исчезло несправедливое предпочтеніе монашествующихъ бѣлому духовенству при назначеніи на начальственныя должности; необходимо обезпечить за семинарскими правленія хотя прежнюю долю независимости отъ архіерея; полезнѣе было бы не давать послѣднимъ и права представлять къ ректорству [1]). Въ отношеніи центральнаго управленія Филипповъ находилъ

[1]) Мнѣніе Филиппова то-же было напечатано въ видѣ приложенія къ журналу комитета.

необходимымъ оставить за Духовно-Учебнымъ Управленіемъ контроль за дух.-уч. заведеніями, не отдавая ихъ вполнѣ въ архіерейскую власть; а въ должности окружныхъ инспекторовъ, по его мнѣнію, слѣдовало назначать не способнѣйшихъ ректоровъ семинаріи, которые нужны на мѣстѣ, а заслуженныхъ профессоровъ академіи, хотя бы и изъ мірянъ [1]).

Таковъ былъ итогъ преобразовательной дѣятельности комитета. Разсматривая начертанный комитетомъ планъ преобразованія, нельзя не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ крупныхъ достоинствъ; но нельзя не замѣтить и весьма немаловажныхъ недостатковъ.

Что касается части учебной, то здѣсь самое крупное нововведеніе составляли мысли преосв. Димитрія о соединеніи училищъ съ семинаріями и о разграниченіи курса общеобразовательнаго и богословскаго. Планъ соединенія училищъ съ семинаріей съ принципіальной стороны имѣлъ за себя практику свѣтскихъ учебныхъ заведеній, гдѣ въ то время низшее и среднее образованіе уже давно соединялось въ одной гимназіи. Однако въ отношеніи къ духовной школѣ сама по себѣ заслуживающая предпочтенія идея цѣлостной школы соединялась съ самыми отрицательными результатами. Въ то время какъ въ гимназіяхъ былъ всего семилѣтній курсъ, учебное заведеніе преслѣдовало одну цѣль общаго образованія и соединялись дѣти сравнительно съ небольшой разницей возрастовъ; въ проектируемыхъ комитетомъ семинаріяхъ курсъ былъ 12-ти лѣтній и школѣ ставились двѣ задачи—общеобразовательная и спеціальная. Отсюда должно было явиться, во-первыхъ, непомѣрное многолюдство, какъ справедливо замѣчали свѣтскіе члены комитета, со всѣми сопровождающими его затрудненіями для управленія и воспитанія. Во-вторыхъ, въ стѣнахъ семинаріи соединялись бы учащіеся весьма разныхъ возрастовъ, начиная съ юныхъ дѣтей и кончая почти зрѣлыми мужами, что въ педагогическомъ отношеніи весьма вредно. Двойственность задачъ семинарскаго образованія еще болѣе усиливала оба эти неудобства, особенно если принять во вниманіе, что духовныя школы были закрытыми учебными заведеніями съ общежительнымъ режимомъ. Съ экономической же стороны осуществленіе комитетскаго плана влекло между тѣмъ

---

[1]) Церк. Вѣст. 1908 г., № 2, стр. 73—74.

затрудненія непреодолимыя и совершенно неоправдываемыя соображеніями пользы. Въ самомъ дѣлѣ, при тѣхъ помѣщеніяхъ, какими обладали духовныя школы, понадобилось бы $^9/_{10}$ семинарскихъ зданій строить почти заново, а училищныя зданія продавать за безцѣнокъ или обрекать на сломъ. Для этого нужны были единовременно огромныя средства въ нѣсколько милліоновъ рублей, каковыхъ ни въ какомъ случаѣ не могли изыскать епархіи и не могло дать центральное управленіе. Да эта ломка была и вовсе ненужна: развѣ нельзя было съ гораздо большимъ удобствомъ просто отдѣлить низшіе классы семинарій съ назначеннымъ для нихъ курсомъ и помѣстить ихъ по прежнему въ зданіяхъ училищъ? Это потребовало бы лишнихъ расходовъ ничтожныхъ по сравненію съ тѣми расходами, какихъ требовалъ планъ комитета, а въ педагогическомъ отношеніи было только бы полезно. Такимъ образомъ оправдывался скептицизмъ, съ которымъ относилось къ этому плану большинства меньшинство комитета. Зато другая мысль—о разграниченіи общеобразовательнаго и богословскаго курса—была весьма плодотворной. Эта мысль лежала уже въ основѣ устава 1814 года, и только протасовская реформа произвела перетасовку предметовъ. Но окончаніе общеобразовательныхъ классовъ по уставу 1814 года не давало никакихъ правъ семинаристамъ, тогда какъ по проэкту комитета 60—62 гг. окончившіе 8 лѣтъ семинаріи должны были получать права окончившихъ гимназію. Этимъ, дѣйствительно, для духовнаго юношества открывалась свобода выбора призванія и церковь избавлялась онъ подневольныхъ служителей; въ то-же время уничтоженіе нормальныхъ штатовъ давало возможность всѣмъ дѣтямъ духовенства получить образованіе и снимало съ духовнаго сословія тяжелое бремя заботъ о недоучкахъ, наложенное Протасовымъ. Правда, по поводу комитетскаго плана нѣкоторые высказывали опасеніе, что при проэктируемомъ порядкѣ богословскіе классы могутъ опустѣть и не будетъ хватать кандидатовъ на священническія мѣста [1]). Но насколько основательно было такое опасеніе, опытъ еще тогда не подтвердилъ; да если бы даже оно было основательно, то все-таки не оправдывало бы стѣсненія свободы духовнаго юношества въ выборѣ призванія, а указывало

---

[1]) Напр. такое опасеніе высказ. П. С. Казанскій (Прав. Об. 1881 г., іюнь—іюль, стр. 346).

лишь на необходимость поставить духовное служеніе въ такія условія, чтобы сдѣлать его болѣе привлекательнымъ. Конечно, проэктированное комитетомъ предварительное служеніе въ должности псаломщиковъ и діаконовъ должно было оттолкнуть многихъ отъ посвященія себя духовному служенію; но сама эта мѣра комитетомъ выдвигалась главнымъ образомъ для борьбы съ излишествомъ кандидатовъ на священство. Однако, если принципъ, принятый комитетомъ, былъ весьма здравый, то осуществленіе его было недостаточно послѣдовательно. Въ общеобразовательный курсъ семинаріи входили все-таки два предмета спеціально богословскаго содержанія—св. писаніе и церковная исторія—въ такомъ размѣрѣ (по 9 уроковъ=$11^1/_4$ час.), какой вовсе не оправдывался цѣлями общаго образованія; еврейскій языкъ съ древностями также былъ введенъ только для цѣлей спеціальныхъ (8 ур.=10 час. въ общеобр. классахъ). Впрочемъ, это была невыдержанность, отчасти неизбѣжная при двойственности задачи духовной школы, почему ее нельзя особенно ставить и въ вину комитету. Уставъ 1814 года былъ чуждъ этой невыдержанности плана, но скоро-же и при его дѣйствіи цѣльность общеобразовательнаго курса была нарушена введеніемъ Св. Писанія. Хотя, несомнѣнно, по крайней мѣрѣ еврейскій языкъ и церковную исторію можно было удобно перенести всецѣло въ богословскіе классы.

Въ опредѣленіи состава учебнаго курса семинарій комитетъ опять не избѣгъ недостатковъ. которыхъ могъ бы избѣжать. Комитетскій планъ страдаетъ такой же многопредметностью, какая составляла одну изъ слабыхъ сторонъ протасовскихъ преобразованій. Комитетъ исключилъ изъ семинарскаго образованія математику, естественную исторію, медицину, сельское хозяйство, православное исповѣданіе и ученіе о богослужебныхъ книгахъ. Но вмѣсто этихъ шести предметовъ, изъ которыхъ послѣдніе два къ тому-же занимали немного времени, комитетъ внесъ въ общеобязательный курсъ четыре новыхъ науки — физіологію, еврейскій языкъ и одинъ изъ новыхъ языковъ и ученіе о расколѣ [1]), при чемъ на эти предметы времени назначено почти столько же, сколько

---

[1]) Ученіе о расколѣ дѣлалось по плану комитета обязательнымъ предметомъ сем. курса, тогда какъ раньше оно входило въ миссіонерское отдѣленіе, предоставляемое выбору учениковъ. Дѣлая ученіе о расколѣ общимъ отдѣльнымъ предметомъ, комитетъ признавалъ, очевидно, для всѣхъ

раньше посвящалось предметамъ, исключеннымъ комитетомъ. Въ указанномъ отношенiи въ планѣ комитета по сравненiю съ протасовскимъ лишь было то преимущество, что курсъ комитетскiй не былъ столь разнороденъ. Комитетъ сдѣлалъ общее духовное образованiе классическимъ и не пытался совмѣстить классицизма съ реализмомъ; введенiе физiологiи, по связи ея съ психологiей, въ сущности не вносило дисгармонiи въ классическую систему общаго образованiя. Въ выборѣ предметовъ учебнаго курса нельзя не поставить въ заслугу комитету, что онъ вернулъ въ духовную школу изгнанную Протасовымъ философiю, ввелъ преподаванiе исторiи литературы, сдѣлалъ обязательнымъ изученiе одного изъ новыхъ языковъ и установилъ преподаванiе педагогики. Но Т. И. Филипповъ весьма справедливо указывалъ на крупную ошибку комитета въ изгнанiи изъ семинарскаго курса математики, которая необходима для общаго образованiя вообще и для изученiя физики въ частности. Ужъ во всякомъ случаѣ лучше комитетъ пожертвовалъ бы еврейскимъ языкомъ въ пользу алгебры и геометрiи. Затѣмъ, прежняя многопредметность, оставшаяся и въ планѣ комитета, при сокращенiи еще ежедневнаго учебнаго времени съ 36 до $27^1/_2$ часовъ, повела неизбѣжно и къ тому, что на нѣкоторые предметы было

семинаристовъ необходимымъ миссiонерское образованiе. Вопросъ о подготовленiи миссiонеровъ, незадолго предъ учрежденiемъ комитета, живо обсуждался въ церковныхъ сферахъ. Въ концѣ 1858 года митр. спб. Григорiй представилъ Св. Синоду о необходимости основать особое училище для приготовленiя миссiонеровъ. Это предложенiе было Высочайше утверждено 21-го дек. 1858 года. Для новаго училища были исходатайствованы уже и казенныя зданiя въ селѣ Грузино новгород. губ. Митр. Филаретъ составилъ начертанiе устава этого училища, по которому въ него должны были поступать священнослужители и окончившiе семинарiю, гимназiю и даже академiю. Такимъ образомъ новое училище должно было быть миссiонерской академiею, высшимъ уч. заведенiемъ. Преподавать здѣсь предполагалось богословскiя науки и языки, примѣнительно къ миссiонерскимъ потребностямъ (дѣло канц. Об.-Пр. 1858 г., 1-го отд. 2-го ст., № 219). Съ возбужденiемъ общаго вопроса о преобразованiи духовной школы, однако, этотъ планъ миссiонерскаго училища отошелъ на заднiй планъ. Урусовъ говорилъ Горскому въ 60-мъ году, что планъ миссiонерскаго уч. заведенiя думаютъ оставить; самъ онъ считалъ то-же болѣе полезнымъ учредить при каждой семинарiи подготовительные классы для мѣстныхъ миссiонеровъ (Приб. Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 223). Комитетъ такихъ классовъ не учреждалъ, но въ миссiонерскихъ цѣляхъ ввелъ ученiе о расколѣ въ общебогословскiй курсъ. Послѣ этого дѣло о миссiонерскомъ училищѣ еще тянулось до 64 года, а потомъ совсѣмъ заглохло.

назначено слишкомъ недостаточно времени. Именно, на ариѳметику по комитетскому плану приходилось всего 10 часовъ, тогда какъ прежде ихъ было 16; и послѣ такого-то изученія ариѳметики хотѣли переходить прямо къ физикѣ... На русскій и славянскій языки комитетъ положилъ $13^3/_4$ часа вмѣсто прежнихъ 22, что опять обѣщало безграмотность питомцевъ. На древніе языки комитетъ назначилъ по $16^1/_4$ час. — время весьма небольшое и едва ли достаточное для сколько-нибудь основательнаго ихъ изученія (раньше на греч. языкъ назначалось 50 часовъ, а на латинскій 46 часовъ). Такое же количество времени было назначено и на новый языкъ. За то комитетъ оказался даже слишкомъ щедръ по отношенію къ философскимъ наукамъ: на логику было назначено $6^1/_4$ час., на физіологію и психологію $11^1/_4$ ч., на метафизику и исторію философіи—$6^1/_4$ час. Что касается богословскихъ наукъ, то на нихъ (кромѣ св. писанія и раскола) было назначено 50 часовъ, вмѣсто прежнихъ ок. 40 час. Наконецъ въ самомъ расположеніи предметовъ по годамъ нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ недочетовъ. Иные предметы, какъ, напр., церковная исторія, физика, логика, физіологія и психологія, растягивались безъ нужды на многіе годы, каковая дробность не могла быть полезна. Иныя науки, вмѣсто естественной послѣдовательности, шли параллельно, какъ, напр., логика и психологія. Нѣкоторые предметы оставались незаконченными въ общеобразовательныхъ классахъ и переходили въ классы богословскіе безъ естественнаго разграниченія, какъ то было съ метафизикой.

Въ организаціи учебной части нельзя не поставить комитету въ заслугу то, что онъ стремился устранить большую часть старыхъ учебныхъ порядковъ, неблагопріятныхъ для успѣховъ обученія. Онъ обратилъ вниманіе на неудовлетворительность методовъ, на нераціональное распредѣленіе предметовъ между наставниками, на многолюдство классовъ, на слишкомъ большое количество учебныхъ часовъ и утомительную продолжительность уроковъ, на аномаліи экзаменаціонной системы, на частую смѣну начальниковъ и наставниковъ и проч. Впрочемъ, и тутъ иногда комитетъ повторялъ старыя ошибки. Такъ, онъ оставилъ дѣленіе предметовъ на главные и второстепенные, что влекло за собою и прежнія послѣдствія.

Въ области воспитательныхъ предположеній проэктъ комитета отличался наибольшими дефектами. Цѣли, преслѣдуемыя имъ, были прекрасны; но средства къ достиженію этихъ цѣлей

были весьма сомнительны. Комитетъ, желая воспитать благочестивыхъ пастырей церкви, проэктировалъ большею частью лишь внѣшнія мѣры для развитія благочестивой настроенности. Онъ хотѣлъ ввести въ семинаріяхъ строго-религіозный, полуаскетическій режимъ, хотѣлъ подчинить самую внутреннюю жизнь питомцевъ бдительному постороннему наблюденію, по образцу католическихъ семинарій. Но опытъ неоднократно доказывалъ, что подобными пріемами не достигается благочестивая настроенность, что суровое благочестіе и аскетизмъ не пригодны для юношества. Вдумчивые современники комитета поэтому справедливо опасались, что въ результатѣ проэктируемаго комитетомъ воспитательнаго режима явится лишь вредное лицемѣріе. Протоіерей В. Б. Бажановъ говорилъ, напримѣръ, Горскому (въ августѣ 60 г.) о планахъ пр. Димитрія, что не надобно молодыхъ людей особымъ костюмомъ и вообще правилами жизни отчуждать отъ общества; что внѣшнія мѣры поддержанія благочестія произведутъ лицемѣріе и можетъ быть возбудятъ даже отвращеніе отъ благочестія [1]). Примѣръ католическихъ семинарій и католическаго духовенства многимъ казался не только не заслуживающимъ подражанія, но страшнымъ призракомъ. П. С. Казанскій въ письмахъ того времени, возставая противъ мысли о подражаніи католической школѣ, высказывалъ послѣднюю надежду, что Государь не допуститъ проникновенія въ наши дух.-уч. заведенія гибельнаго католическаго духа внѣшняго благочестія [2]). Всѣ эти опасенія послѣдствій комитетскаго плана имѣли за себя весьма вѣскія основанія, и съ этой стороны отдѣльное мнѣніе Филиппова было отраженіемъ мыслей многихъ дѣятелей духовнаго образованія. Самая идея школьныхъ общежитій теперь стала вызывать небезосновательныя сомнѣнія въ своей плодотворности. Примѣръ смоленскаго конвикта, на которомъ основывался комитетъ, явился скоро примѣромъ чисто отрицательнымъ. Обозрѣвавшій въ 1862 году смоленскую семинарію преосвященный Іоаннъ (Соколовъ), ректоръ спб. академіи, нашелъ тамошній конвиктъ въ весьма неудовлетворительномъ состояніи; а семинарское правленіе при этомъ высказалось, что во всѣхъ отношеніяхъ лучше конвиктовъ малыя квартиры у частныхъ хозяевъ [3]). Режимъ же смоленскаго общежитія,

---

[1]) Приб. къ Тв. Св. О. 1886 г., I, стр. 222.

[2]) Прав. Об. 1883 г., янв., стр. 104.

[3]) Спб. Акад. 1858—1888 г., стр. 87.

изложенный въ сочиненіи инспектора смол. сем. архим. Викторина „Истинный другъ духовнаго юноши“ (Спб. 1858 г.) и принятый комитетомъ за образецъ, въ литературѣ еще раньше встрѣтилъ осужденіе. И митр. Филаретъ, вообще признававшій пользу общежитій, по поводу комитетскаго плана высказывалъ, что многолюдныя общежитія могутъ быть и вредны, особенно если ученики неблагонравны [1]). И дѣйствительно тѣ огромныя общежитія, какія проэктировалъ комитетъ для своихъ 12-ти классныхъ семинарій, ни въ какомъ случаѣ не выдерживали критики съ педагогической точки зрѣнія.

Съ административной стороны комитетскій проэктъ имѣлъ немаловажныя достоинства, по сравненію съ прежними порядками. Онъ уничтожалъ прежнее многоначаліе въ высшемъ управленіи и ускорялъ теченіе дѣлъ. Центральный органъ учебнаго управленія получалъ вмѣсто канцелярскаго характеръ педагогическій. Упраздненіе окружныхъ академическихъ правленій было логическимъ слѣдствіемъ той ненужной передаточной роли, какую играли академіи въ учебной администраціи[2]); а въ то-же время за академіями оставлялось то значеніе, какое было имъ наиболѣе свойственно—онѣ привлекались въ лицѣ конференціи къ участію въ руководствѣ учебной и воспитательной жизнью семинарій. Учрежденіе особыхъ окружныхъ инспекторовъ при академіяхъ покрывало дефекты прежней системы центральныхъ ревизій и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлало контролирующую власть близкой къ мѣстнымъ нуждамъ и ставило ее въ тѣсную связь съ высшими разсадниками духовнаго образованія. Тутъ планъ комитета 1860—1862 гг. выгодно отличался даже отъ плана комитета 66—67 гг. Во внутреннемъ управленіи семинаріями комитетъ, наконецъ, уничтожилъ ставшія анахронизмомъ семинарскія правленія въ ихъ прежней роли и привлекъ къ участію въ дѣлахъ школы преподавателей въ лицѣ педагогическаго совѣта. Обративъ вниманіе на подготовку преподавателей и тщательный выборъ школьнаго начальства, комитетъ подчеркнулъ ненормальность старой системы назначеній на школьныя должности. Но рядомъ съ этими положительными сторонами комитетскаго плана въ послѣднемъ не мало и недостатковъ. Комитетъ безъ достаточ-

---

[1]) Собр. мн. и отз. Фил. V, стр. 15.

[2]) Однако м. Филаретъ былъ противъ уничтоженія акад. правленій. Судя по его бесѣдамъ съ Горскимъ, онъ видѣлъ источникъ мысли объ

ныхъ основаній ограничивалъ составъ Ученаго Комитета бывшими ректорами; напротивъ, для рѣшенія многихъ вопросовъ необходимы были въ центральномъ органѣ ученыя силы, каковыхъ едва-ли въ состояніи были выставить изъ своей среды начальники семинарій. Отдавая семинаріи подъ архіерейскую властью и уничтожая всякія гарантіи ихъ независимости, комитетъ повторялъ старую практику XVIII вѣка, которая не принесла ровно ничего хорошаго. Архіерейское единовластіе сулило просторъ личному произволу и не гарантировало отъ намѣренныхъ и ненамѣренныхъ злоупотребленій властью. Во внутреннемъ управленіи семинаріей комитетъ давалъ по прежнему слишкомъ большую власть ректору и въ весьма ограниченномъ видѣ допускалъ участіе въ школьномъ управленіи педагогическаго персонала. Самая компетенція педагогическихъ совѣтовъ была неосновательно съужена въ пользу семинарскаго правленія. При замѣщеніи начальственныхъ школьныхъ должностей комитетъ, хотя и выражалъ пожеланіе строгой разборчивости, но къ сожалѣнію никакими реальными способами не обезпечилъ соблюденіе своего пожеланія, такъ что оно могло остаться чисто платоническимъ.

Наконецъ, что касается экономическихъ предположеній комитета, то по своимъ задачамъ онѣ заслуживали лишь глубокаго сочувствія. Уравненіе матеріальнаго обезпеченія преподавателей съ министерскими штатами и повышеніе окладовъ по всѣмъ частямъ до соотвѣтствія потребностямъ жизни было дѣломъ первой необходимости. Но нельзя не согласиться, однако, съ тѣми скептиками, которые выражали непреодолимое сомнѣніе въ осуществимости надеждъ комитета на свѣчные доходы. Правда то, что духовенство показывало уменьшенную сумму свѣчного сбора [1]). Но скрываемая сумма

уничтоженіи акад. правленій въ томъ, что архіереи считали для себя оскорбительнымъ, если ихъ мнѣнія вмѣстѣ съ мнѣніями семинарскихъ преосвящ. будутъ восходить на разсмотрѣніе акад. инстанцій; московскій архипастырь находилъ, что тутъ нѣтъ ничего оскорбительнаго, такъ какъ въ акад. правленіи окончательно дѣла рѣшаются то-же архіереемъ (Прибав. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 198—199). Но какими бы мотивами ни руководился комитетъ при уничтоженіи окружнаго акад. управленія, значеніе послѣдняго все равно уже пало и прежняя роль его сдѣлалась излишней.

[1]) Объ установившейся на этотъ счетъ практикѣ см. напр. разсказъ Гилярова—Платонова, Изъ пережитаго, ч. II, стр. 231.

была гораздо меньше, чѣмъ предполагалъ комитетъ, и несоотвѣтствіе между числомъ церквей и свѣчными сборами въ разныхъ епархіяхъ дѣйствительно въ значительной степени объяснялось разнымъ количествомъ прихожанъ и мѣстными условіями жизни. Во всякомъ случаѣ практика скоро показала преувеличенность комитетскихъ предположеній. Когда въ срединѣ 60-хъ годовъ были въ большей части епархій сдѣланы опыты передачи содержанія духовно-учебныхъ заведеній на средства епархій съ предоставленіемъ въ ихъ пользу свѣчного сбора, то общія средства дух.-уч. заведеній при этомъ увеличились всего на сумму около 400 тысячъ рублей. Такъ какъ опыту подверглись почти всѣ болѣе или менѣе состоятельныя епархіи, то надо полагать, что будь опытъ распространенъ и повсемѣстно, указанное увеличеніе средствъ едва ли достигло бы многимъ болѣе ½ милл. рублей. Отсюда до предполагаемыхъ комитетомъ 2 милліоновъ было весьма далеко, и стало быть комитетскій планъ былъ дѣйствительно построенъ на пескѣ. Однако дѣло конечно покажется инымъ, если мы посмотримъ на мысль комитета о передачѣ содержанія семинарій на епархіальный счетъ какъ на единственный выходъ изъ неразрѣшимой экономической проблемы, которую ему приходилось разрѣшать. Если не было другого способа помочь горю (казна не давала ничего, а поднять церковные доходы комитетъ никакъ иначе не надѣялся, да и никто другой реальныхъ способовъ къ тому не указывалъ), то несомнѣнно лучше было улучшить бытъ духовной школы хотя нѣсколько, чѣмъ нисколько. Съ этой же точки зрѣнія, какъ показалъ позднѣйшій опытъ, комитетскій планъ оказывался плодотворнымъ: при помощи его удавалось увеличить школьныя суммы на ½ милл. рублей, что было значительной поддержкой въ безысходной школьной бѣдности. Съ принципіальной стороны. затѣмъ, мысль о мѣстномъ обезпеченіи семинарій влекла за собою, дѣйствительно, нежелательныя послѣдствія. Содержаніе дух.-уч. заведеній этимъ ставилось въ зависимость отъ разныхъ случайностей; различія экономическаго быта епархій влекли за собою неравномѣрность обезпеченія. Но съ практической точки зрѣнія опять приходится признать, что всѣ эти неудобства, при отсутствіи другихъ способовъ, сглаживались той реальной пользой, какую приносилъ комитетскій планъ.

Переходный періодъ (1862—1866 гг.) въ жизни духовной школы и временные опыты преобразованій.

Такимъ образомъ мы видимъ, что составленный комитетомъ планъ преобразованія лишь въ немногихъ отношеніяхъ представлялся удовлетворительнымъ. Главные же его недостатки были въ тѣхъ практическихъ затрудненіяхъ, какія встрѣчались на пути къ его осуществленію; и эти то затрудненія затормозили весь дальнѣйшій ходъ дѣла. Принявъ идеи преосв. Димитрія о соединеніи училищъ съ семинаріями и о содержаніи послѣднихъ на епархіальныя средства, комитетъ самъ сдѣлалъ свой проэктъ надолго неосуществимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, справедливы или нѣтъ были экономическія предположенія комитета, было бы недопустимымъ рискомъ, если бы центральная власть сразу же осуществила этотъ планъ, не справившись съ мнѣніемъ епархій на счетъ возможности для нихъ содержать семинаріи. Комитетъ основывался лишь на умозаключеніяхъ, а не на реальныхъ данныхъ, и необходимо было сначала провѣрить тѣмъ или инымъ способомъ правильность комитетскихъ разсчетовъ. Затѣмъ, если бы передача духовно учебныхъ заведеній въ епархіальное вѣдѣніе и состоялась, то проэктъ комитета все таки не могъ долго осуществиться, такъ какъ и при деньгахъ нужно было нѣсколько лѣтъ для того, чтобы совершить тѣ капитальныя перестройки, какихъ требовали новыя семинаріи. А въ сущности говоря, планъ комитетскихъ семинарій и совсѣмъ не могъ осуществиться: комитетъ совершенно упустилъ изъ виду, откуда взять громадныя суммы, необходимыя для нужныхъ построекъ. Вѣдь хотя бы епархіи были въ состояніи содержать свои школы, онѣ ни въ какомъ случаѣ были не въ состояніи сдѣлать необходимый единовременный многотысячный расходъ. При такихъ условіяхъ комитетскій проэктъ становился почти утопіей и ничего не оставалось, какъ отложить его въ долгій ящикъ. Такъ дѣйствительно и случилось.

Занятія учрежденнаго въ 1860 году комитета закончились въ февралѣ 1862 года. Не видя возможности немедленнаго осуществленія комитетскаго плана, высшая власть рѣшила передать комитетскіе труды на разсмотрѣніе мѣстныхъ начальствъ, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Журналъ комитета, составленный имъ семинарскій уставъ

и приложенія къ нему, вмѣстѣ съ краткимъ донесеніемъ о работахъ комитета пр. Димитрія Св. Синоду, были разосланы епархіальнымъ преосвященнымъ, академическимъ конференціямъ и нѣкоторымъ духовнымъ лицамъ для разсмотрѣнія. Проэктъ преобразованія высшаго управленія былъ разосланъ особо и только нѣкоторымъ преосвященнымъ-митрополитамъ и архіепископамъ [1]). Доставленіе отзывовъ по этому запросу затянулось на нѣсколько лѣтъ: они стали поступать лишь въ 1864—1865 гг. Между тѣмъ бѣдственное состояніе дух.-уч. заведеній все съ большей настойчивостью заявляло о необходимости скорѣйшаго преобразованія. Особенно сильна была матеріальная нужда, увеличиваемая съ каждымъ годомъ возраставшею дороговизной. Въ 1863 году оберъ-прокуроръ св. синода лично обозрѣлъ семинаріи симбирскую, казанскую, самарскую, саратовскую, астраханскую, пензенскую, нижегородскую, владимірскую и видѣлъ всю крайность печальнаго экономическаго положенія [2]). Но болѣе трехъ лѣтъ прошло со времени окончанія комитетскихъ занятій, а дѣло не подвигалось ни на шагъ впередъ. Причина того была въ значительной степени въ самой центральной власти. 28-го февраля 1862 г. оберъ прокуроръ А. П. Толстой былъ уволенъ отъ этой должности и на его мѣсто былъ назначенъ харьковскій военный губернаторъ генералъ-маіоръ А. П. Ахматовъ [3]). Самая смѣна оберъ-прокурора въ моментъ окончанія комитетскихъ работъ произошла, повидимому, не безъ связи съ этими работами. Какъ бы то ни было, но преемникъ А. П. Толстого держался какой-то медлительной тактики и ровно ничего не сдѣлалъ для начатаго дѣла о учебной реформѣ Да по своей подготовкѣ онъ, очевидно, былъ и не способенъ энергично вести церковныя дѣла; военный служака, онъ попалъ въ оберъ-прокуроры, какъ и его предшественникъ, по случайности административныхъ назначеній и мало подходилъ къ оберъ-прокурорскому посту, требовавшему, особенно въ тотъ критическій моментъ церковной жизни, знанія, опытности и энергіи. Насколько же бездѣятельнымъ человѣкомъ былъ А. П. Ахматовъ, свидѣтельствуетъ хотя бы то обсто-

---

[1]) Дѣло Д. У. У. 1859 г. № 4948. Составленный въ 1862 году проэктъ устава свѣтскихъ общеобразовательныхъ уч. заведеній то-же былъ разсылаемъ для отзывовъ въ низшія инстанціи.

[2]) Дѣло Д. У. У. 1863 г. № 219/2172.

[3]) Дѣло Канц. Об.-Пр. 1-го отд. 1862 №№ 78/74 б.

ятельство, что за время его оберъ-прокурорства не выходило даже давно заведенныхъ извлеченій изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ по духовному вѣдомству. Неудивительно, что этотъ оберъ-прокуроръ не предпринялъ ни одного шага, чтобы подвинуть впередъ дѣло, начатое его предшественникомъ.

При ослабленіи преобразовательной энергіи въ оффиціальныхъ сферахъ, одна только духовная журналистика поддерживала въ обществѣ интересъ къ духовно-учебному вопросу. Въ 62—64 годахъ вопросъ этотъ продолжалъ живо обсуждаться въ журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ (преимущественно Прав. Обозр.). Темой обсужденія теперь сдѣлались и недавніе труды комитета. Между прочимъ въ 1862 году распространилась въ Россіи изданная заграницей Д. И. Ростиславовымъ книга „О состояніи духовныхъ училищъ въ Россіи", произведшая большое впечатлѣніе въ обществѣ не только духовномъ, но и свѣтскомъ [1]). Изъ журнальныхъ статей того времени наиболѣе замѣчательны статьи нѣкоего М. Н. Р. по поводу проэкта комитета 1860—1862 г. [2]) и статья проф. Пѣвницкаго о значеніи классическихъ языковъ въ системѣ образованія, въ которой принципіально ставился вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли быть духовному образованію классическимъ, и рѣшался отрицательно [3]). Но остановка въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла о

---

[1]) Въ своей книгѣ Д. И. Ростиславовъ безпощадно вскрываетъ всѣ темныя стороны духовно-школьнаго дѣла. Онъ говоритъ о господствѣ рутинныхъ методовъ и пріемовъ въ обученіи, непедагогическихъ учебныхъ порядкахъ, о забивающей и устрашающей, ведущей къ лицемѣрію системѣ воспитанія, о нищетѣ наставниковъ и учащихся. Съ особенной же подробностью останавливается онъ на отрицательныхъ сторонахъ духовно-учебнаго управленія и школьной монашеской администраціи.—Любопытна между прочимъ судьба этой книги. Свѣтскій петербургскій цензоръ нашелъ, что она написана весьма спокойно, правдиво, основательно и полна самаго животрепещущаго интереса, и потому нѣтъ никакихъ основаній не допускать ее къ продажѣ въ Россіи. Но Св. Синодъ высказался противъ послѣдняго, находя, что книга рисуетъ не столько настоящее, какъ скорѣе прошлое дух.-уч. заведеній и не сообщаетъ ничего новаго, такъ какъ всѣ недостатки и такъ извѣстны власти и обществу. Какъ видно, мотивы запрещенія весьма и весьма странные (дѣло объ этомъ въ Канц. об.-прок. 1-го отд. 1862 г. № 326).

[2]) Прав. Обозр. 1863 г. т. XI, стр. 107—122; 1864 г. т. XIII, стр. 358—386; т. XV, стр. 166—182, 294—327. Авторъ высказывается большею частью отрицательно о комитетскомъ планѣ, особенно по воспитательной части.

[3]) По мнѣнію проф. Пѣвницкаго, общепризнанное значеніе классическихъ языковъ, какъ необходимой основы образованія, есть не болѣе, какъ уко-

преобразованіи въ концѣ концовъ стала вызывать въ духовной литературѣ самыя пессимистическія предположенія. Тотъ же проф. Пѣвницкій въ 1864 году въ статьѣ „Что можетъ ожидать въ будущемъ наши духовно-учебныя заведенія?“ съ горестнымъ чувствомъ указывалъ на безысходную унизительную матеріальную нужду духовной школы и выражалъ справедливое опасеніе, что если такое положеніе продолжится, то школа совершенно

ренившійся предразсудокъ. Историческій ходъ духовнаго образованія свидѣтельствуетъ, что господство латыни лишь стѣсняло развитіе мысли и науки и, какъ уродливость, пало само собою. Не выдерживаютъ критики и тѣ многочисленные доводы, которые приводятся защитниками классицизма. Говорятъ, что классическіе языки являются лучшей школой разсудка по своей законченности, крѣпкой логикѣ, правильному грамматическому строю, что на классикахъ воспитались глубокіе мыслители и гармоническіе характеры, что ихъ изученіе воспитываетъ гуманность, что классическіе языки вводятъ въ основы европейской цивилизаціи. Для духовной школы въ частности указываютъ, что ея питомцамъ особенно необходимо правильное развитіе духовныхъ силъ, даваемое классическимъ образованіемъ, и что богословіе создано греческими и латынскими писателями. (Всѣ эти доводы между прочимъ приводились въ запискѣ проф. спб. акад. Осинина „о преподаваніи классическихъ языковъ въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ“, командированнаго за границу съ цѣлью изученія постановки тамъ классическаго образованія). Но, говорилъ Пѣвницкій, для развитія умственныхъ силъ классическіе языки отнюдь не лучшее средство. При ихъ изученіи питомцамъ приходится въ раннемъ возрастѣ начинать съ предмета неизвѣстнаго и труднаго, что совершенно нецѣлесообразно и развиваетъ въ воспитанникахъ весьма понятную антипатію къ этимъ языкамъ. Другіе предметы въ данномъ случаѣ могутъ быть гораздо лучшимъ средствомъ умственнаго развитія. Затѣмъ изученіе классическихъ языковъ развиваетъ до огромныхъ размѣровъ разсудокъ и память въ ущербъ другимъ душевнымъ способностямъ и не даетъ пищи и направленія эстетическимъ и нравственнымъ потребностямъ человѣка. Услаждаться красотами классиковъ можетъ только человѣкъ уже развитый и овладѣвшій языками, а не ученикъ, обыкновенно не берущій книги въ руки по окончаніи образованія. Во время же обученія на первомъ планѣ ставятся грамматическіе интересы. Латынь имѣетъ еще смыслъ для западныхъ народовъ, но не для насъ. Поэтому вообще въ системѣ образованія слѣдуетъ замѣтить классическіе языки основательнымъ изученіемъ языка отечественнаго, заслоненнаго теперь другими предметами. Родной языкъ будетъ изучаться и сознательно и охотно; опираясь на его изученіе, душевное развитіе будетъ полнѣе и гармоничнѣе. Не нужны классическіе языки и для спеціальныхъ цѣлей духовной школы. Сельскій священникъ ими совсѣмъ не пользуется, отцовъ церкви можно читать и въ переводахъ. Классическіе языки нужны лишь для ученыхъ цѣлей и ихъ надо изучать лишь въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а въ среднихъ лишь для тѣхъ, кто стремится къ высшему образованію. Поэтому ихъ можно бы оставить для желающихъ въ семинаріи и совсѣмъ отмѣнить въ дух. училищахъ.

лишится дѣятелей и подвергнется полному саморазложенію [1]).

Подобныя опасенія были весьма основательны. Къ счастью во главѣ духовнаго вѣдомства скоро сталъ новый оберъ-прокуроръ, человѣкъ со знаніями, опытомъ и энергіей, столь необходимыми въ ту минуту. 23 іюня 1865 года на мѣсто Ахматова былъ назначенъ графъ Димитрій Андреевичъ Толстой. Получивши сообразованіе въ Александровскомъ лицеѣ, гр. Д. А. проходилъ свое служебное поприще сначала въ вѣдомствѣ учрежденій имп. Маріи, потомъ въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій; въ 60—61 году онъ служилъ въ министерствѣ нар. просв. Будучи еще въ лицеѣ, графъ занимался учеными историческими изслѣдованіями и затѣмъ написалъ ученый историческій трудъ по исторіи финансовъ, увѣнчанный демидовской преміей. Въ 50-хъ годахъ онъ трудился надъ новой ученой исторической работой, изданной въ 1863 году въ Парижѣ на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Римскій католицизмъ въ Россіи“ (потомъ издано и на русскомъ языкѣ въ 1876 году). Эти краткія біографическія данныя свидѣтельствуютъ, что и предшествующей служебной дѣятельностью и направленіемъ личныхъ занятій новый оберъ-прокуроръ былъ гораздо болѣе подготовленъ къ своему посту, чѣмъ цѣлая вереница его предшественниковъ. Въ частности и въ области учебныхъ вопросовъ гр. Д. А. Толстой имѣлъ свои твердо опредѣленные взгляды и убѣжденія, и не „самобытныя“, какъ графъ Протасовъ, а обоснованные съ педагогической точки зрѣнія. Пусть эти взгляды были односторонни, каковой судъ уже произнесла исторія надъ Толстовскими реформами; но во всякомъ случаѣ они гарантировали отъ шатаній и безсистемности, какими страдала хотя-бы Протасовская эпоха.

Духовно-учебный вопросъ сдѣлался предметомъ вниманія оберъ-прокурора тотчасъ же по его вступленіи въ управленіе дѣлами духовнаго вѣдомства. Уже въ августѣ 1865 года графъ бесѣдовалъ съ Горскимъ о нуждахъ преобразованія, въ частности о реформѣ центральнаго управленія, при чемъ опредѣленно высказывался за учено-педагогическій характеръ центральной инстанціи [2]). При немъ стали быстро поступать до тѣхъ поръ

---

[1]) Тр. Кіев. Д. А. 1864 г. т. III, стр. 161—190.

[2]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г., I, стр. 249—250.

весьма медленно поступавшие отзывы мѣстныхъ начальствъ о трудахъ комитета 1860—1862 гг. Въ концѣ 1865-го—началѣ 1866-го года изъ этихъ отзывовъ былъ составленъ опять краткій сводъ, какъ и изъ отзывовъ 1859 года. Вообще оберъ-прокуроръ, очевидно, рѣшился энергично вести дѣло о преобразованіи дух.-уч. заведеній. Но главнымъ тормозомъ для этого, какъ извѣстно, служили чисто экономическія затрудненія. Всякая реформа требовала прежде всего денегъ. На этотъ счетъ не было разногласій, и всѣ единодушно заявляли, что безъ увеличенія средствъ нечего и думать о какихъ либо преобразованіяхъ. А гдѣ же было взять эти средства? Изъ отзывовъ мѣстныхъ инстанцій категорически выяснилось между прочимъ то, въ чемъ свѣтскіе чины синодальнаго вѣдомства были убѣждены и раньше,—что мысль комитета 1860—1862 года о свѣчномъ доходѣ не имѣетъ за собою достаточныхъ основаній. Въ такомъ случаѣ ничего не оставалось, какъ сдѣлать попытку снова просить пособія отъ казны, въ которомъ было отказано комитету преосв. Димитрія. И графъ Толстой счелъ (по его выраженію) непремѣннымъ долгомъ сдѣлать эту попытку. До свѣдѣнія государя было доведено все бѣдственное положеніе дух.-уч. заведеній, съ указаніемъ на неотложную необходимость оказать имъ пособіе изъ государственнаго казначейства; и наконецъ состоялось высочайшее повелѣніе войти оберъ прокурору въ соглашеніе съ министромъ финансовъ о назначеніи такого пособія. Есть нѣкоторыя извѣстія, что это распоряженіе состоялось подъ вліяніемъ генерала М. П. Шипова, пользовавшагося милостью Государя, который и представилъ записку о нуждахъ духовной школы [1]). Если это дѣйствительно такъ, то можетъ быть только обидно за послѣднюю, что понадобилось вліяніе личныхъ симпатій для того, чтобы уничтожить давнюю несправедливость государства по отношенію къ духовному образованію. Въ самомъ дѣлѣ, конфискуя въ 1764 году церковныя земельныя имущества, государство приняло къ себя обязательство заботиться о церковныхъ нуждахъ. Культурная миссія духовной школы была огромна: въ XVIII и первой половинѣ 19-го вѣка духовно-учебныя заведенія были главными разсадниками культурныхъ дѣятелей въ народной массѣ, такъ какъ въ деревнѣ священникъ былъ почти единственнымъ представителемъ образо-

---

[1]) Газета „Голосъ" 1881 г. № 97.

ваннаго общества и почти единственнымъ учителемъ народа. Между тѣмъ съ 1818 года государство не давало ни копѣйки на духовное образованіе, предоставивъ содержать церкви школы на гроши и копѣйки, собираемыя съ народа. И въ 1817 году, когда Комиссія Дух. Училищъ отказалась отъ государственнаго пособія, она оставила за духовнымъ вѣдомствомъ право въ случаѣ нужды снова обратиться за государственной помощью. Однако этой помощи не оказывали и тогда, когда духовно-учебныя заведенія совершенно обнищали и были близки къ окончательному паденію. Поэтому совершившееся, наконецъ, назначеніе пособія изъ государственнаго казначейства было не дѣломъ милости, а было, и то далеко не полнымъ, уничтоженіемъ старой несправедливости и актомъ государственнаго благоразумія потому что государство было самымъ близкимъ образомъ заинтересовано въ ходѣ духовнаго образованія, питомцами котораго оно пользовалось не меньше, чѣмъ церковь.

Какъ бы то ни было, но съ того момента, какъ принципіально былъ рѣшенъ вопросъ о казенномъ пособіи, дѣло духовно-учебной реформы стало на твердую почву. Въ мартѣ 1866 года статсъ-секретарь Рейтернъ и оберъ прокуроръ Д. А. Толстой представили Государю докладъ, что они, по Высочайшему повелѣнію, вошли въ соглашеніе относительно назначенія пособія отъ государственнаго казначейства дух.-уч. заведеніямъ и пришли къ такимъ заключеніямъ. Настоящее, близкое къ упадку, положеніе духовно-учебныхъ заведеній, дѣлая невозможнымъ правильный ходъ образованія, указываетъ на настоятельную необходимость оказать имъ воспособленіе. Вполнѣ справедливо было бы сравнять духовныя школы съ свѣтскими. Впрочемъ, это сдѣлать затруднительно. Капиталы духовнаго вѣдомства не имѣютъ никакихъ свободныхъ суммъ. Для справедливаго уравненія дух.-учебныхъ заведеній съ свѣтскими потребовались бы значительныя суммы, такъ какъ на одно жалованье служащимъ необходимо до 1,500,000 р.; а увеличеніе содержанія воспитанниковъ и расходъ по прочимъ статьямъ потребовали бы несравненно большей суммы, такъ какъ въ настоящее время въ общей сложности на каждаго воспитанника причитается 37 р. расхода, а безъ жалованья наставникамъ—20 р. Государственное казначейство не можетъ принять на себя расходы въ значительной суммѣ, и потому совершенное уравненіе дух. уч. заведеній съ свѣтскими пред-

ставляется невозможнымъ. Но возможно, говорилъ докладъ, назначить пособіе въ $1^1/_2$ мил. рублей, отпуская эту сумму по 300,000 р. постепенно въ теченіи 5 лѣтъ, начиная съ 1867 года, такъ что $1^1/_2$ милл. стали бы полностью ассигноваться съ 1871 года. Докладъ этотъ получилъ утвержденіе 14 марта 1866 года, и такимъ образомъ разрѣшилась трудная проблема о матеріальныхъ средствахъ для преобразованія [1]).

Какъ только былъ рѣшенъ экономическій вопросъ, сейчасъ же былъ данъ ходъ и дѣлу о учебной реформѣ. По предложенію оберъ-прокурора отъ 16-го марта 1866 года, постановленіемъ Св. Синода 17-го марта (утвержденному государемъ 19 марта) былъ учрежденъ опять особый комитетъ для разсмотрѣнія мнѣній и отзывовъ епархіальныхъ преосвященныхъ и епархіальныхъ комитетовъ по поводу проэкта устава, составленнаго комитетомъ 60—62 гг. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣятельности этого комитета, необходимо остановиться на тѣхъ временныхъ мѣрахъ, какія были приняты къ улучшенію положенія дух.-учебныхъ заведеній въ переходную эпоху до времени полнаго преооразованія. Пока составлялись и дѣйствовали разные комитеты, безотрадное экономическое положеніе духовной школы стало критическимъ. Послѣ того, какъ планъ преосв. Димитрія былъ отложенъ въ долгій ящикъ и въ движеніи дѣла о преобразованіи наступило затишье, стала меркнуть послѣдняя надежда на лучшее будущее у тружениковъ духовнаго образованія. Тогда то и явилась мысль попробовать осуществить хотя бы въ видѣ опыта проэктъ комитета о передачѣ содержанія дух.-уч. заведеній на епархіальныя средства. Мысль эту впервые подалъ смоленскій преосв. Антоній. Видя невыносимую нужду наставниковъ дух.-уч. заведеній и озабочиваясь изысканіемъ способовъ помочь имъ, онъ въ 1864 году возбудилъ ходатайство передъ оберъ-прокуроромъ о дозволеніи содержать смоленскія дух.-учебныя заведенія на мѣстныя средства. Источникомъ этихъ средствъ рѣшено было сдѣлать 6% сборъ со всѣхъ церковныхъ доходовъ епархіи, при чемъ оказалось возможнымъ значительно возвысить общую сумму на содержаніе семинаріи и училищъ по сравненію съ прежней. Сообразно съ этимъ предполагалось увеличить оклады по всѣмъ статьямъ. Именно, вмѣсто старыхъ штатовъ второго разряда смѣта бы-

---

[1]) Дѣло Канц. об.-пр. 2-го ст. 1-го отд. 1866 г. № 395.

ла составлена въ такомъ родѣ: ректору и наставникамъ семинаріи назначалось по 400 р., инспектору сем. 200 р., эконому 200 р., секретарю 130 р., библіотекарю 120 р., помощникамъ инспектора по 100 р., за преподаваніе необязательныхъ языковъ по 120 р., врачу 150 р., на полнокоштнаго семинариста по 70 р., квартирнаго пособія наставникамъ по 100 р., жалованія смотрителю и старшимъ учителямъ училищъ по 250 р., инспектору учил. 120 р., учителямъ средняго отд. по 200 р., учителямъ младшаго отд. по 180 р., надзирателямъ по 100 р., квартирнаго пособія училищнымъ учителямъ по 50 р., на училищнаго бурсака 50 р., на содержаніе семинарнаго дома 3100 р. и больницы 1000 р., на содержаніе училищнаго дома въ Смоленскѣ 1250 р., въ другихъ городахъ—250—200 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ преосв. Антоній ходатайствовалъ объ исключеніи изъ курса смоленской семинаріи сельскаго хозяйства, медицины и естественной исторіи и введеніи преподаванія педагогики [1]). Проэктируя такой планъ для смоленской семинаріи, смоленскій преосвященный въ своемъ докладѣ замѣтилъ, что эта мѣра удобно можетъ быть приложена и къ другимъ епархіямъ, такъ какъ если смоленская епархія, имѣющая всѣхъ церковныхъ доходовъ 102,826 р. (изъ нихъ 21878 р. свѣчнаго) нашла возможнымъ ассигновать на свои школы около 42 тыс., то другія епархіи, имѣющія церковныхъ доходовъ 100—250 тыс. рубл. и дающія всего 10—20% свѣчнаго дохода, могутъ увеличить эту сумму въ нѣсколько разъ [2]). Какъ видно, преосв. Антоній вѣрилъ въ идею преосв. Димитрія. Св. Синодъ, которому было представлено ходатайство смол. преосвященнаго, въ декабрѣ 1864 года разрѣшилъ послѣднему въ видѣ опыта привести въ исполненіе его предположенія съ 1865 года; а также разрѣшилъ, по его совѣту, и вообще епархіямъ входить съ ходатайствами объ увеличеніи школьныхъ окладовъ мѣстными средствами, если таковыя будутъ изысканы [3]). Сначала мысль преосв. Антонія нашла себѣ немного подражателей. Лишь астраханская епархія въ началѣ 65 года рѣшила увеличить у себя цѣну на свѣчи (по 20 к. на фунтъ), прибыль отъ чего была назначена на улучшеніе положенія дух.-уч. заведеній [4]). Но со вступленіемъ въ оберъ-прокурорство гр. Д. А.

---

[1]) Ист. смол. сем., стр. 392—296.

[2]) Ibid., стр. 397—398.

[3]) Дѣло Канц. Св. Син. 1865 г. № 2454.

[4]) Дѣло Канц. С. С. 1866 г. № 2254/141.

Толстого подражаніе смоленскому примѣру начало быстро распространяться. Оберъ-прокуроромъ было циркулярно рекомендовано всѣмъ преосвященнымъ послѣдовать примѣру смоленской и астраханской епархій и озаботиться изысканіемъ средствъ [1]). Эта временная мѣра не теряла своего значенія и послѣ назначенія пособія отъ государственнаго казначейства, такъ какъ такое пособіе предполагалось отпускать лишь постепенно и до 1871 года нѣкоторыя епархіи должны бы были ждать своей очереди и погрязать въ жалкой нищетѣ безъ мѣстной помощи. Напротивъ, назначеніе казеннаго пособія сдѣлалось однимъ изъ побудительныхъ мотивовъ къ изысканію средствъ на мѣстахъ. По утвержденному Св. Синодомъ (14 марта 1866 г.) докладу оберъ-прокурора при распредѣленіи казеннаго пособія рѣшено было руководиться слѣдующими соображеніями. Положено было начать ассигнованіе его съ тѣхъ епархій, духовенство которыхъ оказало или окажетъ сочувствіе нуждамъ дух.-уч. заведеній воспособленіемъ изъ мѣстныхъ своихъ способовъ; потомъ назначать пособіе епархіямъ, значительная часть свѣчнаго сбора которыхъ отчислялась на нужды другихъ епархій; затѣмъ ассигновать тѣмъ, гдѣ свѣчной сборъ получитъ значительное приращеніе; и послѣ сего всѣмъ прочимъ [2]). При этомъ постановлено было правиломъ не зачислять суммъ изъ мѣстныхъ источниковъ или полученныхъ путемъ увеличенія свѣчнаго дохода въ общую смѣту ассигнованій, но оставлять ихъ въ епархіяхъ на улучшеніе дух.-уч. заведеній сверхъ вспомоществованія отъ казны. Такимъ образомъ рвеніе епархіальнаго духовенства усиливалось мотивомъ получить поскорѣе казенныя суммы. Поэтому въ 1866—1867 годахъ большая часть епархій и послѣдовала примѣру смоленской. Разрѣшеніе епархіямъ принять содержаніе своихъ уч. заведеній на епархіальныя средства давалось обычно на такихъ основаніяхъ. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ прежняя сумма свѣчного сбора была меньше суммы, ассигнуемой по старымъ штатамъ на семинарію и училища, дозволялось оставлять у себя всѣ изысканные доходы вмѣстѣ съ свѣчнымъ и кромѣ того классные оклады и пенсіи производились изъ дух.-уч. капитала. Тѣ же епархіи, которыя раньше давали свѣчной прибыли больше, чѣмъ ассигновалось на мѣстныя шко-

---

[1] Дѣла К. С. С. 1865 г. № 2538, № 2499.

[2]) Дѣло К. О. Пр. 2-го ст. 1-го отд. 1866 г. № 395.

лы, обязывались и впредь представлять въ Дух. Уч. Управленіе разницу между ихъ старымъ окладомъ и свѣчной суммой послѣдняго года, оставляя у себя всѣ прочія суммы. Такая мѣра была необходима потому, что на содержаніи у центральнаго управленія оставались самыя бѣдныя епархіи, не могущія содержать себя, и приходилось по-прежнему дополнять ихъ скудныя средства. Въ бѣдныхъ епархіяхъ, гдѣ вновь изысканныя средства были незначительны, а старый свѣчной доходъ былъ значительно меньше старыхъ школьныхъ смѣтъ, новыя средства являлись лишь дополненіемъ къ старымъ окладамъ. Всѣ остатки отъ удовлетворенія школьныхъ нуждъ мѣстными средствами на указанныхъ условіяхъ обращались въ епархіальный запасный капиталъ. Чтобы духовенство видѣло, какъ расходуются епархіальныя деньги, въ семинарскомъ и училищномъ хозяйствѣ таковыхъ епархій предоставлено было участіе членамъ отъ духовенства.

Епархіальное духовенство, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и монастыри, живо откликнулись на обращенный къ нимъ призывъ придти на помощь своимъ дух. уч. заведеніямъ. Образованные въ епархіяхъ для этой цѣли епархіальные комитеты большею частью находили возможнымъ увеличить школьныя суммы разными способами—увеличеніемъ свѣчного дохода, % обложеніемъ всѣхъ церковныхъ доходовъ или разныхъ статей ихъ, сборами съ духовенства. Нѣкоторыя богатыя обители жертвовали съ своей стороны значительныя суммы. Въ 1865 году митрополитъ Филаретъ назначилъ на возвышеніе окладовъ наставниковъ московской академіи по 7795 р. ежегодно изъ суммъ московской каѳедры, при чемъ ординарный профессоръ сталъ получать 1200 р., экстраординарный—900 р., баккалавръ—700 р. [1]). По этому примѣру въ тотъ-же годъ были возвышены до такихъ же размѣровъ оклады наставниковъ спб. академіи изъ средствъ Александро-Невской лавры [2]), кіевской академіи изъ неокладныхъ суммъ кіевской каѳедры [3]) и казанской академіи изъ доходовъ съ бывшихъ зданій казанской семинаріи, перестроенныхъ подъ торговыя помѣщенія [4]). Въ концѣ того-же 1865 года м. Филаретъ по-

---

[1]) Ист. москов. ак., стр. 345.

[2]) Спб. Акад. 1858—1888 г., стр. 102.

[3]) Всеподданнѣйшая докладная записка об.-прок. св. син. о дѣятельности пр. вѣдомства съ іюня 1865 г. по янв. 1866 г., стр. 36.

[4]) Ист. каз. ак., III, стр. 588.

жертвовалъ изъ суммъ московской каѳедры 2877 р. въ пользу семинаріи и училищъ москов. еп. [1]). Въ 1866 году въ спб. семинаріи было увеличено изъ епархіальныхъ средствъ жалованье наставникамъ до 900—700 р., учителямъ училищъ до 500 и 400 р. (смотря по времени службы), а также сдѣланы прибавки и другимъ служащимъ семинаріи и александроневскаго училища [2]). Въ пензенской епархіи съ 1866 года содержаніе дух. уч. заведеній было отнесено на мѣстныя средства, при чемъ общая смѣта возвышена съ 16,665 р. до 26,360 р.; наставникамъ положено жалованье по 400 р., на кварт. пособія—450 р., вмѣсто 120 р., на казеннаго ученика по 50 р. вм. 34 р., на содержаніе дома 3000 р. вмѣсто 1598 р.; учителямъ училищъ жалованье увеличено по образцу смоленской еп. [3]). Въ полтавской еп. при отнесеніи содержанія уч. зав. съ 1866 года на мѣстныя средства доходы увеличены съ 28 до 40 тыс. и положено ректору и наставникамъ сем. жалованья по 514 р. (вм. 257), въ училищахъ всѣмъ учителямъ —по 257 р.; на каждаго каз. ученика прибавлено въ сем. по 20 р., въ училищахъ по 17 р. [4]). Въ псковской еп. было изыскано съ 66 года 5 тыс. р. мѣстныхъ средствъ и жалованье наставникамъ сем. увеличено до 500 р. (вм. 321 р.), а въ училищахъ каждому учителю прибавлено по 100 р.; остальная сумма шла на учениковъ [5]). Въ костромской еп. духовенство и старосты церковные согласились въ 66 году вносить на уч. заведенія изъ общихъ церковныхъ доходовъ до 45 тыс. р. вмѣсто прежняго свѣчного сбора ок. 24 т.; жалованье ректору сем. по новой смѣтѣ увеличено было до 700 р., наставникамъ до 600 р., инспектору до 350 р., смотрителямъ училищъ до 350 р., учителямъ до 250—300 р., сумма на сод. дома увеличена до 2900 р. (вм. 1142 р.), на учениковъ прибавлено по нѣскольку рублей [6]). Въ харьковской еп. съ 66 года на мѣстныя средства оклады были возвышены въ семинаріи ректору и учителямъ до 400 р., въ училищахъ смотрителю до 200 р., старшимъ учителямъ до 350 р., и младшимъ до 300 р., уче-

---

[1]) Дѣло К. С. С. 1865 г. № 2551.

[2]) Дѣла К. С. С. 1866 г. №№ 2257/309, 2437/1343. Ист. спб. сем., стр. 501.

[3]) Дѣло К. С. С. 1865 г. № 2538.

[4]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2214/117.

[5]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2258/308.

[6]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2268/358.

никамъ семинаріи до 60 р., училищнымъ бурсакамъ до 50 р. [1]). Въ воронежской еп. съ 66 года свѣчной доходъ былъ увеличенъ на 22 тыс. р., которыя и были обращены на возвышеніе окладовъ [2]). Въ саратовской еп. духовенство изъ общихъ церковныхъ доходовъ съ 66 года пожертвовало до 9000 р., изъ чего оклады наставникамъ было увеличены на 100 р., а ученикамъ на 10 р. [3]). Подольская епархія подняла доходы въ 66 году съ 28 т. до 46 тыс.; жалованье преподавателямъ сем. было увеличено до 600 р., учителямъ училищъ до 300, 325, 350 р. [4]). Новгородская епархія въ 66 году пожертвовала ок. $7^1/_2$ тыс. ежегодныхъ сборовъ, при чемъ жалованье ректору и старшимъ наставникамъ сем. увеличивалось на 271 р., младшимъ наставникамъ сем. на 171 р, учителямъ училищъ на 120 и 95 р. [5]). Духовенство бѣдной олонецкой еп. рѣшило въ концѣ 66 года удѣлить изъ церковныхъ доходовъ 1269 р. на уч. заведенія [6]); но по скудости средствъ здѣсь еще раньше Св. Синодъ разрѣшилъ употребить на улучшеніе положенія наставниковъ и учениковъ остатки отъ неполнаго комплекта казеннокоштныхъ и наставниковъ [7]). Въ самарской епархіи изыскано было съ 1867 года новыхъ средствъ свыше 11 тыс. р. [8]). Въ курской еп. съ 67 года жалованье наставникамъ семин. увеличено на мѣстныя суммы до 600 р., смотрителямъ до 350 р., училищнымъ учителямъ до 300, 200 и 166 р. [9]). Въ архангельской еп. съ 67 года было возвышено жалованье ректору и наставникамъ сем. до 600 р., учителямъ училищъ до 350, 325 и 300 р., оклады семинаристовъ — до 60 р. [10]). Въ вятской епархіи съ 67 года уч. заведенія стали содержаться на мѣстныя средства, при чемъ смѣта былъ увеличена съ $39^1/_2$ тыс. до $52^1/_2$ тыс. р.; жалованье наставникамъ семинаріи было положено по 750 р.—900 р. старшимъ и по 500—600 р. младшимъ; смотрителю училища въ Вяткѣ—750 р., въ другихъ училищахъ—по 343 р.; учителямъ училищъ въ Вяткѣ по 500, 343 и 300 р.,

[1]) Дѣло К. С. С. 1865 г. № 2557.
[2]) Дѣло К. С. С. 1865 г. № 2499/1760.
[3]) Дѣло К. С. С. 1866 № 2306/634.
[4]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2369/924.
[5]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2426/1280.
[6]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2554/1891.
[7]) Дѣло К. С. С. 1865 г. № 2556.
[8]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2487/1578.
[9]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2436/1344.
[10]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2370/925.

въ другихъ училищахъ по 300 и 250 р. [1]). Кіевская епархія съ 67 года изыскала новыхъ средствъ ок. 11 тыс. р. [2]) Въ тульской еп. въ этомъ году новая мѣстная смѣта была на 13 тыс. больше старой, и наставники сем. получили по 600 р. (вм. 286 р.), ученики сем. по 60 р., учителя училищъ по 350, 300 и 215 р. [3]). Въ ярославской еп. въ 67 году доходы были увеличены до 47 тыс. (вм. 33 т.) и сообразно съ этимъ составлена мѣстная смѣта [4]). Въ тверской епархіи въ 67 году школьныя суммы возросли изъ церковныхъ доходовъ на 8 тыс. р.[5]); въ екатеринославской еп. — на 14 тыс. [6]). Въ орловской еп. съ 67 года наставники стали получать въ сем. по 500 р. + 80 р. кварт., въ училищахъ по 250 р. [7]). Во владимірской епархіи съ того-же года, при передачѣ содержанія уч. завед. на мѣстныя средства, ректоръ сем. сталъ получать 400 р., наставники по 600 р. смотрителя по 300 р., учителя училищъ по 300, 280, 250 р., ученики сем. по 55 р., учен. училищъ—36 р. [8]). Въ вологодской сем., при изысканіи съ 67 года новыхъ средствъ до 13 тыс., ректоръ получилъ 400 р., наставники сем. 450 р., учителя училищъ 280 и 225 р. [9]). Въ херсонской еп. смѣта дух. уч. зав. въ 67 году была увеличена на 14 т., и ректору назначено жалованье 800 р., наставникамъ по 700 р., учителямъ уч. прибавлено по 180 и 150 р., смотрителямъ по 200 р. [10]). Въ нижегородской еп. съ того-же года наставникамъ сем. прибавлено изъ мѣстныхъ суммъ (до 11 тыс. р.) жалованья по 300 р., учителямъ учил. по 150 р. [11]); въ уфимской еп., при изысканіи 3½ тыс. новыхъ средствъ, жалованье въ сем. возвысили до 500 р., въ училищахъ —до 300 р. [12]). Въ калужской еп. вмѣсто прежней цифры свѣчныхъ сборовъ 16665 р. съ 1867 г. изыскано доходовъ 34,731 р., и жалованье наставникамъ сем. увеличено до 500 р., учителямъ учил. до

---

[1]) Дѣло К. С. С. 1867 г. № 1517/608.
[2]) Дѣло К. С. С. 1867 г. № 47/1407.
[3]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2585/2048.
[4]) Дѣло К. С. С. 1867 г. № 1419.
[5]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2572/1988.
[6]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2544/1891.
[7]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2296/562.
[8]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2536/1775.
[9]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2513/1692.
[10]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2494/1613.
[11]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2495/1614.
[12]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2491/1584.

275, 250 и 225 р. [1]). Тамбовская епархія въ 67 году увеличила свои доходы больше, чѣмъ на 20 тыс. и, по принятіи содержанія уч. заведеній на свои средства, увеличила жалованье ректору до 600 р., инспектору сем. до 300 р., наставникамъ сем. до 750 р., смотрителямъ училищъ до 400 р., учителямъ до 350 р., оклады ученикамъ въ сем. до 60 р., въ учил.—до 40 р. [2]). Иркутская епархія съ 68 года увеличила содержаніе ректору до 700 р., наставникамъ до 600 р. смотрителю до 500 р., учителямъ до 400 и 350 р., окладъ учен. въ сем. до 90 р., въ училищахъ до 80 р.; свѣчные доходы здѣсь предполагалось возвысить черезъ увеличеніе цѣны на свѣчи съ 24 т. до 41 т. [3]).

Семинаріи и училища продолжали пользоваться этими прибавочными окладами вплоть до преобразованія ихъ по новому уставу, хотя обычно при разрѣшеніи принять содержаніе уч. заведеній на мѣстныя средства мѣра эта дозволялась „въ видѣ опыта" на 3 года. Всего, по словамъ оберъ-прокурорскихъ отчетовъ, было пожертвовано епархіями въ пользу дух.-уч. заведеній въ 1866 году 27-ью епархіями 34,200 руб. единовременно и 355,303 руб. ежегодно, а въ 1867 г. 11-ью епархіями—около 70,000 р. ежегодно [4]). Сами по себѣ средства эти были значительны; во многихъ мѣстахъ они оказали весьма существенную поддержку школьному дѣлу. Но тѣмъ не менѣе этотъ опытъ приведенія въ исполненіе проэкта комитета 1860—1862 гг. какъ нельзя лучше доказывалъ необоснованность надеждъ послѣдняго. 38 епархій могли дать всего 425 тыс. руб., да и то не свѣчного только дохода, а изъ всѣхъ церковныхъ сборовъ (свѣчной доходъ увеличился за 1866—1868 гг. на 300 тыс.[5]); остальныя епархіи, очевидно, дать почти ничего не могли, такъ какъ были бѣдны и малолюдны. Значитъ при всей интенсивности энергіи духовенства, едва ли, дѣйствительно, увеличеніе школьныхъ суммъ изъ мѣстныхъ источниковъ могло подняться много выше $^1/_2$ милл. И въ частности, улучшеніе положенія наставниковъ и учениковъ при помощи мѣстныхъ средствъ далеко не достигло

---

[1]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 2488/1579.

[2]) Дѣло К. С. С. 1866 г. № 3283/441.

[3]) Дѣло К. С. С. 1867 г. № 1600/1084.

[4]) Изъ отч. об.-пр. 1866 г., стр. 78—79; 1867 г., стр. 115.

[5]) См. въ приложеніяхъ къ отч. об.-пр. за 1866, 67 и 68. гг. таблицы свѣчного дохода.

соотвѣтствія съ потребностями дѣйствительности и съ штатами свѣтскихъ училищъ. Съ другой стороны указанный опытъ еще и въ другомъ отношеніи оправдалъ дѣлавшіяся противъ комитетскаго плана возраженія. Школьные оклады въ разныхъ епархіяхъ сдѣлались весьма неравномѣрны. Напримѣръ, въ то время какъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ преподаватели стали получать по 600—700 р. [1]) (+классный окладъ и кварт. пособіе), въ другихъ они получили лишь по 400 руб. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что подобная же неравномѣрность наблюдалась и по всѣмъ другимъ статьямъ обезпеченія дух.-уч. заведеній, при чемъ она зависѣла не отъ различія въ дороговизнѣ жизни, а только отъ различной состоятельности епархіи.

Рядомъ съ временными мѣрами къ улучшенію матеріальнаго положенія дух.-уч. заведеній въ переходное время съ 65 года до введенія новаго устава были сдѣланы нѣкоторыя попытки и учебнаго преобразованія. Иниціатива здѣсь опять исходила отъ смоленскаго преосв. Антонія. Уже вт вышеуказанномъ ходатайствѣ 64 года онъ просилъ позволенія исключить изъ сем. курса естеств. исторію, сельское хозяйство и медицину и получилъ на это разрѣшеніе вмѣстѣ съ одобреніемъ его экономическаго плана. Вслѣдъ за тѣмъ въ февралѣ 1865 года пр. Антоній вошелъ съ ходатайствомъ уже о болѣе широкихъ учебныхъ преобразованіяхъ въ смоленской семинаріи. Давая отзывъ о проэктахъ комитета 60—62 гг., онъ писалъ, что по его убѣжденію самое лучшее возвратиться къ уставу 1814 года, который, не обременяя учениковъ множествомъ предметовъ, давалъ самое разумное умственное развитіе. Учащіеся по этому уставу, говорилъ преосвященный, не пріобрѣтали особенно много положительныхъ знаній, но зато пріобрѣтали общее умственное развитіе въ такой степени, что дѣлались способными къ занятію какимъ угодно предметомъ. Если и были недостатки въ прежнемъ образованіи, то они зависѣли не отъ системы, а отъ внѣшнихъ

[1]) При классныхъ окладахъ, кв. деньгахъ и добавочныхъ должностяхъ въ иныхъ семинаріяхъ (впрочемъ единичныхъ) наставники стали получать теперь почти столько, сколько по введеніи новаго устава. Наприм., въ вятской сем. съ 67 года ректоръ получалъ 1900 руб., инспекторъ 1500 р. наставники—одинъ 1420 руб., другой—1050 р., третій—1021 р., четвер.—981 руб., три по 971 руб., 1—870 руб., 1—751 руб., 3 по 600 руб. (Отч. о рев. вят. 71 г.).

условій. Преобразованіе 1840 и 1851 годовъ расшатало прежнія основы и дало самые неблагопріятные результаты. Преосвященный приводилъ данныя своего собственнаго служебнаго опыта, какъ на его глазахъ рѣзко различались курсы прежняго и новаго образованія. Сравнивая три преемственныхъ курса семинаристовъ, изъ которыхъ первый дошелъ отъ прежняго порядка, второй застигнутъ былъ протасовскимъ преобразованіемъ въ среднемъ отдѣленіи, а третій съ низшаго отдѣленія учился по новому порядку, преосвященный находилъ въ нихъ поразительное различіе. Въ первомъ, при необширномъ запасѣ положительныхъ свѣдѣній, онъ видѣлъ значительную умственную зрѣлость и развитость; второй значительно уступалъ первому въ послѣднихъ качествахъ, хотя и имѣлъ больше положительныхъ свѣдѣній; третій же далъ до крайности неразвитыхъ и незрѣлыхъ юношей, съ трудомъ усвоявшихъ сколько нибудь трудные и отвлеченные предметы, въ сочиненіи весьма слабыхъ и неопытныхъ, въ добавокъ съ утомленнымъ вниманіемъ и апатіею къ наукѣ, что было естественнымъ слѣдствіемъ многопредметности. При такомъ выгодномъ отличіи устава 1814 года отъ протасовской системы, пр. Антонію и казалось самымъ лучшимъ къ нему вернуться. Онъ находилъ возможнымъ оставить и прежніе двухгодичные курсы (изъ практическихъ соображеній) и прежнее раздѣленіе училищъ. Поэтому онъ находилъ нужнымъ исключить и остальныя протасовскія науки—православное исповѣданіе, ученіе о богосл. книгахъ, патристику; въ замѣнъ же того расширить преподаваніе философіи, прибавивъ физіологію (это уже изъ устава 62 года), метафизику и исторію философіи, а также ввести преподаваніе народной педагогики. Затѣмъ преосвященный полагалъ распредѣленіе наукъ между наставниками сдѣлать на болѣе педагогическихъ основаніяхъ; дать прежнюю группировку предметамъ по классамъ (по уставу 1814 года), введя лишь во второй годъ сем. курса повтореніе ариѳметики и во всѣхъ отдѣленіяхъ св. Писаніе; языки еврейскій и новые сдѣлать обязательными; усилить преподаваніе славянскаго языка и древнихъ языковъ въ училищахъ. Но въ области учебной администраціи пр. Антоній, не считая необходимымъ педагогическій совѣтъ, полагалъ все таки уже сдѣлать отступленіе отъ устава 1814 года и допустить въ семинарское правленіе по учебнымъ вопросамъ старшихъ наставниковъ и 2—3 лицъ изъ духовенства. Дѣленіе наставни-

ковъ на старшихъ и младшихъ онъ предполагалъ сдѣлать такъ, чтобы тѣхъ и другихъ было по половинѣ; старшимъ наставникамъ усвоялась прибавка къ жалованію въ семинаріяхъ по 120 р., въ училищахъ по 60 р.—Св. Синодъ опредѣленіемъ 22 сент./4 окт. 1866 года разрѣшилъ пр. Антонію привести съ 1865 года въ исполненіе его предположенія въ смоленской еп., въ видѣ опыта [1]). Впрочемъ, преобразованіе учебной части въ такомъ широкомъ видѣ было допущено, до изданія новаго устава, только въ смоленской семинаріи. Въ другихъ епархіяхъ, при отнесеніи содержанія ихъ уч заведеній на епархіальныя средства, сначала дозволялось лишь иногда закрытіе классовъ сельскаго хозяйства и медицины; потомъ, по особомъ обстоятельствомъ, эта мѣра сдѣлалась всеобщей, вмѣстѣ съ другой мѣрой—введеніемъ педагогики въ семинаріяхъ. Мысль о необходимости изученія педагогики семинаристами въ духовномъ вѣдомствѣ назрѣвала уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ духовенство призвано было къ дѣлу народнаго образованія. Комитетъ 60—62 года воплотилъ уже въ своемъ уставѣ эту мысль въ реальныя формы. Въ срединѣ 60-хъ годовъ обстоятельства особенно заставили поторопиться съ этимъ нововведеніемъ. Тогда въ высшихъ сферахъ шла борьба за то, кто будетъ руководителемъ народнаго образованія, — по прежнему ли духовенство или мин. нар. просв. [2]). Духовное вѣдомство старалось сохранить за собою по крайней мѣрѣ свои старыя церковно-приходскія школы. Съ цѣлью закрѣпить за духовенствомъ право на народное учительство и была экстренно введена педагогика въ семинаріяхъ. Работавшее въ то время особое высочайше учрежденное присутствіе по дѣламъ православнаго духовенства журналомъ своимъ отъ 2-го февраля 1866 года, принимая во вниманіе, что въ отзывахъ почти всѣхъ епархіальныхъ начальствъ выражено было желаніе подчинить дѣло нар. образованія вѣдѣнію духовенства, или по крайней мѣрѣ предоставить ему въ немъ ближайшее участіе, признало нужнымъ принять слѣдующія мѣры. Оно постановило ходатайствовать, чтобы церковно-приходскія школы были предоставлены въ полное вѣ-

---

[1]) Дѣло К. С. С. 1865 г. № 2454, Въ печатн. видѣ докладъ пр. Антонія—въ Ист. смол. сем., стр. 402—418.

[2]) Борьба эта началась вскорѣ же послѣ освобожденія крестьянъ, когда возникъ вопросъ о просвѣщеніи освобожденнаго народа. См. отраженіе этой борьбы въ письмахъ м. Фил. къ Антонію, IV, стр. 333.

дѣніе духовенства, тогда какъ по общему положенію о народныхъ училищахъ 14 іюля 1864 года наблюденіе за преподованіемъ свѣтскихъ предметовъ вообще въ начальныхъ школахъ возлагалось на уѣздные и губернскіе училищные совѣты, и предоставить духовенству безконтрольное преподаваніе закона Божія въ свѣтскихъ школахъ и наблюденіе за ихъ нравственнымъ направленіемъ; а въ виду педагогической дѣятельности духовенства тогда же отмѣнить преподаваніе въ семинаріяхъ медицины, ест. исторіи и сельскаго хозяйства и ввести вмѣсто того педагогику, назначивъ для того особаго преподавателя и открывъ для практическихъ занятій семинаристовъ воскресныя школы при семинаріяхъ. Журналъ Присутствія получилъ утвержденіе 27 февраля 66 года [1]), и преподаваніе педагогики въ томъ же году было введено въ семинаріяхъ.

Комитетъ о преобразованіи дух.-учебн. заведеній 66—67 гг.

Параллельно съ усиленной дѣятельностью епархій на пользу своихъ дух.-уч. заведеній и разными частичными опытами нѣкоторыхъ преобразованій, между тѣмъ энергично разрабатывался вопросъ о реформѣ и въ центральномъ управленіи. Гр. Д. А. Толстой на временныя мѣры и палліативы большихъ надеждъ никогда не возлагалъ. Частичные опыты къ улучшенію положенія духовной школы, по его мнѣнію, не могли разрѣшить этого вопроса, нуждавшагося въ коренномъ пересмотрѣ [2]). Поэтому, какъ мы видѣли, оберъ-прокуроръ и хлопоталъ о казенномъ пособіи, а по полученіи послѣдняго немедленно далъ движеніе самому дѣлу о преобразованіи.

Предъ учрежденнымъ въ мартѣ 1866 года комитетомъ о преобразованіи дух. уч. заведеній лежала та-же задача, что и предъ комитетомъ 60—62 гг. На него возлагалась обязанность разсмотрѣть епархіальные отзывы о трудахъ своего предшественника—комитета пр. Димитрія и составить новый семин. уставъ. Со стороны предварительной подготовки дѣла комитетъ 66 года находился въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ преж-

[1]) Дѣло Д. У. У. 1866 г. № 321.

[2]) Всеподд. докл. зап. 65—66 г., стр. 40—41.

ній. Въ то время, какъ послѣдній имѣлъ въ своемъ распоряженіи мнѣнія и отзывы однихъ бюрократическихъ органовъ—епарх. преосвященныхъ и ректоровъ, предъ комитетомъ 66 года были мнѣнія всей духовно-педагогической среды. Такая перемѣна въ постановкѣ дѣла произошла вслѣдствіе того, что труды комитета 60—62 гг. обсуждались въ епархіяхъ большею частью въ особыхъ епархіальныхъ комитетахъ, образованныхъ изъ наставниковъ мѣстныхъ семинарій, смотрителей училищъ и наиболѣе просвѣщенныхъ лицъ епархіальнаго духовенства. Мнѣнія семинарскихъ корпорацій и епархіальныхъ комитетовъ были представлены преосвященными въ Синодъ вмѣстѣ съ ихъ собственными мнѣніями, при чемъ представлялись и отдѣльныя мнѣнія разныхъ лицъ, входящихъ въ совѣщательные комитеты. Съ другой стороны работа, предстоящая новому комитету, и потому была болѣе подготовлена, что онъ имѣлъ уже готовый проэктъ устава 1862 года, въ которомъ нѣкоторые вопросы были рѣшены удовлетворительно и недостатки котораго въ то-же время были освѣщены съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ людьми, непосредственно стоящими у школьнаго дѣла.

Въ мнѣніяхъ и отзывахъ епархіальныхъ преосвященныхъ и еп. комитетовъ нашли себѣ оцѣнку всѣ стороны плана комитета 60—62 гг. [1]). Оцѣнка это была далеко не благопрі-

---

[1]) Эти отзывы содержатся въ дѣлѣ Канц. Об.-Прок. 1-го отдѣл. 2-го ст. 1866 г. № 395, Приложенія, Ч. I (на 714 лл.), Ч. II (на 806 лл.) и Ч. III (на 712 лл.). Дабы въ дальнѣйшемъ не повторять цитаты, укажемъ на содержаніе этого дѣла. Въ Ч. I помѣщены мнѣнія (съ мнѣніями и епарх. комитетовъ и корпорацій) еп. тамбовскаго Ѳеофана, еп. смоленскаго Антонія, еп. псковскаго Ѳеогноста, архіеп. витебскаго Василія, еп. самарскаго Ѳеофила, еп. ковенскаго Александра, викарія литов. еп., архіеп. ярослав. Нила, архіеп. тобольск. Варлаама, еп. таврическаго Алексія, архіеп. кишиневскаго Антонія, еп. орловскаго Поликарпа, архіеп. харьков. Макарія, архіеп. подольскаго Иринарха, архіеп. чернигов. Филарета, архіеп. иркутскаго Парѳенія; во II—части конференціи кіевской академіи и м. кіев. Филарета, ставропольскаго еп. комитета, еп. пензенскаго Антонія, еп. олонецкаго Аркадія, еп. рязанскаго Иринарха, еп. архангельскаго Наѳанаила, еп. нижегородскаго Нектарія, еп. екатеринославскаго Платона, конференціи казанской академіи, еп. саратовскаго Іоанникія, еп. курскаго Сергія, еп. калужскаго Григорія, еп. вятскаго Агаѳангела, архіеп. пермскаго Неофита, архіеп. минскаго Михаила, архіеп. рижскаго Платона, еп. владимірскаго Ѳеофила; въ III части—архіеп. тверскаго Филофея, еп. костромскаго Платона, еп. тульскаго Никандра, конференціи спб. академіи, новгородскаго еп. комитета, спб. еп. комитета, Экзарха

ятная. Правда, совсѣмъ отрицательно отнеслись къ проэкту устава 62 года очень немногіе. Только тверскій еп. комитетъ нашелъ, что кромѣ неосуществимыхъ предположеній въ этомъ уставѣ новаго ничего нѣтъ, да конференція спб. академіи высказалась, что проэктъ ни въ какомъ отношеніи не удовлетворяетъ современнымъ потребностямъ. Также точно немногіе высказались и совсѣмъ одобрительно о новомъ уставѣ, хотя бы только съ теоретической стороны. Такъ, лишь корпорація литовской сем. нашла уставъ прекраснымъ по идеѣ, да тобольскій еп. комитетъ, экзархъ Грузіи и архіеп. кишиневскій признали его удовлетворительнымъ и соотвѣтствующимъ цѣли. Но большинство отзывовъ, не высказываясь рѣшительно ни за ни противъ устава въ цѣломъ, указывали въ немъ многіе дефекты какъ принципіальные, такъ и детальные, которые во всякомъ случаѣ дѣлали необходимымъ коренной пересмотръ проэкта 62 г.

Въ частности по части учебной епархіальныя мнѣнія представляли слѣдующія соображенія. Главная мысль преосв. Димитрія касательно организаціи духовно-учебнаго курса—о соединеніи училищъ съ семинаріями, какъ и слѣдовало ожидать, почти ни въ комъ не встрѣтила сочувствія. Всѣ указывали на ея практическую неосуществимость, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, вслѣдствіе недостатка средствъ на перестройку зданій, а нѣкоторые и по существу находили мысль о соединеніи училищъ совершенно непригодною, такъ какъ это поведетъ къ непомѣрному многолюдству и смѣшенію учащихся разныхъ возрастовъ. По словамъ московскаго комитета, это едва-ли не самое неудачное мѣсто въ уставѣ 62 г., предлагающее возвратиться къ старому порядку XVIII вѣка, справедливо осужденному еще комитетомъ 1808 г. Но возражая противъ проэкта соединенія училищъ, епархіальныя мнѣнія въ очень рѣдкихъ случаяхъ высказывались отрицательно о разграниченіи курса общеобразовательнаго и богословскаго (только ставропольскій еп. ком. считалъ лучшимъ общеобразовательный и богословскій курсъ провести параллельно). Однако относительно способовъ достиженія послѣдней цѣли не всѣ были согласны между собою. Въ то время какъ одни

Грузіи Евсевія, архіеп. кишиневскаго Антонія о высшемъ дух. уч. управленіи, московскаго еп. комитета и м. Филарета (мнѣніе м. Филарета см. въ собр. мн. и отзывовъ, т. V, стр. 850—862).

(напримѣръ москов. комитетъ) находили наилучшимъ вернуться здѣсь къ уставу 1814 года, очистивъ его отъ протасовскихъ плевелъ, другіе предлагали создать отдѣльныя богословскія школы—семинаріи и духовныя гимназіи. При этомъ во второмъ мнѣніи опять рѣзко различались два направленія. Одно видѣло задачу духовной школы исключительно въ богословскомъ образованіи и школы общеобразовательныя не считало необходимыми; другое же, напротивъ, считало одинаково необходимыми и общеобразовательныя духовныя училища и богословскія. Первое мнѣніе высказано было наиболѣе ярко витебскимъ архіеп. Василіемъ. По его мнѣнію, комитетъ 60—62 гг. хотѣлъ соединить интересы сословные съ интересами церкви; но эти интересы должны быть раздѣлены. Интересы церкви требуютъ спеціальныхъ богословскихъ школъ и ихъ надо создать прежде всего. Общеобразовательныя же школы въ нѣкоторыхъ епархіяхъ окажутся ненужны, а гдѣ будутъ нужны, то лучше устроить ихъ по образцу гимназій. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію преосв. Василія, если уже преобразовывать школу, то именно радикально, а не штукатурить старое зданіе. Второе мнѣніе нашло себѣ выразителя въ лицѣ харьковскаго архіеп. Макарія (Булгакова, впосл. митр. московскаго). По его мысли, соединеніе семинарій и училищъ повело бы къ великому неудобству въ экономическомъ и административномъ отношеніи, какъ основательно замѣчали Гаевскій и Филипповъ. Гораздо удобнѣе поэтому оставить ихъ въ прежнемъ раздѣленномъ видѣ, преобразовавъ училища въ гимназіи, а семинаріи сдѣлавъ спеціально богословскими школами. Духовныя гимназіи должны быть всесословными и потому содержаться на счетъ государственный. При этомъ можно, полагалъ пр. Макарій, или оставить ихъ въ духовномъ вѣдомствѣ, или передать въ вѣдомство мин. нар. просв., съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы преподаватели и начальники ихъ назначались изъ духовныхъ академій и почетнымъ блюстителемъ въ нихъ былъ архіерей. Вмѣстѣ съ этимъ, по плану пр. Макарія, слѣдовало предоставить духовенству отдавать дѣтей и въ другія уч. заведенія, а доступъ въ семинарію открыть всѣмъ лицамъ съ среднимъ образованіемъ. Семинаріи и академіи въ такомъ случаѣ стали бы содержаться на церковный счетъ. Если духовныя гимназіи будутъ существовать отдѣльно отъ семинарій (хотя бы и въ дух. вѣдомствѣ), то въ нихъ во всякомъ случаѣ должны быть

особые начальники. При этомъ нельзя не пожелать, чтобы духовныя гимназіи были по возможности приближены къ свѣтскимъ; а для этого въ нихъ не надо посылать ни директоровъ, ни наставниковъ дух. сана, кромѣ законоучителя, хотя всѣ служащіе и должны быть изъ академиковъ. Гимназіи отъ этого не потеряютъ ничего, а выиграютъ много. Теперь многіе родители предубѣждены противъ духовенства, а тогда общество будетъ смотрѣть на духовныя гимназіи другими глазами.—Что касается самой продолжительности проэктируемаго комитетомъ 60—62 гг. курса, то многіе епархіальные отзывы находили его излишне длиннымъ. По мнѣнію архіеп. харьков. Макарія, курсъ гимназіи можно было сократить на одинъ годъ; по мнѣнію наставниковъ лятовской сем. общеобразовательный курсъ можно было уменьшить до 5–6 лѣтъ; еп. тульскій и орловскій и конференція казан. академіи считали достаточнымъ вмѣсто 12 лѣтъ положить всего 10, ставропольскій комитетъ—8 лѣтъ [1]). Противъ одногодичныхъ классовъ нѣкоторые возражали съ точки зрѣнія практической исполнимости этого проэкта при существующихъ зданіяхъ; но только м. м. Филаретъ съ принципіальной точки зрѣнія теперь находилъ, что двухгодичные классы лучше, такъ какъ дѣлаютъ ученіе болѣе систематическимъ и вліяніе наставника постояннымъ.

Относительно состава учебнаго курса весьма многія епарх. мнѣнія указывали на тотъ общій недостатокъ комитетскаго плана 62 года, что онъ не избѣжалъ прежней многопредметности, составлявшей одно изъ главныхъ золъ протасовской системы (псков., яросл., тобольск., таврич., орлов., черниговъ. иркутск., кіев. акад., ставропольск., нижегород., казан. акад., курск., калуж., минск., спб. акад., новгород., москов.). Для устраненія этого недостатка рекомендовались и разныя средства. Почти во всѣхъ такихъ рекомендаціяхъ указывалось на возможность сократить семинарскій курсъ на счетъ класси-

[1]) Что касается мысли объ обязательномъ предварительномъ служеніи семинаристовъ псаломщиками и діаконами, то она встрѣтила себѣ одобреніе со стороны нѣкоторыхъ видныхъ архипастырей, какъ напр. Филарета черниговскаго и Макарія харьковскаго. Но послѣдній находилъ для этого необходимымъ сначала улучшить, возвысить и облагородить положеніе низшихъ церковныхъ служителей. Болѣе многіе отзывы, однако, находили требованія преосвящ. Димитрія неудобоисполнимыми и слишкомъ строгими.

ческихъ языковъ и нѣкоторыхъ богословскихъ предметовъ протасовской формаціи; напротивъ, не мало голосовъ поднималось на защиту изгнанной комитетомъ математики [1]). Такъ, преподаватели самарской сем. считали полезнымъ отмѣнить преподаваніе лат. и греч. языковъ; корпорація лит. сем. находила, что эти языки совершенно безполезны въ низшихъ училищахъ, такъ какъ для развитія разсудка могутъ служить и другія науки (напр. математика); излишними казались ей также метафизика и обязательное преподаваніе еврейскаго языка. По мнѣнію симферопольскаго комитета, можно бы сдѣлать обязательнымъ одинъ древній языкъ. По мнѣнію еп. орловскаго, патристика, основное богословіе, герменевтика, гомилетика, пасхалія, физіологія, физическая географія удобно могутъ быть соединены съ другими предметами и излишни въ качествѣ особыхъ наукъ. Духовные наставники харьковской семин. находили, что древніе языки безполезны, какъ показалъ опытъ; Филаретъ архіеп. черниგов. полагалъ излишними литургику, гомилетику и каноническое право; конференція кіевской академіи находила, что можно исключить физіологію, уставъ соединить съ литургикой, изъ древнихъ и новыхъ языковъ сдѣлать обязательными для всѣхъ только по одному древнему и новому. Ставропольскій комитетъ считалъ излишними обличительное богословіе, патристику, гомилетику, каноническое право и пастырское богословіе и необходимой математику. Архангельскій комитетъ на основаніи анкеты среди священнослужителей полагалъ, что классическіе языки большею частью безполезны; потому не нужно ихъ дѣлать общеобязательными. По мнѣнію нижегородскаго комитета излишни гомилетика, патристика, обличительное богословіе, пасхалія, уставъ, евр. языкъ, и необходимо изученіе математики; изъ древнихъ и новыхъ языковъ только по одному слѣдуетъ сдѣлать обязательными, но вмѣсто того ввести естественныя науки въ объемѣ гимназическаго курса. Конференція казанской академіи считала нужнымъ исключить метафизику, физіологію, физическую географію, основное богословіе и педагогику (послѣдняя совмѣщается въ пастырскомъ богословіи) и включить мѣстные языки. По мнѣнію наставниковъ калужской сем., такъ какъ языки большей частью безполезны,

---

[1]). Хотя нѣкоторыя мнѣнія соглашались на счетъ послѣдней и съ комитетомъ 62 года (наставники псков. сем.).

то достаточно сдѣлать обязательными одинъ древній и одинъ новый; по мнѣнію минскаго преосвященнаго языки и гомилетику надо было сократить, логику и метафизику исключить, а математику необходимо изучать. Такимъ образомъ при всемъ разнообразіи мнѣній о сокращеніи курса, въ нихъ ясно слышались тѣ-же господствующіе мотивы, что и въ отзывахъ 1859 года—о малополезности языкознанія и излишней дробности богословскихъ наукъ.

По части воспитательной епархіальные отзывы почти съ полнымъ единодушіемъ указывали на слабыя стороны комитетскаго проэкта 62 г. Огромныя общежитія, предполагаемыя комитетомъ, казались весьма многимъ и практически неосуществимыми и главное — вредными въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ соединяютъ дѣтей разныхъ возрастовъ и способствуютъ распространенію дурныхъ примѣровъ (лит. сем., архіеп. подольскій, харьков. наставники, кіев. акад., ставропол. ком., нижегор. ком., казан. ак , калуж. комит., тульск.). Конференція казанской академіи утверждала, что опытъ показываетъ, что ученики, живущіе въ общижитіяхъ, въ правственномъ отношеніи не выше, а даже ниже квартирныхъ. И большинство во всякомъ случаѣ находило, что помѣщеніе учениковъ въ общежитія не нужно дѣлать обязательнымъ, а предоставить на волю родителей. Также точно съ большимъ единодушіемъ высказывались епархіальныя мнѣнія противъ того монашескаго режима, какой проэктировался въ уставѣ 62 г. Такъ, корпорація литов. сем. нашла нравственную часть разсматриваемаго проэкта слишкомъ строгой; архіеп. ярославскій указывалъ, что разобщеніе воспитанниковъ съ міромъ сдѣлаетъ ихъ неприготовленными къ жизни; преосв. тобольскій находилъ частое богослуженіе излишнимъ. По мнѣнію еп. таврическаго Алексія обязательность благочестивыхъ упражненій для учениковъ общеобразовательныхъ классовъ можетъ поселить въ нихъ только равнодушіе и холодность къ вѣрѣ, а весь проэктируемый режимъ приведетъ къ лицемѣрію. Конференція кіевской академіи разсуждала, что лучше одинъ день въ недѣлю быть у богослуженія, но съ душевнымъ расположеніемъ; что внутреннюю жизнь воспитанниковъ нельзя регламентировать формальными правилами, что желаніе подвергнуть надзору самую душу питомцевъ приведетъ только къ фарисейству; что вообще дѣтямъ и юношамъ ставятся слишкомъ высокія нравственныя задачи. Также точно находили подвижническій уставъ коми-

тета 62 года бременемъ неудобоносимымъ, развивающимъ фарисейство и приносящимъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, наставники харьков. сем., преосв. пензенскій, конференція казан. акад., калужскій, тверскій, новгородскій и московскій комитеты. Многіе указывали также на то, что требованія, предъявляемыя къ воспитателямъ (особ. комнатн. надзир.), слишкомъ идеальны; что требовать преподаванія свѣтскихъ наукъ въ религіозномъ духѣ неразумно, какъ равно совершенно излишне искать наставниковъ непремѣнно въ духовномъ санѣ.

Относительно преобразованія высшаго духовно-учебнаго управленія отзывы лицъ и учрежденій, удостоившихся быть призванными къ обсужденію этого „конфиденціальнаго" вопроса, замѣтно расходились въ двухъ направленіяхъ. Въ то время, какъ архіереи высказывались почти цѣликомъ за проектъ комитета 62 г., академическія конференціи этимъ проектомъ были далеко не довольны. Изъ преосвященныхъ по этому вопросу подали свои мнѣнія еп. смоленскій Антоній, архіеп. харьковскій Макарій, архіеп. черниговскій Филаретъ, архіеп. рижскій Платонъ, еп. тамбовскій Ѳеофанъ, архіеп. тверскій Филофей, Экзархъ Грузіи Евсевій, архіеп. кишиневскій Антоній. Архіеп. смоленск. Антоній вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе комитета о вредѣ многоначалія и о томъ, что существовавшій въ протасовскую эпоху административный строй былъ причиною застоя и мертвенности въ учебномъ дѣлѣ. Комитетъ пр. Димитрія справедливо замѣчалъ, что власть еп. архіерея парализуется Дух.-Уч. Управленіемъ. Преосв. Антоній съ своей стороны фактами изъ опыта кіев. акад. подтверждалъ такую роль Д. У. У—ія. Послѣднее, по словамъ еп. Антонія, во множествѣ случаевъ по своему произволу даже не доводило до свѣдѣнія Св. Синода поступающія отъ архіереевъ представленія по училищнымъ дѣламъ. Часто бывало, что Д. У. Управленіе отмѣняло распоряженія академической конференціи безъ всякаго основанія. Напр., въ 1853 году по окончаніи курса въ кіев. академіи конференціею, по указанію м. Филарета, были назначены въ кіевскую сем. двое наставниками и, такъ какъ наставниковъ не было, вступили въ должность. По Д. У. У—іе распорядилось иначе. Одинъ изъ назначенныхъ, изъ первыхъ студентовъ, изъ Кіева былъ переведенъ въ совсѣмъ другую епархію, а на его мѣсто назначенъ изъ другой епархіи смотритель-протоіерей, никогда не служившій въ семинаріи. Если такъ поступали съ Филаретомъ, то что же бывало съ другими ар-

хіереями, спрашивалъ Антоній. Подъ вліяніемъ такой практики наставники и ученики стали посылать жалобы въ Д. У. У—іе, наполненныя нерѣдко всякими инсинуаціями, и все это принималось и по всему этому требовались объясненія отъ архіереевъ. Академическое правленіе дѣйствительно, какъ говорилъ комитетъ 62 г., обратилось въ излишнюю передаточную инстанцію. Отъ этого дѣла крайне замедляются, представленіе идетъ чуть не по году, наставническія мѣста по много мѣсяцевъ остаются незамѣщенными. Даже во внутренней жизни академій власть акад. правленія парализуется Д. У. У—іемъ. Такъ, напримѣръ, въ кіевской академіи однажды выбылъ наставникъ церковной исторіи и чтеніе послѣдней временно поручено было наставнику патристики; Дух. У. У—іе по этому случаю сдѣлало замѣчаніе, зачѣмъ его не спросились. Въ другой разъ правленіе академіи приняло нѣсколько студентовъ до усмотрѣнія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Д. У. У—іе не утвердило этого распоряженія. Такой недостатокъ довѣрія къ академіямъ повелъ къ тому, что воспитанники академіи стали обращаться съ просьбами о мѣстахъ непосредственно въ высшую инстанцію. Помимо такой отрицательной роли, продолжалъ пр. Антоній, Д. У. У—іе вовсе не соотвѣтствуетъ своему назначенію, такъ какъ не имѣетъ ученаго характера и превратилось въ чистую канцелярію. Попытки его къ ученой и учебной дѣятельности даже чужими руками не увѣнчались успѣхомъ, какъ то показываетъ хотя бы примѣръ комитета для пересмотра конспектовъ. Что касается роли оберъ-прокурора, главнаго начальника Д. У. У—ія, въ учебной администраціи, то пр. Антоній соглашался на этотъ счетъ съ комитетомъ, что оберъ-прокуроръ инстанція только повидимому всѣмъ управляющая, а на самомъ дѣлѣ она большею частью посредствующая и лишь замедляющая дѣла. Вообще, говорилъ еп. Антоній, если нужно было сдѣлать изъ оберъ-прокурора только надзирателя за исполненіемъ законовъ, то для того не нужно было учреждать такую огромную канцелярію, какъ Д. У. У—іе, такъ какъ свою контрольную функцію оберъ-прокуроръ можетъ исполнять и безъ этого. А если нужно было почему либо создать особое министерство духовныхъ дѣлъ, превративъ св. синодъ въ совѣтъ министра оберъ-прокурора, то тогда не надо было ограничивать власть послѣдняго синодальною властью, а равно надо было и средства для этого дать отъ правительства. Не принося никакой пользы, эти посредствующія

инстанціи только замедляютъ и затрудняютъ дѣятельность св синода. Бываетъ, что учебники, напримѣръ, высылаются тогда, когда ученики оканчиваютъ курсъ этихъ наукъ. Наставники назначаются не Синодомъ, а оберъ-прокуроромъ, и распоряженія Синода иногда прямо отмѣняются. У Св. Синода нѣтъ органа, который бы исполнялъ ученыя и учебныя порученія; ревизіи не достигаютъ цѣли. Поэтому, говорилъ пр. Антоній, согласно съ мнѣніемъ комитета 62 г., надо епархіальныя уч. заведенія подчинить непосредственно архіерею и уничтожить всѣ посредствующія инстанціи между послѣднимъ и Синодомъ. Академическія правленія слѣдуетъ упразднить, но предоставить конференціямъ рекомендацію наставниковъ и разсмотрѣніе ревизорскихъ отчетовъ. Предполагаемые комитетомъ окружные ревизоры при конференціяхъ весьма полезны. Духовно-Уч. У—ію долженъ быть приданъ иной, ученый характеръ, подъ предсѣдательствомъ постояннаго члена Синода: а власть оберъ-прокурора въ уч. управленіи должна войти въ другія рамки.—Въ томъ же духѣ дали отзывы и другіе преосвященные, съ нѣкоторыми лишь детальными особенностями. Архіеп. Макарій, соглашаясь вполнѣ съ мыслью о преобразованіи Д. У. У—ія въ учрежденіе ученаго характера при Св. Синодѣ, оговаривался лишь на этотъ счетъ, что членами этого учрежденія должны быть лица, извѣстныя учеными заслугами, достаточно сильные тѣломъ и духомъ, и ихъ обязанность по Управленію должна быть для нихъ главною: иначе будетъ сонъ; предсѣдателемъ Управленія долженъ быть епископъ, членъ синода, но постоянный и освобожденный отъ присутствія въ Синодѣ. Этому предсѣдателю, по мнѣнію пр. Макарія, надо предоставить ту власть, которую пользовался до этого времени оберъ-прокуроръ по дух.-уч. вѣдомству. Окружныхъ ревизоровъ и пр. Макарій находилъ весьма полезными. Относительно подчиненія семинарій архіереямъ архіепископъ отзывался не очень сочувственно. Обязанность управленія семинаріею и училищами для архіерея, по множеству дѣлъ, трудная и неудобоисполнимая. Не имѣя возможности наблюдать лично, архіерей принужденъ полагаться на свидѣтельство училищнаго начальства. Поэтому, если уже возлагать на архіерея эту обязанность, что надо дозволить ему выбирать себѣ благонадежнымъ помощниковъ изъ духовенства, которые, не имѣя непосредственной власти, могли бы посѣщать училища и доносить архіерею. Лучше же, полагалъ

пр. Макарій, освободить архіерея отъ завѣдыванія училищами, оставивъ его лишь почетнымъ благостителемъ ихъ и предоставивъ ему право давать совѣты, присутствовать на экзаменахъ, представлять по усмотрѣнію свои соображенія высшему начальству; а для завѣдыванья училищами, кромѣ окружныхъ инспекторовъ, проэктируемыхъ комитетомъ 62 г., учредить должность особыхъ инспекторовъ епархіальныхъ, на одну или двѣ—три епархіи вмѣстѣ, подчиненныхъ окружному инспектору и Дух.-Уч. Управленію.—Архіепископы черниговскій и рижскій и экзархъ Грузіи вполнѣ соглашались съ мнѣніями комитета пр. Димитрія, а архіепископъ тверскій Филофей соглашался лишь съ тѣми оговорками, какія была сдѣланы Т. И. Филиповымъ. Архіепископъ кишиневскій Антоній, раздѣляя въ общемъ комитетскій планъ, не соглашался лишь съ тѣмъ, что существующіе порядки ограничиваютъ власть архіерея и что послѣднюю надобно якобы поэтому усилить. Еп. тамбовскій Ѳеофанъ дѣлалъ ту поправку въ комитетскомъ проэктѣ, что надо закрыть не только академическія правленія, но и конференціи (въ ихъ значеніи внѣшней административной инстанціи), а окружные ревизоры должны состоять при высшемъ дух.-уч управленіи.

Въ гораздо менѣе благопріятномъ смыслѣ высказались о проэктѣ преобразованія высшаго управленія академіи. Конференція спб. академіи нашла, что главное зло протасовской администраціи—многосложность административныхъ порядковъ и формъ, стѣсняющихъ развитіе внутренней жизни дух.-уч заведеній и подавляющихъ управленіе семинарій сухимъ и безплоднымъ формализмомъ,—совсѣмъ не устранено комитетомъ 62 г. Управленіе семинарій еще болѣе усложняется и затрудняется черезъ соединеніе училищъ съ семинаріями и учрежденіе окружныхъ инспекторовъ, дѣйствующихъ однако черезъ конференцію и архіереевъ. При такомъ порядкѣ семинарія будетъ имѣть 8 начальственныхъ инстанцій (пед. совѣтъ, правленіе, архіерей, окр. инспекторъ, конференція, акад. правленіе, Ученый Комитетъ, Синодъ). Поэтому конференція находила нужнымъ подвергнуть вообще весь проэктъ коренному пересмотру.—Конференція казанской академіи признавала, что въ научно-воспитательномъ отношеніи семинаріи должны быть связаны съ академіей. Академическія конференціи, по ея мнѣнію, удобно могли бы замѣнить самое Д. У. У—іе, съ тѣмъ, чтобы рѣшенія конференцій утверждались централь-

ной властью.—По мнѣнію конференціи кіевской академіи, организація высшаго управленія, проэктируемая комитетомъ 62 г., заставляла предвидѣть ея несовершенства. Посредствующей административной инстанціей вмѣсто академическихъ правленій предполагалось сдѣлать окружныхъ инспекторовъ; но положеніе инспектора округа слишкомъ одиноко и при его одномъ посредствѣ Ученый Комитетъ едва-ли могъ бы наблюдать за семинаріями и училищами. Инспекторъ округа не подчиняется конференціи, а лишь совѣтуется съ ней; между тѣмъ навѣрно встрѣтится много случаевъ, гдѣ потребуется компетенція ученыхъ спеціалистовъ и тогда Ученому Комитету придется обращаться все равно къ конференціямъ. Поэтому, говорила академія, естественнѣе инспекторамъ округа быть изъ членовъ конференціи [1]).—Конференція московской академіи не представила спеціально своего мнѣнія по этому вопросу. По московскій епарх. комитетъ, въ который входили и члены академической корпораціи, коснулся также проэкта преобразованія внѣшняго управленія, при чемъ высказался опять не въ его пользу. По его мнѣнію, предоставленіе семинарій въ распоряженіе архіереевъ можетъ подвергнуть ихъ дѣйствію личныхъ вкусовъ. Разрывъ связи съ академіею вреденъ для единства въ направленіи образованія. Окружные ревизоры, по мнѣнію еп. комитета, не упростятъ, а усложнятъ дѣлопроизводство, такъ какъ ревизоръ о всемъ, заслуживающемъ вниманія, долженъ доносить архіерею, конференціи и Д.-У. У—ію. Для семинаріи вводятся двѣ независимыхъ власти—архіерей и инспекторъ округа. Сомнительной казалась моск. еп. комитету и необходимость духовнаго сана для ревизоровъ; напротивъ, такая кочующая должность болѣе прилична людямъ свѣтскимъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что въ то время какъ преосвященные были въ общемъ вполнѣ довольны проэктомъ комитета 62 г. сосредоточить внѣшнее управленіе училищами всецѣло въ духовныхъ рукахъ, академическія корпораціи желали по возможности болѣе вліятельную роль въ руководствѣ дух.-учебнымъ дѣломъ дать академіямъ, а также отчасти и

---

[1]) Митроп. кіевскій присоединялъ съ своей стороны къ мнѣнію конференціи особое мнѣніе, въ которомъ указывалъ на неудобства, происходящія отъ того, что назначенные конференціей наставники семинаріи утверждаются Д. У. Уі—емъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и предлагалъ возвратиться къ порядку устава 1814 года, по которому академическая конференція и отправляла на должности назначенныхъ.

ограничить власть надъ школой архіереевъ. Послѣднее желаніе высказывалось, правда не прямо, и нѣкоторыми епархіальными комитетами. Такъ, архангельскій еп. комитетъ, „чтобы не отягощать архіерея“, полагалъ ограничить его наблюденіе надъ семинаріею лишь посѣщеніями ея и присутствіемъ на экзаменахъ, а все остальное предоставить правленію и совѣту. Наставники калужской семинаріи находили, что архіерею достаточно предоставить право дѣйствовать письменными предложеніями и по представленіямъ совѣта, а если онъ будетъ производить ревизію, то пусть дѣлаетъ это въ присутствіи двухъ-трехъ членовъ правленія. По мнѣнію нижегородскаго еп. комитета, власть архіерея надъ семинаріей стѣсняетъ свободу педагогическаго совѣта и обременяетъ самого архіерея.

Относительно внутренняго управленія семинаріею только немногіе преосвященные прямо высказывались противъ проэктируемаго комитетомъ 62 г. допущенія преподавателей къ участію въ школьномъ управленіи. Именно, преосв. тобольскій Варлаамъ находилъ, что педагогическій совѣтъ ненуженъ; Иринархъ, архіеп. подольскій, считалъ его нововведеніемъ, заимствованнымъ у свѣтскихъ уч. заведеній и скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ; Филаретъ, архіепископъ черниговскій, находилъ, что это учрежденіе вредно по духу, отзывающемуся демократіей. Другіе преосвященные въ большинствѣ соглашались съ мыслью объ учрежденіи совѣта въ той постановкѣ, какую ему давалъ комитетъ. Но школьныя корпораціи и епархіальные комитеты почти единодушно признали комитетскій проэктъ слишкомъ недостаточнымъ и требовали расширенія компетенціи педагогическихъ совѣтовъ и ограниченія власти ректора. Педагогическій совѣтъ съ совѣщательнымъ характеромъ, проэктируемый комитетомъ, по этимъ мнѣніямъ, не принесетъ ожидаемой пользы [1]; его значеніе уничтожается властью правленія и ректора [2]. Между тѣмъ, по выраженію конференціи казанской академіи, большихъ плодовъ надо ожидать не отъ увеличенія административной власти, а отъ увеличенія самостоятельности училищъ. Поэтому, говорили школьныя корпораціи и комитеты, надо педагогическимъ совѣтамъ предоставить роль распорядительную въ дѣлахъ

---

[1]) Мнѣн. корпораціи яросл. сем., наставн. харьк. сем., конфер. кіев. ак., конфер. казан. ак., екатериносл. комит.

[2]) Мн. тверск. комитета.

учебныхъ и воспитательныхъ, а не совѣщательную, правленію же только роль исполнительную и хозяйственную [1]); въ совѣтъ должны быть допущены не нѣкоторые, а всѣ преподаватели [2]). Лишь въ такомъ случаѣ совѣтъ явится необходимымъ ограниченіемъ власти ректора, при прежней системѣ столь отличавшейся злоупотребленіями. Для послѣдней цѣли нѣкоторые предлагали и самое радикальное средство: предоставить избраніе ректора совѣту [3]). Въ отношеніи къ епархіальному архіерею педагогическому совѣту, по указанію нѣкоторыхъ отзывовъ, необходимо было предоставить по крайней мѣрѣ тѣ гарантіи самостоятельности, какія были предоставлены Правленію по уставу 1814 г. [4]) Противъ такихъ требованій школьныхъ корпорацій и еп. комитетовъ не возражали обычно и преосвященные, препровождавшіе мнѣнія мѣстныхъ педагоговъ, хотя они отъ себя и не отстаивали ихъ. Однако были и среди іерарховъ люди съ широкимъ кругозоромъ, которые энергично указывали на необходимость передать управленіе семинаріею въ руки семинарской коллегіи и тѣмъ положить окончательный предѣлъ ректорскому самовластію. Таковъ былъ просвѣщеннѣйшій архипастырь, архіепископъ харьков. Макарій. По новому уставу (62 г.), говорилъ онъ, хотя и учреждается педагогическій совѣтъ, но ректоръ остается по прежнему начальникомъ семинаріи. Но „пора ограничить эту власть ректора семинаріи въ предотвращеніе тѣхъ невыгодныхъ послѣдствій, къ какимъ она доселѣ нерѣдко приводила. Опытъ показалъ, что облеченный такою безконтрольною властью ректоръ можетъ распоряжаться въ семинаріи и даже своевольничать, какъ захочетъ; можетъ тѣснить наставниковъ, допускать или прикрывать безпорядки между воспитанниками и самъ почти не заниматься своими профессорскими и административными дѣлами, стараясь только, чтобъ объ этомъ не узналъ епархіальный преосвященный.

[1]) Мн. тобольск. ком., симферопол. ком., наставн. харьк., наст. подольк. сем., конференц. кіев. ак., ставроп. ком., екатерин. ком., казан. ак., курск. ком., калуж. ком., владим. ком., тверскій ком., новгор. ком.

[2]) Мн. подол. ком., симферопол, ком., наст. харьк., наст. подольск. сем., пензен. ком., архангел. ком., нижегор. ком., екатерин. ком., казан. ак., калужск. ком., еп. минскаго.

[3]) Мн. наст. яросл. сем. (избирать на срокъ), харьков. сем., подольской сем. (на срокъ), ставропол. ком., нижегор. ком., наставн. курск. сем.

[4]) Орлов. ком. и архіепископъ, харьков. наставн., кіев. акад., екатерин. комит., новгород. ком.

А кто жъ донесетъ архіерею на ректора семинаріи? По крайней мѣрѣ изъ семинарскихъ наставниковъ и чиновниковъ никто не рѣшится, тѣмъ больше, что самъ же ректоръ есть единственный рекомендатель объ нихъ и предъ лицемъ архіерея. Конечно, ректоръ истинно просвѣщенный, высоконравственный и ревнующій объ общей пользѣ, не позволитъ себѣ подобныхъ злоупотребленій своею властью; напротивъ, можетъ оказывать чрезъ нее самое благотворное вліяніе на семинарію. Но много ли бываетъ такихъ начальниковъ въ семинаріяхъ? Не чаще ли случается, что ректоры не только семинарій, но даже академій, особенно молодые, какъ бы отуманиваются данною имъ широкою властью и заботятся не столько о ввѣренныхъ имъ заведеніяхъ, сколько объ удовлетвореніи своего самолюбія и честолюбія, требуютъ, чтобы все дѣлалось по ихъ волѣ, все склонялось предъ ними, начиная съ инспектора, а если долго засиживаются на своемъ мѣстѣ безъ повышеній и наградъ, то предаются недѣятельности и небрежности, или еще чему худшему, ко вреду училищъ... Нельзя не пожелать, чтобы власть ректоровъ, равно какъ и семинарскихъ правленій, отнынѣ была ограничена педагогическими совѣтами и подчинена имъ, и чтобы педагогическій совѣтъ въ каждой семинаріи былъ не совѣщательнымъ учрежденіемъ, а распорядительнымъ или правительственнымъ по части учебной и нравственной и контрольнымъ по части экономической". Такимъ образомъ преосв. Макарій, высказываясь за подчиненіе власти ректора совѣту, шелъ даже дальше скромныхъ школьныхъ пожеланій и единственный изъ іерарховъ открыто призналъ застарѣлое зло монашеской администраціи.

Относительно приготовленія и назначенія лицъ на школьныя должности нѣкоторые вполнѣ раздѣляли мысль комитета 62 года о необходимости введенія специализаціи въ академіяхъ и особаго испытанія по специальности кандидатовъ въ наставники (симферопол. ком., москов. ком.); другіе полагали удобнѣе испытаніе наставниковъ производить на мѣстахъ (еп. тульскій). Но главное вниманіе епархіальныхъ отзывовъ по этому вопросу сосредоточивалось на условіяхъ назначенія школьной администраціи. Прежняя монополія монашествующихъ на начальственныя должности въ семинаріяхъ нашла себѣ во многихъ мнѣніяхъ справедливое осужденіе. При этомъ раздавались голоса не только на защиту правъ бѣлаго духовен-

ства на ректорскую должность, каковыя права юридически и раньше не отрицались, но и за допущеніе къ ректурѣ свѣтскихъ наставниковъ, заслуги которыхъ такъ мало находили себѣ признанія и вознагражденія въ духовномъ вѣдомствѣ. За избраніе ректора и изъ свѣтскихъ преподавателей высказались корпораціи ярославской и харьковской семинарій и курскій еп. комитетъ. Самую же энергичную и авторитетную защиту этого мнѣнія взялъ на себя архіеп. харьк. Макарій. Новый уставъ (комит. 60—62 г.), говорилъ онъ по этому поводу, по прежнему допускаетъ въ ректоры семинаріи (и академіи) только лицъ духовнаго сана. Но пора, наконецъ, уничтожить эту исключительность. Для должности ректора „качества нужны, а не санъ и не званіе. И за что такое предпочтеніе лицамъ духовнымъ, особенно монашествующихъ, т. е. архимандритамъ? Развѣ всегда они бываютъ умнѣе, религіознѣе и нравственнѣе свѣтскихъ наставниковъ семинарій? Опытъ показываетъ нерѣдко противное. Развѣ монашествующіе благонадежнѣе и могутъ давать болѣе религіозное направленіе учебнымъ заведеніямъ? И противъ этого иногда свидѣтельствуетъ опытъ. Развѣ между свѣтскими наставниками академій и семинарій не бываетъ людей, которые и гораздо умнѣе, и опытнѣе и даже религіознѣе нѣкоторыхъ монашествующихъ и которые поэтому могли бы съ гораздо большею пользою занимать ректорскія должности въ семинаріяхъ?.. За что же устранять свѣтскихъ наставниковъ отъ этой почетной должности? Между тѣмъ такое устраненіе естественно питаетъ въ нихъ чувство огорченія, недовольства и непріязни, когда они видятъ постоянно, что, не смотря на всѣ ихъ достоинства, труды и заслуги, они не удостоиваются чести быть начальниками семинарій, а монашествующіе ихъ товарищи, часто далеко уступающіе имъ и по уму, и по времени службы, и по заслугамъ, скоро дѣлаются архимандритами, ректорами и командуютъ ими. Надобно прекратить такой несправедливый порядокъ дѣлъ, поддерживающій тайную вражду между семинарскими наставниками свѣтскими и монашествующими". Опасеніе, что свѣтскіе начальники могутъ сообщить недуховное направленіе семинаріямъ, по мнѣнію пр. Макарія, опровергается контролемъ педагогическаго совѣта. Пусть по крайней мѣрѣ, говорилъ просвѣщенный архипастырь, сдѣлаютъ опытъ на нѣсколько лѣтъ, и тогда будетъ видно, насколько основательны разныя опасенія на этотъ счетъ.—Если столь

сильные голоса раздавались въ защиту правъ свѣтскихъ наставниковъ на ректорство, то тѣмъ больше было защитниковъ правъ таковыхъ наставниковъ на занятіе должности инспектора, которая уже и въ протасовскую эпоху иногда замѣщалась свѣтскими лицами.

Наконецъ, что касается экономическихъ предположеній комитета 60—62 гг., то всѣ епархіальные преосвященные признали ихъ необоснованными въ надеждахъ на епархіальныя средства. Ни свѣчные доходы, ни другіе источники не могли, по мысли архіереевъ и комитетовъ, далеко достичь тѣхъ размѣровъ, на какія разсчитывалъ комитетъ. Поэтому самое большее, что считали возможнымъ мѣстные органы, это—постепенное, по мѣрѣ средствъ осуществленіе комитетскаго плана; существенное же улучшеніе было бы возможно лишь при пособіи отъ правительства. Если бы, говорилъ москов. еп. комитетъ, государство возвратило церкви стоимость конфискованныхъ когда-то у нея имуществъ, то тогда бы можно было содержать училища на церковныя деньги. А разъ этого нѣтъ, то во имя государственнаго значенія духовной школы казна должна оказать ей содѣйствіе.

Таковъ былъ судъ іерарховъ и школьныхъ дѣятелей надъ планами комитета преосв. Димитрія. Не смотря на значительное разнообразіе мнѣній по поводу устава 62 года, среди всѣхъ голосовъ ясно выдѣлялись господствующіе тоны. Проектъ 62 г. признавался въ части учебной не отвѣчающимъ требованіямъ раціональной педагогической системы, въ части нравственной слишкомъ ригористичнымъ, въ части административной крайне консервативнымъ и въ части экономической безпочвеннымъ. Этимъ самымъ для новаго комитета, образованнаго въ мартѣ 66 года, намѣчались уже основныя точки зрѣнія и указывалось направленіе его дѣятельности.

Въ составъ послѣдняго комитета, по предложенію оберъ-прокурора, членами были назначены слѣдующія четыре духовныхъ и четыре свѣтскихъ лица: главный священникъ арміи и флотовъ протоіерей Богословскій, ректоръ кіевской духовн. академіи архим. Филаретъ (Филаретовъ), инспекторъ москов. ак. архим. Михаилъ (Лужинъ), законоучитель николаевскаго сиротскаго института священникъ Павелъ Лебедевъ, ректоръ спб. университета д. с. с. Воскресенскій, членъ совѣта министра вн. д. д. с. с. Ржевскій, состоящій при мин. вн. д. д. с. с.

Тихомандрицкій и исправл. должн. директора канц. об.-пр. с. с. Сергіевскій. Предсѣдателемъ комитета Синодъ назначилъ кіевскаго митроп. Арсенія, а въ помощники ему далъ присутствующаго въ Синодѣ нижегор. еп. Нектарія. Такимъ образомъ только одинъ членъ прежняго комитета — прот. Богословскій попалъ и въ новый комитетъ. Съ другой стороны комитетъ новаго образованія и тѣмъ отличался отъ стараго, что въ немъ свѣтское и духовное вліянія были уравновѣшены, тогда какъ въ комитетѣ пр. Димитрія первое вполнѣ подавлялось послѣднимъ. По качеству составъ комитета 66 года стоялъ значительно выше предшествующаго. Духовные члены его были всѣ люди не заурядные по своимъ способностямъ, не похожіе на тѣхъ, о которыхъ говорилъ Урусовъ, что отъ нихъ слова не добьешься. Прот. Богословскій былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ и комитета 60 — 62 гг. Архимандриты Филаретъ и Михаилъ были не случайные чередные архимандриты, а представители академическаго образованія. Свящ. Лебедевъ оказался въ комитетѣ то-же весьма дѣятельнымъ членомъ. Свѣтскіе члены въ свою очередь были выбраны, повидимому, съ немалой тщательностью. Такъ, за одного изъ нихъ говорило уже самое званіе ректора университета; другой — Сергіевскій, далеко не заурядный чиновникъ [1]), съ именемъ котораго мы уже встрѣчались. Что касается Ржевскаго и Тихомандрицкаго, то хотя ихъ служба въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ не имѣла никакого отношенія къ духовному образованію, но по своему прошлому они были не чужды духовной школѣ. Изъ нихъ Тихомандрицкій оказался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ комитета и составилъ бо́льшую часть семинарскаго устава. Всѣ эти внѣшнія данныя обѣщали дѣятельности комитета болѣе успѣха, чѣмъ имѣлъ комитетъ пр. Димитрія. Уравновѣшенность свѣтскаго и духовнаго вліянія предотвращала такія крайности „духовнаго направленія“, какія замѣчались въ прежнемъ комитетѣ; а качества лицъ, призванныхъ къ преобразовательной работѣ, давали возможность ждать отъ ихъ дѣятельности бо́льшаго соотвѣтствія требованіямъ современности.

Комитетъ началъ свои работы (12-го апрѣля 1866 г.), какъ то было и естественно, съ разсмотрѣнія принципіальныхъ вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависѣло дальнѣйшее напра-

---

[1]) Впослѣдствіи попечитель вилен. уч. округа.

вленіе всей его дѣятельности [1]). Вопросы эти были формулированы въ шести слѣдующихъ пунктахъ (повидимому Сергіевскимъ, по порученію оберъ-прокурора). I) Должны ли дух.-учебныя заведенія быть назначены только для дѣтей духовенства или же и другихъ сословій? II) Удобно ли въ духовныхъ училищахъ съ цѣлью учебною соединять цѣль благотворительную и для выполненія послѣдней оставаться при увеличенномъ числѣ училищъ? III) Если училищная цѣль должна быть отдѣлена отъ цѣли благотворительной, то какими средствами можно воспособить духовенству въ первоначальномъ приготовленіи его сыновей? IV) Должны ли дух. уч. заведенія имѣть опредѣленные штаты или же допускать въ нихъ неограниченное число учениковъ? V) Должны ли семинаріи быть чисто богословскими заведеніями, или, попрежнему, соединять въ себѣ и предметы общаго образованія? VI) Слѣдуетъ ли назначеніе семинарій ограничить только обученіемъ, или же онѣ должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ заведеніями воспитательными? Первый, пятый и шестой изъ этихъ вопросовъ были рѣшены въ первомъ же засѣданіи. Ограничивать составъ воспитанниковъ въ духовныхъ школахъ дѣтьми одного духовенства комитетъ призналъ, согласно мнѣнію многихъ еп. отзывовъ, неудобнымъ; но онъ счелъ справедливымъ назначить съ иносословныхъ опредѣленную плату за право ученія. По пятому вопросу комитетъ пришелъ къ заключенію, что спеціальное образованіе должно соединять съ общимъ. Правда, въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій ректоръ унив. Воскресенскій высказывалъ мысль, что для общей подготовки къ богословскому сем. образованію могли бы служить и общія училища, что дало бы возможность сохранить средства дух. вѣдомства. Но съ этимъ комитетъ не могъ вполнѣ согласиться, потому, какъ говорилось потомъ въ объяснительной запискѣ къ уставу 67 г., что превращеніе семинарій въ спеціально богословскія школы поставило бы ихъ въ большую зависимость отъ учебныхъ заведеній, дающихъ общее образованіе. Общее же образованіе, во-первыхъ, не настолько распространено еще у насъ, чтобы доставлять воспитанниковъ и семинаріи; во-вторыхъ, для семинаріи требуется общее образованіе,

---

[1]) Нижеизложенный ходъ работъ комитета представленъ на основаніи дѣла канц. об.-пр. 2-го ст. 1-го отд. 1866 г. № 395 и IV-й части приложеній къ нему. Послѣдняя (на 699 лл.) заключаетъ въ себѣ журналы комитета.

находящееся въ соотношенiи съ богословскимъ [1]). По шестому вопросу комитетъ нашелъ полезнымъ и сообразнымъ съ назначенiемъ дух. уч. заведенiй, чтобы онѣ были учебно-воспитательными заведенiями. Но по второму, третьему и четвертому вопросамъ въ комитетѣ сразу же, видимо, возникли разногласiя, впослѣдствiи перешедшiя въ острый конфликтъ между членами. Поэтому рѣшенiе по этимъ вопросамъ сначала было отложено, и комитетъ занялся вопросомъ объ общей организацiи семинарскаго курса. При этомъ мысль комитета, какъ и вообще мысли большинства духовныхъ дѣятелей этой преобразовательной эпохи, обратилась сразу же къ уставу 1814 г., какъ тому прототипу, возвращенiе къ которому было бы желательно. Въ первомъ же засѣданiи предсѣдатель (пр. Арсенiй) предложилъ членамъ обратить особенное вниманiе на указанный уставъ и къ слѣдующему собранiю представить по нему свои замѣчанiя. По этому порученiю, членъ комитета Тихомандрицкiй представилъ записку, въ которой изложилъ основныя начала устава 1814 года (соединенiе богословскаго и общаго образованiя, постепенная градацiя училищъ, единство управленiя училищами, приспособленiе училищъ къ нуждамъ духовенства) и пришелъ къ заключенiю, что по идеѣ устава 1814 года дух. уч. заведенiя въ коренномъ преобразованiи не нуждаются. Преосв. Арсенiй, съ своей стороны, изложилъ свои предначертанiя, въ которыхъ возвращенiе къ основамъ устава 1814 года, хотя и съ необходимыми измѣненiями, полагалось цѣлью новой реформы. По мнѣнiю кiевскаго митрополита задачи преобразованiя сводились къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Положить въ основу всѣхъ распоряженiй уставъ 1808 — 1814 гг., какъ принесшiй обильные плоды, очистивъ его отъ протасовскихъ примѣсей, отмѣнивъ нѣкоторыя устарѣвшiя правила и расширивъ нравственную часть его. 2) Семинарiи и училища оставить по прежнему съ тремя отдѣленiями, введя лишь $1^1/_4$ часовые уроки, соединивъ послѣобѣденные классы съ утренними и расположивъ предметы въ порядкѣ постепенности. Семинарiи открыть и для другихъ сословiй съ опредѣленной платой. Норму учениковъ назначить, считая по 50 кандидатовъ священства на 500 тыс. жителей. Къ шестилѣтнему курсу полезно присоединить одногодичный педагогическiй курсъ. 3) Для усовершенствованiя семинарiй, семинарiи и училища въ

---

[1]) Объясн. зап. къ уст. сем. 1867 г., стр. 1.

губернскихъ городахъ обезпечить во всемъ ихъ содержаніи сообразно съ гимназіями и прогимназіями. Прочія же училища оставить при существующихъ средствахъ, предоставивъ улучшать ихъ епарх. духовенству. Въ семинарію выборъ учениковъ производить изъ всѣхъ училищъ, начавъ его съ низшихъ классовъ училища и для этого переводя лучшихъ изъ уѣздныхъ въ губернское училище. Равнымъ образомъ и лучшихъ наставниковъ переводить въ губернское училище, а худшихъ въ уѣздныя. 4) Что касается непопавшихъ въ семинарію за недостаткомъ вакансій и однако достойныхъ учениковъ, то или допустить ихъ въ семинарію въ качествѣ вольнослушателей, но съ равными правами, или же предоставить духовенству открывать свои вспомогательныя или параллельныя семинаріи на свой счетъ съ общимъ уставомъ. 5) Управленіе семинаріей оставить въ рукахъ правленія съ присоединеніемъ педагогическаго совѣта, согласно съ мнѣніемъ митр. московскаго. Автономныя права семинаріи оставить прежнія, а права архіерея избавить отъ стѣсненія, происходящаго отъ многоначалія сверху. По учебной части семинаріи подчинить академическому начальству, съ тѣмъ лишь, чтобы всѣ распоряженія дѣлаемы были съ разрѣшенія еп. архіерея. 6) Наставникамъ предоставить и надзоръ за нравственностью. 7) Для участія въ экономическихъ дѣлахъ пригласить членовъ отъ духовенства, по три въ семинаріи и по два въ училищѣ. 8) Недозволять наставникамъ и начальникамъ принимать никакихъ постороннихъ обязанностей, кромѣ настоятеля монастыря для ректора. 9) Для сбереженія средствъ прекратить всякіе посторонніе расходы изъ дух.-учебн. капитала. 10) Поднять въ семинаріяхъ языкознаніе настолько, чтобы воспитанники легко понимали книги на древнихъ языкахъ и могли объясняться на одномъ новомъ. — Прот. Богословскій то же представилъ записку по поводу устава 1814 года, въ которой, соглашаясь съ основами его, указывалъ лишь, что этотъ уставъ иногда допускаетъ излишне дробную регламентацію, что ближайшее завѣдываніе семинаріей нужно поручить учрежденію съ чисто коллегіальнымъ характеромъ— педагогическому совѣту, что надо ввести эротематическій методъ; преподавателей черезъ 5 лѣтъ подвергать баллотировкѣ. Разсматривая всѣ эти замѣчанія на уставъ 1814 года, комитетъ пришелъ къ заключенію, что въ основахъ организаціи школьнаго курса слѣдуетъ возвратиться къ уставу 1814 г., и

отказался отъ плана пр. Димитрія. Раздѣльность богословскаго и общаго образованія въ томъ видѣ, какъ она проэктировалась комитетомъ 1860—62 гг., была отвергнута, и семинаріи признаны по духу и характеру богословско-общеобразовательными учебными заведеніями [1]). Рѣшено было, что уѣздныя духовныя училища должны оставаться раздѣльными отъ семинаріи, съ тѣмъ, чтобы быть во внутренней связи съ нею и представлять ея низшіе классы. Курсъ духовныхъ училищъ было положено сдѣлать по старому 4-хъ лѣтнимъ, а семинарскій — 6-ти лѣтнимъ; но за то для поступленія въ училище предположены повышенныя требованія [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, комитетъ призналъ, что въ дух. уч. заведеніяхъ надо назначить штатное число учениковъ, принимая во вниманіе количество священническихъ и діаконскихъ вакансій.

Послѣднему то рѣшенію и суждено было скоро же сдѣлаться яблокомъ раздора въ комитетѣ. Развивая это положеніе и разрѣшая спорные вопросы, поставленные еще въ первомъ засѣданіи (пункты 2, 3, 4), комитетъ раздѣлился на двѣ партіи, непримиримыя между собою. 18-го мая 66 года преосв. Арсеній уѣхалъ въ свою епархію, передавъ предсѣдательство своему помощнику еп. Нектарію [3]). Продолжая работы свои при новомъ предсѣдателѣ, комитетъ пришелъ къ такимъ заключеніямъ по вопросу о томъ, насколько цѣль благотворительная (даровое образованіе для дѣтей духовенства) въ дух. уч. заведеніяхъ должна совмѣщаться съ цѣлью удовлетворенія чисто церковныхъ потребностей. По мнѣнію комитета, число воспитанниковъ въ высшемъ отдѣленіи семинаріи должно быть вполнѣ достаточно для замѣщенія свящ. вакансій, для отправки въ академію и на должности учителей низшихъ училищъ, а въ низшихъ классахъ оно должно быть больше на 5—10 человѣкъ въ каждомъ по сравненію съ высшимъ. Воспитанники четырехъ старшихъ классовъ семинаріи должны приниматься на казенное

---

1) При чемъ однако комитетъ вполнѣ согласился съ мнѣніемъ Воскресенскаго, что приспособленіе наукъ общаго образованія къ спеціальнымъ должно быть безъ всякаго нарушенія научныхъ требованій и состоять лишь въ единствѣ направленія.

2) Въ низшій классъ дух. уч. приним. дѣти 10—12 лл. съ умѣньемъ читать и писать по русски, по славянски и по латыни, со знаніемъ склоненій и спряженій правильныхъ словъ рус. и лат. яз., главныхъ молитвъ и начатковъ христ. ученія и 4-хъ дѣйствій ариѳметики.

3) Преосв. Нектарій былъ прежде ректоромъ спб. академіи.

содержаніе и жить въ семинаріи. Въ этихъ классахъ они будутъ изучать преимущественно богословскія науки и готовиться къ своему будущему служенію [1]). На содержаніе этихъ воспитанниковъ, сверхъ 350,224 р., ассигнуемыхъ въ то время на учениковъ семинаріи, комитетъ полагалъ обратить еще 731,908 р., ассигнуемыхъ раньше на жалованье служащимъ въ д.-уч. заведеніяхъ, такъ какъ теперь жалованье служащимъ рѣшено было выплачивать изъ государственнаго пособія. Завѣдыванье же низшими училищами, по заключенію комитета, передавалось мѣстному духовенству, которое должно было руководиться въ этомъ дѣлѣ особымъ уставомъ и штатами. Зданія училищъ передавались въ распоряженіе духовенства. Что же касается средствъ на содержаніе училищъ, то теперь центральное управленіе отказывалось отъ содержанія ихъ по-прежнему на своемъ иждивеніи. Изъ центральныхъ суммъ комитетъ предполагалъ выплачивать лишь жалованье служащимъ (изъ госуд. пособія), около 419½ тыс. рубл. На содержаніе казенныхъ учениковъ и прочіе расходы обращалась только въ видѣ пособія къ епархіальнымъ средствамъ сумма, прежде ассигнуемая на училищныхъ бурсаковъ (418.212 р.), и остатки отъ расходовъ на школы и духовенство изъ дух.-уч. капиталовъ, если таковые будутъ. Недостающія средства предоставлялось изыскивать мѣстному духовенству. Въ низшія училища комитетъ полагалъ принимать дѣтей всѣхъ сословій, но на казенное содержаніе—только бѣдныхъ и сиротъ духовнаго происхожденія.

Съ этими заключеніями комитета не согласились нѣкоторые его члены. Ректоръ унив. Воскресенскій былъ не согласенъ съ тѣмъ, чтобы передать всѣ остаточныя суммы духовенству на низшія училища и предлагалъ удержать и низшія училища въ завѣдываніи высшей власти, во избѣжаніе разнообразія и случайностей, а чтобы для этого были средства—содержать на казенный счетъ лишь воспитанниковъ двухъ высшихъ классовъ семинаріи; или же, говорилъ онъ, можно соединить низшія дух. училища съ свѣтскими и образовать на общій счетъ прогимназіи. Впрочемъ, взгляды Воскресенскаго не были непри-

[1]) Такимъ образомъ изъ этого пункта открывается, что въ этотъ періодъ комитетъ стоялъ еще отчасти на точкѣ зрѣнія комитета 62 г., что богословское образованіе должно продолжаться 4 года. Слѣдовательно комитетъ предполагалъ распредѣлить курсъ не совсѣмъ по уставу 1814 г., а 6 лѣтъ на общее и 4 года на спец. образованіе.

миримы съ комитетскимъ планомъ и впослѣдствіи онъ подъ послѣднимъ подписался. Гораздо рѣзче расходились съ комитетскою точкою зрѣнія два другіе его члена—архимандриты Филаретъ и Михаилъ. По ихъ мнѣнію. принятая комитетомъ идея нормальныхъ штатовъ и распредѣленіе суммъ шли въ разрѣзъ съ интересами духовенства и потому являлись непріемлемыми. Именно, архим. Филаретъ въ особомъ мнѣніи заявлялъ, что назначать нормы для семинарій нѣтъ нужды, такъ какъ нѣтъ нужды заботиться о сокращеніи числа учащихся. Образованныя лица никогда не лишни, не въ томъ, такъ въ другомъ вѣдомствѣ; да и общее число обучающихся въ семинаріяхъ не превосходитъ общей нормы и надо лишь восполнять излишкомъ въ одномъ мѣстѣ кандидатовъ на священство недостатокъ въ другомъ. Между тѣмъ при скудости средствъ духовенства даровое воспитаніе дѣтей составляетъ справедливое и необходимое пособіе ему, и было бы жестоко отнимать его. Поэтому уже гораздо лучше образовать духовныя гимназіи и спеціально-пастырскія школы, чѣмъ сокращать число учащихся. Содержаніе всѣхъ учениковъ высшихъ четырехъ классовъ семинаріи на казенный счетъ, говорилъ Филаретъ, требуетъ большихъ средствъ, перестройки зданій и множества воспитателей. Надо сначала испытать благотворность этой мѣры на нѣкоторыхъ епархіяхъ и уже потомъ распространять ее; а пока содержать въ высшихъ классахъ на казенный счетъ лишь бѣдныхъ воспитанниковъ. Комитетъ передаетъ низшія училища въ завѣдываніе духовенства; но при такомъ условіи трудно надѣяться на соблюденіе тѣсной связи училищъ съ семинаріею, ибо духовенство будетъ руководиться своими личными соображеніями; да для духовенства и затруднительно завѣдывать училищами. Наконецъ, комитетъ ассигнуетъ изъ около $3^1/_2$ милл. всего школьнаго бюджета только 837 тыс. на училища съ ихъ 37 тыс. учениковъ и ок. $2^1/_2$ милл. на семинаріи съ ихъ 16 тыс. учен.; это, по мнѣнію Филарета, было слишкомъ несоразмѣрно. Епархіи же, при всесословномъ характерѣ училищъ, едва ли дадутъ значительныя средства.—Архим. Михаилъ соглашался со всѣми этими положеніями Филарета и только дополнялъ ихъ еще нѣкоторыми соображеніями. Такъ, по его мнѣнію, строгіе штаты дѣлаютъ принудительнымъ вступленіе въ духовное званіе; устроить хорошо многолюдныя общежитія трудно, а плохія хуже, чѣмъ если ихъ нѣтъ; общежитія болѣе необходимы для низшихъ училищъ, чѣмъ для

семинарій. Поэтому, говорилъ Михаилъ, 1) штатное положеніе должно сообразовать не только съ потребностями епархій, но и съ потребностью духовенства дать образованіе своимъ сыновьямъ; 2) принятіе на казенное содержаніе слѣдуетъ оставить на прежнемъ основаніи; 3) семинаріи и училища одинаково подчинить центральному начальству. Если же нужно дать доступъ въ духовное сословіе другимъ сословіямъ и если неизбѣжно ввести въ семинаріяхъ штаты, то, полагалъ Михаилъ, надо дать и выходъ изъ духовнаго сословія. А для этого слѣдовало, по его мнѣнію, устроить курсъ духовныхъ училищъ, напримѣръ, 6-ти лѣтній, примѣнительно къ гимназіямъ и прогимназіямъ съ классическими языками, и принимать въ нихъ преимущественно дѣтей духовенства, допуская иносословныхъ только по особымъ причинамъ; а семинаріи организовать въ видѣ спеціальныхъ богословскихъ училищъ съ 4-хъ лѣтнимъ курсомъ и принимать въ нихъ всѣхъ съ опредѣленнымъ образовательнымъ цензомъ.

Въ засѣданіи 27-го мая комитетъ рѣшилъ представить принятыя имъ общія положенія, вмѣстѣ съ отдѣльными мнѣніями нѣкоторыхъ членовъ, на одобреніе Св. Синода. При этомъ свое прежнее постановленіе онъ еще дополнилъ тѣмъ, что если духовенство найдетъ нужнымъ и возможнымъ, то можетъ открывать при духовныхъ училищахъ высшіе общеобразовательные классы съ приноровленіемъ ихъ къ общеобразовательнымъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ и съ правами послѣднихъ. Любопытна та аргументація принятыхъ комитетомъ положеній, какая приводилась въ представленіи Синоду (отъ 30-го мая) предсѣдателя комитета преосв. Нектарія. Аргументація эта въ своей исходной точкѣ почти буквально повторяла уже знакомыя намъ мысли преосв. Димитрія, положенныя имъ въ основу своихъ плановъ, и доказывала еще разъ, что комитетъ не вполнѣ отрѣшился отъ завѣтовъ своего предшественника. Именно, въ докладѣ пр. Нектарія говорилось, что комитетъ пришелъ къ убѣжденію, что главный недостатокъ нашихъ дух.-уч. заведеній въ томъ, что вовсе не обращается вниманія на нравственное воспитаніе, на развитіе въ воспитанникахъ призванія къ ихъ будущему служенію. Одною изъ главныхъ причинъ недостаточнаго воспитанія является жительство учениковъ на квартирахъ. Если по прежнему воспитанники будутъ жить на квартирахъ, то они по прежнему будутъ поступать на служеніе церкви безъ нравственнаго и

религіознаго приготовленія, не столько по призванію, сколько по разсчету. Конечно, было бы всего лучше, если бы всѣ воспитанники могли быть помѣщены на жительство въ общежитія. Но это невозможно по недостатку средствъ и зданій. Поэтому, говорилъ докладъ, комитетъ полагалъ по крайней мѣрѣ воспитанниковъ послѣднихъ четырехъ классовъ сем. содержать въ общежитіи, когда они достигнутъ возраста, въ которомъ особенно опасны дурные примѣры и въ которомъ уже могутъ сознательно сдѣлать выборъ своего будущаго призванія. При этомъ принятіе ихъ на казенное содержаніе, какъ посвятившихъ себя будущему служенію церкви, будетъ вполнѣ справедливо и законно. Но съ другой стороны необходимо, чтобы казеннымъ содержаніемъ пользовалось только столько воспитанниковъ, сколько необходимо для нуждъ церкви, а также чтобы поступали на церковное иждивеніе только воспитанники, достойные по успѣхамъ и нравственнымъ качествамъ. Для послѣдней же цѣли нужно, чтобы въ семинарію могли поступать дѣти не только духовенства, но и другихъ сословій, чѣмъ увеличится выборъ и уничтожится замкнутость дух. сословія. А чтобы не тратились напрасно средства, не было тѣсноты въ училищахъ и не умножалось безъ нужды число кандидатовъ на священство, нужно назначить нормальное число воспитанниковъ и брать обязательство съ семинаристовъ вступить въ духовное званіе по окончаніи семинаріи или возвратить деньги, истраченныя на ихъ содержаніе. На содержаніе учениковъ 4-хъ классовъ сем., около 9000, считая по 100 р. на каждаго, по разсчетамъ комитета должно было пойти ок. 900 тыс. р. За всѣми же остальными расходами на академіи и семинаріи, изъ суммъ дух. уч. вѣдомства, считая и казенное пособіе $1^{1}/_{2}$ милл., останется всего ок. 800 тыс. р. На эту сумму нельзя содержать всѣхъ низшихъ училищъ въ улучшенномъ состояніи, а содержать по одному въ епархіи, предоставивъ остальныя заботамъ духовенства, какъ наприм. предлагалъ м. Арсеній, было бы несправедливо. Потому комитетъ и рѣшилъ эту сумму передать училищамъ, а послѣднія духовенству, распредѣливъ деньги соразмѣрно съ количествомъ училищъ и учениковъ. Духовенство можетъ учреждать и новыя училища и расширять курсы старыхъ.—Эти основныя предположенія большинства комитета, по докладу пр. Нектарія, были утверждены Св. Синодомъ и доведены до свѣдѣнія Государя.

Получивъ высшую санкцію положеннымъ имъ въ основу преобразованія началамъ, комитетъ съ іюня мѣсяца занялся выработкой самыхъ уставовъ семинарскаго и училищнаго. Проэктъ семинарскаго устава въ частяхъ учебной и административной былъ составленъ Тихомандрицкимъ, за исключеніемъ небольшой части о помощникахъ инспектора и низшихъ должностныхъ лицахъ, составленной дѣлопроизводителемъ комитета Шавровымъ. Проэктъ воспитательной части былъ составленъ архим. Михаиломъ, а проэктъ училищнаго устава—свящ. Лебедевымъ. Первоначальный проэктъ былъ составленъ согласно вышеизложеннымъ комитетскимъ предположеніямъ. По нему въ семинаріи пользуются казеннымъ содержаніемъ только ученики высшихъ четырехъ классовъ. Въ число наукъ сем. курса въ этомъ проэктѣ внесены еще нѣкоторыя старыя науки, затѣмъ исключенныя комитетомъ (расколъ, патристика, пасхалія). Но наиболѣе отличій отъ будущаго окончательнаго устава первоначальный проэктъ Тихомандрицкаго представлялъ въ части административной. Власть архіерея по отношенію къ семинаріи здѣсь представлялась весьма широкой. Архіерею представлялось право назначать и производить ревизіи, предсѣдательствовать, по усмотрѣнію, въ правленіи и педагогическомъ совѣтѣ, представлять съ своей стороны двухъ кандидатовъ на ректорскую вакансію, утверждать и увольнять должностныхъ лицъ, кромѣ ректора и инспектора, устранять служащихъ отъ исправленія должности въ случаѣ важныхъ проступковъ. Но вмѣстѣ съ этимъ въ проэктѣ Тихомандрицкаго уживалась и ректорская самостоятельность и широкая компетенція педагогическаго совѣта. Ректору представлялось право въ случаѣ несогласія съ постановленіемъ совѣта и правленія представлять дѣло на разсмотрѣніе высшаго начальства. Въ педагогическій совѣтъ допускались всѣ штатные преподаватели. Изъ дѣлъ, обсуждаемыхъ совѣтомъ, на его собственное утвержденіе предоставлялись росписаніе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія согласно уставу, разсмотрѣніе программъ, обсужденіе методовъ преподаванія, назначеніе испытаній, пріемъ и переводъ воспитанниковъ, распредѣленіе штатныхъ суммъ, выписка книгъ и пособій. Совѣту затѣмъ предоставлялись выборъ и увольненіе,—низшихъ съ утвержденія архіерея, а преподавателей и инспектора съ утвержденія синода,—всѣхъ должностныхъ лицъ, кромѣ эконома; перемѣщеніе преподавателей съ одной каѳедры на другую (съ утв. преосв.);

представленіе Синоду съ своей стороны одного кандидата на ректорство. Въ случаѣ несогласія совѣта съ мнѣніемъ архіерея, первому (безъ вторичнаго разсмотрѣнія дѣла) предоставлялось непосредственно обращаться за разрѣшеніемъ къ высшему начальству; при неполученіи отъ архіерея резолюціи въ теченіи трехъ дней совѣтъ могъ приводить свое рѣшеніе въ исполненіе безъ архіер. утвержденія. Правленіе семинаріи, по проэкту Тихомандрицкаго, состояло изъ ректора, инспектора, одного преподавателя по выбору совѣта, одного члена отъ духовенства и врача съ правомъ голоса по дѣламъ здоровья. Правленію предоставлялось, кромѣ дѣлъ хозяйственныхъ, разсмотрѣніе опущеній и злоупотребленій всѣхъ служащихъ, кромѣ ректора, и наложеніе взысканія. Разбирательство по жалобамъ на служащихъ возлагалось на особый комитетъ изъ членовъ совѣта, правленія и другихъ лицъ по назначенію архіерея. Въ проектѣ Тихомандрицкаго не порывалась еще и связь семинарій съ академіями. По важнѣйшимъ учебнымъ дѣламъ семинаріи должны были входить съ представленіями въ окружныя академическія конференціи; равно и при выборѣ наставниковъ и помощниковъ инспектора академіямъ принадлежала рекомендація кандитатовъ. Въ проэктѣ воспитательной части, составленномъ Михаиломъ, въ основу воспитанія полагались любовь и участіе. По сравненію съ окончательно выработаннымъ уставомъ въ редакціи Михаила были тѣ особенности, что оставлялись „старшіе“ и регламентація правилъ надзора и поведенія гораздо болѣе подробная. Въ первоначальномъ уставѣ училищъ, составленномъ Лебедевымъ, соотвѣтственно предположенію передать училища въ епархіальное вѣдѣніе, власть еп. архіерея по отношенію къ училищамъ представлялась весьма широкой. Архіерею предоставлялось разрѣшать открытіе новыхъ училищъ, опредѣлять и увольнять должностныхъ лицъ, назначать имъ взысканія, производить ревизію училищъ, окончательно рѣшать всѣ училищныя дѣла. По сравненію съ будущей окончательной редакціей первоначальный проэктъ училищнаго устава еще имѣлъ тѣ особенности, что здѣсь педаг. совѣту семинарій предоставлялась рекомендація на должности въ училище, должность смотрителя не совмѣщалась съ обязанностями преподавателя, смотритель, инспекторъ и преподаватели опредѣлялись, а не выбирались, училищный совѣтъ состоялъ изъ смотрителя, инспектора и 2—3 членовъ отъ духовенства, наставники же въ него не приглашались.

Для исчисленія расходовъ на содержаніе дух. уч. заведеній комитетъ составилъ особую комиссію, подъ предсѣдательствомъ пр. Нектарія, изъ Тихомандрицкаго, Сергіевскаго, Лебедева, Шаврова и директора хоз. управленія д. с. с. Лаврова. Комиссія составила сначала проэктъ расходовъ въ такомъ родѣ. На жалованье служащимъ въ академіяхъ, при назначеніи имъ университетскихъ окладовъ, требовалось 217,860 р.; на содержаніе студентовъ академіи по 120 на академію и по 175 руб. на человѣка — 84,000 р.; на содержаніе академич. зданій — 29,513 р.; а всего на академіи—347,988 р. На семинаріи, при сравненіи жалованья со штатами гимназій, на жалованіе служащимъ назначалось 806 тыс. и на содержаніе 8040 воспитанниковъ по 90 р. на каждаго—723,600 руб.; на содержаніе домовъ, съ прибавкой къ существующему по 400 р. на семинарію,—210,009 р.; а всего на семинаріи — 1.961,338 руб. На жалованье служащимъ въ училищахъ назначалось 407 тыс. р. На академіи, семинаріи и училищныхъ служащихъ вмѣстѣ такимъ образомъ ассигновалось 2.716,326 руб. изъ общихъ средствъ дух. уч. вѣдомства 3.186,901 руб., ($1^1/_2$ мил. госуд. пособія и 1.686,901 р. спеціальн. средствъ Синода). Остатокъ 470,575 руб. предоставлялся въ распоряженіе еп. духовенства на содержаніе дух. училищъ. При обсужденіи въ комитетѣ этого проэкта нѣкоторые члены заявили, что суммы на содержаніе домовъ недостаточны, и комиссіи было предложено, нельзя ли уменьшить суммы на казенныхъ учениковъ. Сообразно съ этими указаніями комиссія измѣнила свой первый проэктъ. Число казенныхъ учениковъ въ семин. было уменьшено до 6517 чел. и сумма на нихъ понизилась до 586 530 р. На содержаніе же домовъ было прибавлено на академіи ок. 5 тыс. и на семинаріи 40 тыс. Остатокъ отъ расходовъ увеличился при этомъ до 563,158 р. Изъ этой суммы предположено было 60 тыс. отчислять ежегодно къ суммамъ (140 тыс.) строительнаго капитала, чѣмъ послѣднія доводились до 200 тыс., а остатокъ 503 тыс. отдавать духовенству на училища, если не будетъ какой либо экстренной нужды. Впрочемъ, этимъ предположеніямъ суждено было еще значительно измѣниться впослѣдствіи. Жалованье училищныхъ служащихъ было возвышено настолько, что сумма его возросла до 743 тыс. Вслѣдствіе этого остатокъ, предназначенный въ пособіе духовенству на училища, сильно уменьшился.

Первоначальные проэкты уставовъ, по разсмотрѣніи ихъ въ комитетѣ, подвергались нѣсколько разъ измѣненіямъ. Уставъ семинарій исправлялся дважды въ теченіи 1866 года. При этомъ въ этихъ послѣдовательныхъ измѣненіяхъ большую роль сыграла та внутренняя борьба, которая началась въ комитетѣ съ того времени, какъ онъ выработалъ въ концѣ мая 66 года основныя положенія будущей реформы. Архимандриты Филаретъ и Михаилъ, подавшіе тогда отдѣльныя мнѣнія, въ послѣдующихъ работахъ комитета стали занимать все болѣе и болѣе оппозиціонную роль. Архим. Михаилъ, впрочемъ, съ лѣта 66 года рѣдко присутствовалъ на собраніяхъ комитета, и оппозиціонная миссія выпала преимущественно на долю Филарета. Послѣдній не соглашался съ большею частью комитетскихъ заключеній, а когда дѣло дошло до экономическихъ предположеній, то онъ сталъ прилагать къ журналамъ комитета такого рода рѣзкія мнѣнія: „при неопредѣленности и безпослѣдовательности, съ которыми ведется дѣло, порученное комитету, не могу отозваться ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ къ содержанію настоящаго журнала“ (къ журн. 29-го сент. и 4-го окт.). Наконецъ, когда въ комитетѣ были разсмотрѣны первоначальные проэкты уставовъ и приступлено къ ихъ окончательной редакціи, архимандриты Филаретъ и Михаилъ 10-го декабря представили, въ противовѣсъ комитетскому плану, свой собственный проэктъ преобразованія епархіальныхъ учебныхъ заведеній [1]). Въ этомъ проэктѣ они детально развивали ту мысль, которую высказали еще въ своихъ первыхъ особыхъ мнѣніяхъ къ комитетскому журналу 27 мая, что во имя соглашенія интересовъ духовенства съ интересами церкви лучше учредить особо спеціально—богословскія и общеобразовательныя духовныя школы. Такого рода организація, по ихъ мнѣнію, имѣетъ слѣдующія выгоды. При существующемъ порядкѣ, воспитанники дух. уч. заведеній лишены свободы въ выборѣ призванія и нерѣдко идутъ на духовное служеніе поневолѣ, потому что они поступаютъ въ училище въ несознательномъ возрастѣ и не могутъ затѣмъ выйти изъ него въ другое уч. заведеніе по трудности такого перехода и недостатку средствъ. Съ другой стороны и люди изъ другихъ сословій, искренно расположенные къ духовному служенію, не могутъ по свободному желанію получать бого-

[1]) Проектъ этотъ напечатанъ полностью въ Тр. Кіев. Д. А. 1867 г., мартъ, стр. 317—385 и въ извлеченіи въ № 39 Церк. Вѣд. за 1905 г.

словское образованіе, потому что въ раннемъ возрастѣ не въ состояніи располагать собою. Поэтому проэктъ считалъ необходимымъ устроить такія училища, которыя по спеціальному курсу наукъ назначались бы исключительно для приготовленія къ священнослужительскому званію и въ которыя могли бы поступать лица изъ всѣхъ сословій по полученіи общаго образованія, когда они уже могутъ сознательно располагать собою. Но вмѣстѣ съ такими училищами необходимо устройство и общеобразовательныхъ училищъ духовныхъ, потому, во-первыхъ, что духовенство не въ состояніи содержать своихъ дѣтей въ гражданскихъ училищахъ, и, во-вторыхъ, потому, что нельзя разсчитывать на достаточное количество желающихъ поступить въ духовное званіе изъ другихъ сословій по необезпеченности духовнаго служенія, а между тѣмъ образованіе дѣтей духовенства въ свѣтскихъ школахъ ослабило бы и въ дѣтяхъ духовенства наслѣдственное расположеніе къ своему званію и въ результатѣ богословскія училища могли бы остаться полу-пустыми. Поэтому проэктъ архимандритовъ и предлагалъ изъ существующихъ семинарій образовать спеціально-богословскія семинаріи [1]) съ трехлѣтнимъ курсомъ, а изъ духовныхъ училищъ—семилѣтнія общеобразовательныя училища съ курсомъ классическихъ гимназій и лишь съ тѣмъ незначительнымъ различіемъ отъ послѣднихъ, что въ нихъ преподавался бы въ болѣе широкомъ видѣ Законъ Божій и изучались бы логика и психологія. Въ семинарію, по проэкту, могли поступать лица 17—30 лѣтъ, съ среднимъ образованіемъ. Число учениковъ семинаріи опредѣлялось количествомъ ежегодныхъ священническихъ вакансій, но безъ слишкомъ строгаго ограниченія нормой, потому что люди съ богословскимъ образованіемъ никогда не лишни. Въ духовныя общеобразов. училища могли поступать всѣ дѣти духовенства, а также и дѣти другихъ сословій, но послѣднія съ такою же платою, какъ въ гимназіяхъ. Окончаніе семикласснаго духовнаго училища должно было давать права средняго образованія. Курсы въ семинаріи и училищѣ полагались одногодичные. Семинарія и училище были учрежденіями самостоятельными, съ своими особыми штатами. Штатъ семинаріи состоялъ изъ ректора,

[1]) Въ сем. препод. науки: основное богословіе, св. писаніе, церковная исторія, догматическое богословіе, нр. богословіе, литургика, церковное право, пастырское богословіе, гомилетика, ученіе о русскомъ расколѣ, педагогика и для желающихъ евр. языкъ.

инспектора, семи профессоровъ, пом. инспектора, библіотекаря, секретаря, врача и эконома. Штатъ полнаго училища состоялъ изъ ректора, 15 преподавателей, двухъ воспитателей, письмоводителя, библіотекаря и врача. Нормою учениковъ въ классѣ проэктъ считалъ для семинаріи 70 чел., а для училищъ—50. Поэтому, по разсчету двухъ архимандритовъ, въ семинаріяхъ параллельныя отдѣленія могли потребоваться развѣ лишь въ Москвѣ и Воронежѣ. Въ духовныхъ училищахъ проэктъ полагалъ устройство параллельныхъ классовъ въ разномъ количествѣ. При этомъ, по проэкту, такъ какъ курсъ общеобразов. училищъ удобно дѣлился на двѣ части (четыре высшихъ класса и три низшихъ), то для удобства допускалось раздѣльное существованіе послѣднихъ четырехъ и первыхъ трехъ классовъ въ видѣ особыхъ училищъ. Училище трехклассное въ такомъ случаѣ имѣло и своего особаго начальника—смотрителя и могло помѣщаться, по образцу бывшихъ духовныхъ училищъ, въ уѣздныхъ городахъ [1]). Всего, по проэкту, предполагалось 47 семинарій въ новомъ видѣ (астраханскую, рижскую и якутскую сем. предполагалось оставить, по мѣстнымъ условіямъ, въ прежнемъ видѣ), и 22 семиклассныхъ училища, 28 четырехклассныхъ (съ IV по VII кл.) и 40

[1]) Учебные предметы по урокамъ распредѣлялись въ семинаріи и училищѣ въ такомъ родѣ (при 1½ час. урокахъ въ сем. и 1¼ въ учил.).

СЕМИНАРІЯ.

Предметы.	Классы. I.	II.	III.	Всего уроковъ.
Основное богосл.	4	—	—	4
Св. Писаніе . .	6	2	—	8
Церк. исторія .	6	—	—	6
Ист. рус. церкви и рус. расколъ	—	3	4	7
Догмат. и облич. богословіе . .	—	6	2	8
Прав. бог. . . .	—	3	—	3
Литургика . . .	—	2	4	6
Церк. право . .	—	—	2	2
Пастыр. бог. . .	—	—	2	2
Гомилетика . . .	2	2	2	6
Педагогика . . .	—	—	2	2
Евр. яз.	—	—	2	2

УЧИЛИЩЕ.

Предметы.	Классы. I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	VII.	Всего уроковъ.
Законъ Божій .	2	2	2	3	3	3	3	18
Рус. яз. съ сл в. и словесность.	4	4	4	4	4	2	2	24
Психолог. и логика	—	—	—	—	—	3	3	6
Латин. яз. . . .	4	4	4	3	3	3	3	24
Греч. яз.	4	4	4	3	3	3	3	24
Франц. или нѣмец. яз. . . .	—	—	—	3	3	3	3	12
Географія съ ест. исторіею . . .	3	4	5	—	—	—	—	12
Гражд. исторія .	—	—	—	3	3	3	3	12
Математика, физика и космогр.	3	3	2	4	4	3	3	22
Церков. пѣніе .	2	2	2	—	—	—	—	6

трехклассныхъ (съ I—III кл.), съ извѣстнымъ количествомъ паралельныхъ отдѣленій, смотря по числу учениковъ училищъ. Уменьшеніе количества училищъ, по мнѣнію авторовъ проэкта, не нарушало интересовъ духовенства, потому что училища эти были семиклассныя, а затѣмъ сокращеніе уѣздныхъ училищъ во многихъ отношеніяхъ даже удобно. Что касается способовъ содержанія всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній, то, по мнѣнію архимандритовъ, академіи и семинаріи, какъ имѣющія общественное значеніе, должны содержаться на счетъ госуд. пособія въ $1^1/_2$ милл., а училища, какъ имѣющія сословное значеніе, на счетъ спеціальныхъ средствъ дух.-уч. вѣдомства. На каждую семинарію, по проэкту, при назначеніи содержанія преподавателямъ по 1200 р. [1]), назначалось по 13,770 р., а на всѣ вмѣстѣ—714,827 р. На каждое полное училище, безъ паралельныхъ отдѣленій, при назначеніи ректору и преподавателямъ старшихъ классовъ жалованья гимназическаго, а учителямъ младшихъ классовъ (со среднимъ образованіемъ) жалованья вполовину меньшаго, ассигновалось по 20,760 р., а на всѣ училища—1,509,660 р. На академіи разсчитывалось 350 тыс. р. и на сод. бѣдныхъ ученикомъ семинарій ок. 450 тыс. рубл. Затѣмъ изъ всѣхъ средствъ дух. уч. вѣдомства, по разсчету архимандритовъ, и за отчисленіемъ суммы на разные расходы, можно было предоставить еще до 200 тыс. руб. на пособіе епархіямъ въ содержаніи бѣдныхъ училищныхъ учениковъ.

Проэктъ двухъ архимандритовъ, какъ, конечно, и слѣдовало ожидать, въ комитетѣ не встрѣтилъ сочувствія, какъ не встрѣчали таковаго раньше ихъ отдѣльныя мнѣнія [2]). Комитетъ отвергнулъ этотъ проэктъ, какъ говорила потомъ объяснительная записка къ уставу 1867 г., на слѣдующихъ основаніяхъ. Осуществленіе мысли о духовныхъ гимназіяхъ и спеціальныхъ богословскихъ школахъ, по его мнѣнію, повлекло бы за собою неустойчивое существованіе послѣднихъ. При необезпеченности духовенства, богословскія училища будутъ привлекать весьма немногихъ, такъ какъ изъ гимназіи открывается дорога въ университетъ и къ другимъ болѣе выгоднымъ мѣстамъ службы.

[1]) Жалованье преподавателямъ сем. архимандриты исчисляли больше потому, что семинаріи—полусреднія—полувысшія уч. заведенія.

[2]) Послѣ подачи своего проэкта оба архимандрита уѣхали изъ Петербурга въ мѣста своей службы и больше уже не возвращались, будучи 15 января 67 г. оффиціально освобождены отъ присутствія въ комитетѣ.

Учащіеся въ духовныхъ гимназіяхъ, при такихъ условіяхъ, едва ли будутъ приготовлять себя на служеніе церкви. Надлежащее расположеніе будетъ развиваться въ питомцахъ лишь тогда, когда они будутъ имѣть передъ собою одну цѣль — духовное служеніе. Съ другой стороны, и въ матеріальной части проэктъ представлялся комитету необоснованнымъ. Разсчетъ средствъ, сдѣланный архимандритами, по мнѣнію комитета, былъ не совсѣмъ правиленъ и средствъ дух. вѣдомства было бы недостаточно на содержаніе богословскихъ училищъ и гимназій; главное же—не было зданій для послѣднихъ, такъ какъ существовавшія духовныя училища съ тремя отдѣленіями потребовали бы капитальныхъ перестроекъ съ громадными затратами для приспособленія ихъ подъ семиклассныя гимназіи. Но проэктъ комитетской оппозиціи, тѣмъ не менѣе, имѣлъ не маловажное вліяніе на ходъ комитетской работы. Проэктъ этотъ былъ выдвинутъ во имя интересовъ духовенства, которые, по мнѣнію архимандритовъ, особенно больно затрагивались нормальными штатами. До комитета доходили свѣдѣнія, что духовенство дѣйствительно сильно встревожено: оно ждало избавленія отъ протасовскаго ига, а ему готовилось еще худшее. И нѣкоторые іерархи подняли свой голосъ на защиту интересовъ дух. сословія. Въ декабрѣ 66 г. м. м. Филаретъ представилъ записку, въ которой говорилъ, что лучше не назначать нормальнаго числа учениковъ въ семинаріяхъ или назначить возможно большее, чтобы былъ выборъ и можно было назначать въ священники не ранѣе 30 лѣтняго возраста. Филаретъ высказывалъ также, что нѣтъ нужды заставлять всѣхъ учениковъ семинаріи жить въ общежитіи, а можно дозволить жить и на квартирахъ, такъ какъ общежитія немноголюдныя лучше. Подъ вліяніемъ всего этого, комитетъ нашелъ необходимымъ тѣмъ или инымъ способомъ, дѣйствительно, болѣе обезпечить интересы духовенства въ воспитаніи его дѣтей. Поэтому въ третьей редакціи семинарскаго устава, составленной къ концу декабря, онъ уже отступилъ нѣсколько отъ принятыхъ имъ въ началѣ основныхъ предположеній. Мысль объ обязательномъ содержаніи учениковъ старшихъ классовъ сем. на казенномъ содержаніи въ общежитіи, съ лишеніемъ правъ на таковое содержаніе остальныхъ, принятая раньше, была оставлена, и относительно распредѣленія казенныхъ стипендій введено прежнее правило,—что онѣ даются бѣднымъ и достойнѣйшимъ изъ всѣхъ учениковъ семинаріи. А чтобы ослабить

строгость нормальныхъ штатовъ, были приняты слѣдующія мѣры. Нормальные штаты должны были опредѣлять количество учениковъ, потребное для цѣлей церкви. Сообразно этому количеству назначалось въ каждой семинаріи опредѣленное число штатныхъ классовъ, считая за норму, чтобы въ трехъ младшихъ классахъ было не болѣе 50 чел. въ каждомъ, а въ трехъ старшихъ классахъ — не болѣе 55. Но сверхъ нормальныхъ классовъ теперь духовенству предоставлено было, въ случаѣ надобности, открывать на свои средства параллельныя отдѣленія. Кромѣ того, дозволялось принимать и въ нормальные классы столько учениковъ, сколько можно было помѣстить, не выходя изъ нормы 50 и 55 чел. на классъ. Послѣднимъ дозволеніемъ уже сами по себѣ первоначальныя общія нормы значительно расширялись: теперь нормальное число измѣрялось уже не столько потребностью въ кандидатахъ священства, сколько вмѣстимостью штатныхъ классовъ [1]). Вмѣстѣ съ этимъ въ распорядкѣ семинарскаго курса была рѣзче проведена грань между курсомъ общеобразовательнымъ и спеціальнымъ, и по окончаніи перваго открывался выходъ на другія поприща жизни тѣмъ, кто не чувствовалъ склонности къ духовному служенію. Такимъ образомъ комитетъ постарался соединить съ своимъ планомъ всѣ тѣ главныя цѣли, къ которымъ стремился проэктъ меньшинства.

Въ новой, окончательно выработанной къ концу декабря, редакціи проэктъ комитета затѣмъ подвергся еще нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ январѣ 1867 года были представлены комитету отзывы о проэктѣ м. м. Филарета и оберъ-прокурора. Первый въ своемъ отзывѣ предлагалъ отдавать при поступленіи въ семинарію все-таки преимущество дѣтямъ духовнаго званія, считалъ необходимымъ съ должностями ректора и инспектора и смотрителя соединить преподавательство (чего въ проэктѣ не было), считалъ общія собранія правленія слишкомъ многолюдными [2]). Въ другомъ отзывѣ, немного позднѣйшаго времени (15 янв.), м. Филаретъ отозвался и о проэктѣ двухъ

---

[1]) Мысль о параллельныхъ отдѣленіяхъ, открываемыхъ за счетъ духовенства, если онѣ не вызывались потребностями церковными, какъ видно изъ письма оберъ-прокурора къ казанскому архіеп. Антонію отъ 12 марта 67 года, была подана оберъ-прокурору этимъ архіереемъ во время свиданія ихъ въ Москвѣ въ 66 году и затѣмъ сообщена комитету, который и развилъ ее (письмо об.-пр. въ дѣлѣ К. О. П. 66 г. № 395).

[2]) Отзывъ Филарета напечат. въ собр. мн. и отз. т. V, стр. 916—922.

архимандритовъ — отрицательно [1]). Оберъ-прокуроръ съ своей стороны считалъ необходимымъ, чтобы семинаріи были изъяты изъ подчиненія академіямъ (въ проэктахъ комитета все еще не порывалась связь сем. съ академіями), такъ какъ опытъ доказалъ неудобство этого порядка; лучше избѣжать академій и въ порядкѣ назначенія преподавателей. Вмѣсто того, по мнѣнію оберъ-прокурора, необходимо было учредить въ Петербургѣ Ученый Комитетъ и ревизіи сдѣлать центральными. Затѣмъ оберъ-прокуроръ желалъ нѣсколько ограничить компетенцію педагогическихъ собраній. Такъ, по его мнѣнію, не слѣдовало предоставлять преподавателямъ право заявлять правленію свои соображенія объ измѣненіи программъ, давать право правленію входить въ соображенія объ измѣненіи числа уроковъ каждаго предмета по классамъ, разсматривать предположенія о преподаваніи новыхъ предметовъ, выбирать учебники и пособія, разсматривать инструкцію инспектору, составлять правила для учениковъ, имѣть сужденія о необходимхъ по указанію опыта измѣненіяхъ въ уставѣ. Кромѣ того, по мнѣнію оберъ-прокурора, слѣдовало допустить въ богословскіе классы лицъ съ среднимъ свѣтскимъ образованіемъ, церковное пѣніе сдѣлать обязательнымъ, отмѣнить проэктируемое пониженіе въ разрядномъ спискѣ за поведеніе, отмѣнить правило о награжденіи учителей семинаріи за особыя заслуги званіемъ профессора, молодымъ наставникамъ не сразу назначать полное жалованье, а прослужившихъ 25 лѣтъ увольнять со службы. Многія изъ этихъ поправокъ, предложенныхъ м. Филаретомъ и оберъ-прокуроромъ, были, какъ мы увидимъ, приняты комитетомъ (и между прочимъ мысль объ уничтоженіи административной связи семинарій съ академіями). Мѣсяцъ спустя, въ февралѣ 67 года, прислалъ свой отзывъ о проэктѣ комитета и его отсутствующій предсѣдатель — м. Арсеній (Комитетъ слушалъ этотъ отзывъ 23-го февраля) [2]). Въ своемъ письмѣ къ оберъ-прокурору м. Арсеній говорилъ, что онъ сожалѣетъ о раздѣленіи комитета на двѣ явно враждебныя стороны, и что

---

[1]) См. тамъ-же, стр. 926—930.

[2]) М. Арсенія, по словамъ П. С. Казанскаго (Прав. Обозр. 1881 г., іюнь—іюль, стр. 360), въ одномъ письмѣ его въ октябрѣ 66 г., намѣренно не вызывали въ синодъ, желая безъ него кончить дѣло преобразованія семинарій. Если такое извѣстіе справедливо, то очевидно м. Арсеній, какъ человѣкъ весьма твердый и неуступчивый, считался, съ его взглядами, неудобнымъ для проведенія поставленныхъ комитету задачъ.

самъ онъ не можетъ признать вполнѣ удовлетворительнымъ ни устава большинства, ни проэкта меньшинства, но во всякомъ случаѣ болѣе склоненъ къ первому, такъ какъ онъ менѣе предполагаетъ ломки въ существующемъ строѣ; проэктъ же меньшинства требуетъ большихъ средствъ на приспособленіе зданій и предполагаетъ рѣзкое разграниченіе курса общеобразовательнаго и богословскаго, что вредно для юношества и не обѣщаетъ никакой пользы. Поэтому м. Арсеній готовъ былъ подписаться подъ уставомъ большинства, но высказывалъ лишь слѣдующія свои замѣчанія. Комитетъ, говорилъ онъ, не принялъ во вниманіе приготовленіе для епархій особыхъ проповѣдниковъ слова Божія, для чего надо бы и увеличить штатное число учениковъ. Распредѣленіе окладовъ жалованья наставникамъ, принятое комитетомъ, по мнѣнію митрополита, весьма несправедливо, такъ какъ за предметы наиболѣе важные (богословіе, философія) и наименѣе важные (языки) назначается одинаковый окладъ, между тѣмъ какъ разные предметы требуютъ и разнаго труда. Для приготовленія воспитанниковъ къ жизни, по мнѣнію м. Арсенія, слѣдовало образовать особый заключительный классъ (1 или 2-хъ годичный), въ которомъ бы окончившіе семинарскій курсъ могли привести въ стройную систему полученныя свѣдѣнія; въ этотъ классъ отнести преподаваніе педагогики и каноническаго права. Въ священники митр. предлагалъ посвящать въ 30 лѣтъ, а до этого опредѣлять въ учителя церк.-прих школъ. Изъ предметовъ сем. курса м. Арсеній считалъ полезнымъ основное богословіе соединить съ догматическимъ, а вмѣсто метафизики исключить обзоръ философскихъ системъ; уроки сдѣлать $1^1/_2$ час. Наблюденіе надъ общимъ ходомъ преподаванія, по мнѣнію митрополита, слѣдовало предоставить академіямъ. Но замѣчаній м. Арсенія комитетъ не принялъ. найдя, что бо̀льшая часть возбужденныхъ имъ вопросовъ была уже обсуждаема. Въ концѣ января прислалъ оберъ-прокурору встревоженное письмо и архіепископъ казанскій Антоній (бывшій смоленскій), ходатайствуя объ отмѣнѣ штатнаго положенія для казанской епархіи. Въ своемъ отношеніи преосвященный указывалъ всѣ отрицательныя послѣдствія штатнаго положенія, введеннаго при Протасовѣ, и особенно указывалъ на то, что нормальные штаты понижаютъ образовательный и нравственный уровень духовенства, лишая архіереевъ возможности выбора между кандидатами и ослабляя ревность къ службѣ и въ самомъ духовенствѣ. Но

оберъ-прокуроръ успокоилъ пр. Антонія, сообщивъ ему, что комитетъ воспользовался поданной имъ мыслью о параллельныхъ отдѣленіяхъ, вслѣдствіе чего строгость нормъ ослабляется, а штатная норма возвышается до размѣровъ вмѣстимости штатныхъ классовъ.

9-го марта 1867 года были, наконецъ, подписаны членами комитета въ послѣдней редакціи проэкты уставовъ семинарій и училищъ. Подъ проэктами подписались пр. Нектарій, священники Богословскій и Лебедевъ, Ржевскій, Воскресенскій, Тихомандрицкій и Сергіевскій. Св. Синодъ, сдѣлавъ лишь незначительныя поправки въ проэктахъ, представилъ ихъ на высочайшее утвержденіе, и 14 мая 1867 года уставы семинарій и училищъ были утверждены.

По уставу 1867 года, семинаріи и училища въ значительной степени возвращены были къ уставамъ 1814 г. Правда, теперь имъ ставились нѣсколько различныя цѣли. Въ то время какъ семинаріи назначались для приготовленія юношества къ служенію правосл. церкви (§ 1 у. с.), духовныя училища— для первоначальнаго образованія дѣтей духовенства (§ 1 у. уч.), хотя въ нихъ допускались за плату и дѣти другихъ сословій (§ 8 у. у.) [1]). По уставу же 1814 г. всѣ духовно-учебныя заведенія имѣли задачей образованіе просвѣщенныхъ служителей слова Божія. Такая раздѣльность цѣлей въ новомъ уставѣ указывала на то, что духовныя училища имѣютъ скорѣе сословное, чѣмъ церковное значеніе, почему для училищныхъ учениковъ по окончаніи курса и открывался свободный выходъ, куда они пожелаютъ (§ 10 у. уч.). Но въ сущности говоря, духовныя училища и по уставу 1867 года оставались приготовительными классами семинаріи, какими они были по уставу 1814 г. Та самостоятельность училищъ, какую хотѣло придать имъ протасовское преобразованіе, теперь была окончательно уничтожена; и только преграда въ видѣ пріемныхъ экзаменовъ и штатовъ, стоявшая между семинаріями и училищами, отличала духовныя училища отъ обычныхъ низшихъ классовъ средняго учебнаго заведенія.

---

[1]) Доступъ иносословнымъ въ училище по комитетскому проэкту открывался лишь условно—при достаточности средствъ и помѣщеній. Но въ уставѣ, вышедшемъ изъ рукъ Синода, пріемъ иносословныхъ уже не ограничивался никакими условіями.

Организація учебнаго курса по уставу 1867 г. представлялась въ слѣдующемъ видѣ. Въ духовныхъ училищахъ предметы и уроки (по $1^1/_4$ ч.) распредѣлялись такъ (см. прилож. къ § 85 уст. д. у.).

ПРЕДМЕТЫ.	Число уроковъ въ классахъ.				Итого число уроковъ.
	I.	II.	III.	IV.	
Св. ист. в. зав.	3	—	—	—	12
Св. ист. нов. зав.	—	3	—	—	
Катихизисъ	—	—	3	—	
Окончаніе катихизиса и объясн. богослуж. съ церк. уставомъ	—	—	—	3	
Рус. и слав. яз.	4	3	3	1	11
Греч. яз.	—	4	5	9	18
Лат. яз.	8	5	5	4	22
Ариѳметика	3	3	3	2	11
Географія	—	—	3	3	6
Чистописаніе	2	2	—	—	4
Церковное пѣніе	2	2	Во внѣкласное время.		4

Такимъ образомъ изъ курса духовныхъ училищъ были удалены введенные при Протасовѣ предметы—объясненіе евангелій и апостоловъ и русская исторія; количество часовъ на всѣ учебные предметы сократилось, потому что курсъ былъ сдѣланъ четырехлѣтнимъ вмѣсто шестилѣтняго и учебныхъ часовъ въ недѣлю назначено по $27^1/_2$ вмѣсто 34. Но основа училищнаго курса осталась по прежнему классическою, такъ какъ на древніе языки отводилось ровно половина учебнаго времени, если не считать чистописаніе и пѣніе.

Въ семинаріи учебный курсъ опредѣлялся въ такихъ рамкахъ (см. прилож. № 2 къ уст. д. с.).

ПРЕДМЕТЫ.	Число уроковъ въ классахъ (по $1^1/_4$ часа).						Итого уроковъ въ сем.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Изъясн. Св. Писанія . . .	2	2	3	3	3	3	16
Русская словесность съ исторіею литературы	3	3	—	—	—	—	6

ПРЕДМЕТЫ.	Число уроковъ въ классахъ (по 1¼ часа).						Число уроковъ въ сем.
	I.	II.	III.	IV.	V.	VI.	
Греческій языкъ	5	5	5	5	—	—	20
Латинскій языкъ	4	3	4	4	—	—	15
Французскій или нѣмецкій яз. по	2	2	2	—	—	—	6
Математика	3	4	4	—	—	—	11
Физика	—	—	—	4	—	—	4
Исторія всеобщ. и рус.	3	3	2	—	—	—	8
Логика	—	—	2	—	—	—	2
Психологія	—	—	—	2	—	—	2
Обзоръ философ. ученій	—	—	—	4	—	—	4
Церк. ист. общ. и рус.	—	—	—	—	6	3	9
Литургика	—	—	—	—	3	—	3
Гомилетика	—	—	—	—	4	2	6
Основное богословіе	—	—	—	—	3	—	3
Догматическое богословіе	—	—	—	—	—	6	6
Нрав. богословіе	—	—	—	—	—	2	2
Практическ. руководство для пастырей ц.	—	—	—	—	—	3	3
Педагогика и дидактика	—	—	—	—	1	1	2
Чтеніе отцовъ церкви по гречески	—	—	—	—	2	2	4
Итого уроковъ въ недѣлю.	22	22	22	22	22	22	—

Кромѣ того во внѣклассное время полагались еврейскій языкъ, церковное пѣніе, иконописаніе и гимнастика, изъ каковыхъ предметовъ пѣніе было обязательнымъ [1]), а остальные необязательными. Одинъ изъ новыхъ языковъ ученики изучали по выбору [2]). Такимъ образомъ изъ протасовскаго сем. курса, кромѣ уже ранѣе исключенныхъ наукъ, были исключены комитетомъ: православное исповѣданіе и обозрѣніе богослужеб-

[1]) Пѣніе въ комитетскомъ проэктѣ то-же было необязательнымъ предметомъ, почему и отнесено ко внѣклассному времени. Но Св. Синодъ нашелъ нужнымъ сдѣлать его обязательнымъ предметомъ, хотя росписанія уч. часовъ не перемѣнилъ.

[2]) Кромѣ того § 129 уст. сем. разрѣшалъ, по мѣстнымъ потребностямъ вводить въ семинаріи и особые предметы, напр. уч. о мѣстномъ расколѣ и т. п.

ныхъ книгъ (какъ входящіе въ другіе предметы), герменевтика (потому что общіе пріемы толкованія не требуютъ особой науки), библейская исторія (какъ входящая въ св. Писаніе), патристика (какъ входящая въ церковную исторію и къ отдѣльному преподаванію въ среднемъ учебномъ заведеніи непригодная), обличительное богословіе (оно, по мнѣнію комитета, надлежащимъ образомъ можетъ быть преподано лишь въ высшемъ уч. заведеніи, по сложности и разнообразію содержанія; въ семинаріи же съ исторической стороною разныхъ лжеученій можно познакомиться на урокахъ церк. исторіи и догматики). Исключены были и миссіонерскія отдѣленія. Пастырское же богословіе и каноническое право соединены въ одинъ предметъ—практич. руков. для пастырей, чѣмъ указывалось, что они должны читаться не въ полномъ объемѣ [1]). Вслѣдствіе этого количество предметовъ по новому уставу, по сравненію съ протасовскимъ курсомъ, уменьшилось на 10 (ест. ист., сельск. хоз., медиц., прав. исп., уч. о бог. кн., герменев., библ. ист., патр., облич. бог., ученіе о р. раск.); взамѣнъ же того были введены лишь одинъ изъ нов. языковъ, обзоръ филос. ученій и педагогика. Нѣкоторые предметы общеобразовательнаго курса по сравненію съ прежнимъ значительно сократились по учебному времени. Такъ, на словесность по положенію 1840 г. назначалось 20 ч., а по уставу 67 г. $7^1/_2$ ч., на гражданскую исторію раньше налагалось 14 ч., а по росписанію 67 г.—10 ч. Но большая часть общеобразовательныхъ предметовъ выиграла: на математику и физику было назначено $18^3/_4$ ч. вмѣсто 10—11 ч.; на философскіе предметы 10 ч. вмѣсто 8, на греч. языкъ 30 ч. вм. 22 на новые языки по $7^1/_2$ ч.; на латинскій языкъ въ семинаріи осталось почти прежнее время — $18^3/_4$ ч. вм. 20-ти. Преобладаніе классическихъ языковъ придавало классическій характеръ и семинарскому курсу. Что касается предметовъ богословскихъ, то на св. Писаніе было назначено 20 часовъ вмѣсто прежнихъ 18; на церковную исторію $11^1/_4$ час. вм. прежнихъ 8; на остальныя богословскія науки ок. 29 часовъ вмѣсто прежнихъ 28.

При распредѣленіи наукъ по годамъ комитетъ руководился тѣмъ принципомъ устава 1814 г., чтобы каждая наука преподавалась въ возможно меньшее продолженіе времени, а для этого не преподавалось бы одновременно слишкомъ много на-

[1]) Объясн. зап. къ уст. сем. 67 г. стр. 38.

укъ, и чтобы науки легчайшія преподавались раньше труднѣйшихъ и подготовительныя прежде другихъ [1]). Вслѣдствіе послѣдняго соображенія, а также имѣя въ виду облегчить выходъ изъ школы на другія поприща тѣмъ лицамъ, которыя не будутъ чувствовать склонности къ духовному служенію, комитетъ провелъ такое-же строгое разграниченіе курса общеобразовательнаго и богословскаго, какъ было по уставу 1814 года, сдѣлавъ лишь освященное традиціей того же устава исключеніе въ пользу св. писанія. Отсюда четыре низшіе класса семинаріи съ училищемъ представляли какъ бы законченный общеобразовательный классическій курсъ средняго уч. заведенія. Это давало возможность выхода изъ семинаріи по окончаніи общаго образованія; а съ другой стороны это сдѣлало возможнымъ открыть доступъ со стороны прямо въ богословскіе классы. Комитетъ принялъ мысль оберъ-прокурора, и § 122 устава сем. допускалъ въ пятый классъ сем. лицъ, окончившихъ какое либо среднее уч. заведеніе, не моложе 18 лѣтъ, а также людей зрѣлаго возраста, не моложе 28 лѣтъ, имѣющихъ значительную церковную начитанность; первые поступали по испытаніи въ тѣхъ богословскихъ предметахъ, которыхъ они не проходили въ свѣтскихъ уч. заведеніяхъ, а послѣдніе—по личному усмотрѣнію еп. архіерея.

Въ распредѣленіи предметовъ между наставниками уставъ 1867 года не допускалъ ни прежняго смѣшенія разнородныхъ наукъ, ни произвола мѣстнаго начальства. Штатъ преподавателей въ училищѣ и семинаріи, не смотря на уменьшеніе предметовъ, увеличивался. Въ училищѣ полагалось, кромѣ смотрителя и его помощника, 6 штатныхъ учителей, и предметы распредѣлялись такъ: одинъ учитель преподавалъ Законъ Божій, другой русскій и церковно-славянскій языкъ, третій греческій языкъ, четвертый и пятый латинскій языкъ, шестой ариѳметику и географію; чистописаніе и пѣніе могли преподаваться лицами по вольному найму; смотритель и его помощникъ обязаны были имѣть до шести уроковъ въ недѣлю какого либо предмета училищнаго курса (§ 5 и 64 уст. уч.). Въ семинаріи безъ паралл. отдѣленій полагалось, кромѣ ректора и инспектора, 11 штатныхъ преподавателей: священнаго писанія—1, основного, догматическаго и нрав. богословія—1, гомилетики и литургики—1, церковной исторіи и практиче-

---

[1]) Объясн. зап. къ у. сем., стр. 38.

скаго руководства для пастырей—1, гражданской исторіи—1, словесности и логики—1, психологіи, философіи и педагогики—1, математики съ пасхаліей и физикой—1, латинскаго языка—1, греческаго языка—2; уроки новыхъ языковъ и еврейскаго не имѣли особыхъ штатныхъ преподавателей и могли отдаваться по найму; ректоръ и инспекторъ обязывались преподавать по собственному выбору—первый—одинъ изъ богословскихъ предметовъ (§ 28 у. с.), а второй—вообще одинъ изъ предметовъ сем. курса (§ 40) съ небольшимъ числомъ уроковъ [1]). Въ количествѣ учебныхъ часовъ и ихъ распредѣленіи уставъ 1867 года отказался отъ прежней нераціональной системы. Учебныхъ часовъ въ недѣлю было назначено по $27^1/_2$; уроки были сдѣланы по $1^1/_4$ ч. (§§ 131 у. с. и 84 у. д. у.) и всѣ отнесены на дообѣденное время (между уроками сдѣланы перемѣны по $^1/_4$ ч.). Нормы учениковъ въ классѣ, по сравненію съ прежними, были сильно уменьшены: въ семинаріи назначено нормой по 50 чел. въ трехъ низшихъ и по 55 въ трехъ высшихъ классахъ (§ 130 у. с.), а въ духовномъ училищѣ—по 40 чел. въ классѣ (§ 83 у. д. у.). Относительно методовъ преподаванія уставъ требовалъ, чтобы они имѣли въ виду развитіе самодѣятельности учащихся и чтобы ученіе было разумнымъ, а не механическимъ (§§ 133 уст. с. и 86 у. у.). Упражненіе въ сочиненіяхъ семинаристовъ ставилось по прежнему на видномъ мѣстѣ, но отъ точной регламентаціи ихъ количества уставъ отказался, предоставивъ это педагогическому собранію (§ 134 у. с.). Для содѣйствія развитію учащихся уставъ рекомендовалъ заботиться о внѣклассномъ чтеніи (§§ 135 у. с. и 87 у. у.), для чего въ семинаріяхъ, кромѣ фундаментальныхъ библіотекъ, дозволялось устраивать ученическія (§ 144 у. с.). Для того, чтобы уничтожить разнообразіе оцѣнки ученическихъ успѣховъ и прекратить произволъ и излишнюю снисходительность въ переводѣ изъ класса въ классъ, уставъ вводилъ единообразную, доселѣ существующую, 5-ти балльную систему (§§ 138 у. с. и 90 у. уч). Для избавленія школы отъ безнадежныхъ элементовъ, оставленіе по малоуспѣшности въ семинаріи допускалось только въ первыхъ трехъ классахъ, на годъ; въ другихъ же классахъ это допускалось лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія (§ 141 у. с.). Къ производству экзаменовъ уставъ привлекалъ

---

[1]) Исключеніе дѣлалось для инспектора семинарій малолюдныхъ, гдѣ инспекторъ былъ на правахъ наставника съ нормальнымъ числомъ уроковъ (§ 40 у. с.).

не только начальство, но и преподавателей, и отмѣнилъ прежнюю систему начальственнаго экзаменованія; отмѣнены были и полугодичныя испытанія (§§ 137 у. с. и 89,91 у. уч.). Словомъ, новый уставъ ликвидировалъ всѣ старые антипедагогическіе порядки.

Цѣлью нравственнаго воспитанія въ семинаріяхъ и училищахъ уставъ 67 г. полагалъ религіозно-нравственное образованіе воспитанниковъ и развитіе въ нихъ характера, соотвѣтствующаго ихъ будущему служенію (§§ 95 у. уч. и 145 у. с.). Обязанность воспитателей возлагалась уставомъ по прежнему въ семинаріи преимущественно на инспектора и его помощниковъ; только послѣдніе уже спеціально предназначались для одного воспитательнаго дѣла и не могли занимать другихъ должностей (§ 56 у. с.); въ училищѣ воспитательная роль принадлежала главнымъ образомъ смотрителю и его помощнику (§ 96 у. уч.). Что касается преподавателей, то они привлекались къ дѣлу воспитанія лишь постольку, поскольку это совмѣщалось съ ихъ преподавательскими обязанностями (§§ 147 у. с. и 96 у. уч.). Учрежденіе общежитій для учащихся, на которое столь много обычно возлагалось надеждъ, имѣлось въ виду и уставомъ 1867 г.; но жизнь въ общежитіяхъ не дѣлалась обязательною и ученики могли по прежнему помѣщаться и на квартирахъ (§§ 12 и 163 у. с. и 108 у. уч.). Только относительно казенныхъ учениковъ семинаріи уставъ категорически говорилъ, что они живутъ въ семинаріи (§ 164 у. с.). Что касается воспитательнаго режима, то онъ не выходилъ за предѣлы тѣхъ требованій, какія предъявлялъ и уставъ 1814 г. Посѣщеніе богослуженія требовалось лишь въ праздничные дни (§§ 150 у. с. и 100 у. уч.); говѣніе полагалось дважды въ годъ (§§ 153 у. с. и 101 у. уч.). Въ опредѣленіи внутренняго распорядка жизни уставъ 67 г. отказался отъ прежней точной регламентаціи, предоставивъ составленіе правилъ на этотъ счетъ школьнымъ правленіямъ (§§ 154 у. с. и 103 у. уч.). Нравственное воспитаніе комитетъ, по словамъ объяснительной записки къ уставу, старался поставить по возможности естественно, просто и безыскусственно. Такъ какъ дѣло воспитанія не есть механическое и формальное, то комитетъ призналъ излишнимъ и даже вреднымъ опредѣлять въ уставѣ подробно всю систему воспитанія [1]). Отказался

---

[1]) Объясн. зап. къ уст. сем., стр. 8—9.

уставъ и отъ точнаго опредѣленія мѣръ воспитательнаго воздѣйствія, требуя лишь, чтобы эти мѣры не были грубы и унизительны и употреблялись съ строгой разборчивостью и осторожностью (§§ 157—159 у. с. и 105 у. уч.). Лучшимъ же средствомъ предотвращенія пороковъ и проступковъ уставъ считалъ разумныя и здоровыя развлеченія. Поэтому онъ предписывалъ поощрять занятія музыкою, живописью и другими подобными упражненіяии, развивающими эстетическій вкусъ (§ 160 у. с.). Для развитія и укрѣпленія тѣлесныхъ силъ вводилась гимнастика, занятія на вольномъ воздухѣ, игры, прогулки и т. п. (§§ 161 у. с. и 107 у. уч.).

Въ области административнаго строя семинарій и училищъ уставъ 1867 года произвелъ весьма крупныя перемѣны. Епархіальныя учебныя заведенія съ внѣшней стороны были поставлены въ ближайшее вѣдѣніе епархіальнаго архіерея (§§ 3 у. с. и 3 у. уч.). Епархіальному преосвященному предоставлялись широкія права въ отношеніи ко семинаріи, но еще болѣе широкія по отношенію къ училищамъ. Епархіальный архіерей, какъ главный начальникъ дух. училищъ своей епархіи, имѣлъ высшее наблюденіе надъ исполненіемъ въ семинаріи устава (§ 14 у. с.). Ему предоставлялось право посѣщать семинарію во всякое время (§ 15 у. с.), присутствовать на экзаменахъ (§ 16), дѣлать правленію письменныя предложенія о замѣченныхъ недостаткахъ (§ 17), въ случаѣ важнаго проступка со стороны должностного лица давать правленію предложеніе о временномъ устраненіи виновнаго отъ должности (§ 18), увольнять въ отпуски ректора, инспектора и прочихъ должностныхъ лицъ на срокъ свыше 14 дней (§ 20), представлять служащихъ къ наградамъ (§ 21), опредѣлять на должность, по представленію ректора—помощника инспектора (§ 52) и по представленію правленія—преподавателей (§ 58) и прочихъ должностныхъ лицъ (§ 68); разсматривать всѣ журналы правленія и утверждать ихъ, въ предѣлахъ устава. Однако уставъ ограждалъ служащихъ и школу и отъ произвола еп. архіерея. Окончательное устраненіе отъ должности могло производиться только по обслѣдованіи вины законнымъ порядкомъ (§ 18); а при несогласіи преосвященнаго съ заключеніями правленія, послѣднее сначала подвергало дѣло новому пересмотру, при несогласіи же преосвященнаго и во второй разъ, дѣло представлялось на разрѣшеніе св. Синода (§§ 113 и 114). Въ отношеніи училища епархіальному архіерею предоставлялось

то же наблюдать за исполненіемъ устава (§ 11 у. уч.), посѣщать училища (§ 12), дѣлать предписанія (а не предложенія) правленію о замѣченныхъ недостаткахъ (§ 13), устранять временно отъ должности (§ 14), увольнять въ отпускъ служащихъ (§ 16). Но затѣмъ епархіальному архіерею предоставлялось здѣсь разрѣшать открытіе параллельныхъ отдѣленій и представлять Синоду объ открытіи новыхъ училищъ (§ 18), давать распоряженія по представленіямъ съѣздовъ духовенства (§ 25), утверждать окончательно всѣ журналы училищнаго правленія (§ 42), опредѣлять смотрителя и его помощника, по избранію духовенства (§§ 47 и 62), и преподавателей, по представленію училищнаго или семинарскаго правленія (§ 66). Впрочемъ уставъ 1867 г. не разрывалъ совершенно связи по управленію училищъ и съ семинаріями. На семинарскія правленія возлагалась обязанность руководить училищами по учебно-воспитательной части (§ 4 уст. уч.), а для этого обсуждать программы преподаваемыхъ въ училищахъ предметовъ и изыскивать учебныя руководства, если таковыя не указаны высшей властью (§ 28 у. уч.), указывать лучшія учебныя пособія (§ 29 у. уч.), разсматривать представленія училищныхъ правленій по дѣламъ учебнымъ и воспитательнымъ и давать свои заключенія (§ 30 у. уч.), разсматривать ежегодные отчеты по училищамъ и по нимъ и по отвѣтамъ на пріемныхъ экзаменахъ представлять архіерею о сравнительномъ состояніи училищъ (§ 31 у. у.), рекомендовать на должности преподавателей училищъ, если училищныя правленія не имѣютъ своихъ кандидатовъ (§ 66), и, наконецъ, избирать, по предложенію архіерея, ревизоровъ для обозрѣнія училищъ (§§ 31—32 у. уч.). Заключенія семинарскаго правленія по всѣмъ училищнымъ дѣламъ подлежали утвержденію архіерея, кромѣ дѣлъ о программахъ и учебникахъ, представляемыхъ архіереемъ на утвержденіе Синода (§ 33 у. уч.).

Во внутреннемъ управленіи семинаріями и училищами уставъ 67 г. широко проводилъ выборное начало, привлекалъ къ участію въ школьныхъ дѣлахъ всю школьную корпорацію и тѣмъ полагалъ ограниченіе единоличной власти школьныхъ начальниковъ. Органомъ внутренняго управленія семинаріей осталось правленіе; но оно получило совсѣмъ иную организацію. Собранія правленія различались троякаго рода: обычныя педагогическія, общія педагогическія и распорядительныя. Въ обычныхъ педагогическихъ собраніяхъ присутствовали, подъ

предсѣдательствомъ ректора, инспекторъ, семь членовъ изъ преподавателей, избираемыхъ въ общемъ собраніи, и три члена отъ духовенства, избираемые на епархіальномъ съѣздѣ (§ 94 у. с.). Общія педагогическія собранія состояли изъ всѣхъ преподавателей семинаріи, кромѣ служащихъ по найму (§ 95). Всѣ преподаватели могли быть приглашаемы и въ обычныя педагогическія собранія для совѣщанія, но съ правомъ требовать внесенія въ журналъ своихъ особыхъ мнѣній (§ 95). Въ распорядительныхъ собраніяхъ присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора, инспекторъ и три члена правленія--одинъ изъ преподавателей и два отъ духовенства, избираемые въ общихъ собраніяхъ на три года (§ 96). Обычныя педагогическія собранія по уставу собирались однажды въ мѣсяцъ, если не было экстренной надобности, а распорядительныя—однажды въ недѣлю (§§ 97 и 98 у. с.). Предметами занятій обычныхъ педагогическихъ собраній были: 1) дѣла о пріемѣ, переводѣ и оставленіи учениковъ, 2) разсмотрѣніе вѣдомостей объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, 3) составленіе разрядныхъ списковъ, 4) принятіе на казенное содержаніе, 5) назначеніе наградъ ученикамъ, 6) назначеніе въ академію, распоряженія о выдачѣ аттестатовъ и свидѣтельствъ, 7) исключеніе неблагонадежныхъ учениковъ, 8) избраніе должностныхъ лицъ семинаріи, кромѣ ректора и инспектора, 9) назначеніе испытаній кандидатамъ на учительскую должность, 10) назначеніе преподавателямъ добавочныхъ уроковъ, 11) разсмотрѣніе росписанія уроковъ, 12) соображенія объ открытіи параллельныхъ отдѣленій, 13) разсмотрѣніе предположеній объ измѣненіи программъ, 14) обсужденіе методовъ преподаванія, 15) изысканіе лучшихъ способовъ провѣрки знаній, 16) выборъ книгъ для библіотекъ и составленіе библіотечныхъ правилъ, 17) назначеніе комиссій и времени для экзаменовъ, 18) соображенія о введеніи новыхъ предметовъ по мѣстнымъ потребностямъ, 19) составленіе инструкцій инспектору и его помощникамъ, 20) составленіе правилъ для учениковъ, 21) составленія правилъ о взысканіяхъ, 22) изысканіе воспитательныхъ мѣръ, 23) разсмотрѣніе годичнаго отчета ректора по учебной и нравственной части, 24) разсмотрѣніе годовой смѣты, составляемой въ распорядительныхъ собраніяхъ, 25) дѣла, касающіяся духовныхъ училищъ (§ 106 у. с.). Каждый членъ собранія имѣлъ право представлять свои соображенія объ улучшеніяхъ по той или другой части сем. устройства (§ 104).

Общія педагогическія собранія созывались для избранія кандидатовъ на должности ректора, инспектора и членовъ обычныхъ собраній изъ преподавателей (§ 95). На распорядительныя собранія правленія возлагались всѣ дѣла хозяйственныя и экономическія, а также веденіе послужныхъ списковъ служащихъ и разсмотрѣніе жалобъ, до кого бы онѣ, по семинаріи, ни касались (§ 109 у. сем.). Дѣла во всѣхъ собраніяхъ рѣшались по большинству голосовъ (§ 104); выборъ должностныхъ лицъ совершался закрытой баллотировкой (§ 107). Самое выборное начало осуществлялось слѣдующимъ образомъ. При избраніи ректора правленіе семинаріи въ общемъ собраніи избирало двухъ кандидатовъ; преосвященный доносилъ объ избранныхъ синоду, присоединяя въ случаѣ несогласія съ выборомъ правленія и своего кандидата; отъ синода зависѣло утвердить одного изъ избранныхъ или назначить другое лицо (§ 24). Инспекторъ семинаріи избирался, по уставу, въ общемъ собраніи, изъ преподавателей наличныхъ, а въ семинаріяхъ, имѣющихъ болѣе 150 учениковъ, и изъ бывшихъ; избранный представлялся архіереемъ (безусловно) на утвержденіе синода (§§ 38 и 39 у. с.). Преподавателей семинаріи [1]) избирало обычное педагогическое собраніе послѣ трехъ пробныхъ уроковъ; при неимѣніи своихъ кандидатовъ, правленіе могло сноситься съ академическими конференціями, которыя рекомендовали на учительскія должности своихъ воспитанниковъ также послѣ испытанія ихъ посредствомъ трехъ пробныхъ уроковъ (§ 58 у. с.). Прочія должностныя лица то-же избирались въ обычныхъ собраніяхъ (§ 68), за исключеніемъ помощниковъ инспектора, выборъ которыхъ предоставлялся ректору и инспектору (§ 52). При такомъ устройствѣ управленія семинаріей, ректорская власть сама собою вводилась въ должныя границы, хотя ректоръ и оставался по прежнему ближайшимъ начальникомъ семинаріи (§§ 25,27—34), съ правомъ дѣлать должностнымъ лицамъ внушенія и замѣчанія, а при недѣйствительности этихъ мѣръ доносить архіерею (§ 31).

Уставъ старался съ своей стороны по возможности обезпечить и должныя качества лицъ школьнаго персонала. Ректоръ семинаріи долженъ былъ имѣть степень доктора или магистра. Духовный санъ для ректора считался обязательнымъ (§ 23);

---

[1]) Званіе профессора для преподавателей семинаріи уставомъ 1867 г. отмѣнялось.

но бѣлое и монашествующее духовенство получило равныя права на ректорство, обезпечиваемыя выборнымъ началомъ. Отъ инспектора требовалась степень магистра, и только допускались къ исправленію инспекторской должности кандидаты; духовнаго сана отъ инспектора не требовалось (§ 38). Отъ помощниковъ инспектора и преподавателей сем. требовались степени магистра или кандидата академіи (§§ 53,59); лишь при недостаткѣ кандидатовъ на первую должность уставъ дозволялъ допускать къ ней студентовъ семинаріи (§ 53), равнымъ образомъ къ исправленію учительскихъ должностей допускались еще неутвержденные въ академическихъ степеняхъ (§ 59). Для преподаванія предмевовъ общаго образованія можно было приглашать и наставниковъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній (§ 60). Для повышенія служебной исполнительности, ректорская должность считалась несовмѣстимой ни съ какою другою, кромѣ настоятеля монастыря, если семинарія помѣщалась въ монастырѣ (§ 26); ректоръ и инспекторъ освобождались отъ преподаванія нормальнаго числа уроковъ; преподавателямъ запрещалось занимать какую либо другую должность безъ разрѣшенія архіерея (§ 67).

Что касается внутренняго управленія училищами, то здѣсь преподавательской корпораціи предоставлялось гораздо менѣе участія, чѣмъ въ семинаріи. Правда, прежнее единоличное управленіе смотрителя замѣнялось теперь властью училищнаго правленія; но составъ послѣдняго былъ весьма ограниченъ. Въ него входили, кромѣ смотрителя, его помощникъ, одинъ изъ учителей [1]), избираемый тѣмъ же правленіемъ, и два члена отъ духовенства, избираемые на окружномъ съѣздѣ и утверждаемые еп. архіереемъ (§ 34 у. уч.). Только при обсужденіи важныхъ вопросовъ по учебно-воспитательной части уставъ указывалъ приглашать въ правленіе всѣхъ наставниковъ съ совѣщательнымъ голосомъ и съ правомъ требовать внесенія въ журналъ ихъ особыхъ мнѣній (§ 35 у. уч.). Училищное правленіе въ обыкновенномъ составѣ вѣдало всѣ дѣла, какъ учебно-воспитательныя, такъ и экономическія и другія, предоставленныя въ семинаріи распорядительному собранію (§ 41 у. уч.). Выборное начало по отношенію къ училищнымъ должностямъ тоже было вынесено изъ предѣловъ всей учи-

[1]) Да и то членъ изъ учителей былъ введенъ въ составъ правленія уже Св. Синодомъ; въ комитетской редакціи устава его нѣтъ.

лищной корпораціи. Смотритель училища избирался окружнымъ съѣздомъ духовенства или семинарскимъ правленіемъ, если съѣздъ не представитъ достойныхъ кандидатовъ (§ 47 у. уч.). Помощникъ смотрителя избирался училищнымъ правленіемъ изъ старшихъ наличныхъ учителей (§ 62). Учителя училищъ избирались или училищнымъ или семинарскимъ правленіемъ (§ 66). Отъ смотрителя требовалось имѣть ученую степень магистра или кандидата, и только въ случаѣ крайней необходимости допускался къ смотрительству студентъ семинаріи, не менѣе шести лѣтъ проходившій должность учителя въ духовномъ училищѣ (§ 48). Учителями въ училищѣ могли быть какъ академическіе воспитанники, такъ и студенты семинаріи (§ 66).

Вмѣстѣ съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія епархіальными учебными заведеніями, произошла реформа и высшихъ учебно-административныхъ инстанцій. Эта реформа произошла именно въ томъ духѣ, какъ желательно было оберъ-прокурору, и безъ участія комитета. 3-го мая 1867 года оберъ-прокуроръ сдѣлалъ Синоду предложеніе упразднить Дух.-Уч. Управленіе и учредить вмѣсто него Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ. Мотивами такого преобразованія выставлялись слѣдующія соображенія. Часть дѣлъ дух.-уч. управленія—завѣдыванье капиталами, бухгалтеріею и казначействомъ—отошла отъ него еще въ 1864 году къ Хозяйственному Управленію при Св. Синодѣ. По новымъ уставамъ значительная часть дѣлъ переходила въ вѣдѣніе епархіальныхъ архіереевъ. Оставались дѣла по важнѣйшимъ учебнымъ и педагогическимъ вопросамъ и административная переписка по управленію духовными академіями и училищами для дѣвицъ духовнаго званія и дѣла по инспекторской части, напр., производство чиновъ, наградъ и т. п., а также дѣла хозяйственнаго характера—по постройкѣ зданій, назначеніи прогоновъ и проч. Но дѣла по учебно-воспитательной части подлежали собственному вѣдѣнію Синода и Дух. Уч. Управленіе являлось тутъ только посредствующей инстанціей, къ тому же дѣйствительно замедлявшей ходъ дѣлъ, а дѣла инспекторскія и хозяйственныя не настолько сложны, чтобы для нихъ требовалось особое управленіе. Между тѣмъ, говорилъ оберъ-прокуроръ, Св. Синоду необходимо имѣть учрежденіе, которое могло бы обсуждать учебно-педагогическіе вопросы и занималось этимъ дѣломъ постоянно. Это же учреждение должно производить и ревизіи, такъ какъ существующій

порядокъ ихъ весьма неудобенъ: ревизіи бываютъ рѣдко, только въ концѣ года, и поэтому поспѣшно. Если назначить при центральномъ управленіи особыхъ ревизоровъ, то эти недостатки будутъ устранены. Поэтому оберъ-прокуроръ предлагалъ Д. Уч. Управленіе упразднить, дѣла его по строительной и хозяйственной части передать въ Хоз. Управленіе, переписку по управленію академіями и училищами для дѣвицъ, равно и дѣла по инспекторской части, передать въ Канцелярію Оберъ-Прокурора; для обсужденія же важнѣйшихъ учебно-педагогическихъ дѣлъ учредить при Св. Синодѣ Учебный Комитетъ, расходы на содержаніе котораго (19,200 р.) отнести на счетъ процентовъ съ учебнаго капитала. Св. Синодъ согласился съ предложеніемъ оберъ-прокурора, прибавивъ лишь къ предполагаемымъ четыремъ постояннымъ членамъ Уч. Комитета еще двухъ. 14-го мая, одновременно съ уставами, получилъ Высочайшее утвержденіе и проэктъ преобразованія высшаго управленія. Въ „Положеніи“ объ Учебномъ Комитетѣ его составъ и кругъ его обязанностей опредѣлялись такъ. Учебный Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя, имѣющаго духовный санъ, и 9 членовъ духовныхъ и свѣтскихъ, при чемъ предсѣдатель и духовные члены назначаются Св. Синодомъ, а члены свѣтскіе Синодомъ же, но по представленію оберъ-прокурора. При назначеніи членовъ Уч. Комитета требовалось, чтобы они имѣли высшее образованіе и опытность. Изъ 9 членовъ 3 предназначались спеціально для посылки на ревизіи и присутствовали только въ свободное отъ ревизій время, а 6 были постоянно присутствующими въ комитетѣ. Предсѣдатель и постоянные члены могли занимать и другія должности, а члены—ревизоры—не могли. Кромѣ штатныхъ членовъ, къ занятіямъ въ Комитетѣ могли приглашаться, по мѣрѣ надобности, съ правомъ голоса, и посторонія лица, изъ ученыхъ и педагоговъ, живущихъ въ Петербургѣ или пріѣзжающихъ туда. Обсужденію Учебнаго Комитета подлежали: 1) вопросы по приведенію въ дѣйствіе новыхъ уставовъ дух. училищъ и семинарій, 2) предположенія къ усовершенствованію сихъ заведеній по учебно-педагогической части, 3) программы преподаванія предметовъ въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, 4) учебныя руководства для нихъ, 5) книги, сочиненія и изданія, предположенныя къ распространенію въ сихъ заведеніяхъ, 6) отчеты по ревизіямъ, 7) мѣры по содержанію послѣднихъ отчетовъ, 8) вопросы и предположенія къ устройству училищъ для дѣ-

вицъ дух. званія, 9) назначеніе конкурсовъ на составленіе учебныхъ руководствъ, присужденіе премій, и вообще обсужденіе дѣлъ, касающихся духовнаго просвѣщенія. Заключенія Комитета поступали на разсмотрѣніе и рѣшеніе Синода. Бумаги въ комитетъ должны были посылаться на имя оберъ-прокурора. Для дѣлопроизводства въ Комитетѣ назначались правитель дѣлъ и канцелярскіе чиновники по назначенію оберъ-прокурора [1]). Такимъ образомъ новый порядокъ высшаго дух. уч. управленія порывалъ 60-ти лѣтнюю административную связь семинарій съ академіями, оставивъ за академіями только рекомендацію наставниковъ въ означенныхъ въ уставѣ случаяхъ. Уничтожались и учебные округа.

Экономическая часть учебной реформы 67 года составляла столь же радикальную перемѣну прежнихъ порядковъ, какъ и другія стороны новаго устава. Жалованье служащимъ въ дух. уч. заведеніяхъ было возвышено вдвое и втрое противъ старыхъ скудныхъ окладовъ. При этомъ прежнее дѣленіе епархій на разряды было отмѣнено, будучи признано несправедливымъ, и оклады были сдѣланы единообразными. Преподавателямъ семинаріи по новымъ штатамъ было положено за 12 уроковъ жалованья 900 р. въ годъ и за каждый добавочный урокъ сверхъ 12-ти 60 р. Впрочемъ, было принято предложеніе оберъ-прокурора о назначеніи въ первые годы службы меньшаго оклада, и преподавателямъ, прослужившимъ менѣе 5 лѣтъ, было назначено только 700 р. жалованья и по 50 р. за добавочный урокъ (§ 61 у. сем.). Преподавателямъ, занимавшимъ штатную каѳедру, по которой было и меньше 12 уроковъ, вознагражденіе полагалось одинаковое съ другими за 12 уроковъ. За новые языки и необязательные предметы полагалось поурочное вознагражденіе (на учителей пѣнія и гимнастики положено 400 р. вмѣстѣ). Но за то уставъ 1867 года уничтожалъ прежніе классные оклады и выдачу квартирныхъ пособій или квартиръ натурою для наставниковъ. Ректору семинаріи назначалось жалованья 2000 р. (1200 р. жалов. и 800 р. столовыхъ), инспектору—1500 р. (900 р. жалов. и 600 р. столовыхъ), помощнику инспектора 700 р., при готовыхъ квартирахъ [2]). Экономъ семинаріи, то-же при квартирѣ, получилъ

---

[1]) Дѣло Канц. Об.-Пр. 1-го отдѣлен. 1867 г. № 131—132. Предсѣдателю Комитета назначалось первоначально жалованья 1500 р., членамъ постояннымъ по 1000 р., членамъ ревизорамъ по 2000 р., правителю дѣлъ 1500 р.

[2]) Особой платы за уроки ректору и инспектору не полагалось.

450 р. (должность эконома признана несоединимою съ преподавательскою), врачъ 300 р., секретарь 400 р., на писцовъ—300 р. Обязанности библіотекаря возлагались на преподавателя гражданской исторіи, имѣвшаго 8 уроковъ; а въ томъ случаѣ, гдѣ при параллельныхъ классахъ наставникъ гражданской исторіи имѣлъ болѣе 8 уроковъ, библіотекарю полагалось добавочное вознагражденіе 120 р. Учителямъ училищъ, имѣющимъ по штатной каѳедрѣ до 8 уроковъ, полагалось жалованья 420 р. и за каждый добавочный урокъ сверхъ 12-ти по 20 р. Но съѣздъ духовенства могъ съ своей стороны увеличивать это вознагражденіе (§ 68 у. уч.). На уплату учителямъ чистописанія и пѣнія назначалось 200 р. (по 25 р. за урокъ). Смотрителю училища полагалось 900 р., а помощнику его 600 р., при казенной квартирѣ (безъ особой платы за уроки). Повышены были оклады и по прочимъ статьямъ школьнаго бюджета. На содержаніе казеннаго ученика семинаріи (всѣхъ ихъ 6057) [1]) положено было 90 р. На библіотеку, физич. кабинетъ и періодич. изданія для сем.—400 р. На содержаніе всѣхъ сем. больницъ назначено было 30 тыс. р., на содержаніе церквей—2337 р; на ремонтъ, освѣщеніе, отопленіе, содержаніе домовъ и прислуги въ семинаріяхъ назначалось 250,000 р.; на мелочные и экстраординарные расходы въ семинаріяхъ—8942 р. Распредѣленіе послѣднихъ суммъ предоставлялось Св. Синоду. На канцелярскіе расходы было положено по 100 р. на семинарію. Что касается училищъ, то тамъ всѣ расходы, кромѣ вышеозначеннаго жалованья служащимъ штатныхъ классовъ, возлагались на мѣстныя средства, изыскиваемыя духовенствомъ на училищныхъ съѣздахъ. Каждая епархія по числу училищъ раздѣлялась на участки, называемые училищными округами, границы которыхъ опредѣлялись епархіальнымъ начальствомъ (§ 29 уст. уч.). Духовенство округа должно было заботиться о своемъ училищѣ (§ 20 у. уч.). Для этого однажды или дважды въ годъ должны были устраиваться съѣзды священнослужителей округа, избираемыхъ для этого по одному отъ десяти причтовъ (§ 21 у. уч.). На съѣздѣ присутствовали и члены училищнаго правленія отъ духовенства (§ 22). Съѣзду предоставлялись обсужденіе заявляемыхъ ему свѣдѣній о состояніи училища въ учебномъ и воспитательномъ отношеніи, изысканіе

[1]) Такимъ образомъ въ окончательномъ результатѣ предположенное комитетомъ число казенныхъ учениковъ 6517 было еще понижено на 460 чел.

мѣръ къ лучшему содержанію училища и средствъ къ покрытію расходовъ по училищной смѣтѣ, составляемой училищнымъ правленіемъ; съѣздъ, какъ мы видѣли, избиралъ и смотрителя и членовъ правленія отъ духовенства (§ 24 у. уч.) [1]). Изъ средствъ Св. Синода предполагалось отпускать духовенству только пособіе, въ случаѣ недостатка мѣстныхъ способовъ. Но сумма, находящаяся въ распоряженіи Синода на таковыя пособія, не могла быть значительна, потому что на училища всего оставалось ок. 850 тыс. рубл., такъ какъ расходъ на академіи и семинаріи былъ по штату исчисленъ ок. 2,300 тыс. рубл. (изъ общей суммы ок. 3,200 тыс.); а на жалованье училищнымъ служащимъ по штату исчислялось 743,700 р. На постройку школьныхъ зданій было ассигновано, согласно предположенію комитета, по 200 тыс. р. ежегодно. Относительно содержанія учениковъ уставъ не давалъ подробнаго росписанія стола и одежды, подобно уставу 1814 года, предоставивъ опредѣленіе всего этого мѣстнымъ инстанціямъ, хотя и требовалъ въ семинаріи одежды единообразной и приличной отъ всѣхъ учащихся (§ 174 у. с.). Но во избѣжаніе прежнихъ нежелательныхъ порядковъ семинарскаго хозяйства, объяснительная записка къ уставу 1867 года особо поясняла, что сумма, назначенная на учениковъ, должна расходоваться только на пищу, одежду и учебныя принадлежности учащихся, безъ употребленія на другіе расходы [2]).

Уставъ 67 г. позаботился улучшить положеніе служащихъ въ дух.-уч. заведеніяхъ и съ другихъ сторонъ, кромѣ матеріальнаго вознагражденія за службу. Школьныя должности были повышены въ классахъ. Должность ректора отнесена къ V классу (раньше класса не имѣла), должность инспектора къ VI-му (вмѣсто VIII-го), должность преподавателя семинаріи къ VIII (вм. IX) [3]). Комитетъ 66—67 гг. имѣлъ въ виду

---

[1]) Въ число епархіальныхъ средствъ не входили свѣчные доходы, которые по-прежнему должны были представляться въ центральное управленіе.—Кромѣ окружныхъ съѣздовъ были организованы и съѣзды епархіальные, на которыхъ духовенство всей епархіи могло изыскивать средства къ открытію параллельныхъ классовъ въ семинаріи и къ улучшенію разныхъ сторонъ быта семинаріи, равнымъ образомъ обсуждать и дѣла училищъ, выходящія за предѣлы извѣстнаго училищнаго округа.

[2]) Объясн. зап. къ уст. сем., стр. 53.

[3]) При этомъ по старому правилу еще 1839 года дух. наставники имѣли право на производство въ чины тремя чинами выше должности.

повысить и пенсіи духовнымъ преподавателямъ до размѣра пенсій гражданскимъ наставникамъ по штатамъ 1859 года, оставшимся въ дѣйствіи и послѣ возвышенія жалованья въ 1864 году. Пенсіи же Мин. Нар. Пр. были въ такомъ родѣ. Въ столицахъ и губерніяхъ трехъ разрядовъ послѣдовательно назначались пенсіи: директору гимназіи—1000, 900, 850 и 800 р.; инспектору—850, 800, 750 и 700 р.; старшему учителю—750, 700, 650 и 600 р.; младшему учителю вездѣ 550 р.; смотрителю уѣзднаго училища—500, 450, 400 и 350 р.; учителю наукъ уѣзднаго училища—400, 350, 330 и 300 р. Такія же пенсіи комитетъ 66—67 гг. прэктировалъ и духовнымъ наставникамъ, сравнявъ преподавателя семинаріи съ старшимъ учителемъ гимназіи, преподавателей новыхъ языковъ съ младшими учителями гимназіи, а пенсіи учителямъ духовныхъ училищъ съ пенсіею учителя уѣз. уч. въ губ. 3-го разряда (300 р), такъ какъ по первоначальнымъ предположеніямъ комитета учителямъ духовныхъ училищъ и жалованье проэктировалось 300 р. Источникомъ для выдачи пенсій, по мнѣнію комитета, должно было служить государственное казначейства, въ которое поступалъ бы и пенсіонный вычетъ изъ жалованья [1]. Но вопросъ о пенсіяхъ не былъ рѣшенъ при изданіи уставовъ 67 г., и разрѣшился уже въ 1876 году, при чемъ пенсіи были назначены далеко ниже предполагаемыхъ комитетомъ [2].

Наконецъ, что касается тѣхъ нормальныхъ штатовъ для семинарій, которые послужили сѣменемъ раздора въ комитетѣ 66—67 гг., то они были выработаны на слѣдующихъ основаніяхъ. Комитетъ затребовалъ изъ епархій свѣдѣнія, какое количество изъ учениковъ, поступившихъ въ семинарію, оканчиваетъ въ ней курсъ, судя по опыту послѣднихъ 10 лѣтъ (5-ти курсовъ), а также какое количество священническихъ вакансій открывается ежегодно, среднимъ числомъ по десятилѣтней сложности. Изъ присланныхъ донесеній открылось, что количество выбывающимъ изъ семинаріи по разнымъ причинамъ до окончанія курса равняется приблизительно 50% [3]. Сообразно съ этимъ комитетъ, принявъ за норму высшаго класса семинаріи такую цифру, которая бы отвѣчала числу

---

[1]) Журналъ Ком. 6, 11 и 14 октября 66 г.

[2]) Пенсіи ректору, инспектору и преподав. сем. были назначены по штатамъ губ. 3-го разряда, при чемъ препод. сем. сравнены съ младшими учителями.

[3]) Свѣдѣнія объ этомъ въ дѣлѣ К. О. П. 1866 г. № 395.

священническихъ вакансій, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ для академій, въ учителя и т. п., затѣмъ опредѣлялъ цифру учениковъ низшаго класса въ $1^{1}/_{2}$ раза больше первой; въ каждомъ послѣдующемъ классѣ нормальное количество учениковъ уменьшалось на нѣсколько человѣкъ по сравненію съ предыдущимъ. Весь нормальный штатъ выразился при этомъ въ слѣдующемъ видѣ.

СЕМИНАРІИ.	Число ежег. открыв. священнич. вакансій.	Число учениковъ.						
		I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI кл.	ВСЕГО.
Архангельская . .	10	22	20	18	17	16	15	108
Астраханская . .	8	19	17	16	15	14	13	94
Владимірская . .	42	72	67	63	59	55	51	367
Вологодская . . .	34	59	54	50	47	44	41	295
Волынская	70	120	111	103	97	90	84	605
Воронежская . . .	54	92	86	80	75	70	65	468
Вятская	42	72	67	63	59	55	51	367
Екатеринославская	27	49	44	40	37	35	33	238
Иркутская	18	34	31	28	26	24	23	166
Кавказская . . .	15	30	27	24	22	21	20	144
Казанская	25	45	41	38	35	33	31	223
Калужская	22	41	37	34	32	30	28	202
Кишиневская . .	59	100	94	88	82	76	71	511
Кіевская	47	82	75	70	65	61	57	410
Костромская . . .	35	61	55	51	48	45	42	302
Курская	38	65	61	57	53	49	46	331
Литовская	11	24	21	19	18	17	16	115
Минская	17	34	29	26	24	23	22	158
Могилевская . . .	18	34	31	28	26	24	23	166
Московская . . .	} 82	86	79	74	69	64	60	432
Виѳанская		54	50	47	44	41	38	274
Нижегородская . .	24	43	40	37	34	32	30	216
Новгородская . .	31	54	50	47	44	41	38	274
Олонецкая	25	45	41	38	35	33	31	223
Орловская	32	56	51	48	45	42	39	281
Пензенская . . .	37	65	60	55	51	48	45	324
Пермская	38	65	61	57	53	49	46	331
Подольская . . .	48	84	77	71	66	62	58	418
Полоцкая	12	26	22	20	19	18	17	122
Полтавская . . .	37	65	60	55	51	48	45	324
Псковская	24	43	40	37	34	32	30	216
Рижская	4	13	12	11	10	10	9	65
Рязанская	37	65	60	55	51	48	45	324

СЕМИНАРІИ.	Число ежег. открыв. свя-щенннч. ва-кансій.	Число учениковъ.						
		I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI кл.	ВСЕГО.
Самарская	17	34	29	26	24	23	22	158
Саратовская . . .	32	56	51	48	45	42	39	281
Симбирская . . .	40	71	65	60	56	52	49	353
Смоленская . . .	32	56	51	48	45	42	39	281
С.-Петербургская .	25	45	41	38	35	33	31	223
Тамбовская . . .	47	82	75	70	65	61	57	410
Тверская	36	64	58	54	50	47	44	317
Тифлисская . . .	20	37	34	32	30	28	26	187
Тобольская	29	51	46	43	40	37	35	252
Томская	26	47	42	39	36	34	32	230
Тульская	36	64	58	54	50	47	44	317
Уфимская	12	25	22	20	19	18	17	122
Харьковская . . .	32	56	51	48	45	42	39	281
Херсонская . . .	27	49	44	40	37	35	33	238
Черниговская . .	14	27	25	23	22	21	19	137
Якутская	6	17	14	13	12	12	11	79
Ярославская . . .	26	49	45	42	39	36	34	245

Всего по нормальнымъ штатамъ 1867 года было положено въ семинаріяхъ 13.205 учениковъ. Но эти нормы не были безусловны. Они собственно, какъ сказано выше, опредѣляли только количество штатныхъ классовъ, содержимыхъ на средства центральнаго управленія (при чемъ строго соблюдались классныя нормы 50 и 55 чел., такъ что напримѣръ при 51 и 56 челов. классы уже раздѣлялись на параллели). А затѣмъ пріемъ учениковъ допускался до предѣльной вмѣстимости нормальныхъ классовъ, и свыше послѣдней, при условіи открытія параллельныхъ отдѣленій на счетъ духовенства. При такомъ условіи, напримѣръ, въ семинарію безъ параллельныхъ отдѣленій могло быть принято 315 человѣкъ. Кромѣ того Св. Синодъ оставлялъ за собою право, по усмотрѣнію нужды, измѣнять и принятыя имъ первоначальныя нормы [1]).

Такъ комитетъ 66—67 гг. выполнилъ свою трудную задачу обновленія обветшавшаго зданія средняго духовнаго образованія. И нельзя не сказать, что на этотъ разъ дѣло было вы-

[1]) То-же дѣло.

полнено несомнѣнно лучше, чѣмъ въ предшествующемъ комитетѣ 60—62 гг.

Прежде всего, что касается организаціи епархіальныхъ учебныхъ заведеній, то комитетъ 66 г. тѣ-же благія цѣли, которыя преслѣдовалъ планъ пр. Димитрія, постарался осуществить другимъ способомъ, но практически выполнимымъ. Преосв. Димитрій выдвинулъ проэктъ своихъ семинарій, имѣя въ виду дать законченный и самостоятельный видъ общему духовному образованію и спеціализировать образованіе богословское, чѣмъ духовному юношеству открывалась свобода выбора призванія. Уставъ 67 г. дѣлалъ то-же самое: онъ отдѣлялъ общее образованіе отъ спеціальнаго еще полнѣе, чѣмъ уставъ 62 г. (въ послѣднемъ въ общій курсъ входила, напр., церковная исторія) и придавалъ ему законченную цѣльность, которая, дѣйствительно, и открыла выходъ на другія поприща духовному юношеству. Курсъ первыхъ четырехъ классовъ семинаріи по уставу 67 г. былъ признанъ министерствомъ народн. просвѣщенія равнымъ курсу гимназическому, и для семинаристовъ по окончаніи его былъ открытъ доступъ въ университеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ разрушалась и замкнутость духовнаго сословія: духовныя училища и семинаріи сдѣлались всесословными, а богословское образованіе кромѣ того сдѣлалось доступнымъ и для лицъ, получившихъ общее образованіе въ другихъ училищахъ. Но все это въ уставѣ 67 г. достигалось безъ той капитальной ломки, которую предполагали, какъ уставъ 62 г., такъ и проэктъ двухъ архимандритовъ. Сохраняя прежнюю раздѣльность училищъ и семинарій, комитетъ 66 г. дѣлалъ свой планъ свободнымъ отъ какихъ либо крупныхъ практическихъ затрудненій. Между тѣмъ, пусть даже духовныя гимназіи Филарета и Михаила въ принципѣ лучше осуществляли бы раздѣльность общаго и богословскаго образованія, тѣ громадныя затраты и перестройки, какихъ требовалъ этотъ планъ, все равно навѣрно отодвинули бы его осуществленіе въ область неопредѣленнаго будущаго. Равнымъ образомъ и другая цѣль, которую преслѣдовали, какъ пр. Димитрій, такъ и два архимандрита—доставить возможность духовенству на льготныхъ условіяхъ давать образованіе своимъ дѣтямъ, — и эта цѣль въ концѣ концовъ достигалась комитетскимъ планомъ 66—67 гг. Идея нормальныхъ штатовъ вызывала, правда, во многихъ сильное неудовольствіе. М. Филаретъ до самаго изданія устава 1867 г. продолжалъ протесто-

вать противъ нормальныхъ ограниченій учащихся, говорилъ о скорби духовенства по поводу налагаемыхъ на него обязанностей содержать параллельные классы [1]. По словамъ П. С. Казанскаго, въ академическихъ кругахъ, по выходѣ устава 67 г., тоже порицали сокращеніе учащихся и думали, что духовенство не въ состояніи будетъ поддерживать параллельные классы [2]. Раздавались голоса противъ нормальныхъ штатовъ и въ литературѣ [3], и даже нѣкоторые школьные начальники, становясь на сторону интересовъ духовенства, печатно высказывали укоризны новому уставу [4]. Однако всѣ подобныя опасенія и нападки на уставъ 67 г. не имѣли за собою достаточныхъ основаній. Правда, если мы обратимъ вниманіе на цифры нормальныхъ штатовъ 1867 года, то найдемъ ихъ, дѣйствительно, слишкомъ строгими. Во-первыхъ, количество учениковъ высшаго класса семинаріи было слишкомъ незначительно выше числа свящ. вакансій, тогда какъ опытъ протасовскихъ штатовъ, да и вообще опытъ жизни доказывалъ, что на священн. мѣста поступаютъ изъ окончившихъ семинарію гораздо меньше. Во-вторыхъ, штаты назначались, принимая во вниманіе только священническія вакансіи, безъ діаконскихъ. Поэтому нормальныя цифры 67 года оказались гораздо ниже протасовскихъ нормъ, на цѣлыя сотни. Напримѣръ, въ 13 епархіяхъ, подвергнутыхъ штатному опредѣленію въ 1852 году, было назначено въ семинаріяхъ 5490 учен.; а по штатамъ 1867 г. въ тѣхъ же епархіяхъ полагалось 4356 учен. Но протасовскіе штаты были безусловны, а штаты 1867 г. условны, и эта громадная разница измѣняла все дѣло. По штатамъ 67 г. въ семинаріяхъ полагалось 13,205 учен.; между тѣмъ какъ ихъ было тогда въ дѣйствительности въ 66 году — 16440, въ 68 году 15,585 [5]. Значитъ, повидимому, происходило сокращеніе на $2^1/_2$—$3^1/_2$ тыс. и при томъ противъ числа, нормируемаго еще старыми протасовскими штатами. Но въ дѣйствительности, по принятому уставомъ правилу допускать въ нормальные классы учениковъ до предѣльной классной нормы, въ содержимые на счетъ центральнаго управленія 393 класса семина-

---

[1]) Собр. мн. отз. м. Филарета, V, стр. 961 (письмо къ м. Исидору).

[2]) Пр. Об. 1881 г., іюнь—іюль, стр. 363.

[3]) Хр. Чт. 1867 г. ч. I, стр. 483—508.

[4]) Такъ ректоръ сарат. сем. напечаталъ въ еп. вѣдом. воззваніе къ духовенству съ подобными укоризнами (Отч. о рев. саратов. 69 г., стр. 31).

[5]) Изъ отч. об.-пр. за 68 г., прил., таблица учащихся.

ріи могло быть допущено 20,400 учениковъ. Это была цифра, уже вполнѣ достаточная для удовлетворенія потребностей духовенства безъ всякихъ нормъ. Конечно, общее число это не распредѣлялось по епархіямъ вполнѣ соотвѣтственно численности мѣстнаго духовенства, и потому открытіе параллельныхъ отдѣленій на мѣстный счетъ въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ дѣлалось необходимымъ. Но это было уже неизбѣжное слѣдствіе жизненныхъ условій, и затѣмъ это едва-ли могло быть особенно обременительно для духовенства, потому что нуждались въ такихъ параллельныхъ классахъ самыя многолюдныя, а потому и богатыя епархіи. Вотъ почему на опытѣ и не встрѣтилось при осуществленіи устава 67 года затрудненій отъ штатныхъ нормъ для семинарій, и опасенія пессимистовъ на этотъ счетъ не подтвердились. Что-же касается духовныхъ училищъ, то и здѣсь планъ комитета былъ и осуществимъ и неизбѣженъ. Конечно, для духовенства было бы лучше, если бы центральное управленіе по прежнему содержало всецѣло на свой счетъ низшія училища. Но это было невозможно при тѣхъ средствахъ, какими располагало духовное вѣдомство. Для содержанія училищъ на прежнихъ условіяхъ пришлось бы пожертвовать качествомъ всего духовнаго образованія, такъ какъ тогда нельзя бы было провести необходимыхъ улучшеній ни на одной ступени дух. уч. заведеній,—и терялся весь смыслъ реформы. Поэтому комитетъ справедливо разсудилъ, что для содержанія духовныхъ училищъ центральная власть обязана дать лишь то, что возможно безъ нарушенія интересовъ академій и семинарій. Да кромѣ того опытъ показывалъ, что епархіи будутъ въ состояніи содержать свои училища на предоставленныхъ имъ условіяхъ. Вѣдь тѣ 500 тыс. руб., которыя въ переходную эпоху 65—70 гг. были изысканы епархіями въ пособіе къ прежнимъ училищнымъ суммамъ, съ введеніемъ реформы 67 года освобождались и всецѣло могли быть употреблены на низшія училища и необходимыя параллельныя отдѣленія семинарій. И на самомъ дѣлѣ духовенство безъ особаго отягощенія нашло требуемыя реформой 67 г. отъ него средства. Слѣдовательно планъ организаціи епархіальныхъ уч. заведеній, выработанный комитетомъ 66—67 гг., вполнѣ удовлетворялъ тѣмъ задачамъ, какія ставились духовной школѣ и съ точки зрѣнія интересовъ церковныхъ, и съ точки зрѣнія интересовъ сословныхъ.

Въ организаціи самыхъ учебныхъ курсовъ уставы 1867 г. были чужды какъ недостатковъ протасовской системы, такъ

и проэкта 62 г. Курсъ средняго духовнаго образованія былъ весьма основательно сокращенъ на 2 года. Растягивать курсъ духовныхъ училищъ на 6 лѣтъ не было никакой нужды, потому что гораздо удобнѣе и для школы и для родителей было давать элементарное образованіе дѣтямъ внѣ училища. Если вскорѣ затѣмъ потребность этого подготовительнаго образованія вызвала къ жизни приготовительные классы при духовныхъ училищахъ, то во всякомъ случаѣ это учрежденіе было удобнѣе, чѣмъ излишняя длительность основного училищнаго курса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не замѣтить, что введеніе въ училищахъ четырехгодичнаго курса имѣло весьма существенное практическое значеніе для самой реформы. При введеніи одногодичныхъ классовъ, будь курсъ дух. училищъ оставленъ 6-ти лѣтнимъ, потребовались бы весьма значительныя перестройки въ учил. зданіяхъ для приспособленія ихъ къ новому распредѣленію [1]). Счастливо избѣгалъ уставъ 67 г. и той ненужной растянутости богословскаго курса, какая была свойственна проэкту пр. Димитрія. Между тѣмъ излишняя длительность спеціальнаго образованія несомнѣнно многихъ оттолкнула бы отъ него: какой разсчетъ былъ поступать въ богословскіе классы на четыре года, когда въ такое же время можно было окончить университетъ, открывающій широкія жизненныя перспективы? Въ составѣ наукъ семинарско-училищнаго образованія уставъ 67 г. уничтожилъ антипедагогическую многопредметность, какою отличались протасовская реформа и проэктъ 62 г. Изъ училищнаго курса было исключено два предмета, а курсъ семинарскій уменьшился до 19 предметовъ вмѣсто прежнихъ 26—30. Предметамъ общаго образованія уставъ 67 г. возвратилъ ихъ старое значеніе, ослабленное протасовской эпохой, и даже поднялъ его, такъ какъ уничтожилъ вредное дѣленіе наукъ на главныя и второстепенныя, при чемъ въ разрядъ послѣднихъ главнымъ образомъ и входили науки общеобразовательныя. Въ частности, уставъ 67 г. поднялъ языкознаніе и математику и возвратилъ въ стѣны духовной школы изгнанную Протасовымъ философію въ видѣ обзора философскихъ ученій (но не метафизики, мало доступной пониманію семинаристовъ) [2]). Теоретическій курсъ сло-

---

[1]) Этихъ перестроекъ гораздо меньше нужно было въ семинаріяхъ, потому что здѣсь существовало раньше не мало параллельныхъ отдѣленій.

[2]) Объяснительная записка къ уставу 67 г., впрочемъ, разъясняла, что подъ обзоромъ фил. ученій не надо было разумѣть и исторію философіи,

весности былъ дополненъ, наконецъ, курсомъ исторіи русской литературы. Въ самомъ выборѣ предметовъ общаго образованія уставъ 67 г. слѣдовалъ строго выдержанному принципу. Ему чужда была та безсистемная смѣсь реализма и классицизма, которою испортила духовное образованіе протасовская реформа. Общеобразовательный курсъ училищъ и семинарій по новому уставу былъ строго классическій. Сравнивая его съ курсомъ тогдашнихъ гимназій, мы вообще находимъ, что духовно-учебныя заведенія стояли ничуть не ниже гражданскихъ. По уставу гимназій 19-го ноября 1864 г. [1]) въ гимназіяхъ съ двумя классическими языками полагалось, при семилѣтнемъ курсѣ, $1^1/_4$ ч. уроковъ для русскаго языка съ славянскимъ и словесности—24 ур., для латинскаго яз.—34, для греческаго—24, для одного изъ новыхъ яз.—19, для ариѳметики и математики—22, для исторіи—14, для географіи—8, для естественной исторіи—6, для физики и космографіи—6, для чистописанія, рисованія и черченія—13. По уставу 67 г., въ училищахъ и сем., при восьмилѣтнемъ курсѣ, на рус. яз. съ слав. и словесность назначалось 17 ур., на лат. языкъ 37 ур., на греческій—38 ур., на новый языкъ—6 ур., на ариѳметику и математику—22 ур., на исторію—8, на географію—6, на физику—4, на чистописаніе—4, на философскіе предметы—8. Такимъ образомъ въ отношеніи научныхъ предметовъ духовное образованіе уступало свѣтскому только въ новыхъ языкахъ, русскомъ языкѣ, гражданской исторіи и естеств. исторіи. Но недостатокъ изученія новыхъ языковъ восполнялся усиленнымъ изученіемъ языковъ классическихъ въ училищахъ и семинаріяхъ, а слабѣйшая постановка другихъ указанныхъ предметовъ искупалась философскимъ образованіемъ, даваемымъ въ семинаріяхъ. Однако въ классической организаціи духовно-учебнаго курса нельзя не отмѣтить и нѣкоторыхъ дефектовъ. Мы не беремся ставить въ упрекъ уставу 1867 г. то, что онъ сталъ на сторону классицизма. Правда, какъ мы видѣли, духовная педагогическая среда имѣла не мало противниковъ классическаго образованія, упрекавшихъ его въ непродуктивности. Правда и то, что классицизмъ такъ обильно былъ вве-

---

которая ни въ коемъ случаѣ не можетъ относиться къ среднему образованію, а только изложеніе тѣхъ системъ, которыя служатъ выраженіемъ извѣстнаго философскаго направленія, напр. идеализма, матеріализма и т. п. (Объясн. зап. стр. 34).

[1]) Сборн. постановл. по Мин. Нар. Пр. т. III.

денъ въ уставы 67 г. подъ вліяніемъ оберъ-прокурора Д. А. Толстого, извѣстнаго поклонника этой системы, смотрѣвшаго при томъ на классическіе языки не только съ точки зрѣнія педагога, но и политика. Но тѣмъ не менѣе невозможно осуждать авторовъ устава 67 г. за предпочтеніе, отданное ими классическому типу. Въ самомъ дѣлѣ, что же они могли бы дать другое? Необходимость единства основы общаго образованія, послѣ протасовскихъ экспериментовъ, сдѣлалась опытно познанной аксіомой. Сдѣлать курсъ духовной школы реальнымъ не представлялось возможности, какъ показалъ тотъ-же протасовскій опытъ. Положить въ основу общаго образованія новые языки было бы въ то время страннымъ новшествомъ, не имѣющимъ прецедентовъ; да и еще вопросъ, что полезнѣе было бы въ жизни семинаристу—классическіе или новые языки. Между тѣмъ за классицизмъ говорили и старыя традиціи духовнаго образованія и то практическое соображеніе, что классическій курсъ дух. уч. заведеній сближалъ ихъ съ гимназіями и открывалъ дорогу въ университеты. Послѣ этого было бы странно и ожидать, чтобы уставъ 1867 г. отвернулся отъ классицизма. Но не упрекая за классицизмъ, нельзя не поставить въ минусъ уставу 67 г. его гиперъ-классицизмъ. Изъ 177 уроковъ 8-ми лѣтняго общеобразовательнаго курса этотъ уставъ 75 уроковъ отдавалъ классическимъ языкамъ, т. е. почти половину. Между тѣмъ на русскій языкъ съ славянскимъ и словесность назначалось всего 17 уроковъ и на исторію—8 уроковъ. Это было уже повтореніемъ старой ошибки устава 1814 г. Классическое образованіе ничего бы не проиграло, а цѣлая система только бы выиграла, если бы въ духовной школѣ на классическіе языки было отведено столько же времени, сколько въ гимназіяхъ, т. е. 58 уроковъ вмѣсто 75, а остальные 17 уроковъ отданы на русскій языкъ, словесность, исторію и новые языки. А при условіяхъ устава 67 г. школѣ грозила опасность имѣть питомцевъ, безграмотныхъ въ родномъ языкѣ и искусно разбирающихся въ особенностяхъ чуждыхъ намъ классиковъ. Этотъ гиперъ-классицизмъ, надо полагать, былъ слѣдствіемъ вліянія оберъ-прокурора, воспользовавшагося случаемъ на духовной школѣ примѣнить во всей полнотѣ свои идеи.

Курсъ спеціально-богословскій, по уставу 1867 г., нѣсколько сократился по сравненію съ прежнимъ. Но онъ отъ этого почти ничего не потерялъ въ своей содержательности,

если не считать науки о расколѣ и сектахъ, которая для пастырей церкви не могла быть излишней и едва ли замѣнялась церковной исторіей; между тѣмъ выигралъ въ цѣлостности, такъ какъ излишняя раздробленность ведетъ къ спутанности и повтореніямъ, отбивающимъ въ учащихся охоту къ самой наукѣ. Получила теперь опредѣленное мѣсто и педагогика. Однако нельзя не сознаться, что къ этому важному предмету уставъ былъ очень скупъ, назначивъ на него 2 урока.—Въ распредѣленіи предметовъ по классамъ уставъ 67 г. старался по возможности выдержать цѣлостность предмета и однородность параллельныхъ наукъ, хотя онъ не дѣлалъ этого съ такой строгостью, какъ уставъ 1814 г., почему и далъ мѣсто математикѣ въ низшихъ классахъ семинаріи, что было весьма естественно. Но здѣсь были опять и дефекты, особенно съ практической точки зрѣнія. Курсъ духовныхъ училищъ не былъ достаточно приспособленъ къ тому, чтобы открывать выходъ въ пятый классъ гимназіи; между тѣмъ и уставъ имѣлъ въ виду облегчить переходъ изъ духовнаго училища въ свѣтскія уч. заведенія, и для духовенства это было важно, потому что при незначительномъ числѣ учениковъ сверхъ нормы штатныхъ семинарскихъ классовъ открывать параллели не было разсчета и было выгоднѣе переводить учащихся въ свѣтскія школы. Правда, духовенство могло воспользоваться и воспользовалось предоставленнымъ ему правомъ открывать въ училищахъ высшіе классы (§ 59 уст. уч.) по своему желанію. Но при этомъ приходилось терять лишній годъ, потому что открываемые потомъ духовенствомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятые классы училищъ могли лишь подготовлять учениковъ къ пятому же классу гимназіи (гл. образомъ по математикѣ). Потому то съ введеніемъ уставовъ 67 г. многіе съѣзды духовенства и высказались за открытіе духовныхъ прогимназій, вполнѣ соотвѣтствующихъ прогимназіямъ свѣтскимъ [1]).

Наконецъ, въ области организаціи учебной части заслугу уставовъ 67 г. составляло то, что они полагали конецъ прежнимъ антипедагогическимъ порядкамъ (какъ-то соединеніе разнообразныхъ предметовъ въ рукахъ преподавателей, двухчасовые и послѣобѣденные уроки, многолюдство классовъ, механическіе методы, слабая провѣрка знаній). То-же самое

---

[1]) См. объ этомъ напр. Прав. Обозр. 1870 г., августъ, Извѣстія и замѣтки, стр. 237—246.

дѣлалъ и проэктъ 62 года, но новый уставъ былъ послѣдовательнѣе. Такъ, онъ отмѣнялъ декабрьскіе экзамены, удержанные комитетомъ 60—62 гг., норму учениковъ въ классѣ назначилъ гораздо ниже, отказался отъ принципа многосочиненія и обязательнаго назначенія числа ученическихъ упражненій.

Въ части воспитательной уставу 1867 г. принадлежитъ несомнѣнная заслуга, что онъ отвергалъ рутинные пріемы стараго воспитательнаго режима и указывалъ новыя здоровыя начала. Онъ отказался отъ мысли о закрытыхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ католическомъ духѣ, лелѣемой пр. Димитріемъ; онъ не задавался цѣлью вводить іезуитскіе пріемы въ видѣ духовниковъ и монашески—аскетическія правила жизни, подобно уставу 62 г. Напротивъ, новый уставъ хотѣлъ построить воспитаніе самымъ естественнымъ образомъ, безъ утрированнаго благочестія, а лишь на почвѣ искренной и естественной религіозности. Отсутствіе въ уставѣ строгой регламентаціи внутреннихъ порядковъ школьной жизни разрушало мертвящія, неподвижныя рамки прошлаго и открывало путь свободному педагогическому вліянію школьной корпораціи и давало возможность приспособлять распорядки общежитія къ мѣстнымъ условіямъ. Категорическое осужденіе мѣръ грубыхъ и унизительныхъ изгоняло изъ духовной школы способы тѣлеснаго воздѣйствія на питомцевъ и полагало предѣлъ старой практикѣ, нерѣдко допускавшей издѣвательства и жестокости. Правда, здѣсь много зависѣло отъ личностей, а не отъ правилъ. И уставъ 1814 г. провозглашалъ прекрасныя начала и былъ далекъ отъ той педагогики, какая выросла на его почвѣ. Но уставъ 1867 г. давалъ не только новыя теоретическія начала, а весь въ цѣломъ онъ давалъ школѣ и тотъ духъ, который дѣлалъ невозможнымъ ростъ прежнихъ плевелъ на почвѣ уставныхъ правилъ и обезпечивалъ школѣ дѣйствительно обновленный строй. Обращено было вниманіе въ новомъ уставѣ и на физическое воспитаніе воспитанниковъ, находившееся доселѣ въ полномъ пренебреженіи, и на разумныя развлеченія, отсутствіе которыхъ наиболѣе поддерживало грубые пороки и нравы въ дух. уч. заведеніяхъ. Наконецъ, уставъ уничтожилъ отжившій институтъ „старшихъ“, оказывавшій столь деморализующее вліяніе на ученическую среду.

Реформа духовно-учебной администраціи, сверху до низу, произведенная уставомъ 67 г., заслуживаетъ особеннаго вниманія и по своему рѣзкому разрыву съ традиціями прош-

лаго и по своему отличію отъ соотвѣтствующихъ порядковъ гражданскихъ училищъ. Прежде всего, преобразованіемъ центральнаго управленія была ликвидирована затѣя гр. Протасова поставить во главѣ учебной администраціи канцелярію чиновниковъ. Учрежденіе Учебнаго Комитета вмѣсто Дух.-Учебн. Управленія осуществляло многія, давно назрѣвшія, потребности. Органу высшаго управленія придавался ученый характеръ; устранялась необходимость постоянно обращаться за разрѣшеніемъ разныхъ вопросовъ къ низшимъ учено-педагогическимъ инстанціямъ; нити школьнаго управленія попадали въ болѣе компетентныя руки, и Св. Синодъ получилъ возможность вникать въ существо учебныхъ дѣлъ, а не регистрировать только канцелярскіе доклады. Уничтоженіе академическихъ инстанцій и измѣненіе отношеній центральнаго органа, оберъ-прокурора и Синода, ускоряло ходъ дѣлъ и устраняло излишнюю волокиту. Учрежденіе постоянныхъ ревизоровъ дѣлало ревизіи болѣе серьезными и придавало имъ дѣйствительно контролирующее и педагогически-руководительное значеніе. Но нельзя не отмѣтить рядомъ съ этими достоинствами реформы высшей учебной администраціи и ея нѣкоторые недостатки. Архіеп. Макарій не напрасно настаивалъ въ своемъ мнѣніи на томъ, чтобы члены Уч. Ком. были всецѣло преданы своему дѣлу и не считали свою должность побочною, опасаясь въ противномъ случаѣ „сна". Между тѣмъ по „положенію" объ Уч. Комит. должность постояннаго члена въ немъ была именно побочною, да и не могла быть иною по своему скудному вознагражденію. И опытъ, дѣйствительно, показалъ, что арх. Макарій не былъ неправъ въ своихъ опасеніяхъ... Съ другой стороны учрежденіе ревизоровъ при центральномъ управленіи и полный разрывъ связи семинарій съ академіями, нельзя сказать, чтобы былъ мѣрой, болѣе удачной, чѣмъ проэктъ комитета 62 г. относительно окружныхъ ревизоровъ. Мы видѣли уже, что эта мысль комитета пр. Димитрія почти ни въ комъ не встрѣтила себѣ возраженій; напротивъ, почти всѣ епархіальные отзывы одобряли ее. Академическія же конференціи и нѣкоторыя семинарскія корпораціи особенно настойчиво отстаивали необходимость сохранить за академіями руководительство учебно-воспитательнымъ дѣломъ въ семинаріяхъ. И надо сознаться, что эти настойчивые голоса имѣли за собою вѣскія основанія. Академіи, дѣйствительно, были непригодны къ роли административныхъ инстанцій, какая была возложена на нихъ уста-

вомъ 1814 г.; многочисленная административная переписка только ихъ напрасно отягощала. Поэтому почти никто и не защищалъ прежняго порядка окружнаго академическаго управленія, какъ никто не защищалъ въ роли административныхъ инстанцій семинарій, оказавшихся то-же непригодными къ этому дѣлу. Но совсѣмъ другое дѣло было руководительство въ области учебно-воспитательной, орудіемъ котораго должны были служить окружные инспектора комитета 60—62 гг. Къ этому дѣлу академіи были вполнѣ способны и гораздо болѣе пригодны, чѣмъ учреждаемый Учебный Комитетъ. Академіи прежде всего стояли ближе къ семинаріямъ по мѣсту и потому гораздо болѣе были знакомы съ условіями семинарской жизни въ своемъ округѣ; непрерывная связь черезъ поступающихъ въ академію семинаристовъ постоянно давала возможность академіи слѣдить за ходомъ семинарскаго образованія. Затѣмъ въ учебно-педагогическихъ дѣлахъ академическая корпорація была гораздо болѣе компетентной, чѣмъ члены Уч. Комитета. И по самому учрежденію своему, да и по послѣдующей практикѣ, Уч. Комитетъ не могъ располагать такими силами, какими располагала академія. Вѣдь въ концѣ концовъ самыми подходящими дѣятелями для Уч. Комитета всегда были люди ученаго сословія, а не разныя лица, попадавшія туда по случайностямъ административныхъ назначеній. Но въ то время, какъ Уч. Комитетъ имѣетъ въ своей средѣ этихъ лицъ 4—5, каждая академія располагаетъ ими въ 5—6 разъ большемъ количествѣ. Нельзя возражать противъ этого и съ той точки зрѣнія, что академическіе преподаватели заняты своими дѣлами: члены Уч. Комитета то-же имѣютъ свое членство лишь въ качествѣ побочнаго занятія. За лишній же трудъ академическихъ наставниковъ могло быть назначено и вознагражденіе на какихъ-нибудь условіяхъ. Еще болѣе надобно сказать все это относительно ревизоровъ. Прежнія академическія ревизіи были поверхностны и непродуктивны потому, что онѣ исполнялись случайными лицами, отрываемыми отъ другого дѣла, и въ ничтожно-короткій срокъ. Но если бы учредить особыхъ окружныхъ ревизоровъ при академіяхъ, какъ полагалъ комитетъ 60—62 гг., то такіе ревизоры были свободны отъ всѣхъ прежнихъ неблагопріятныхъ условій, а между тѣмъ имѣли бы то преимущество предъ центральными ревизорами, что гораздо лучше знали бы семинаріи своего округа и имѣли бы постояннаго компетентнаго совѣтника въ лицѣ академической корпо-

раціи. Ревизоры академическіе едва-ли могли бы получить такой чиновничій характеръ, какой легко привился къ ревизорамъ центральнымъ. А выборъ ревизора въ академической корпораціи обезпечилъ бы отъ тѣхъ случайностей, какими богата административная практика назначеній. Единственно, что говорило за полную централизацію высшаго учебнаго управленія, это — нѣсколько большая сложность административной системы при сохраненіи за академіями того значенія, какое проэктировалъ комитетъ пр. Димитрія. Но размѣръ этой сложности зависѣлъ всецѣло отъ постановки дѣла и. стало быть, отъ авторовъ реформы. Вообще же идея центральныхъ ревизоровъ была собственно болѣе оберъ-прокурорскимъ изобрѣтеніемъ, чѣмъ идеей людей, стоящихъ у школьнаго дѣла. Не даромъ и комитетъ 66—67 гг. почти до самыхъ послѣднихъ дней своей дѣятельности не рѣшался разорвать связи семинарій съ академіями и сдѣлалъ это только по настоянію оберъ-прокурора.

Зависимость епархіальныхъ уч. заведеній отъ власти архіереевъ, установленная уставами 67 г., хотя и не въ такой степени, какъ проэктировалъ комитетъ пр. Димитрія, вызывала по выходѣ въ свѣтъ этихъ уставовъ то-же не мало опасеній. Въ академическихъ кругахъ относились отрицательно къ новому порядку, боясь, что онъ открываетъ мѣсто архіерейскому произволу [1]). Семинарскія корпораціи, какъ было видно изъ ихъ отзывовъ, были склонны къ подобнымъ же опасеніямъ. Дѣйствительно, преосвященнымъ по новому уставу предоставлялись обширныя права, гораздо болѣе широкія, чѣмъ по уставу 1814 г. Но надо замѣтить, однако, что права эти съ другой стороны и ограничивались той организаціей, какая была дана внутреннему управленію семинаріей, и сохраненіемъ старыхъ гарантій независимости правленія отъ архіерея. Поэтому развитіе архіерейской власти надъ семинаріями всецѣло зависѣло отъ того, насколько твердъ будетъ тотъ духъ, какимъ желалъ проникнуть школьную жизнь и административную практику уставъ 67 г. Зато во внутреннемъ управленіи семинаріею и училищами уставы производили рѣшительную перемѣну въ старыхъ архаическихъ и деспотическихъ порядкахъ. Ректорское самовластіе ограничивалось весьма радикальнымъ способомъ. Уже самъ по себѣ новый составъ правленія по

---

[1]) Пр. Об. 1881 г. іюнь—іюль, стр. 363 (изъ писемъ П. С. Казанскаго).

учебнымъ и воспитательнымъ вопросамъ уничтожалъ прежнее главенство ректора въ правленіи. Но самое лучшее средство противъ развитія начальственнаго самовластья было въ выборномъ началѣ. Выборное начало по отношенію къ начальственнымъ должностямъ было самымъ удачнымъ пунктомъ семинарской административной реформы. Никакими правилами нельзя было, какъ показалъ опытъ уставовъ 1814 г., предотвратить незаконное предпочтеніе монашествующихъ предъ бѣлымъ духовенствомъ и обезпечить должныя кечества школьныхъ администраторовъ, пока примѣненіе этихъ правилъ находилось въ рукахъ административныхъ инстанцій. Выборное начало сразу достигло обѣихъ цѣлей: при выборахъ становились дѣйствительно одинаковы внѣшніе шансы для монашествующаго и бѣлаго духовенства и судъ цѣлой школьной корпораціи или съѣзда духовенства ручался за то, что избранный будетъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ во всякомъ случаѣ не ниже, а навѣрно выше средняго уровня. Вмѣстѣ съ тѣмъ выборное начало создавало совсѣмъ другія и болѣе гуманныя отношенія между начальниками и остальными служащими. Поэтому остается только пожалѣть, что уставъ былъ не послѣдователенъ до конца и оставлялъ съ одной стороны за архіереемъ право представлять и своего кандидата въ ректоры сем., съ другой стороны за центральной властью право даже совсѣмъ игнорировать мѣстныя представленія. Этими послѣдними условіями опять все ставилось въ зависимость отъ настроеній на верху, и данныя школьнымъ корпораціямъ права во сякое время могли быть фактически парализованы. Такъ же точно не послѣдователенъ былъ уставъ, допуская въ педагогическія собранія правленія сем. только семь преподавателей, а въ училищахъ—одного. Объяснительная записка къ уставу сем. оправдывала это правило тѣмъ соображеніемъ, что число членовъ правленія назначено для единообразія и что иначе въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ правленія были бы слишкомъ многолюдны [1]). Но такое оправданіе, очевидно, не выдерживаетъ критики, потому что въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по уставу 64 г. (§ 68) въ педагогическіе совѣты допускались всѣ преподаватели, и не даромъ епархіальные отзывы требовали того же и для семинарій. Участіе въ школьныхъ правленіяхъ выборныхъ членовъ отъ духовенства

---

[1]) Стр. 26 -27.

сближало школу съ церковнымъ обществомъ, и сближало гораздо больше, чѣмъ почетные попечители въ гимназіяхъ. Кромѣ того это участіе духовенства предоставляло ему возможность непосредственно наблюдать за расходованіемъ его средствъ. Въ примѣненіи выборнаго начала едва-ли не единственно сомнительнымъ пунктомъ было распространеніе его на преподавателей. Такое правило было, какъ извѣстно, еще въ уставѣ 1814 г.; но оно не примѣнялось, сначала за практическими неудобствами, а потомъ и по традиціи. Конечно, предоставляя выборъ преподавателей школьнымъ правленіямъ въ расширенномъ составѣ, уставъ 67 г. отдавалъ эту фунцкію въ болѣе надежныя руки, чѣмъ уставъ 1814 г. Однако и съ практической и съ теоретической стороны примѣненіе выбора къ преподавателямъ, главнымъ образомъ семинаріи, оказывалось неудобнымъ. Семинарской корпораціи часто не могли быть извѣстны совсѣмъ кандидаты на учительство, а желающихъ могло не быть, и тогда возникало затрудненіе въ самомъ замѣщеніи вакансій, какъ потомъ и оказалось въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ. Затѣмъ, если бы даже у мѣстнаго правленія были всегда кандидаты, то тутъ возникало иное неудобство. У семинарской корпораціи не могло быть большого выбора кандидатовъ и приходилось довольствоваться тѣми, кто были. При этомъ неизбѣжно должны были получить значеніе личныя связи кандидатовъ съ членами корпораціи. Въ результатѣ легко водворялось кумовство въ замѣщеніи мѣстъ и тотъ несправедливый порядокъ вещей, что болѣе достойныя лица не имѣли бы возможности занимать лучшія мѣста. Поэтому выборное право сем. правленій по отношенію къ преподавателямъ на практикѣ получило весьма ограниченное осуществленіе, и семинаріямъ приходилось большею частью обращаться къ академическимъ конференціямъ. Послѣдній порядокъ былъ, собственно, и самый разумный. Академіямъ всего естественнѣе было бы не только рекомендовать, а даже и назначать на преподавательскія должности, такъ какъ онѣ всего лучше знали своихъ питомцевъ. Къ сожалѣнію, послѣдующая практика, въ скоромъ же времени вытѣснившая мѣстные выборы преподавателей, свела нити назначеній не къ академіямъ, а въ центральное управленіе, болѣе далеко стоявшее отъ кандидатовъ на преподавательскія вакансіи.

Широкимъ проведеніемъ выборнаго начала во внутренней школьной администраціи уставъ 67 г. выгодно отличался отъ

практики мин. нар. просв. Въ послѣднемъ и по отношенію къ начальникамъ и по отношенію къ преподавателямъ по прежнему существовала система административныхъ назначеній, при чемъ даже директорамъ гимназій предоставлялось право представлять кандидатовъ на должности преподавателей (§§ 13, 17, 26 уст. гимн. 64 г.). Равнымъ образомъ въ гимназіяхъ директору предоставлялась большая независимость отъ педагогическаго совѣта: директоръ могъ представлять свое мнѣніе попечителю помимо совѣта и въ случаѣ надобности даже могъ приводить въ исполненіе свои распоряженія, несогласныя съ совѣтскимъ постановленіемъ (§ 20 уст. гимн. 64 г.). Хотя, съ другой стороны, уставъ гимназіи предоставлялъ значительную часть дѣлъ на утвержденіе самого совѣта, безъ санкціи попечителя (§ 72 уст. гимн. 64 г.); тогда какъ уставъ сем. 67 г. требовалъ для всѣхъ дѣлъ утвержденія архіерейскаго.

Въ отношеніи къ качествамъ лицъ школьнаго начальства новые уставы, не устанавливая юридически новыхъ нормъ, повтореніемъ старыхъ требованій подчеркивали необходимость ихъ практическаго осуществленія Требуя степени доктора или магистра отъ ректора семинаріи и степени магистра отъ инспектора, хотя бы безъ надежды точнаго осуществленія этого требованія, уставъ тѣмъ самымъ указывалъ, что ученыя заслуги и соединенный съ ними моральный авторитетъ должны быть непремѣннымъ качествомъ школьныхъ начальниковъ, что власть, не поддерживаемая нравственнымъ авторитетомъ, дѣйствуетъ деморализующе. Правда, отъ условной внѣшности не могъ вполнѣ отрѣшиться и новый уставъ. Свѣтлая мысль преосв. Макарія о справедливости дать доступъ къ ректорству и свѣтскимъ наставникамъ, его горячій протестъ противъ несправедливаго предпочтенія сана заслугамъ, не были усвоены комитетомъ. Должно быть слишкомъ радикальнымъ казалось это, столь естественное для однихъ и столь непривычное для другихъ новшество. Но зато все-таки должности инспектора сем. и смотрителя училища были открыты и свѣтскимъ лицамъ, такъ что для наставниковъ дух. уч. заведеній представлялась возможность хотя какого-нибудь повышенія по службѣ.

Экономическая часть реформы 67 года составляетъ едва-ли не самую важную ея заслугу въ исторіи духовнаго образованія. Реформа выводила духовную школу изъ безысходной нищеты

и буквально спасала ее отъ „конечнаго паденія“, которое ей грозило по всеобщему признанію школьныхъ дѣятелей. Заслугу иниціаторовъ и авторовъ реформы между прочимъ составляло то, что они не остановились на палліативахъ и полумѣрахъ, не пытались заплатами прикрыть ветхости стараго зданія, а старались поднять уровень матеріальнаго обезпеченія до предѣловъ дѣйствительнаго соотвѣтствія потребностямъ жизни. Однако и здѣсь есть нѣкоторыя немаловажныя „но“, которыя необходимо отмѣтить. Штаты семинарій по уставу, повидимому, были сравнены со штатами гимназій мин. нар. просв. Но это было только повидимому. Матеріальное обезпеченіе преподавательскаго персонала и послѣ 1867 г. оставалось въ духовной школѣ ниже, чѣмъ въ свѣтской. Оклады жалованья начальствующимъ и преподавателямъ за нормальные 12 уроковъ и поурочная плата были сравнены съ министерскими гимназическими окладами. Но въ гимназіяхъ директоръ и инспекторъ, кромѣ жалованья и квартиры, получали поурочную плату за уроки, а ректора и инспектора семинаріи уроки давали даромъ. Затѣмъ, преподаватели гимназій имѣли большею частью уроковъ больше нормальнаго числа; а преподаватели семинаріи лишь въ меньшинствѣ имѣли добавочные уроки, да и то въ незначительномъ количествѣ. Напримѣръ, по уставу 1864 г. изъ 12 преподавателей наукъ и языковъ въ одноштатной гимназіи съ обоими древними языками только 2 получали 900 р., а остальные—1—1020 р. 4 по 1050 р., 2 по 1200 р., 2 по 1320 р., 1—1500 р.; въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ изъ 11 преподавателей 2 получали по 900 р., 3 по 960 р., 1—1020 р., 2—1200 р., 2—1320 р., 1—1500 р. [1]. А въ 24-хъ семинаріяхъ, неимѣющихъ параллельныхъ отдѣленій, по штатамъ 1867 г., изъ 11 штатныхъ преподавателей 8 получали по 900 р., 2 по 1080 р. и одинъ 1140 р. Еще болѣе паразительная разница, и уже въ самыхъ окладахъ, была между служащими въ прогимназіяхъ и духовныхъ училищахъ. Инспекторъ (за директора) прогимназіи получалъ 1500 р., а смотритель училища 900 р. Учителя прогимназіи получали по 900 р. за 12 уроковъ и по 60 р. за добавочный урокъ; а учителя духовныхъ училищъ по 420 р. за 12 ур. и по 20 р. за добавочный урокъ. Пусть даже лица съ среднимъ образованіемъ и заслуживали меньшаго оклада по срав-

---

[1]) См. Сборн. постан. по мин. нар. пр. т. III, Прилож., стр. 80—87.

нению съ людьми съ высшимъ образованіемъ, на каковыхъ разсчитывали штаты прогимназій. Но вопервыхъ, никакъ нельзя согласиться съ разцѣнкой труда человѣка съ среднимъ образованіемъ втрое меньшей, чѣмъ человѣка съ образованіемъ высшимъ (по 20 р. за урокъ); а во-вторыхъ, въ духовныхъ училищахъ для всѣхъ, и для академиковъ, жалованье полагалось по штатамъ 67 г. одинаковое. Относительно количества добавочныхъ уроковъ между учителями прогимназій и духовныхъ училищъ существовало приблизительно такое же отношеніе, какъ между учителями гимназій и семинарій. Въ правахъ на пенсію духовные наставники еще почти 10 лѣтъ послѣ устава 1867 г. оставались на прежнемъ положеніи, да и потомъ (въ 1876 г.) получили пенсію самую низшую изъ существовавшихъ въ мин. нар. пр. Такая разница между свѣтскими и духовными учебными заведеніями обусловливалась, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ опять таки недостаткомъ средствъ духовнаго вѣдомства. Государство отпустило казенное пособіе слишкомъ скупо. Въ самомъ дѣлѣ, уже однѣ общія цифры свидѣтельствовали, что бюджетъ духовной школы гораздо скуднѣе гражданской. Въ 1866 году, напримѣръ, въ 92 гимназіяхъ и 2 прогимназіяхъ было 26360 учениковъ и мин. нар. просвѣщенія расходовало на нихъ 2,350,814 р. Значитъ, на каждаго ученика изъ госуд. казначейства расходовалось около 80 р. Въ 1869 году въ 96 гимназіяхъ и 11 прогимназіяхъ было 29387 учениковъ, и всѣ средства гимназій и прогимназій (вмѣстѣ съ мѣстными) составляли ок. 3,720 тыс. Значитъ, на каждаго ученика приходилось ок. 126 р. [1]). Въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ въ 1866 году было въ семинаріяхъ 16440 учен., въ училищахъ 37933, всего 54374. И на нихъ то всего могло расходоваться, вмѣстѣ съ государственнымъ пособіемъ, ок. 3,200 тыс. рубл., что за вычетомъ расхода на академіи составляло на каждаго ученика ок. 52 р. А если мы вычтемъ отсюда 545 тыс., ассигнуемыхъ на содержаніе казенныхъ учениковъ въ семинаріяхъ, то на каждаго ученика дух. уч. заведеній придется около 45 р., въ то время какъ на ученика гимназіи одно государственное казначейство расходовало 80 р. Это была слишкомъ большая несоразмѣрность, и нельзя не сознаться, что пособіе, оказанное казною духовной школѣ, было очень скуднымъ. Своей долгою безмездною службою государству и

---

[1]) См. всеподд. отчеты мин. нар. просв. за эти годы, приложенія.

обществу духовная школа заслуживала бы гораздо болѣе щедрой помощи. Вслѣдствіе недостаточности средствъ духовно-учебнаго вѣдомства не могли быть повышены въ нужной степени ассигновки и по другимъ статьямъ школьнаго бюджета. Такъ, число ученическихъ окладовъ въ семинаріяхъ было увеличено до 6 тыс. вмѣсто прежнихъ $5^1/_2$ тыс.; но такое увеличеніе не въ состояніи было удовлетворить всѣхъ нуждающихся Окладъ ученика былъ доведенъ до 90 р.; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этого было недостаточно и, напримѣръ, во всѣхъ семинаріяхъ, бывшихъ прежде на особомъ положеніи, новый окладъ былъ выше стараго всего на 5 р. Суммы, назначенныя на постройки школьныхъ зданій, были увеличены на 60 тыс. въ годъ. Но что значили эти 60 тыс. при томъ положеніи, въ какомъ, какъ намъ извѣстно, находились школьныя зданія?

Таковы были свѣтлыя и темныя стороны уставовъ 1867 г. Изъ сказаннаго очевидно, что первыхъ было значительно больше, чѣмъ послѣднихъ, и что отмѣченные недостатки уставовъ были часто скорѣе отсутствіемъ совершенства, чѣмъ положительными несовершенствами. Поэтому уставы эти открывали по истинѣ новую эру жизни для дух. уч. заведеній, начало которой могло озаряться самыми лучшими надеждами.

Приводить въ дѣйствіе учебную реформу рѣшено было, начиная съ 67 года, въ теченіи 5 лѣтъ, сообразно съ постепеннымъ отпускомъ средствъ изъ государственнаго казначейства. При этомъ комитетъ постановилъ изъ числа епархій, отвѣчающихъ выше приведеннымъ условіямъ, дающимъ право на раннѣйшее полученіе пособія, избирать въ каждый годъ для преобразованія тѣ, въ которыхъ двухгодичные курсы будутъ приходиться по серединѣ, чтобы удобно можно было распредѣлить учениковъ по классамъ. Въ непреобразованныхъ же уч. заведеніяхъ рѣшено было пока ввести тѣ новые порядки, которые не требовали новыхъ расходовъ, какъ то: поставленіе семинарій и училищъ въ непосредственное отношеніе къ епархіальнымъ преосвященнымъ, съ прекращеніемъ прежнихъ отношеній между академіями, семинаріями и училищами, учрежденіе семинарскихъ и училищныхъ правленій по новому уставу, предоставленіе духовенству попеченія объ училищахъ, исключеніе старыхъ предметовъ, не вошедшихъ въ новые курсы, и т. п. Впрочемъ, планамъ комитета о ходѣ преобразованія не удалось осуществиться такъ, какъ сначала предпо-

лагали. Школьныя зданія оказались требующими капитальныхъ перестроекъ, на каковыя въ однѣхъ семинаріяхъ нужно было бол. 2 милл. рублей [1]). Вслѣдствіе этого понадобилась экономія, и осуществленіе полнаго преобразованія затянулось болѣе, чѣмъ на 10 лѣтъ, и завершилось уже въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ.

Академическая реформа 1869 г.

Вслѣдъ за реформой семинарій и училищъ настала очередь и для реформы академій. Судьбы высшей духовной школы тѣсно связаны были съ судьбами школы низшей и средней, такъ что коренныя перемѣны въ послѣдней вызывали неизбѣжно всегда перемѣны и въ первой. Вопросъ объ академической реформѣ поэтому поднялся одновременно съ вопросомъ о реформѣ семинарской въ 1859 году. Тогда, какъ мы упоминали, уже были запрошены по этому поводу мнѣнія заинтересованныхъ инстанцій. Но затрудненія, встрѣтившіяся на пути осуществленія семинарскаго преобразованія, на время совсѣмъ отодвинули на задній планъ академическій вопросъ. Затребованныя въ 59-мъ году мнѣнія такъ и не были присланы. Впрочемъ комитетъ 60—62 г., не обсуждая прямо академическаго вопроса, тѣмъ не менѣе намѣтилъ уже то направленіе, въ какомъ ему казалось желательнымъ преобразованіе академій, именно—идею отдѣленской спеціализаціи академическаго курса. Въ отзывахъ епархіальныхъ архіереевъ и комитетовъ объ уставѣ 62 г. иногда повторялось то-же пожеланіе, при чемъ нѣкоторые высказывались даже, что надо начать именно съ реформы академій, такъ какъ нужно сначала подготовить преподавателей. Однако академическая реформа была поставлена на очередь уже тогда, когда реформа средней духовной школы приближалась къ завершенію. Именно, отъ 24-го января 1867 года академическимъ конференціямъ были разосланы оберъ-прокуроромъ предложенія представить свои соображенія къ предстоящему пересмотру академическаго устава. Въ мартѣ—маѣ 67 г. эти соображенія были представлены, и дѣло получило дальнѣйшее движеніе [2]).

---

[1]) Изъ отч. об. пр. 1870 г., стр. 146.

[2]) О преобр. ак.—дѣло Канц. Об.-Пр. 1-го отд. 2-го ст., 1867 г., № 7/1 (на 462 лл.). Отзывы академ. конференцій были напечатаны въ Христ. Чт.

Въ своихъ мнѣніяхъ конференціи подвергли разсмотрѣнію всѣ существенные пункты академическаго устава и намѣтили подробный планъ будущаго преобразованія. При этомъ каждое мнѣніе имѣло свои особенности; но въ цѣломъ направленіе будущей реформы опредѣлялось довольно единодушно.

Самый наболѣвшій вопросъ для академій былъ о составѣ академическаго научнаго курса. Протасовское преобразованіе, сдѣлавъ всѣ предметы общеобязательными, нарушило, какъ мы видѣли, здравые принципы устава 1814 г. и повело къ пониженію уровня академическаго образованія. Естественно, что борьба съ многопредметностью и сосредоточила на себѣ главное вниманіе акад. конференцій въ области учебной. При этомъ всѣ болѣе или менѣе сознавали недостатки протасовской системы; но не всѣ сознавали это въ равной степени и не всѣ предлагали поэтому одинаково радикальныя средства противъ этого зла. Такъ, слабое сознаніе послѣдняго было свойственно, повидимому, большинству членовъ конференціи каз. академіи и нѣкоторой группѣ конференціи кіевской. Первое находило нужнымъ расширить объемъ богословскихъ и церковно-историческихъ наукъ и усилить преподаваніе наукъ общеобразовательныхъ, оставивъ всѣ науки обязательными, и только исключало изъ прежняго курса пастырское богословіе (потому что оно входитъ въ другія науки) и библейскую исторію (потому-же) [1]. Одна группа кіев. конфер. полагала, что необходимо обязательное изученіе всѣхъ предметовъ акад. программы, но что изъ каждой науки могутъ быть выдѣляемы нѣкоторые

1867 г. Ч. II, стр. 273—345 (спб. и моск. ак.), 446—470 (кіев. акад.), 610—648, 817—848 (казан. ак.). Сводъ мнѣній акад. конфер. былъ напечатанъ въ Сѣверн. Почтѣ 1867 г. №№ 143—146.

[1] Въ курсъ акад., по мн. каз. ак., входили: 1) Св. Писаніе (исторія св. канона и текста, исагогика, герменевтика и экзегетика), 2) апологетика, 4) догмат. бог., 4) обличит. бог., 5) нрав. бог., 6) педагогика, 7) церк. ист., 8) церк. древности, 9) евр. яз., 10) чтеніе о рус. расколѣ, 11) канонич. право, 12) исторія церковной словесности (гомилетика и патристика), 13) курсъ филос. наукъ (введеніе въ филос., логика, психол., метафизика, исторія философіи и нрав. философія), 14) словесныя науки (литературная эстетика, исторія общей словесности, исторія русской словесности въ связи съ исторіею русскаго и слав. яз. и слав. палеографіею), 15) всеобщ. и рус. гр. исторія съ исторіею языческихъ религій, 16) физико-математическія науки (алгебра, тригонометрія, аналитическая геометрія, опытная физика, физич. географія), 17) греч. языкъ, 18) лат. языкъ, 19) новые языки.

отдѣлы и для спеціальнаго изученія. Другая группа той же конференціи высказывалась за сохраненіе существующихъ порядковъ, только съ исключеніемъ нѣкоторыхъ наукъ. Но конференціи спб. и московская и большинство кіевской смотрѣли на дѣло глубже и полагали необходимыми болѣе радикальныя мѣры для устраненія вредныхъ послѣдствій многопредметности. Большинство членовъ спб. конференціи нашло затруднительнымъ вообще совмѣстить въ академіи богословское образованіе съ приготовленіемъ наставниковъ семинаріи по общеобразовательнымъ предметамъ. Поэтому оно полагало исключить изъ академическаго курса предположенныя въ семинаріяхъ теорію и исторію литературы, гражданскую исторію, физику, математику и космографію, и оставить въ академіи только науки богословскія и тѣсно связанныя съ ними философскія. Но и изъ богословскихъ наукъ, по этому мнѣнію, слѣдовало исключить патристику, пастырское богословіе, гомилетику и библейскую исторію, какъ науки, совмѣщающіяся въ другихъ [1]). Однако другія мнѣнія, не изгоняя общеобразовательныхъ предметовъ изъ академ. курса, находили лучшимъ просто ввести отдѣленскую спеціализацію въ томъ или другомъ видѣ. По мнѣнію меньшинства спб. конференціи, слѣдовало оставить общеобраз. науки, прибавивъ даже къ прежнимъ физико-математическимъ, историческимъ и словеснымъ предметамъ еще исторію слав. языка и славянскихъ нарѣчій и космографію. Для устраненія же трудности изученія всѣхъ наукъ это мнѣніе предлагало считать общеобязательными науки богословскія съ языками еврейскимъ и греческимъ и однимъ изъ новыхъ, а науки общеобразовательныя, не исключая философскихъ, или раздѣлить на два отдѣленія—философско-математическое и историко-филологическое, или же даже еще больше спеціализировать ихъ, раздѣливъ на группы, примѣнительно къ семинарскимъ каѳедрамъ. Нѣкоторые члены меньшинства спб. акад. высказывались за спеціализацію и богословскихъ наукъ, по крайней мѣрѣ второстепенныхъ. Московская конфе-

---

[1]) Акад. курсъ по этому мн. составлялся изъ 1) историческаго введенія въ св. писаніе, 2) герменевтики и экзегетики, 3) основного богословія, 4) догм. бог., 5) прав. бог., 6) сравнительн. богосл., 7) канонич. права, 8) литургики, 9) древней церк. исторіи, 10) новой церк. исторіи, 11) рус. церк. ист., 12) ист. раскола, 13) исторіи философіи, 14) логики и психологіи, 15) педагогики общей и пастырской, 16) евр. яз., 17) греч. яз., 18) лат. яз., 19) нов. языковъ.

ренція полагала исключить изъ академическаго курса патрологію (какъ входящую въ ц. ист. и догм.) и герменевтику (вход. въ св. пис.) и вновь ввести исторію литературы и языка русскаго и славянскихъ племенъ; а изъ нѣкоторыхъ наукъ образовать двѣ группы, предоставленныя выбору студентовъ. Именно, конференція полагала предоставить студентамъ обучаться по желанію одной изъ слѣдующихъ паръ наукъ: 1) каноническому праву или археологіи, 2) обличительному богословію или исторіи западныхъ исповѣданій, 3) исторіи философіи или исторіи литературы русской и славянской, 4) исторіи гражданской или математикѣ и физикѣ. Изученіе новыхъ языковъ предполагалось по этому мнѣнію не дѣлать обязательнымъ, а требовать знанія одного изъ нихъ при поступленіи въ академію [1]). Большинство конференціи кіевской академіи, стоявшее за спеціализацію, распалось на двѣ группы. Одна изъ нихъ признавала общеобязательными предметами основное, догм. и нрав. бог., св. писаніе съ библ. исторіей, евр. языкомъ и древностями, церк. исторію общую и русскую, канонич. право, метафизику съ исторіей философіи и педагогику. Остальные предметы, по этому мнѣнію, раздѣлялись на двѣ группы, предоставленныя выбору студентовъ. Къ одной группѣ были отнесены: обозрѣніе вѣроисповѣданій, церковная словесность, общая словесность, исторія слав. литературы и одинъ изъ классическихъ языковъ. Къ другой группѣ относились: патрологія, логика и психологія, физико-матем. науки, всеобщ. и рус. гр. исторія и одинъ изъ классич. языковъ. Другая часть членовъ кіевской конференціи признала за общеобязат. предметы основное, догм. и нрав. бог., св писаніе съ евр. языкомъ, метафизику съ исторіей философіи и педагогику. Остальные предметы по этому мнѣнію дѣлились на два отдѣленія, изъ которыхъ одно имѣло теоретическій характеръ и

---

[1]) Всего, по мнѣнію моск. ак., въ акад. полагалось 20 каѳедръ: 1) общаго и догм. бог., 2) нрав. и пастыр. богословія, 3) обличительнаго бог. съ ученіемъ о расколѣ, 4) Св. писанія В. Зав., съ изложеніемъ правилъ герменевтики, 5) Св. пис. Нов. Зав., 6) теоретич. и практич. руководства къ церк. краснорѣчію и церк. археологіи, 7) каноническаго права и греч. яз., 8) библ. исторіи и евр. яз., 9) общей церковной ист. до разд. церкв. и восточной ц. послѣ раздѣл., 10) исторіи западныхъ церквей, 11) метафизики и нр. фил. съ филос. права, 12) логики и псих., 13) исторіи филос., 14) теоріи словесности, 15) исторіи литер. рус. и слав. племенъ, 16) общ. гр. ист., 17) рус. гр. ист., 18) математики, 19) физики и космографіи, 20) педагогики.

составлялось изъ обличит. бог., церковной словесности, логики и психологіи, общей словесности съ исторіей слав. литературъ, физико-матем. наукъ и одного изъ классич. языковъ; а другое отдѣленіе имѣло практическій характеръ и составлялось изъ библейской и общей церк. исторіи, русской церков. исторіи съ исторіей католичества въ Польшѣ и Литвѣ, канонич. права и литургики, патристики, всеобщей и рус. гр. исторіи и одного изъ класс. языковъ. Изученіе новыхъ языковъ по обоимъ кіевскимъ мнѣніямъ предоставлялось свободному выбору. Въ казанской академіи казанская конференція полагала сохранить и миссіонерское отдѣленіе. А чтобы поставить миссіонерскіе предметы на надлежащую высоту, въ казанской академіи, по мнѣнію конференціи, можно бы исключить патристику, гражданскую исторію и физико-математ. науки, а преподавателей послѣднихъ предметовъ для семинарій казанскаго округа брать изъ московской академіи.

Другой, не менѣе важный, вопросъ академической жизни былъ вопросъ о внутреннемъ управленіи академіей. Та невозможная практика начальственнаго усмотрѣнія, какая развилась на почвѣ устава 1814 г., требовала радикальныхъ мѣръ для своего искорененія. Такою мѣрою всѣ академическія конференціи считали (кромѣ кіевской, которая объ административномъ строѣ не высказалась) перенесеніе полномочій власти изъ прежняго правленія въ конференцію, которая должна состоять, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ. Младшіе преподаватели—доценты, по мнѣнію спб. академіи, могли быть приглашаемы въ конференцію съ совѣщательнымъ голосомъ; а по мнѣнію казанской академіи, они могли участвовать въ конференціи съ правомъ голоса при избраніи ректора, инспектора и членовъ правленія и при сужденіи по дѣламъ, касающимся распредѣленія часовъ между наставниками, производства испытаній, составленія разрядныхъ списковъ, возведенія студентовъ въ ученыя степени и вообще при разсмотрѣніи вопросовъ педагогическаго свойства. Казанская академія вводила въ конференцію и членовъ изъ духовныхъ особъ. Конференція должна была, по отзыву академій, совмѣщать въ себѣ обязанности прежней конференціи, внѣшняго и внутренняго правленія, за исключеніемъ лишь исполнительной части по экономіи. Кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію конференціи, въ свою очередь раздѣлялся въ академическихъ мнѣніяхъ на двѣ группы: дѣла,

подлежащія окончательному рѣшенію самой конференціи, и дѣла, представляемыя на утвержденіе высшей власти — преосвященнаго или Синода. Къ перваго рода дѣламъ академіи относили: назначеніе времени, программъ и порядка испытаній; утвержденіе въ ученыхъ степеняхъ (по мнѣнію казанской академіи всѣхъ, включая и докторскую, а по мнѣнію спб. и москов. ак. — въ степени кандидата, а на прочія степени лишь разсмотрѣніе сочиненій); разсмотрѣніе и утвержденіе программъ преподаванія (спб. и моск.); разсмотрѣніе темъ для студенческихъ сочиненій (спб.); увольненіе, исключеніе и переводъ студентовъ (москов. и каз.); разбирательство по студенческимъ дѣламъ (спб.); составленіе инструкцій инспектору, его помощнику и эконому; разсмотрѣніе ежегодной смѣты доходовъ и расходовъ по академіи (моск. и казан.). Остальныя дѣла конференціи, по мнѣнію академій, подлежали утвержденію высшихъ инстанцій—архіерея или Синода, при чемъ сфера компетенціи той и другой изъ этихъ инстанцій опредѣлялась въ разныхъ мнѣніяхъ неодинаково [1]). Что касается академическаго правленія, то сфера его дѣятельности ограничивалась чисто хозяйственною областью, при чемъ и тутъ оно имѣло характеръ болѣе исполнительный, потому что всѣ важнѣйшія дѣла его подлежали утвержденію или конференціи или высшихъ инстанцій. Составъ правленія академическими мнѣніями опредѣлялся изъ ректора, инспектора (спб., моск., каз.), одного (спб.) или двухъ (моск. и каз.) профессоровъ, избираемыхъ конференціей, и эконома (спб., каз.); казанская академія сюда присоединяла еще двухъ лицъ изъ духовенства и почетнаго блюстителя.

---

[1]) М. м. Филаретъ, вѣрный традиціямъ редактированнаго имъ устава 1814 г., былъ весьма недоволенъ тѣмъ новымъ духомъ, какимъ проникнуты были академическія пожеланія. Властному іерарху требованіе правъ для профессорскихъ коллегій казалось, видимо, вольномысліемъ. Поэтому онъ на соображеніяхъ московской конференціи сдѣлалъ свои замѣчанія, въ которыхъ протестовалъ противъ допущенія въ составъ конференціи всѣхъ профессоровъ, противъ сосредоточенія управленія въ конференціи и противъ проэктируемой автономной компетенціи послѣдней. „Сильное движеніе управленія отъ единства къ народовластію, писалъ онъ, не благопріятно началамъ духовнаго управленія и можетъ обезсилить апостольскую церковную идею послушанія“ (см. замѣч. м. Фил. въ собраніи мнѣній академ. конференцій 1867 г., стр. 63—68). Не ожидали, очевидно, сочувствія своимъ пожеланіямъ и кіевскіе наставники, почему они и предпочли совсѣмъ умолчать объ административной части, дабы не подвергнуть себя неблаговоленію суроваго м. Арсенія.

Конференціи московской и казанской академій въ своихъ мнѣніяхъ хотѣли сохранить за академіями и ихъ прежнее административные значеніе. Но эта защита административнаго значенія академій было уже запоздалой, потому что вопросъ о внѣшнемъ духовно-учебнымъ управленіи былъ уже тѣмъ временемъ рѣшенъ въ иномъ смыслѣ съ изданіемъ уставовъ 1867 г.

Относительно формированія академической корпораціи въ академическихъ мнѣніяхъ считалось необходимымъ обезпечить качества и достоинство преподавателей и начальствующихъ опредѣленными требованіями и проведеніемъ выборнаго начала. Составъ преподавательской коллегіи опредѣлялся изъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ и доцентовъ или баккалавровъ; казанская академія предполагала и лекторовъ новыхъ языковъ. По численности преподавателей академическія мнѣнія были очень скромны и не шли дальше существовавшихъ и прежде нормъ. Такъ, спб. академія предполагала всего 8 орд. проф., 4 экстр. и 6 доцентовъ; московская—8 ордин., 8 экстраординарныхъ проф. и 6 баккал.; кіевская—10 орд., 7 экстр. проф. и 7 баккалавровъ; казанская—6 орд., 6 экстр. проф. и 6 бакк. Избраніе преподавателей всѣ академіи предоставляли конференціи, съ утвержденія высшаго начальства. Для преподавателя (доцента или бакк.) считалась необходимой степень не ниже магистра. Для подготовки молодыхъ преподавателей московская и кіевская академія предлагали давать избраннымъ въ баккалавры годъ на приготовленіе съ производствомъ жалованья; а казанская академія предлагала оставлять стипендіатовъ. Для полученія званія экстраординарнаго профессора московская академія требовала выслугу 5 лѣтъ баккалавромъ и 1—2 письменныхъ или печатныхъ трактата по наукѣ; а кіевская—степень доктора или ученый трудъ. Для полученія званія ординарнаго профессора спб. и кіев. академіи ставили условіемъ самостоятельный печатный трудъ по спеціальности; московская—выслугу не менѣе 8 лѣтъ преподавателемъ академіи. По выслугѣ профессоромъ 25 лѣтъ всѣ предлагали новую баллотировку на 5-ти лѣтіе. Увольненіе преподавателя, въ случаѣ важныхъ опущеній, академіи допускали лишь при условіи принятія такого увольненія $^2/_3$ голосовъ конференціи (спб., моск.). Инспекторъ академіи, по акад. мнѣніямъ, долженъ былъ избираться въ конференціи или на срокъ 4—3 года (спб. и моск.), или безсрочно (каз. ак.); духовный санъ для инспектора считала необходимымъ одна

казан. академія. По мнѣнію московской и каз. академіи, въ конференціи должны были избираться и помощники инспектора. Ректоръ академіи, по академическимъ мнѣніямъ, долженъ былъ избираться конференціей, съ утвержденія Синода, и долженъ имѣть духовный санъ и степень не ниже магистра. Московская и казанская академіи предоставляли и архіерею, въ случаѣ несогласія съ конференціей, представлять своего кандидата на ректорство. Спб. академія предлагала ограничить срокъ ректорскаго избранія 25-ти-лѣтіемъ всей его службы, какъ и профессора, и послѣ этого срока баллотировать его на пятилѣтія; но другія академіи не дѣлали такого ограниченія. Власть ректора въ академ. мнѣніяхъ сильно ограничивалась; по отношенію къ преподавателямъ онъ не могъ дѣлать замѣчаній и выговоровъ, а только могъ доводить о замѣченныхъ упущеніяхъ до свѣдѣнія конференціи.

По части воспитательной академическія конференціи выразили лишь общее пожеланіе объ отмѣнѣ „старшихъ". Внутренній же порядокъ студенческой жизни, по ихъ мнѣнію, долженъ опредѣляться въ каждой академіи конференціей, которая и составляетъ для этого соотвѣтствующія правила.

Въ области учебныхъ порядковъ академическія конференціи указывали на нужду уменьшить количество сочиненій, отмѣнить полугодовые экзамены, ввести балльную систему, испытанія предоставить преподавателямъ съ ассистентами, а не начальству. Въ присужденіи ученыхъ степеней студентамъ академическія мнѣнія не проэктировали отступленія отъ стараго порядка давать степень магистра при выпускѣ изъ академіи лучшимъ студентамъ. Зато степень доктора академіи дѣлали доступной и свѣтскимъ лицамъ. Казанская академія полагала, что академія можетъ присуждать и степени магистра и доктора философіи.

Оклады жалованья академическихъ наставниковъ академическіе отзывы считали необходимымъ сравнять съ университетскими. Ординарному профессору они назначали 3000 р., экстраординарному—2000 р., доценту—1200 р. Въ проэктахъ штатовъ, составленныхъ академіями, повышались оклады и по всѣмъ другимъ статьямъ академическаго бюджета, почти въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ они были потомъ и дѣйствительно опредѣлены.

Таковы были предположенія наиболѣе заинтересованныхъ въ академической реформѣ инстанцій [1]). Когда онѣ были получены въ центральномъ управленіи, то опредѣленіемъ св. Синода 28 іюня—5 іюля, Высочайше утвержденнымъ 15 іюля 67 г., для обсужденія вопроса о преобразованіи академій былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ того-же еп. Нектарія, который былъ фактическимъ предсѣдателемъ и комитета о преобразованіи семинарій и училищъ. Члены комитета, впрочемъ, были назначены лишь черезъ $^1/_2$ года (опредѣленіемъ синода 17 января 68 г.). Въ число ихъ вошли: главный священникъ арміи и флота прот. М. И. Богословскій, предсѣдатель учебнаго комитета прот. І. В. Васильевъ, ректоръ спб. академіи прот. І. Л. Янышевъ, ректоръ спб. сем. архим. Павелъ, профессора спб. академіи І. А. Чистовичъ и Е. И. Ловягинъ (на послѣдняго возложено и дѣлопроизводство), членъ Ученаго Ком. при мин. нар. просв. Д. А. Галаховъ, проф. спб. универс. Н. Е. Андреевскій и директоръ канцеляріи об. прок. св. син. д. с. с. Сергіевскій. Такимъ образомъ въ этомъ комитетѣ свѣтское вліяніе еще болѣе уравновѣшивалось съ духовнымъ, чѣмъ въ комитетѣ 66—67 г., а вліяніе монашеское почти отсутствовало, что и сказалось на комитетской работѣ

Новый комитетъ чуждъ былъ той внутренней розни, какая была свойственна комитету 66—67 г. Члены комитета заранѣе согласились рѣшать вопросы окончательно большинствомъ голосовъ, безъ особыхъ мнѣній, и работа ихъ быстро подвигалась впередъ. Получивъ въ началѣ занятій, въ январѣ 68 г.,

---

[1]) Одновременно съ мнѣніями акад. конференцій въ печати появились и соображенія нѣкоторыхъ единичныхъ лицъ по поводу предстоящей академической реформы. По своимъ принципамъ эти соображенія примыкали къ тѣмъ или другимъ изъ академическихъ мнѣній, вводя лишь новыя детали. Такъ въ майской кн. Тр. Кіев. Ак. за 1867 г. появились двѣ статьи: В. Пѣвницкаго „По вопросу о преобразованіи духовныхъ академій“ и А. В—ова „Замѣтки по вопросу о преобразованіи д. ак.“, авторы которыхъ предлагали свою систему спеціализаціи акад. курса. Въ Хр. Чтеніи за 1867 г. ч. I, были напечатаны три мнѣнія по поводу акад. преобразованія: А. Х. (стр. 432—442), П. С. (стр. 442—458) и прот. І. Базарова (стр. 838—848). Изъ этихъ мнѣній первое давало то-же свою систему спеціализаціи, второе признавало нужнымъ изучать всѣ акад. науки, хотя бы въ видѣ основныхъ началъ, и предлагало ввести еще нѣкоторыя новыя, а третье высказывалось за превращеніе акад. курса въ спеціально-богословской, съ исключеніемъ наукъ общеобразовательныхъ.

предписаніе окончить свои работы по составленію новаго академическаго устава не позже половины 68 года, комитетъ дѣйствительно исполнилъ это предписаніе и въ іюлѣ мѣсяцѣ имъ уже былъ приготовленъ проэктъ новаго устава [1]). Проэктъ этотъ съ избыткомъ удовлетворялъ основныя требованія, намѣченныя академическими конференціями; а въ детальной разработкѣ ихъ онъ значительно приближался къ университетскимъ порядкамъ по уставу 1863 г. [2]).

Комитетскій проэктъ признавалъ за академіями тѣ же самыя главныя задачи, которыя ставилъ имъ и уставъ 1814 г., за исключеніемъ лишь роли административной. Цѣлью академіи признавалось—совершенствовать и распространять богословскія знанія, доставлять высшее богословское образованіе и приготовлять преподавателей для дух. уч. заведеній (§ 1). Такимъ образомъ за академіями сохранялась двойственность назначенія—чисто учено-образовательнаго и практическаго. Комитетъ признавалъ неудобства подобной двойственности, которая заставляла совмѣщать науки богословскія съ общеобразовательными иногда и безъ внутренней связи ихъ между собою. Онъ соглашался, что мысль объ образованіи изъ академій спеціально-богословскихъ институтовъ имѣетъ неоспоримую выгоду въ научномъ отношеніи. Но жизненныя и историческія условія не позволяли отказаться и отъ задачи практической—подготовки преподавателей и по общеобразовательнымъ предметамъ, потому что иначе понадобилось бы все равно такъ или иначе организовать эту подготовку подъ надзоромъ академій [3]). Поэтому въ академическомъ курсѣ комитетъ по прежнему допускалъ предметы общаго образованія рядомъ съ богословскими. Но онъ старался только такъ организовать академическій курсъ, чтобы съ одной стороны не ослабить богословскаго образованія предметами общими, съ другой стороны—избѣжать и того униженія общеобразовательныхъ наукъ, какое допускалось во все время дѣйствія устава 1814 г., когда общеобразовательные предметы считались второстепенными и на нихъ поэтому обращалось мало вниманія. Вмѣстѣ

---

[1]) Дѣло К. О. Пр. 2 ст. I отд. 1867 г. № 7/1. Проектъ акад. устава 68 г. былъ напечатанъ въ №№ 147—155 Сѣв. Почты за 68 г. и въ отдѣльномъ видѣ. Была напечатана также „Объяснительная записка къ проэкту устава дух. академіи“, Спб. 1868 г.

[2]) См. этотъ уставъ въ Сборникѣ постановлен. мин. нар. просв. т. III.

[3]) Объяснит. зап. къ проэкту уст. 68 г., стр. 17—19.

сь тѣмъ комитетъ признавалъ необходимымъ избѣжать и зла многопредметности, свойственнаго протасовской системѣ и приведшаго къ упадку научнаго уровня академическаго образованія [1]). Всѣхъ этихъ цѣлей проэктъ предполагалъ достигнуть введеніемъ групповой спеціализаціи, при которой основныя богословскія науки были бы общеобязательными, а прочія дѣлились на отдѣлы. Общеобязательными предметами проэктъ полагалъ (§ 105) 1) св. писаніе, 2) основное богословіе, 3) догматическое богословіе съ историческимъ изложеніемъ догматовъ, 4) общую церковную исторію, 5) исторію философіи, 6) педагогику [2]) и 7) одинъ изъ трехъ новыхъ языковъ. Затѣмъ въ каждой академіи полагалось три отдѣленія: спеціально богословское [3]), богословско-историческое и философское; а въ петербургской академіи еще четвертое отдѣленіе—физико-математическое (§ 3). Къ спеціально-богословскому отдѣленію относились: 1) нравственное богословіе, 2) сравнительное богословіе, 3) патристика, 4) церковное право, 5) гомилетика съ пастырскимъ богословіемъ, 6) литургика и 7) еврейскій языкъ (§ 106). Въ составъ богословско-историческаго отдѣленія входили: 1) исторія русской церкви, 2) церковное право, 3) ученіе о расколѣ, 4) русская гражд. исторія, 5) всеобщая гр. исторія (§ 107). Къ философскому отдѣленію относились: 1) логика и психологія, 2) метафизика и нравственная философія, 3) теорія словесности и исторія русской литературы, 4) русскій языкъ съ славянскими нарѣчіями [4]), 5) греческій языкъ и его словесность, 6) латинскій языкъ и его словесность (§ 108). Что касается физико-математическихъ наукъ, то комитетъ находилъ, что онѣ имѣютъ отдаленное отношеніе къ богословію и полный курсъ ихъ въ академіи не нуженъ. Но для приготовленія преподавателей въ семинаріи комитетъ

[1]) Ibid., стр. 5—6.

[2]) Исторія философіи введена въ число общеобязательныхъ предметовъ въ виду ея ближайшаго значенія для богосл. науки, а педагогика—для приготовленія педагоговъ (Объясн. зап., стр. 28—29).

[3]) Названіе отдѣленія спеціально-богословскимъ не означало, что въ немъ исключительно сосредоточив. бог. науки, а только отличало его отъ отдѣленія богосл. историческаго (Объясн. зап. стр. 20).

[4]) Новый предметъ — славянскія нарѣчія—введенъ по близости ихъ въ научномъ отношеніи къ славянскому языку и въ виду практической цѣли—увеличить средства и способы взаимнаго духовнаго общенія между русскими пастырями и учеными и единовѣрными намъ славянами (Объясн. зап., стр. 29).

нашелъ нужнымъ учредить физико-математическое отдѣленіе хотя при одной спб. академіи, изъ слѣдующихъ соображеній. Надежда на преподавателей этихъ предметовъ съ университетскимъ образованіемъ слаба. Возможно, во-первыхъ, что физико-математическіе факультеты университетовъ не будутъ давать достаточнаго количества преподавателей для гимназій и семинарій. Во-вторыхъ, воспитанники университетовъ могутъ и не идти въ семинаріи, такъ какъ въ послѣднихъ меньшее матеріальное обезпеченіе (нѣтъ движенія впередъ по службѣ, нѣтъ добавочныхъ пособій изъ суммъ, собираемыхъ съ учениковъ за право обученія, получаемыхъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ учителями въ размѣрѣ 100—150 р., пенсія духовныхъ преподавателей не сравнена еще съ гимназическою). Приглашать въ семинарію наличныхъ учителей гимназіи неудобно, потому что по количеству уроковъ это трудно совмѣстить. Въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ семинаріяхъ приходится прибѣгать къ принудительному назначенію, а послѣднее не примѣнимо къ воспитанникамъ университетовъ. Содержать стипендіатовъ въ университетѣ неудобно въ томъ отношеніи, что таковые стипендіаты лишаются безпрерывнаго педагогическаго надзора. Наконецъ, для церкви вообще полезно имѣть въ своей средѣ нѣкоторое количество лицъ, знакомыхъ съ естествознаніемъ [1]). Вслѣдствіе всего этого комитетъ и нашелъ необходимымъ учредить одно физико-математическое отдѣленіе. Въ составъ его входили слѣдующіе предметы: 1) чистая математика (высшая алгебра, аналитическая геометрія, сферическая тригонометрія, дифференціальное исчисленіе, интегральное исчисленіе), 2) механика, 3) физика, 4) космографія (§ 109 уст. 68 г.). Выборъ одного изъ отдѣленій академіи предоставлялся самимъ студентамъ. Такимъ образомъ количество предметовъ, изучаемыхъ каждымъ, понижалось до 12—14, что обезпечивало ихъ болѣе основательное изученіе. Къ этому именно комитетъ и стремился. Онъ, по словамъ его объяснительной записки, не имѣлъ въ мысляхъ, чтобы образовать изъ академій другіе университеты, для соперничества съ свѣтскими. Его заботою было лишь поставить богословскую и связанную съ нею философскую науку на такую высоту, на какой онѣ съ правомъ составляли бы общепризнанную спеціальность духовныхъ академій [2]).

[1]) Объясн. зап., стр. 22—25.

[2]) Ibid, стр. 33.

Съ цѣлью поднять научный уровень академическаго образованія комитетъ количество академическихъ преподавателей значительно увеличивалъ по сравненію съ прежнимъ и по сравненію съ проектами академическихъ конференцій, сознавая, что совмѣщеніе въ одной каѳедрѣ нѣсколькихъ предметовъ вредно отзывается на послѣднихъ [1]). Въ спб. академіи, гдѣ полагались физико-математическія науки, преподавательскій персоналъ, не считая лекторовъ новыхъ языковъ и приватъ доцентовъ, былъ доведенъ до 29 лицъ (10 орд. пр., 9 экстр. и 10 доцентовъ), а въ остальныхъ академіяхъ до 24 (8 орд., 8 экстр. проф. и 8 доцентовъ) (§§ 111—114).

Академическій курсъ, по проэкту, оставался по-прежнему четырехгодичнымъ (§ 131), но отдѣльные курсы дѣлались одногодичными, вмѣсто прежнихъ двухгодичныхъ отдѣленій. Послѣднее измѣненіе было необходимо изъ соотвѣтствія семинарскимъ новымъ порядкамъ; но комитетъ видѣлъ въ немъ и вообще выгоду, потому что годичные курсы давали наставникамъ двойное время и дѣлали болѣе непрерывнымъ руководство наставниковъ [2]). Распредѣленіе занятій по годамъ проэктъ устава дѣлалъ на нѣсколько новыхъ основаніяхъ. Предметы общеобязательные и спеціальные распредѣлялись на первыхъ трехъ курсахъ (въ первые 3 года). Студенты, окончившіе на третьемъ курсѣ испытаніе съ отличнымъ успѣхомъ и представившіе удовлетворительное кандидатское разсужденіе (которое должно было писаться теперь въ третій годъ), подлежали переводу на четвертый курсъ; а оказавшіе на послѣднемъ испытаніи успѣхи, за которые по положенію объ ученыхъ степеняхъ [3]) можно было получить только званіе дѣйствительнаго студента, на четвертый курсъ не переводились, но выпускались изъ академіи съ званіемъ дѣйствительнаго студента. Четвертый курсъ назначался лишь для лучшихъ студентовъ, имѣющихъ подвергнуться магистерскому испы-

---

[1]) Ibid., стр. 5.

[2]) Ibid., стр. 33.

[3]) По положенію о ученыхъ степеняхъ, составленному комитетомъ 68 г., степень дѣйствительнаго студента дается тѣмъ, кто получитъ въ среднемъ баллъ $3^1/_2$ и по каждому предмету не менѣе 3. Для степени кандидата нуженъ былъ средній баллъ $4^1/_2$ и по каждому предмету не менѣе 3, и представленіе диссертаціи. Для степени магистра надо было выдержать устное испытаніе и защитить диссертацію. Для степени доктора требовалась защита диссертаціи.

танію. На этомъ курсѣ студенты должны были избирать себѣ для слушанія тѣ изъ предметовъ своего отдѣленія, по которымъ они должны были держать экзаменъ на степень магистра и которые намѣревались преподавать въ семинаріи, и затѣмъ слушать практическо-специальныя лекціи и подъ руководствомъ наставниковъ подготовляться къ преподавательской дѣятельности (§§ 133, 136, 137 проэкта уст.). Въ частности, по словамъ объяснительной записки, къ предметамъ занятій четвертаго курса относились: слушаніе лекцій по педагогикѣ и практическо-педагогическія занятія, какія могутъ открыться; спеціальное изученіе избранныхъ наукъ по первоисточникамъ и научный всесторонній анализъ этихъ источниковъ; ознакомленіе съ русскою и иностранною литературою предмета, знакомство съ учебниками и учебными пособіями; приготовленіе магистерской диссертаціи; посѣщеніе, по возможности, университетскихъ лекцій по предметамъ занятій [1]). По окончаніи четвертаго курса, слушатели его должны были подвергаться испытанію на степень магистра (§ 138 уст.). Выдержавшіе это испытаніе, если представятъ вмѣстѣ съ тѣмъ магистерскую диссертацію и публично защитятъ ее, получали степень магистра (§ 139); если же они не исполняли условія на счетъ диссертаціи, то получали дипломъ кандидата и право на преподаваніе въ семинаріи (§ 140). Кандидаты могли затѣмъ получить степень магистра, представивъ и защитивъ диссертацію (§ 141) [2]). Такимъ образомъ проэктируемый уставъ предъявлялъ къ питомцамъ академіи гораздо болѣе строгія научныя требованія, чѣмъ уставъ 1814 г. и чѣмъ желали академическія конференціи. Эта строгость должна была обезпечить какъ достоинство ученыхъ академическихъ степеней, такъ и знанія преподавателей семинаріи. Для степени доктора требовалось, то-же по подобію университетовъ, новое условіе—защита дис-

---

[1]) Объясн. зап., стр. 34.

[2]) Еще болѣе строгія требованія предъявлялись къ допускаемымъ по уставу въ академію вольнослушателямъ или постороннимъ лицамъ, пожелавшимъ получить ученыя степени. Таковыя лица допускались къ испытанію только на степень кандидата (имѣя дипломъ гимназіи или семинаріи). Они подвергались испытанію по всѣмъ общеобязательнымъ предметамъ и предметамъ одного отдѣленія и должны были представить разсужденіе. Удостоенные степени кандидата они могли искать степени магистра не иначе, какъ по прошествіи года, при чемъ требовалось новое устное испытаніе и защита диссертаціи (§§ 142—144 уст.).

сертацiи (§ 145). Степень доктора богословiя, какъ проэктировали и академическiя конференцiи, открывалась теперь для соисканiя не только духовныхъ лицъ, но и свѣтскихъ, тогда какъ прежде она была присуждаема лишь по усмотрѣнiю конференцiи или вслѣдствiе предложенiя еп. архiерея конференцiи и при томъ на практикѣ присуждалась исключительно лицамъ духовнымъ. Затѣмъ комитетъ проэктировалъ еще новое важное расширенiе ученыхъ правъ академiи, предоставляя ей право присуждать, кромѣ степеней д. студента, кандидата, магистра и доктора богословiя, степени магистра философiи и физико-математическихъ наукъ и доктора философiи [1]. Степень доктора философiи комитетъ усвоялъ академiи потому, что философскiя науки имѣли въ академiи болѣе широкую постановку, чѣмъ въ университетахъ (гдѣ преподавались только логика, психологiя и исторiя философiи), и образовывали въ академiи самостоятельное отдѣленiе, какого въ университетахъ не было; кромѣ того комитетъ имѣлъ въ виду и то соображенiе, что для замѣщенiя профессорскихъ каѳедръ по философскимъ предметамъ требовались доктора [2]. Академическiя степени, по проэкту комитета, должны были давать право на занятiе и университетскихъ каѳедръ безъ новаго испытанiя и на преподаванiе въ гимназiяхъ [3].

Доступъ къ академическому образованiю, проэктъ устава открывалъ лицамъ всѣхъ сословiй. Въ академiю принимались какъ съ аттестатомъ семинарiи, такъ и съ аттестатомъ гимназiи (§ 125); послѣднiе послѣ соотвѣтствующаго испытанiя (§ 127). Кромѣ того допускались и посторонние слушатели, безъ платы за лекцiи (§ 10) [4]. Уничтоженiе прежней сословной

---

[1] Объясн. зап., стр. 35.

[2] Ibid., стр. 37.

[3] Ibid., стр. 53.

[4] Любопытно отмѣтить, что мысль о широкомъ раскрытiи дверей академiи была высказана еще за 10 лѣтъ передъ тѣмъ спб. м. Григорiемъ. Въ iюлѣ 68 г. Св. Синодъ между прочимъ препроводилъ въ комитетъ оставшееся отъ прежняго времени неразрѣшеннымъ представленiе умершаго спб. м. Григорiя отъ 19 августа 1859 г., въ которомъ митр. предлагалъ разрѣшить доступъ въ академiю къ слушанiю лекцiй желающихъ лицъ всякаго, не только званiя, но и пола, а наставникамъ академiи и духовнымъ лицамъ дозволить чтенiе публичныхъ лекцiй по предметамъ дух. образованiя (дѣло о комитетѣ).

замкнутости комитетъ полагалъ одной изъ задачъ академической реформы [1]).

Во внѣшнемъ управленіи академіею, подчиняя академію главному начальству Синода (безъ касательства Уч. Комитета, по подобію Дух. Уч. Упр.), проэктъ акад. устава ввѣрялъ ее по прежнему ближайшему попеченію мѣстнаго еп. преосвященнаго (§ 4), на подобіе того, какъ университеты подчинялись попечителямъ. Но власть епархіальнаго архіерея была болѣе наблюдающею и контролирующею, чѣмъ распорядительною. Ему предоставлялось принимать всѣ нужныя, по его усмотрѣнію, мѣры къ надлежащему исполненію служащими академіи своихъ обязанностей, посѣщать академію во всякое время, присутствовать, когда признаетъ нужнымъ, на засѣданіяхъ совѣта, въ ученыхъ собраніяхъ, на испытаніяхъ; совѣту академіи преосвященный могъ дѣлать письменныя предложенія (§§ 12—14). Нѣкоторыя дѣла совѣтъ могъ разрѣшать и своею властью; другія подлежали утвержденію еп. преосвященнаго или чрезъ него представлялись въ Синодъ (§ 88). Но всѣ журналы совѣта должны были представляться архіерею, и въ случаѣ несогласія съ совѣтскимъ рѣшеніемъ онъ могъ вернуть дѣло для вторичнаго пересмотра, а если и снова не соглашался, то представлять въ Синодъ (§§ 92—94). Опредѣленные сроки для кассаціи дѣла архіереемъ, установленные уставомъ 1814 г., теперь были отмѣнены. Только власть преосвященнаго надъ служащими академіи нѣсколько ограничивалась. По уставу 1814 г. архіерей могъ, по обслѣдованіи упущеній, налагать взысканія на преподавателей; новый же уставъ право взысканій предоставлялъ лишь совѣту.—Зато во внутреннемъ управленіи академіею комитетскій проэктъ производилъ полный переворотъ. Комитетъ ясно сознавалъ недостатки прежняго академическаго административнаго строя. Внутреннее управленіе академіею по уставу 1814 г., по его мнѣнію, имѣло характеръ совершенно административный. Каждый изъ трехъ членовъ правленія единолично вѣдалъ свою часть, такъ что вся жизнь академіи и ея служащіе были подчинены усмотрѣнію, что особенно было нежелательно по отношенію къ ученой части. Такъ, по инціативѣ правленія, а въ сущности ректора, мѣнялся объемъ и составъ наукъ, властью его преподаватели перемѣщались съ предмета на предметъ, составля-

---

[1]) Объясн. зап., стр. 12—13.

лись разрядные списки и проч. Профессоры при такомъ порядкѣ превращались въ чиновниковъ, исполнителей предписаній правленія, которое не спрашивало ихъ мнѣнія и стояло внѣ всякаго съ ихъ стороны контроля [1]). Въ постановкѣ академическихъ конференцій также комитетъ видѣлъ не мало недостатковъ. Собранія конференціи всегда носили чрезвычайный характеръ и потому не оказывали почти никакого вліянія на общій ходъ дѣлъ академій. Академическія конференціи имѣли болѣе видъ ученаго общества при академіи, нежели ея органа. А между тѣмъ этому обществу, состоящему изъ внѣшнихъ и внутреннихъ членовъ, а не академіи собственно, присвоено было право присужденія ученыхъ степеней [2]). Поэтому комитетъ видѣлъ настоятельную необходимость дать академіямъ по ихъ внутреннему управленію болѣе жизненности и самостоятельности; а для этого—превратить академическое упраленіе изъ административнаго въ ученое и учебно-педагогическое, такъ какъ только при такомъ условіи можно въ професорахъ возбудить болѣе участія къ интересамъ академіи, дѣлая ихъ нравственно отвѣтственными за ея состояніе, придать управленію болѣе нравственнаго авторитета въ глазахъ учащихся и, наконецъ, обезпечить ему уваженіе со стороны общества и довѣріе высшаго начальства [3]). Сообразно съ такими задачами, новый уставъ сосредоточивалъ управленіе академіею вмѣсто прежняго правленія, въ совѣтѣ профессоровъ (§ 5), а правленію предоставлялъ лишь хозяйственныя и исполнительныя функціи. Въ составъ академическаго совѣта вводились всѣ ординарные и экстраординарные профессоры; другіе преподаватели могли быть приглашаемы въ совѣтъ по мѣрѣ надобности съ совѣщательнымъ голосомъ (§ 82). Дѣла, подлежащія вѣдѣнію совѣта, раздѣлялись на три категоріи: однѣ рѣшались окончательно совѣтомъ, другія представлялись на утвержденіе архіерея и третьи подлежали утвержденію Синода. Къ первой категоріи относились: 1) зачисленіе въ студенты академіи и на казенное содержаніе, 2) допущеніе постороннихъ слушателей, 3) распредѣленіе предметовъ и порядка ихъ преподаванія во всѣхъ отдѣленіяхъ, 4) назначеніе времени и порядка производства испытаній, 5) переводъ и оставленіе

[1]) Объясн. зап. къ пр. уст. 68 г., стр. 10—11.

[2]) Ibid., стр. 6—7.

[3]) Ibid., стр. 13.

студентовъ, 6) разсмотрѣніе вѣдомостей о поведеніи, 7) разсмотрѣніе жалобъ и просьбъ студентовъ, а также ихъ проступковъ, 8) увольненіе студентовъ изъ академіи, 9) утвержденіе въ степеняхъ кандидата и магистра и въ званіи дѣйствительнаго студента. 10) распоряженія о выдачѣ дипломовъ и аттестатовъ, 11) назначеніе пробныхъ лекцій, 12) рекомендація на должности въ семинаріяхъ, 13) выборъ книгъ для библіотеки, 14) одобреніе сочиненій къ напечатанію и изданію, 15) утвержденіе программъ на конкурсы для занятія вакантныхъ каѳедръ (§ 88 А.). Какъ видно, окончательному рѣшенію совѣта принадлежалъ кругъ дѣлъ довольно обширный и между прочимъ важное право—рѣшительное присужденіе ученыхъ степеней, кромѣ докторской. Проэктъ устава здѣсь съ избыткомъ исполнялъ пожеланія академическихъ конференцій. Ко второй категоріи дѣлъ причислялись: 1) назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при пріемѣ студентовъ въ академію, 2) присужденіе студентамъ денежныхъ и другихъ наградъ, 3) исключеніе студентовъ изъ академіи, 4) распредѣленіе суммъ на учебныя пособія, 5) мѣры и средства, ведущія къ усиленію ученой дѣятельности академіи, 6) избраніе доцентовъ, лекторовъ, секретаря совѣта и правленія и помощника секретаря, библіотекаря и его помощника, врача, эконома и почетнаго блюстителя по хозяйственной части, 7) допущеніе приватъ-доцентовъ къ чтенію лекцій, 8) назначеніе прибавочнаго жалованья профессору за другую каѳедру, 9) присужденіе наградъ наставникамъ изъ пожертвованныхъ на то суммъ, 10) увольненіе и удаленіе должностныхъ лицъ, поименованныхъ въ пунктахъ 6 и 7-мъ, 11) составленіе инструкцій для инспектора и его помощника. библіотекаря и врача, 12) составленіе правилъ о пріемѣ студентовъ въ академію, о переходѣ изъ одной академіи въ другую и изъ одного отдѣленія въ другое, о допущеніи постороннихъ слушателей, объ обязанностяхъ учащихся, о взысканіяхъ за нарушеніе этихъ обязанностей (§ 88 Б). На утвержденіе Синода представлялись, чрезъ еп. архіерея, слѣдующія дѣла: 1) распоряженіе о вызовѣ воспитанниковъ семинарій къ поступленію въ студенты академіи, 2) избраніе ректора, инспектора, декановъ и профессоровъ, 3) увольненіе и удаленіе инспектора, декановъ, профессоровъ, 4) удостоеніе къ степени доктора, 5) предположенія объ учрежденіи при академіи ученыхъ обществъ, 6) присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи,

7) назначеніе приватъ-доцентамъ вознагражденія, 8) разсмотрѣніе смѣтъ по содержанію академіи, 9) составленіе правилъ о срокѣ и порядкѣ производства испытаній на ученыя степени и званіе дѣйств. студента (§ 88 В). Такимъ образомъ всѣ ученыя и учебно-педагогическія дѣла передавались въ вѣдѣніе профессорской коллегіи. Но кромѣ собраній совѣта новый уставъ проэктировалъ еще устройство особыхъ собраній по академическимъ отдѣленіямъ, на которыхъ обсуждались бы учебныя дѣла даннаго отдѣленія (§ 6). Для этого всѣ преподаватели дѣлились по отдѣленіямъ, при чемъ наставники общеобязательныхъ предметовъ тоже приписывались къ тому или другому отдѣленію, смотря по сродству ихъ науки (§ 110). На отдѣленскихъ собраніяхъ допускалось участіе съ правомъ голоса уже не только профессоровъ, но и доцентовъ; могли быть приглашаемы сюда также и приватъ-доценты и лекторы (§§ 118—119). Дѣла, обсуждаемыя на отдѣленскихъ собраніяхъ, дѣлились на двѣ категоріи. Однѣ рѣшались самимъ отдѣленіемъ, какъ то: мѣры къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и программы преподаванія. Другія—представлялись въ совѣтъ, а именно: 1) избраніе декана отдѣленія, которому ввѣрялось наблюденіе за преподаваніемъ въ отдѣленіи (§ 115), и секретаря отдѣленія, 2) принятіе мѣръ къ временному и постоянному замѣщенію открывшихся по отдѣленію преподавательскихъ вакансій, 3) составленіе программъ на конкурсы для занятія вакантныхъ каѳедръ, 4) распредѣленіе предметовъ и порядокъ ихъ преподаванія въ отдѣленіи, 5) разсмотрѣніе диссертацій на ученыя степени, 6) разсмотрѣніе сочиненій, издаваемыхъ академіей, 7) присужденіе наградъ студентамъ, 8) распредѣленіе суммъ на ученыя пособія, 9) дѣла, поручаемыя совѣтомъ обсужденію отдѣленія (§ 120). Отдѣленскія собранія, по подобію факультетскихъ въ университетѣ, должны были еще болѣе укрѣпить связь преподавательскаго персонала академіи съ ходомъ ея ученой и учебной жизни. Что касается академическаго правленія, то такое оставалось, но измѣнялось въ своемъ составѣ и получало совсѣмъ иную роль. Въ составъ правленія входили, подъ предсѣдательствомъ ректора, деканы отдѣленій, инспекторъ и почетный блюститель (§ 98). Вѣдѣнію правленія подчинялись исключительно дѣла хозяйственныя. Часть этихъ дѣлъ правленіе рѣшало само, какъ то: производство сверхсмѣтнаго расхода до 300 р., заключеніе контрактовъ до 2 тыс. рубл., назначеніе квартиръ лицамъ, имѣющимъ на

нихъ право, выдача шнуровыхъ книгъ. Нѣкоторыя дѣла шли на разрѣшеніе архіерея: сверхсмѣтный расходъ св. 300 р. до 1 тыс., заключеніе подрядовъ св. 2 тыс. до 5 т., предположенія, касающіяся улучшенія хозяйственной части, назначеніе платы за содержаніе съ своекоштныхъ студентовъ. Наконецъ третьи дѣла правленія представлялись чрезъ преосвященнаго на утв. Синода: сверхсмѣтный расходъ свыше 1 тыс., подряды на сумму св. 5 т., дѣла о пенсіяхъ и пособіяхъ служащимъ (§ 99).— При такой организаціи внутренняго управленія академіей, прежняя неограниченная власть ректора сама собою входила въ надлежащія рамки; ректоръ дѣлался лишь наблюдателемъ за законнымъ ходомъ дѣлъ въ академіи и несъ исполнительныя административныя функціи (§§ 23—30).

Для наилучшаго обезпеченія необходимыхъ качествъ какъ начальствующихъ лицъ, такъ и преподавателей академіи и другихъ служащихъ, и для охраненія внутренней независимости академической корпораціи, проэктъ устава съ одной стороны предъявлялъ строгія научныя требованія къ должностнымъ лицамъ академіи, съ другой—широко проводилъ выборное начало. Ректоръ академіи, по мысли комитета, долженъ былъ быть обязательно докторомъ богословія. Онъ избирался закрытой баллотировкой въ совѣтѣ, изъ лицъ духовнаго сана (§§ 18—19). Въ случаѣ несогласія еп. преосвященнаго представить избраннаго къ утвержденію, совѣтъ дѣлалъ новое избраніе, безъ права баллотировки неутвержденнаго лица. Получившій большинство голосовъ и одобренный еп. преосвященнымъ представлялся на утвержденіе Синода (§§ 20—21). Комитетъ не сдѣлалъ выбора ректора срочнымъ, какъ было въ университетахъ, потому, что призналъ это неудобнымъ, находя, что при новой баллотировкѣ, въ случаѣ забаллотированія, ректоръ терялъ бы по сравненію съ своимъ прежнимъ положеніемъ и не былъ бы ничѣмъ обезпеченъ [1]). Однако ректоръ былъ все таки не совсѣмъ безсрочнымъ: по исполненіи 25 лѣтъ его службы, онъ, какъ профессоръ, подлежалъ новой баллотировкѣ и, будучи забаллотированъ, переставалъ быть и ректоромъ (§ 57). Ректору вмѣнялось въ обязанность профессорство; но никакая другая должность, кромѣ настоятеля монастыря, не считалась совмѣстимой съ ректорствомъ (§ 22). Комитетъ призналъ необходимымъ сдѣлать ректора профессо-

---

[1]) Объяснит. зап., стр. 43.

ромъ для того, чтобы ректоръ могъ съ достоинствомъ занимать свое мѣсто среди ученаго сословія, чтобы званіе профессора обезпечивало ему болѣе уваженія, и потому, что онъ долженъ былъ принимать участіе въ присужденіи ученыхъ степеней [1]). Инспекторъ академіи долженъ былъ избираться, подобно ректору, въ академическомъ совѣтѣ, изъ профессоровъ или доцентовъ академіи, на 4 года и подлежалъ утвержденію св. синода (§ 32). Инспекторъ, по мнѣнію комитета, долженъ былъ быть наставникомъ, такъ какъ безъ этого у него не было бы нравственной связи съ студентами. Срочной же инспекторскую должность комитетъ сдѣлалъ потому, что считалъ неудобнымъ надолго налагать на наставника тяжелое бремя инспекторскихъ обязанностей [2]). Деканы отдѣленій академіи, которымъ ввѣрялось наблюденіе за преподаваніемъ въ отдѣленіи, должны были избираться на отдѣленскомъ собраніи изъ орд. профессоровъ на 4 года (§ 116). Профессорами академіи, по правиламъ новаго устава, могли быть только лица, имѣющія степень доктора богословія или философіи, или съ университетскою степенью (§ 44). Для полученія званія доцента требовалась степень магистра (§ 45). Для приготовленія къ профессорскимъ каѳедрамъ достойныхъ кандидатовъ проэктъ устава учреждалъ институтъ приватъ-доцентуры. Приватъ-доцентами могли быть и кандидаты, но отъ нихъ требовалась защита диссертаціи (pro venia legendi) по тому отдѣленію академіи, въ которомъ они намѣревались преподавать (§ 45). Къ кандидатамъ на преподавательство въ академіи, неизвѣстнымъ совѣту, предъявлялось еще требованіе двухъ пробныхъ лекцій (§ 47). Всѣ преподаватели, въ томъ числѣ приватъ-доценты и лекторы новыхъ языковъ, подлежали избранію въ совѣтѣ; при неимѣніи опредѣленныхъ кандидатовъ совѣтъ могъ назначать конкурсъ. Послѣ 25-ти лѣтней службы каждый профессоръ вновь подлежалъ баллотировкѣ на каждое новое 5-тилѣтіе (§ 56) Въ этой системѣ замѣщенія академическихъ каѳедръ, наряду съ повышеніемъ научныхъ требованій противъ прежняго (когда магистры бывали и ординарными профессорами), обращалъ на себя особенное вниманіе новый институтъ приватъ-доцентовъ, на который комитетъ возлагалъ большія надежды. До сихъ поръ, по мнѣнію комитета, академіи не имѣли

---

[1]) Ibid., стр. 42.

[2]) Ibid., стр. 45.

почти никакихъ способовъ для прiобрѣтенiя наставниковъ. Новые наставники брались прямо съ академической скамьи и часто бывали незнакомы даже съ своимъ предметомъ; при этомъ кругъ кандидатовъ былъ чрезвычайно ограниченъ. Институтъ приватъ-доцентовъ долженъ былъ устранить эти недостатки и казался комитету самымъ лучшимъ разсадникомъ будущихъ профессоровъ. Онъ долженъ былъ открыть дорогу талантамъ [1]). Но предъявляя къ преподавательскому персоналу высокiя требованiя, новый уставъ обезпечивалъ и достоинство и независимость личности наставниковъ. Преподаватель подлежалъ удаленiю, въ случаѣ нерадѣнiя и послѣ безуспѣшныхъ замѣчанiй, только по вотуму не менѣе $^2/_3$ голосовъ совѣта (§ 62).—Прочiя должностныя лица академiи, за исключенiемъ помощниковъ инспектора, избирались то-же совѣтомъ (§ 64). Помощникъ же инспектора опредѣлялся еп. преосвященнымъ, по избранiю и представленiю ректора и инспектора (§ 38). Должность помощника инспектора дѣлалась самостоятельной и не соединялась ни съ какими другими должностями (§ 42).

Что касается нравственной части, то новый уставъ отказывался давать ей, подобно прежнему, подробную регламентацiю, предоставивъ это дѣло совѣту, такъ какъ распорядокъ студенческой жизни долженъ, по мнѣнiю комитета, приноровляться къ мѣстнымъ условiямъ [2]).

Въ экономическомъ отношенiи комитетъ постановилъ уравнять жалованье преподавательскому персоналу академiи съ университетскими штатами и уничтожить прежнее различiе академiй по окладамъ, находя его несправедливымъ и надѣясь вмѣстѣ привлечь такимъ уравненiемъ лучшiя силы въ провинцiальныя академiи [3]).

Свои работы по составленiю устава комитетъ, какъ сказано, окончилъ въ iюлѣ 1868 года [4]). Но комитетскому про-

---

[1]) Ibid., стр. 47—48.

[2]) Ibid., стр. 40.

[3]) Ibid., стр. 40—41.

[4]) Проэктъ устава акад. 68 года не сразу принялъ ту форму, въ какой онъ былъ переданъ затѣмъ на обсужденiе. Въ дѣлѣ канц. Об.-Прок. о преобразов. ак. есть еще другая редакцiя проэкта, неизвѣстно къ какому моменту относящаяся, нѣсколько разнящаяся отъ редакцiи iюля 68 г. Именно, въ ней значатся въ академiи три отдѣленiя—богословское,

экту не суждено было сразу же перейти въ жизнь, какъ уставу комитета 66—67 гг. Ему предстоялъ еще искусъ со стороны іерархической среды, изъ котораго академическій уставъ вышелъ уже значительно измѣненнымъ. Въ іюлѣ же 68 года проэктъ устава и объяснительная записка къ нему были препровождены на разсмотрѣніе преосвященныхъ академическихъ городовъ, а также литовскаго архіеп. Макарія (бывшаго харьковскаго), могилевскаго архіеп. Евсевія и еписк. подольскаго Леонтія. Къ февралю 1869 года отзывы этихъ лицъ (кромѣ спб. митрополита) были получены, и оказалось, что всѣ они находили въ проэктѣ комитета болѣе или менѣе значительные недостатки. Наибольшимъ возраженіямъ при этомъ подвергалась организація учебнаго курса и административнаго строя. Въ томъ и другомъ іерархи находили большею частью слишкомъ много подражанія университетамъ и признаки опаснаго либерализма [1]).

М. московскій Иннокентій составилъ для разсмотрѣнія проэкта ак. устава особый комитетъ, съ мнѣніями котораго самъ и согласился. По мнѣнію же московскаго комитета, предполагаемая уставомъ спеціализація предметовъ въ академіи являлась неудовлетворительной. Богословскія науки такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ неудобно раздѣлять по факультетамъ, а предметы общеобразовательные берутся не въ такомъ объемѣ, чтобы требовать факультетскаго раздѣленія. Поэтому строгаго раздѣленія между науками и точнаго соотвѣтствія ихъ названіямъ отдѣленій не удалось и достигнуть проэкту устава. А между тѣмъ принятымъ дѣленіемъ, говорило московское мнѣніе, наносится ущербъ образованію студентовъ, такъ какъ ни исторія русской церкви, ни метафизиза, ни древніе языки, ни теорія словесности, ни общая исторія литературы не дѣлаются общеобязательными. Къ курсу богословскому отнесена въ уставѣ патристика, которая удобно входитъ въ догматику; а между тѣмъ исключена совсѣмъ изъ

историческое и филологическое, а при спб. ак. еще и физико-математическое; впрочемъ въ предметахъ отдѣленій, по сравненію съ іюльской редакціей, небольшая разница; къ числу общеобязательныхъ предметовъ здѣсь отнесена еще метафизика; ректоромъ, по этой редакціи, можетъ быть и магистръ, для избранія ректора не указано никакого срока; посторонніе слушатели въ академіи не допускаются.

[1]) Замѣчанія преосвященныхъ на проэктъ акад. устава были въ свое время напечатаны въ отдѣльномъ видѣ.

академіи библейская исторія, составляющая необходимую часть исторіи церкви. Затѣмъ, отдѣленіе спеціально богословское заполнено исключительно науками, мало привлекающими студентовъ. По всему этому московскій комитетъ полагалъ лучшимъ вмѣсто отдѣленій организовать академическій курсъ на тѣхъ началахъ, какія указывались уже въ мнѣніи московской конференціи 67 г. Къ общеобязательнымъ предметамъ онъ полагалъ отнести основное, догматическое, нравственное и пастырское богословіе, св. писаніе, библейскую, общую и русскую церковную исторію, метафизику, нрав. философію, логику и психологію, теорію словесности и общую исторію литературы и педагогику. Остальныя же науки предоставить выбору студентовъ по такимъ парамъ: обличительное богословіе или исторія западной церкви, исторія философіи или исторія рус. и слав. литературъ, исторія гр. общая и русская или математика и физика, греческій или латинскій языкъ. Курсъ математики, намѣченный въ уставѣ, по мнѣнію моск. комитета былъ слишкомъ обширенъ; между тѣмъ изученіе естеств. наукъ необходимо вообще для богослова. Поэтому было бы вредно закрыть физико-математическія каѳедры во всѣхъ академіяхъ, кромѣ петербургской, и лучше сократить физ.-матем. курсъ, но сдѣлать его всеобщимъ. Назначеніе четвертаго года въ академіи исключительно на практическія и спеціальныя занятія, по словамъ москов. отзыва, сокращало акад. курсъ и могло принести ущербъ акад. образованію. Ученыя академическія степени не всегда являлись соотвѣтствующими спеціальности, потому что для магистерскаго экзамена могли быть избираемы всѣ предметы отдѣленія, а степени при этомъ давались лишь опредѣленныя для даннаго отдѣленія, такъ что спеціалистъ греч. языка напримѣръ получалъ степень магистра философіи. По части административной московскій отзывъ раздѣлялъ мнѣніе м. Филарета, что не надо убивать правленія конференціею. Власть еп. преосвященнаго, по его мнѣнію, странно ограничивается, когда на его утвержденіе представляются менѣе важные вопросы, а болѣе важные, въ видѣ присужденія ученыхъ степеней, предоставляются совѣту. Избраніе ректора академіи, надѣялся московскій комитетъ, не осуществится. А митр. Иннокентій съ своей стороны находилъ, что такое избраніе уменьшаетъ власть и значеніе ректора и не гарантируетъ его благонадежность, почему считалъ лучшимъ предоставить избраніе Синоду. Инспектор-

ская должность, по московскому отзыву, должна быть поручаема непремѣнно профессору (а не доценту) [1]).

Митрополитъ кіевскій Арсеній вообще находилъ, что проэктъ акад. устава, за исключеніемъ нѣсколькихъ недосмотровъ, составленъ разумно и отчетливо, и что поэтому его можно допустить къ употребленію, но не безусловно, а сначала въ видѣ опыта, лѣтъ на 10. Въ частностяхъ же м. Арсеній видѣлъ въ уставѣ слѣдующіе дефекты. Для раздѣленія академіи на отдѣленія по образцу унив. факультетовъ, по его мнѣнію, нѣтъ основаній по существу дѣла, такъ какъ въ университетахъ каждый факультетъ имѣетъ свое назначеніе, а въ академіи всѣ отдѣленія готовятъ только преподавателей. Между тѣмъ отдѣленія, обособляя занятія студентовъ, безъ сомнѣнія поведутъ къ упадку въ академіи богословскаго образованія. Изъ общеобязательныхъ предметовъ студентъ навѣрно будетъ заниматься только тѣми, которые имѣютъ сродство съ его отдѣленіемъ, такъ какъ вся учебная жизнь его сосредоточивается въ отдѣленіи. Можно опасаться также, что отдѣленія поселятъ и губительный духъ раздѣленія. Раздѣленіе предметовъ, кромѣ общеобязательныхъ, на группы, по мнѣнію митрополита, желательно, но не въ духѣ университетскихъ факультетовъ, а въ видѣ отдѣленій по уставу 1814 г., которыя должны состоять въ завѣдываніи общаго совѣта. Затѣмъ къ общеобязательнымъ предметамъ м. Арсеній считалъ необходимымъ отнести гомилетику и нравственное богословіе; физико-математическія же науки, сокративъ ихъ число, оставить во всѣхъ академіяхъ, при двухъ преподавателяхъ, присоединивъ ихъ къ философскому отдѣленію. Число наставниковъ митр. предлагалъ вообще нѣсколько увеличить. Присужденіе ученыхъ степеней, несоотвѣтствующихъ спеціальности, м. Арсеній находилъ несообразнымъ и предлагалъ требовать диссертацій именно по богословію и философіи. Степень доктора богословія, по его мнѣнію, опасно давать лицамъ свѣтскимъ. Въ академическомъ управленіи кіевскій преосвященный находилъ слишкомъ ограниченной власть архіерея. Высокій пьедесталъ, на который уставъ, по словамъ объяснительной записки, хотѣлъ поставить преосвященнаго, лучше бы понизить, такъ какъ этотъ пьедесталъ превращаетъ его въ простую передаточную инстанцію безъ пря-

[1]) Копія съ отношенія преосв. м. моск. Иннокентія къ оберъ-прокурору св. синода отъ 4-го февраля 1869 г. за № 41 (отд. печатн. оттискъ.)

мого влiянiя на академическiя дѣла. По мнѣнiю митрополита, слѣдовало усилить власть архiерея и между прочимъ предоставить ему право, какъ только онъ замѣтитъ противуправославное направленiе въ комъ либо, тотчасъ удалять такихъ служащихъ, включая ректора, съ донесенiемъ Св. Синоду; или пусть по крайней мѣрѣ предоставлено будетъ совѣту право удалять наставниковъ простымъ большинствомъ голосовъ. Значенiе ректора академiи митрополитъ находилъ нужнымъ также усилить, предоставивъ ему ближайшiй контроль надъ деканами. Вообще перенесенiю университетскихъ порядковъ управленiя въ академiю митрополитъ не сочувствовалъ. Къ исправленiю должности ректора и профессора онъ совѣтовалъ допустить и магистровъ, такъ какъ докторовъ очень мало [1]).

Архiеп. казанскiй Антонiй наиболѣе рѣзко высказался противъ того „свѣтскаго" духа, въ которомъ обвиняли новый акад. уставъ большею частью iерархи. Антонiю казалось, что уставъ этотъ упускаетъ изъ виду характеръ „духовной" академiи и даетъ преобладанiе свѣтскому духу надъ духовнымъ. Единственнымъ обязательно духовнымъ лицомъ въ академiи является ректоръ. Но одинъ ректоръ не можетъ поддерживать духовнаго направленiя въ студентахъ, и въ результатѣ новый уставъ поведетъ къ еще большему оскудѣнiю духовныхъ лицъ съ академическимъ образованiемъ. Поэтому для усиленiя духовнаго элемента преосв. Антонiй полагалъ сдѣлать духовный санъ обязательнымъ для инспектора академiи и для ординарныхъ профессоровъ, а равно и степень доктора богословiя давать по прежнему только духовнымъ лицамъ. Затѣмъ пр. Антонiй былъ недоволенъ близкимъ сходствомъ академическаго устава съ университетскимъ. По его мнѣнiю, такое стремленiе приблизить академiи къ университетамъ въ будущемъ можетъ привести къ слiянiю ихъ и къ превращенiю академiй въ богословскiе факультеты. Но послѣднее было бы весьма пагубно для православiя, такъ какъ отдавало бы богословскую науку въ свѣтскiя руки. Поэтому, говорилъ архiепископъ, надо не приближать академiи къ университетамъ, а сохранить за ними ихъ своеобразную физiономiю и характеръ духовно-церковныхъ институтовъ. А для этого не надо кореннаго преобразованiя, а достаточно сдѣлать нѣкоторыя измѣненiя въ прежнемъ уставѣ. Въ частности преосвященный находилъ, что новый уставъ до-

---

[1]) Замѣчанiя на проэктъ устава духовныхъ академiй 1868 г., стр. 1—17.

пускаетъ излишне-дробную специализацію: достаточно всего два отдѣленія — богословское и философское. Физико-математическое отдѣленіе, по его мнѣнію, необходимо завести по крайней мѣрѣ еще въ Москвѣ. Предположеніе переводить на четвертый курсъ только отличныхъ студентовъ пр. Антоній находилъ слишкомъ строгимъ, могущимъ привести къ оскудѣнію студентовъ на 4-мъ курсѣ и кандидатовъ въ наставники. По отношенію къ выбору преосвященный находилъ нужнымъ ослабить выборное начало, и, если не вернуться къ старому, то допустить болѣе участіе архіерея и, въ извѣстныхъ случаяхъ, административное назначеніе. Цензовыя требованія устава пр. Антоній находилъ также слишкомъ суровыми. По его мнѣнію, отъ ректора не надо требоватъ докторства, такъ какъ духовному лицу и не совсѣмъ удобно искать эту степень при новыхъ условіяхъ; не надо требовать докторства и отъ профессора, такъ какъ это можетъ повести къ недостатку профессоровъ. Должность инспектора, по мысли Антонія, слѣдовало сдѣлать безсрочной. На институтъ приватъ-доцентовъ онъ надѣялся мало, сомнѣваясь, чтобы безъ вознагражденія нашлись желающіе быть приватъ-доцентами [1]).

Арх. литовскій Макарій въ своемъ отзывѣ подвергъ критикѣ исключительно лишь часть учебную новаго устава, при чемъ далъ съ своей стороны цѣльный разработанный проэктъ по этому вопросу. По мнѣнію этого іерарха, при необширности нашихъ академій, совмѣщеніе въ нихъ наукъ богословскихъ и общеобразовательныхъ можетъ имѣть самыя невыгодныя послѣдствія: однѣ науки будутъ неизбѣжно стѣснять другія и ни тѣ ни другія не получатъ надлежащаго развитія. Тогда и при новомъ уставѣ, какъ при старомъ, не будетъ истинныхъ спеціалистовъ по богословію и богословскій академическій курсъ будетъ по прежнему похожъ на семинарскій; равнымъ образомъ и по общеобразовательнымъ предметамъ академіи неизбѣжно будутъ ограничиваться общими курсами. Для устраненія этихъ неудобствъ пр. Макарій и предлагалъ слѣдующій планъ. Главная задача академій — быть высшими богословскими училищами — совершенствовать и распространять богословскія знанія и приготовлять преподавателей богословія. Пусть же двѣ или даже три академіи (спб., кіев., моск. или каз.) стремятся исключительно къ этой цѣли. Пусть при этомъ и

---

1) Ibid., стр. 35—78.

въ нихъ богословскія науки будутъ раздѣлены на отдѣленія для приготовленія спеціалистовъ по богословію. Изъ общеобразовательныхъ же наукъ въ этихъ академіяхъ слѣдуетъ преподавать только тѣ и въ такомъ объемѣ, насколько это необходимо для богословія (философія, общая словесность и исторія). Можно бы, именно, раздѣлить акад. науки на три отдѣленія: церковно-теоретическое, церковно-историческое и церковно-практическое. Самое же распредѣленіе наукъ пр. Макарій проэктировалъ въ слѣдующемъ видѣ. Къ общеобязательнымъ предметамъ онъ относилъ 1) философію (психологія и исторія философіи), 2) основное богословіе, 3) педагогику и 4) одинъ изъ трехъ новыхъ языковъ. Преподаваніе древнихъ языковъ въ академіи, по мнѣнію арх. Макарія, могло быть вовсе отмѣнено, такъ какъ онъ надѣялся, что изъ преобразованныхъ семинарій будутъ выходить люди уже съ достаточнымъ знаніемъ древнихъ языковъ. Къ отдѣленію церковно-теоретическому пр. Макарій относилъ: 1) науки, изучающія св. писаніе (введеніе въ св. писаніе, герменевтику, библейскую археологію, библейскую экзегетику, евр. яз.); 2) науки, изучающія св. преданіе—символику, или изученіе древнихъ символовъ и исповѣданій церкви, и патристику; 3) науки, изучающія самое христіанское ученіе—богословіе догматическое съ исторіей догматовъ, нравственное, обличительное. Къ церковно-историческому отдѣленію относились: 1) библейская исторія, 2) общая церк. исторія, 3) руск. церк. исторія, 4) исторія раскола и западныхъ исповѣданій въ Россіи, 5) гражданская исторія общая и русская, какъ вспомогательная наука. Къ церковно-практическому отдѣленію преосвященный причислялъ: 1) пастырское богословіе, 2) гомилетику, 3) исторію духовной словесности или проповѣдничества, 4) общую словесность съ краткой исторіей литературы, особенно русской, какъ вспомогательный предметъ, 5) церковную археологію, 6) литургику, 7) церковное право (дѣйствующее), 8) исторію церк. права и 9) церковное право въ неправославныхъ церквахъ и обществахъ. Для болѣе спеціальнаго изученія всѣхъ этихъ наукъ, по мысли пр. Макарія, онѣ могли раздѣляться еще на болѣе частные отдѣлы, по усмотрѣнію педагогическихъ совѣтовъ. Такое устройство проэктировалъ архіепископъ для богословскихъ академій. Для приготовленія же преподавателей семинарій по общеобразовательнымъ предметамъ, по его мнѣнію, можно бы учредить при одной или двухъ академіяхъ вмѣсто от-

дѣленій церковно-историческаго и церковно-практическаго отдѣленія историко-филологическое и физико-математическое, сосредоточивъ въ нихъ общеобразовательныя научныя средства всѣхъ академій. Къ отдѣленію историко-филологическому преосв. предполагалъ отнести: 1) философію (логику, метафизику, нравственную философію), 2) словесность (теорію словесности и исторію общей и русской литературы), 3) гр. исторію (общую и русскую), 4) филологію (рус. языкъ, славянскія нарѣчія; греч. яз. съ словесностью его и латинскій языкъ съ его словесностью). А къ отдѣленію физико-математическому:—1) чистую математику (высшая алгебра, аналит. геом., сфер. тригон., дифференц. и интеграл. исчисл.), 2) механику, 3) физику и 4) космографію. И общеобразовательныя науки возможно раздѣлять и на частнѣйшіе отдѣлы. Возможно также, говорилъ преосвященный, чтобы не давать ни въ одной академіи преобладанія общему образованію, сдѣлать въ двухъ академіяхъ по одному общеобразовательному отдѣленію. Къ проэктируемому имъ новому дѣленію на отдѣленія пр Макарій предлагалъ приспособить и ученыя академическія степени: по отдѣленію церковно-теоретическому давать степени кандидата, магистра и доктора богословія; по отдѣленію церковно-историческому-кандидата, магистра и доктора общей и русской церковной исторіи; по отдѣленію церкoвво-практическому-канд., маг. и доктора церк. словесности, церк. археологіи и литургики и церк. законовѣдѣнія; по историко-филологическому отдѣленію тѣ-же степени по философіи, общей словесности и словесности греч., латинской и славянской литературѣ; по физико-математическому отдѣленію—степени математическихъ и физическихъ наукъ.—Что касается прочихъ частей новаго устава, то съ ними пр. Макарій во всемъ соглашался [1]).

Архіеп. могилевскій Евсевій въ своемъ отзывѣ особенно настаивалъ на томъ, что надо оградить въ академіи православное и духовное направленіе. Для этого онъ предлагалъ увольнять преподавателей и студентовъ, уклоняющихся отъ нравственности, не давать ученыхъ степеней не по богословскимъ предметамъ, не допускать наставниковъ съ университетскими степенями. Общеобязательными предметами, по его мнѣнію, слѣдовало сдѣлать всѣ богословскія и философскія науки (и библейскую исторію) и теорію словесности, а парал-

---

[1]) Ibid., стр. 18—34.

лельныя отдѣленія образовать лишь изъ гражданской исторіи и математики съ физикой, латинскаго и греч. языковъ, русскаго и одного изъ новыхъ языковъ. Физико-математическіе предметы Евсевій полагалъ преподавать во всѣхъ академіяхъ, но въ менѣе обширномъ видѣ. Требованіе степени доктора отъ профессора, по его мнѣнію, можетъ повести къ недостатку профессоровъ. По управленію онъ находилъ полезнымъ расширить права ректора [1]).

Преосв. подольскій Леонтій сдѣлалъ лишь нѣсколько частныхъ замѣчаній на уставъ. Между прочимъ по его мнѣнію количество общеобязательныхъ предметовъ можно бы еще уменьшить, причисливъ исторію философіи и общую церк. исторію къ спеціальнымъ предметамъ; а для практическихъ занятій назначить не четвертый годъ акад. курса, а пятый [2]).

Когда въ комитетъ по преобразованію духовныхъ академій поступили указанные отзывы о его проэктѣ, то вопросъ былъ подвергнутъ новому пересмотру. Между прочимъ самый составъ комитета въ это время нѣсколько пополнился новыми силами. Въ февралѣ 69 года праздновался пятидесятилѣтній юбилей спб. университета, и по этому поводу прибыли въ Петербургъ депутаты провинціальныхъ академій. Отъ московской академіи прибылъ А. В. Горскій, отъ казанской проф. И. П. Соколовъ. Эти депутаты были приглашены и въ комитетъ для обсужденія академической реформы [3]). Изъ отзывовъ на первый проэктъ академическаго устава обратилъ на себя особенное вниманіе отзывъ пр. Макарія. Мысль послѣдняго о необходимости обезпечить широкую научную постановку богословскаго образованія встрѣтила особенное сочувствіе въ высшихъ іерархическихъ сферахъ [4]). Поэтому на обсужденіи проэкта архіеп. Макарія и сосредоточилось прежде всего вниманіе комитета. Въ засѣданіи 14 февраля 1869 года комитетъ разсматривалъ проэктъ Макарія, пригласивъ и самаго автора,

---

[1]) Ibid., стр. 79—95.

[2]) Ibid., стр. 97—98.

[3]) Объ этомъ разсказываетъ Горскій въ своихъ воспоминаніяхъ (Приб. къ Твор. Св. О. 1885 г., I, стр. 254—263). Самъ Горскій высказывался между прочимъ противъ излишняго дробленія по факультетамъ, за разграниченіе курса богословскаго и философскаго и за сохраненіе въ академіяхъ самодѣятельнаго способа развитія посредствомъ сочиненій (Приб. къ тв. св. о. 85 г., I, стр. 257—258.

[4]) Это видно изъ дневника Горскаго (Ibid. стр. 260).

присутствовавшаго въ то время въ Синодѣ. Въ цѣломъ проэктъ преосв. литовскаго былъ единогласно признанъ неудобнымъ. Въ проэктируемыхъ Макаріемъ академіяхъ спеціально-богословскихъ, по мнѣнію комитета, немногія общеобразовательныя науки были бы унижены; а въ академіяхъ по преимуществу общеобразовательныхъ трудно было бы выдержать во всѣхъ отдѣленіяхъ характеръ духовнаго учебнаго заведенія [1]). Однако съ основною мыслью архіеп. Макарія о лучшей постановкѣ богословскихъ наукъ комитетъ былъ согласенъ; только, по его мнѣнію, этой цѣли можно было достигнуть и не раздѣляя академіи на два типа. Именно, комитетъ нашелъ, что можно примирить между собою два дѣленія наукъ – проэктированное комитетомъ и предложенное пр. Макаріемъ. Для выполненія этого плана была составлена особая комиссія изъ ректора спб. акад. прот. Янышева, А. В. Горскаго и Н. И. Соколова. Митрополитъ спб. Исидоръ при этомъ непремѣнно настаивалъ, чтобы по возможности сошлись съ преосв. Макаріемъ, хотя впрочемъ онъ предостерегалъ, какъ бы изъ за желанія создать ученыхъ богослововъ не забыли о приготовленіи благочестивыхъ священниковъ и пастырей [2]). Комиссія мирно разрѣшила свою задачу согласованія двухъ проэктовъ, положивъ въ основу планъ Макарія для богословскихъ академій и приспособивъ къ этому плану также и общеобразовательныя науки. Комитетъ въ засѣданіяхъ 17 и 21 февраля почти всецѣло санкціонировалъ предположенія комиссіи. Рѣшено было въ учебной части сдѣлать слѣдующія измѣненія въ проэктѣ устава 68 года. Къ общеобязательнымъ предметамъ были отнесены: св. писаніе, основное богословіе, метафизика, исторія философіи, педагогика и по одному изъ древнихъ и новыхъ языковъ. Остальные предметы были раздѣлены по отдѣленіямъ, но иначе, чѣмъ прежде. Для придачи богословскаго характера всѣмъ отдѣленіямъ, были приняты названія и организація отдѣленій по проэкту Макарія, лишь съ незначительными измѣненіями, вызванными признаніемъ излишней дробности нѣкоторыхъ наукъ у Макарія и тѣмъ, что комитетъ рѣшилъ всѣ общеобразовательные предметы распредѣлить по этимъ отдѣленіямъ. Къ первому, спеціально-богословскому или церковно-теоретическому отдѣленію были отнесены науки: догматическое богословіе, нравственное богословіе,

---

[1]) Приб. къ Тв. Св. О. 1885 г. I, стр. 260.

[2]) Дѣло Канц. Об.-Пр. 2 ст. 1-го отд. 1867 г. № 7/1.

обличительное богословіе, патристика, еврейскій языкъ и библейская археологія, логика и психологія, нравственная философія. Ко второму, богословско-историческому отдѣленію, были отнесены: возстановленная, согласно желанію многихъ отзывовъ, библейская исторія, общая и русская церковная исторія, исторія и обличеніе раскола, общая и русская гражданская исторія. Третье, богословско-практическое отдѣленіе составлялось изъ пастырскаго богословія, гомилетики и исторіи проповѣдничества, церковной археологіи и литургики, церковнаго права, логики и психологіи, теоріи словесности и исторіи русской литературы съ обзоромъ важнѣйшихъ иностранныхъ литературъ, русскаго языка и славянскихъ нарѣчій. Что касается физико-математическихъ наукъ, то комитетъ, вопреки мнѣнію почти всѣхъ отзывовъ, рѣшилъ не только не вводить ихъ во всѣхъ академіяхъ, а и совсѣмъ исключить изъ академическаго курса. Мотивами для этого выставлялись тѣ соображенія, что эти науки имѣютъ слишкомъ отдаленное отношеніе къ богословію и ихъ трудно включить въ богословскія отдѣленія; а къ постановкѣ ихъ въ видѣ особаго отдѣленія, согласно прежнему проэкту, оказывалось недостаточно средствъ. По всѣмъ признакамъ такое рѣшеніе произошло главнымъ образомъ подъ давленіемъ оберъ-прокурора. Гр. Д. А. Толстой еще въ 1867 году высказывался, что физико-математическія науки обречены на изгнаніе изъ академіи [1]). Какъ видно изъ его мнѣнія, представленнаго комитету нѣсколько позже, онъ находилъ, что для преподаванія въ семинаріяхъ могутъ служить и воспитанники университета, да семинаристы и неподготовлены къ изученію физико-математическихъ предметовъ [2]). Какъ бы то нибыло, но, очевидно, было отказано въ средствахъ на устройство физико-математематическаго отдѣленія, и отъ него пришлось отказаться, а брать преподавателей этихъ наукъ изъ университетовъ. Впрочемъ, комитетъ положилъ предоставить епархіальнымъ преосвященнымъ академическихъ городовъ, если они найдутъ необходимымъ и возможнымъ, устройство физико-математическихъ отдѣленій, съ утвержденія св. синода. Также точно разрѣшилъ комитетъ и вопросъ о миссіонерскомъ отдѣленіи въ Казани: предоставлено было войти объ немъ съ осо-

---

[1]) Пр. Об. 1881 г., іюнь—іюль, стр. 368 (изъ писемъ П. С. Казанскаго).

[2]) Въ вышеозначенномъ дѣлѣ канц. об.-пр.—замѣчанія гр. Толстого на проэктъ устава отъ 24-го марта 69 г.

бымъ ходатайствомъ, въ случаѣ нужды и изысканія средствъ. При раздѣленіи наукъ между наставниками комитетъ, желая обезпечить наилучшее преподаваніе, нашелъ нужнымъ увеличить число наставниковъ по сравненію съ своимъ прежнимъ проэктомъ и для каждой науки назначить особаго наставника, за исключеніемъ нравственнаго богословія и педагогики, соединенныхъ вмѣстѣ. Число всѣхъ штатныхъ наставниковъ было увеличено до 30 (8 ордин. пр., 9 экстраорд., 10 доцентовъ и 3 лектора). Наконецъ комитетъ, уступая тѣмъ отзывамъ, которые высказывались противъ излишняго подражанія университетамъ въ организаціи академическаго строя, рѣшилъ не устроять отдѣленія въ видѣ университетскихъ факультетовъ. Поэтому отдѣленскія собранія рѣшено было отмѣнить и подчинить всѣ дѣла одному совѣту; должность декановъ—упразднить, замѣнивъ ихъ помощниками ректора по учебной части, избираемыми наставниками по одному на отдѣленіе. На послѣднихъ возлагались наблюденіе за преподаваніемъ и присутствіе въ правленіе академіи [1]).

На основаніи заключеній комитета поручено было составленіе новой редакціи устава И. Е. Андреевскому и проф. Чистовичу, а объяснительной записки — І. Л. Янышеву [2]). Но прежде чѣмъ новый уставъ вылился въ окончательную форму, ему пришлось претерпѣть еще не мало измѣненій, главнымъ образомъ по части административной. Въ послѣдней инстанціи—въ св. Синодѣ—іерархическая среда подвергла еще разъ строгому искусу комитетскій проэктъ и наложила свое veto на наиболѣе „либеральныя“ его предположенія.

Въ окончательной редакціи академическаго устава 1869 года прежде всего потерпѣли нѣкоторое измѣненіе комитетскія предположенія по части учебной. Именно, группировка предметовъ академическаго курса была сдѣлана нѣсколько иная. Къ общеобязательнымъ предметамъ, кромѣ предположенныхъ въ февральскихъ засѣданіяхъ комитета, были отнесены и остальные философскіе предметы—логика и психологія, а нравственная философія была совсѣмъ исключена изъ академическаго курса. Сообразно съ этимъ уменьшилось количество предметовъ на богословскомъ и богословско-практическомъ отдѣленіи (вслѣдствіе исключенія отсюда логики, психологіи и пр. философіи)

---

[1]) Журналы засѣданій 17 и 21 февраля 69 г.

[2]) Чистовичъ, Спб. ак. 58—88 г., стр. 112.

(§§ 112—114 уст. 69 г.). Уставъ разрѣшалъ (§ 115 уст. 69 г.), съ разрѣшенія Синода, вводить и новые предметы. Количество наставниковъ въ окончательной редакціи устава было сокращено до 29 (9 ордин., 9 экстр. проф., 8 доцентовъ и 3 лектора) (§ 117), и по предметамъ они распредѣлялись такъ. На св. писаніе и библейскую исторію назначалось 3 наставника, на основное богословіе—1, на догм. богословіе—1, на нравственное богословіе и педагогику—1, на сравнительное богословіе—1, на патристику—1, на общую церковную исторію—2, на русскую церковную исторію — 1, на исторію и обличеніе раскола — 1, на пастырское богословіе и гомилетику — 1, на церковную археологію и литургику—1, на церковное право—1, на философію—3, на общую граждан. исторію—2, на рус. гр. исторію — 1, на теорію словесности и исторію рус. литературы—1, на русскій языкъ и славянскія нарѣчія — 1, на евр. языкъ и библ. археологію—1, на греческій, латинскій, французскій, нѣмецкій и англійскій языки—по одному [1]). Точнаго распредѣленія часовъ ученія не устанавливалъ уставъ и въ окончательной редакціи, предоставляя это самой академіи; но онъ однако вводилъ требованіе, чтобы лекцій на первыхъ трехъ курсахъ было не менѣе 18 (часовыхъ), а на четвертомъ курсѣ не менѣе 9 (§ 134). Относительно ученыхъ академическихъ степеней первоначальныя предположенія комитета потерпѣли сильное ограниченіе. За академіями было оставлено только право давать степени кандидата, магистра и доктора богословскихъ наукъ (§ 9 уст. 69 г.) [2]). Такимъ образомъ юридически въ этомъ отношеніи права академіи суживались даже по сравненію съ уставомъ 1814 г.

Весьма важныя измѣненія были сдѣланы и въ административномъ строѣ академій, помимо предположеннаго комитетомъ уничтоженія отдѣленскихъ собраній и званія декановъ. Внѣшняя зависимость академій отъ высшихъ инстанцій и епархіальнаго архіерея была усилена, а права академическаго самоуправленія урѣзаны. Для академіи установлены были ревизіи по назначенію Синода (§ 11), каковыхъ не предполагалъ комитетскій проэктъ 68 года. Епархіальному преосвященному предоставлено было право временнаго устра-

---

[1]) Приложеніе къ § 117 уст. акад. 69 г.

[2]) За такое ограниченіе стоялъ и оберъ-прокуроръ въ своихъ замѣчаніяхъ отъ 24 марта 69 г.

ненія отъ должности виновныхъ служащихъ и представленіе къ увольненію нерадивыхъ профессоровъ (§§ 14—15 уст. 69 г.), а параграфъ проэкта 68 г. о увольненіи преподавателей лишь по вотуму $^2/_3$ голосовъ совѣта былъ исключенъ. Выборное начало по отношенію къ ректору академіи было отмѣнено и замѣнено назначеніемъ Синода, съ соблюденіемъ впрочемъ прежнихъ требованій отъ личности ректора (§ 20). Отмѣнена была и всякая срочность для ректорскаго служенія. По отношенію къ инспектору избраніе было сохранено, но въ инспекторы могъ быть выбранъ только профессоръ, и для того, чтобы избраніе имѣло силу, непремѣнно требовалось согласіе архіерея (§§ 32—34 уст. 69 г.). При замѣщеніи преподавательскихъ каѳедръ, въ случаѣ незамѣщенія ихъ въ теченіи полугода, полагалось административное назначеніе (§ 54). Совѣтъ академіи былъ ограниченъ и въ своемъ составѣ и въ своей компетенціи и, по образцу семинарскаго, получилъ двойственное значеніе Собранія совѣта были раздѣлены на обычныя и общія. Составъ обычныхъ собраній составляли только ректоръ, три его помощника по учебной части, инспекторъ и по два члена отъ каждаго отдѣленія, избираемые отдѣленіями на 4 года изъ профессоровъ (§ 85). Только по важнѣйшимъ вопросамъ совѣтъ долженъ былъ имѣть общія собранія изъ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, съ приглашеніемъ въ случаѣ надобности и остальныхъ преподавателей съ совѣщательнымъ голосомъ (§ 87). Къ предметамъ занятій обыкновенныхъ собраній совѣта, рѣшаемымъ имъ окончательно, были отнесены тѣ-же дѣла, какія были предоставлены рѣшенію совѣта въ проэктѣ 68 года, за исключеніемъ распредѣленія предметовъ и порядка испытаній, перевода и оставленія студентовъ, утвержденія въ степеняхъ кандидата и магистра и званіи дѣйств. студента и утвержденія программъ для конкурсовъ на занятіе вакантныхъ каѳедръ. Къ предметамъ занятій обычнаго состава совѣта, представляемымъ на утвержденіе архіерея, были отнесены дѣла той же рубрики проэкта устава 68 г., за исключеніемъ вопросовъ о мѣрахъ и средствахъ къ усиленію ученой дѣятельности академіи и съ отнесеніемъ сюда дѣлъ о назначеніи времени и порядка производства испытаній. Къ дѣламъ обычнаго совѣта, представляемымъ на утвержденіе Синода, были отнесены теперь только: распоряженіе о вызовѣ воспитанниковъ въ академію, увольненіе въ отпускъ ректора и инспектора на срокъ свыше 29 дней и раз-

смотрѣніе смѣты (§ 86 уст. 69 г.). Кругъ дѣятельности общихъ собраній былъ весьма ограниченъ и самостоятельная компетенція ихъ крайне съужена. Именно, обсужденію и утвержденію самихъ общихъ собраній подлежали слѣдующіе предметы: 1) распредѣленіе предметовъ ученія и порядка ихъ преподаванія во всѣхъ отдѣленіяхъ, 2) переводъ и оставленіе студентовъ, 3) утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго студента и 4) утвержденіе программъ для конкурса при замѣщеніи каѳедръ. На утвержденіе еп. архіерея общія собранія совѣта представляли дѣла: 1) о мѣрахъ и средствахъ къ усиленію ученой дѣятельности академіи, 2) объ утвержденіи въ степеняхъ кандидата и магистра, 3) о избраніи почетныхъ членовъ и 4) о выдачѣ имъ дипломовъ. На усмотрѣніе Синода представлялись рѣшаемыя въ общихъ собраніяхъ дѣла: 1) объ избраніи инспектора и профессоровъ, 2) объ увольненіи и удаленіи этихъ лицъ, 3) объ удостоеніи къ степени доктора, 4) предположенія объ учрежденіи при академіи ученыхъ обществъ, 5) присужденіе премій за ученые труды на предложеныя академіей задачи и 6) составленіе правилъ о срокѣ и порядкѣ испытаній на ученыя степени (§ 88 уст. ак. 69 г.). Вмѣсто уничтоженнымъ отдѣленскихъ собраній уставъ предоставлялъ образовывать въ случаѣ надобности комиссіи въ отдѣленіяхъ, подъ предсѣдательствомъ помощниковъ ректора, для предварительнаго разсмотрѣнія тѣхъ же самыхъ дѣлъ, какія были по проэкту 68 г. предоставлены отдѣленскимъ собраніямъ (§§ 120, 122 уст. 69 г.). Научный цензъ для полученія профессорскаго званія въ концѣ концовъ, согласно съ большинствомъ архіерейскихъ отзывовъ, былъ пониженъ: экстардинарными профессорами дозволено было быть и магистрамъ (§ 46). —Во всемъ остальномъ, за исключеніемъ указанныхъ измѣненій, строй академіи оставленъ былъ такимъ же, какъ то было въ проэктѣ 68 года.

Что касается матеріальнаго обезпеченія академій, то оно вылилось окончательно въ слѣдующія формы. Ординарнымъ профессорамъ было назначено содержаніе по 3000 р. (2400 р. жалов., 300 р. кварт. и 300 р. столов.); экстраординарнымъ по 2000 р. (1600 р. жалов., 200 р. столов. и 200 р. кварт.); доцентамъ по 1200 р. (900 р. жалов., 150 р. столов. и 150 р. кварт.); лекторамъ по 600 р. (480 р. жалов. и 120 р. столовыхъ). По классу должности и соединеннымъ съ тѣмъ правамъ и преимуществамъ преподаватели академій сравнивались съ уни-

верситетскими. На вознагражденіе привать-доцентовъ положено было въ спб. академіи 3000 р., а въ прочихъ по 2000 р. Помощнику инспектора, библіотекарю и эконому, при казенныхъ квартирахъ, назначено по 800 р. Секретарю совѣта и правленія, при квартирѣ, положено 1000 р. Помощнику библіотекаря и помощнику секретаря, при квартирѣ же, назначено по 500 р.; врачу 500 р. Добавочнаго жалованья назначено ректору (при каз. квартирѣ) 1500 р., инспектору (при каз. кв.) 800 р., помощникамъ ректора по 300 р. На библіотеку и періодическія зданія назначено по 1600 р. на академію, на печатаніе протоколовъ и магистерскихъ диссертацій по 3000 р., на канцелярскіе расходы и писцовъ по 850 р. На содержаніе 120 студентовъ назначено въ спб. академіи по 225 р. на каждаго, въ московской—по 180 р., въ кіевской—по 200 р.; въ казанской академіи на 100 студентовъ назначено по 170 р. На содержаніе дома и прислуги положено было въ спб. академіи 12,200 р., въ московской—9000 р., въ кіевской и казанской по 7000 р. На содержаніе больницъ положено въ С.-Петербургѣ—1400 р., въ Москвѣ и Кіевѣ по 1000 р., въ Казани—900 р. На содержаніе церкви ассигновано въ СПБ. и Москвѣ по 300 р. и въ Кіевѣ и Казани по 100 р.; на мелочные и экстраординарные расходы вездѣ по 350 р. Весь штатъ былъ составленъ въ спб. академіи на 114,200 р., въ московской на 104,200 р., въ кіевской—на 104,400 р., въ казанской—на 97,300 р. Общій расходъ на академіи выразился въ цифрѣ 420,100 р. [1]). Стало быть, академическіе штаты превысили на 70 тыс. предположенія комитета 66—67 г. Это превышеніе могло быть покрыто, очевидно, лишь изъ той остальной суммы, какая оставалась за расходами на семинаріи и содержаніе штатныхъ учителей въ училищахъ. Кредиты на пособія духовенству въ содержаніи училищъ должны были, поэтому, сократиться еще больше, чѣмъ разсчитывалъ комитетъ по преобразованію семинарій.

Окончательную редакцію устава академій подписали члены синода—3 митрополита (Исидоръ спб., Иннокентій моск. и Арсеній кіев.), архіеп. Василій, Макарій, Нектарій, протопресвитеры Бажановъ и Рождественскій. 30-го мая 1869 года уставъ получилъ высоч. утвержденіе. Преобразованіе академій рѣшено было произвести въ СПБ-ргѣ и Кіевѣ съ 1869/70 уч.

[1]) Штатъ академій—въ приложеніи къ акад. уставу 69 г.

года, а въ Москвѣ и Казани съ 1870/71 уч. года, сообразно съ окончаніемъ здѣсь старыхъ двухгодичныхъ курсовъ.

Такъ совершилась, наконецъ, и реформа высшаго духовнаго образованія. Какъ видно изъ исторіи ея происхожденія, она явилась во многомъ результатомъ компромиссовъ между двумя противуположными теченіями, которыя въ большей части случаевъ принимали форму антагонизма прогрессивнаго и консервативнаго началъ. Такое происхожденіе академической реформы неизбѣжно должно было отразиться и на ея характерѣ. Борьба двухъ вліяній, при чемъ ни одно окончательно не восторжествовало, наложила свой отпечатокъ на многія стороны новаго устава и нерѣдко лишала его принципіальной цѣльности и послѣдовательности. По той же причинѣ и дефекты стараго академическаго строя оказались устраненными иногда далеко не настолько радикально, какъ то могло бы быть.

По части учебной главными задачами академической реформы было—уничтожить прежнюю многопредметность, сообщить цѣльность и законченность академическому курсу, поднять богословскую науку, повысить научный уровень академическаго преподаванія и академическаго студенчества и ввести лучшіе учебные порядки. Что касается первой цѣли, то она была достигнута въ достаточной степени. Количество предметовъ, изучаемыхъ каждымъ студентомъ, по уставу 1869 г. было почти вдвое меньше, чѣмъ въ протасовское время. Начиная съ средины 40-хъ годовъ учащіеся академіи изучали около 30 предметовъ; а по новому уставу они должны были изучить ихъ только 15—16 (9 общеобязательныхъ и 6—7 отдѣленскихъ). Этимъ объемъ изучаемаго матеріала даже значительно сокращался по сравненію съ планомъ 1814 г., и возвращались, слѣдовательно, и всѣ преимущества такого порядка вещей. Но нельзя сказать, чтобы столь же успѣшно достигались цѣльность и законченность академическаго курса. По плану 69 года курсъ, изучаемый каждымъ студентомъ, не имѣлъ строгаго единства. Законченное образованіе всѣ студенты получали лишь по философскимъ наукамъ; а комбинаціи остальныхъ общеобязательныхъ наукъ съ отдѣленскими и самыхъ отдѣленскихъ предметовъ не составляли выдержаннаго цѣлаго. Къ числу обще-основныхъ богословскихъ предметовъ не было отнесено догматическое богословіе, безъ изученія котораго едва-ли богословское образованіе студента могло быть полнымъ

даже только въ основахъ. Къ богословско-теоретическому отдѣленію была отнесена библейская археологія—наука, имѣющая несравненно болѣе сродства съ историческими, чѣмъ съ отвлеченными дисциплинами, и во всякомъ случаѣ, если имѣющая органическую связь съ какимъ либо другимъ предметомъ, то со св. писаніемъ, которое было общеобязательнымъ; почему же библейскую археологію надо было изучать лишь на богословскомъ отдѣленіи? Къ отдѣленію церковно-практическому были отнесены теорія словесности съ исторіей литературы и русскій языкъ съ славянскими нарѣчіями. Изъ этихъ предметовъ исторія литературы была бы съ неменьшимъ правомъ на мѣстѣ и въ историческомъ отдѣленіи; а русскій языкъ съ славянскими нарѣчіями къ главнымъ наукамъ богословско-практическаго отдѣленія не имѣлъ почти никакого отношенія и попалъ сюда, очевидно, лишь по связи съ словесностью. Впрочемъ, эта нѣкоторая невыдержанность цѣльности отдѣленскихъ курсовъ была въ общемъ незначительна и неизбѣжна. Не размножая безъ нужды числа отдѣленій, нельзя было соблюсти идеальное единство. А въ предѣлахъ возможнаго новый уставъ сдѣлалъ почти все, что отъ него можно было требовать. Онъ осуществилъ задачу спеціализаціи гораздо удачнѣе, чѣмъ какой либо изъ предложенныхъ со стороны проэктовъ, причемъ не надо забывать, что дѣло факультетской организаціи въ академіи осложнялось необходимостью совмѣстить предметы спеціальнаго и общаго образованія. И такъ во имя единства и цѣльности академическаго курса новый уставъ пожертвовалъ физико-математическими науками и миссіонерскими предметами въ казанской академіи; пожертвовать еще чѣмъ либо комитетъ не нашелъ возможнымъ, не нарушая единства соотвѣтствующаго разряда наукъ. Что же касается исключенія изъ академическаго образованія указанныхъ предметовъ, то этотъ шагъ имѣлъ неодинаковую цѣнность, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія на него смотрѣть. Уничтоженіе преподаванія физики и математики въ академіяхъ, съ одной стороны, дѣйствительно, казалось естественнымъ. Связь этихъ предметовъ съ богословіемъ была не близкая, и ихъ положеніе въ академическомъ курсѣ до того времени обусловливалось больше чисто практическими потребностями, чѣмъ нуждами богословскаго образованія. Надлежащей постановки въ академіяхъ физико-математическіе предметы никогда не имѣли и едва-ли могли получить ее. Но практическая потребность въ преподавателяхъ

для семинарій могла быть удовлетворена и другими учебными заведеніями. Поэтому, поскольку комитетъ, отстаивавшій первоначально физико математическое отдѣленіе въ спб. академіи, опирался на практическія соображенія, измѣненіе его предположеній было естественно и имѣло достаточныя основанія. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло, если принять во вниманіе тотъ доводъ въ пользу физико-математическихъ наукъ, который въ комитетѣ отодвигался на задній планъ, именно потребность для высшаго богословскаго образованія въ естественно-научныхъ знаніяхъ въ виду вліянія послѣднихъ на современное общество. Эта потребность была чрезвычайно важной, и особенно въ тотъ моментъ, когда вырабатывался новый академическій уставъ. Распространеніе естественно-научныхъ знаній и увлеченіе естественно-научнымъ міровоззрѣніемъ, начавшіяся въ нашемъ обществѣ со второй половины XIX вѣка, указывали на настоятельную необходимость для богословской науки всегда стоять въ курсѣ успѣховъ естествознанія; иначе невозможна была самая борьба съ антирелигіозными міровоззрѣніями, невозможно было ихъ правильное освѣщеніе и авторитетная защита позиціи богословія при столкновеніи его съ выводами положительной науки. Преподаваніе естественныхъ наукъ въ самой академіи какъ нельзя лучше могло бы удовлетворить эту потребность, потому что обычное знакомство изъ вторыхъ и третьихъ рукъ съ естествознаніемъ рѣдко можетъ идти далѣе неглубокаго диллетантства. Къ сожалѣнію, при академической реформѣ на эту точку зрѣнія мало обратили вниманія, а практическія соображенія справедливо уступили мѣсто другимъ практическимъ же соображеніямъ. Между тѣмъ отзывы преосвященныхъ, почти единодушно защищавшихъ физико-математическія каѳедры въ академіи, стояли большею частью какъ разъ на указанной точкѣ зрѣнія, наиболѣе убѣдительной. Нельзя признать также вполнѣ обоснованнымъ и исключеніе изъ академическаго курса въ Казани миссіонерскихъ предметовъ. Правда, введеніе во всѣхъ академіяхъ единообразной программы объединяло академическое образованіе, сообщало ему большую стройность. Но существованіе миссіонерскихъ каѳедръ въ Казани имѣло за собою опять весьма важную церковную потребность — въ просвѣщенныхъ миссіонерахъ, безъ которыхъ невозможенъ былъ успѣхъ миссіи. Пусть эта потребность была мѣстная; но она была весьма широкая и основывалась къ тому же на давней традиціи. Вопросъ о миссіо-

нерскомъ образованіи нѣсколько десятилѣтій стоялъ на очереди; все время стремились къ его болѣе широкой постановкѣ; а между тѣмъ новый академическій уставъ уничтожалъ, хотя бы даже на время, и тѣ научныя средства, какія существовали.

Устранивъ многопредметность изъ академическаго курса, введя специализацію и увеличивъ преподавательскій персоналъ, новый уставъ тѣмъ самымъ поставилъ богословскую науку въ болѣе благопріятныя условія для развитія и академическому образованію далъ возможность стать на болѣе научную почву. Въ протасовскую эпоху движеніе впередъ академической науки было чрезвычайно затруднено тѣмъ, что профессора не могли быть специалистами-учеными, преподавая по нѣскольку разнородныхъ предметовъ. Обычай переводить преподавателей съ предмета на предметъ и драконовскія условія духовной цензуры довершали неблагопріятную для науки обстановку. Реформа 69 года измѣнила всѣ эти условія. Увеличенная преподавательская корпорація (съ 18—22 до 29 преподавателей), при уменьшенномъ количествѣ предметовъ (вслѣдствіе исключенія физико-математическихъ и миссіонерскихъ предметовъ), дѣлалась корпораціей ученыхъ спеціалистовъ, а не просто преподавателей. Преподавая, за рѣдкими исключеніями, только одинъ предметъ (или даже часть его), каждый академическій наставникъ могъ всецѣло посвятить себя своей наукѣ. Новый административный строй ограждалъ его отъ всякихъ перемѣнъ, помимо его желанія. Уничтоженіе академической цензуры и ослабленіе вообще цензурныхъ строгостей давали возможность труженикамъ богословской науки работать по свой наукѣ безъ прежнихъ опасеній „духовной инквизиціи". А разъ наставники дѣлались учеными—спеціалистами, то академическое преподаваніе несомнѣнно пріобрѣтало болѣе научный харахтеръ, чѣмъ прежде, когда каѳедры занимались не столько учеными, сколько преподавателями. Болѣе ученой постановкѣ самаго учебнаго дѣла способствовали и новыя условія студенческихъ занятій. Изучая небольшое, сравнительно, количество предметовъ, студенты могли изучать ихъ съ научными пріемами; для нихъ не требовалось уже читать популярныя лекціи. Академическое образованіе получало отсюда научную основательность, какой оно еще никогда не имѣло. Отдѣленская спеціализація давала возможность студенту основательно познакомиться со всѣми своими науками и кромѣ того детально изучить нѣсколько излюбленныхъ предметовъ на четвертомъ курсѣ, когда спеціали-

зація становилась еще болѣе узкой. Правда, по количеству учебныхъ часовъ, посвящаемыхъ каждому предмету, академическія науки со времени устава 1869 г. не выиграли, а большею частью проиграли по сравненію и съ уставомъ 1814 г. и съ протасовскимъ росписаніемъ. Уставъ 69 г. не опредѣлялъ количество часовъ; онъ только требовалъ, чтобы количество лекцій (въ каждомъ отдѣленіи вмѣстѣ съ общеобязательными) было въ недѣлю не менѣе 18 на первыхъ трехъ курсахъ, и не менѣе 9 на четвертомъ курсѣ. Естественно, что приблизительно къ этимъ цифрамъ и было назначено количество учебныхъ часовъ академическими совѣтами, при чемъ общее учебное время противъ прежняго сокращалось почти вдвое (прежде 34—36 часовъ въ недѣлю) и на каждый предметъ приходилось сравнительно немного часовъ. Сравнивая, напримѣръ, составленное совѣтомъ спб. академіи расписаніе предметовъ на первыхъ трехъ курсахъ по новому уставу [1]) съ прежними уставными нормами, мы находимъ слѣдующее. На св. писаніе по уставу 1814 года назначалось 8 часовъ, по росписанію 1845 г. 12 часовъ; по росписанію 1871 г. — 8 часовъ. На богословіе основное, догматическое, нравственное, обличительное, ученіе о богослуженіи и каноническое право по уставу 1814 г. назначалось 24 часа, по росписанію 1845 г. 27 часовъ, а по росписанію 1871 г. — 20 часовъ. На библейскую и церковную (общую и русскую) исторію по уставу 1814 г. полагалось 12 часовъ, по росписанію 1845 г. 9 часовъ, по росписанію 1871 г.—16 часовъ. На патристику по росписанію 1845 г. полагалось 6 часовъ, а по росписанію 71 г. — 4 часа. На церковную словесность по уставу 1814 г. назначено было 12 часовъ, по росписанію 1845 г. — 6 часовъ, а по росписанію 1871 г. — 4 часа. На философскіе предметы уставъ 1814 г. назначалъ 20 часовъ, росписаніе 1845 г.—12 часовъ, а росписаніе 71 г.—9 часовъ. На общую словесность уставъ 1814 г. полагалъ 12 часовъ, росписаніе 1845 г. 6 часовъ, а росписаніе 71 г.—4 часа. На гражданскую исторію по уставу 1814 г. назначалось 16 часовъ, по росписанію 1845 г. 9 часовъ, по росписанію 1871 г. 11 часовъ. На греческій языкъ по уставу 1814 г. полагалось 16 часовъ, по росписанію 1845 г.—9 часовъ; на латинскій языкъ по росписанію 1845 г. назначалось

---

[1]) См. въ Журналахъ засѣданій совѣта спб. ак., журналъ 1-го сентября 1871 года.

$7^1/_2$ часовъ; на новые языки по уставу 1814 г. полагалось по 8 часовъ, а по росписанію 1845 г.—по $7^1/_2$ часовъ. По росписанію 1871 г. на новые и древніе языки было назначено по 6 часовъ. На еврейскій языкъ уставъ 1814 г. назначалъ 8 часовъ, росписаніе 45 г.—6 час., а росписаніе 71 г.—7 часовъ. Такимъ образомъ изъ всѣхъ предметовъ нѣсколько выиграла въ лекціонномъ времени только церковная исторія, а всѣ остальные предметы проиграли и иногда весьма значительно. Приблизительно въ томъ же родѣ были составлены расписанія по новому уставу и въ другихъ академіяхъ. Но уменьшеніе лекціоннаго времени отнюдь не означало пониженія въ изученіи самой науки Уставъ 1869 года здѣсь исходилъ изъ того принципа, чтобы предоставить какъ можно больше самодѣятельности студентовъ, признавая, что спеціальное изученіе науки требуетъ не столько слушанія лекцій, сколько собственной работы слушателей, получающихъ отъ профессора лишь руководительныя начала. Изъ тѣхъ же самыхъ соображеній четвертый годъ почти всецѣло предоставлялся на самостоятельныя работы студентамъ. Эта система, при надлежащемъ руководствѣ, обѣщала, дѣйствительно, вырабатывать знающихъ спеціалистовъ, необходимыхъ какъ для богословской науки и церкви, такъ и для преподавательства въ семинаріяхъ. Надлежащій контроль надъ студенческими занятіями уставъ въ свою очередь старался обезпечить разными способами. Онъ ввелъ балльную систему и указалъ примѣнительно къ ней минимальныя требованія. Онъ установилъ новый порядокъ испытаній, гдѣ главный голосъ принадлежалъ спеціалистамъ—профессорамъ. Онъ предъявилъ усиленныя требованія для полученія ученыхъ степеней, примѣнивъ къ академіи соотвѣтствующія статьи университетскаго устава 1863 года, также имѣвшаго въ виду поднять научный уровень студенчества и достоинство ученыхъ званій [1]). Подготовку преподавателей въ семинаріи уставъ въ свою очередь старался еще обезпечить и теоретическимъ изученіемъ педагогики и практически —

[1]) По § 94 уст. унив. 63 г. степень кандидата давалась студентамъ, оказавшимъ отличные успѣхи и представившимъ удовлетворительную диссертацію; неудовлетворившіе же хотя одному изъ этихъ требованій выпускались дѣйствительными студентами. По § 111 уст. унив. для полученія степени магистра требовалось новое устное испытаніе и защита диссертаціи; для полученія степени доктора—защита диссертаціи.

педагогическими занятіями, исправляя этимъ давній недостатокъ въ педагогическомъ образованіи духовныхъ наставниковъ.

Въ организаціи административнаго строя академій комитетъ стремился дать академіямъ наиболѣе широкое самоуправленіе и положить предѣлъ прежнему самовластію начальниковъ самыми радикальными мѣрами, а также обезпечить наилучшую формацію академической корпораціи. Для этихъ цѣлей онъ справедливо нашелъ необходимымъ примѣнить сотвѣтствующіе университетскіе порядки къ академіямъ, полагая, что высшая духовная школа имѣетъ основаніе требовать тѣхъ же автономныхъ правъ, какими пользовалась высшая школа свѣтская. Но, какъ мы видѣли, эта тенденція комитета встрѣтила себѣ наиболѣе сильное противодѣйствіе въ іерархическихъ сферахъ, и въ результатѣ академическое самоуправленіе было въ значительной степени ограничено по сравненію съ первоначальнымъ проэктомъ. Тѣмъ не менѣе многое изъ университетскихъ порядковъ было перенесено въ академію и въ окончательной редакціи устава 69 г. Опредѣленіе отношеній епархіальнаго архіерея къ академіи было почти точной копіей отношеній попечителя учебнаго округа къ университету (§ 26 уст. унив.). Власть ректора академіи были введена въ тѣ самыя границы, какія указывалъ университеській уставъ для ректора университета (§§ 27—36 уст. унив.). Компетенція академическаго совѣта въ первоначальномъ проэктѣ (68 г.) устава была очерчена почти тожественно съ компетенціей университетскаго совѣта (§ 42 уст. унив.), съ тѣмъ лишь существеннымъ ограниченіемъ, что университетскій совѣтъ утверждалъ во всѣхъ ученыхъ степеняхъ, а въ академіяхъ такое право не простиралось на степень доктора. Но въ окончательной редакціи академическаго устава здѣсь права академій были существенно урѣзаны. Составъ академическаго правленія и его компетенція опредѣлялись вполнѣ аналогично составу и компетенціи университетскаго правленія (§§ 50—51 уст. унив.). Проэктированныя комитетомъ отдѣленскія собранія въ академіяхъ и замѣнившія потомъ ихъ отдѣленскія комиссіи были созданы по образцу университетскихъ факультетскихъ собраній (§§ 8—10 уст. унив.). Предполагаемое первоначально избраніе ректора отражало университетскій порядокъ, съ тою разницею, что въ университетѣ избраніе было срочнымъ. Избраніе инспектора академіи было установлено по образцу университетскаго, но

съ различіемъ въ срокѣ (§§ 63—64 уст. унив.). Требованія, предъявляемыя академическимъ уставомъ къ преподавателямъ, повторяли соотвѣтствующія требованія устава университетскаго (§ 68—71), изъ котораго былъ заимствованъ и институтъ приватъ-доцентовъ. Такая зависимость академическаго устава отъ устава университетовъ была, повторяемъ, вполнѣ естественной. Комитету не зачѣмъ было изобрѣтать новыя средства къ обезпеченію самоуправленія высшей духовной школы, когда предъ нимъ былъ университетскій уставъ, удовлетворительно достигавшій этой цѣли. Поэтому совершенно несправедливо было бы и ставить въ упрекъ авторамъ академической реформы ихъ стремленіе перенести въ академію университетскіе порядки. Напротивъ, нельзя не пожалѣть, что академическое самоуправленіе въ результатѣ оказалось все-таки весьма ограниченнымъ. Особенно странно было, что половинѣ профессоровъ отказали даже въ правѣ постоянно участвовать въ совѣтѣ: тутъ уже не видно никакой здравой логики. Стараніе сузить автономныя права богословской школы свидѣтельствовало лишь о старомъ, непонятномъ и обидномъ недовѣріи къ представителямъ богословской науки, къ академическимъ корпораціямъ. При видѣ этихъ стараній невольно на память приходятъ упреки, неоднократно дѣлавшіеся даже министерствомъ народнаго просвѣщенія духовному вѣдомству, въ неподвижности и отсталости... Впрочемъ, какъ ни было ограничено академическое самоуправленіе, новый уставъ дѣлалъ невозможными старые порядки. Академической профессурѣ открывалось ближайшее участіе въ управленіи академіей, власти ректоровъ ставились границы, которыя не позволяли уже ей никогда переходить въ прежнее самовластье, произволъ и усмотрѣніе изгонялись изъ системы управленія, достоинство наставниковъ обезпечивалось и создавались благопріятныя условія для спокойнаго труда ученаго и преподавателя.

Что касается части воспитательной, то важная заслуга новаго устава была въ томъ, что онъ отказался отъ стараго взгляда на академію, какъ на строго закрытое учебное заведеніе съ школьническимъ режимомъ. Двери академіи были открыты теперь не только для ограниченнаго числа избранныхъ начальствомъ семинаристовъ, но и для желающихъ волонтеровъ и для вольнослушателей. Жизнь въ стѣнахъ академіи не дѣлалась обязательнымъ условіемъ для студента; протасовскія нормы были отмѣнены. Поэтому академіи быстро

наполнились такимъ количествомъ слушателей, какого онѣ не видали ни прежде, ни послѣ отмѣны устава 1869 г. Во внутренній строй студенческой жизни новый уставъ совсѣмъ не вмѣшивался. Прежнія детальныя распредѣленія дня и т. п. исчезли со страницъ устава, и выработка организаціи внутренняго режима была всецѣло предоставлена академическому совѣту подъ контролемъ мѣстнаго преосвященнаго. Архаическіе порядки надзора въ видѣ института старшихъ были отмѣнены; напротивъ, теперь уставъ стремился, чтобы органы инспекціи имѣли непремѣнно нравственный авторитетъ среди студентовъ и нравственную связь съ ними. Старая система взысканій, трактовавшая студентовъ, какъ школьниковъ, то-же неизбѣжно исчезла, уступивъ мѣсто болѣе разумному взгляду на учащихся, какъ уже людей взрослыхъ, къ которымъ непримѣнимы пріемы низшей и средней школы.

Въ матеріальномъ отношеніи реформа 1869 года дала академіямъ то, о чемъ онѣ мечтали, какъ о pia desideria. Оклады служащихъ были сравнены съ университетскими; ассигнованія на прочіе расходы были повышены по возможности до соотвѣтствія требованіямъ жизни. Духовная высшая школа была спасена отъ прежней нищеты и выведена на дорогу мирнаго развитія безъ заботы о насущномъ кускѣ хлѣба. Преобразованіе учебное покоилось на прочномъ базисѣ матеріальнаго благосостоянія, болѣе или менѣе обезпечившаго спокойный трудъ дѣятелямъ науки. Въ этомъ такая же великая заслуга реформы 69 г. предъ высшимъ духовнымъ образованіемъ, какъ реформы 67 г. предъ низшей и средней духовной школой. Но все-таки нельзя не замѣтить и здѣсь, что равенство школы духовной со школой свѣтской по матеріальному обезпеченію было только кажущимся, а не дѣйствительнымъ. Оклады преподавателямъ академіи были сравнены съ жалованіемъ преподавателей университетовъ, но отнюдь не со всѣмъ содержаніемъ послѣднихъ. Университетскіе преподаватели имѣли еще добавочные доходы, обезпеченные университетскимъ уставомъ и являющіеся значительнымъ дополненіемъ къ ихъ жалованію. Принимая во вниманіе эти доходы, было назначено и самое жалованье университетскимъ профессорамъ. Именно, въ объяснительной запискѣ министра народнаго просвѣщенія къ проэкту штатовъ университета 63 года говорилось, что по сдѣланному вычисленію, считая семейство профессора состоящимъ съ жены и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, содержаніе его

потребуетъ около 3 тыс. рубл. въ годъ [1]), при условіи, что не будетъ никакихъ экстраординарныхъ расходовъ, какъ то: на дачу, на проѣзды, на пріемъ гостей, на болѣзнь и т. п. Принявъ же во вниманіе эти расходы, говорилъ министръ, надо положить профессору 4000 р.; а чтобы сдѣлать профессорское званіе дѣйствительно привлекательнымъ, слѣдуетъ возвысить жалованіе ординарнаго профессора до 5000 р., а экстраординарнаго до 3500 р. Но по штату полагалось всего по 3 и 2 тысячи. Поэтому, въ видахъ справедливости, положено было дополнять содержаніе профессора изъ платы студентовъ за лекціи [2]). При примѣненіи университетскихъ штатовъ къ академіямъ эти соображенія не были приняты во вниманіе. Академическіе преподаватели должны были довольствоваться только штатнымъ окладомъ и, слѣдовательно, по приведенному вычисленію, имъ, при семьѣ, не полагалось ни болѣть, ни ѣздить, ни принимать гостей и проч. Въ академіяхъ было сочтено за справедливое то, что считалось несправедливымъ въ университетахъ. Первоначально по введеніи въ дѣйствіе штатовъ 69 г. эта несправедливость еще не давала себя знать, потомучто при тогдашнихъ условіяхъ приличное существованіе обезпечивалось и штатными окладами. Но съ постепеннымъ вздорожаніемъ жизни подобная несправедливость стала все болѣе заявлять о себѣ, поставивъ академическихъ наставниковъ снова въ затруднительное экономическое положеніе, которое въ наши дни заявляетъ о себѣ съ разительностью, приближающейся иногда къ положенію дѣлъ до реформы 69 года.

Академической реформой завершилась преобразовательная дѣятельность духовно-учебнаго вѣдомства, начатая еще въ концѣ 50-хъ годовъ. Въ теченіи десяти лѣтъ разрабатывались учебныя преобразованія и закончились полной реорганизаціей духовной школы. Быть можетъ, дѣло реформы подвигалось съ медленностью, возбуждавшей недовольство, особенно въ измученныхъ труженникахъ духовнаго образованія. Но за то конецъ дѣла вознаграждалъ духовную школу за долгое тер-

---

[1]) Именно, 800 р. на квартиру съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, 722 р. на пищу (считая по 25 к. съ человѣка на обѣдъ и по 8 к. на завтракъ и ужинъ), на одежду съ мытьемъ 852 р., на книги 150 р., на уроки дѣтямъ 180 р., на прислугу 332 р.; всего 2942 р.

[2]) См. сборникъ постановлен. по мин. нар. просв. т. III, столб. 981—982.

пѣніе. Реформы 60-хъ годовъ ликвидировали всѣ недостатки прежняго школьнаго строя и поставили духовное образованіе на новую дорогу свободнаго и широкаго развитія. Конечно, и въ этихъ реформахъ неизбѣжны были недочеты; но они были незначительны по сравненію съ достоинствами, и можно смѣло сказать, что духовно-учебныя преобразованія 60-хъ годовъ создали лучшую эпоху жизни духовной школы изъ всей долголѣтней ея исторіи. Обновленный же въ 1808 году школьный строй въ уставахъ 60-хъ годовъ достигъ своего наивысшаго развитія и логическаго завершенія. Поэтому, если съ именемъ импер. Александра I связано начало нынѣшняго духовнаго образованія, то съ именемъ имп. Александра II связана свѣтлая память его расцвѣта и освобожденія отъ многолѣтняго гнета вредныхъ пережитковъ дореформенныхъ традицій XVIII вѣка.

Замѣченныя опечатки, искажающія смыслъ.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
19	снизу 20	соединенныя	соединенная
38	20—21 сверху	соотвѣтствовавши	соотвѣтствовали
	Таблица		
39	Здѣсь количество часовъ въ низшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища по уставу 1814 г. означаетъ число часовъ не въ два года, а ежегодно.		
199	7 снизу	мяса	масла
200	2 сверху	мяса	масла
299	23 сверху	ни	ли